А.Б. ШИРОКОРАД

УТЕРЯННЫЕ ЗЕМЛИ РОССИИ

От Петра I до Гражданской войны

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2006

ББК 63.3(2)
Ш64

Широкорад А.Б.

Ш64 Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны/А.Б. Широкорад. — М: Вече, 2006. — 464 с. — ил.

ISBN 5-9533-1467-1

Книга известного военного историка А.Б. Широкорада рассказывает об утерянных землях России. За тысячелетнюю историю Руси — России — СССР многочисленные завоеватели постоянно стремились отторгнуть те или иные земли нашего государства и даже полностью лишить его независимости. До XX века временно захваченные области возвращались в состав России, и более того, рубежи Отечества постоянно расширялись, особенно на юге и на востоке. Политические потрясения первой четверти XX века привели к утрате многих российских окраин. В 1939—1945 годах И.В. Сталин вернул нашей стране большую часть утерянных земель. Но история тех территорий, которые по различным причинам не были возвращены в состав государства, так и остается неизвестной до сих пор. В книге подробно рассказывается об истории обретения и утраты Аляски (Русской Америки), Финляндии, Царства Польского, Карской области и Желтороссии (Маньчжурии с Харбином и Порт-Артуром).

Даны также интересные очерки об Островной губернии в Эгейском море и о южном побережье Каспия.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-9533-1467-1

© ШирокорадА.Б., 2006
© ООО «Издательский дом Вече», 2006

Раздел I

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ

Глава 1

Вотчина Господина Великого Новгорода

О том, когда Финляндия попала под русское владычество, у историков нет единой точки зрения. На мой взгляд, это формально произошло в лето 6370-го от сотворения мира, то есть в 862 г. от Рождества Христова.

В этом году восточные славяне призвали к себе норманнского конунга Рюрика, известного на Западе как Рёрик Ютландский. А Рюрик, как гласит «Повесть временных лет», привел с собой «всю Русь».

Можно долго спорить о личности Рюрика, хотя я, к примеру, нисколько не сомневаюсь в реальности существования основателя династии русских князей. Однако о русах (руси) упоминают многие византийские и арабские источники. А в финских сказаниях русы именуются рутси (routsi — в переводе «гребцы»). Все авторы-современники называют русами судовые дружины, плававшие по Балтийскому, Черному и Каспийскому морям, а также по Ладоге, Днепру, Волге и другим внутренним водным путям России.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержа-

ли лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

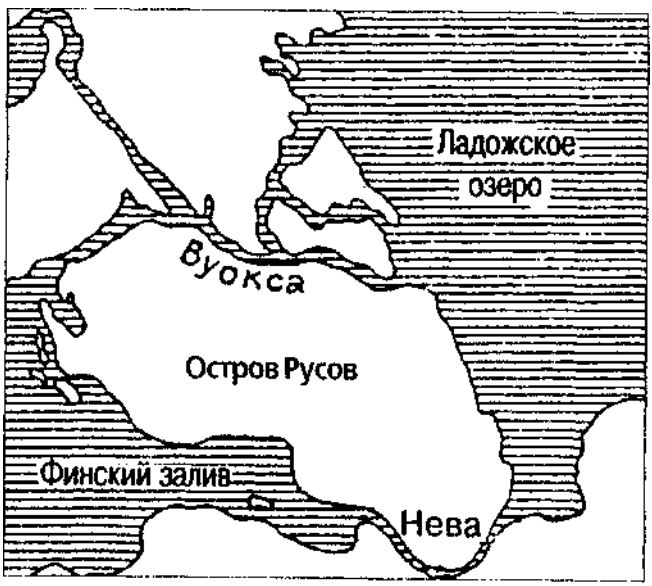
По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Вот такие смешанные отряды византийские авторы называли русами, или русью. После призвания Рюрика постепенно название рус — русь распространилось на все государство[1], подвластное его потомкам — Игорю, Святославу и Владимиру.

В VIII в. русы основали город Ладогу (в настоящее время райцентр Старая Ладога). Чуть позже были основаны Смоленск (первоначально город находился на другом месте, которое сейчас археологи называют Гнездовским городищем), Киев и другие города.

Руси принадлежало и южное побережье Финляндии, и Рюрик принес эти территории «в приданое» славянам. О принадлежности русам всего северного побережья Финского залива свидетельствуют не только скандинавские саги, но и находки археологов. Так, в Южной Финляндии были найдены сотни арабских монет VII —IX вв. Точно такие же монеты найдены в районе Старой Ладоги, Гнез¬довском городище, Киеве и нескольких пунктах на Волге. Наконец, район находок мечей, изготовленных мастерской мастера Ульфберта, — юг Финляндии, Старая Ладога, Гнездово, Киев и некоторые места на Волге.

Ряд историков полагают, что легендарный Остров Русов, воспетый скаль-



Остров Русов

дами, это Карельский перешеек. В те далекие времена он действительно был островом: с запада его омывали воды Финского залива, с севера — протекавшая тогда от нынешних Выборга до Приозерска Вуокса, с востока — Ладожское озеро, а с юга — Нева.

Шло время, жители Новгорода постепенно колонизировали север. В XI—XII вв. они заселили оба берега Невы. При этом новгородцы принципиально не строили больших крепостей на осваиваемых территориях. Ставить крепость — значит там надо держать гарнизон, да еще приглядывать, чтобы комендант крепости, какой-нибудь служилый князь, не стал бы сепаратистом и не отложился бы от Господина Великого Новгорода.

Как писал советский историк А.В. Куза: «Первоначально... Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их корелами постепенно внедрилась новгородская дань»[2].

В XI—XII вв. племена в Финляндии, называемые на Руси емь (тавасты), равно как и карелы, и чудь заволочная, регулярно платили дань Новгороду.

Русская колонизация угро-финских народов принципиально отличалась от немецкой и шведской колонизации. Русскую колонизацию можно назвать мягкой, в отличие от жесткой западной колонизации. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что жесткая колонизация сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей (замков), где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей и принудительно христианизировалось. Туземцев, которые позже отходили от католичества, вешали, жгли на кострах и т.д.

Мягкая колонизация проводилась русскими совсем по-другому. Естественно, у русских были вооруженные столкновения с угро-финскими племенами. Но в целом колонизация происходила мирно. Русские не подавляли туземные племена, а, как сейчас модно говорить, занимали пустующую экологическую нишу. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не делали туземцев своими крепостными или рабами, дань, наложенная на них, была очень мала. Обратим внимание, что новгородцы в XI—XIII вв. принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И наконец, Русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно вяло и только мирными средствами. Да по-другому и быть не могло — в Новгородских землях царила большая веротерпимость, а значительная часть самих новгородцев в XI—XIII вв. была язычниками или полухристианами, то есть поклонялась как Христу, так и Перуну и выполняла обряды обеих религий.

Шведы в XI — начале XII в. эпизодически совершали набеги на Финляндию и Приневье. Слабость экспансии с запада объясняется нестабильностью внутри Швеции, наступившей в 1066 г. после смерти короля Стенкиля. Борьба феодалов за власть усугубилась войной между христианами и язычниками. Относительная стабильность в Швеции наступила примерно к 1160 г.

Шведскому королю Эрику Святому очень нужны были деньги, и посему он счел «своей священнейшей обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но и в странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156-й), сопровождаемый епископом Упсальс¬ким Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра (Aurajoki), и там, где ныне стоит город Або»[3]. Там и была построена первая шведская крепость.

Успех Эрика в значительной степени был обусловлен слабостью обитавшего там финского племени Суомляна (Сумь — по русским летописям). Часть суомлян, подвергшихся внезапному нападению, разбежалась по лесам, а часть подчинилась требованиям завоевателей и приняла крещение. Король Эрик, увидев, что предприятие его не требует особых усилий, на следующий год с большей частью войска возвратился в Швецию, а дело обращения язычников поручил епископу Генриху. Но финны рвения епископа не оценили, и тому пришлось «принять мученический венец» и быть позже причисленному к лику католических святых.

В 1164 г. шведы провели смелый рейд на город Ладогу. 23 мая шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадило город Ладогу. Л адожане сожгли свой посад, а сами с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями и отошли к устью реки Вороной[4] и устроили там укрепленный лагерь.

Через пять дней к лагерю шведов подошел новгородский князь Святослав Ростиславич с посадником Захарием. Атака русского войска оказалась для шведов неожиданностью. Большинство шведов было убито или взято в плен. Из 55 шнек сумели уйти лишь двенадцать.

После этого стычек между шведами и новгородцами не было почти 20 лет. Шведы не рискнули прямо нападать на Русь, но продолжали захват финских земель. Впервые Финляндией заинтересовался и Рим. В 1171 г. папа Александр III отправил буллу архиепископу Упсальскому Стефану и шведскому ярлу Гутторну, где призвал «обуздать язычников корел и ижору».

Новгородцы же были втянуты князьями Рюриковичами в их усобицы и прак-

тически не реагировали на экспансию шведов. Лишь в 1188 г. в Центральную и Северную Финляндию ходили новгородские молодцы с воеводой Вышатой Васильевичем и «пришли домой поздорову, добывши полона». В 1191г. ходили новгородцы вместе с карелами на емь, «землю их повоевали и пожгли, скот перебили». В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на емь в Центральную Финляндию, «землю всю повоевали, полона привели без числа».

Самый сильный удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 г. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. Надо сказать, что у русских, и особенно у карел, были веские основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами ради Господа и святой веры».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы даже не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм. Стокгольм был основан вдовой архиепископа Иона[5] и ярлом Биргером из рода Фолькунгов. (Читатель не должен путать этого Биргера с однофамильцем, противником Александра Невского, этот Биргер умер в 1202 г.)

Почему же поход 1187 г. назван таинственным? Дело в том, что о нем нет никаких упоминании в русских летописях, а все сказанное взято из шведской «Хроники Эрика». При этом и шведские, и отечественные историки[6] считают «Хронику Эрика» вполне достоверной.

А в России сохранилось даже вещественное доказательство похода — врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сиггуны и приделали к входу в новгородский храм Святой Софии. Врата эти и поныне там, а копия их находится в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве.

Итак, русские разрушили до основания вражескую столицу и увезли много ценностей. Так почему же об этом молчат наши летописи? Да потому что летописцы фиксировали буквально каждый шаг наших князей, а походы удалой новгородской вольницы предпочитали не замечать. Так было и потом. Много ли наши летописцы писали о победах ушкуйников над ордынцами?

Обратим внимание, молодцы новгородские оказались не только смелыми воинами, но и опытными мореходами, хорошо знающими шведские шхеры. (Читатели старше 40 лет наверняка помнят, как в шведских шхерах в 1980-х гг. села на мель наша подводная лодка проекта 613). Явно поход 1187 г. был не первым для новгородской вольницы. Обратим внимание и на поддержку, оказанную новгородцам карелами, ижорой и другими угро-финскими племенами в борьбе с емью и шведами. Карелы ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., как об

этом говорит летопись. Согласно финской епископской хронике, в 1198 г. новгородцы совместно с корелой разгромили шведскую колонию Або, которая после этого не могла оправиться 10 лет.

Летом 1240 г. шведы попытались захватить устье реки Невы, но были вдребезги разбиты двадцатилетним князем Александром Ярославичем[7].

В 1249 г. шведский король Эрик созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг»[8] (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов). Командовать войском король поручил Биргеру. Несколько десятков шведских кораблей пересекли Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему и лучше вооруженному шведскому войску. Шведы учинили кровавую бойню. «Всякому, кто подчинился им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и позволяли жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили своих людей. Эта крепость называется Таваста¬борг — беда от нее язычникам!.. .Ту сторону, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»[9]. О том, где находилась крепость Тавастаборг (другое название — Тавастгус), и поныне спорят финские историки. Некоторые считают, что это по сей день существующий средневековый каменный замок в городе Хяменлинна[10]. Однако Хяменлинна не очень похож на «детинец», описанный в летописи: судя по летописи, «детинец» стоял на высокой и крутой горе[11] , в то время как замок в Хяменлинне стоит на небольшой возвышенности, всего на несколько метров возвышающейся над уровнем окружающей местности. К летописному описанию более подходит городище Хакойстен¬линна, расположенное в той же части земли еми, в местности Янаккала. Городище это находится па кругом и высоком скалистом неприступном холме. Отметим, что «Хроника Эрика» признает, что, во-первых, тавасты до шведского вторжения были русскими, точнее новгородскими, подданными, а во-вторых, русские не пытались силой навязывать тавастам (еми) христианство, и они в подавляющем большинстве оставались язычниками.

Вслед за тавастам и шведам удалось покорить племена сумь, жившие на юго-западе Финляндии.

В 1256 г. шведы, датчане и финские племена предприняли поход в Северную Эстляндию и начали восстанавливать крепость Нарву на правом берегу реки. Эта крепость была основана в 1223 г. датским королем Вальдемаром II, но позже разрушена новгородцам и.

Новгородцы в 1256 г. не имели князя, поэтому им пришлось послать гонцов во Владимир за Александром Невским. Зимой 1256/57 г. Александр с дружиной прибыл в Новгород. Собрав новгородские войска, Александр отправился в поход. Как говорит летописец, в войске никто не знал, куда идет князь. Алек-

сандр выбил шведов и К° из Копорья, но далее двинулся не на чудь, как думало все войско и неприятель, а на емь, то есть не в Эстляндию, а в Центральную Финляндию. Как гласит летопись «.. .и бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи». Да, дни зимой в Центральной Финляндии крайне коротки. Несмотря на это, русские побили шведов и подвластных им тавастов и с большой добычей и полоном вернулись домой. Крепость Тавастаборг взята не была, но этот поход Александра надолго отбил у шведов охоту совершать набеги на новгородские земли.

В конце XIII века шведы продолжали грабить купеческие караваны на пути из ганзейских городов в Новгород. Причем они не ограничивались Финским заливом, а периодически заходили в Неву и в Ладожское озеро. Так, согласно Новгородской летописи, в 1283 г. шведские суда прошли Невой в Ладожское озеро и начали грабить новгородцев и «обонежских» купцов. На перехват разбойникам из Ладоги вышли русские суда и побили их.

В следующем, 1284 г. уже большой отряд шведов на лойвах и шнеках[12] под командованием воеводы Трунда вошел в Ладожское озеро и начал грабить прибрежные карельские поселения.

Новгородская дружина под началом посадника Семена Михайловича Смена соединилась с ладожской дружиной под началом посадника Матвея, кстати, сына Семена Михайловича, и двинулась на шведов.

Русские устроили засаду в устье Невы. Когда дружинники Трунда чувствовали себя почти дома, 9 сентября на них внезапно напали новгородцы и ладожане. Уйти удалось совсем немногим. Надо ли говорить, что если бы русскими командовал Даниил Московский, а не новгородский посадник Смен, то в школах бы зубрили на одну, а две Невские битвы — 1240 и 1284 гг. Но, увы, увы...

В 1292 г. молодцы новгородские пошли походом в Емскую землю (Тавастти¬сидию), контролируемую шведами. Согласно новгородскому летописцу, они завоевали всю Емскую землю и с богатой добычей «все здравы» вернулись назад. В том же году 800 шведов вошли на судах в Неву. Далее отряд разделился на две половины: одна часть начала грабить южный берег Невы, а другая — северный. Не дожидаясь прихода новгородцев, ижорцы и карелы сами расправились с грабителями.

В следующем, 1293 г. шведы начинают очередной крестовый поход. Возглавил его фактический правитель страны марскалк (маршал)[13] Торгильс Кнутс¬сон. Время рождения и происхождение его неизвестно. Видимо, он происходил из мелких дворян Вестергетланда (область в Швеции). В 1288 г. Кнутссон был посвящен в рыцари, а в 1289 г. стал марскал ком. В декабре 1290 г умер шведский король Магнус Ладулос[14], оставив трех малолетних сыновей — Биргера, Эрика и Вальдемара. Официально королем был провозглашен Биргер, но до его совершеннолетия власть находилась в руках регентского совета. Фактически же всем распоряжался Кнутссон.

17 мая 1293 г. шведский ледунг (морское ополчение) во главе с Кнутссоном[15] отправился в крестовый поход к берегам Финского залива. Шведы подошли к небольшой русской крепости Выбор у впадения реки Вуоксы в Финский залив. Тут стоит сделать небольшой экскурс в географию. Ладожское озеро в Средние века соединялось с Финским заливом двумя реками — Невой и Вуоксой. Естественно, что самым быстрым и удобным был путь по Неве. На Вуоксе и озерах, через которые пролегал «вуокский путь», было много мелей, подводных камней и т.д. Тем не менее, по «вуокскому пути» купцы ходили еще в VIII—IX вв., что подтверждается в том числе находками арабских монет VII—IX вв.в районе Приозерска. Таким образом, на Карельском перешейке было четыре стратегических пункта, контролировавших коммуникацию Финский залив — Ладога. Это Невское устье и крепость Орешек у истоков Невы, а также место соединения рукава реки Вуоксы с Финским заливом и крепость Корела при впадении Вуоксы в Ладожское озеро.

Шведы то ли штурмом овладели укреплениями Выбора, то ли русские заранее оставили городок, сейчас установить невозможно. Заняв этот стратегический пункт, Кнутссон велел построить каменную крепость на небольшом островке Линнан-Саари (размером всего 1700 на 122 м). Этот островок контролировал речной путь в реку Вуоксу и, соответственно, в Ладожское озеро. Шведы назвали крепость Выборгом.

Замечу, что строили крепость не сами шведы, а сотни или даже тысячи насильно согнанных туда карел. Вестернский епископ Педер Элкви приступил к принудительному крещению карел по католическому обряду.

До прихода Кнутссона все карельские племена были подданными Господина Великого Новгорода. Большинство карел оставалось язычниками, крестились они только по своей воле. Точных данных о числе православных карел нет, но они составляли не менее 20 процентов от общего числа. Новгородская администрация никого не принуждала креститься, но создавала для этого все условия — посылала миссионеров, строила церкви, основывались монастыри, как, например, знаменитый Валаамский монастырь[16].

Был ли Торгильс Кнутссон основателем Выборга — вопрос довольно спорный. Во всяком случае, ни в одном шведском или русском документе XIII — XV вв. нет упоминаний о личном участии Кнутссона в строительстве Выборга и даже о пребывании в нем. Тем не менее, в конце XIX века финские националисты начали прославлять Кнутссона.

Возникает естественный вопрос, почему Великий Новгород допустил, чтобы на его территории в важнейшем стратегическом пункте Карельского перешейка шведы спокойно возводили неприступную каменную крепость? Дело в том, что в 1292 *г.* сын Александра Невского Андрей Городецкий вместе с князем Федором Черным в очередной раз навели татар[17] на Русь. Кстати, православные иерархи поз-

же причислили известного ордынского прихвостня Федора Чермного клику святых[18] . Надо полагать, что Кнутссон затевал свой крестовый поход в 1293 г., хорошо зная ситуацию на Руси. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г отправилось восвояси.

В начале 1294 г. Андрей Городецкий прибыл с дружиной в Новгород, где бояре поведали ему о затее Кнутссона. Андрей 10 марта 1294 г. отправил к «свейскому городу», то есть к Выборгу, князя Романа Глебовича[19], боярина Юрия Мишинича и тысяцкого Андреяна с отрядом новгородцев. Однако отряд был слишком мал. Дело в том, что сам Андрей Городецкий отправился в поход против своего старшего брата Дмитрия Александровича и взял с собой большую часть новгородского войска вместе с посадником.

За шесть недель новгородцы добрались до Выборга и во вторник «на похвальной неделе» пошли на штурм крепости. Но шведы уже основательно подготовились к обороне. Штурм был отбит. При этом смертельную рану стрелой получил знатный новгородец, «добрый муж» Иван Клекачевич.

На следующий день начался разлив талых вод, и подойти к крепости стало невозможно. Кроме того, кони новгородцев страдали от бескормицы. В итоге воеводы решили возвращаться назад.

Шведы, воодушевленные успехом, в конце 1293 — начале 1294 г. покорили все карельские земли («14 погостов»). Шведы взяли город Кексгольм (по-русски — Корела, современный Приозерск), «много язычников было там побито и застрелено в тот самый день». Интересно, что шведы называли язычниками не только язычников-карел, но и православных карел, и даже русских. В Кексгольме был оставлен сильный шведский гарнизон во главе с Сигге Лоне (новгородская летопись называет его «воевода Сиг»). Замечу, что еще около 830 г. на месте Корелы была крепость русов Бярма. Таким образом, шведы полностью взяли под контроль вуокский водный путь из Финского залива в Ладогу.

Вскоре к Кексгольму подошел отряд новгородцев и осадил крепость.

Дальнейшее лаконично описано в летописи: «Новгородцы, придя, крепость разметали, а Сига убили, не выпустив ни человека»[20].

Маршал Кнутссон был взбешен, узнав об уничтожении кексгольмского гарнизона, и решил захватить устье реки Невы. Но поход пришлось отсрочить из-за бракосочетания короля Биргера Магнуссона с Мартой, дочерью датского короля Эрика V.

В начале 1299 г. маршал Кнутссон начал подготовку нового крестового похода на Русь. При этом Рим помогал ему не только морально, по традиции римские папы обещали всем идущим на Восток отпущение грехов и всякие райские блаженства. На сей же раз Бонифаций VIII снял лучших инженеров со строительства своего дворца и замка Святого Ангела в Риме и отправил их в Швецию

строить крепости на землях «русских язычников».

30 мая 1300 г. (в Троицын день) около 50 шведских кораблей покинули Стокгольм. На корабли было посажено 1100 рыцарей[21], командовал ими сам правитель Торгильс Кнутссон. Флотилия вошла в Неву и стала на якорь у слияния рек Невы и Охты. В то время Охта была полноводной рекой, ширина ее в устье составляла не менее 80 м, а глубина позволяла кораблям приставать непосредственно к берегу. Шведские корабли были поставлены в устье Охты «борт к борту и штевень к штевню».

На мысу шведы сразу же начали строить крепость, ее требовалось закончить быстро — к концу лета. Зимовать здесь с флотом Кнутссону явно не улыбалось. В шведской хронике говорится, что между Невой и Охтой был прорыт глубокий ров и заполнен водой, а надо рвом возведена стена с восемью башнями. На берегах обеих рек был и возведены менее мощные фортификационные сооружения. Точных и подробных данных об укреплениях крепости нет. Но, судя по всему, башни и, возможно, часть стен были каменными. Крепость получила название Ландскрона— «Венец Земли». Место крепости было выбрано удачно, недаром в 1611 — 1617 гг шведы на том же самом месте построили крепость Ниеншанц.

С 1869 по 1998 г. на мысе Ландскроны находилась Охтинская (позже Петрозаводская) верфь.

Пока строилась крепость, 800 шведов под командованием некоего Харальда пошли вверх по Неве и попали в Ладожское озеро (шведы называли его Белым озером). Шведы получили сведения, что на одном из островов Ладожского озера разместился отряд новгородцев, готовящийся напасть на Ландскрону. Однако когда шведы отошли от берега на 40 километров, усилился ветер, и на озере поднялось волнение. Шведы едва добрались до берега — Карельского перешейка. Там они вытащили шнеки на берег и занялись привычным делом: стали грабить местных жителей — карел.

Через пять дней, когда ветер стих, Ладога успокоилась, взятые с собой припасы съедены, а вся окружающая местность опустошена и разорена, шведы двинулись в обратный путь к Неве, так и не выполнив своей задачи. Отряд Харальда подошел к истоку Невы и встретил там, на расположенном в истоке Невы Ореховом острове, шведский передовой отряд, видимо ранее посланный сюда из Ландскроны для того, чтобы контролировать вход в Неву. Харальд оставил на Ореховом острове часть своих людей для усиления стоящего здесь отряда, а с остальными вернулся вниз по Неве в Ландскрону.

Вскоре шведский отряд на Ореховом острове заметил на Ладожском озере флотилию русских судов. Шведы утверждали, что в ладьях у русских была тысяча воинов. Шведский отряд не принял боя и ретировался в Ландскрону.

Таким образом, основные шведские силы в Ландскроне был и заранее оповещены о подходе русских и приготовились к бою. Однако вместо русских ладей

шведы увидели плывущие на них по течению Невы большие горящие плоты. Плоты были сделаны из сухих деревьев и были «выше иного дома». Но шведские моряки не растерялись — корабли увели в устье Охты, а вход в устье перекрыли большой сосной, привязанной канатом с обеих сторон, но, по-видимому, какие-то шведские корабли все-таки сгорели. Все же атаку русских брандеров можно считать удачной — шведская флотилия была заперта в Охте и не могла противодействовать подходу русских ладей и высадке с них десанта.

Русское войско прямо с кораблей двинулось на штурм Ландскроны. В бой шло не разношерстное ополчение, какое мы привыкли видеть на картинах художников XIX—XX веков, а профессионалы — «кованая рать». Как гласит шведская хроника: «Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых броней; их шлемы и мечи блистали».

ЕСЛИ шведы на Ореховом острове более-менее правильно оценили численность русского войско, то защитникам Ландскроны со страху показалось, что их атакуют свыше 30 тысяч русских воинов.

Русские стремительно преодолели ров и начали бой на стенах крепости. В этот критический момент две группы рыцарей под началом Матиаса Кетильмундсона и Хенрика фон Кюрна атаковали русских с флангов. После упорного боя обе группы с потерями отошли назад, но штурм был сорван, и русские войска отошли к опушке леса.

Согласно шведской хронике, через некоторое время из Ландскроны выехал совсем еще юный рыцарь Матиус Дротс, вместе с ним ехал переводчик. Толмач подъехал к русскому войску и сказал: «Здесь благородный муж, один из лучших среди нас. Он здесь в полной готовности ждет и хочет побороться с лучшим из вас на жизнь, добро и плен. Как вы видите, он здесь близко. Если кто-нибудь из ваших его одолеет, то он сдастся в плен и пойдет за вами. Если случится, что ваш будет побежден, то и с ним будет то же самое. Больше ему ничего не надо». Русские ответили: «Мы видим, что он здесь и уж очень близко подъехал к нам». Русские переговорили между собой, и князь их сказал: «Если кто-нибудь из вас хочет с ним побороться, то пусть подумает об этом. Мы видим, что он доблестный воин. Я хорошо знаю, что они посылали к нам мужа не из худших. Я уверен, что если кто-нибудь станет с ним биться, то мы получим весть, что ему пришлось плохо». Русские ратники отвечали: «Мы за это не беремся. Здесь никого нет, кто хотел бы с ним биться». Молодой рыцарь стоял и ждал до самой ночи, а затем вернулся к своим.

Тут автор, зная новгородцев, позволит себе усомниться в правдивости хроники. В новгородском войске не мог не найтись какой-нибудь Васька Буслаев, и у юного шведа возникло бы много проблем. Тем более что простодушный автор хроники здесь же замечает, что Матиус Дротс через много лет стал шведским канцлером. А от себя добавлю — факти-

ческим правителем страны при несовершеннолетнем короле Магнусе Эриксоне. Так что Ландскрона вполне могла стать «Малой землей» престарелого канцлера.

Дальше хронист без всякого перехода сообщает, что шведы заключили с русскими перемирие на один день. Возможно, Матиус и ездил с толмачом на переговоры, а хвастливый вызов — это «остроумие на лестнице».

На следующую ночь русские скрытно снялись и ушли. Поход был предпринят одной новгородской дружиной, и для взятия Ландскроны сил явно не хватало.

Шведы тем временем достроили крепость, и в сентябре 1300 г. Кнутссон с основными силами отправился домой. В Ландскроне был оставлен гарнизон — 300 воинов во главе с рыцарем Стеном.

В устье Невы шведским кораблям из-за противного ветра пришлось простоять на якоре несколько дней. Недовольные вынужденным бездействием, Матиас Кетильмундсон и воины его отряда решили зря времени не терять и заняться «полезным» делом. «И они велели свести на землю своих боевых коней», и двинулись в набег по южному побережью Финского залива, по Ижорской и Водской землям. Доблестные воины прошли с огнем и мечом по селениям води и ижоры и «жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся». Как писал И.П. Шаскольский: «Набег не имел никаких политических или религиозных мотивов, шведские воины и не думали принуждать мирное население к повиновению или принятию католической веры; не занимались они даже грабежом (да в бедных крестьянских селениях, наверное, не было такого имущества, которое могло бы заинтересовать заморских пришельцев, — золота, серебра, ценных вещей). Это было разорение ради разорения, ради удовольствия разорять и убивать.

Насладившись убийствами и разорением беззащитного мирного населения, шведские воины вернулись на корабли, и шведский флот двинулся в обратный путь в Швецию, куда он благополучно прибыл в конце сентября 1300 г.»[22].

После неудачи под Ландскроной новгородские власти наконец осознали масштабы шведской угрозы и зимой 1300/01 г. отправили послов во Владимир к великому князю Андрею Александровичу Городецкому, третьему сыну Александра Невского. Тот не заставил себя долго упрашивать и уже в начале весны 1301 г. прибыл с дружиной в Новгород.

На подмогу Новгороду двинулась и рать самого сильного тогда удельного князя Михаила Ярославича Тверского. Однако Андрей Городецкий не стал ждать тверского войска, а быстро двинулся к Ландскроне.

Небольшой русский конный отряд вышел к Неве немного выше Ландскроны, предположительно в районе Литейного моста. Там русские начали рубить лес, чтобы заградить реку надолбами и не дать возможности шведскому флоту прийти на помощь Ландскроне. Отряд рыцарей во главе со Стеном выехал из крепости и попытался воспрепятствовать работе русских. Однако шведы попали в засаду

и с большим трудом вернулись в крепость, при этом сам Стен получил ранение. Заграждение Невы пригодилось — шведский флот так и не пришел на помощь Ландскроне.

Андрей Городецкий, подойдя к Ландскроне, с ходу начал штурм крепости. Как гласит хроника, русские штурмовали Ландскрону днем и ночью. Русским удалось поджечь строения внутри крепости, после чего бой шел уже на стенах и валах. Когда русские овладели крепостью, уцелевшие шведы во главе со Стеном заперлись в погребе (возможно, ошибка хрониста или переводчика, и это была башня), где после недолгого сопротивления сдались.

После взятия Ландскроны возник вопрос: что делать с крепостью? Как уже говорилось, новгородцы принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Поэтому новгородцы сровняли с землей Ландскрону, как сказано в летописи, «град запалиша и разгребоша». Вновь караваны купеческих судов поплыли по Неве в Новгород и в балтийские страны.

Захват шведами Западной Карелии и постройка там ими Выборгского замка вынудили новгородское правительство предпринять энергичные меры по удержанию под своей властью основную часть Карельской земли. Так, в 1310 г. «ходиша новгородци в лодьях и в лоивах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на порозе нов, ветхый сметавше». То есть новгородское войско на судах прошло через реку Волхов в Ладожское озеро в устье реки Узьервы (Вуоксы) в Кореле, разобрало старые, обветшавшие укрепления городского детинца и построило укрепления на новом месте. По данным А.Н. Кирпичникова[23], кексгольмская крепость первоначально находилась у устья реки Вуоксы, и только в 1310 г. местом для возведения новой крепости вместо «ветхой» был избран лежащий у одного из порогов Вуоксы остров, на котором и был построен «Корельский городок».

Новгородцы по-прежнему активно защищали свои владения и торговые коммуникации. В 1311г. новгородское войско на ушкуях вышло в Финский залив. Ими предводительствовал служилый новгородский князь Дмитрий Романович, сын служилого новгородского князя Романа Глебовича, командовавшего войском в 1294 г. в походе на Выборг.

Русская флотилия подошла к финскому побережью в районе Купцкой реки[24]. Ушкуи прошли по реке, и далее по рекам, озерам, а где и волоком добрались до Тавастаборга. Русские три дня осаждали город, но взять не смогли и отступили. Русское войско разорило районы, населенные племенами емь, и захватило большую добычу. Согласно летописи, в одном из боев был убит знатный новгородец Константин Ильин сын Станимировича. Однако в целом потери были невелики, и русский отряд по реке Перне благополучно достиг Финского залива, а оттуда ушел в устье Невы.

В самом начале 1318 г. новгородцы предприняли новый морской поход. На

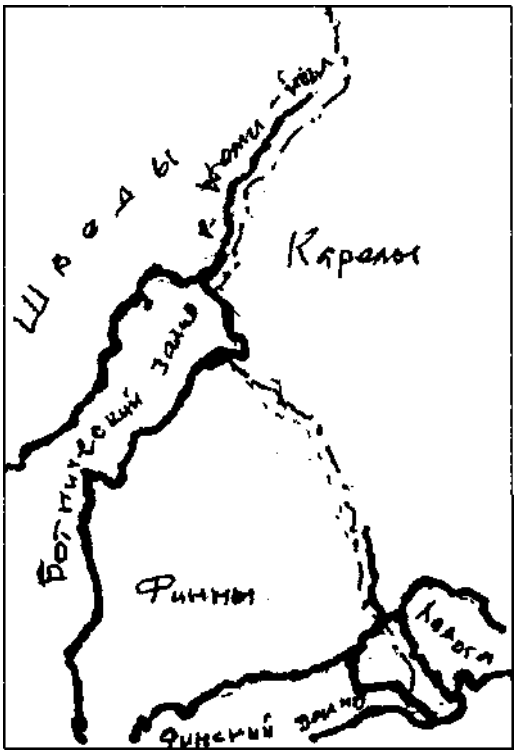
сей раз их ладьи и ушкуи прошли в Або-Аландские шхеры и по Полной реке (Аурайоки) поднялись до города Або (финское название —Турку) —тогдашней столицы Финляндии. 23 мая 1318 г. город был взят и основательно разрушен, в частности был сожжен абовский собор.

Русские захватили собранный за 5 лет со всей Финляндии церковный налог, предназначенный к отправке в Рим. Затем русское войско морским путем благополучно вернулось в устье Невы и, как сказано в летописи, «приидоша в Новгород вси здорови».

В 1322 г. шведские войска из Выборга двинулись к русской крепости Корела, однако взять ее не смогли и вернулись восвояси. Набег шведов на Корелу возмутил новгородцев, и они решили покончить со шведским осиным гнездом — Выборгом. Тем временем в Новгород прибежал московский князь Юрий Данилович, которого хан Узбек лишил титула Великого князя Владимирского, а брат Иван выгнал с московского престола. Понятно, что московской рати у Юрия не было, разве что небольшой отряд дружинников. Тем не менее, власти Новгорода поручают ему командовать войском в походе на Выборг.

12 августа 1322 г. русская флотилия подошла к Выборгу. Предместья города были преданы огню, каменный замок осажден. Шведский гарнизон устроил вылазку, но назад вернулись немногие. Шесть метательных машин русских («пороков») засыпали замок каменными ядрами. Шведы записали в своей хронике: «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборг с великой силой в день святой Клары». Современные финские историки оценивают численность новгородского войска в 22 тысячи человек. Разумеется, это явный перегиб. Со страха шведам бездомный князь показался «великим королем», а русских воинов они видели в три — пять раз больше.

Но, увы, штурм замка, произведенный Юрием 9 октября, не удался. Наступила осень, и близился ледостав на Неве, поэтому Юрий приказал снять осаду. Русское войско с большим полоном вернулось в Новгород.



Фрагмент схемы древней карты представляет нам участок границы, установленной между Русью и Швецией по Ореховецкому договору 1323 г.

В первой половине 1323 г. в устье реки Невы на Ореховом острове в истоке Невы по приказу князя Юрия Даниловича новгородцы построили крепость Орешек.

В июле 1323 г. в новопостроенную крепость прибыли для переговоров шведские «великие послы» Эрик Турессон и Хеминг Эдгислассон со свитой. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам. В качестве наблюдателей, а скорее всего посредников в переговорах приняли участие купцы с острова Готланд Людовик и Фодру. Поскольку Готланд входил в состав Ганзейского союза, послы Готланда должны были представлять интересы Ганзы.

Договор, получивший название Ореховецкий, был подписан 12 августа 1323 г. В его преамбуле приводилось главное содержание договора — заключение обеими сторонами «вечного мира», подкрепленное присягой — «крестным целованием».

Согласно условиям договора, новгородско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке по следующей линии: от устья реки Сестры (Систербека) на побережье Финского залива и оттуда вверх по течению Сестры, вплоть до ее истоков, и далее через болото, откуда брала река Сестра свое начало, до его противоположного конца по водоразделу, вплоть до истока реки Сая, и вниз по руслу до впадения Саи в Вуоксу, а затем по Вуоксе до того пункта, где река делает крутой поворот на север и где расположен гигантский валун — «Солнечный камень».

Таким образом, граница делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла далее до бассейна озера Сайма, а затем до побережья Ботнического залива там, где в него впадает река Пюзайоки. Это была древняя племенная граница между карелами и финнами — сумью (суоми), и она подтверждалась и сохранялась.

За Новгородом оставались промысловые угодья на отошедшей к Швеции территории, так называемые ловища, богатые рыбой, общим числом шесть, куда должны были иметь свободный доступ новгородцы и карелы, и два бобровых ловища.

Любопытно, что в Ореховецком договоре была зафиксирована только юго-западная граница русских владений у Ботнического залива — река Патойоки. Как далеко на север простирались русские приботнические владения, в договоре указано не было. Однако в позднейших источниках имеются сведения, где проходила внешняя (на севере и западе) граница этих владений. Русские считали своими владениями территории, принадлежащие современной Финляндии от реки Похейоки (Pohejoki), а оттуда в западную сторону к мысу Бьюрроклубб на западном берегу Ботнического залива, в приходе Шеллефтео, оттуда к северо-востоку до рек Торнео и Кеми, вверх по реке Кеми до речного мыса Рованьеми. По этим данным видно, что, согласно русской официальной точке зрения, сохранившейся к 1490-м гг., Рус-

ское государство должно было владеть не только Каянской землей — Эстерботнией, но и обоими побережьями северной части Ботнического залива ил и даже обеими областями, прилегавшими к северной части этого залива — Эстерботнией и Вестерботнией. Лишь при заключении Тявзинского мирного договора в 1595 г. Каянская земля (Эстерботния) отошла к Швеции.

Глава 2

Как шведы захватили Неву и как их потом гнали до Стокгольма

В советской исторической литературе укоренился термин «польско-шведская интервенция начала XVII века». По моему же мнению, недопустимо ставить на одну доску Швецию и Польшу, как это делали советские историки, говоря о «польско-шведской интервенции». Можно ли равнять бандита с большой дороги, поджегшего дом с целью грабежа, и недобросовестного пожарного, не сумевшего затушить пламя и позаимствовавшего что-либо на пожаре?

Шведские войска были приглашены в Россию в 1609 г. царем Василием Шуйским для борьбы с Тушинским вором и поддерживавшими его поляками. Увы, большинство наших правителей не обладали стратегическим мышлением. Вместо того чтобы «пускать козла в огород», то есть шведов в страну, которая не признавала власти Москвы, следовало нанести «асимметричный удар» — направить шведов в Лифляндию бить поляков. Кстати, шведы и сами сделают это в 1618 г.

Ошибка царя Василия дорого обошлась России. Шведы захватили Новгород, Старую Руссу, Ладогу и т.д. 27 февраля 1617 г. в селе Столбово на реке Сясь, на 54 км от ее впадения в Ладожское озеро, был заключен Столбовский мирный договор, по которому к Швеции отошли оба берега Невы, а также все остатки финских и карельских земель, которые оставались у России.

Несколько слов стоит сказать о шведском правлении в Финляндии. На захваченных землях были установлены шведские законы и обычаи. Местное население принудительно обращалось в католицизм. Однако в 1525 г. король Густав Ваза вступил в конфликт с Римом. Ссора, как это обычно бывает, началась из-за денег. Густав испытывал большую нужду в деньгах и посягнул на церковную десятину. В итоге в Швеции в 1527—1537 гг. произошла реформация. В 1539 г. было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперин-

тендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства.

Соответственно и всем финнам в добровольно-принудительном порядке пришлось из католиков обратиться в протестантов.

На Финляндию был распространен общий свод законов Швеции, принятый в 1347 г. и обновленный в 1442 г. Шведский язык стал официальным. Финское население облагалось шведскими повинностями. Судьями назначались исключительно этнические шведы. Короли стремились заселить финские города и почти незаселенные районы вдоль границы с Россией шведами, а самих финнов считали «собственностью Бога, короля и шведской короны». В свою очередь за финнами закреплялось право участия в общешведских королевских выборах.

Перед смертью в 1560 *г.* король Густав Ваза передал королевский титул старшему сыну Эрику, а остальным сыновьям дал крупные уделы (герцогства). Юхан получил Финляндию, Магнус — Восточную Готландию, а Карл — Зюдерманландию. При этом все герцоги должны были приносить присягу на верность своему старшему брату, который после смерти отца вступил на престол под именем Эрика XIV.

Так впервые появился термин «герцогство Финляндское». Герцог получил право от имени короля решать все дела Финляндии по своему усмотрению, командовать финскими войсками, отражать нападения, блюсти границу и расширять территорию своих владений.

Финский язык, не имевший письменности, при шведах был языком крестьян и беднейших горожан. Первая книга на финском языке — «Азбука» — была издала в Германии в 1538 г В ней приводился финский алфавит и краткие указания о произношении буквенных обозначений, а также азбучные постулаты христианства. В 1548 г. на финский язык был переведен «Новый Завет».

Герцог Юхан женился на дочери польского короля Сигизмунда I Екатерине и начал проявлять сепаратистские тенденции. В результате Эрик XIV отправил в Финляндию королевские войска. 12 августа 1563 г. Юхан был вынужден сдаться, его заточили в башне Грипсгольского замка. Свободу Юхан получил в 1567 г., а уже в сентябре 1568 г. вместе с братом Карлом сверг Эрика с престола и сам стал королем под именем Юхана III.

Новый король в 1581 г. вновь дал Финляндии статус Великого княжества и прибавил к своему титулу короля Швеции титул великого князя Финляндии. Финляндия снова стала автономной областью Шведского королевства. Юхан утвердил герб Финляндского княжества, существующий и поныне как государственный герб Финляндии. Любопытно, что этот герб символизирует Финляндию как победителя в борьбе Запада с Востоком. Лев держит в лапе меч западного образца и попирает лапами изогнутый меч Востока.

После Столбовского мира увеличилось число шведских дворян, переселившихся в

Финляндию и Ингерманландию, так шведы называли земли, захваченные в 1610—1619 гг. Население Финляндии было поставлено в неравноправное положение по сравнению с населением Швеции. Финляндия выставляла с каждой сотни жителей в два раза больше рекрутов для пополнения армии, чем Швеция. Все административные должности в Финляндии по-прежнему занимали шведы.

Естественно, что Россия не могла оставить свои северные территории в руках шведов. В 1699 г. Петр I принял решение начать войну за возвращение приневских земель и безопасный выход в Балтийское море. Шведская армия, закаленная входе Тридцатилетней войны, была одной из сильнейших в Европе. Поэтому Петр поступил мудро, заключив союз против Карла XII с Речью Посполитой, Саксонией и Данией — давними врагами шведов.

Подробности описания 21-летней Северной войны выходят за рамки нашей работы, и интересующихся я отсылаю к моей книге «Северные войны России». Тут же я лишь кратко упомяну об основных этапах войны.

Петр двинул войска к крепости Нарва и осадил ее. Карл XII высадился с армией в Пернове(с 1917 г. — Пярну) и стремительно атаковал русских. Царская армия 19 ноября 1700 г. потерпела сокрушительное поражение. Карл XII решил, что русским потребуется несколько лет для восстановления своих сил, и сделал главным театром боевых действий Речь Посполитую.

Тем временем русские начали потихоньку выбивать небольшие шведские гарнизоны из Приневья и Эстляндии. Но на основном театре военных действий польские и саксонские войска потерпели ряд поражений. Не помог и ввод русских войск в Речь Посполитую. Карл XII выбил русских из Польши и вторгся на русские территории с запада. В июне 1709 г. под Полтавой и на берегу Днепра у Переволочной погибла вся шведская армия. Карлу XII удалось бежать в Турцию, где он стал почетным пленником. Покинуть турецкие владения король смог лишь 1 октября 1714 г.

Итак, шведы остались без армии и без короля. Почему же Северная война затянулась еще на 12 лет? Официальные царские и советские историки старательно уходили от ответа на этот очевидный вопрос.

К концу 1710 г. русские войска заняли Приневье и Эстляндию. Первоначальные цели войны были достигнуты. Нотуг Петра в очередной раз «занесло», и он решил «ногою твердой встать» в... Германии. Русскую армию понесло в Померанию, а затем в Голштинию. Свои завоевания в Северной Германии царь попытался закрепить серией династических браков своих детей и даже дочерей слабоумного брата Ивана с владетелями германских малых государств.

Подобные действия вызвали законные опасения союзников России — Пруссии, Саксонии и Дании, и в июне 1714 г. русским войскам пришлось убраться восвояси.

А тем временем 13 июня 1710 г. русским войскам сдался Выборг. Падение Выборга предрешило судьбу другой крепости на севере Карельского перешейка — Кексгольма, и 8 сентября шведский гарнизон сдался. Путь в Южную Финляндию был открыт.

Однако из-за германских амбиций царя генеральное наступление русских в Финляндии началось лишь в 1713 г.

Тут стоит сказать несколько слов о географических особенностях Южной Финляндии, которые определяли характер войн как в XVIII, так и в XX в. Северное побережье Финского залива, Аландский архипелаг и побережье Швеции от Эстхамара до Фигехолма представляет собой почти сплошные шхеры. Плавание в шхерных районах —дело весьма трудное, требующее отличного знания местности, так как навигация в шхерах возможна только по строго определенным путям — фарватерам, чрезвычайно извилистым и таящим массу опасностей. Наиболее трудными являются шхерные районы Финляндии и Або-Аландские, несколько легче плавание по шведским шхерам.

Понятно, что до появления паровых двигателей плавание в шхерах больших парусных судов (кораблей и фрегатов) было крайне затруднено, а в отдельных местах вообще невозможно. В результате этого в русско-шведских войнах — 1700-1721 гг. и 1741-1743 гг. - обе стороны имели по два флота: корабельный и гребной, действовавших в подавляющем большинстве случаев независимо друг от друга. Корабельные флоты сражались в открытом море, а гребные — в шхерах.

Таким образом, классическая теория «владения морем» не действовала на Балтике. Большая флотилия русских кораблей не могла перехватить гребные суда, которые могли пройти шхерами из Стокгольма до Выборга и даже до Березовых островов, находящихся рядом с Кронштадтом. На этом маршруте гребным судам приходилось лишь три раза выходить из шхер на 30—40 км в открытое море. Это пролив Седра-Кваркен между шведским берегом и Аланским архипелагом, а также у двух острых, выдающихся в Финский залив полуостровов Ганге и Порккала-Удд. Эти последние два полуострова и были главными стратегическими пунктами в ходе всех войн XVШ-XX вв.

В конце апреля 1713 г. русский галерный флот в составе 204 судов с десантом (16 050 человек) прибыл из Санкт-Петербурга в Кронштлот, где соединился с корабельным флотом (четыре корабля, два фрегата, бомбардирский корабль и две шнявы). 2 мая соединенный флот направился к Гельсингфорсу[25-26]. Корабельный флот, к которому присоединились три корабля и два фрегата из Ревеля, сопровождал галерный флот до Березовых островов, где флоты разошлись. Галерный флот отправился шхерами вдоль берегов Финляндии, а корабельный должен был крейсировать у Выборга.

8 мая галерный флот под командованием Ф.М. Апраксина подошел к Гель-

сингфорсу. На одной из галер плыл сам царь, но он традиционно считался подчиненным Апраксину. Шведских военных кораблей в порту не было. Город был обнесен валом. Перешеек, соединявший полуостров, на котором находился Гельсингфорс, с материком, имел мощные укрепления. Подступы с моря находились в секторе обстрела трех батарей. В городе было две тысячи пехотинцев и триста кавалеристов под командованием генерала Карла Густава Армфельта.

10 мая русские галеры и два прама начали бомбардировку города. Шведские батареи открыли ответный огонь. Артиллерийская дуэль продолжалась всю ночь. На русских галерах была такая большая потеря гребцов, что они с трудом могли отходить от неприятельских батарей для замены убитых людей новыми. В городе начался сильный пожар. На рассвете, когда русский десант успешно высадился на западном берегу залива Седра¬хамн, шведский гарнизон, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, вышел из города по направлению к Бор¬го. В Гельсингфорсе русскими было захвачено четыре пушки.

17 августа русские войска выступили из Гельсингфорса к Або. Сухопутный отряд численностью 10— 12 тысяч человек под командованием М.М. Голицына шел берегом, галерная эскадра под командованием Боциса в составе 29 галер с десантом, всего около четырех тысяч человек, шла к Або шхерами. В Гельсингфорсе остался трехтысячный гарнизон, в Форсё — около одной тысячи человек, команда тыловых транспортов имела около 800 человек.

28 августа русские войска, разбив арьергард шведского войска, заняли Або. Либекер с войском отошел к Тавастгусу (ныне г. Хяменлинна в Финляндии). Эскадра Лиллье, стоявшая у Тверминне, преграждала проход к Або русскому галерному отряду. Это лишало русские войска в Або помощи флота, а также возможности получать продовольствие морским путем.

Невозможность держать крупные силы в Або, затруднения с продовольствием и фуражом, а также опасность быть отрезанными от Гельсингфорса заставили русское командование принять решение отступить на зиму из Або в Гельсингфорс. Сюда же должен был вернуться и галерный флот. В Або был оставлен небольшой гарнизон.

Закончить кампанию 1713 г. планировалось ударом по корпусу Либекера.

В конце сентября русская армия численностью 14—16 тысяч человек пехоты и конницы при 22 пушках под командованием Апраксина подошла к Тавастгусу. Шведы, узнав о приближении русских войск, побросали пушки, которые были в крепости, в воду и отошли от города на 4 мили.

Генерал Армфельт, назначенный вместо Либекера, с 11 -тысячным войском занял сильную позицию у реки Пелкина. Эта позиция прикрывала направление на Васу и угрожала русским сообщениям с Гельсингфорсом. В тактическом отношении позиция шведов, расположенная

между озерами Маллас-Веси и Пелькя¬не-Веси, была недоступна с фронта и хорошо защищена с флангов.

Тем не менее, 6 октября 1713 г. русский корпус под командованием генерал-адъютанта князя М.М. Голицына выбил неприятеля с этой позиции. Уцелевшие шведы отошли в район Васы.

Зимой 1713/14 г. русское командование решило вести активные боевые действия. 7 февраля 1714 г. корпус М.М. Голицына (5588 человек пехоты и 2907 конницы при И полковых пушках) двинулся к городу Васа, где находились войска генерала Армфельта (8 тысяч шведов и 6 тысяч финнов-ополченцев при 8 орудиях).

18 февраля русские войска встретились со шведским авангардом у деревни Квивила в четырех верстах от деревни Лаппола. Главные силы шведов прикрывали дорогу на город Васу у деревни Л ап¬пола. 14 февраля шведы вновь потерпели поражение и бежали. Обоз и артиллерия были захвачены русскими войсками. Шведы потеряли только убитыми 5133 человека и 535 человек пленными. Остатки шведских войск бежали на север Финляндии к Якобштадту.

Переходя к кампании 1714 г., стоит заметить, что климатические условия Балтийского моря работали против русских. Замерзание в Финском заливе шло с востока на запад, а вскрытие льда — в обратном порядке: западная часть залива очищалась в первых числах марта, а в районе Кронштадта — в середине или даже в конце марта. Поэтому шведы могли раньше приходить к ключевым точкам финского побережья — Ганге и Поркка¬ла-Удду.

9 мая 1714 г. галерный флот двинулся «в превосходном порядке и с беспрестанною пальбою из пушек» из Санкт-Петербурга в море. Авангардом командовал корабельный шаутбенахт (контр-адмирал) Петр Михайлов, кордебаталией и одновременно всем флотом — генерал-адмирал Ф.М. Апраксин.

До конца мая галерному флоту пришлось простоять у Березовых островов, поскольку шхерный фарватер от Выборга к Гельсингфорсу был скован льдом. С 11 по 20 июня галерный флот простоял в Гельсингфорсе и только 21 июня двинулся дальше на запад. К вечеру 24 июня галеры вошли в залив у Пой¬кирки — места в глубине шхер, от которого начинается выступ в море полуострова Гангут. Со вспомогательных судов началась выгрузка провианта для Финляндского корпуса М.М. Голицына. Далее идти было нельзя — с 25 апреля у полуострова Гангут стояла шведская эскадра адмирала Г. Ватранга.

В сложившейся ситуации русское командование решило прибегнуть к древнейшему способу — перетащить гребные суда волоком в самом узком месте полуострова Гангут. Кстати, этот перешеек так и назывался по-шведски «драгет», то есть волок, переволока. Финны испокон веку использовали его для переправы волоком малых судов.

В походном журнале генерал-адмирала Ф.М. Апраксина говорится, что 23 июля

«ездили для осмотрения того места, где можно перетаскивать суда». Измеренная длина перешейка, намеченного для строительства волока, составляла 1170 трехаршинных саженей (2527 м). К вечеру того же дня на место постройки были посланы по 100 человек от каждого пехотного полка и по 50 от каждого батальона гвардейских полков.

25 июля на флагманский корабль Ватранга 64-пушечный «Бремен» приплыли четыре местных финна и сообщили, что русские собираются перетащить свои галеры через сделанную ими переволоку из залива к северу от Тверминне за полуостров Гангут. Финны сказали, что уже все готово к перетаскиванию судов и русские уже приступили к выполнению своего плана.

По приказу адмирала к обоим концам переволоки были посланы шведские суда. Залив Норр-фьёрден западнее Гангута изобилует мелями и маленькими островами, и посылать туда большие парусные суда было слишком опасно. Поэтому были отправлены все гребные суда, находившиеся при эскадре Ватранга. В их числе были прам «Элефант» (четырнадцать 12-фунтовых и четыре 3-фунтовые пушки), шесть галер и три шхербота. Командовал отрядом гребных судов контр-адмирал Нильс Эреншельд. Всего на судах его отряда находился 941 человек.

К восточной части переволоки Ватранг направил отряд парусных кораблей под командованием адмирала Лиллье. В составе отряда было восемь кораблей, одна шнява и два бомбардирских судна.

Таким образом, адмиралу Ватрангу удалось сорвать попытку русских перетащить галеры через перешеек. Зато ему пришлось разделить свою эскадру на три части. Теперь в ключевой точке — у оконечности полуострова Гангут — находилось лишь шесть шведских кораблей и один фрегат, и, что хуже всего, у Ватранга не было ни одного крупного гребного судна.

Отряды Эреншельда и Лиллье отправились по местам во второй половине дня 25 июля. Эреншельд в тот же день прибыл на место. А Лиллье добраться до стоявших у Тверминне русских галер помешал наступивший штиль. Собственно, штиль и решил исход операции. Русские решили прорваться под самым берегом оконечности полуострова Гангут мимо эскадры Ватранга. Я пишу «решили», поскольку историки до сих пор спорят (не имея никаких документов), кто предложил идею прорыва. Во всяком случае, если бы идея исходила от царя, об этом бы говорили еще в 1714 г.

В 9 часов утра 26 июля отряд из двадцати русских галер пошел на прорыв. Увидев их, Ватранг приказал спустить шлюпки, чтобы они отбуксировали корабли ближе к берегу. Шведы открыли огонь из пушек, но ядра не доставали до русских галер. В результате двадцать галер под командованием М.Х. Змаевича и М.Я. Волкова, не получив повреждений и не имея потерь в людях, «в шхеры щасливо прошли». За первым отрядом русских галер последовал и второй отряд из 15 галер. Итого мимо шведов 26 июля без потерь прошли 35 галер.

Вечером 26 июля адмирал Ватранг допустил роковую ошибку. Он приказал отбуксировать мористее шведские корабли, подошедшие днем слишком близко к берегу, для перехвата русских галер. Ватранг боялся ночного абордажа русских гребных судов. Эта ошибка дорого обошлась шведам. В четвертом часу утра 27 июля 64 русские галеры в кильватерной колонне пошли на прорыв. С авангардом шел А.А. Вейде, с кордебаталией — Ф.М. Апраксин, замыкал цепь идущих на прорыв галер генерал М.М. Голицын с эскадрой арьергарда. Сам же Петр ни в одном из прорывов лично не участвовал, а позже прибыл к прорвавшимся галерам сухим путем по перешейку.

Шведы вновь попытались отбуксировать свои корабли ближе к берегу, но лишь трем кораблям удалось открыть огонь по русским галерам с предельной дистанции.

С прорывом 99 русских галер отряд Эреншельда, отошедший от места переволоки к Рилакс-фиорду, был отрезан от эскадры адмирала Ватранга. Причем Ватрангдаже при желании не мог помочь Эреншельду, не имея больших гребных судов.

27 июля после обеда к «Элефанту» на шлюпке под белым флагом отправился генерал-адъютант П. И. Ягужинский. Поднявшись на борт прама, он предложил шведскому флагману немедленно спустить флаг, указав на невозможность уйти и «на благоразумие избегнуть пролития христианской крови», обещав при этом Эреншельду и всем его подчиненным хорошее обращение в плену. Ягужинский сказал, что в случае отказа немедленно со стороны русских галер начнется «яростная атака». На что Эреншельд достойно ответил: «Я всю жизнь служил с неизменною верностью своему королю и отечеству и как я до сих пор жил, так и умирать собираюсь, отстаивая их интересы. Царю как от меня, так и от подчиненных моих нечего ждать, кроме сильного отпора, и, ежели он решил нас заполонить, мы еще с ним поспорим за каждый дюйм до последнего вздоха».

После того как ответ Эреншельда был передан Апраксину, он в два часа дня отдал приказ об атаке. 35 русских галер устремились на шведские суда. Из-за тесноты в Рилакс-фиорде непосредственно в абордаже участвовали только 23 галеры. Сам Петр находился на галере, стоявшей вне боевой линии и зоны огня.

Шведы подпустили русские галеры на полупистолетный выстрел (25—35 м) и дали залп из орудий. После второго залпа галеры повернули назад. Согласно шведским источникам, им удалось отбить две атаки, но в ходе третьей русские все-таки абордировали шведские суда. По русским данным, бой продолжался свыше двух часов, что косвенно подтверждает шведскую версию о двух отбитых атаках. Некоторые отечественные авторы считают, что первых двух атак не было, а русские галеры вели артиллерийскую дуэль со шведами, но эти версии более чем неразумны.

Одна за другой были захвачены галеры, последним взят прам «Элефант».

В бою русские потеряли 127 человек убитыми и 342 человека ранеными. У шведов был убит 361 человек и ранено около 350 человек, из них многие очень тяжело. Ко 2 декабря 1714 г. из 580 пленных умерло 200.

Потери шведского флота в Гангутском сражении были сравнительно невелики. Ситуация на море после Гангутского сражения фактические не изменилась, шведы по-прежнему обладали абсолютным превосходством на море, а русские — в шхерах. Самым важным, с военной точки зрения, результатом сражения был прорыв русского гребного флота в Або-Аландский район.

29 июля эскадра Ватранга ушла к берегам Швеции. 1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в сопровождении части галер к Гельсингфорсу и далее в Петербург, основные же силы русского флота под командованием Апраксина направились к Або. 3—4 августа галерный флот прибыл к Або, который заняли без сопротивления. В городке Иштадте русские оставили конные галеры[27] и грузовые суда. Держась восточного берега Ботнического залива, русские галеры в сентябре 1714 г. дошли до города Васа.

Шведский генерал Армфельт, имевший около 6000 человек пехоты и 600 конницы, отступил в район Торнео. Генерал-адмирал не решился преследовать противника.

В конце кампании по указанию Петра был произведен рейд одиннадцати галер к шведским берегам. Эта акция имела, скорее, пропагандистское, а не военное значение. 11 сентября 1714 г. русские галеры под командованием генерал-майора И.М. Головина вышли из района Васы и перешли в самом узком месте Ботнический залив. Кстати, большую часть пути они прошли среди маленьких островов, боясь шведских кораблей. В районе городка Умео была высажена тысяча солдат. Городок взяли без боя. 23 сентября все одиннадцать галер благополучно возвратились в Васу Операция имела цель продемонстрировать населению и правительству Швеции, что отныне их страна оказалась в пределах досягаемости русского оружия.

В 1715 г. в Финляндии русская армия и гребной флот серьезных боевых действий не вели.

В 1716 г. в Финляндии сухопутными войсками под командованием Голицына был взят город Каяненбург, и неприятельские войска были окончательно вытеснены в Швецию. Галерный флот летнюю кампанию 1716 г. простоял у острова Аланд в ожидании десанта в Швецию. В кампанию же 1717 г. галерный флот в Финляндии простоял в базах.

В 1717 г. Петр увлекся дипломатическими интригами, описание которых выходит за рамки этой работы. О них можно лишь сказать — «пустые хлопоты». В 1717 г. активных боевых действий не велось, за исключением того, что русские суда довольно активно занимались каперством в Балтийском море.

С мая 1718 по весну 1719 г. шли мирные переговоры со шведами, и боевые

действия практически не велись. Однако 30 ноября (11 декабря) 1718 г. в Норвегии под крепостью Фредриксхаль Карл XII погиб. По одной версии он был убит датской пулей, по другой — застрелен шведскими заговорщиками. Карл XII не имел детей. Ближайшим наследником был сын его старшей сестры Карл Фридрих, герцог Голштинский, находившийся в войске при дяде во время смерти последнего. Однако шведский ригсдаг фактически произвел государственный переворот и избрал королевой младшую сестру Карла XII Ульрику-Элеонору. По приказу королевы Элеоноры шведские представители на переговорах начали тянуть время, надеясь на вмешательство Англии.

В такой ситуации Петр решил применить силу. В июле 1719 г. галерный флот в составе 132 галер и 100 островных лодок, на которые было посажено 26 тысяч солдат, вышел из Або, прошел Аландский пролив и высадил десант на шведский берег. Командовал галерным флотом генерал-адмирал Апраксин. Русский корабельный флот прикрывал галеры с моря.

Высадившись, русские войска действовали на побережье от городка Гефле на севере и Норчёпинг на юге. Русскими было сожжено 135 деревень, 40 мельниц, 16 магазинов (складов) и два города — Остаммер и Орегрунд. Было разгромлено девять металлургических заводов.

Казачий отряд был высажен в городке Ваксгольм всего в десяти верстах от Стокгольма. Добыча, полученная русскими, оценивалась более чем в миллион талеров, а ущерб, нанесенный Швеции, — в двенадцать миллионов талеров. Казаки были в полутора милях от Стокгольма. В надежде на впечатление, произведенное походом, Петр отправил в Швецию А.И. Остермана за решительным ответом. 10 июля Остерман отправился в Стокгольм под белым флагом и вернулся с грамотой, в которой королева предлагала Петру Нарву, Ревель и Эстляндию, но требовала возвращения Финляндии и Лифляндии.

Зимой 1719/20 г. Петр I решил провести ряд диверсий против Швеции. Участвовать в них должны были несколько казацких отрядов, которым надо было перейти по льду Ботнический залив из Васы в Умео и разорить там окрестности. Но из-за теплой зимы и слабого льда в Ботническом заливе операция была отменена.

В конце апреля 1720 г. русский галерный флот вышел из Або и направился к западным островам Аландского архипелага. В его составе было 105 галер (из них 19 конных), 110 островных лодок[28] и 8 бригантин. На гребных судах находился десант (24 119 человек).

24 октября от галерного флота отделился отряд бригадира Менгдена в составе 35 галер (в том числе 9 конных). На галерах находилось 6120 солдат пехотных полков и 162 казака. Пройдя шхерам и до Васы, этот отряд пересек Ботнический залив и приблизился к побережью Швеции в районе городов Старый и Новый Умео. Менгден высадил конных казаков, произвел разведку побережья и, углубив-

шись более чем на 30 км, разорил шведские магазины и захватил торговые суда. 8 мая его отряд благополучно вернулся в Васу.

20 июля 1720 г. в Гренгамском сражении русские галеры взяли на абордаж четыре шведских фрегата. На этом и закончилась кампания 1720 г.

31 марта (10 апреля) 1721 г. начались мирные переговоры в городе Ништадте (ныне город Усикаупунки). Однако шведы продолжали упрямиться. Они по-прежнему надеялись на Англию. И действительно, 13 (24) апреля 1721 г. английский флот из 25 кораблей и четырех фрегатов под командованием адмирала Норриса отправился на Балтику. В конце апреля флот прошел мимо Копенгагена и встал у острова Борнхольм.

Из-за присутствия британского флота Петр решил отправить к берегам Швеции только часть галерного флота под командованием П.П. Ласси. Отряд Ласси состоял из 30 галер, 9 островных лодок, 33 шлюпок и одного бота, на борту судов находилось 5 тысяч солдат пехотных полков и 450 казаков. Корабельный же флот занял оборонительное положение. Шесть кораблей находились в Ревеле, а остальные — у острова Котлин.

Отряд Ласси пересек Ботнический залив у Аландских островов и 17 (28) мая произвел высадку десанта в 2 км севернее крепости Евле. Шведы немедленно отступили. Затем русские суда прошлись вдоль всего шведского побережья Ботнического залива до северного города Питео. Солдаты и особенно казаки Ласси славно погуляли по шведскому побережью. В шведских водах русские галеры захватили и уничтожили 40 шведских каботажных судов. Были разрушены один оружейный и двенадцать железообрабатывающих заводов, сожжены три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 крестьянскими дворами.

Погром, произведенный отрядом Ласси, стал последней каплей, принудившей Швецию закончить непосильную для нее борьбу, и 30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор.

В части границдоговор предусматривал следующее:

Швеция уступала России на вечные времена завоеванные русским оружием провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгской губернией, включая не только материковую часть, но и острова Балтийского моря, в том числе Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Муху, а также все острова Финского залива. К России отходила и часть Кексгольмского округа (Западная Карелия).

Устанавливалась новая линия русско-шведской государственной границы, которая начиналась западнее Выборга и шла оттуда в северо-восточном направлении по прямой линии до старой русско-шведской границы, существовавшей до Столбовского мира. В Лапландии русско-шведская граница сохранялась неизменной.

В ходе 21-летней Великой Северной войны Петру Великому удалось вернуть

России земли, которые принадлежали ее князьям еще в IX—XI вв., и добиться выхода к морю. Петр поистине «прорубил окно» в Европу. На Балтике появился мощный русский флот.

Тем не менее, у Ништадтского мира был и серьезный изъян — Петр, торопясь заключить мир, согласился на границу в 120 верстах от новой столицы — Санкт-Петербурга. Поскольку шведская аристократия не смирилась с поражением в войне и мечтала о реванше, такая граница у Выборга становилась источником нестабильности и постоянной головной боли русского правительства.

Что же касается Финляндии, то, как видим, она почти 8 лет провела под властью русских. Петр не собирался присоединять Финляндию к своей державе, и там действовала только русская военная администрация. Войскам строжайше запрещалось грабить и оскорблять местное население.

При русских в Финляндии быстро восстанавливалась мирная жизнь, расцвела торговля. Впервые была учреждена регулярная почта и приведен в действие почтовый тракт. Вновь открылись традиционные финские ярмарки. Была восстановлена лоцманская часть, поскольку плавание в шхерах являлось основным видом сообщений. По всей Финляндии разрешалось хождение как русских, так и шведских денег. На финское население была наложена контрибуция в виде хлебной и денежной повинностей, она шла на содержание русских войск. Но размер этой повинности был таким же, как и при шведском правлении. Естественно, что этого не хватало, и значительную часть продовольствия и фуража для армии приходилось возить из России.

После восстановления шведской власти права населения Финляндии были еще больше урезаны. Шведские власти стали жестче проводить ассимиляцию финнов.

Глава 3

Войны милых дам

Основной причиной войны 1741 — 1743 гг. было стремление правящих кругов Швеции к реваншу за Северную войну 1700—1721 гг. Боюсь, читатель поморщится от казенного советского стиля этой фразы. Но, увы, это на сто процентов соответствует действительности. До 1700 г. доходы шведского королевского дома и аристократии с Финляндии, Прибалтики и шведских территорий в Германии были гораздо больше, чем непосредственно со Швеции. Кроме того, собственное сельское хозяйство не могло прокормить население Швеции, и волей-неволей приходилось закупать зерно и другие сельхозпродукты в утерянных землях.

Однако шведское правительство понимало, что новая война один на один с Россией может закончиться для Швеции катастрофой. Войну можно было начать лишь в коалиции с могущественными союзниками либо дождаться внутренних потрясений в России, которые подорвут ее военную мощь.

В 1731 г между Австрией, Голландией и Англией был заключен Венский договор, направленный против Франции. В свою очередь правительство Людовика XV срочно начало искать союзников. В результате этого Швеция и Турция оказались в сфере французского влияния. Склонялась к союзу с Францией и Пруссия.

Русско-турецкая война 1735—1739 гг. давала шансы на реализацию шведского реванша. Однако в самой Швеции не было единства в вопросе о войне.

Швеция начала переговоры с Турцией о заключении военного союза против России. В ответ императрица Анна Иоанновна запретила вывоз хлеба в Швецию из русских портов.

17 октября 1740 г. императрица Анна Иоанновна скончалась в возрасте 46 лет. На следующий день, 18 октября, столица присягнула новому императору — младенцу Ивану Антоновичу. Он был сыном герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского и Анны Леопольдовны, внучки слабоумного царя Ивана Алексеевича. Однако согласно завещанию Анны Иоанновны регентом при императоре стал немец Бирон.

В ночь с 7 на 8 ноября 1740 г. генерал-фельдмаршал Миних с ведома Антона Ульриха и Анны Леопольдовны поднял по тревоге 80 гвардейцев и совершил государственный переворот. Бирон и десяток его сторонников были арестованы. В ходе переворота не было пролито ни капли крови, если не считать кулачного боя между Бироном и арестовывавшими его гвардейцами.

Теперь Анна Леопольдовна получила неограниченную власть и стала именовать себя «правительницей российской», младенец же Иван по-прежнему числился императором Иваном VI. Что же касается Антона Ульриха, то он представлял собой полнейшее ничтожество и давным-давно не имел интимных отношений с женой. Будучи генералиссимусом, он не играл никакой роли ни в военных, ни в гражданских делах.

Двадцатидвухлетняя Анна Леопольдовна была глупа и почти все время валялась в огромной постели, читая душещипательные романы. Впрочем, в постели она никогда не бывала одна. Там постоянно находилась ее любимая фрейлина Юлиана фон Менгден. Некоторые высоконравственные дореволюционные историки писали о возвышенной дружбе двух этих дам. А безнравственные современники не стеснялись их называть лесбиянками.

Развал системы управления в стране не был секретом ни для русских, ни для иностранных дипломатов в Петербурге. И те и другие прекрасно понимали, что хаосу в верхах скоро придет конец.

Наиболее реальной претенденткой на русский престол была Елизавета Петров-

на. За 16 лет офицерство, чиновники, да и просто обыватели устали от немецкой ????, правившей от имени ничтожных и нелегитимных монархов. Жестокие и нелепые указы Петра I были напрочь забыты, и все вспоминал и только его победы и достижения. В дочери Петра все видели возрождение Великой России и освобождение от ненавистных немцев. О незаконности ее рождения, теперь, в 1740—1741 гг., никто не вспоминал.

После смерти Анны Иоанновны в Петербурге стали зреть сразу два заговора в пользу Елизаветы. Один — спонтанный, снизу среди солдат и младших офицеров гвардейских полков. Другой же заговор готовился послом Франции Иахимом-Жаком де ля Шетарди и послом Швеции Эриком Нолькеном. Причем если Шетарди вступил в контакт с Елизаветой по прямому указанию своего правительства, то Нолькен действовал в основном в инициативном порядке. В инструкции Шетарди, данной ему кардиналом де Флёри, Елизавета была указана как единственное лицо, в пользу которого нужно было действовать для свержения немецкого правительства и для оттеснения России обратно на восток. Посредником между дипломатами и Елизаветой стал ее личный врач Иоганн Лесток, француз по происхождению.

Франция предложила Швеции полностью оплатить все издержки в войне с Россией. Шетарди потребовал от Елизаветы Петровны подписать обращение к русским войскам в Финляндии не сопротивляться шведам, а также дать письменные гарантии территориальных уступок шведскому королю. У Елизаветы хватило ума отвертеться от письменных обязательств, на словах-то она была на все согласна, а взамен просила 100 тысяч рублей.

Посол Нолькен выдал требуемую сумму. Сколько выплатил Шетарди —точно не установлено. Известно, к примеру, что в сентябре 1741 г. он выдал ей 2 тысячи золотых. Деньги Швеции и Франции были использованы как на подкуп гвардейцев, так и на оплату долгов Елизаветы, выражавшихся в десятках тысяч рублей.

Посол Нолькен сообщил в Стокгольм, что Россия на грани государственного переворота, что войска не будут сражаться за Анну Леопольдовну и т.д. В Стокгольме сделали вывод, что достаточно одного только вида шведских войск, чтобы власть Анны Леопольдовны и немцев рухнула, а новая императрица в благодарность за помощь щедро наделила бы шведского короля русскими землями.

28 июля 1741 г. шведский король объявил России войну. Главным театром военных действий стала Финляндия. Начальником шведского войска в Финляндии был назначен граф Левенгаупт, сеймовый маршал, самый популярный в это время человек в Швеции. Маршал собирался осень встретить в Петербурге.

Однако 23 сентября 1741 г. шведы были наголову разбиты у Вильманстранда (немного севернее Карельского перешейка). Но тут русский командующий фельдмаршал П.П.Ласси 25 августа приказал совершенно разрушить город

Вильманстранд, а жителей вывезти в Россию. Сам же он с армией двинулся... к русской границе и вернулся в лагерь, который он покинул неделю назад. Анна Леопольдовна и ее окружение выразили неудовлетворение подобным маневром, но вынуждены были довольствоваться отписками Ласси. На этом кампания 1741 г. в Финляндии закончилась.

В ночь на 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна подняла роту Преображенского полка и захватила Зимний дворец. Елизавета отправилась во внутренние помещения дворца, не встречая сопротивления караульных. Войдя в комнату правительницы, которая спала вместе с фрейлиной фон Менгден, Елизавета сказала ей: «Сестрица, пора вставать!» Анна Леопольдовна, проснувшись, удивилась: «Как, это вы, сударыня?!» Увидев за спиной Елизаветы гренадер, она догадалась, в чем дело и стала умолять цесаревну не делать зла ни ее детям, ни девице Менгден, с которой бы ей не хотелось разлучаться. Елизавета обещала Анне все это, посадила ее в сани и отвезла в свой дворец, за ними в других санях отвезли туда же маленького Ивана Антоновича.

Утром был издан краткий манифест о восшествии на престол Елизаветы Петровны.

11 января 1742 г. Шетарди лично прочел Елизавете требования французского короля о территориальных уступках Швеции. Елизавета вежливо, но категорически отказала.

К началу июня 1742 г. у Ласси в Финляндии была 36-тысячная армия. 7 июня русские выступили из-под Выборга и двинулись вдоль Финского залива, чтобы иметь возможность получать морем продовольствие и боеприпасы.

13 июня Ласси получил сведения о сосредоточении шведских войск (19 пехотных и 7 конных полков) на сильно укрепленной позиции в районе Мендолакса. 20 июня русская армия вышла к рубежу реки Вираоки. Здесь были оставлены обозы и лишние тяжести. Взяв с собой продовольствие на десять дней и боеприпасы, русские войска продолжали наступление. К 25 июня они, преодолев труднопроходимую местность, приблизились к Мендолаксу. С фронта позиция шведских войск была недоступна, ас флангов к ней вела только узкая дорога. Несмотря на это, Ласси решил атаковать противника. Но как только русские войска перешли в наступление, шведы оставили свои позиции и отошли в Фридрихсгам. Главные же силы шведов сосредоточились в лагере при Сумме. Вслед за отступающим противником к Фридрихсгаму подошли русские войска. Как только шведам стали известны намерения Ласси, Левенгаупт поспешно отошел к Гельсингфорсу. Отступающие шведы сожгли Фридрихсгам.

2 июля Ласси получил из Петербурга приказ: если шведы отойдут за реку Кюмень, не двигаться дальше и остановиться здесь, а главные силы отвести на зимние квартиры к Фридрихсгаму. Но военный совет решил продолжать движение к Гельсингфорсу. Это решение Ласси мотивировал тем, что противнику надо нанести решительное поражение и заста-

вить финские полки прекратить сопротивление и оставить шведскую армию при подходе русских войск.

В то же время отряд князя Мещерского вышел из Кексгольма и, двинувшись на север, без боя занял город Нейшлот. Далее Мещерский пошел на запад параллельно берегу Финского залива в 70—80 верстах от него. Вскоре его отряд занял город Тавастгус.

В августе армия Ласси окружила шведские войска у Гельсингфорса. Теперь шведская армия могла получать подкрепления только морем. Но и эта связь скоро прекратилась, так как шведский флот из-за начавшейся эпидемии ушел из Гельсингфорса в Карлскрону, а эскадра Мишукова заперла шведскую армию с моря.

В Гельсингфорсе было заперто 17 тысяч шведов, русских же было там не более 17,5 тысячи. Тем не менее, 24 августа командующий армией генерал Буснет капитулировал. За несколько дней до этого генералы Левенгаупт и Будденброк оставили армию и бежали в Стокгольм «для отчета сейму о своих действиях». По условиям капитуляции шведским военнослужащим было разрешено убыть в Швецию с личным оружием, полковая и крепостная артиллерия шведов (90 орудий) доставалась русским. Финны, служившие в шведской армии, отказались ехать в Швецию и были распущены по домам. Вскоре войска Ласси и Мещерского соединились в городе Або.

Корабельные флоты обеих стран на Балтике в 1741 — 1742 гг. действовали довольно пассивно, хотя в целом превосходство было на стороне русских.

В кампанию 1742 г. русский галерный флот предпринял активные действия — совершил несколько набегов на Аландские острова и прошелся вдоль всего финского побережья Ботнического залива до города Васа.

В январе 1743 г. в городе Або, захваченном русскими войсками, начались переговоры о мире.

Шведские войска были выбиты из Финляндии, и у командования русских войск возникло естественное желание не пускать туда впредь шведов. 22 февраля 1743 г. Елизавета Петровна велела подать мнение об условиях мира со Швецией высшим военачальникам и чиновникам империи. Фельдмаршал князь Трубецкой заявил, что надо всеми силами удержать всю Финляндию: «Возвратить ее Шведской короне ни по каким правильным причинам невозможно, ибо в противном случае не только всему свету подастся повод рассуждать не к пользе и не к славе оружия ее величества, но и для благополучия и безопасности Российской империи весьма надлежит, чтоб граница была отдалена, ибо опасность от близкой границы нынешняя война доказала; наконец, обыватели финляндские, видя, что их страну возвратили шведам, в другой раз будут противиться всеми силами русским войскам». Как видим, мнение было весьма логично. Его поддержал вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин, предложив заключить мир на условиях «uti possidetis» («кто чем владеет») и лишь в

крайнем случае присоединить к России районы Або и Гельсингфорса, а на остальных финских землях создать независимое нейтральное государство. По мнению фельдмаршала Ласси, адмирала Головина и других, нужно было бы отдать шведам лишь северные районы Финляндии, а остальные присоединить к империи.

Но каприз Елизаветы, которому успешно подыгрывали шведы, оказался сильнее мнения опытных полководцев и политиков. Дело в том, что король Швеции Фредерик I не имел детей, и шведский риксдаг был сильно озабочен поисками наследника престола. Ряд шведских аристократов предложили избрать наследником шведского престола любек¬ского епископа Адольфа Фридриха Гол¬штинского. Елизавета пришла в восторг от этой идеи. Во-первых, Адольф был двоюродным дядей юному Карлу Петру Ульриху Голштинскому[29], которого Елизавета назначила своим наследником. Кстати, детские годы он провел у Адольфа в Любеке. Во-вторых, Адольф был родным братом Карла Августа, который был женихом самой Елизаветы, но умер в июне 1727 г. в Петербурге незадолго до венчания. Нетрудно догадаться, какое впечатление произвела смерть красавца-принца на его семнадцатилетнюю невесту. Елизавета помнила жениха всю жизнь. И тут появилась возможность помочь его родному брату. Разумеется, 33-летняя Елизавета уже не была наивна и сентиментальна, но... кто из нас порой не обольщается! И Елизавета всерьез поверила, что Адольф, взойдя на престол, будет если не другом, то, по крайней мере, ее союзником.

Шведские же уполномоченные объявили Румянцеву и Любрасу, что епископ Любекский изберется наследником престола только на определенных условиях, как-то: Россия возвратит Швеции все завоеванное, заключит с ней оборонительный и наступательный союз, ибо в случае выбора епископа Любекского война с Данией неизбежна. Дело в том, что датский король Кристиан VI норовил пролезть в наследники шведского престола.

В ответ на подобные предложения шведов Румянцев ответил, что в деле наследства они вольны поступать как хотят, но только императрица никогда всей Финляндии им не возвратит, а если шведы будут упрямиться, то русская делегация покинет Або.

Но при дворе Елизаветы сформировалась партия сторонников Адольфа. Видную роль среди них играли Брюмер — гофмаршал наследника Петра, лейб-медик Лесток, тайный советник Бреверн и др. О таких Румянцев писал в Петербург Бестужеву, что им «в том нужды нет, хотя бы мы и Новгород отдали, только бы его герцог королем избран был».

23 июня 1743 г. король Фредерик и риксдаг единогласно избрали «коронным наследником» принца Адольфа Фридриха.

7 августа 1743 г. в Або был подписан окончательный мирный договор. Согласно Абоскому миру, к России отходили Кюменегорская губерния, то есть бассейн реки Кюмийоки с городами Фридрихсгам

и Вильманстранд, а также город Нейшлот (по-фински Олавилинна) из провинции Саволакс. Русско-шведская граница, начиная от побережья Финского залива, шла с этих пор прямо на север по руслу реки Кюмийоки, а затем по ее первому притоку слева и по границам бассейна реки Кюмийоки на востоке вплоть до города Нейшлота в Саволаксе, а оттуда по старой русско-шведской границе.

Через 45 лет, летом 1788 г. взбалмошный шведский король Густав III объявил войну России. Король надеялся на то, что Россия, занятая войной с Турцией и противопартизанскими действиями в Польше, не сможет оказать сильное сопротивление. Шведский король предъявил России ультиматум: наказать графа Разумовского (русского посла), отдать шведам земли в Финляндии, отошедшие России по договорам 1721 и 1743 гг., а также всю Карелию, турецкому султану вернуть Крым и заключить мир с Турцией на условиях султана.

Комментировать сей пассаж нужды нет. Прочтя ноту Густава, посол Пруссии в Петербурге барон Келлер заметил, что она «сочинена, конечно, в замешательстве ума». Отправляясь в поход, Густав писал своему другу Армфельду: «Мысль о том, что я могу отмстить за Турцию, что мое имя станет известно Азии и Африке, все это так подействовало на мое воображение, что я не чувствую особенного волнения и оставался спокойным в ту минуту, когда отправлялся на встречу всякого рода опасностям... Вот я перешагнул через Рубикон».

С военной точки зрения война эта интересна в плане морских сражений, и тут я отсылаю интересующихся читателей к моей книге «Адмиралы и корсары Екатерины Великой».

Густав III сосредоточил в Южной Финляндии около 40 тысяч шведских войск. Кроме того, под предлогом учений было мобилизовано 15—18 тысяч территориальных финских войск.

В начале июля 1788 г. 36-тысячная шведская армия во главе с самим королем перешла русскую границу в Финляндии. Шведы осадили небольшую русскую крепость Нейшлот. Густав III прислал ультиматум коменданту крепости однорукому майору Кузьмину, в котором требовал немедленно открыть крепостные ворота и впустить шведов. На это майор ответил королю: «Я без руки и не могу отворить ворота, пусть его величество сам потрудится». Замечу, что гарнизон Нейшлота составлял всего 230 человек. Но, увы, в течение всей войны шведы так и не сумели открыть ворота Нейшлота, зато основательно разграбили окрестности. Екатерина II писала Потемкину: «По двудневной стрельбе на Нейшлот шведы пошли грабить Нейшлотский уезд. Я у тебя спрашиваю, что там грабить можно... Своим войскам в Финляндии и шведам [Густав] велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачать Густава Адольфа и окончить предприятия Карла XII. Последнее сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции».

Армия же под командованием генерал-аншефа В.П. Мусина-Пушкина вела себя крайне пассивно.

22 июля 1788 г. шведская армия подошла к крепости Фридрихсгам и блокировала ее. Состояние крепости было плачевное, никаких каменных бастионов не было и в помине. Земляной вал повсюду обвалился. Артиллерийское вооружение состояло из шведских орудий, захваченных еще в войну 1741 — 1743 гг. Гарнизон крепости составлял 2539 человек. Однако шведы постояли два дня у Фридрихсгама, а затем отступили.

В отступлении шведов Екатерина поначалу увидела «руку Божию, наказывающую вероломство». На самом же деле 24 июля в королевской армии начался мятеж. Значительная часть офицеров-шведов и почти все офицеры-финны не хотели воевать. В деревне Аньяла недовольные устроили офицерское собрание, позже получившее название «аньяльской конфедерации». На собрании офицеры заявили, что война ведется королем незаконно, без согласия риксдага, и потребовали от Густава немедленно заключить мир. Король отказался, заявив, что мир будет для него «самоубийством».

Солдаты двух финских полков бросили ружья и разошлись по домам. Король был вынужден отойти от Фридрихсгама и занять позицию у Кюмень-города.

Отряд шведов, наступавший от Сент-Михеля (ныне город Миккели в Финляндии) через Кири и Гарданески к Вильманстранду, также вынужден был из-за мятежа остановиться и вернуться назад.

Ряд зарубежных историков считает, что аньяльская конфедерация была создана «происками русского правительства». Однако документы свидетельствуют, что о конфедерации императрица узнала лишь 31 июля. В этот день в Петербург прибыл депутат от конфедерации майор Юхани Егергорн, финн по национальности.

В «мемориале» к русскому правительству конфедераты заявили, что они не участвуют в незаконной войне, ведущейся королем «противу народного права и их законов». Екатерина лично вела переговоры с майором Егергорном. Любопытно, что Егергорн в беседах с императрицей неоднократно поднимал вопрос о создании независимого финского государства. Причем он делал это в инициативном порядке, поскольку в аньяльской конфедерации не ставился вопрос о независимости Финляндии.

Екатерина отправила благожелательный ответ конфедератам, но не поставила своей подписи. В своем кругу она даже осуждала конфедератов: «Какие изменники! Буде не таков был король, то заслуживал бы сожаления. Но что делать? Надобно пользоваться обстоятельствами: с неприятеля хоть шапку долой». Зато теперь Екатерина была уверена в исходе войны с Густавом III. 14 августа она писала Потемкину: «И так все беспокойства ваши мне теперь чувствительнее, нежели дурацкая шведская война, в которой смеха достойные ныне происхождения, и, по-видимому, кончится собранием Сейма в Финляндии и Швеции, и тогда станем со

штатами трактовать о мире». С тех пор в переписке Екатерина величала короля Фуфлыгой.

Воспользовавшись беспорядком в шведском войске, Мусин-Пушкин решил перейти границу и атаковать неприятеля. Но Екатерина запретила производить любые наступательные действия на суше, в надежде на окончательный переход армии к конфедератам.

Таким образом, до конца 1788 г. боевые действия на суше не велись. По колкому замечанию современника, шведы в этом походе нуждались не столько в солдатах, сколько в трубачах для оказания услуг при непрестанном обмене визитами шведских и русских парламентеров.

Между тем в войну со Швецией вступила Дания. Нападение датчан вызвало всплеск национализма в Швеции, которым не замедлил воспользоваться Густав III. Он собрал в Швеции довольно большое ополчение. А зимой 1788/89 г. риксдаг в Стокгольме был вынужден принять ряд законов, навязанных королем (в том числе и так называемый «Акт единения и безопасности», дававший королю почти самодержавную власть).

Теперь Густав мог расправиться с аль¬яльской конфедерацией. В 1789 г. было арестовано 125 офицеров-конфедератов, несколько десятков офицеров скрылись в Финляндии и России. В числе последних был и собеседник Екатерины майор Егергорн. Арестованных офицеров военный суд приговорил к смертной казни. Но привести приговор в исполнение Густав не посмел и ограничился казнью одного из конфедератов — полковника Хе¬стеску.

В начале 1790 г. Екатерина II заменила Мусина-Пушкина на генерал-аншефа графа И.П. Салтыкова. В кампанию 1790 г. в первых стычках успех способствовал шведам. Но 22 апреля отряд генерал-майора Ф.П.Денисова[30] в районе деревни Гайнали разбил 7-тысячный корпус шведов, которым командовал сам Густав III. Одновременно генерал-поручик Нумсен овладел шведскими укреплениями на правом берегу реки Кюмень, взяв 12 пушек и более 300 пленных. Отряд генерал-майора Ферзена потеснил противника в районе Свеаборга. Таким образом, вся кампания 1790 г. шла исключительно на шведской территории, но по-прежнему велась вяло. В середине июля боевые действия прекратились в связи с начавшимися переговорами о мире.

Оценивая боевые действия в Финляндии в 1788—1790 гг., следует заметить, что в отличие от войны 1700—1721 гг. и 1741 — 1743 гг. боевые действия обеими сторонами велись крайне нерешительно. За три года войны не произошло ни одного крупного сражения. Противники буквально топтались на небольшом пятачке в сто верст в длину и столько же в ширину.

Эта война с самого начала была глупой с точки зрения политических целей и военной стратегии, а в Финляндии она была таковой и сточки зрения тактики.

3 (14) августа 1790 г. в мызе Вереля (Вяряля) в районе современного города Коувола был подписан мирный договор между Шведским королевством и Российской империей. Договор был признан бессрочным. Основными условиями договора стали: восстановление «вечного мира», подтверждение незыблемости постановлений Ништадтского и Абоского мирных договоров; сохранение статус-кво и неизменности прежних границ.

Екатерину II вполне устраивал ничейный результат войны с королем Фуфлыгой, как она называла Густава III. Главный интерес для императрицы представляли Османская империя и Речь Посполитая. Основным же итогом войны было то, что в Петербурге осознали, что столица империи слишком уязвима как с моря, так и с суши. Одновременно выяснилась слабость королевской власти в Финляндии.

Глава 4

Окончательное присоединение Финляндии

В сражении под Фридландом 2(14) июня 1807 г. русские войска были наголову разбиты французами, и Александру I ничего не оставалось, как мириться с Наполеоном.

Посреди реки, разделявшей французскую армию и остатки разбитой русской армии, французские саперы построили огромный плот с нарядной палаткой посередине. На этом плоту 25 июня 1807 г. в II часов утра состоялась встреча двух императоров. Наполеон первым обратился к Александру: «Из-за чего мы воюем?» Ответить «лукавому византийцу» было нечем. Еще в 1800 г. на докладе В.Ф. Ростопчина напротив слов «Англия вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции» Павел 1 собственноручно написал: «И нас, грешных».

Подробное изложение обстоятельств и условий заключения Тильзитского мира лежит за рамками данной работы. Поэтому я ограничусь сутью пожеланий и требований Наполеона к Александру. Это — как можно меньшее вмешательство России в дела Германии и других западноевропейских государств и разрыв союза с Англией. При этом Наполеон не требовал заключения какого-либо военного союза между империями. Он хотел лишь строгого нейтралитета России. Взамен он предлагал России решить свои проблемы со Швецией и Турцией. Причем в первом случае Наполеон был абсолютно искренен, а во втором был достаточно непоследователен и откровенно лукавил. Это и понятно —турецкий вопрос сильно задевал национальные интересы Франции. Не менее сильно это касалось и австрий-

ских интересов. А Наполеон в 1807—1808 гг. не мог точно установить баланс отношений России и Австрии.

Непосредственным поводом к новой русско-шведской войне стало нападение британского флота на Данию. Российский императорский дом (Голштейн-Гот¬торпская династия) имел родственные связи с датским и голштинским дворами. Кроме того, Дания уже сто с лишним лет была союзницей России в войнах со Швецией.

В октябре 1807 г. Россия предъявила Англии ультиматум — разрыв дипломатических отношений до тех пор, пока не будет возвращен Дании флот и возмещены все нанесенные ей убытки. Началась вялотекущая англо-русская война. Посольства были взаимно отозваны. Указом Сената от 20 марта 1808 г. Александр I наложил запрет на ввоз английских товаров в Россию.

5 февраля Наполеон заявил русскому послу в Париже графу Толстому, что он согласится на то, чтобы Россия приобрела себе всю Швецию, не исключая и Стокгольм. Наполеон шутил, что, мол, прекрасные петербургские дамы не должны больше слышать шведских пушек (он намекал на Красногорское сражение в 1790 г.).

В свою очередь Англия в феврале 1808 г. заключила со Швецией договор, по которому она обязалась платить Швеции по 1 млн фунтов стерлингов ежемесячно во время войны с Россией, сколько бы она ни продолжалась. Кроме того, англичане обещали предоставить Швеции 14 тысяч солдат для охраны западных границ Швеции и ее портов, в то время как все шведские войска должны были отправиться на восточный фронт против России.

После заключения этого договора уже никаких надежд на примирение Швеции и России не было: Англия уже вложила средства в будущую войну и стремилась как можно быстрее извлечь военно-политические дивиденды.

Формально повод для начала войны дали сами шведы. 1 (13) февраля 1808 г. шведский король Густав IV сообщил послу России в Стокгольме, что примирение между Швецией и Россией невозможно, пока Россия удерживает Восточную Финляндию, присоединенную к России по Абоскому договору 1743 г. Спустя неделю Александр I ответил на вызов шведского короля объявлением войны.

Для ведения войны со Швецией была сформирована 24-тысячная армия, командование которой Александр поручил генералу от инфантерии графу Ф.Ф. Букгсгевдену. Выделение столь малых сил объяснялось тем, что Россия продолжала вести войну с Турцией, а с другой стороны, основная часть русских войск располагалась в западных губерниях на случай новой войны с Наполеоном.

Шведские войска численностью 19 тысяч человек были разбросаны по всей Финляндии. Командовал ими генерал Клекнер.

9 февраля 1808 г. русская армия перешла границу Финляндии на реке Кюмень. В ночь с 15 на 16 февраля русские

войска разбили отряд шведов под командованием Адлеркрейца у местечка Артчио. Когда русские войска выдвинулись на реку Борга, они получили известие о сборе шведских сил у Гельсингфорса. Но это оказалось дезинформацией, на самом деле шведы сосредоточились у Тавастуса. Буксгевден сформировал отряд генерал-майора графа Орлова-Денисова в составе егерского и казачьего полков и одного эскадрона драгун для захвата Гельсингфорса. Отряд форсированным маршем двинулся к Гельсингфорсу, следуя где береговой дорогой, а где прямо по льду. 17 февраля при подходе к городу Орлов-Денисов встретил шведский отряд. После короткой стычки неприятель бежал. Русские взяли шесть полевых пушек и 134 пленных. 18 февраля в Гельсингфорс вступили основные силы русских во главе с генералом Буксгевденом. В городе было найдено 19 орудий, 20 тысяч ядер и 4 тысячи бомб. 28 февраля русские, несмотря на сильный мороз, заняли Таммерфорс.

Генерал Клекнер растерялся и потерял управление войсками, поэтому в конце февраля он был сменен генералом Морицом Клингспором. Но новый главнокомандующий оказался не лучше прежнего и 4 марта потерпел поражение у города Биернеборга. Таким образом, русские вышли на побережье Ботнического залива. Большая часть шведских войск отошла вдоль побережья на север к городу Улеаборгу.

10 марта бригада генерал-майора Шепелева без боя заняла город Або. И только после этого жители Российской империи узнали о войне со Швецией. В газетах было опубликовано сообщение: «От военного министра о действиях Финляндской армии под главным начальством генерала от инфантерии Буксгевдена». Жители Петербурга извещались о том, что «Стокгольмский двор отказался соединиться с Россией и Данией, дабы закрыть Балтийское море Англии до совершения морского мира». В сообщении указывалось, что, истощив способы убеждения, русские перешли границу и вели успешные бои.

16 марта 1808 г. царь порадовал население и поставил все точки над «i» в Высочайшем манифесте (Декларации) о присоединении Финляндии. Поводом для издания манифеста послужил арест 20 февраля (3 марта) 1808 г. русского посла в Стокгольме Алопеуса и всех членов посольства. В Манифесте говорилось: «Явная преклонность короля шведского к державе нам неприязненной, новый союз с ней и, наконец, насильственный и неимоверный поступок с посланником нашим в Стокгольме учиненный... сделали войну неизбежной».

Присоединение Финляндии (шведской части) к России в Манифесте рассматривалось как репрессивный акт в ответ на невыполнение Швецией союзнических обязательств в отношении России по договору 1800 г. и ее союз с врагом России —Англией.

В Манифесте говорилось, что «отныне часть Финляндии, известная под наименованием Шведской Финляндии (юго-

западная часть), занятая русскими войсками, понесшими потери в людской силе и издержки материального порядка, признается областью, покоренной силой русского оружия, и навсегда присоединяется к Российской империи».

Любопытно, что сей Манифест (Декларация) не был подписан царем, как это было положено. «Властитель слабый и лукавый» и здесь остался верен себе. Манифест (Декларация) был односторонним актом России. Его назначением было объявить Швеции и всему миру, что присоединение Финляндии к России предрешено независимо от дальнейшего хода военных действий.

Но вернемся к боевым действиям в Финляндии. Небольшой отряд шведов покинул Або и укрылся на Аландских островах. За ним погнались казаки под началом майора Нейдгарда и батальон егерей под командованием полковника Вуича. 17 февраля Вуич вошел в город Аланд, захватил местные военные склады и уничтожил станцию оптического телеграфа, связывавшую острова со шведским берегом. Однако непосредственный начальник Вуича князь Багратион приказал ему очистить Аландские острова. Но, вернувшись, Вуич получил указание, шедшее из самого Петербурга, вновь занять острова. Для этого Вуичу дали батальон 25-го егерского полка (тот самый, с которым он был в Аланде), 20 гусаров и 22 казака. 3 апреля Вуич занял остров Кумблинге в самой середине архипелага. Там он и остановился. С приближением весны главнокомандующий Буксгевден, сознавая опасность положения наших войск на Аландских островах, намеревался возвратить их обратно, тем более что само пребывание войск для пресечения движения шведов по льду из Стокгольма к Або теряло смысл с открытием навигации.

Но в это время пришло Высочайшее повеление направить через Аланд в Швецию корпус от 10 до 12 тысяч человек. Это распоряжение явилось развитием того плана, который состоял в направлении главного удара не в Финляндию, а в южную часть Швеции.

Как только начал сходить лед, шведские галеры с десантным отрядом подошли к острову Кумблинге. Шведский десант вместе с вооруженными местными жителями атаковал отряд Вуича. Шведские галеры поддержали атаку огнем тяжелых пушек. У Вуича же пушек не было вообще. После четырехчасового боя русские сдались. В плен попало 20 офицеров и 490 нижних чинов.

Последствия захвата шведами Аландских островов не замедлили сказаться весной 1808 г. Архипелаг стал плацдармом для десантных операций и операционной базой шведского флота.

20 февраля две дивизии под командованием генерал-лейтенанта Н.М. Каменского (сын фельдмаршала М.Ф. Каменского) осадили Свеаборг — самую мощную шведскую крепость в Финляндии, которую шведы называли «Гибралтаром Севера». Гарнизон крепости насчитывал 7,5 тысячи человек при 200 орудиях. Запасы снарядов, пороха и продовольствия

были рассчитаны на многомесячную осаду. 22 апреля после 12-дневной бомбардировки Свеаборг капитулировал. Но исход баталии был решен не сталью и свинцом, а золотом. Ибо по знаменитому афоризму римского полководца Суллы, «стены крепости, которые не могут преодолеть легионы, легко перепрыгивает осел, нагруженный золотом». Каменский просто подкупил коменданта Свеаборга вице-адмирала Карла Олофа Кронстедта. По условиям капитуляции весь гарнизон был отпущен в Швецию под честное слово не брать в руки оружие до конца войны.

В Свеаборге русские захватили шведскую гребную флотилию в составе 100 судов. Кроме того, с приближением русских в различных портах Финляндии сами шведы сожгли 70 гребных и парусных судов.

Густав IV решил начать наступление на датские войска в Норвегии. Поэтому шведам не удалось собрать значительных сил для операции в Финляндии. Тем не менее, с началом навигации 1808 г. король решил провести две десантные операции. В первой полковник Бергенстро¬ ле должен был выйти на судах из шведс¬ кого порта Умео и высадиться в Финляндии в районе города Васа. Во второй операции генерал-майор барон фон Фегезак должен был через Аландские острова дойти до Або и занять его.

8 июня 1808 г. отряд Фегезака численностью 4 тысячи человек при восьми пушках беспрепятственно высадился у местечка Лемо в 22 верстах от города Або. Далее десантный отряд двинулся пешим порядком к Або, но по пути был встречен батальоном Либавского полка при одной пушке под командованием полковника Вадковского.

Превосходящие силы шведов начали теснить солдат Вадковского, но вскоре ему на помощь пришла артиллерийская рота, несколько батальонов пехоты, эскадрон драгун и гусар. Шведы были вынуждены отступить к месту своей высадки у Лемо. Под прикрытием огня судовой артиллерии шведам удалось эвакуироваться. Посланные Буксгевденом к Лемо пятнадцать русских гребных канонерских лодок вовремя не успели подойти. Благодаря этому шведские суда ушли за острова Нагу и Корно.

Летом 1808 г. положение русских войск в центральной Финляндии осложнилось. 2 июля шеститысячный отряд генерала Раевского, теснимый войсками генерала Клингспора и финскими партизанами, вынужден был отступить вначале к Сальми, а затем к местечку Алаво. 12 июля Раевский был заменен Н.М. Каменским, но и последнему тоже пришлось отступать до Таммерфорса.

20 августа корпус Каменского сразился с войсками Клингспора у деревни Куортане и одноименного озера. Шведы были разбиты и отступили к году Васа.

Вскоре Клинспор был вынужден оставить и Васу, и отошел на 45 верст севернее к деревне Оровайс. Там шведы закрепились и решили дать бой преследовавшему их корпусу Каменского. Семь тысяч шведов заняли позицию за болотистой речкой. Правый фланг шведов упирался в Ботни-

ческий залив, где стояло несколько шведских гребных канонерских лодок. На левом фланге начинались обрывистые утесы, окаймленные дремучим лесом.

В 8 часов утра 21 августа авангард под командованием генерала Кульнева атаковал шведские позиции. Атака Кульнева была отбита, и шведы начали его преследование. Но подошедшие на помощь два пехотных полка генерала Демидова опрокинули неприятеля и отогнали его. В середине дня на поле боя прибыл и сам Каменский с батальоном егерей и двумя ротами пехоты. В 3 часа дня шведы вновь атаковали, но тут подошли войска генерала Ушакова (приблизительно два полка). В результате шведы были вновь отброшены на исходные позиции. К этому времени уже стемнело. Ночью отряд Демидова пошел в обход через лес. Утром шведы увидели, что русские пытаются их окружить, и организованно отступили на север. Обе стороны потеряли почти по тысяче человек.

Ряд русских военных историков (П.А. Ниве, А.И.Михайловский-Данилевский и др.) считают Оровайское сражение «выдающимся образцом русского военного искусства». На самом же деле Каменский разбросал свои силы перед сражением, а затем по частям вводил их в дело. Результатом стал не разгром противника, а вытеснение его с позиции.

3 сентября отряд генерала Лантингсгаузена численностью в 2600 человек высадился с гребных судов у деревни Варанняя в 70 верстах севернее Або. Десант прошел успешно, но на следующее утро у деревни Локколакса шведы наткнулись на отряд Багратиона и были вынуждены отступить.

Тем временем у деревни Гельсинге близ Або был высажен новый шведский десант под началом генерала Боне. Сам Густав IV на яхте «Амадна» сопровождал суда с десантом. 14 и 15 сентября пять тысяч шведов Боне преследовали небольшие русские силы. 16 сентября у местечка Химайса шведы были контратакованы основными силами Багратиона. Шведы были разбиты и стали отступать к Гельсинге. В этот момент эскадрон гродненских гусар под командованием майора Лидерса атаковал отступающих. Шведы обратились в бегство. Около тысячи трупов шведов остались на поле битвы. 15 офицеров, 350 нижних чинов и 5 пушек стали трофеями русских.

Русская артиллерия подожгла деревню Гельсинге. Пожар, раздувавшийся сильным ветром, стал угрожать шведским судам, стоявшим у берега. Поэтому они вынуждены были уйти до окончания полной эвакуации уцелевших десантников. Все это происходило на глазах у Густава IV, наблюдавшего за сражением в подзорную трубу с борта яхты.

12 сентября генерал Клингспор предложил русскому главнокомандующему Буксгевдену перемирие, которое было заключено через пять дней (17 сентября) на мызе Лахтая. Однако Александр I не признал его, а назвал «непростительной ошибкой».

Буксгевден получил Высочайшее повеление продолжать боевые действия и

приказал корпусу генерал-майора Тучкова двинуться из Куопио к Иденсальми и атаковать 4-тысячный шведский отряд бригадира Сандельса.

Шведы заняли позицию между двумя озерами, соединенными проливом. Поту сторону пролива были вырыты две линии окопов и установлены артиллерийские орудия.

К 15 октября Тучков подвел свой корпус к проливу. В составе корпуса было 8 пехотных батальонов, 5 эскадронов регулярной конницы и 300 казаков, всего около 5 тысяч человек. Шведы повредили мост через пролив. Но русские саперы под картечным и ружейным огнем восстановили его. По мосту русская пехота форсировала пролив и овладела первой линией окопов. В этот момент Сандельс ввел в дело резервы, и русские были отброшены за мост. В бою русские потеряли убитыми и пропавшими без вести 764 человека.

На следующий день шведы оставили свою хорошо укрепленную позицию и отошли на 20 верст к северу. Тучков же не решился преследовать противника и две недели стоял у моста, выставив на расстоянии пяти верст три сторожевые роты. Их-то и решил атаковать Сандельс. Ночью 30 октября шведский отряд внезапно атаковал русский авангард. Однако шведы были отбиты, потеряв убитыми и пленными 200 человек.

В начале ноября 1808 г. Буксгевден вновь вступил в переговоры со шведами. На сей раз он действовал осмотрительнее и заранее испросил в Петербурге разрешения на перемирие. Но подписать перемирие Буксгевдену не удалось — он получил Высочайший указ об увольнении от командования армией. Новым командующим был назначен генерал-лейтенант граф Н.М. Каменский. Он и подписал перемирие 7(19) ноября 1808 г. в деревне Олькийоки. С 7 декабря 1808 г. вместо Каменского главнокомандующим стал Б.Ф. Кнорринг. 7 апреля 1809 г. Кнорринга уволили.

Перемирие было заключено на срок с 7 ноября по 7 декабря 1808 г. По его условиям шведская армия очищала всю провинцию Эстерботтен (Эстерботнию) и отводила войска за реку Кем и, в 100 км к северу от города Улеаборг. Русские войска занимали город Улеаборг и выставляли пикеты и сторожевые посты по обе стороны реки Кеми, но не вторгались в Лапландию и не пытались достичь шведской территории у Торнео. 3 декабря 1808 г. перемирие было продлено до 6 (18) марта 1809 г.

В 1808 г. англичане ввели свой флот на Балтику, но помочь шведам он не мог. Единственный эффект от присутствия англичан состоял в том, что русский корабельный флот был стеснен в своих действиях. Зато галерный флот успешно оперировал в Аландских шхерах.

К началу 1809 г. положение шведов стало безнадежно. Английский флот был готов к кампании 1809 г., но было ясно, что «просвещенные мореплаватели» будут захватывать купеческие корабли, нападать и грабить незащищенные города и селения на побережье, посылать же бри-

танскую армию в Швецию или Финляндию британский кабинет и не собирался. Да и Кронштадт — не Копенгаген, соваться туда также не входило в расчет британского адмиралтейства.

Тем не менее, упрямый Густав IV решил продолжать войну в 1809 г. Причем он приказал оставить боеспособные части шведской армии в Шонии (на юге) и на границе с Норвегией, хотя особой опасности от датчан в 1809 г. не предвиделось.

Для непосредственной обороны Стокгольма было набрано 5 тысяч человек. На Аландах удалось собрать 6 тысяч регулярных войск и 4 тысячи ополченцев. Оборона Аландских островов была возложена на генерала Ф. Дебельна.

В феврале 1809 г. Александр I сменил верховное командование русских войск в Финляндии. Командовать южным корпусом русских войск вместо Витгенштейна стал Багратион. Центральным корпусом вместо Д. В. Голицына командовать стал генерал-лейтенант Барклай де Толли, а северным корпусом вместо Тучкова 1-го — П.А. Шувалов.

План кампании на 1809 г. был составлен русским командованием тактически и стратегически грамотно, хотя можно сказать, разумной альтернативы ему и не было.

Северный корпус, базировавшийся на Улеаборг, должен был двигаться вдоль Ботнического залива и вторгнуться на территорию непосредственно Швеции. Центральный корпус, базировавшийся на город Васа, должен был форсировать по льду Ботнический залив через шхеры и пролив Кваркен (современное название Норра-Кваркен) и выйти на шведское побережье.

Аналогичная задача ставилась и южному корпусу, дислоцированному между городами Нюстад и Або. Корпус должен был достичь Швеции по льду через острова Аландского архипелага.

Рассмотрим действия русских корпусов, начиная с северного и кончая южным.

6(18) марта генерал Шувалов известил командующего северной группой шведских войск Гринпенберга о прекращении перемирия. Шведы ответили на это сосредоточением войск у городка Калике в 10 верстах западнее города Торнео. Между тем 6 марта русские войска перешли через реку Кемь и двинулись на запад вдоль побережья.

Шведский авангард, находившийся в городе Торнео, не принял боя, а поспешно отступил, бросив в городе 200 больных солдат.

Войска Шувалова при тридцатиградусном морозе делали переходы по 30—35 верст в день. Подойдя к Каликсу, Шувалов предложил Гринпенбергу сдаться, но швед отказался. Тогда основные силы русских начали фронтальное наступление на Каликс, а колонна генерала Алексеева пошла в обход по льду и отрезала Гринпенбергу путь к отступлению. Шведы прислали парламентеров с просьбой о перемирии. Шувалов на перемирие не согласился, а потребовал полной капитуляции, дав срок — 4 часа.

Условия русских были приняты, и 13 марта Гринпенберг подписал акт о капитуляции. Его корпус складывал оружие и расходился по домам под честное слово больше не воевать в эту войну. Финны ушли в Финляндию, а шведы — в Швецию. Всего сдалось 7 тысяч человек, из которых было 1600 больных. Трофеями русских стали 22 орудия и 12 знамен. Все военные склады (магазины) вплоть до города Умео должны были быть в неприкосновенности переданы русским. Как писал военный историк Михайловский-Данилевский, каликская операция «разрушила последнее звено, соединявшее Финляндию со Швецией».

По плану центральный корпус Барклая де Толли должен был насчитывать 8 тысяч человек. Но большая часть сил корпуса задержалась на переходе к Васе. Барклай же, опасаясь, что скоро начнется таяние льда, приказал наступать с уже прибывшими в Васу частями. Всего в его корпусе оказалось 6 батальонов пехоты и 250 казаков (всего 3200 человек) при шести пушках.

6 марта на сборном пункте был отслужен молебен и зачитан приказ, в котором Барклай, не скрывая предстоящих трудностей, выражал уверенность, что «для русских солдат невозможного не существует».

В тот же день был отправлен первый батальон для прокладки дороги. Следом за ним с целью разведки и захвата передовых шведских постов в шестом часу вечера выступил летучий отряд Киселева (40 мушкетеров Полоцкого полка на подводах и 50 казаков). После тринадцатичасового перехода отряд Киселева подошел к острову Гросгрунду, где захватил неприятельский пикет. Шведы были также обнаружены на острове Гольме.

7 марта весь корпус Барклая перешел на остров Валс-Эрар, а 8 марта в 5 часов утра двинулся через Кваркен двумя колоннами: в правой — полковник Филисов с Полоцким полком и одной сотней на остров Гольме, в левой — граф Берг с остальными войсками на остров Гадден. В этой колонне находился и Барклай. Артиллерия с батальоном лейб-гренадер следовала отдельно за правой колонной.

Войска шли по колено в снегу, ежеминутно обходя или перелезая через ледяные глыбы, особенно трудно было левой колонне, не имевшей и следа дороги. Тяжелый марш продолжался до 6 часов вечера, когда колонны достигли Гросгрунда и Гаддена и расположились биваком на снегу. Однако пятнадцатиградусный мороз и сильный северный ветер не давали возможности отдохнуть. В 4 часа утра войска тронулись дальше.

Утром колонна Филисова завязала бой с тремя ротами шведов, занимавшими остров Гольме. Обойденный с фланга неприятель отступил, оставив пленными одного офицера и 35 нижних чинов. Опасаясь за отставшую артиллерию, Филисов только на следующее утро решился продолжить движение на деревню Тефте.

Между тем левая колонна двигалась к устью реки Умео, имея в авангарде половину сотни казаков и две роты Тульского полка. После восемнадцатичасового

движения колонна в 8 часов вечера остановилась, не дойдя до Умео шести верст. Солдаты были крайне измучены. Войска вновь заночевали во льду. Им повезло, что вблизи оказались два вмерзших в лед купеческих судна. Суда были немедленно разобраны на дрова, и на льду залива загорелись десятки костров.

Между тем неутомимые казаки добрались до окраины Умео и затеяли там стрельбу. В городе поднялась паника. Комендант Умео генерал граф Кронштедт оказался в прострации — в городе стрельба, на льду — море огней.

Утром 10 марта, когда авангард Барклая завязал бой у деревни Текнес, а вся колонна, выбиваясь из снега, выходила на материк, прибыл шведский парламентер, сообщивший о предстоящем перемирии. По заключенному условию генерал Кронштедт сдал русским Умео со всеми запасами и отвел свои войска на 200 верст к городу Гернезанду.

Заняв Умео, Барклай сделал все распоряжения, чтобы утвердиться в нем, и готовился оказать содействие колонне графа Шувалова, шедшей через Торнео. Среди этих приготовлений вечером 11 марта было получено известие о перемирии с неожиданным приказом о возвращении в Васу. Барклаю тяжело было выполнить этот приказ. Он принял все меры, чтобы обратное движение «не имело вида ретирады». Поэтому главные силы двинулись не ранее 15 марта, а арьергард — только 17 марта. Не имея возможности вывезти военную добычу (14 орудий, около 3 тысяч ружей, порох и др.), Барклай объявил в прокламации, что оставляет все захваченное «в знак уважения нации и воинству».

Войска выступили двумя эшелонами с арьергардом и в три перехода достигли острова Бьорке, откуда направились на старые квартиры в районе Васы. Несмотря на жестокий мороз, обратное движение по проложенной уже дороге было намного легче, чему способствовали также теплая одежда и одеяла, взятые из шведских магазинов, а также подводы под ослабевших и больных солдат и снаряжение.

При выступлении из Умео местный губернатор, магистрат и представители сословий благодарили Барклая за великодушие русских войск.

Южный корпус, которым командовал князь Багратион, насчитывал 15,5 тысячи пехоты и 2 тысячи конницы (четыре эскадрона гродненских гусар и казаки). Впереди войска Багратиона наступали два авангарда: правый — генерал-майора Шепелева и левый — генерал-майора Кульнева.

22 февраля казаки имели удачную стычку с передовыми постами неприятеля.

26 февраля основные силы Багратиона сошли на лед и двинулись к острову Кумблинге. Войска были полностью обеспечены полушубками, теплыми фуражками и валенками. Караван саней, нагруженных продовольствием, вином и дровами, тянулся за войсками. 28 февраля к колонне присоединились военный министр граф Аракчеев и главнокомандующий Кнорринг в сопровождении русского посланника в Швеции Алопеуса.

Алопеус имел дипломатические полномочия на случай желания противника вступить в переговоры.

2 марта войска сосредоточились на Кумлинге, а 3 марта выступили уже разделенные на пять колонн, обходя полыньи и сугробы. Пехота шла рядами, а конница — где по двое, а где и гуськом. Передовые части шведов оставляли мелкие острова и уходили к западу. К вечеру 3 марта первые четыре колонны заняли остров Варде, расположенный впереди Большого Аланда, а пятая колонна прошла через Соттунга на остров Бенэ, где столкнулась с арьергардом противника. Казаки атаковали его, а Кульнев с остальными войсками пошел в обход острова, что заставило шведов спешно отступить. Как раз в это время начальник Аландского отряда получил известие о совершенном в Стокгольме государственном перевороте.

До шведской столицы русским оставалось лишь пять-шесть переходов, поэтому новое шведское правительство выслало навстречу русским для переговоров полковника Лагербринна. Багратион не стал вступать в переговоры с Лагербринном, а отправил его в обоз к Аракчееву и Кнорингу. А сам Багратион приказал войскам продолжать наступление. Через двое суток был без боя занят весь Аландский архипелаг. Лишь авангард Кульнева настиг у острова Лемланд неприятельский арьергард. После небольшой стычки шведы бежали, бросив пушки.

Между тем в Стокгольме произошла смена власти. Гвардейские полки свергли Густава IV. Новым королем риксдаг избрал дядю Густава IV, герцога Зюдерманландского, вступившего на престол под именем Карла XIII.

Наступление трех русских корпусов на Швецию поставило ее в безвыходное положение. Поэтому новое правительство первым делом обратилось к русским с просьбой о перемирии. 4 марта в корпус Багратиона с просьбой о перемирии прибыл генерал-майор Георг-Карл фон Дебельн, командующий шведскими береговыми войсками. Он начал переговоры сначала с Кнорингом и Сухтеленом, а затем —с Аракчеевым. Последний сперва не соглашался на перемирие, ссылаясь на то, что цель императора Александра I состоит в подписании мира в Стокгольме, а не в покорении Аландского архипелага. Аракчеев приказал даже ускорить наступление русских войск.

К вечеру 5 марта все силы шведов были уже на западном берегу острова Эккер, а в ночь на 6 марта они начали отступление через Аландегаф. Русским достались брошенные батареи с боеприпасами, лазарет и транспорты. Конница авангарда Кульнева, не сходившая со льда в течение пяти суток, у Сигнальшера настигла арьергард отступавших шведов. Казаки Исаева окружили одну колонну, свернувшуюся в каре, врезались в нее, отбили два орудия и взяли в плен 144 человека, нагнали второе каре, взяли еще две пушки. Гродненские гусары окружили отделившийся батальон Зюдерманландского полка (14 офицеров и 442 нижних чина с командиром во гла-

ве) и после недолгой перестрелки вынудили его сдаться. Общее число пленных, взятых Кульневым, превысило силы его отряда, а все пространство снежной пелены Аландегафа было усеяно брошенными повозками, зарядными ящиками, оружием и др.

Тем временем Дебельну были переслены Аракчеевым те мирные условия, на которых могли бы быть русскими прекращены военные действия. Условия включали в себя:

1. Швеция навечно уступает Финляндию России в границах до реки Каликс, а также Аландские острова, морская граница между Швецией и Россией будет проходить по Ботническому заливу.

2. Швеция откажется от союза с Англией и вступит в союз с Россией.

Россия выделит Швеции сильный корпус для противодействия английскому десанту, если это будет необходимо.

3. Если Швеция принимает эти условия, то высылает уполномоченных на Аланды для заключения мира.

Аракчеев допустил непростительную ошибку, приостановив вторжение русских войск в Швецию. Через Аландегаф был послан только Кульнев с одной конницей (Уральская сотня, по две сотни полков Исаева и Лащилина и три эскадрона гродненских гусар).

Ночь с 5 на 6 марта Кульнев провел в Сигнальшере. Выступив в 3 часа утра, Кульнев в 11 часов утра вышел на шведский берег, где сторожевые посты, пораженные появлением русских, были атакованы казаками, а затем выбиты из-за камней спешенными уральцами. Кульнев так искусно разбросал свой отряд, что он показался шведам в несколько раз сильнее, чем был в действительности. Кроме того, Кульнев через переговорщика уверил шведов, что основные силы идут на Нортельге.

Появление даже одного отряда Кульнева на шведском берегу вызвало переполох в Стокгольме. Но переданное через Дёбельна обращение герцога Зюдерманландского прислать уполномоченного для ведения переговоров побудило Кнорринга и Аракчеева, чтобы доказать искренность наших стремлений к миру, пойти навстречу желанию нового правителя Швеции и приказать нашим войскам вернуться в Финляндию. Этот приказ касался и других колонн (Барклая и Шувалова), уже достигших к этому времени больших успехов.

На самом деле Дёбельн умышленно ввел в заблуждение наших генералов, нарочно прислал уполномоченного, с тем чтобы ни один русский отряд не вступал на шведскую землю. Этим он избавил Стокгольм от грозившей ему опасности.

Зато в начале апреля 1809 г., когда все русские войска покинули шведскую территорию, а таяние льда сделало невозможным пешие переходы русских войск через шхеры у Або и Васы, шведское правительство начало выдвигать неприемлемые для России условия мира. В связи с этим Александр I приказал корпусу Шувалова, отошедшему по условиям перемирия в Северную Финляндию, вновь вступить на территорию Швеции.

18 апреля 1809 г. пятитысячный корпус Шувалова тремя колоннами выступил из Торнео. 26 апреля Шувалов форсированным маршем подошел к Питео и, узнав о присутствии шведов в Шеллефтео, пошел туда. Не доходя 10 верст, 2 мая он отделил под началом генерал-майора И.И. Алексеева четыре полка пехоты (Ревельский, Севский, Могилевский и 3-й егерский) с артиллерией и небольшим числом казаков по едва державшемуся у берегов льду прямо в тыл неприятелю, на деревню Итервик. Остальные четыре полка (Низовский, Азовский, Калужский и 20-й егерский) Шувалов повел по береговой дороге.

Наступление Шувалова застало неприятеля врасплох. Отряд Фурумака у Шеллефтео, не успев сломать мосты на реке, спешно отступил к Итервику, теснимый к морю всей колонной Шувалова. А с противоположной стороны шведы были встречены вышедшей на берег колонной Алексеева.

Два дня спустя, 5 мая, залив уже освободился ото льда. Фурумаку, зажатому в клещи, пришлось сдаться. Русские взяли 691 человека пленными, 22 орудия и четыре знамени.

В это время командующим войсками в Северной Швеции был назначен генерал-майор фон Дёбельн. Ему приказано было, избегая боя, вывезти оставшееся продовольствие из Вестерботнии. Прибыв в Умео, Дёбельн прибег для задержания русских к прежней уловке, уже раз успешно им примененной. Он обратился к графу Шувалову с предложением переговорить о перемирии. Шувалов, отправил письмо Дёбельна главнокомандующему Барклаю де Толли и приостановил наступление.

Пока шли переговоры, в Умео спешно шла погрузка транспортных судов и вывод их в море через прорубленные во льду каналы. Наконец, когда 14 мая Шувалов, не дождавшись ответа главнокомандующего, заключил со шведами предварительную конвенцию о передаче русским 17 мая Умео, семь кораблей вышли из Умео, вывозя все запасы и имущество шведов. Дёбельн отошел за реку Эре.

Барклай де Толли отверг перемирие и предписал Шувалову «угрожать противнику деятельнейшею войною в самой Швеции». Но этот приказ опоздал. Ошибка, допущенная Шуваловым, отразилась, вследствие плохого состояния наших морских сил, существенным образом на ходе всей кампании.

Оставив командование корпусом, Шувалов сдал его старшему после себя генерал-майору Алексееву. Последний занял Умео, а затем продвинул передовые части к южным границам Вестерботнии, заняв отдельными отрядами ряд пунктов на побережье Ботнического залива.

Продовольственный вопрос сразу же дал почувствовать себя довольно остро. Край был уже истощен, все продовольственные магазины вывезены Дебельном, и, несмотря на крупные затраты, доставка продовольствия через Торнео к портам Ботнического залива шла с большими задержками. Однако до середины июня 1809 г. Алексеев занимал Вестерботнию,

не испытывая существенных неудобств. Между тем стремление поднять престиж вновь провозглашенного короля Карла XIII вызвало у шведов желание, пользуясь своим превосходством на море, организовать нападение на забравшийся в глубь страны корпус генерала Алексеева.

В конце июня в Ботническом заливе уже показалась шведская эскадра из трех судов. Русский же флот боялся англичан и отстаивался в Кронштадте, поэтому шведы безраздельно господствовали на море. Начавшееся половодье заставило Алексеева сблизить отдельные группы корпуса и оттянуть ближе к Умео расположенный на реке Эре авангард.

Между тем шведы опять сменили командование своей северной группировкой — Дебельна заменил Сандельс. Сандельс решил атаковать русских на суше при поддержке четырех парусных фрегатов и гребной флотилии. В ночь на 19 июня авангард Сандельса перешел по плавучему мосту реку Эре у Хокнэса, а на следующий день перешли на северный берег и главные силы. Внезапность нападения не удалась, так как одна шведка предупредила русских.

Алексеев решился контратаковать шведов. Для этого была собрана группа из пяти пехотных полков и двух сотен конницы при четырех пушках под командованием генерал-майора Казачковского.

Войска Сандельса остановились у реки Герне близ местечка Гернефорс, выслав вперед небольшой сторожевой отряд майора Эрнрота. Вечером 21 июня передовые части шведов были разбиты у Сердмьеле, а на следующее утро вновь завязался бой на фронте, но русские войска были отбиты. Видя, что русские сами перешли в наступление и что задуманное нападение не может иметь успеха, Сандельс решил отступить за реку Эре, тем более что местность у Гернефорса была неудобна для принятия боя. Однако шведы продолжали стоять у Гернефорса 23, 24 и 25 июня, выслав лишь три сторожевые заставы.

Вечером 25 июня Казачковский двинулся вперед, разделив свой отряд на две колонны. Сам он с Севским, Калужским и 24-м егерским полками, имея в резерве Низовский полк, пошел по большой дороге, а полковника Карпенкова с 26-м егерским полком направил в обход левого фланга противника, через лес, по труднопроходимой тропинке.

Нападение оказалось для шведов полной неожиданностью. Сбив заставы, русские начали теснить противника, пришедшего в беспорядок. Попытка Сандельса закрепиться за мостом не удалась, и он начал отводить войска назад, а для прикрытия отступления назначил батальон известного партизана Дункера. Последний мужественно отстаивал каждую пядь земли, но когда Сандельс послал Дункеру приказание отступить как можно скорее, он уже был отрезан колонной Карпенкова. На предложение сдаться Дункер ответил залпом. Тяжелораненый, он умер через несколько часов.

В бою под Гернефорсом шведы потеряли пленными 5 офицеров, 125 нижних чинов и часть обоза.

Забавно, что после успеха у Гернефорса Александр I отстранил И.И. Алексеева от командования корпусом и назначил туда графа Н.М. Каменского. Почти одновременно на должность главнокомандующего русской армией в Финляндии вместо Кнорринга был назначен Барклай де Толли.

Пользуясь абсолютным превосходством шведского флота в Ботническом заливе, шведское командование разработало план уничтожения северного корпуса Каменского. Корпус Сандельса был усилен войсками, снятыми с границы на севере Норвегии. А у Ратана, в двух переходах от Умео, должна была состояться высадка «берегового корпуса», который ранее прикрывал Стокгольм.

Каменский решил контратаковать шведов. Северный корпус вышел 4 августа из Умео тремя колоннами: первая — генерала Алексеева (шесть батальонов), вторая —самого Каменского (восемь батальонов) и третья — резерв Сабанеева (четыре батальона). Первой колонне приказано было перейти реку Эре на 15-й версте выше устья и затем надавливать на левый фланг шведов. Остальные силы должны были форсировать переправу на главном береговом тракте и теснить противника за кирку Олофсборг.

5 августа со ста транспортных судов у Ратана началась высадка 8-тысячного корпуса графа Вахтмейстера. Таким образом, русские оказались между двух огней: с фронта за рекой Эре был генерал Вреде с семью тысячами солдат, а с тыла — Вахтмейстер.

Между рекой Эре и Ратаном было пять-шесть переходов. Двигаться можно было только в узкой прибрежной полосе, исключавшей маневрирование. На море господствовали шведы, а путь русским войскам пересекали русла глубоких рек, допускавшие вход мелкосидящих судов. Каменский, не колеблясь, решил атаковать десантный корпус, как наиболее сильную и опасную для русских войск группу. 5 августа он приказал резерву Сабанеева (едва прошедшему Умео) идти назад на поддержку Фролова, головному эшелону левой колонны (под началом Эриксона) оставаться на реке Эре, продолжая форсировать переправы, и удерживать Сандельса в заблуждении, а ночью отойти к Умео, разрушая за собой мосты. Всем остальным войскам было приказано идти за Сабанеевым. Все эти передвижения заняли весь день 5 августа. Шведы успели высадить авангард (семь батальонов Лагербринка с батареей). Продвинувшись до Севара и оттеснив русские передовые части, Вахтмейстер стал здесь ожидать дальнейших приказаний Пуке. Остановка эта была губительной, тем более что местность у Севара совершенно не допускала оборонительного боя.

У Каменского день 6 августа был полон лихорадочной деятельности. Пока Сабанеев поддерживал Фролова, остальные войска спешили к Умео. На заре 7 августа к Тефте подошли войска Алексеева. Остальные силы задержались в Умео, поджидая Эриксона, который весь день 6 августа успешно обманывал Вре-

де, а под покровом ночи ушел к Умео. На утро 7 августа граф Каменский атаковал с имеющимися силами Вахтмейстера у Севара. Кровопролитный бой, длившийся с 7 часов утра до 4 часов дня, завершился отходом десанта к Ратану.

Каменский, несмотря на полученное известие о приближении Вреде к Умео, что сокращало расстояние между обеими группами шведов до двух-трех переходов, решил добивать Вахтмейстера. Он со всеми силами стал преследовать отступающий шведский десант. Бой у Ратана завершился посадкой шведов на суда, чему Каменский не смог воспрепятствовать, так как у наших солдат боеприпасы были на исходе.

Поэтому Каменский решил 12 августа отходить к Питео, где пополнить припасы из транспорта, присланного морем из Улеаборга. После трех дней отдыха, 21 августа, корпус двинулся в Умео.

Между тем шведы опять завели речь о перемирии. После непродолжительных переговоров недалеко от Шеллефтео было заключено перемирие, по которому русские задерживались в Питео, а шведы — в Умео, не считая авангардов. Шведский флот отводился от Кваркена и обязывался не действовать против Аланда и против финляндских берегов, а невооруженным судам не препятствовать плавать по всему Ботническому заливу. Необходимость перемирия Каменский мотивировал трудностью удовлетворения потребностей корпуса, а также сосредоточением всех сил шведов в одну группу в Умео, что делало ее значительно сильнее корпуса русских.

В Петербурге сочли за лучшее не отвечать на предложения шведов. Вместе с тем Каменскому было приказано готовиться к наступлению. Свободой плавания в Ботническом заливе русские воспользовались для сосредоточения в Питео запасов. В Торнео продвинулся особый резерв для поддержки Каменского в случае надобности. Все эти меры имели целью вынудить шведов дать согласие на такие условия мира, которые были выгодны русским.

Русский главный уполномоченный в Фридрихсгаме граф Н.П. Румянцев требовал, чтобы Каменского заставили наступать. Он настаивал даже на высадке близ Стокгольма, лишь бы добиться необходимого воздействия на шведов.

В итоге 5(17) сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был заключен мирный договор между Россией и Швецией. От России его подписали министр иностранных дел граф Н.П. Румянцев и посол России в Стокгольме Давид Алопеус; от Швеции — генерал от инфантерии барон Курт Стединк и полковник Андрас Шельдебронт.

Военные условия договора включали в себя уход русских войск с территории Швеции в Вестерботнии в Финляндию за реку Торнео в течение месяца со дня обмена ратификационными грамотами. Все военнопленные и заложники взаимно возвращались не позднее трех месяцев со дня вступления договора в силу.

Военно-политические условия заключались в недопущении входа в шведские порты британских военных и торговых су-

дов. Запрещалась их заправка водой, продовольствием и топливом. Таким образом, Швеция фактически присоединялась к континентальной блокаде Наполеона.

По условиям договора:

1. Швеция уступала России всю Финляндию (до реки Кеми) и часть Вестер¬ ботнии до реки Торнео и всю финляндскую Лапландию.

2. Граница России и Швеции должна проходить по рекам Торнео и Мунио и далее на север по линии Мунионискн — Энонтеки — Кильписярви и до границы с Норвегией.

3. Острова на пограничных реках, находящиеся западнее фарватера, отходили к Швеции, восточнее фарватера — к России.

4. Аландские острова отходили к России. Граница в море проходила по середине Ботнического залива и Аландского моря.

Глава 5

Становление Великого княжества

1 февраля 1809 г. император Александр I объявил, что 29 марта в городе Порвоо будет созван Финляндский сейм. Собрание сословий было созвано для провозглашения императора Александра правителем Финляндии и принесения финляндскими сословиями присяги на верность ему. Туда из Петербурга заранее были привезены специальный престол с балдахином, ландмаршальский жезл и мундиры для герольдов.

Прибытие императорской свиты и трона указывало на то, что речь идет о российском государственном акте, входе которого осуществляется присоединение завоеванной страны к империи. При этом жители страны, собравшиеся на сейм, признают императора своим государем. Такой акт, согласно тогдашней государственно-правовой доктрине, являлся основным. Он мог быть скреплен двусторонней присягой и заверениями, даваемыми жителями. Акту этому можно было придать религиозное содержание посредством коронации. Однако никакой коронации в Порвоо не произошло.

16 (28) марта император проследовал из своей резиденции в собор. Тронный балдахин несли четыре русских генерала и шестнадцать офицеров. Александра I сопровождали русские (в зеленых мундирах) и финские (в бело-голубых мундирах) герольды, высшие чиновники и депутация финляндского дворянства, вышедшая навстречу в полном составе. Грохотали пушки и звенели колокола. Представители остальных сословий ожидали в соборе, женщины находились на хорах.

Император в сопровождении высших российских чиновников вступил на воз-

вышение и остановился перед троном, но не сел.

После богослужения шествие направилось в «государственный зал» — актовый зал гимназии. Пока шествие следовало вокруг собора, престол был доставлен в «государственный зал», а покров спинки трона заменили — вместо двуглавого орла появился финский лев.

Каждое сословие приветствовало императора, который затем выступил с речью на французском языке. После этого сейму были зачитаны четыре представления.

На следующий день настал черед принесения присяги. Сословия ожидали в церкви. Александр I в сопровождении российских герольдов и высших чиновников вошел в церковь и прошел под балдахином вдоль военного почетного караула. После музыкального вступления император выступил с речью на французском языке, которую генерал-губернатор переводил на шведский. Затем сословия по очереди выходили вперед и присягали «с поднятыми пальцами» на верность императору.

Так Финляндия попала в «тюрьму народов». Это образное выражение Ленина о царской России стало аксиомой как для советских историков, так и для... либералов-антисоветчиков. Была ли Россия действительно тюрьмой народов? Без ответа на этот вопрос очень сложно разобраться в последующих взаимоотношениях Финляндии и России.

Безусловно, правление Голштинской династии, которую безо всяких законных оснований называют Романовыми, было деспотией и произволом. К императорской власти в России, по крайней мере, до 1906 г., не подходит даже название самодержавие. Самодержавие в понимании европейцев — это образ правления, когда монарх по своему усмотрению вводит законы, а далее государство управляется по этим законам. В России цари устанавливали законы, но вот выполнять свои же указы упорно не желали. В течение XIX и в начале XX в. именно императоры и члены их семейств были главными нарушителями законов Российской империи. Недаром Лев Толстой в 1895 г. образно сравнивал методы управления государством Николая II с методами кокандского хана.

Любопытно, что русско-азиатскую деспотию советские историки представляют как диктатуру буржуазии над пролетариатом или дворянства над крестьянством. Это верно лишь отчасти, в том смысле, что капиталист или помещик имел привилегию над простым человеком и мог в определенном объеме тоже творить над ним произвол. Но ни большой капитал, ни княжеский титул, ни даже принадлежность к «августейшей» семье не могли никого спасти от царского произвола — тюрьмы, монастыря или ссылки без суда и следствия, насильственного расторжения законно заключенного брака, дети могли быть насильно отобраны у родителей и т.д.

Таким образом, можно согласиться с Лениным, что Россия была тюрьмой народов — русского, татарского, башкирского, мордвы и многих малых народов,

проживавших во внутренних губерниях империи.

Однако со времен Петра I русские монархи стали консервировать старые порядки на ряде территорий, присоединенных к империи. Это коснулось Эстляндии, Курляндии, Царства Польского, Крыма, среднеазиатских ханств и Великого княжества Финляндского.

Мало того, население этих территорий получило льготы, которые не могли и сниться жителям внутренних губерний России. Речь идет о налогах, призыве на воинскую службу, приеме войск на постой, послаблении в таможенном контроле, что сейчас именуется «свободными экономическими зонами», и т.д.

В декабре 1811 г. Александр 1 издал рескрипт о присоединении в начале следующего года к Великому княжеству Финляндскому Выборгской и Кексгольмской губерний. После 1809 г. эти губернии в России называли Старой (русской) Финляндией, в противоположность Новой (шведской) Финляндии.

Это был в известной степени подарок Финляндии, наподобие того, как Хрущев через 140 лет подарит Крым Украине. Другой вопрос, что в обоих случаях это являлось изменением территориального деления областей внутри централизованного государства.

Главной целью присоединения Финляндии к России было обеспечение безопасности северной столицы империи. Еще в 1810 г. Александр 1 заявил, что Финляндия должна стать «крепкой подушкой Петербурга». Поэтому главной обязанностью генерал-губернатора, направленного в Финляндию в качестве представителя императора, было командование размещенными в Финляндии войсками, то есть он нес ответственность за этот оборонительный рубеж.

Для гражданского управления Финляндией был создан Комитет по финляндским делам. В 1826 г. была введена должность статс-секретаря. Министр статс-секретарь готовил все касающиеся Финляндии вопросы и представлял их царю.

Важную роль в управлении княжеством играл Императорский Правительствующий Совет, с 1816 г. — Императорский Сенат, который был учрежден на основе принципов, разработанных комитетом во главе с Тенгстремом на сейме в Порвоо, а первые его члены избраны по предложениям сословий. Некоторыми своими чертами этот Сенат напоминал старый стокгольмский Государственный совет, своего рода высшую палату, на что указывало и наименование «Сенат». Кроме того, этот административный орган должен был рассматривать как хозяйственные, так и юридические вопросы. То, что первые члены Совета был и назначены по представлению сословий, что срок их полномочий составлял три года, что половина членов Совета представляла дворянство, а другая половина — остальные сословия, придавали Сенату черты представительского органа — высшей палаты.

Сенат состоял из Правового департамента, который выступал в роли верхов-

ного суда, и Хозяйственного департамента, в который входило пять экспедиций: военная, гражданская, финансовая, камеральная и церковная. В состав Сената также входил и прокурор, в обязанность которого входил надзор за соблюдением законов Сенатом и другими чиновниками.

Формально председателем Сената являлся генерал-губернатор, но на практике он никогда не председательствовал главным образом потому, что до 1900 г. рабочим языком в Сенате был шведский, затем — финский и лишь с 1913 г. — русский.

У каждого департамента был свой вице-председатель. В дальнейшем вице-председатель Хозяйственного департамента стал восприниматься и действовать как премьер-министр.

Во всех учреждениях Великого княжества Финляндского вся документация велась, как и раньше, на шведском языке. Финский же язык был довольно архаичен, да и не было единого языка, а существовало несколько диалектов, среди которых главными являлись диалекты саво-карельский и «низжший диалект» (язык Западной Финляндии). Забегая вперед, скажу, что усилиями ряда лингвистов через несколько десятилетий за¬паднофинский язык стал основой современного финского языка.

Став русской, Финляндия поменяла столицу. При шведах административным центром края был город Або (Турку). Это удобный и самый теплый в Финляндии порт, открытый для навигации в течение 8 месяцев. А самое главное, он был очень близок к метрополии. Последний фактор после 1809 г. из достоинства превратился в недостаток.

Поначалу возникла идея перенести столицу Великого княжества Финляндского в Хяменминна — город, расположенный подальше от моря. Однако из-за ряда технических трудностей первые десять лет существования Великого княжества Финляндского столицей по-прежнему оставался Або.

Тем временем появилась мысль перенести столицу в Гельсингфорс (Хельсинки). У этого города было три серьезных преимущества: во-первых, он достаточно далеко отстоял от устья Финского залива; во-вторых, с моря его прикрывала мощная крепость Свеаборг; а в-третьих, в ходе боевых действий в 1808 г. город полностью выгорел, и его в любом случае надо была планировать и строить заново.

Решение о превращении Гельсингфорса в столицу Финляндии Александр I объявил 27 марта (12 апреля) 1812 г. По этому поводу финский историк Матти Клинге писал: «В 1812 г. работы были начаты, и вскоре Хельсинки превратился в гигантскую строительную площадку. На десятилетия привычными элементами городского пейзажа стали строительные леса. Город был переполнен рабочими: каменщиками, кровельщиками, малярами. К.Л. Энгель писал в одном из писем своему другу в Германию, что самым типичным звуком для Хельсинки был шум взрывов. Город приходилось строить на скалах прибрежных шхер. Для прокладки широких улиц, которые должны были

подчеркивать статус города, для выравнивания и мощения больших площадей, необходимых для парадов императорских войск, было недостаточно осушения небольших болот и сноса городской церкви и других зданий. Нужно было прежде всего взорвать скалы. Постепенно вырисовывались контуры грандиозного замысла.

В рескрипте, касающемся Хельсинки, имелся аргумент, который мог бы вызвать легкую улыбку будущего читателя. Турку был удален от столицы империи, в случае возникновения войны он находился бы в зоне вероятных боевых действий. Но кроме этого обстоятельства император принял во внимание и то, что "расположенные ныне в Турку многочисленные учреждения не только вследствие дороговизны, но и из-за несовместимости с тем покоем, который необходим занимающимся науками, несомненно, гибельны для расположенной там Академии, а посему цель, которую мы преследовали, расширяя это учебное заведение для нужд развития населения Финляндии и для всеобщего просвещения, неминуемо оставалась бы недостижимой. Посему мы нашли полезным и необходимым для благополучия Финляндии и ее жителей... "переместить административные и правительственные органы из Турку в Хельсинки.

Будущее должно было ясно показать, что "развитие населения Финляндии и всеобщее просвещение" подразумевало тесное взаимодействие государственных органов и Университета, так как этот процесс в значительной степени зависел от чиновников, что в свою очередь приводило к тому, что подготовку чиновников следовало превратить во всех отношениях в главную задачу Университета...

Как уже говорилось, император еще в июне 1808 г. издал специальный рескрипт, касавшийся важных задач, стоявших перед Университетом. Это решение и позиция императора были непосредственно определены тем авторитетом, который сразу удалось завоевать архиепископу, вице-канцлеру Якобу Тенгстрёму. Университет и духовенство должны были выступить гарантом спокойствия народа до и непосредственно после завершения войны, равно как и в более отдаленной перспективе. Вместе с тем Университету отводилась главная роль в деле подготовки чиновников, которую необходимо было значительно расширить как из-за потребностей новых учреждений, так и по более общей причине — ради того "просвещенного" пути развития, о котором помышлял император. Руководство Университета быстро оценило связанные с этим возможности, и вскоре ректор Гартман отправился в составе финляндской делегации в Петербург, где выразил почтение императору, назвав его "Князем человечества". Гартман также занялся планами расширения Университета и размышлениями о том, кого из вельмож империи можно было бы пригласить в качестве канцлера.

Разрешение вопроса о канцлере продемонстрировало то, какую роль, сточки зрения будущего Финляндии, отводил

Университету император, — канцлером стал Сперанский. В феврале 1811 г. Сперанский подписал новую, весьма щедрую смету расходов Университета, предусматривавшую шесть новых профессур, одиннадцать новых ставок адъюнкт-профессора, новые места для лингвистов и администраторов, более высокие оклады для преподавателей и более высокие стипендии для студентов, ассигнования на библиотеку, коллекции, закупку дров и освещение. В фонд реконструкции незамедлительно перечислялось 20 000 серебряных рублей, с обещанием дополнительных взносов. Потребовалось некоторое время на перечисление этих больших пожалований в Финляндию, но когда операция была осуществлена, Университет получил все основания считать Александра своим вторым основателем, а впоследствии — носить его имя. Сперанского стали считать самым значимым, после графа Брахе, канцлером за все время его существования Университета...

1817 г. стал переломным в истории финляндского чиновничества. Введение экзаменов для чиновников обуславливало отныне необходимость университетского образования. До этого чиновников готовили как в Университете, так и непосредственно, причем главным образом в учреждениях. При этом объем и содержание университетских программ не были четко определены. Вопросы, касавшиеся экзаменов для занятия должностей, определялись государственными узаконениями, в то время как ученые степени присуждались в соответствии с университетскими статутами»[31].

В 1819 г. в Гельсингфорс переехал Сенат. В том же году Великое княжество Финляндское посетил Александр I. «Император прибыл из Архангельска через Петрозаводск в Валаамский монастырь на Ладожском озере, оттуда отправился через Сердоболь (Сортавала) в Куопио, куда прибыл 25 августа. Оттуда он отправился в Иисалми и дальше — по шоссейному тракту в Оулу. Он остановился на ночлег в постоялом дворе в Ниссиля, откуда отправился в Вуолийоки, расположенном на берегу Оулуярви. Невзирая на штормовую погоду, император взошел на борт шлюпа, который был специально выписан вместе с экипажем из Оулу, и довольно быстро добрался до Каяни. Однако из-за сильного встречного ветра нельзя было выйти в обратный путь, и тогда император решил совершить семимильное пешеходное путешествие по необитаемой местности — по тропинкам, через болота и холмы. В Ниссиля он повстречал крестьянина Тервонена, присутствовавшего при событиях в 1809 г. в Порвоо, и протянул ему руку, что в России императору не пришло бы и в голову, поскольку крестьяне всегда падали ниц перед самодержцем.

Итак, император вернулся в Ниссиля, а оттуда направился в Оулу, где основная часть свиты уже ожидала его в беспокойстве. Пребывание в Улеаборге обернулось настоящей идиллией с народными увеселениями, красивыми девушками-горожанками с зонтиками от солнца в руках,

некоторые из которых говорили по-немецки или по-французски. "Так Александр очаровал сердца всех. Те из местных жителей, кто до этого еще не молился за семью российского императора, увидев Александра, благословили весь его род", — рассказывает Сара Ваклин в своей книге "Сотня воспоминаний из Эс¬терботнии". Александр проехал до границы со Швецией, в Торнио соблаговолил посмотреть на семерых лапландцев, которые "с двумя живыми оленями" приехали, чтобы представить ему "его подданных, живущих на Крайнем Севере". Все говорит о том, что Александр оценил пря¬модушную естественность народа, без подобострастия и притворства представшего передним...

В Турку император имел возможность увидеть новое здание Университета, обсерваторию и транспарант с римскими героями, увенчанными диадемами. Он отметил хорошие манеры студентов, а на балу, устроенном в его честь, присвоил генералу Аминоффу титул графа. Из Турку император направился в Тампере и Хаме¬енлинну, где проинспектировал финские части в Парола. Двумя днями позже этим двум батальонам были вручены знамена, украшенные финляндским львом. Затем император проследовал в Хельсинки, где полным ходом шли работы по строительству новых зданий, казарм и, прежде всего, здания Сената — причем уже видны были серьезные результаты. Последним этапом поездки был Выборг»[32].

В 1823—1824 гг. в Финляндии была усилена цензура иностранной прессы и ограничен выезд за рубеж. Однако эти меры русского правительства не были направлены непосредственно против финнов. Как это признал М. Клинге: «Правительства государств Европы решили жестко противодействовать любым революционным выступлениям»[33].

В 20-х гг. XIX в. русские власти проводят ряд мер для подъема экономики княжества. Начиная с 1823 г. предоставляются дешевые займы: для основания новых промышленных предприятий, для распашки новых земель, проведения мелиорации, осушения болот и озер. В 1823 г. был основан первый сберегательный банк в Турку. Торнио получил «полные стапельные права» (то есть льготы в судостроении), и был введен новый протекционистский таможенный тариф.

И тут уже появляется финский сепаратизм, пока в виде мелких пакостей. Весной 1825 г. генерал-губернатор А.А. Закревский предложил унифицировать меры длины и на дорогах шведскую версту (1069 м) заменить русской (1067 м). Делалось это в интересах военных, а кроме того, в Выборгской губернии еще до присоединения Финляндии стояли верстовые столбы и дорожные указатели в русских верстах. Да и разница — всего 2 м— была незначительная. Однако финский Сенат из принципа отказался переходить на русскую версту.

После смерти императора Александра I случился любопытный казус. Все финские учреждения, включая Сенат, немедленно присягнули законному наследнику престола Константину Павловичу.

Однако на престол вступил его младший брат Николай, а 14 декабря в Петербурге произошло восстание декабристов. Посему осторожные финны малость повременили и присягнули Николаю лишь 30 декабря 1825 г.

В знак особого расположения новый монарх назначил наследника престола, семилетнего сына Александра своим преемником на посту канцлера финляндского Университета. Это стало традицией, повторившейся в 1855 и 1881 гг. Во время вступления на престол Николая II в 1894 г. у него еще не было наследника, из-за чего вопрос временно оставался открытым.

4 сентября 1827 г. в Або, большая часть которого была тесно застроена деревянными домами, случился сильный пожар. Большая часть города выгорела. По сему случаю было решено университет перенести в Гельсингфорс.

Матти Клинге писал:

«В июне 1832 г. было освящено новое главное здание Университета в Хельсинки. Ни у одного университета — в Швеции, Дании, даже в Петербурге и Москве — не было такого большого и красивого здания. Кроме того, в последующие годы были построены большая обсерватория, клиники и грандиозное здание библиотеки, отличавшееся своими строгими линиями...

Когда в 1840 г. Университет торжественно отмечал свое двухсотлетие, новая Финляндия получила возможность отпраздновать завершение того процесса, начало которому было положено в 1809 г. Центральные учреждения и Университет нашли свое место в "новой Александрии", часть торжеств можно было уже проводить в великолепном Николаевском соборе. Сенатская площадь — воплощение новой идеи Великого княжества Финляндского в греческо-петербургском стиле — излучала элегантность, соответствующую только что обретенному национальном образу. Науки — физика, филология и другие — были объединены под эгидой Финского научного общества, основанного двумя годами ранее под патронажем канцлера Университета, престолонаследника великого князя Александра. Теперь можно было с сочувственной симпатией вспоминать то маленькое и бедное учебное заведение, каким был Университет в шведские времена. В то же время эту шведскую традицию, прежде всего ее глубокие корни, можно было использовать для влияния на многочисленных представителей российской научной и литературной элиты, приехавших в Хельсинки.

С 1820-х гг. многих русских привлекало пребывание у моря в Хельсинки теплым летом. В интересах такого рода туризма были разбиты парк Кайвопуисто и другие парки, построено здание Кайвоху¬оне, театр на Эспланаде. Поездки на немецкие курорты российским подданным, как правило, не разрешались, и это принесло Хельсинки и вообще Финляндии немалый доход. На культурную жизнь Финляндии туризм оказал заметное влияние: сюда приезжали коллективы, исполняющие концертную музыку, группы ху-

дожников, а позднее — большое количество фотографов и других усердно путешествовавших "специалистов".

Университетский праздник привнес в культурную и научную жизнь кое-что из той оживленной театральной, бальной и светской жизни, которая зародилась в Хельсинки в 1820—1830-х гг. Городское офицерство и высшее чиновничество со своими семьями представляли город в роли форпоста светского мира Санкт-Петербурга. Хельсинки мог даже предложить свету своих знаменитостей, например прославившуюся своей красотой целеустремленную графиню Закревскую, урожденную Толстую, или молодых красавиц Шернвалль, падчериц прокурора барона Валена — все они вышли замуж за представителей русского или зарубежного высшего света. Самая знаменитая из них — Аврора, ставшая позднее женой полковника Карамзина и имевшая самые близкие связи с императорским двором.

Музыка также стала связующим звеном между Университетом и светским обществом Хельсинки, а позднее она превратилась в элемент, связующий нацию. Архитектору Энгелю по уровню влияния и таланта соответствовал в сфере музыкального искусства выходец из Гамбурга Фридрих Пациус. Он прожил некоторое время в Стокгольме и был избран на должность преподавателя музыки в Хельсинки в 1834 г. Столь же энергично, как и его соотечественник, он формировал музыкальную жизнь Финляндии во всех ее формах и связывал ее с лучшими традициями немецкой музыки того времени.

Русские литераторы, прибывшие на празднования в 1840 г., принадлежали к кругу Пушкина и имели тесные связи с императорским двором, выступая, в частности, в роли наставников наследника престола. Их интерес к Финляндии стимулировали местные коллеги, не в последнюю очередь Рунеберг, который, чтобы создать себе имя в России, опубликовал поэтический эпос на русскую тему под названием "Надежда", а также Лённрот, написавший краткую историю России на финском языке»[34].

Экономическая ситуация в Финляндии радикально изменилась с отделением страны от Швеции.

В 1809 г. рубль был сразу же объявлен официальной денежной единицей Финляндии, однако вплоть до 1840 г. наряду с ним риксталлер оставался законным платежным средством. В 1860 г. страна в конце концов получила собственную денежную единицу — марку, а в 1865 г. ее курс стал независимым от рубля. Относительно рано, еще в 1811 г., в Финляндии был создан прообраз Центрального банка.

Во времена шведского владения в Финляндии практически не было собственной промышленности, и эта часть Швеции ориентировалась в основном на сельское хозяйство. Имелось несколько табачных, сахарных, парусиновых заводов и цехов, но и им вскоре пришлось свернуть свою деятельность, так как после присоединения Финляндии к России торговцы стали привозить более дешевые товары из России.

Железоделательные заводы продолжали свою деятельность и после образования Великого княжества Финляндского, поскольку располагались так, что могли использовать энергию воды, поблизости в изобилии имелась древесина для заготовки угля, а также достаточно и дешевой рабочей силы. Такие заводы располагались в основном на южном побережье Финляндии, куда руда привозилась из Швеции, а также в областях центральной и восточной Финляндии, где имелись залежи озерной и болотной руды. Больше всего руды привозилось из шахты в Утё, расположенной на одном из островов Стокгольмского архипелага.

Завоз руды был особо оговорен в тексте Фридрихсгамского мирного договора, и это условие продлевалось каждые два года вплоть до 50-х гг. XIX века. Шведы же получали возможность ввозить готовые изделия из железа на территорию Великого княжества Финляндского почти беспошлинно.

Начиная с 1840 г. предпринимались попытки прекратить использование шведской руды в финляндской железоделательной промышленности и завоз шведских готовых железных изделий в Финляндию. Этим занималась специальная комиссия под руководством сенатора Л.Г. фон Гартмана. Подобная политика вызвала необходимость более крупных вложений в разработку собственных железорудных шахт. Это оказалось не слишком действенным, однако инвестиции все же привели к тому, что улучшилось техническое оснащение предприятий и повысилось качество выработки. В 1840—1860 гг. производство чугуна в Финляндии выросло на 120 %, прутковой стали — на 180 %. Около трех четвертей всего железа, производимого в Финляндии, вывозилось в Россию.

Разработка озерных и болотных залежей руды в Восточной Финляндии оставалась рентабельной до 1880-х гг., пока не изменилась российская таможенная политика. Однако к этому времени и другие условия для местного железного производства значительно ухудшились, поэтому металлообрабатывающая промышленность, особенно начиная с 1850-х гг., стала больше ориентироваться на финские рынки машиностроительной и литейной промышленности, но основываясь на привозном сырье.

Все железоделательные заводы и лесопилки Великого княжества Финляндского находились вне городов, чаще всего у речных порогов в лесах, как во внутренней части страны, так и на побережье.

В 1853 г. Англия и Франция развязали войну против России. Весной 1854 г. англо-французский флот появился в Балтийском море. Английская эскадра адмирала Непира состояла из 10 винтовых и 7 парусных кораблей, 15 винтовых фрегатов и корветов, 17 малых судов (всего 2344 орудия). Французская эскадра адмирала Парсеваля-Дешена состояла из 31 судна, из которых 12 были паровыми. (Всего 1308 орудий.) В июле на Балтику пришла еще одна французская эскадра с десантным отрядом в 6 тысяч человек.

Русский флот был в основном парусным и не мог эффективно противостоять союзникам в открытом море. Начать крейсерскую войну на коммуникациях союзников или использовать штурмовые силы — брандеры, малые пароходы с шестовыми минами и т.д. — у русских адмиралов не хватило ни ума, ни смелости, поэтому Балтийский флот в ходе кампаний 1854-го и 1855 гг. отстаивался в базах.

«Командующий Балтийским флотом Англии адмирал Непир уже в марте 1854 г. получил приказ захватывать "корабли, которые принадлежат императору России, или его подданным, или другим лицам, проживающим в его странах, или на территории, находящейся под его управлением". Речь шла почти исключительно о финских кораблях, главным образом о тех, порт приписки которых находился в каком-нибудь приморском городе, например в Похъянмаа. Но экономические факторы, однако, имели такой вес, что кораблям неприятеля, то есть на практике — финским, несмотря на войну, было разрешено производить выгрузку древесины и дегтя в Великобритании вплоть до 15 мая: эти товары, в соответствии с правилами того времени, чаще всего были уже собственностью покупателя. Но постепенно все корабли, шедшие под русским бело-сине-красным торговым флагом, стали подвергаться досмотру и захватываться. Финский торговый флот был потерян в Крымской войне почти полностью, что, конечно, сразу же поспособствовало возникновению антианглийских настроений в Финляндии»[35].

В конце мая 1854 г. отряд союзных кораблей вошел в Ботнический залив. Корабли обстреляли порт Брагештадт (современное название Раахе), где была сожжена судоверфь, и порт Улеоборг (Оулу), где сожгли смолокурню и отдельные дома. Было захвачено несколько десятков малых финских судов, принадлежавших частным лицам.

26 мая (7 июня) союзная эскадра под командованием британского адмирала Плюмриджа появилась перед Гамле-Карлебю (Коккола). Противник на девяти баркасах, каждый вооруженный пушкой, попытался высадить десант. Город защищали две роты финских стрелков при двух полевых пушках и около сотни вооруженных местных жителей.

Бой длился с 9 часов вечера до полуночи. Один баркас союзников затонул, другой с 22 матросами сдался. Англичане потеряли около 50 человек, финны — 4 человека. Через месяц большой английский баркас местные жители установили в центре города в качестве памятника. «Позднее портреты коммерции советника А. Доннера и крестьянина Маттса Густавсона Канкконена, руководивших во время сражения местными жителями, были вывешены в императорском дворце в Хельсинки, а в период независимости эти портреты украшали зал, в котором послы иностранных государств вручали президенту верительные грамоты»[36].

После неудачи у Гамле-Карлебю адмирал Плюмридж с двумя фрегатами двинулся на самый север Ботнического залива, где обстрелял город и порт Кеми.

М. Клинге пишет: «События, произошедшие в Ханко, Витсанде, Раахе и Коккола, решительным образом повлияли на формирование общественного мнения в Финляндии. Первым эту тему затронул Топелиус в своем стихотворении "Первая капля крови"».

Там говорилось:

Мы верили в добро и праведность Британии,
Наварин, Трафальгар известны были нам.
Блистательный Шекспир или дворец хрустальный
Всегда были милы отзывчивым сердцам!

Но гордые сыны седого Альбиона
Набросились на нас — собратьев во Христе.
Европы хлебный край — в пожарах, воплях, стонах!
Как понимать такое служение мечте ?

Когда ваш грозный флот, непревзойденный в мире,
Геройски стал топить торговые суда:
Беспомощных людей расстреливать, как в тире —
Уж так ли благородно и славно, господа ?

И вот, когда ворвались вы с целью грабежа,
Чтоб уничтожить гавани, чтоб обескровить нас,
И вот на этих мирных торговых рубежах
Капля крови первая снова пролилась!

Если вы, люди юга, приведете свой флот
Снова в гавани наши, вам придется познать,
Как за родину финское сердце умрет —
Как бесстрашно мы будем ее защищать[3]".

Естественно, что в правление Маннергейма эти стихи были запрещены.

Единственным сколько-нибудь существенным успехом союзников стало взятие недостроенной русской крепости Бормарзунд в Аландском архипелаге. Гарнизон крепости состоял из 42 офицеров и 1942 нижних чинов, среди которых был и финский батальон. Союзная пресса преподнесла взятие Бормарзунда как важную победу. На самом деле этот частный успех не дал союзникам почти никаких преимуществ.

Воодушевленный взятием Бормарзунда, английский адмирал Непир попытался захватить город Або. Однако там был сосредоточен 10-тысячный русский корпус, вход в порт перекрывали боновые заграждения, которые защищали 10 канонерских лодок и два парохода. В 4 часа дня 10 августа 1854 г. пять английских пароходов открыли огонь с 2000 саженей (4,3 км, то есть с предельной для того времени дистанции) по канонерским лодкам. Канонерки открыли ответный огонь, поддержанный береговой артиллерией с острова Рунсола. После нескольких часов безрезультатной перестрелки союзники ушли.

На том и закончилась кампания 1854 г. Союзники побоялись оставить гарнизон в районе Бормарзунда, и развалины крепости были вновь заняты русскими.

В кампанию 1855 г. на Балтике союзникам также не удалось добиться сколько-нибудь серьезных результатов. Их попытки захватить ключевые точки финского побережья Гангут и Порккала-Удд

потерпели неудачу. Атаку Кронштадта союзники даже не планировали, а два корабля, посланные на разведку, 9 июля 1855 г. подорвались на русских минах севернее острова Котлин. Оба корабля остались на плаву, но психологическое воздействие оказалось столь сильным, что более союзники к Котлину не совались. Всего у Кронштадта было выставлено 609 мин.

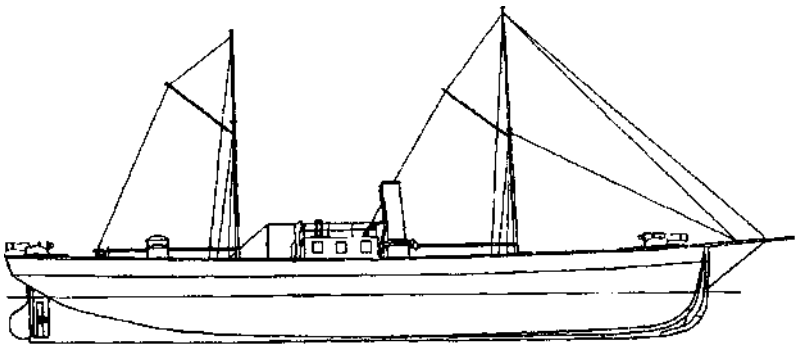
С 28 по 30 июня 1855 г. союзный флот бомбардировал крепость Свеаборг. В ночь с 27 на 28 июня французский десант занял скалистый безлюдный островок Абрамс-Гольм, где установили шесть дальнобойных 27-см мортир. Эти мортиры превосходили по дальности стрельбы русские орудия. Да и на многих британских и французских судах были сделаны приспособления для увеличения углов возвышения пушек, что позволяло увеличить дальность стрельбы. На некоторых финских либералов произвел большое впечатление факт, что русские орудия в большинстве случаев не доставали до союзников, а снаряды противника разрывались в крепости.

Но, тем не менее, попытка захватить или, по крайней мере, разрушить Свеаборг закончилась неудачей. К 30 июня почти все орудия союзников, стрелявшие под большим углом возвышения, вышли из строя — было несколько разрывов стволов, но чаще всего разрушались станки и проламывались деревянные палубы под орудиями.

Повреждения же крепости были незначительными. В ходе бомбардировки в Свеаборге были убиты 55 человек и ранены около двухсот, у союзников потери составили 33 человека убитыми и ранеными.

Всего союзники выпустили по Свеаборгу 20 тысяч снарядов общим весом 60 тысяч пудов (почти 5 тыс. тонн), израсходовав 12 тысяч пудов (200 т) пороха. Только стоимость боеприпасов составила свыше 5 млн франков.

Забрав свои мортиры с островка Абрамс-Гольм, союзники 1 августа отплыли от Свеаборга. Дальше союзному флоту удалось пограбить несколько финских малых населенных пунктов на берегах



Канонерская лодка типа «Щит». 1855 г. Такие канонерки специально строились для защиты финских шхер в 1854-1855 гг.

Финского и Ботнического заливов. А в ноябре 1855 г. союзная эскадра ушла с Балтики.

Ко времени начала кампании 1856 г. для защиты финских шхер в состав Балтийского флота было введено около 70 паровых канонерских лодок, каждая из которых была вооружена одной 68-фунтовой пушкой[38] и одной 36-фунтовой пушкой.

Однако прежде чем сошел лед в Ботническом и Финском заливах, 18 марта 1856 г. в Париже был подписан мирный договор. Одновременно Россия, Англия и Франция подписали конвенцию об Аландских островах, согласно которой Россия обязалась демилитаризировать эти острова, то есть не возводить там укреплений и не содержать военных частей.

В целом Крымская война 1853—1855 гг. подтвердила правоту императора Александра I — Финляндия действительно стала надежным щитом Петербурга. Следует заметить, что даже по мнению современных финских историков абсолютное большинство финнов поддерживали русских в этой войне. Тот же Матти Клинге писал: «В Финляндии обычно находилось двенадцать русских линейных батальонов. Во время Крымской войны к ним были добавлены гренадерский полк, казачий дивизион, гвардейская и отдельная артиллерийская части. Общая численность русских войск в Финляндии во время Крымской войны насчитывала 70 000 человек. По рассказам жителей Похъянмаа, русские пользовались особой популярностью у женщин и детей. Как заметил один современник, девушки "слишком много флиртовали с русскими офицерами"»[39].

Мало того, после смерти императора Николая I жители города Васа (Вааса) обратились к властям с ходатайством переименовать город в честь покойного императора — назвать его Николаиикаупункы. В апреле 1855 г. согласие было дано, и до осени 1917 г. город так и назывался. Правда, на русских картах он обозначался как Николайштадт.

Глава 6

Финляндия в конце XIX — начале XX века

После Крымской войны в Финляндии продолжали преобладать монархические настроения. По инициативе местных властей были построены дорогие и красивые памятники Александру I, Николаю I, Александру II и Александру III. Столица страны Хельсинки обустраивалась так, чтобы продемонстрировать теплые чувства горожан по отношению к монархии. Отцы города уже в 1833 г. воздвигли на Торговой площади памятный знак «Камень императрицы». Этот обе-

лиск, увенчанный позолоченным шаром с двуглавым орлом, стал первым настоящим памятником не только города, но и всей страны, если не считать надмогильные монументы. Воздвигнутой был в память первого приезда императрицы Александры Федоровны (старшей) в Финляндию и посещения Хельсинки.

Одна из улиц Хельсинки называлась Марианкату в честь матери Александра I и Николая I вдовствующей императрицы Марии Федоровны (старшей).

В 1820-х гг. центральные улицы города получили названия в честь членов императорского дома: Александра, Марии, Николая (сейчас улица Снельльманкату) и Константина (Меритуллинкату).

И позднее Финляндия по-рыцарски и с несомненным успехом отдавала должное русским императрицам. Город Марианхамина был назван так в 1861 г. в честь правящей императрицы Марии Александровны. Детский Марианский приют в Хельсинки был основан в 1880 г. в честь 25-летнего правления Александра II. Особо почитали в Финляндии императрицу Марию Федоровну (датскую принцессу Дагмару). Ее имя носила большая муниципальная больница в Хельсинки, основанная в 1891 г.

«Монархические чувства, — пишет М. Клинге, — взращивались и в таком важном деле, каковым являлось — официальное и неофициальное — воспитание детей. В отличие от многих других стран в Финляндии не существовало никакого противостояния между школой и церковью. Именно народная школа всеми средствами поддерживала церковь и Императора»[40].

Следует отметить и тот факт, что, по крайней мере до революции 1917 г. имена Николай, Александер, или Александр (то есть в честь императоров), стали наиболее распространенными вторыми именами мальчиков, особенно в крестьянских семьях, проживавших в районах с сильным старофинским влиянием.

В свою очередь русские императоры возвели в графское достоинство несколько десятков представителей финских и шведских дворянских семей.

Для финского дворянства и даже для разночинцев были созданы благоприятные возможности для занятия высших военных и гражданских должностей в империи. «Число находившихся на императорской военно-морской службе финнов, прежде всего — офицеров, в общей сложности составляло 340 человек. Из них 9 были адмиралами, 21 — вице-адмиралами и 46 — контр-адмиралами. Как и во всяких других профессиональных и корпоративных сообществах, многие семейные династии культивировали постоянный интерес к вооруженным силам: в результате чего в Императорских военно-морских силах служило семеро Старков, шесть Гаддов и Нордманов, пять Энквистов, Хеков, Лундов, Сильверсванов, фон Шульцев, Топелиусов, Вильгельмсов и Виренов, четыре Бойсмана, Хястеско, Яниша, Тавастшерны, Вирениуса и т. д.

Финский Кадетский корпус и Финская Гвардия на протяжении всего импер-

ского периода были важным идейным связующим звеном между Финляндией и финским общественным мнением, с одной стороны, и Российской империей и императорской армией — с другой. Созданная в 1878 г. на принципе всеобщей воинской повинности отдельная армия Финляндии, со своим финским командованием и штабами, поддерживая необходимые контакты, также выполняла эту функцию. В связи с возникшими разногласиями по вопросу о воинской повинности, финские стрелковые батальоны, а затем (в 1901 г.) и драгунский полк были распущены, в 1903 г. последовала очередь кадетской школы и Гвардии (21 октября 1905 г.)»[41].

Царское правительство вместе с финскими властями уделяло большое внимание развитию транспортной структуры Великого княжества. Так, в 1856 г. был открыт для судоходства Сайменский канал. В 1860-е гг. через этот канал стало проходить свыше 3 тысяч судов в год.

В 1862 г. была введена в строй первая финская железная дорога Хельсинки — Риихимяки — Хямеенлинна. «Она соединила с побережьем большую озерную систему Ванаявеси, которая не была связана с морем (река Кокемяки не была судоходной), и когда дорога из Риихимяки достигла Л ахти, стало возможным объединение бассейна Пяийянне с южным берегом.

Железнодорожная сеть расширялась таким образом, что три очень длинные ветки, ведущие на север страны, были объединены с основной дорогой, пролегающей из Хельсинки через Риихимяки в Петербург, с дорогой Похьянмаа (Риихимяки — Тампере — Сейняйоки — Оулу и т.д.), с дорогой Саво (Коувола — Микке¬ли — Риексямяки — Куопио — Иисал¬ми — Каяани ит.д.) и с дорогой Карелии (Элисенваара — Сортавала — Йоенсуу и т.д.). Между этими тремя дорогами — в центре и севернее — позже были построены соединяющие железнодорожные линии. В эту систему спустя некоторое время стали входить пути Турку — Тоийала и Пори — Тампере, а еще позже прибрежная железная дорога Хельсинки — Турку. Систему можно охарактеризовать как двухполюсную, центрами которой были Хельсинки и Петербург»[42].

Замечу, что дороги строили с принятой в империи широкой колеей, а не узкой, как в Западной Европе. В 1870 г. сеть железных дорог была соединена с Петербургом. Поезда из Выборга прибывали на Финляндский вокзал. Любопытно, что соединение финской железной дороги с другими дорогами империи произошло лишь в 1910 г., когда был введен железнодорожный мост через Неву, построенный, кстати, на деньги из бюджета Великого княжества.

Благодаря железной дороге, соединившей Гельсингфорсе Петербургом, на торжественном открытии Студенческого Дома 23 ноября 1870 г. можно было полакомиться привезенными из Петербурга деликатесами, например виноградом. Газета «Хювудстадебладет» писала, что многих это (дорога в Петербург) приводит в ужас... Она станет нашей широко-

колейной дорогой в остальной мир. Если мы не может идти по нему, не спотыкаясь, причина в нас. Прочь всякая нетерпимость! Прочь любая ограниченность!»

Увы, не все думали так. То там то здесь появлялись озлобленные кучки националистов, мечтавших стравить русских и финнов. Так, в 1869 г. поэт А. Алквист в стихотворении «Так могло случиться с Финляндией» призывал финнов ориентироваться на Запад, а не на Россию. Вот, мол, вогулы и вотяки «убереглись» от западного влияния, в результате чего они погрязли в дикости:

О, вогулы, мордва и вотяки,
И прочие угорские народы,
С которыми мы, финны, свояки —
Вы жалкое подобие породы!
Не знаете вы даже языка —
Не ведаете собственного слова,
И до сих пор никто еще пока
Не навязал вам ничего чужого!
Чего достигли вы своим трудом ?
В невежестве и дикости живете...

Немым подобно тщитесь вы сказать
Бессмыслицу, которую нечаянно
В слова вам удается облекать
Дыханьем смрадным —
хриплым и отчаянным.
Язык ваш как вода в болотной жиже,
Что тухнет без подпитки родниковой!
С Финляндией могло случиться так же,
Если б Господь не восхотел иного.

Во второй половине XIX века автономный статус Финляндии укрепился. Согласно манифесту Александра II от 13 июня 1886 г. сейм получил право законодательной инициативы. Общему собранию Сената в 1869 г. было разрешено самостоятельно решать ряд дел, связанных с управлением княжеством.

В 1894 г. в Уголовном уложении Великого княжества Финляндского было закреплено указание на то, что финны являются российскими подданными. Александр III стремился достичь объединения таможенной, почтовой и денежной систем Финляндии с общеимперскими, но не успел завершить начатое дело.

Манифестом от 3 февраля 1899 г. из юрисдикции финляндского сейма были изъяты вопросы, имевшие общегосударственное значение. Например, введение Министерства внутренних дел было передано управление почтами на территории Финляндии. В 1899 г. вышел манифест «О порядке издания общих для всей империи со включением Финляндии законов», а 7 июля 1900 г. был издан манифест «О постепенном введении русского языка в делопроизводство».

После Русско-японской войны начинается новый этап в строительстве береговых крепостей на Балтике. Так, в 1909 г. развернулось строительство двух мощных фортов на южном побережье Финского залива у местечка Красная Горка и на финском берегу у деревни Ино. Позже эти форты назвали «Николаевский» и «Алексеевский» в честь царя и наследника престола. Окончательно оба форта были введены в строй к концу 1914г.

Вооружение форта «Ино» к сентябрю 1916 г. состояло из четырех 305/52-мм/клб[43] орудий в двух башенных установках, четырех 305/52-мм пушек на открытых установках, восьми 254/45-мм пушек на станках Дурляхера[44], восьми 280-мм мортир образца 1877 г. и восьми 152-мм пушек Кане, а также пятидесяти шести 76-мм пушек, из которых восемь было зенитных. Западнее форта в районе деревни Пумала возвели батарею из шести 152-мм пушек Кане и четырех 76-мм противоштурмовых пушек.

В конце 1912 г. началось строительство артиллерийской Ревель-Порккала-Удской позиции, которая получила название «крепость Петра Великого».

В связи с началом мировой войны соглашение о демилитаризации Аландских островов утратило свою силу. В мае 1915 г. русские начали оборудование артиллерийской Або-Аландской шхерной позиции, которая была включена в крепость Петра Великого.

К декабрю 1917 г. число береговых и полевых орудий на территории Финляндии еще увеличилось, однако точное их число указать невозможно из-за беспорядка, царившего в русской армии. На финскую территорию были доставлены часть орудий Кронштадтской крепости, часть орудий Владивостокской крепости, пушки, купленные в Японии в 1915—1916 гг., и даже пушки с разоруженной Амурской флотилии.

Почти все эти орудия и десятки тысяч снарядов к ним достались в исправном состоянии финнам. Таким образом, Финляндия получила артиллерию, по своей мощи превышающую артиллерию нескольких европейских государств — Швеции, Норвегии, Дании и Голландии.

Мешали ли русские крепости финскому населению? Ни в коем случае! Под их территорию отводились каменистые и непригодные для земледелия участки побережья и островов. Зато русские войска давали работу тысячам финнов. Если сами тела артиллерийских орудий в Финляндии не изготавливались, то орудийные лафеты (станки) заказывали финским заводам на очень большие суммы. В XIX в. на верфях в Або, Бьернеборге, Гельсингфорсе и других для Балтийского флота были построены сотни боевых и вспомогательных судов. Так, только за 18 лет, с 1852 по 1870 г, на финских верфях были заложены паро¬ходо-фрегаты «Олаф», «Рюрик» (1853), «Рюрик» (1870); корветы «Калевала», «Варяг», «Витязь»; клипера «Абрек», «Всадник», а также ряд других судов. Финны строили суда неважно, и служили они недолго по сравнению с судами, построенными за рубежом и в Петербурге[45], зато денег финские капиталисты брали в лучшем случае не меньше.

Надо ли говорить, что русские офицеры, солдаты и матросы оставляли в финских лавках и магазинах десятки, а то и сотни тысяч рублей ежегодно.

Тем не менее, к концу XIX в. в Великом княжестве Финляндском наблюдается рост сепаратистских настроений. Понятно, что объективных причин к этому нет и, соответственно, нет разговоров об отделении от России ни среди крестьян,

ни среди рабочих. Но вот среди студентов такие разговоры идут. Ох, как хочется, вместо того чтобы кропотливым трудом медленно продвигаться в чинах, прыгнуть одним махом к вершине власти!

Ах, скольким интеллигентам-недоучкам, которым не светили успехи в науке и бизнесе, хотелось сделать революционную карьеру и стать «освободителем родины»! Добавим к ним молодежь, которой нужно выпустить пар и просто побузить. А тогда еще не было модно орать «Спартак — чемпион!» и драться на трибунах стадионов.

Ну а о том, куда приведут националистические игры и о том, станет ли народ жить богаче, или дома обратятся в руины, а сотни тысяч погибнут ради блестящей политической карьеры нескольких сотен недоучек, никто не думал.

Националистам обязательно надо было с чем-то бороться. Но примечательно — у финских националистов что-то не видно было экономических лозунгов. Поводы для «бузы» были прямо-таки анекдотичные. Ну, например, давайте в центре Выборга установим памятник маршалу Кнутссону, основателю города. Александр III отказал. По приказу Кнутссона в Финляндии были убиты тысячи русских и финнов. Представьте себе, что сейчас в Казани решили бы установить памятник Ивану Грозному или в Москве — хану Батыю? Кстати, достоверных данных, что именно Кнутссон основал Выборг, нет, и многие историки утверждают, что он вообще не имел никакого отношения к строительству города. Но Бог с ним, с Кнутссоном, — и Николай II разрешил ставить этот памятник.

В 1905 г. в России началась революция. Николай II был вынужден пойти на уступки и впервые в нашей истории учредил выборный законодательный орган — Государственную думу. В лагере русских либералов царило ликование. Финляндии было предложено избрать своих депутатов и послать в думу, дабы они отстаивали интересы финского населения. Но тут-то националисты пошли на принцип — никакой демократии нам не нужно, будем слушаться лишь царя-самодержца и его генерал-губернатора, а думу знать не знаем и знать не желаем. В итоге националисты саботировали посылку депутатов от Финляндии в Государственную думу вплоть до 1917 г.

Весной 1904 г. в Великом княжестве Финляндском возникла новая партийная группировка — «Партия активного сопротивления». Лидером ее с первого дня основания стал писатель и журналист Кони Циллиакус (Зиллиакус). «Партия активного сопротивления» действовала нелегально и ставила перед собой цель путем организации вооруженного восстания против России завоевать полную независимость Финляндии.

В 1905 г. после всеобщей стачки националисты основали военное крыло своей партии — организацию «Сила» (Voima). Этот на первый взгляд спортивный союз с помощью стрелковых и лыжных занятий давал своим членам военную подготовку. Наставления по тренировкам этой организации во многом схожи с

военными уставами. К весне 1906 г. «Сила» насчитывала уже более 25 тысяч членов и имела филиалы в ряде финских городов. В распоряжении этой организации находилось значительное количество оружия. Поэтому в 1906 г. Сенат по требованию России запретил эту организацию, а некоторые ее руководители были осуждены за сотрудничество с русскими революционерами.

Финские националисты приняли участие в первой общественной организации карел — «Союзе беломорских карел», который был учрежден 3—4 августа 1906 г. в Тампере. К концу 1906 г. Союз уже насчитывал 627 членов, из которых 494 были финнами и 133 — карелами, в основном проживавшими в Финляндии. В уставе Союза говорилось, что цель организации — «улучшение духовного и материального положения беломорских карел». В публичных выступлениях лидеров организации высказывалась мысль о возможности в перспективе объединения «всех финских племен в составе Финляндии».

Этот первый в Карелии националистическо-политический союз в связи с антигосударственным характером его деятельности был запрещен царским правительством в 1911 г. Позже он возродился как «Карельское просветительское общество». Активистов и членов союза объединяла общая соплеменная идея и вопрос о присоединении Восточной Карелии к Финляндии по линии Ладожское озеро — река Свирь — Онежское озеро — Белое море.

В августе 1914 г. началась война, которую во всей Европе сразу же окрестили Великой или Мировой. Ни финскому, ни русскому народу война была не нужна.

У России не было территориальных претензий к Германии и Австро-Венгрии. Да и в случае победы в войне присоединение любых территорий из этих двух монархий к России принесло бы ей только вред, усилив сепаратистские тенденции поляков. Достойной наградой России за участие в войне могли бы стать только Черноморские проливы. Официально Англия и Франция обещали их России, одновременно подписав между собой секретный договор, по которому Россия никогда не должна была получить Проливы.

Согласно знаменитой формуле Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». У Николая II не было никакой последовательной внешней политики, а у России — цели в войне. Показательно, что и враги, и союзники России в случае своей победы планировали расчленить Российскую империю, лишив ее Привисленского края, Финляндии, Прибалтики, а если повезет, то и Украины, и Кавказа.

Другой вопрос, что правительства стран Антанты не афишировали свои намерения, и финские националисты обратили свои взоры на Германию.

В Финляндии русские власти не проводили мобилизацию. Тем не менее, примерно 500 финнов поступили добровольцами в русскую армию. Начался сбор пожертвований в фонд Красного Креста, а на сред-

ства, собранные финляндскими промышленниками, был оборудован полевой госпиталь. В больницах княжества выделили несколько сот коек для раненых.

Увы, сепаратисты тоже не дремали. Посол Германии в Стокгольме барон фон Рейзенау в самом начале августа 1914г., вскоре после начала боевых действий, получил от канцлера Германии Т. фон Бетман-Гольвега задание поднять восстание в Финляндии: «Чтобы создать благоприятное для нас общественное мнение и по возможности вызвать восстание против России, желательно установить контакт с вождями Шведской партии в Финляндии и предложить им возможность сделать Финляндию автономным буферным государством (республикой) , в случае удачного для нас завершения войны. ГрафТаубе (шведский посол в Берлине, ранее министр иностранных дел) заверяет, что Швеция одобрит такое решение, так как она не хочет аннексии (Финляндии), самое большее — Аландских островов и урегулирования пограничных проблем. Будьте добры, сразу возьмитесь за подготовку»[46].

В качестве лозунгов для этой деятельности предлагалось: «Свобода и безопасность угнетенным Россией народам!» и «Загнать русский деспотизм назад в Москву!»[47]

Работа, проведенная германской стороной и националистами, дала свои результаты. В октябре — ноябре 1914 г. независимо друг от друга началось фор¬мирование трех главных националистических центров.

Первый центр образовался в Финляндии. 29 ноября 1914 г. представители университетских землячеств создали «Временный студенческий комитет», который своей главной целью объявил отделение Финляндии от России и начал подготовку вооруженного восстания в Великом княжестве. Члены Комитета считали, что для этого необходимо проводить военную подготовку населения и создать военную организацию, которая начала бы восстание. Единственным возможным союзником Финляндии была Германия, с которой представители Комитета установили тайные контакты. Поэтому перед Комитетом стояли задачи по поддержанию связей с Германией, по сбору разведывательной информации для немцев и по подготовке условий для вторжения немецких войск в Финляндию. Активисты Комитета поставляли в посольство Германии в Швеции информацию о дислокации русских войск в Финляндии и уже с начала 1915 г. стали получать деньги от германской разведки, что тщательно скрывалось обеими сторонами.

Второй националистический центр сформировался в Берлине. Там пронемецки настроенные финские эмигранты 27 ноября 1914 г. основали «Финляндский комитет», во главе которого встали бывший профессор университета в Турку И. Зюнвалль и адвокат Ф. Веттерхоф. Комитет этот в первую очередь осуществлял военную и политическую разведку в интересах Германии на деньги германского Министерства иностранных дел.

Третий центр образовался в Стокгольме, где проживали финские эмигранты Г. Гуммерус, К. Циллиакус и К. Кастрен. Они-то и основали «Центральное правление движения за независимость Финляндии», «Военный комитет» и другие организации.

К концу 1914г. руководящие органы этих трех националистических центров объединились для координации своих действий в борьбе за независимость.

7 февраля 1915 г. в Стокгольм прибыли первые 200 финских добровольцев, желавших воевать на стороне Германии. За переправку добровольцев из Швеции в Берлин отвечал майор фон Авеуд. Посредником между финнами, выезжающими на курсы в Локштедские лагеря, и германским военным атташе в Швеции выступала проживавшая в Стокгольме профессор Алма Сёдерхольм, имевшая псевдоним «официантка Анна». Она получала от Авеуда немецкие паспорта и передавала их добровольцам. Паспорта эти в целях конспирации выписывались на другие фамилии. Получив документы, финны выезжали в Германию.

С 24 февраля 1915 г. германские военные власти открыли для финских добровольцев курсы подготовки разведчиков, так называемые курсы следопытов. Там преподавалась огневая подготовка, методы ведения разведки и партизанской войны, совершение диверсий и саботажа. Проведение курсов и связанные с ними организационные вопросы возлагались на военное министерство Германии, военного и военно-морского атташе Германии в Швеции, то есть на военное ведомство и органы разведки. В целях конспирации курсы именовались «лагерем скаутов», и курсанты, соответственно, носили скаутскую форму. Руководителем «курсов следопытов» был председатель скаутского движения Германии майор М. Бауер. На курсах училось 189 добровольцев, большинство из которых составляли шведоязычные финны, окончившие лицей и по своему социальному положению относившиеся к высшим слоям общества. Учеба на курсах не прошла даром: при Маннергейме 165 выпускников стали офицерами, из них 25 — генералами, составив костяк финской армии, полиции, спецслужб и шюцкора.

Как видим, число финнов, поддерживавших Россию или Германию в войне, было в целом невелико. А что касается остальных, то они встретили войну с... энтузиазмом. Заводы на юге Финляндии получили крупные военные заказы, и капиталисты не нарадовались непредвиденным барышам. А вот крестьянство и купечество занялось спекуляцией. Тогда постановлением финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна были установлены предельные цены на продукты и предметы первой необходимости. Таким образом, больших прибылей на внутреннем рынке получить было нельзя. Зато страны Антанты объявили экономическую блокаду Германии и ее союзникам, в результате чего в этих странах начались трудности с продовольствием, а затем и голод. И тут высококачественные финс-

кие сельхозпродукты оказались как раз кстати.

До войны Финляндия поставляла в Центральную Россию сливочное масло, сыр и другие продукты и импортировала значительное количество зерна. С началом же войны поставки сельхозпродуктов в Россию существенно уменьшились, а поставки хлеба из России, наоборот, значительно возросли. Надо ли говорить, что все это русское зерно и финское масло шло к кайзеру транзитом через Швецию. Об этом неоднократно докладывали в Петроград и русские жандармы, и пограничники, и военная контрразведка.

Дошло до того, что осенью 1915 г. Англия и Франция решительно потребовали у царя прекратить поставки продовольствия и иных предметов в Германию через Швецию. Однако министр иностранных дел С.Д. Сазонов доказал Николаю II, что блокада затронет интересы Швеции, нанесет ущерб ее торговле с Германией и может привести Швецию к военному союзу с Германией. На самом же деле шансов вступления Швеции в войну практически не было.

Итак, из-за позиции Сазонова и безволия царя «шведский транзит» процветал и приносил баснословные прибыли шведским и финским дельцам.

Глава 7

Отделение Финляндии

В 1916 г. на выборах в сейм большинство голосов получила Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ), основанная еще в 1899 г. Левое крыло партии, возглавляемое О. Куусиненом, К. Маннером и Ю. Сиролой, поддерживало тесные связи с большевиками и лично Лениным.

После победы Февральской революции в России в промышленных центрах Финляндии создавались рабочие сеймы, Рабочая гвардия порядка, Красная гвардия. Руководящими революционными органами были Гельсингфорсский сейм рабочих организаций (созданный в марте 1917 г.) и левое крыло СДПФ, которые сотрудничали с русскими Советами солдатских депутатов, матросскими комитетами Балтийского флота и Советами рабочих депутатов, руководимыми Областным комитетом армии, флота и рабочих Финляндии, с Гельсингфорсским комитетом РСДРП(б), с финским национальным районом Петроградской организации РСДРП(б).

Временное правительство 7 (20) марта 1917 г. восстановило автономию Финляндии, но выступило против ее полной самостоятельности.

По требованию Социал-демократической фракции финский сейм принял

5(18) июля 1917 г. «Закон о власти», ограничивавший компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. Временное правительство при помощи национальной буржуазии разогнало 18 (31) июля сейм. Буржуазия и националисты приступили к созданию вооруженных штурмовых отрядов, получивших название шюцкор (от шведского слова Skyddskar — охранный корпус). Забавно, что в этом вопросе немцы отстали от финнов на 16 лет. У них Schutzstaffeln — охранные отряды (сокращенно — SS) появились только в 1934 г.

В октябре 1917 г. состоялись новые выборы в сейм, прошедшие с многочисленными нарушениями со стороны националистов. В результате буржуазия и националисты получили большинство в сейме.

Правление СДПФ и Исполком профсоюзов Финляндии 26 октября (8 ноября) приветствовали победу Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. 31 октября — 6 ноября (13—19 ноября) в Финляндии происходила всеобщая забастовка за претворение в жизнь экономических и политических требований рабочих. Красная гвардия разоружала отряды буржуазии, занимала административные здания, вокзалы, телеграфные и телефонные станции и взяла на себя охрану общественного порядка. Во многих городах власть фактически перешла к рабочим. Однако Центральный революционный совет (образованный в ноябре) после утверждения сеймом принятых еще летом постановлений о взятии на себя верховной власти и законов о 8-часовом рабочем дне и демократизации системы коммунальных выборов, призвал рабочих прекратить забастовку. 13 (26) ноября сейм утвердил сенат во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом.

23 ноября (6 декабря) сейм в одностороннем порядке провозгласил Финляндию независимым государством.

18 (31) декабря в Смольном Ленин подписал «Постановление Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндской Республики». В постановлении говорилось: «В ответ на обращение Финляндского Правительства о признании независимости Финляндской Республики Совет Народных Комиссаров в полном согласии с принципами права наций на самоопределение постановляет:

Войти в Центральный Исполнительный комитете предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики и

б) организовать, по соглашению с Финляндским Правительством, особую Комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России».

Постановление Совета народных комиссаров лично принял в Смольном Пер Эвинд Свинхувуд — премьер-министр новообразованного государства.

Большевистские комиссары не знали, что Свинхувуд еще в декабре 1917 г. вступил в переговоры с немцами и отправил

все золото Финляндского банка из Гельсингфорса на север страны. Буржуазное правительство Финляндии в октябре 1917 г. провело тайную операцию по скупке зерна у крестьян по чрезвычайно завышенным ценам. Закупленное зерно было складировано также на севере страны. Услышав о больших закупках зерна по выгодным ценам, крестьяне фактически прекратили продажу зерна в городах по обычным ценам. В стране начался голод.

Предусмотренные в постановлении Совета народных комиссаров практические мероприятия по отделению Финляндии от России не успели осуществиться образованием паритетной советско-финляндской комиссии, так как в Финляндии началась гражданская война. В ночь на Юянваря 1918 г.[48] произошли столкновения шюцкора с вооруженными отрядами финских рабочих (Красной гвардией).

12 января сейм признал шюцкор правительственными войсками. 16 января сенат, получивший от сейма чрезвычайные полномочия, назначил бывшего царского генерала Карла Густава Маннер¬гейма главнокомандующим белой гвардией[49]. В городе Васа (Николайштадт) был создан политический и военный центр контрреволюции.

23 января партийный совет СДПФ образовал Рабочий исполнительный комитет — высший революционный орган. 26 января комитет отдал приказ Рабочей гвардии о подготовке к захвату всех правительственных учреждений и стратегических пунктов. 27 января комитет обратился с «Революционным воззванием к финскому народу». В этот же день Рабочая гвардия порядка и Красная гвардия объединились, приняв название последней.

В ночь с 27 на 28 января в Гельсингфорсе отряды Красной гвардии в ответ на террористические выступления белогвардейских частей заняли здания совета и другие центральные учреждения. Буржуазное правительство бежало из Гельсингфорса. 28 января было сформировано революционное правительство — Совет народных уполномоченных (СНУ) в составе социал-демократа Маннера (председатель), Сиролы, Куусинена и других. Верховный орган власти — Главный рабочий совет из 35 человек (10 — от партийного совета СДПФ, 10 —от профсоюзов, 10 — от Красной гвардии, 5 — от Гельсингфорсского сейма рабочих организаций).

На борьбу поднялись рабочие Або, Таммерфорса, Пори, Котки, Лахти, Выборга и других городов юга. Север и большая часть центральной Финляндии остались в руках реакции.

29 января СНУ опубликовал Декларацию, содержавшую программу буржуазно-демократической революции. По инициативе рабочих происходил слом старого государственного аппарата, устанавливался рабочий контроль на предприятиях, железных дорогах и т.д. Революционный подъем финских трудящихся заставил СНУ перейти к более решительной политике. Устанав-

ливался контроль над частными банками, закрывались контрреволюционные газеты, был учрежден революционный суд, сеймы рабочих организаций фактически стали органами диктатуры пролетариата.

23 февраля был опубликован проект демократической конституции. Финляндия провозглашалась республикой. Однако крупные промышленные предприятия и частные банки не были национализированы, не были конфискованы земельные угодья и леса у крупных землевладельцев и лесопромышленных обществ, не решался вопрос о наделении землей малоземельных крестьян и т.д. СНУ не принял необходимых мер по обеспечению государственной безопасности и ликвидации контрреволюционного подполья.

Финская Красная гвардия, численность которой в революцию достигла 100 тысяч человек, имела все шансы разгромить шюцкор и буржуазные белофинские организации. В ее руках были все основные промышленные центры, включая военные заводы. Подавляющее большинство арсеналов бывшей русской армии также находилось на территории, подконтрольной финской Красной гвардии. Однако руководство Красной гвардии придерживалось оборонительной тактики. В результате этого в феврале — начале марта 1918 г. война приобрела позиционный характер. Причем сплошной линии фронта не было, а отдельные отряды белых и красных противостояли друг другу у населенных пунктов и на стратегических дорогах. Условно линию фронта можно провести по прямой от города Бьернеборг — Таммерфорс — Вильмастранд — Иматра — Раутус.

Таким образом, в Финляндии оказалось два правительства и два государства. 1 марта 1918 г. в Смольном Ленин и вице-премьер СНУ Эдвард Гюллинг подписали «Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой».

7 марта 1918 г. белофинское правительство подписало договор с Германией. Еще в январе 1918 г. Германия через Швецию перебросила в район города Васа 27-й егерский батальон, ранее сражавшийся против русских на рижском направлении.

...А сейчас я сделаю небольшое отступление — выведу на сцену главного героя современной финской мифологии Карла Густава Маннергейма.

Род Маннергеймов, скорее всего, попал в Швецию через Германию из Голландии. Его родоначальник купец Хенрик Мархейн в 1645 г. поселился в Швеции в Евле. В 1693 г. его младший сын Аугустин Мархейн после ряда удачных афер с недвижимостью получил дворянство. Затем он перебрался в Стокгольм, где арендовал две усадьбы. Свою голландскую фамилию он переделал в более длинную и звучную, а горловые звуки в слове «Маннергейм» придавали фамилии некую мрачность.

У Аугустина было четыре сына, и все они избрали карьеру военных — стали

офицерами-артиллеристами. Первым в семье перебрался в Финляндию сын Аугусти на Карл Эрик, он-то и стал прапрадедом будущего маршала. В 1783 г. Карл Эрик получил место секунд-майора губернского пехотного полка в Турку.

После присоединения Финляндии к России Эрика Маннергейма назначили председателем депутации, вызванной императором Александром I в Петербург для обсуждения вопроса относительно Финляндии. 30 ноября 1808 г. Эрик обратился к Александру I с речью на французском языке, в которой подчеркнул, что депутация представляет свободный, но законопослушный народ. Депутация обратилась к царю с просьбой о созыве сейма, который и был собран в Борго. Эрик Маннергейм занимал в сейме видное место. После этого его назначили губернатором. Кроме того, Эрик Маннергейм работал в Банке Финляндии и в начале 20-х гг. XIX века стал заместителем председателя сенатского департамента экономики (что сегодня соответствовало бы посту премьер-министра). Эрик был настоящий «тайный советник», и в 1825 г. император Александр i присвоил ему графский титул.

Один из сыновей Карла Эрика — Карл Густав — стал дедушкой будущего маршала. Карл Густав первым из Маннергеймов родился в Финляндии. Медленно, шаг за шагом он продвигался по службе и в 36 лет (1833) был назначен на пост губернатора Васы. В 1834 г. его перевели на пост губернатора в Выборг. Еще через пять лет был создан Верховный суд Выборга, и Карл Густав стал его президентом.

Карл Густав Маннергейм женился на дочери подполковника Карла Константина фон Шанца. У супругов было четверо детей: сын Карл Роберт — отец будущего маршала и три дочери. После смерти отца десятилетний Карл Роберт получил в наследство поместье Вилльнес. Повзрослев, он поступил в университет в Гельсингфорсе, стал радикалом и атеистом, отличался многогранными художественными талантами.

Карл Роберт много времени проводил в Париже, где впитывал «буржуазное свободолюбие» в той форме, в какой оно там витало. Во время процесса Дрейфуса он был целиком и полностью на стороне Дрейфуса, да и в других случаях не принимал антисемитизма. Всем знакомым в Финляндии и Петербурге, которых Карл Роберт считал реакционерами, он послал свою фотографию с ненавистной им книгой Золя «Аврора».

В 1862 г. Карл Роберт женился на Хелен фон Юлин, дочери крупного финансиста. Невеста принесла ему ренту в 5 тысяч рублей в год. Через пять лет, в 1867 г. у них родился сын Карл Густав, будущий герой. В 15 лет Карл Густав поступил в кадетский корпус в Финляндии, а весной 1887 г. — в Николаевское кавалерийское училище, которое он успешно окончил в 1889 г. Службу Карл Густав начал в 15-м Александрийском драгунском полку, дислоцированном на границе с Германией. Но через год благодаря обширным связям его родни в

аристократических кругах Петербурга Карла Густава переводят в гвардию в кавалергардский полк, то есть в личную охрану императора.

2 мая 1892 г. в Петербурге в полковой церкви кавалергардского полка состоялось венчание Карла Густава Маннергейма с Анастасией Араповой, дочерью генерал-майора Николая Арапова, входившего в свиту его величества. В прошлом он также был кавалергардом. Затем состоялась еще одна церемония венчания, но уже дома, по лютеранскому обряду. Дело в том, что, несмотря на просьбы невесты, Карл Густав отказался перейти в православие.

В 8 часов вечера молодожены сели в поезд и отправились в Москву, чтобы провести медовый месяц в имении Анастасии Успенское, находившемся на берегу Москвы-реки в 14 км от Москвы. Барский дом в Успенском походил на настоящий дворец — мраморные лестницы, 44 комнаты, обставленные античной мебелью. Дом окружал громадный парк, имелись прекрасные конюшни. Анастасия принесла приданое в 800 тысяч рублей под ренту в 14 тысяч рублей.

В 1904—1905 гг. ротмистр Маннергейм принял участие в Русско-японской войне. До 1917 г. он исправно служил в русской армии и не интересовался политикой. Забавно, что газета финских националистов «Свободное слово», печатавшаяся за границей и нелегально привозившаяся в Финляндию, опубликовала черный список тех финнов, которые верой и правдой служили самодержавию. В этом списке было и имя Маннергейма.

Как писал финский историк Вейо Мери: «В этот период жизни Маннергейм презрительно, в игривой, свойственной школьникам манере отзывался о финском языке и финноязычных людях. Возможно, это был юмор школьников старших классов. Летом 1905 г. он писал сестре Софи, собиравшейся в Тавастланд учить финский, что это язык чуди. Чудь — историческое название, бывшее в ходу у русских. Маннергейм сожалел, что сестра едет не в Швецию, например, а опять к этим "чухонцам".

После возвращения с войны он ко всему относился так же. Он писал, что собирается поступать в полицию, поскольку в жандармерии можно выслужить до высоких постов. Маннергейму казалось, что на войне его заслуги не были оценены по достоинству, что его отодвинули в сторону»[50].

Но до поступления в жандармы дело не дошло. Вернувшись из Маньчжурии в ноябре 1905 г., Маннергейм узнал, что его фамилия значится среди вновь назначенных командиров полков.

Октябрьская революция застала Маннергейма в Одесском военном округе. В конце ноября 1917 г. он попросился в отпуск «на лечение». Переодевшись в штатское платье, Маннергейм едет в Петроград, а 18 декабря того же года ночной поезд из Петрограда привозит Маннергейма в Гельсингфорс. Раз не удалась жандармская карьера, то почему бы не стать вождем «чухонцев» и даже не начать учить их язык?[51]

Почти сразу Маннергейм становится командующим войсками белых финнов В ходе боевых действий против красных финнов белофинны уже в январе 1918 г. стали совершать вооруженные нападения на части русской армии, дислоцированные в Финляндии.

Задним числом финские политики и историки оправдывали свою агрессию поддержкой большевистского правительства Финляндской социалистической рабочей республики. Обвинения эти явно не выдерживают критики. Русские войска в Финляндии фактически стали небоеспособными уже осенью 1917 г Подавляющее большинство русских солдат, находившихся в Финляндии к февралю 1918 г., не имело ни малейшего желания участвовать в гражданской войне, а мечтало лишь спокойно уехать в Россию. Офицеры же в основном крайне отрицательно относились к большевикам, и подозревать их в помощи красным финнам просто нелепо.

Чтобы избежать обвинений в пристрастности, процитирую статью Яльмара Линдера, зятя Маннергейма, опубликованную в Финляндии 28 мая 1918 г.: «То, что происходит в стране, ужасно. Несмотря на запрет главнокомандующего, расстрелы продолжаются беспрерывно. Красное безумство сменилось белым террором. Расстрелы тем более дают впечатление полного произвола, поскольку жертв выбирают и казнят в местах, где не совершалось никаких актов насилия. В лагерях для военнопленных узники мрут как мухи»[52].

Историк Вейо Мери писал: «Предупредительной мерой и основой более жесткого курса явилось и распоряжение, обещавшее окончательно разделаться с русскими, принимавшими участие в боях. Эти русские служили советниками, пулеметчиками, артиллеристами и штабистами. После взятия Таммерфорса 200 русских было казнено на таммерфорсском вокзале. Среди них оказались белые русские офицеры, прятавшиеся в городе. В Выборге тоже расстреляли взятых в плен русских, в том числе гражданских лиц, мало того, даже поляков, коммерсантов и предпринимателей, поддерживавших белую армию»[53].

Советское правительство в Петрограде симпатизировало красным финнам, но заявило о своем нейтралитете, опасаясь Германии. Ленин и Троцкий боялись применить силу даже для защиты жизни русских солдат и матросов, а также военного имущества в Финляндии.

В первой декаде января 1918 г. белофинны по льду подошли к ряду островов Аландского архипелага и напали на дислоцированные там подразделения русской армии. Деморализованные солдаты практически не оказывали сопротивления.

С крупными соединениями русских войск или кораблей белофинны действовали более-менее осторожно, а над небольшими изолированными подразделениями чинили расправу по своему усмотрению. Приведу текст весьма характерной телеграммы начальника Або-Аландской шхерной позиции от 16 января 1918 г.: «Г.

Васа занят белой гвардией свыше 5000 человек, вооруженной орудиями, пулеметами, нашими винтовками, [под] твердым руководством немецких офицеров. Сопротивление оказать не могу, сам жду захвата. Начальник Або-Аландской шхерной позиции... Он (начальник Або-Аландской шхерной позиции] уже арестован, держались только на радиостанции, района [службы связи] нет. Служба связи вся арестована. Прием, может быть, последний. Дежурный телеграфист».

15 февраля 1918 г. к острову Аланд подошел отряд шведских кораблей. Шведы предъявили русским войскам ультиматум — до 6 часов утра 18 февраля эвакуировать с Аланда все русские войска на шведских судах в Ревель. Все военное имущество оставить на месте, за исключением «одной винтовки на человека».

Не помогло и вмешательство русского консула в Швеции Вацлава Воровского. В конце концов военное имущество пришлось отдать шведам и белофиннам. Особую ценность представляли береговые батареи Або-Аландской позиции.

Уже в январе 1918 г. в Васе появились десятки шведских офицеров, обучавших белофиннов. Причем многие из них, не стесняясь, ходили по улицам в шведских мундирах.

Внимательный читатель наверняка задаст вопрос: а, собственно, на каком основании эскадра нейтральной Швеции могла войти в российские территориальные воды и предъявлять ультиматум русскому командованию? А на каком основании английские мониторы шли по Северной Двине на Котлас, австрийские мониторы поднимались по Днепру, японские корабли пришли во Владивосток и на Камчатку? Когда государство больно и его вооруженные силы не могут дать сдачи, то охотников пограбить всегда найдется с лихвой. А чем, собственно, шведы хуже немцев, англичан или японцев?

В связи с наступлением немцев в Эстляндии русские эвакуировали Ревель. Батареи крепости Петра Великого частично были взорваны, а большей частью попали в руки немецких и эстонских националистов.

Боевые корабли и транспорты Балтийского флота перешли из Ревеля в Гельсингфорс.

3 марта 1918 г. представители советского правительства подписали в Брест-Литовске мирный договор с Германией. Согласно договору Россия теряла Украину, часть Белоруссии, Привисленский край, Литву, Курляндию и Эстляндию. На основании V статьи договора Россия должна была перевести все свои военные суда в русские порты и оставить их там до заключения всеобщего мира. Таким образом, военные суда России не могли даже передвигаться между портами в своих территориальных водах.

Статья VI требовала немедленного ухода русских войск из Финляндии и с Аландских островов. Все русские военные корабли и суда должны были покинуть порты Финляндии. Пока же лед делал переход их невозможным, на них разрешалось оставить лишь часть ко-

манды, необходимую для перехода в русские порты.

Брестский мир был действительно «препохабнейший», но попрекать им Ленина может лишь законченный идиот или политический шулер. У России в сложившейся к февралю 1918 г. ситуации было только два выхода: либо мир с Германией на всех ее условиях, либо гибель государства Российского, которое в случае продолжения войны растащили бы на куски все кому не лень. При этом шведы и финны тоже в стороне бы не остались.

Другой вопрос, что Брестский мир держался исключительно на германских штыках. И как только штыки исчезли, договор приказал долго жить. 13 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР в рабочем порядке аннулирован Брестский мир. В постановлении по сему случаю было сказано: «*Насильнический* мир в Брест-Литовске уничтожен».

Странно, что урок с Брест-Литовским миром не пошел впрок малым странам, которые, пользуясь бедой государства Российского, навязали ему буквально под пистолетом различные «мирные» договоры в 1919—1923 гг. А потом горько плакали в 1939—1945 гг., когда Сталин восстановил статус-кво, существовавший до подписания этих маленьких «препохабнейших» миров.

Интересно, что сам Ленин незадолго до заключения Брест-Литовского мира подвергся нападению бандитов по дороге в Сокольники. Ильичу тоже пришлось заключить «мир» с бандитами, по которому им пришлось отдать автомобиль, деньги и даже личный браунинг вождя. Ленину пришлось пешком идти в Кремль. Зато через пару часов вся Ч К занялась поисками бандитов, десятки из которых не дожили до следующего утра.

Так было и так будет. Договоры о границах выполняются лишь тогда, когда они соответствуют географии и истории (пример: Пиренеи — историческая и географическая граница Франции и Испании), а главное, реальному соотношению сил сторон. В противном случае это не договоры, а никчемные бумажки.

Еще до заключения Брестского мира германское правительство попросило «потесниться» шведов, оккупировав Аландские острова. Шведы согласились, хотя и без особого энтузиазма.

28 февраля 1918 г. из Данцига вышла в море эскадра контр-адмирала Мейра в составе однотипных дредноутов «Вестфа¬лен», «Рейнланд» и «Позен» (водоизмещение 18900 тонн; вооружение: двенадцать 280/45-мм и двенадцать 150/45-мм пушек), нескольких крейсеров и тральщиков, конвоировавших семнадцать транспортов с войсками. 5 марта эскадра встала на якорь у местечка Экерэ (в западной части Аландских островов). При подходе к Аландским островам германский ледокол «Гинденбург» погиб на мине.

Немцы высадили десант на острова, но к материковой части Финляндии немецкие корабли подойти не сумели из-за толстого льда.

С улучшением ледовой обстановки немцы начали вторжение в Финляндию. В ночь на 3 апреля к полуострову Ганге

подошла эскадра в составе 30 боевых кораблей и транспортов, впереди шел ледокол и десять тральщиков. Немцы высадили десант и захватили город Ганге. Четыре русские подводные лодки IV дивизиона (АГ-11, АГ-12, АГ-13 и АГ-14) были взорваны экипажами. По приказу командира команда русской береговой батареи в Хесте-Бюссе взорвала орудия, за что впоследствии в Гельсингфорсе немцы предали членов команды военно-полевому суду.

Затем германские войска двинулись по направлению к городу Тавастгусу, взяв по дороге город Экнес.

Тем временем командование Балтийского флота спешно уводило корабли из Гельсингфорса. Первый отряд вышел 12 марта 1918 г. В его составе была бригада линкоров-дредноутов «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут», «Полтава» и крейсеров «Рюрик», «Богатырь» и «Адмирал Макаров» в сопровождении ледоколов «Ермак» и «Волынец». Через пять дней все они благополучно пришли в Кронштадт.

Немцы не возражали против ухода русских кораблей в Кронштадт. Зато белофинны и в первую очередь сам Маннергейм делали все, чтобы захватить корабли в Гельсингфорсе.

29 марта «Ермак» вышел из Кронштадта в Гельсингфорс за новой партией кораблей. Однако он был обстрелян береговой батареей с острова Лавенсаари, которая накануне была захвачена белофиннами. Затем «Ермак» был атакован захваченным финнами ледоколом «Тармо». «Ермак» был вынужден вернуться в Кронштадт.

В результате этого второй отряд Балтийского флота вышел 4 апреля из Гельсингфорса в сопровождении лишь трех малых ледоколов. В составе этого отряда были линейные корабли (броненосцы) «Андрей Первозванный» и «Республика» (бывший «Павел I»), крейсера «Баян» и «Олег», подводные лодки «Тур», «Тигр» и «Рысь», а также ряд вспомогательных судов. Все корабли и суда, кроме подводной лодки «Рысь», вернувшейся в Гельсингфорс, благополучно дошли до Кронштадта.

В Гельсингфорсе к командующему Балтийским флотом А.В. Развозову явились представители консолидации финских банков и предложили... продать часть судов Балтийского флота Финляндии. На вопрос командующего флотом, о какой «Финляндии» идет речь, представители банков заявили, что они подразумевают конечно «законное правительство Финляндии», но что переговоры они ведут самостоятельно, без официальных полномочий со стороны белого правительства.

Одновременно по Гельсингфорсу широко распространилось анонимное воззвание якобы от лица командующего германскими военными силами в Финляндии с обещанием вознаграждения за сдачу судов. На желание белофиннов задержать Балтийский флот до взятия Гельсингфорса указывает и планомерность захвата ледоколов «Волынец» и «Тармо», имевшая целью лишить флот лучших ле-

доколов и тем самым затруднить его переход во льдах.

Захват судов белофиннами осуществлялся старыми пиратскими способами. Так, ледокол «Волынец» 29 марта 1918 г. вышел из Гельсингфорса в Ревель, но по пути был захвачен вооруженной группой белофиннов, проникшей на ледокол под видом пассажиров[54].

Кроме русских судов на Гельсингфорсе базировался отряд английских подводных лодок. С разрешения советского правительства 4 апреля 1918 г. английские команды взорвали на внешнем Свеаборгском рейде подводные лодки Е-1, Е-8, Е-9, Е-19, С-26, С-27 и С-35.

С 7 по 12 апреля из Гельсингфорса вышли корабли и суда третьего отряда Балтийского флота, всего около 170 вымпелов. Все суда благополучно дошли до Кронштадта. Лишь госпитальное судно «Рига» задержалось из-за тумана и было захвачено германскими кораблями.

В Гельсингфорсе осталось 37 русских судов под военным флагом, 10— под флагом Красного Креста и 38 — под коммерческим флагом.

11 апреля после ухода из Гельсингфорса последнего отряда судов Балтийского флота в командование морскими силами в Финляндии вступил А.П. Зеленый, о чем и объявил в приказе, подняв свой флаг на учебном судне «Память Азова». Немедленно приступили к регистрации оставшихся судов, их разоружению и регистрации личного состава. 12 апреля на всех судах был поднят Андреевский флаг (ввиду того, что красный флаг центрального правительства Советской республики не был объявлен военным флагом вместо Андреевского и не признавался поэтому правительствами иностранных держав).

С утра 12 апреля в Гельсингфорсе начались перестрелки между отрядами белых и красных финнов. К полудню германские войска вошли в предместья города.

13 апреля на рейд Гельсингфорса вошел отряд германских тральщиков и открыл артиллерийский огонь по городу. Вслед за тральщиками на рейд вошел германский броненосец береговой обороны «Беовульф» и начал стрелять из 240/35-мм пушек. Вечером 12 апреля и в ночь на 13 апреля немцы высадили в Гельсингфорсе большой десант.

Красная гвардия отчаянно сопротивлялась немцам, но к вечеру 13 апреля большая часть зданий, занятая красногвардейцами, была взята. Моряки Балтийского флота соблюдали полнейший нейтралитет. Потери русских были случайными. Так, на госпитальном судне «Лава» был убит случайной пулей врач.

13 апреля на внутренний рейд Гельсингфорса в дополнение к «Беовульфу» вошли дредноуты «Вестфален» и «Позен».

В тот же день, несмотря на протесты русского командования, немцы заняли Свеаборгскую крепость.

14 апреля в Гельсингфорсе начались бесчинства финской белой гвардии. Дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую книгу «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных

системах», причем для неспециалистов поясню, что это не пропагандистское, а чисто военное издание, и до 1991 г. оно находилось в секретном хранилище.«14-го апреля по городу были расклеены объявления о предполагавшемся срочном выселении русско-подданных из Гельсингфорса. Затем начался захват белой гвардией русских судов под коммерческим флагом, что было опротестовано русским командованием. Захватывались главным образом буксиры и тральщики, причем это выполнялось самым бесцеремонным образом: команды выгонялись, имея 5 минут времени для сбора своих вещей, и отбиралась вся провизия. В городе и на кораблях германскими и финляндскими войсками производились аресты русских офицеров и матросов по самым нелепым предлогам. Местные газеты проявляли по отношению к России исключительную злобность и выливали ушаты грязи на все то, что так или иначе было связано с русским именем... На госпитальные суда финляндское правительство наложило эмбарго и совершенно не считалось ни с флагом Красного Креста, ни с датским флагом, поднятым после принятия флотилии под покровительство Дании... Все матросы и солдаты, застигнутые в рядах красногвардейцев с оружием в руках, — неукоснительно подвергались расстрелу. В одном Таммерфорсе число расстрелянных достигло 350 человек. Здесь было расстреляно, по сведениям из газет, и несколько русских офицеров. В Выборге, после его взятия белогвардейцами, кроме непосредственных участников борьбы, погибло несколько десятков русских офицеров, а также воспитанников русских учебных заведений, вовсе не принимавших участия в обороне Выборга красногвардейцами. Русские граждане принуждались к скорейшему оставлению Финляндии не только открытыми репрессиями властей, но и бойкотом, публичными оскорблениями, газетной травлей и условиями жизни, близкими к полному бесправию. Ввиду спешности, они при этом теряли все свое имущество, которое за бесценок распродавалось»[55].

Как видим, расправы в отношении финнов шли по классовому признаку, а в отношении русских — по национальному. По всей Финляндии белофиннами было расстреляно несколько сот русских офицеров, причем большинство из них скрывалось от красных финнов и радостно встретило «освободителей».

В первые же дни после захвата Гельсингфорса, Або и других городов имущество русских купцов и предпринимателей безжалостно конфисковывалось. Германское командование силой оружия защищало русские суда под военным флагом, а все частные суда были захвачены финнами.

Таким образом, массовые репрессии, экспроприация частной собственности и голод начались в Финляндии на несколько месяцев раньше, чем в Советской России. И в строительстве крупных концлагерей белофинны на четыре года опередили большевиков. В 1918 г. по приказу Маннергейма национальным символом Финляндии стала свастика. Свастика

появилась на военных самолетах и на бронеобъектах.

Всего же в апреле 1918 г. белофиннами было захвачено русского государственного имущества на 17,5 миллиарда золотых рублей (в ценах 1913 г.).

После захвата Гельсингфорса германский флот высадил десанты в восточных финских портах Ловиза и Котка. Оттуда немецкие войска двинулись в район Лахта — Тавасггус, где были значительные силы Красной гвардии. К концу апреля объединенные силы немцев и белофиннов сумели окружить красных финнов и принудить их к капитуляции. Значительная часть пленных была расстреляна, остальные отправлены в концлагеря.

25 февраля 1918 г. во всех церквях Финляндии был зачитан указ барона Маннергейма, по которому подлежали расстрелу все, кто «оказывает вооруженное сопротивление законным военным силам страны... уничтожает продовольствие» и вообще все, кто хранит дома оружие без разрешения. По финским чрезвычайно заниженным данным, весной 1918 г. было казнено 8400 красных финнов, среди которых были 364 малолетние девочки. В концлагерях в это время погибло 12,5 тысячи человек.

В лагеря было загнано столько народу, что Сенат в мае 1918 г. предложил Маннергейму отпустить простых красногвардейцев, чтобы было кому заняться посевной (в Финляндии в это время свирепствовал голод).

В конце апреля 1918 г. белофинны овладели городом и крепостью Выборг. Там они взяли 15 тысяч пленных и около 300 русских пушек (в основном крепостных). Не менее десяти пароходов сумело уйти из Выборга в Кронштадт с красногвардейцами и их семьями.

Белофинские войска подошли с суши к форту «Ино», который вместе с фортом «Красная Горка» был ключом обороны Кронштадта и Петрограда.

Не будь Брестского мира, пушки форта «Ино» даже без помощи кораблей Балтийского флота оставили бы «рожки да ножки» от отрядов белофиннов. Но советское правительство боялось немцев и попыталось протянуть время в переговорах. Замки же 305/52-мм и 254/45-мм орудий форта «Ино» были сняты и отправлены в Кронштадт, а сам форт подготовлен к взрыву. К форту «Ино» подошли линкор «Республика» и миноносец «Прыткий».

Интересно, что немцы не проявили заинтересованности в вопросе об «Ино» и попросту отмалчивались. Но 12 мая Троцкий отправил из Москвы телеграмму командующему Балтийским флотом: «Если будет произведено решительное нападение (финское. — *А.Ш.)* на форт "Ино", то, очевидно, должно вступить в силу принятое решение и должно быть произведено уничтожение форта, причем Кронштадт ни в коем случае не должен принимать участия в военных действиях из-за форта "Ино"».

Комендант Кронштадтской крепости Артамонов решил не конфликтовать с Троцким и приказал взорвать форт, что и было сделано 14 мая.

Время было революционное, везде царил хаос, и вместо восьми 305-мм орудий было взорвано всего три, а остальные пять достались финнам в сравнительно исправном состоянии.

К началу мая в руках белофиннов оказалась вся территория бывшего Великого княжества Финляндского. Но этого верхушке белофиннов было мало — они мечтали о «Великой Финляндии».

7 марта 1918 г., то есть в разгар гражданской войны, глава финского правительства Свинхувуд заявил, что Финляндия готова пойти на мир с Советской Россией на «умеренных условиях», то есть если к Финляндии отойдут Восточная Карелия, часть Мурманской железной дороги и весь Кольский полуостров.

15 марта генерал Маннергейм подписал приказ о выступлении на завоевание Восточной Карелии трех финских групп вторжения. Маннергейм утвердил «план Валлениуса»[56], то есть план захвата русской территории по линии Петсамо — Кольский полуостров — Белое море — Онежское озеро — река Свирь — Ладожское озеро.

Маннергейм выдвинул также в связи с началом боевых действий финских вооруженных сил против Советской России план ликвидации Петрограда как столицы России и превращения города и прилегающей территории пригородов (Царское Село, Гатчина, Петергоф и др.) в «свободный город-республику» наподобие Данцига.

18 марта в поселке Ухта, занятом финскими войсками, собрался «Временный Комитет по Восточной Карелии», принявший постановление о присоединении Восточной Карелии к Финляндии.

Целями финского вторжения в Карелию и на Кольский полуостров были не только территориальные приобретения. В Мурманске скопилось огромное количество оружия, продовольствия и различного ценного оборудования. Все это было морем доставлено союзниками в 1915—1918 гг. До революции царская администрация не сумела наладить вывоз всего этого, ну а в годы революции вывоз и вовсе был прекращен.

В конце апреля 1918 г. крупный отряд белофиннов на лыжах двинулся к порту Печенга. По просьбе Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов английский адмирал Кемп приказал посадить отряд русских красногвардейцев на крейсер «Кохране» («Cochrane», водоизмещение 13550 т, вооружение: шесть — 234-мм, четыре — 190-мм и двадцать четыре — 47-мм орудия).

3 мая «Кохране» прибыл в Печенгу, где высадил красногвардейцев. В помощь им капитан крейсера Фарм направил отряд английских матросов под командованием капитана 2 ранга Скотта.

Первое нападение на Печенгу было произведено финнами 10 мая. Основные же силы финнов атаковали союзников 12 мая. Однако совместными усилиями английским матросам и красногвардейцам (в большинстве своем матросам с крейсера «Аскольд») удалось рассеять и отогнать финнов.

В начале апреля союзное командование послало французский крейсер «Amiral Aube» в Кандалакшу для помощи советским силам в отражении предполагаемого набега финнов. Но крейсер не смог пройти через лед в горле Белого моря. Тогда в Кандалакшу по железной дороге выслали 150 британских морских пехотинцев. Финны решили не связываться с англичанами, и нападение на Кандалакшу было отменено. Таким образом, местным русским властям с помощью англичан и французов удалось отстоять от финнов Кольский полуостров.

15 мая Ставка Маннергейма опубликовала «решение правительства Финляндии объявить войну Советской России».

22 мая, обосновывая решение руководства Финляндии начать войну против Советской России на заседании сейма, депутат и один из руководителей финского Министерства иностранных дел (позднее, в 1921 — 1922 гг., вице-премьер) профессор Рафаэль Вольдемар Эрих заявил: «Финляндией будет предъявлен иск России за убытки, причиненные войной (имеется в виду гражданская война в Финляндии. *—А. Ш.).* Размер этих убытков может быть покрыт только присоединением к Финляндии Восточной Карелии и Мурманского побережья (Кольского полуострова)».

Но тут вмешалась Германия. Ее правительство здраво рассудило, что захват финнами Петрограда вызовет взрыв патриотических чувств населения России. А прямым следствием этого могло стать падение большевистского правительства и установление власти патриотов, сторонников «единой и неделимой России», которые неизбежно объявят войну Германии. Еще 8 марта 1918 г. император Вильгельм II официально заявил, что Германия не будет вести войну за финские интересы с советским правительством, подписавшим Брестский мир, и не будет поддерживать военные действия Финляндии, если та перенесет их за пределы своих границ.

В конце мая — начале июня германское правительство в ультимативной форме предложило Финляндии отказаться от нападения на Петроград. Финскому правительству пришлось смириться, а чересчур ретивого «ястреба» барона Маннергейма 31 мая отправили в отставку.

Как писал финский историк Вейо Мери: «Немцы помешали Маннергейму осуществить его главный замысел — захватить Петербург»[57]. В итоге барону пришлось перебраться из Гельсингфорса в «Гранд-отель» в Стокгольме.

Разумеется, на решение Финляндии повлиял не только германский ультиматум, но и концентрация русских сухопутных сил на Карельском перешейке. Серьезным аргументом стал и Балтийский флот. Большая часть кораблей стояла на Кронштадтском рейде и могла артиллерийским огнем и десантами угрожать правому флангу финских войск в случае наступления на Петроград.

Крейсера «Олег», «Богатырь», «Адмирал Макаров» и миноносцы заняли позиции на Морском канале вблизи Петрограда. На Неве встали канонерские лодки

«Хивинец», «Храбрый» и «Грозящий», эсминцы и сторожевые суда. В Ладожское озеро были введены 12 эсминцев, сторожевые суда и даже подводные лодки «Вепрь» и «Тур». Началось формирование военной флотилии на Онежском озере. Причем подводные лодки были посланы на Ладогу не для устрашения. Глубина озера допускала их эффективное использование. Подводная лодка «Вепрь» длительное время находилась у Сердоболя (с 1918 г. — Сортавала), самого крупного порта на северном побережье Ладожского озера. Над Ладожским и Онежским озерами постоянно патрулировали советские гидропланы. Но за всю навигацию 1918 г. —финские суда ни разу не рискнули появиться на Ладоге и Онеге.

В июне— июле 1918 г. Финляндия и Россия начали предварительные переговоры об условиях заключения мира. 12 июля финский Генштаб подготовил проект переноса финской границы с Россией на Карельском перешейке в обмен за щедрую компенсацию территорией Восточной Карелии. Проект был подписан генерал-майором Карлом Ф. Вильк¬маном (Вилкмаа) и одобрен немецким командующим генералом Людендорфом. По своей сути проект представлял то же самое, что через 21 год предложит Финляндии Сталин.

С 3 по 27 августа 1918 г. в Берлине при посредничестве германского правительства состоялись мирные переговоры между РСФСР и Финляндией. Советскую депутацию возглавлял Вацлав Воровски и. а финскую— второй министр иностранных дел Карл Энкель. Однако 21 августа финны отказались заключать договор с Россией. Тогда немцы за спиной финской делегации заключили «Добавочный договор» к Брестскому миру. В статье V этого договора говорилось, что если Россия примет все меры для удаления «боевых сил Антанты с Севера России», то Германия гарантирует, что на «русскую территорию не последует нападения Финляндии». После изгнания войск Антанты на Севере будет установлено русское, то есть советское, правление.

Финская делегация сильно возмутилась, прервала переговоры с Россией, а Германии заявила протест. В результате на русско-финской границе сложилось положение «ни войны ни мира».

Тем не менее 13 сентября 1918 г. представитель Министерства иностранных дел Германии заявил финскому послу в Берлине, что Германия решительно предостерегает Финляндию от нападения на РСФСР, которая занята борьбой с войсками Антанты.

Несколько слов стоит сказать и о государственном устройстве Финляндии. 18 августа 1918 г. парламент, из которого были исключены все левые депутаты, провозгласил Финляндию королевством. А 9 октября парламент избрал королем гессенского принца Фридриха Карла (1868—1940), шурина кайзера Вильгельма, а регентом — Пера Эвинда Свинху¬вуда, бывшего председателя финского Сената.

Однако в октябре 1918 г. положение Германии становится критическим. Вос-

пользовавшись этим, Финляндия 15 октября оккупирует Ребольскую область в Карелии, принадлежащую СССР.

3 ноября в Германии началось восстание флота в Киле. 10 ноября кайзер Вильгельм 11 бежал в Голландию, а на следующий день в Компьене было подписано перемирие между Антантой и Германией. Белые финны осознали, что поставили не на ту лошадку, и решением парламента от 4 декабря 1918 г. король Фридрих Карл был низложен.

Характерно, что официозные лакировщики истории предлагали забыть о Финском королевстве и в послевоенном издании Большой советской энциклопе¬дии утверждали, что Финляндия с самого начала была республикой, а Маннергейм — регентом. На самом же деле она стала республикой только в 1919 г. Как в республике мог быть регент — ведомо только отдельным пропагандистам.

Сразу после капитуляции Германии финские власти сделали поворот на 180° во внешней политике и стали просить покровительства у «тетушки Антанты». 12 ноября 1918 г. Маннергейм прибыл в Англию, где провел неофициальные переговоры с британскими министрами. В частности, Маннергейм попросил Лондон прислать эскадру на Балтику, и желательно побольше.

Глава 8

Как шведский барон создавал Великую Финляндию

6 ноября 1918 г. начальник Морских сил на Балтийском море отдал приказ привести в состояние боевой готовности корабли в Кронштадте и на Ладожском озере. Среди оборонительных мероприятий Балтийского флота была постановка дополнительного минного заграждения у Кронштадта, начатая рано утром 19 ноября минным заградителем «Нарова». Внезапно заградитель был обстрелян финской береговой батареей, находившейся у деревни Пумола. Батарея выпустила 40 снарядов и добилась двух попаданий в «Нарову». Заградитель вынужден был дать полный ход и прекратить минную постановку.

Я специально останавливаюсь на этом небольшом эпизоде боевых действий, чтобы показать, как были связаны руки Троцким и К° у командования Балтийского флота по отношению к Финляндии. Советские линкоры могли прямо с Кронштадтского рейда открыть огонь по батарее в Пумоле и уничтожить ее. Однако они молчали, а флотское командование запрашивало Москву: «Что делать?» Наконец из Москвы последовало указание: «Завтра 20-го утром батарее " Крас-

ная Горка" снести огнем батарею Пумо¬ ла. Расход снарядов не ограничен». Обратим внимание: во избежание «международных осложнений», то есть гнева «тетушки Антанты», Троцкий отказался от использования огня корабельной артиллерии.

В 9 часов утра 20 ноября 305/52-мм пушки «Красной Горки» открыли огонь по батарее в Пумоле. По ней было выпущено девяносто 305-мм фугасных снарядов, и пять снарядов было выпущено «на всякий случай» по башням взорванного форта «Ино». По полученным позже агентурным данным, совершенно разрушены батарея у деревни Пумола и сама деревня, а также соседняя деревня Вити¬ кюля. На следующий день, 21 ноября, «Нарова» спокойно закончил постановку минного заграждения.

Прогнозы командования Балтийского флота подтвердились. Сразу после заключения перемирия с Германией Англия стала готовиться к интервенции на Балтике. 28 ноября в Копенгаген прибыло соединение британских кораблей под командованием контр-адмирала Алексан¬ дера Синклера. В его состав входила 6-я легкая крейсерская эскадра, флотилия эскадренных миноносцев и транспорт с оружием для белоэстонцев. По прибытии в Ревель с транспорта были выгружены тысячи винтовок, сотни пулеметов и несколько 76-мм зенитных орудий для эстонцев. Сам же Синклер немедленно двинулся к Нарве, где шли бои между красными и белыми[58]. В ночь на 5 декабря 1918 г. английский крейсер «Кассандра» подорвался на мине и затонул. 14 и 15 декабря английские корабли неоднократно обстреливали красные части на южном побережье Финского залива.

Соотношение сил в Финском заливе формально было в пользу русского флота. Однако большинство кораблей его физически не могло выйти из баз. Даже немногочисленные корабли из так называемого действующего отряда кораблей не ремонтировались несколько лет. Дисциплина среди «братишек» оставляла желать лучшего. Командиры из бывших царских офицеров были запуганы комиссарами, флот управлялся в основном безграмотными авантюристами типа Ф.Ф. Раскольникова.

Английские же корабли были новейшей постройки (1915—1918) и существенно превосходили по своим характеристикам русские корабли[59]. Поэтому англичане быстро установили господство во всем Финском заливе.

25 и 26 декабря английским кораблям сдались эсминцы «Автроил» и «Спартак», переданные впоследствии эстонскому флоту. Это надолго отбило охоту у советских надводных кораблей выходить за пределы дальности действия орудий форта «Красная Горка».

Боевые действия в Прибалтике в 1918—1919 гг. выходят за рамки данной работы, поэтому я не буду останавливаться на них, а затрону лишь аспекты войны, непосредственно касающиеся Финляндии.

Одним из первых указов регента Ман¬ нергейма стало постановление о шюцко-

ре, в котором говорилось, что шюцкоровцы «призваны повышать обороноспособность народа и обеспечивать законный общественный порядок», то есть должны бороться с внешним врагом и вершить расправу над внутренним. По приказу Маннергейма в 1919 г. национальным символом Финляндии стала свастика, и все финские самолеты и танки имели опознавательные знаки в виде свастики вплоть до весны 1945 г.

30 декабря 1918 г. финские войска под командованием генерал-майора Ветцера высадились в Эстонии. Формально корпус Ветцера считался добровольным, но фактически это были регулярные войска, общее командование над которыми осуществлял сам Маннергейм. Финский корпус участвовал в боях с советскими войсками до конца февраля 1919 г

В январе 1919 г. финские войска захватили в Карелии Поросозерную волость, соседнюю с Ребольской волостью. В феврале 1919 г. на мирной конференции в Версале Финляндия потребовала присоединить к ней всю Карелию и Кольский полуостров. Тем не менее в январе — марте 1919 г. финны вели ограниченные боевые операции в основном в районах Реболы и Поросозера.

Под руководством Маннергейма финское командование разработало план нападения на РСФСР. Согласно ему после схода снегов Южная группа (регулярные части финской армии) начинает наступление в направлении Олонец — Лодейное Поле. Северная группа (шюцкор, шведские добровольцы и выходцы из Карелии) наступает в направлении Вешкелица — Кунгозеро — Сямозеро.

Наступление финских войск Маннергейм скоординировал с белым генералом Н.Н. Юденичем, войска которого находились в Эстонии. За союз Маннергейм потребовал у Юденича Карелию и Кольский полуостров. 3 апреля Юденич согласился отдать Карелию, а Кольский полуостров обещал отдать после постройки прямого железнодорожного пути на Архангельск.

21—22 апреля 1919 г. белофинские войска неожиданно пересекли в нескольких пунктах русско-финскую государственную границу. Не встречая на своем пути никакого сопротивления из-за отсутствия на данном участке советских войск, белофинны заняли 21 апреля Видлицу, 23 апреля — Толоксу, вечером 23 апреля — Олонец, 24 апреля крупными силами захватили Вешкелицу и к 25 апреля подошли к Пряже, угрожая непосредственно Петрозаводску. Отдельные финские подразделения, несмотря на завязавшиеся ожесточенные бои вокруг Пряжи и Маньги, прикрывающих Петрозаводск, проникли в течение ближайших двух-трех суток к Сулажгоре, в 7 км от Петрозаводска. Создалось критическое положение: Карельский край мог пасть буквально в считанные дни, учитывая, что с севера в направлении Кондопога — Петрозаводск наступали англо-канадские войска и белогвардейские части. Поэтому в последние дни апреля на подступах к Петрозаводску развернулись ожесточенные бои, в результате которых

финское наступление было временно приостановлено.

2 мая 1919 г. Совет обороны РСФСР объявил Петрозаводскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. 4 мая была объявлена всеобщая мобилизация Северо-Западного региона РСФСР.

Весь май и июнь 1919 г. восточнее и севернее Ладожского озера шли упорные бои, входе которых малочисленные отряды Красной армии сдерживали хорошо обученные, полностью экипированные и сильно вооруженные белофинские войска, обладавшие к тому же значительным численным перевесом.

Белофинская Олонецкая армия наступала на Лодейное Поле. Нескольким финским отрядам удалось переправиться через Свирь ниже Лодейного Поля.

Начиная с 4 мая сторожевые суда «Куница» и «Горностай» (водоизмещение 170 т, вооружение: две 75/50-мм пушки) ежедневно обстреливали занятое финнами побережье от Олонца до Видлицы. 8 мая они потопили артогнем в устье реки Видлица финский пароход. 16 мая к сторожевым судам присоединился минный заградитель «Березина» (водоизмещение 450 т, вооружение: две 102/60-мм и одна 75/50-мм пушки).

22 июля 1919 г. советским войскам Междуозерного района был отдан приказ: отбросить противника за границу Финляндии; выйти на линию: граница — Ведлозеро — Пряжа; по Петрозаводскому шоссе соединиться с Петрозаводской группой и составить сплошной фронт. Для этого одной группе Олонецкого участка вести наступление от реки Тулоксы к реке Видлице и далее, до границы. Действия сухопутных войск должны были поддерживаться огнем кораблей Онежской флотилии.

Решающую роль в разгроме белофиннов в Междуозерном районе сыграла Видлицкая операция. Для участия в ней были привлечены эсминцы «Амурец» и «Уссуриец» (водоизмещение 750 т, вооружение: две 102/60-мм пушки, одна 37-мм зенитная пушка), сторожевые суда «Выдра» и «Ласка», бронированные канонерские лодки военного ведомства № 1, 2 и№ 4 (водоизмещение 25 т, вооружение: две 76-мм горные пушки), посыльное судно № 1 и четыре парохода с десантом. Десантный отряд состоял из русской 1 -й стрелковой дивизии и 1-го финского стрелкового полка[60].

В 4 часа 52 минуты утра 27 июня флотилия с дистанции 10 кабельтов[61] открыла огонь по финским батареям, расположенным на правом берегу реки Вид¬ лица (два 88-мм германских орудия и два 57-мм орудия). К 7 часам 20 минутам батареи финнов были приведены к молчанию. Канонерская лодка № 2 вошла в реку Видлица и обстреливала побережье из 76-мм пушек и пулеметов. Высадка десанта началась в 7 часов 45 минут.

Одновременно часть десанта была высажена южнее Видлицы близ устья реки Тулоксы. Так канонерские лодки № 1 и № 4 вместе со сторожевым судном «Выдра» подавили огнем финскую батарею (два 57-мм орудия). В 8 часов утра нача-

лась высадка десанта севернее устья Ту¬ локсы. Канонерские лодки № 1 и№ 4 под¬держивали десант огнем, подойдя к само¬му берегу.

В ходе обоих десантов финские войс¬ка были разгромлены и в панике отступи¬ли на север. Нашими трофеями стали че¬тыре 88-мм германские пушки, пять 57-мм морских русских пушек, три япон¬ских миномета, двенадцать пулеметов, четыре автомата, две тысячи патронов и легковой автомобиль.

К 8 июля 1919 г. Олонецкий участок Карельского фронта был полностью ликви¬дирован: финские войска отступили за линию границы. Красная армия получи¬ла приказ не преследовать финские войс¬ка за чертой государственной границы. Замечу, что бок о бок с Красной армией в Карелии дрался и 6-й финский стрелко¬вый полк.

Провалом закончились все планы Маннергейма организовать поход на Петроград через Карельский перешеек. На захват Петрограда финнам дали со¬гласие и Юденич, и «Временное прави¬тельство Северной области», созданное в Архангельске. Оттуда в Хельсинки (до 1918 г. — Гельсингфорс) в начале июня 1919 г. направился специальный пред¬ставитель генерал-лейтенант Марушев¬ский, который лишь просил Маннергей¬ма после взятия Петрограда передать уп¬равление над ним администрации Юденича. О том, что натворят белофин¬ны в Петрограде, сии «патриоты» явно не думали.

Противниками же похода на Петрог¬рад стали финский парламент (ригсдаг) и правительство Великобритании. Первые подсчитали, во что обойдется этот поход, и прослезились. Вторые уже приобрели опыт общения с большевиками от Баку до Архангельска и легко просчитали все последствия похода. Что Маннергейма побьют — в Лондоне не сомневались. Их волновал другой вопрос — отбросив ба¬рона от Петрограда, будут ли русские гнать его до финской границы, или пой¬дут дальше и, если пойдут, то где остано¬вятся? У Хельсинки, у Або или в Сток¬гольме?

Замечу, что лучшие части 7-й армии, защищавшие Петроград, были сконцен¬трированы именно на Карельском пере¬шейке.

Таблица I

Распределение сил и средств 7-й армии по участкам к 5 мая 1919 г.

Участки	**Штыков и сабель**	**Пулеметов**	**Орудий**
Междуозерный	4800	93	6
Карельский	4100	120	119
Нарвский	4900	161	32
Гарнизон Петрограда	2200	32	13
Всего:	16000	406	170

В состав полевой артиллерии на Карельском перешейке входило восемьдесят —76-мм и семь— 107-мм пушек, двадцать четыре — 122-мм и восемь — 152-мм гаубиц. В случае наступления финнов на них неизбежно обрушился бы шквал огня кораблей Балтийского флота и Кронштадтской крепости. Кронштадтские форты могли обстреливать финскую территорию не только 305-мм, но и 254/45-мм и 203/50-мм пушками, а северные форты — и 152/45-мм пушками Кане.

С учетом достаточно развитой железнодорожной сети в районе Петрограда при необходимости на Карельский перешеек могли быть быстро переброшены пехотные и конные части из Центральной России.

В итоге поход на Петроград провалился, так и не начавшись. В утешение ретивым белофиннам британское правительство разрешило своему флоту поохотиться на русских в восточной части Финского залива.

К началу июня 1919 г. в Финском заливе находились три английских легких крейсера: «Клеопатра», «Дрэгон» и «Галатея», восемь эсминцев и пять подводных лодок. Все эти суда вошли в строй в 1917—1919 гг. Финское правительство создало английским кораблям передовую базу в Биоркэ (ныне Приморск) в 90 км от Петрограда и в 60 км от Кронштадта.

4 июня эсминцы «Гавриил» и «Азард» загнали на мины в Копорском заливе английскую подводную лодку L-55. Весь экипаж лодки погиб. В 1928 г. L-55 была поднята и под тем же названием вошла в строй Красного флота.

Более удачным стало применение англичанами малых торпедных катеров. Действия катеров в Финском заливе и даже сама доставка их туда так и просятся в приключенческий фильм. Катера были скрытно перевезены на нескольких грузовых пароходах в Швецию, а оттуда переправлены в Або и Хельсинки. Часть команды ехала в Финляндию в качестве яхтсменов, а часть — в виде коммерсантов. Первые два катера были отбуксированы в Биоркэ английским эсминцем 8 июня 1919 г. Через три дня катера перешли в Териоки в 40 км от Петрограда. Там в полуразрушенной базе бывшего Российского императорского яхт-клуба была создана секретная стоянка английских торпедных катеров.

В июне 1919 г. английские торпедные катера совершили 13 походов в Петроград Северным фарватером мимо северных фортов Кронштадтской крепости. И только два раза они были обнаружены и обстреляны ружейно-пулеметным огнем, но большая скорость (33—37 узлов) позволила им уйти. На одном из островов Невской дельты катера высаживали или принимали британских агентов.

13 июня гарнизоны фортов « Красная Горка» и «Серая Лошадь» подняли мятеж против большевиков. Мятеж мог иметь более чем серьезные последствия как для Кронштадта, так и для самого Петрограда. Однако «по обе стороны баррикад» оказались «братишки» — разболтанные, забывшие о дисциплине и правилах стрельбы. В итоге получилось «много шума из ничего».

В ответ на ультиматум большевиков в 15 часов 13 июня форт «Красная Горка» открыл огонь из 305-мм орудий по кораблям, стоявшим в Невской гавани. Со стороны большевиков по «Красной Горке» вели огонь линкоры «Петропавловск» (выпустил 568—305-мм снарядов) и «Андрей Первозванный» (170—305-мм снарядов), крейсер «Олег», эсминцы и форт «Риф». Гидросамолеты красных сбросили на форт почти полтонны бомб, семь тысяч стрел и тонны листовок. Пальба велась два дня — к вечеру 15 июня «Красная Горка» перестала отвечать на обстрел. Ночью в форт «Красная Горка» вошла разведка красных. Форт был пуст, мятежники разбежались. Позже советские историки будут рассказывать байки о многочисленных взрывах и пожарах в форту, о больших потерях мятежников и т.п. Пожар в действительности был — сгорел жилой городок вблизи форта. Ни одно из орудий форта не потеряло боеспособности, разве что у некоторых орудий мятежники сняли важные детали замков. Мятежники по эффективности стрельбы не уступали большевикам: ни одно красное судно не получило попаданий. Пострадали от огня форта «Красная Горка» лишь несколько кронштадтских обывателей, вышедших на набережные Купеческой и Средней гаваней поглядеть на представление.

С военной точки зрения наиболее неприятным последствием мятежа для большевиков стал выход из строя 305-мм орудий линкора «Петропавловск», совершенно расстрелянных в ходе «представления».

Англичане и финны могли помочь мятежникам, но не захотели. Лишь командор Эгар, начальник базы торпедных катеров в Териоки, решил атаковать красный флот. Впоследствии (15 февраля 1928 г.) он утверждал, что запросил Лондон на предмет нападения на красные суда и получил ответ, что его дело — только заброска шпионов в Петроград. Эгар якобы решил действовать на свой страх и риск[62].

17 июня крейсер «Олег» стоял на якоре у Толбухина маяка под охраной двух эсминцев и двух сторожевых судов. Катер Эгара подошел почти в упор к крейсеру и выпустил торпеду. Крейсер затонул. Как неслась служба у красных военморов, легко понять из того, что ни на крейсере, ни на охранявших его судах никто не заметил при дневном свете и отличной видимости подходящий катер. После взрыва был открыт беспорядочный огонь по «английской подводной лодке», которая привиделась военморам.

18 июня над Кронштадтом летали английские или финские аэропланы. Какие именно — в документе не сказано, видимо, не сумели определить национальность. Во всяком случае, они базировались в Финляндии.

20 июня советские самолеты произвели разведывательные полеты над островами Сескар, Биоркэ и над материковой Финляндией. У финского берега были обнаружены два судна, на которые с самолетов сбросили две пудовые бомбы.

22 июня неприятельские гидропланы бомбардировали Кронштадт. Потерь и повреждений кораблей не было.

29 июня форт «Красная Горка» открыл огонь из 305/52-мм орудий по неприятельскому транспорту. Транспорт был поврежден и стал уходить к финскому берегу, но вскоре взорвался и затонул. Установить причину его гибели (от огня батареи или от взрыва мины) не удалось.

В конце июня — начале июля английский флот был усилен крейсерами «Дели», «Даная», «Дентлесс» и «Кале¬дан», а также базой гидросамолетов «Виндинтив» (12 машин). 30 июня в Би¬оркэ прибыло еще семь торпедных катеров и еще один затонул при буксировке в Балтийском море.

В июле 1919 г. почти ежедневно неприятельские самолеты летали над Кронштадтом, но бомбили сравнительно редко. Советские самолеты в свою очередь летали над островами восточной части Финского залива и над финским побережьем, бомбили все встречные суда, правда, без особого успеха.

С 1 августа начались ежедневные бомбардировки Кронштадта самолетами, базировавшимися на финской территории. В ответ 6 августа четыре советских бомбардировщика в сопровождении двух истребителей были отправлены на бомбежку аэродрома близ Биоркэ. Из-за интенсивного зенитного огня три бомбардировщика вернулись, не выполнив задания, и лишь один сбросил бомбы на ангары.

Во время бомбардировки Кронштадта 13 августа произошел большой пожар складов леса, а также сгорело здание таможни.

В ночь с 17 на 18 августа английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадтской гавани. Пять катеров вышли из Биоркэ и два катера — из Териоки. Они встретились в районе форта «Ино», а оттуда пошли Северным фарватером к Кронштадту. Чтобы отвлечь внимание большевиков, в 3 часа 45 минут 18 августа над Кронштадтом появились английские гидросамолеты, сбросившие 100-фунтовые бомбы и открывшие огонь из пулеметов.

Итогом нападения стало повреждение линкора «Андрей Первозванный» и потопление разоруженного старого крейсера «Память Азова». В свою очередь три английских катера были потоплены огнем эсминца «Гавриил».

19 августа советская авиация нанесла удар по аэродрому и железнодорожной станции в финском городе Биоркэ. В налете участвовало пять гидросамолетов-бомбардировщиков и два истребителя. Было сброшено семнадцать бомб весом по 172 кг каждая и три зажигательные бомбы. С 20 по 28 августа неприятельская авиация ежедневно, иногда по три-четыре раза в день бомбила Кронштадт. 28 августа советская авиация бомбила Териоки.

31 августа подводная лодка «Пантера» у острова Сескар потопила английский эсминец «Витторна» (построен в 1917 г.; водоизмещение 1367 т; скорость 34 узла; вооружение: четыре 100-мм и одна 76-мм пушки, четыре 53-см торпед-

ных аппарата). А 4 сентября на русском минном заграждении погиб однотипный с «Витторной» эсминец «Верулам» («Verulam»).

2 сентября советская авиация бомбила форт «Ино». С шести бомбардировщиков сбросили 270 кг бомб. По самолетам был открыт интенсивный артиллерийский огонь.

С 4 сентября по 11 октября производились интенсивные (для того времени) взаимные ежедневные налеты авиации. Приведу лишь отдельные примеры. 4 сентября четыре самолета противника сбросили 12 бомб на эсминец «Свобода». Осколком бомбы, разорвавшейся недалеко от борта, ранен матрос. 7 сентября наши самолеты вновь бомбили форт «Ино». Семь самолетов сбросили 25 бомб общим весом 410 кг. Результаты наших бомбардировок неизвестны. Наиболее заметным результатом бомбардировок противника можно назвать попадание 3 октября бомбы в старый броненосец «Заря Свободы» (бывший «Александр II»).

11 октября войска Юденича начали наступление на Петроград. 17 октября была взята Гатчина, а через три дня — Детское (Царское) Село и Павловск. Однако 21 октября красные части перешли в контрнаступление. К 1 декабря Северо-западная белогвардейская армия была окончательно разбита, уцелевшие части отступили за реку Нарову в Эстонию, где 5 декабря 1919 г. были интернированы. Детали этой операции хорошо описаны советскими авторами и выходят за рамки этой работы. Отмечу лишь прибытие из Англии в Финский залив монитора «Еребус» (водоизмещение 8128 т; вооружение: две 381/42-мм, восемь 100-мм и две 76-мм пушки).

27 октября монитор вместе с другими кораблями обстреливал позиции красных. Английские корабли находились в тумане и не подвергались обстрелу. Зато когда 30 октября «Еребус» обстреливал «Красную Горку», то 305-мм снаряды батареи начали ложиться рядом с монитором. Выпустив тридцать снарядов, «Еребус» был вынужден уйти. Стрельба форта корректировалась с гидросамолетов.

В декабре 1919 г. английский флот ушел из Финского залива. 31 декабря 1919 г. в Тарту было подписано перемирие с Эстонией, а 21 февраля 1920 г. там же — мирный договор между Россией и Эстонией.

В феврале 1920 г. Красная армия покончила с белым «Временным правительством Северной области», которое бежало морским путем за границу. 7 марта Красная армия вступила в Мурманск. Теперь большевики взялись за так называемое «Северокарельское государство». Сие «государство» было создано 21 июля 1919 г. финнами и карельскими кулаками. В «государство» входило пять северных карельских волостей Архангельской губернии. Столицей «государства» стало село Ухта.

«Временное правительство Архангельской Карелии» заявило о выходе из состава России и обратилось к иностранным государствам с просьбой о диплома-

тическом признании. Надо ли говорить, что «Северокарельское государство» признала одна Финляндия и даже выдала «государству» заем в размере восьми миллионов финских марок.

18 мая 1920 г. части Красной армии взяли село Ухту, а «правительство» бежало в деревню Вокнаволок в 30 км от границы и через пару недель перебралось править в Финляндию. Но поскольку в Финляндии скопилось чересчур много карельских «правительств», что, естественно, было слишком накладно, то экономные финны создали в декабре 1920 г. в Выборге «Карельское объединенное правительство». Туда вошли «Олонецкое правительство», «Временное правительство Архангельской Карелии», правительство Ребольской и Поросозер¬ской волостей и т.д.

С 10 по 14 июля 1920 г. в городе Тарту велись мирные переговоры России и Финляндии. Последняя потребовала от России карельские земли. Понятно, что переговоры закончились провалом.

14—21 июля 1920 г. Красная армия наконец выбила последние отряды финнов с территории Карелии, за исключением двух северных волостей — Реболы и Поросозера.

После поражения финны стали сговорчивее, и 28 июля переговоры возобновились. 14 октября 1920 г. стороны подписали Тартуский мирный договор

Поскольку территориальные споры между Финляндией и Россией имели крайне важное значение, остановимся на них подробнее.

Согласно Тартускому миру к Финляндии на Севере, в Заполярье, отходила вся Печенгская область (Петсамо), а также западная часть полуострова Рыбачий, от губы Вайда до залива Мотовского, и большая часть полуострова Среднего, по линии, проходящей через середину обоих его перешейков. Все острова к западу от разграничительной линии в Баренцевом море также отходили к Финляндии (остров Кий и острова Айновские).

Граница на Карельском перешейке устанавливалась от Финского залива по реке Сестре (Систер-бек, Райяйоки) и далее шла на север по линии старой административной русско-финляндской границы, отделявшей Великое княжество Финляндское от собственно русских губерний.

Оккупированные финскими войсками карельские волости Ребольская и По¬росозерская очищались от войск и возвращались Карельской трудовой коммуне (позднее Карельская автономная область).

Морская граница в Финском заливе между РСФСР и Финляндией шла от устья реки Сестры до Стирсуддена вдоль северного побережья Финского залива, затем поворачивала к острову Сескар и островам Лавенсаари и, обойдя их с юга, поворачивала прямо к устью реки Наро¬вы на южном берегу Финского залива. (Таким образом, эта граница отрезала Россию от выхода в международные воды Финского залива.)

Отметим и несколько важных военных статей договора.

Финляндия должна нейтрализовать в военном отношении принадлежащие ей острова Финского залива, за исключением островов шхерного района. Это означало, что она обязуется не возводить на островах укреплений, военно-морских баз, портовых сооружений, радиостанций, военных складов и не содержать там войска.

Финляндия лишалась права держать в Северном Ледовитом океане авиацию и подводный флот.

Финляндия могла держать на Севере до 15 обычных военных судов водоизмещением не более 400 тонн каждое, а также любые вооруженные суда водоизмещением до 100 тонн каждое.

Финляндия была обязана в течение одного года разрушить форты «Ино» и «Пумола» на Карельском перешейке.

Финляндия не имела права строить артсооружения с сектором обстрела, выходящим за границы финляндских территориальных вод, а на побережье Финского залива между Стирсудденом и Иониеми — на расстоянии менее чем 20 км от береговой кромки, а также любые сооружения между Иониеми и устьем реки Сестры.

Обе стороны могли иметь на Ладожском озере и впадающих в него реках и каналах военные суда водоизмещением не более 100 тонн и с артиллерией, не превышающей калибр 47 мм.

РСФСР имела право проводить по южной части Ладожского озера и по обводному каналу военные суда в свои внутренние воды.

Финским торговым судам с мирным грузом давалось право свободного прохода по реке Неве в Ладожское озеро из Финского залива и обратно.

В октябре 1921 г. на территории Карельской трудовой коммуны в Тунгудской волости был создан подпольный «Временный Карельский комитет», начавший формирование кулацких «лесных отрядов» и давший сигнал к наступлению белогвардейских войск из Финляндии. В первой половине ноября 1921 г. они совершили серию диверсионных нападений на отдельные объекты и населенные пункты Карелии (железнодорожный мост через Онду, село Ругозеро) и уничтожение в них коммунистов и советских служащих.

К концу декабря 1921 г. финские отряды численностью 5—6 тысяч человек продвинулись до линии Кестеньга — Суомусалми — Ругозеро — Паданы — Поросозеро, захватив район с 30° до 33° в. д. Слабые отряды пограничной стражи, дезориентированные тем, что, согласно Тартускому договору с Финляндией, полевые воинские части Красной армии были выведены из района, подвергшегося нападению, не смогли сдержать мобильные лыжные стрелковые отряды финнов и кулацкие отряды «лесных братьев».

На территории Карелии и Мурманского края было введено военное положение. К концу декабря советские власти сосредоточили в Карелии 8,5 тысячи человек, 166 пулеметов, 22 орудия. Была проведена мобилизация коммунистов. В разработке плана контрнаступления РККА и разгро-

ма противника принял участие главнокомандующий РККА С.С. Каменев. Командующим Карельским фронтом был назначен командарм Александр Игнатьевич Седякин.

Ударом из Петрозаводска в двух направлениях советские войска к началу января 1922 *г.* заняли Поросозеро на южном фланге фронта, Реболы и Камасозеро на центральном участке фронта, разбив главную группировку финнов. Северная группа 25 января овладела Кестеньгой и Кокисальмой, а в начале февраля 1922 г. совместно с центральной группой взяла военно-политический центр «Карельского комитета» — село Ухту.

К середине февраля территория Карелии была полностью освобождена.

В разгроме интервентов принимали активное участие части, сформированные из финнов, эмигрировавших в РСФСР после гражданской войны в Финляндии: лыжный батальон Петроградской интернациональной военной школы под командованием А.А. Инно, прошедший по тылам белофиннов свыше 1100 км.

Кроме того, финские лесорубы создали партизанский отряд численностью в 300 человек, действовавший по ту сторону границы. 15 января 1922 г. во многих городах Финляндии прошли демонстрации рабочих, протестовавших против «карельской» авантюры.

Вместе с финскими войсками из Карелии ушли или было насильственно уведено 8 тысяч работоспособного населения. Общий ущерб Карелии от оккупации составил 5,61 миллиона рублей золотом.

После изгнания финнов Карельская трудовая коммуна была преобразована 25 июля 1923 *г.* в Карельскую АССР в составе РСФСР.

Итак, в 1922 г. закончилась первая война Финляндии и России. Начали ее националисты (белофинны) с нападений на русские гарнизоны, на законных основаниях находившиеся на территории Финляндии. Ссылки на то, что-де русские гарнизоны могли представить какую-либо угрозу финскому населению, попросту смешны. К началу 1918 г. русская армия полностью разложилась, и солдаты были одержимы лишь одним стремлением —домой! Замечу, что такая же картина была на всех фронтах. Солдаты захватывали эшелоны и через несколько дней оказывались во внутренних губерниях России. Если бы вожди националистов хоть немного думали об интересах собственного населения, то они бы могли предоставить русским «золотой мост», и через пару-тройку недель русских вообще бы ветром сдуло с территории Финляндии.

Но националисты не задумывались об интересах своих граждан, у них сработал грабительский инстинкт захватить как можно больше оружия и другого имущества бывшей Российской империи и теперь принадлежавшего его правопреемнику — Советской России.

Россия, связанная путами Брестского мира, действовала крайне нерешительно.

Советское правительство фактически предало красных финнов и ограничивалось пассивным сопротивлением финской агрессии. Возможно, кому-то сочетание слов «агрессия» и «Финляндия» будет резать ухо. Но, увы, еще в 1918 г. Маннергейма и К° вовсе не устраивали границы Великого княжества Финляндского, и уже тогда сформировалась доктрина Великой Финляндии. Как мы уже знаем, Маннергейм послал свои войска в Эстонию и Карелию, а от нападения на Петроград его с трудом удержали вначале немцы, а потом Антанта.

Финские историки, естественно, не желают писать правды о войне 1918—1922 гг. и вместо нее создали красивый миф об «освободительной войне». Причем начали они ее в 1918 г., а когда закончить, не знают: одни считают, что освободительная война закончилась в 1918 г., другие — в 1919 г. и т.д.

Ну что ж, если считать первую русско-финскую войну освободительной, то в ходе нее финское население освободилось лишь от тихой спокойной жизни, которую оно имело в течение 110 лет, находясь под защитой Российской империи и практически ничего не давая взамен. За первую войну Финляндия заплатила многими десятками тысяч убитых, но главное было в другом — мирная патриархальная Финляндия превратилась в милитаристское государство, навязавшее длительный конфликт своему великому соседу.

Раздел II

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

Глава 1

Как гонористое панство допекло соседей и что из этого вышло

Историю Польши с 1764 по 1945 г. польские да и подавляющее большинство западноевропейских историков представляют как время страшных страданий польского народа, ставшего жертвой соседних держав, из которых наиболее агрессивной была Россия. Замечу, что с 1989 г. эту точку зрения разделяют и отечественные либералы. Но еще Вольтер сказал, что если вырывать из контекста куски Библии, то ее можно обратить против Бога. Эта фраза прекрасно подходит к истории взаимоотношений как отдельных государств, так и народов. Вот тенденциозный историк показывает нам человека, которого полиция заковала в наручники и грубо швыряет в «воронок». Нам его жалко, но лишь до тех пор, пока мы не узнаем, как он убивал и насиловал.

Историю русско-польских отношений я начну с цитаты из окончания своей книги «Русь и Литва»: «Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому — быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой.

Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т.д.»[63].

И тут дело не в амбициозном и драчливом короле. Эти претензии станут кредо польского правящего класса вплоть до середины XX века.

И в 30-х гг. XX века министры правительства Пилсудского неоднократно заявляли, что Балтийское море должно стать Польским морем. К 1938 г. Польша была единственным в Европе государством, которое имело территориальные претензии ко всем без исключения соседним государствам: Германии, вольному городу Данцигу, буржуазной Литве, СССР и Чехословакии.

Соседи Речи Посполитой были беззащитны перед ее агрессией. И дело не в силе ее армии или способностях польских полководцев. Одного агрессора можно умиротворить, отдав ему часть территории, выплачивая дань и т.д. Другого можно побить, в крайнем случае для острастки сжечь его столицу и десяток-другой городов и заставить подписать справедливый мир. С Польшей же это все не проходило.

Вот, к примеру Россия и Речь Посполитая 6 (15) января 1582 г. у местечка Запольный Ям после долгой войны подписали мирный договор. После этого несколько раз происходило подтверждение этого договора, небольшие уточнения и изменения. И лишь в сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III нарушил мир и двинул коронные войска к Смоленску.

Тут возникает резонный вопрос: а почему уже 5 лет многие десятки тысяч польских панов и малороссийских казаков, подданных его величества Сигизмунда III, вели кровавую войну на Руси?

К сентябрю 1609 г. подданные Речи Посполитой убили сотни тысяч русских людей, из которых подавляющее большинство были мирными жителями, сожгли и разорили десятки городов на большей части Европейской России, и, в свою очередь, десятки тысяч пришельцев сложили буйные головы в «варварской Московии». А между тем эти пять лет король считал себя в мире с московитами. Что же произошло?

Да просто несколько магнатов во главе с Юрием Мнишеком пожелали посадить на московский престол самозванца — беглого монаха Григория, в миру Юшку Отрепьева. Сказано — сделано. Паны несколько месяцев собирали в Речи Посполитой многотысячную армию и в конце 1604 г. форсировали Днепр (русско-польскую границу) севернее Киева и двинулись к русскому городу Чернигову.

А как к этому отнесся его величество Сигизмунд III? Да никак! Ну, шалят паны, а вмешиваться в их личные дела вовсе не королевское дело. Еще в XVI в. в Речи Посполитой было официально закреплено право панов собирать конфедерации и вести с королем войну («рокош»).

Так что поход польских панов с Отрепьевым в Россию, окончившийся захватом Москвы в мае 1605 г., был лишь блестящим успехом частных армий польских

магнатов, а не каким-то из ряда вон выходящим событием в политическом и юридическом отношении.

Так, только узкие специалисты-историки знают, что в 1590 г. семейство панов Вишневецких захватило, вопреки договорам короля с царем, довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сулы в Заднепровье. Князь Адам Вишневецкий решил не оглядываться ни на Краков, ни на Москву, а 13 лет вел «частную» войну с русскими воеводами. В конце концов Борис Годунов в 1603 г. приказал сжечь спорные городки, а жителей их эвакуировать в глубь России.

В 1605 г. часть панов захватила Москву, а часть, остававшаяся в Польше, учинила рокош и пару лет воевала с королем Сигизмундом. Что поделаешь — «Польша сильна раздорами!»

В Речи Посполитой королевская власть была выборной, а не передавалась по наследству, как в других монархиях. Но польские паны предпочитали избирательным бюллетеням сабли. Начиная с XVI в. на очередные выборы короля с севера, запада и с юга в Польшу устремлялись стройные колонны «избирателей» с пушками и мушкетами. В начале XVIII в. русские монархи решили, что они ничем не хуже шведов, саксонцев, пруссаков, французов и прочих, и стали тоже направлять свой «электорат» в Польшу для поддержки нужного кандидата на престол.

Да что выборы короля! Польские паны и в личной жизни жили не по законам, а «по понятиям». Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопов, любимую женщину и при этом он полностью игнорировал королевскую власть. Вспомним, что поводом к восстанию Богдана Хмельницкого в 1648 г. стало нападение шляхтича Чаплинского на хутор сотника Хмельницкого. Чаплинский умыкнул любовницу Богдана и несколько копен сена. Богдан поехал жаловаться королю Владиславу. Тот немного посочувствовал, а затем спросил, зачем Чигиринский сотник носит саблю. Богдан все понял и отправился к запорожцам.

Крупные магнаты прекрасно знали французский язык и литературу, их жены и дочери одевались по последней парижской моде, но это не мешало «его светлости» по своей прихоти устроить виновному или невинному человеку квалифицированную казнь, от которой содрогнулись бы и отцы-инквизиторы, и Малюта Скуратов. Замечу, что в России в царствование Елизаветы Петровны не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора.

В 70-х гг. XVIII в. литовский магнат князь Карл Радзивилл спьяну приказал своим мастерам отчеканить несколько сот червонцев. Внешне они походили на обычные монеты. Но под гордым профилем короля красовалась надпись: «Король Понятовский, дурак по Божьей милости» (Krol Poniatowski, kiep z laski Boskiey). Затем червонцы были пущены в оборот. Как король наказал магната? Да никак! У короля Стася не было ни права, ни силы что-либо сделать.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способ-

ной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений — liberum veto — приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов. Так, с 1652 по 1764 г. из 55 сеймов было сорвано 48, причем одна треть из них — голосом всего одного депутата.

К 1764 г. этнические поляки составляли меньшинство населения в Речи Посполитой. Однако представители большинства — русские, малороссы, немцы, евреи и др. — не допускались в местные органы власти. Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее все новых ограничений в правах православных и протестантов.

В начале XVIII века резко ослабла военная мощь Польши по сравнению с Россией и германскими государствами. Существенно возросли эффективность ружейного и артиллерийского огня, коренным образом изменив тактику боя. Решающую роль в сражении стала играть пехота, оснащенная ружьями со штыками, и полевая артиллерия. Польская конница, несмотря на отличную индивидуальную подготовку каждого кавалериста, его храбрость и лихость, оказалась неспособной противодействовать регулярным войскам Пруссии и России.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что ее территория в XVIII в. стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе русско-турецкой войны 1735—1739 гг. русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а входе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Надо ли говорить, что не только в XVIII, но и в XXI в. ни одно государство не захочет терпеть такого соседа и будет пытаться как-то изменить ситуацию.

Результатом всего вышесказанного стали три раздела Речи Посполитой: в 1772-м, 1793-м и 1795 гг. Австрия, Пруссия и Россия были просто вынуждены прекратить в 1795 г. само существование Речи Посполитой. Последний ее король Станислав Понятовский был низложен и отправлен в почетную ссылку в Гродно. Его давнишняя любовница выделила ему из российской казны пенсию в 200 тысяч червонцев в год. Пожив несколько лет в Гродно, экс-король перебрался в Петербург, где и умер в феврале 1798 г.

Сразу поставлю точки над «i» — в ходе трех разделов Речи Посполитой Екатерина II не взяла ни пяди чужой земли, за исключением небольшой территории, где в X в. проживали этнические литовцы. Все остальные земли входили ранее в состав Древнерусского государства и были населены русскими православными людьми. В XIV в. эти земли вошли в состав Великого княжества Литовского. Однако никаких литовцев, за исключением князей

Гедиминовичей, в жилах которых было больше русской крови, чем литовской, там не было. Как образно говорили историки XIX в.: «Победила не Литва, а ее название».

Сами литовцы были диким народом, не имевшим собственной письменности до XIV в. Литовцы были последним народом в Европе, перешедшим из язычества в христианство (окончательно в начале XIV в.). Но тут речь идет исключительно о небольшом районе, заселенном этническими литовцами. Во всем же Великом княжестве Литовском государственным языком был русский, вся документация писалась на русском языке. Подавляющее большинство жителей Великого княжества Литовского исповедовали православие.

Однако после Люблинской унии 1569 г., объединившей Польшу и Великое княжество Литовское, начинается полонизация Малой и Белой Руси. В первой половине XVII в. панам и ксендзам удалось полностью полонизировать русское дворянство на всей территории Великого княжества Литовского и значительную часть горожан. Они перешли в католичество и забыли русский язык, перейдя на польский. Однако местное население оставалось верно православию и русскому языку. Правда, из-за полного отсутствия связей с Россией язык белорусов и малороссов стал отличаться от языка империи (местные анахронизмы, а главное, масса полонизмов).

Таким образом, Екатерина спасла простых жителей Малой и Белой Руси от полной полонизации, как это случилось с их дворянством.

В ходе разделов Речи Посполитой королевство Пруссия получило Западную и Южную Пруссию, а также значительную часть Речи Посполитой вместе с ее бывшей столицей Варшавой.

Австрия получила Галицию и Лодомерию, коренным населением которых были русины — бывшие русские люди, жившие в Древнерусском государстве в IX—XIII вв., а в XIII-XIVвв.— в королевстве Даниила Галицкого.

Таким образом, несмотря на приобретения Екатерины Великой, за пределами Российской империи остались русские земли — Галиция и Лодомерия, а также Закарпатская область со столицей Ужгород, которая еще ранее входила в состав Австрийской империи.

Глава 2

Наполеон, Александр и Герцогство Варшавское

До 1945 г. главным предметом гордости и славы наших военных, политиков и историков была Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русских войск 1798— 1814 гг. Увы, это было абсолютно бездарное и бесполезное пролитие

русской крови и разорение империи. Вроде бы спорный тезис? Но действительно, вспомните знаменитую формулу Клаузевица, выведенную им как раз во время наполеоновских войн: «Война есть продолжение политики иными средствами».

Риторический вопрос, угрожали ли французская революция или Наполеон России в 1798—1805 гг.? Нет. Почему же тогда Павел I, а затем его сын втянули Россию в бездарную и нелепую войну с Францией?

Кто был главным противником России во второй половине XVIII века? Кто не давал ей возможности решить проблемы с Речью Посполитой и Блистательной Портой? Это были Пруссия, Австрия, Англия и Франция. И вот три сильнейших государства Европы нападают на революционную Францию, и на 20 лет Европа окутывается пороховым дымом. Великая французская революция стала «манной небесной» для Российской империи. Мудрая Екатерина на словах проклинала якобинцев и призывала все державы Европы ополчиться на них, а сама не послала ни одного солдата. Наоборот, под шумок она начала решать свои проблемы. Какие бы возможности открылись перед Россией, проживи хотя бы еще 10 лет великая государыня! К примеру, до захвата черноморских проливов остался только один шаг.

Но, увы, в 1796 г. Екатерины не стало, а ее сына и внука их жены — немецкие принцессы — и немецкая клика, обосновавшаяся в Петербурге, надоумили влезть в Германию и втравили в войну с Францией.

Естественно, Наполеон не мог потерпеть вмешательства царя Александра из Гольштейн-Готторпской династии, без всякого основания называемой Романовыми, и «русских немцев» в дела Германии и других стран Европы. Наполеон надеялся нанести несколько поражений русским войскам и отбить у Александра охоту лезть в Германию. Наши историки традиционно обличают вероломство «корсиканского чудовища», «без всякой причины» напавшего в 1812 г. на Россию. Но почему-то все забыли о наглых попытках вмешательства Александра I в германские дела в 1808-м — начале 1812 г.

Главной и роковой ошибкой Наполеона было то, что он собирался вести против России локальную войну, а Россия ответила ему тотальной войной, для решения задач которой требовались совсем иные средства, чем те, что использовал Наполеон.

После взятия Суворовым Варшавы несколько тысяч поляков, в основном дворян, эмигрировали во Францию. В конце 1796 г. лидеры польских эмигрантов предложили Директории сформировать особый корпус из поляков. Директория согласилась и поручила Бонапарту, находившемуся в Италии, включить поляков в состав Цизальпинской армии. В 1797 г. было сформировано два польско-итальянских легиона общей численностью 15 тысяч человек. Легионы эти имели польское обмундирование с французскими кокардами. На знаменах имелась надпись «Gli homini liberi sono fratelli» («Свободные люди —братья»).

В кампанию 1799 г. большая часть первого легиона погибла в боях при Кассано, Тидоне, Требии и Нови. Второй легион, находившийся в Мантуе, потерял во время осады более семисот человек и попал в плен к австрийцам. Поэтому Бонапарт в конце 1799 г. поручил генералу Домбровскому сформировать два новых польских легиона —Ломбардский и Дунайский — в составе семи батальонов пехоты, одного батальона артиллерии и отряда улан. Ломбардский легион был отправлен в Италию, а Дунайский поступил в число войск Нижнерейнского союза, где и отличился в боях при Борнгейме, Оффенбахе и Гогенлиндене. Оба легиона потеряли много людей, но остатки их, собранные в Милане и Мантуе, вновь были укомплектованы прибывшими из Польши добровольцами.

В 1802 г., согласно тайной статье Амьенского договора, польские легионы были упразднены, часть легионеров отправили на остров Сан-Доминго, где они погибли от желтой лихорадки и в боях с туземцами. Другая часть поступила в гвардию неаполитанского короля, а остальные были распределены по различным полкам.

14 июня 1807 г. русская армия была разбита Наполеоном при Фридланде, и император Александр I был вынужден вступить в переговоры с Наполеоном. Положение русских было настолько критическим, что еще до сражения у Фридланда великий князь Константин заявил Александру I: «Государь, если вы не хотите мира, тогда дайте лучше каждому русскому солдату заряженный пистолет и прикажите им всем застрелиться. Вы получите тот же результат, какой даст вам новая (и последняя!) битва, которая откроет неминуемо ворота в вашу империю французским войскам».

25 июня (7 июля) в Тильзите (ныне город Советск Калининградской области) был заключен Русско-французский договор о мире и дружбе. Согласно этому договору между двумя странами устанавливались мир и дружба, военные действия прекращались немедленно на суше и на море. Наполеон из уважения к России возвращал ее союзнику, прусскому королю, завоеванные им прусские территории, за исключением тех частей Польши, которые были присоединены к Пруссии после 1772 г. по первому разделу Польши, и тех районов на границе Пруссии и Саксонии (округ Котбус в Лаузице —Лужицкой Сербии), которые отходили к Саксонии.

Из польских округов Пруссии создавалось герцогство Варшавское, которое теперь будет принадлежать королю Саксонии. Восстанавливался свободный город Данциг под двойным управлением — Пруссии и Саксонии.

Россия получала Белостокскую область, ранее принадлежавшую Пруссии.

Формально Тильзитский мир был выгоден России. Произошел уникальный случай в истории войн: наголову разбитая страна не теряла, а приобретала новые земли. Однако в России известие о Тильзитском мире вызвало волну возмущений. «Боже мой! — восклицал Денис Да-

выдов, вспоминая позднее пережитое. — Какое чувство злобы и негодования разлилось по сердцам нашей братии, молодых офицеров». Позже тот же Денис Давыдов называл 1807—1812 гг. «тяжелой эпохой». Что же было «тяжелого» в те годы для русского дворянства? Для «русских немцев», включая родню Александра I, это было действительно тяжелое время — устраивать свои дела в Германии стало ужасно трудно. А вот империя в целом приобрела в 1807 г. Белостокский округ, а через два года, после очередного разгрома Австрии, Наполеон подарил Александру город Тернополь с областью. Наконец, с помощью Наполеона к России были присоединены Финляндия и Бессарабия.

Но, увы, по губерниям разъехались Николаи Ростовы, побежавшие при первых же выстрелах в 1805 г. Теперь на паркете в парадных ментиках с напомаженными усами и с большими саблями они выглядели античными героями и рассказывали «о том, как горел он весь в огне, сам себя не помня, как бурею налетал на каре; как врубался в него, рубил направо и налево; как сабля отведала мяса и как он падал в изнеможении, и тому подобное»[64]. И, мол, если бы не чертовы дипломаты, то они бы, гусары да кавалергарды, показали бы этим французишкам!

Надо ли говорить, что было раздражено и британское правительство, решившее драться с Наполеоном до последнего солдата, разумеется, русского или немецкого. Английские дипломаты и разведчики в Петербурге получили указания любой ценой добиться расторжения Тильзитского мира.

В гостиных Петербурга и Москвы поползли разговоры о «позорном мире». Императрица Мария Федоровна и петербургская знать отказывались принимать французского посла Савари. И, как принято у нас на Руси, разговор о том, «как все плохо», незаметно переходил на тему «кто виноват», а затем, естественно, на «что делать». Кто виноват — было очевидно, что делать — тоже было ясно, благо, немного было знатных семей, не имевших дедов — участников переворотов 1725, 1740 и 1741 гг., отцов, присутствовавших при геморроидальных коликах Петра III, и внуков, посетивших спальню Павла в Михайловском замке. Был, правда, не менее существенный вопрос — кто? Великий князь Константин был глуп, труслив и запутался в грязных сексуальных историях, что было само по себе еще терпимо, но взбалмошность и жестокость закрывали ему дорогу к престолу. Никто не хотел павловского правления в ухудшенном издании. Великие князья Николай и Михаил были еще детьми. Старшая дочь Павла, Александра, умерла в 17 лет, Елена и Мария уже были выданы замуж за германских князьков. Оставалась двадцатилетняя Екатерина.

Из донесения шведского посла графа Стединга в Стокгольм от 28 сентября 1807 г.: «Недовольство против императора все более возрастает и со всех сторон идут такие толки, что страшно слушать... Забвение долга доходит даже до утверж-

дении, что вся мужская линия царствующей семьи должна быть исключена, и, поскольку императрица-мать, императрица Елизавета не обладает надлежащими качествами, на трон следует возвести великую княгиню Екатерину».

Аналогичную информацию посылала французская разведка в Париж. Из письма Наполеона к Савари от 16 сентября 1807 г.: «Надо быть крайне настороже в связи со всякими дурными слухами. Англичане насылают дьявола на континент. Они говорят, что русский император будет убит».

А пока в Лондоне и Париже напряженно ждали развязки, Екатерина Павловна много танцевала на балах, где часто говорила о своих возвышенных чувствах к царственному брату. В промежутках между балами она занималась живописью и любовью. Это могло бы успокоить Александра, если бы в постели сестрицы не оказался... генерал Багратион.

Петр Иванович Багратион (1765—1812) отличался безумной храбростью на поле боя, заботой о солдатах. Он был превосходный тактик и никудышный стратег. Таково общее мнение военных историков XIX века. Багратион был идеальным исполнителем воли Суворова, а затем Кутузова. После позора Аустерлица русскому обществу потребовался герой, и им стал Багратион. В Москве в Английском клубе ходила шутка: «Если бы Багратиона не было, то его следовало бы выдумать».

Багратион с 1800 по 1811 год, будучи шефом лейб-гвардии егерского полка, отвечал за охрану царской семьи, находившейся в летние месяцы в Гатчине и Павловске. Поэтому великая княжна Екатерина знала генерала еще с детских лет. Инициатива сближения, несомненно, принадлежала Екатерине Павловне. Дело тут не только в этикете, который запрещал генералу первому начинать разговор с августейшими особами. Увы, наш храбрец был очень робок с женщинами и, говоря честно, глуповат. Впрочем, даже недостатки Багратиона становились достоинствами для заговора. Для переворота нужна был первая шпага государства, и Багратион мог ею стать для Екатерины Павловны, как генерал Буо¬напарте для Барраса и Жозефины Богар¬не, стой разницей, что Наполеон прикидывался простачком в политике, а князь Петр был им на самом деле.

Отношения Петра Ивановича и Екатерины Павловны начались с бесед о живописи в гостиной дворца в Павловске — резиденции вдовствующей императрицы. Екатерина дарила Петру Ивановичу картины своей кисти, а князь отвечал ей тем же. Перевести разговор с живописи на действия гвардейских полков в случае каких-либо государственных потрясений неудобно и неприлично. Зато завести разговор о штыках в постели — почему бы и нет?

Лишь в последний момент императору Александру удалось подавить заговор. Если верить мемуарам Савари, Наполеон через своего посла предупредил русского императора о заговоре и подготовке к покушению на его жизнь. Но нельзя ис-

ключить, что это предупреждение было продублировано русскими осведомителями.

Однако опасность со стороны сестры остается для Александра I вплоть до конца 1812 г. И лишь после окончательного изгнания французов он высылает Екатерину Павловну за границу «на лечение».

Итак, все русское общество, включая императорскую фамилию, усиленно подталкивает Александра I к войне. Наполеон же мог, но не захотел помочь Александру выйти победителем из конфликта со сторонниками войны. Белостокский и Тернопольский районы выглядели жалкими подачками для огромной России, а большего в Европе Наполеон дать не мог. Но оставалась еще и огромная Оттоманская империя. Как уже говорилось, если бы Россия получила Проливную зону, то ей минимум пятьдесят лет пришлось бы переваривать присоединенные территории в причерноморских странах. Франция также могла выиграть от раздела Турции, взяв себе Алжир, Тунис, Ливию, Египет, Сирию и т.д. Но тут гениальный стратег оказался в плену старых предрассудков. При Бурбонах дипломаты пытались всеми силами добиться доминирования французского влияния в Стамбуле. И это было вполне оправданно: французская торговля много теряла от конкуренции итальянцев, испанцев, австрийцев и особенно англичан. К 1807 г. ситуация кардинально изменилась — вся континентальная Европа оказалась под контролем Наполеона. Теперь Константинополь мог быть нужен Франции только для того, чтобы угрожать России.

Во время переговоров в Тильзите Наполеон писал Талейрану: «Моя система относительно Турции колеблется и готова рухнуть — я ни на что не могу решиться».

Точно так же Наполеон колебался и в польском вопросе. Французские войска в землях, населенных поляками, встречались с ликованием как освободители. В Варшаве и Познани воздвигались триумфальные арки в честь Наполеона. Снова появились польские национальные костюмы, запрещенные прусскими властями эмблемы и национальные флаги.

После тяжелой битвы с русскими под Пултуском (14 (26) декабря 1806 г.), окончившейся вничью, обозленный Наполеон возвращался в Варшаву. На одной из почтовых станций к нему подвели золотоволосую девушку, которая обратилась к императору на чистейшем французском языке: «Добро пожаловать! Тысячу раз добро пожаловать в нашу страну! Ничто не может выразить ни чувства восхищения, которое мы к вам питаем, ни радости, которую мы испытываем, видя вас вступившим на землю нашего отечества, ожидающего вас, чтобы подняться».

Надо ли говорить, что эта встреча была заранее срежиссирована, как и встреча Гришки Отрепьева с Мариной Мнишек 300 лет назад. В итоге девятнадцатилетняя жена престарелого графа Валевского стала на несколько лет любовницей французского императора. Как писал академик А.З. Манфред: «Вокруг импе-

ратора кипели страсти; на него смотрели с надеждой. Все, начиная с любимой Марии и кончая старыми польскими вельможами, ждали его решений. Наполеон пришел победителем в Варшаву, что же медлить? Разве польский народ, поднявшийся с оружием в руках против прусских угнетателей, не внес свой вклад в победу над Пруссией? Разве польские полки не храбро сражались за освобождение Варшавы? И разве не пришла пора перечеркнуть все три раздела Польши, произведенные его противниками? Но Наполеон отвечал уклончиво. Он охотно восхвалял доблести Яна Собеского, говорил о великой роли Польши в истории Европы, но о будущем Польши высказывался туманно и неопределенно»[65].

В Тильзите Наполеон решился на полумеру и из земель, отобранных у Пруссии, создал Герцогство Варшавское. На карте герцогство выглядело треугольником, вклинившимся между Пруссией и Австрией и упиравшимся вершиной в Неман. Герцогство занимало площадь в 1850 кв. миль. Наполеон разделил его на шесть департаментов: «Бугдощь, Познань, Калиш, Варшава, Плоцк и Ломжа. Население составляло 2 319 360 жителей — сплошь поляков, за исключением евреев и незначительного числа немцев».

В 1807 г. Наполеон присваивает титул короля Саксонии саксонскому курфюрсту Фридриху Августу III и одновременно назначает его великим герцогом Варшавским. Поляков император спросить так и не удосужился, но они и без того были в восторге. Во-первых, шляхта была рада хоть какому-то польскому государственному образованию, во-вторых, именно представители династии саксонских курфюрстов должны быть польскими королями по проекту конституции от 3 мая 1781 г. и, в-третьих, курфюрст Фридрих Август III был внуком курфюрста Саксонии Фридриха Августа II, который по совместительству был и предпоследним польским королем Августом III. Вдобавок Фридрих Август бегло говорил по-польски. Замечу, что Саксонское королевство было подчинено Наполеону и непосредственно, и через Рейнский союз.

Как великий герцог Варшавский Фридрих Август II получил имя Августа III? В 1807 г. в Варшаве был опубликован Конституционный статус герцогства, написанный тем же Наполеоном. Согласно статусу все исповедания объявлялись свободными. Герцогская корона наследственна в саксонской королевской семье. Пять министров (юстиции, внутренних дел и исповеданий, военный, финансов и полиции) вместе с государственным секретарем составляют государственный совет под председательством короля или назначенного королем лица. Сейм состоит из двух палат: сената и палаты депутатов. Он собирается через каждые два года в Варшаве по призыву короля-герцога, но не имеет законодательной инициативы. Сенат состоит из 18 членов: 6 епископов, 6 воевод, 6 кастелянов. Все они назначаются королем; полномочия их пожизненны. Сенат и король могут отменять постанов-

ления палаты депутатов; король может распускать ее. Она состоит из 60 членов, назначаемых сеймиками, то есть уездными собраниями знати, и из 40 депутатов от общин. Полномочия депутатов продолжаются 9 лет, и состав их возобновляется по третям каждые 3 года. Право участвовать в прениях принадлежит лишь членам государственного совета и комиссии депутатов, остальные только подают голоса. Земельные собственники дворяне, священники, лица с образовательным цензом, офицеры —также обладают избирательным правом. Департаменты, числом шесть, управляются префектами и супрефектами. Польское гражданское право заменяется Кодексом Наполеона.

Создав Герцогство Варшавское, Наполеон создал метастабильное состояние в регионе. Герцогство своим существованием раздражало и Россию, и Пруссию.

Радость шляхты была недолгой, а затем пошли разговоры о новых границах образца 1772 г., а то и начала XVII в. Польские же крестьяне были разорены донельзя русскими, французскими и прусскими войсками. У крестьян уже нечего было брать, и русские части в 1806—1807 гг. силой друг у друга отбивали обозы с продовольствием, вспомним проделки Васьки Денисова в «Войне и мире». Крестьянству нужно было только выжить, а панству подавай Речь Посполитую «от можа до можа». В результате Польша и поляки стали одной из причин обострения отношений между двумя императорами и начала войны 1812г.

В 1807—1808 гг. Наполеон создал национальную польскую армию общей численностью около 50 тысяч человек. Среди них было 35 тысяч пехоты, 12,5 тысячи кавалерии, 3,5 тысячи артиллеристов и 800 саперов. Пехота состояла из семнадцати полков трехбатальонного состава. Каждый батальон включал в себя шесть рот (одна гренадерская, одна егерская и четыре фузелерские). Кавалерия состояла из шестнадцати полков (один кирасирский, два гусарских, три конно-егерских и десять уланских), все полки были четырехэскадронного состава. Артиллерия состояла из пешего полка в двенадцать рот и конного полка в две батареи. Инженерные войска составляли шестиротный батальон саперов и понтонеров.

Польская армия содержалась за счет Герцогства Варшавского. Кроме того, несколько частей, укомплектованных поляками, Наполеон включил в состав французской армии. Эти части финансировались исключительно французским правительством. К числу этих частей принадлежал Вислянский легион в составе четырех полков пехоты и одного полка кавалерии. В 1811 г. войска эти были усилены еще двумя легкоконными полками. Кроме того, в составе старой гвардии Наполеона находился еще гренадерский легкоконный полк, сформированный в 1807 г. из родовитых польских панов. Польские войска приняли участие в войне с Испанией и зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.

В 1809 г. в ходе войны Наполеона с Австрией армия эрцгерцога Фердинанда вторглась в герцогство, но была вытеснена польской армией Понятовского.

По Шёнбруннскому миру между Австрией и Францией, заключенному 14 октября 1809 г. (н. с), герцогство Варшавское получало от Австрии Западную Галицию.

По приказу Наполеона в 1811 г. в Герцогстве Варшавском было сформировано еще 14 тысяч запасных войск, в числе которых было семнадцать батальонов (по одному на пехотный полк), шестнадцать эскадронов (по одному на кавалерийский полк) и батальон артиллерии. Затем была создана милиция численностью 18 тысяч человек, и к началу войны 1812 г. Наполеон располагал 85 тысячами польских войск (по другим сведениями, 100 тысячами).

К июню 1812 г. в Великой армии Наполеона находились следующие польские войска.

Войска герцогства Варшавского: V польский корпус князя И. Понятовского: 1-я пехотная дивизия Залончека (3-й, 15-й и 16-й пехотные полки), 2-я пехотная дивизия Домбровского (1-й, 6-й, 14-й и 17-й пехотные полки), 3-я пехотная дивизия Княжевича (2-й, 8-й и 12-й пехотные полки) и кавалерийская дивизия Каминского (5-й конный егерский, 7-й, 8-й и 11-й уланские, 13-й гусарский и 14-й кирасирский полки).

При каждой пехотной дивизии находилась бригада кавалерии в составе двух полков (4-й конно-егерский и 12-й уланский, 1-й конно-егерскийи 15-й уланский, 9-й уланский и 10-й гусарский полки, две пешие и конная роты). К корпусу была придана еще саперная рота.

Остальные войска находились в составе французских корпусов и образовали две пехотные бригады Радзивилла[66] (5-й, 10-й и 11-й пехотные полки), бригаду Жолтовского (4-й, 7-й и 9-й пехотные полки) и кавалерийскую бригаду Рожницкого (2-й, 3-й и 16-й уланские полки). Бригады Радзивилла вошли в состав дивизии Гранжана X корпуса Макдональда, бригада Жолтовского — в дивизию Жерара XI корпуса Виктора. Кавалерийская бригада Рожницкого находилась в IV кавалерийском корпусе Латур-Мобура. Кроме того, 13-й пехотный полк был оставлен гарнизоном в Замостье.

Польское панство давно мечтало о войне с Россией и было несказанно радо походу Великой армии. К примеру, польский поэт и мелкий шляхтич Адам Мицкевич, увидев французские войска, входящие в город Ковно, на радостях написал целую поэму «Пан Тадеуш». Там, в частности, говорилось:

Идет сраженье... Где ? — не знают.
«Где ж битва ?» — молодежь кричит
И брать оружие спешит.
А группы женщин простирают
В молитвах руки к небесам,
В надеждах, волю дав слезам;
«За нас, — все хором восклицают, —
Сам Бог: с Наполеоном — Он,
А с нами — сам Наполеон!»[67]

После начала вторжения Наполеон призвал поляков, живших на территории Российской империи, вступать в его армию. В июле 1812 г. он приказал сформировать в Литве национальную гвардию, жандармов, гвардейский уланский полк, четыре пехотных и пять кавалерийских полков. В общем в армии Наполеона собралось не менее 120 тысяч поляков.

Поляки вместе с Наполеоном дошли до Москвы, но на обратном пути полегла большая часть панства.

После отречения Наполеона 18 (30) мая 1814 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Франция возвращалась к границам на 1 января 1792 г. с небольшим приращением, династия Бурбонов восстанавливалась на престоле и т.д. Однако окончательный раздел Европы союзники решили провести на конгрессе в Вене, который был открыт 1 ноября 1814 г.

На Венском конгрессе было решено, что все союзники — Англия, Австрия и Пруссия — получат большие приращения в Европе, а Англия — еще и в колониях, а вот Россия, которая вынесла основную тяжесть войны с Наполеоном, должна получить «кукиш с маслом». Австрия и особенно Англия были категорически против передачи России района Варшавы, а Пруссия — части Саксонии. Спору нет, Александр I требовал земли, которые никогда не принадлежали Русскому государству и были заселены этническими поляками. Но ведь и оппоненты предлагали не независимость этим районам, а их присоединение к Австрии. Почему же Россия должна была отдавать плацдарм, с которого началось вторжение в 1812 г.?

Сравним, к примеру, Варшавскую область и Мальту. Англия не имела никаких прав на Мальту, и с Мальты никак нельзя было угрожать Британским островам. Единственным аргументом «за» было наличие британских солдат на острове[68]. Так, пардон, в 1814 г. русские войска были в Париже! Почему бы не восстановить независимость Мальты, которая была там несколько столетий, или, на худой конец, не передать остров Королевству Обеих Сицилии, которое находилось всего в 90 верстах от Мальты? Но, увы, на Венском конгрессе господствовал двойной стандарт: один — для просвещенной Англии и совсем другой — для русских варваров.

Тем не менее, и такой вариант не устраивал бывших союзников России. 3 января 1815 г. Англия, Австрия и Людовик XVIII, привезенный в Париж в обозе интервентов, заключили военный союз против России и Пруссии.

От новой войны Россию спас «враг рода человеческого». Он бежал с Эльбы и высадился во Франции с одним батальоном солдат.

Людовик XVIII бежал так быстро, что забыл на туалетном столике оригинал секретного договора от 3 января 1815 г. Наполеон переслал этот договор Александру I. Тот показал договор австрийскому канцлеру Меттерниху и демонстративно бросил его в камин.

18 июня 1815 г. войска Наполеона были разбиты англо-прусскими силами

Веллингтона и Блюхера. Через три десятка лет молодой Герцен, рассматривая картину, запечатлевшую встречу и взаимные поздравления Веллингтона и Блюхера ночью на поле битвы у Ватерлоо, сказал: «Как им не радоваться. Они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, и в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат...»

Наполеон напугал союзников, и 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене были подписаны русско-прусский и русско-австрийский договоры о разделе Герцогства Варшавского. (Многие историки называют эти договоры четвертым разделом Польши.) В итоге Россия уступила Австрии четыре уезда Восточной Галиции: Злочувский, Бржезанский, Тарнопольский и Залешчикский. К Австрии отошел весь Величковский соляной бассейн (включая его подземную часть, заходящую на территорию Российской империи). А король саксонский Фридрих-Август I уступил России большую часть Герцогства Варшавского.

В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституцию образованного в составе Российской империи Царства Польского. Высшую законодательную власть осуществляли сейм, собиравшийся раз в два года, и Государственный совет, действовавший постоянно. Русский император, который одновременно был и польским королем, имел право наложить вето на любое решение сейма. Император назначал в Варшаве наместника либо из лиц царской фамилии, либо кого-то из поляков. Конституция вернула многие польские исторические традиции: деление на воеводства, коллегиальность министерств (их функции выполняли правительственные комиссии) и воеводских властей. Согласно конституции формировалось польское войско, административное и судебное делопроизводство должно было осуществляться на польском языке. Провозглашались неприкосновенность личности, свобода слова и печати. Военную службу следовало отбывать в пределах Царства Польского, то же положение распространялось и на тюремное заключение.

Некоторые авторы козыряют тем, что в Царстве Польском правом голоса обладали около ста тысяч человек, то есть больше, чем было избирателей во Франции времен Реставрации. На самом деле это связано не с демократичностью царя, а с большим процентом дворян в Польше, чем во Франции. Таким образом, даже голодный шляхтич был избирателем, а богатый крестьянин — нет.

Тем не менее на 1816 г. польскую конституцию можно считать самой либеральной в Европе, после британской. Русское либеральное офицерство и дворянство тщетно надеялось на введение аналогичной конституции в остальных частях империи.

11 апреля 1814 г., сразу после первого отречения Наполеона, Александр I разрешил всем польским войскам вернуться на родину вместе с войсковым имуществом. Только из охотников (добровольцев) гвардейского легкоконного полка был сформирован эскадрон для сопро-

вождения Наполеона на Эльбу. Эскадрон этот принял участие в событиях 1815 г. и погиб целиком под Ватерлоо.

14 апреля 1814 г. император Александр I выразил свое согласие на возвращение всех польских войск на родину и передал командование над ними цесаревичу Константину Павловичу. В течение 1814 г. со всех концов Европы и России начали стекаться в Польшу бывшие солдаты, и к 1 ноября 1814 г. в рядах новой армии числилось уже 30 тысяч человек. Армия эта, состоявшая исключительно из польских уроженцев, должна была содержаться на средства Царства Польского и могла действовать только в пределах Польши. На самом же деле в 1815—1821 гг. польская армия финансировалась за счет военного бюджета империи, и только после угрозы Александра I лишить Царство Польское финансовой автономии поляки сами стали содержать свою армию.

Действующие польские войска состояли из тринадцати пехотных и девяти кавалерийских полков, десяти артиллерийских рот и батарей и одного саперного батальона и делились на гвардию и полевые войска. Гвардия состояла из одного пехотного и одного конно-егерского полков и двух полубатарей.

Польские войска сохранили бывшее у них при Наполеоне I обмундирование с незначительными изменениями в соответствии с русскими образцами. Вооружение и снаряжение было русского образца. В армии были оставлены польские ордена св. Станислава, Белого орла и орден «Virtuti militari», жалуемый исключительно за боевые отличия. Официальный языком в армии был признан польский, но цесаревич рекомендовал генералам и начальникам частей ознакомиться с русскими командами на случай совместных маневров. Польским войскам были назначены оклады жалованья, значительно превышавшие оклады русских войск. Срок службы для нижних чинов полагался 8 лет.

20 июля 1815 г., в день торжественного объявления в Варшаве о восстановлении Царства Польского, войска польской армии присягнули императору Александру I как царю польскому.

Первым наместником царя в Польше был назначен 63-летний генерал Юзеф Зайонек. Он был участником польских восстаний 1793 г. и 1794 г., воевал с Бонапартом в Италии, Египте и т.д. В 1812 г. Зайонек был взят в плен русскими войсками.

После смерти Зайонека в 1826 г. наместником стал великий князь Константин Павлович, который с 1815 г. жил в Варшаве и командовал польской армией.

Во время русско-турецкой войны 1828 г. император Николай I выразил желание двинуть польские войска в Турцию, но из-за сильного противодействия великого князя Константина отказался от этого намерения.

Замечу, что Константин Павлович, подобно многим другим начальникам, оказавшимся в Варшаве, завел роман с красивой полькой. Дело кончилось тем, что 12 мая 1820 г. (н. с.) великий князь Кон-

стантин Павлович женился на панне Жаннетте Грудзинской. По такому случаю Александр I присвоил панне титул «светлейшей княгини» Лович. Детей у них не было, но с ними жил внебрачный сын Константина Павел Александров, рожденный в 1802 г. Жозефиной Фредерис.

Один из воспитателей Павла Александрова — граф Мориоль — писал, что после женитьбы на Жаннетте Грудзинской Константин полюбил тихую, уединенную семейную жизнь. Он не устраивал ни балов, ни вечеров, ни званых ужинов, а предпочитал всему этому чай в очень узком кругу, чтение вслух и обсуждение газетных новостей. Любимыми темами застольных бесед были мистика и метафизика. Константин много спал, принимал только нескольких генералов и чиновников, без которых не могла действовать администрация, и совершенно отстранился от жизни варшавского общества.

Глава 3
Восстание 1831 г. и упразднение Царства Польского

Польские историки вовсю обличают «четвертый раздел Польши», но сможет ли кто-нибудь из них привести другой пример столь спокойного существования Польши за 15 лет, как в 1815—1830 гг.? Без рокошей, конфедераций, вторжений иностранных войск, «междусобойчиков» магнатов с применением артиллерии и т.п. не проходило ни одного десятилетия с 1700 г. Риторический вопрос, жилось ли в 1815—1830 гг. этническим полякам в Пруссии и Австрии лучше, чем в Царстве Польском?

Но беспокойные паны над столь глупыми вопросами не задумывались, а продолжали болтать о великой отчизне «от можа до можа». Появились и тайные общества. Наиболее известными были Общества филоматов и филаретов в Виленском университете (1817), членом одного из которых являлся польский поэт Адам Мицкевич (1798-1855). В 1821 г. среди офицеров возникает Патриотическое общество, ставившее своей задачей борьбу за восстановление независимой Польши на основе Конституции 3 мая 1791 г. В 1829 г. в Варшаве возникает тайное офицерское общество «Заговор подхорунжих». Что поделаешь, в Европе мода была такая: в Италии — карбонарии, в России — декабристы, во Франции — бонапартисты и т.д.

1830 г. ознаменовался революционными выступлениями по всей Европе. 27 июля восстал Париж. Два дня баррикадных боев, и над королевским дворцом был поднят трехцветный флаг революции 1789 г. 2 августа король Карл X отрекся

от престола и бежал в Англию. Началась революция в Бельгии, поднялись волнения в германских государствах, активизировались карбонарии в Италии.

Польские заговорщики решили, что их час настал. Подавляющее большинство панов и часть мещан были настроены революционно. Но вот определенных планов ни у кого не было. Одни требовали строгого соблюдения царем Конституции 1815 г., другие — независимости Польши в полном объеме. Тут возник вопрос о границах новой Польши, и началась полная бестолковщина. Несколько упрощая ситуацию, можно сравнить панов-заговорщиков с Василием Алибабаевичем из кинофильма «Джентльмены удачи»: «А ты зачем побежал? — Все бежали, и я побежал».

Поводом к восстанию стало распоряжение Николая I о подготовке сбора денежных средств и размещении на постой русских войск, намеченных для прохода через Польшу с целью подавления революции в Бельгии.

В ночь с 17 на 18 (с 29 на 30) ноября 1830 г. часть польских войск подняла мятеж. Повстанцы захватили арсенал и дворец Бельведер, где проживал наместник.

Константин Павлович мирно спал после обеда. Судя по всему, он был пьян. Правда, и нападавшие были тоже навеселе. Они закололи штыками генерала Жандра, приняв его за великого князя. Княгиня Лович разбудила мужа и спрятала его на дворцовом чердаке, а позже переодетого Константина удалось вывезти из Варшавы.

Замечу, что несколько десятков польских генералов и старших офицеров отказались от участия в бунте и были перебиты заговорщиками. После подавления восстания по приказу Николая I в Варшаве на Саксонской площади убитым польским военачальникам будет поставлен большой обелиск с восемью львами, сидящими у его подножия.

Русский гарнизон Варшавы состоял из двух гвардейских пехотных полков, трех гвардейских кавалерийских полков и двух батальонов гвардейской артиллерии, всего около 7000 человек. Их хватило бы для подавления восстания на начальной стадии, об этом, кстати, просили наместника князья Любецкий и Чарто¬рыйский. Однако Константин категорически отказался ввести в дело русские войска: «Поляки начали, им же и следует справляться со всем делом!» В итоге русский гарнизон не оказал должного сопротивления полякам и днем 18 ноября покинул Варшаву.

2 декабря Константин заявил: «Всякая пролитая капля крови только испортит дело» и отпустил верные ему польские части, находившиеся в Варшаве, на соединение с мятежниками. Крепости Модлин и Замостье были переданы полякам, а великий князь с русскими войсками бежал в русские пределы.

В Варшаве образовалось временное правительство во главе с генералом Ю. Хлопицким. Однако в январе 1831 г. Хлопицкий ушел в отставку, а вместо него стал шестидесятилетний Адам-Ежи Чарторыйский, тот самый, который был

другом Александра I и министром иностранных дел России с 1803 по 1807 г. Между прочим, Чарторыйскому было мало поста главы национального правительства и президента сената, он явно метил в короли. После поражения восстания Адам Чарторыйский эмигрировал в Париж, где считался до самой своей смерти в 1861 г. первым кандидатом на польский трон.

21 января 1831 г. (н. с.) сейм официально низложил Николая I с польского престола. Сейм провозгласил лозунг «За вашу и нашу свободу!» как девиз солидарности польского и русского революционного движения. Но позже сейм «наступил на грабли» — отклонил предложение об отмене крепостного права, чем лишил себя поддержки крестьянства.

К началу боевых действий польская армия насчитывала до 130 тысяч человек. Артиллерия поляков имела в своем составе 106 полевых орудий. Их число было увеличено за счет старых прусских гаубиц и музейных экспонатов, в том числе турецких трофейных мортир XVIII века, которые царь прислал ранее для памятника королю Владиславу.

Польские генералы Прондзинский и Крыжановский предлагали наступательную тактику. Они хотели собрать всю польскую армию в единый кулак и последовательно бить русских по частям, не давая им объединиться. В Варшаве же должен был остаться лишь небольшой гарнизон численностью в 4—5 тысяч человек. Кроме того, они надеялись при вступлении польских войск в Литву и Белоруссию на восстание местной шляхты и присоединение ее к польским войскам.

Однако генерал Хлопицкий отверг этот план и 20 декабря 1830 г. (н. с.) приказал расположить всю польскую армию двумя колоннами по дорогам Брест — Варшава и Белосток — Варшава так, чтобы по каждой дороге находилось в глубину по несколько эшелонов, которые могли бы, отступая перед русскими частями, концентрироваться у одного сборного пункта — Грохова (в 5 км юго-восточнее Варшавы), где и предполагалось дать бой.

Узнав о восстании в Варшаве, Николай I собрал во дворе Инженерного замка гвардейские части и сообщил им, что в Варшаве восстание. В ответ на негодующие возгласы молодых офицеров Николай сказал: «Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть. Они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божьей помощью все кончится к лучшему».

12 (24) декабря царь издал манифест, где говорилось, что русские должны проявить по отношению к полякам «правосудие без мщения, непоколебимость в борьбе за честь и пользу государства без ненависти к ослепленным противникам». Тем не менее, как в правящих придворных кругах, так и в русском обществе (разумеется, дворянском) были очень сильны опасения иностранной интервенции, то есть вмешательства Франции и Англии в польский вопрос. В феврале 1831 г. в Париже был образован польский комитет при участии генерала Лафайета. Но сей славный генерал последние 40 лет за-

нимался исключительно болтовней, идо интервенции дело не дошло.

Стоит заметить, что русское либеральное дворянство, систематически критиковавшее внутреннюю политику русского правительства, заняло резкую антипольскую позицию. Так, разжалованный в солдаты декабрист Александр Бестужев писал 5 января 1831 г. из Дербента матери: «Третьего дня получил тифлисские газеты и был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене варшавской. Как жаль, что мне не придется променять пуль с панами добродеями... Одно только замечу, что поляки никогда не будут искренними друзьями русских... Как волка ни корми...»

А.С. Пушкин по поводу польского восстания написал несколько стихотворений, из которых наиболее известны «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Замечу, что оба стихотворения обращены не к полякам, а к тем, кто их подстрекал, сидя в уютных кабинетах в Лондоне и Париже.

Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.
«Клеветникам России»

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!...
«Бородинская годовщина»[69]

Силы, которыми располагал Николай I для усмирения Польши, включали в себя до 183 тысяч человек (гвардия из Петербурга, Гренадерский корпус из новгородских поселений, I и II корпуса из состава 1-й армии, VI корпус —бывший Литовский, III и V резервные кавалерийские корпуса). Однако для сбора всех этих войск требовалось свыше четырех месяцев. Корпуса Гвардейский великого князя Михаила Павловича и II графа Палена 2-го могли прибыть лишь к весне.

К декабрю 1830 г. на месте — у Бреста и Белостока — находился один лишь VI корпус барона Розена в количестве около 45 тысяч сабель и штыков. На марше находились Гренадерский корпус князя Шаховского и I корпус графа Палена 1 -го с резервной кавалерией южных поселений.

Главнокомандующим был назначен фельдмаршал граф Дибич-Забалканский[70], начальником штаба — граф Толь. Дибичу были подчинены губернии: Гродненская, Виленская, Минская, Подольская, Волынская и Белостокская область, объявленные в военном положении.

К 20 января 1831 г. русские силы у границы Царства Польского насчитывали 114 тысяч человек. Надеясь быстро

разгромить мятежников, Дибич не предал большого значения снабжению своих войск и решил не утяжелять армию обозами и артиллерийскими парками. Провианта было взято всего на пятнадцать дней, а фуража — на двенадцать. В артиллерии были оставлены третьи дивизионы батарей, выступивших таким образом в составе восьми орудий вместо двенадцати. Пехотные полки выступили в составе двух батальонов.

24 и 25 января русские войска перешли границу Царства Польского одиннадцатью колоннами, но с таким расчетом, чтобы иметь возможность за двадцать часов сосредоточить главные силы в количестве 80 тысяч человек.

Главные силы (I, VI пехотный и III резервный кавалерийский корпуса) Дибич двинул в район между реками Буг и Нарев, поручив V резервному кавалерийскому корпусу барона Крейца демонстрацию на Люблин. Гренадерскому корпусу, шедшему на правом фланге общего расположения уступом позади и на значительном удалении от главных сил, была предоставлена свобода действий.

Дожди и оттепель, сделавшие непроходимыми лесистый и болотистый Буго-Наревский район, побудили Дибича сосредоточить войска у Венгрова, а затем свернуть на Брестское шоссе. Фельдмаршал решил нанести удар в правый фланг расположения поляков, отрезав их от Варшавы. Этот фланговый марш был совершен 31 января.

В первых числах февраля быстро продвигавшиеся русские колонны вошли в соприкосновение с польскими войсками, отступавшими к Висле в Варшавский район. 2 февраля произошел неудачный для русских бой под Сточеком, где конно-егерская дивизия генерала Гейсмара была разбита польской конницей генерала Дверницкого. Два русских конных полка бежали, не выдержав сабельной атаки поляков. Русские потеряли 280 человек и 8 пушек, а поляки — 87 человек.

5 февраля русская армия под командованием фельдмаршала Дибича выступила из Венгрова двумя колоннами. В правой колонне, по дороге на Станиславов, шел VI корпус генерала Розена, а в левой, по шоссе через Калушин, — I пехотный корпус графа Палена 1-го и за ним —резерв. Оттеснив польские дивизии Скжинецкого и Жимирского, авангард корпуса Палена 6 февраля достиг Яновека, а авангард корпуса Розена был в Окуневе. На следующий день, 7 февраля, было решено продолжить движение к Варшаве, причем авангард графа Палена должен был занять Выгодские высоты, а основные силы его корпуса — Милосну. Авангард корпуса барона Розена также должен был дойти до Выгоды, а его корпус расположиться впереди Гржибовской Воли.

Польская армия была собрана у Грохова под началом Хлопицкого и состояла из трех пехотных и трех кавалерийских дивизий. Кроме того, дивизия Жимирского находилась в авангарде, в Милосненском лесу. Всего в польской армии было около 54 тысяч человек при 140 орудиях.

От Яновека до Варва Варшавское шоссе пролегало лесом, который под самым Варвом оставался лишь с правой стороны дороги и продолжался по направлению к Кавенчину. Впереди этого леса на протяжении 7 верст до Праги простиралась равнина, покрытая песчаными холмами, кустами, болотами и отдельными усадьбами. В двух верстах за Варвом находились деревни Малый и Большой Грохов, а в трех верстах за ними — варшавское предместье Прага. Перед Грохо¬вом была небольшая ольховая роща.

Отступив со своей дивизией к Варву, Жимирский оценил важное значение этого пункта и расположился здесь, чтобы препятствовать дебушированию[71] русских войск из леса. Он расставил свои 9 батальонов по сторонам шоссе, а имевшиеся у него 28 орудий направил на выходы из леса. К этому времени из главных сил поляков к Жимирскому направлялась дивизия Шембека. Ко времени прибытия этой дивизии к Варву из леса начали показываться передовые части I корпуса Палена. Шембек расположил свою дивизию правее Жимирского, а на правом фланге поставил три полка кавалерийской дивизии Лубенского.

Авангард графа Палена (1-й и 2-й егерский и 3-й кавалерийский полки с шестнадцатью орудиями под командованием генерал-лейтенанта князя Лопухина) при выходе из леса был обстрелян из сорока орудий, но все-таки выстроился в порядке по обеим сторонам шоссе. Подтягивались свежие войска, и завязался горячий бой.

На выстрелы к Варву прибыл главнокомандующий Хлопицкий и, убедившись в необходимости помешать дебушированию русских войск из леса, приказал Шембеку оттеснить в лес вышедшие уже из него русские войска. А чтобы прикрыть свои войска от обхода их с левого фланга колонной VI корпуса, двигавшейся по Окуневской дороге на Выгоду, и помешать соединению русских колонн, Хлопицкий направил туда дивизию Круковецкого (13 батальонов и 24 орудия). Остальные войска были оставлены в резерве у Грохова.

1-й и 2-й егерские полки под натиском превосходящих сил поляков были оттеснены к лесу, но прибывший бегом 5-й егерский полк с 1-й конной батареей полковника Паскевича упорно защищал свою позицию на шоссе. Бросившийся в атаку Черноморский полк был опрокинут. К авангарду прибыли граф Пален и начальник главного штаба армии граф Толь. Великолуцкий полк был направлен Паленом вправо от шоссе, где поляки сильно продвинулись вперед. Ему удалось удерживать натиск поляков до 10 часов утра.

Жимирский, продвигаясь лесом вперед, теснил слабый русский правый фланг с двух сторон. Прибывший сюда на помощь Новоингерманландский полк был не в силах задержать наступление поляков, и русская пехота отступила. Граф Толь, опасаясь, что поляки получат возможность разрезать русскую армию пополам, выдвинул на правый фланг Староингерманландский полк и баталь-

он 4-го морского полка, артиллерию же 3-й дивизии расположил уступом за конной батареей, левее шоссе. 3-й морской полк был двинут влево. Благодаря этим мероприятиям инициатива в бою перешла к русским.

В 11 часов утра на поле сражения прибыл фельдмаршал Дибич с девятью батальонами 2-й пехотной дивизии. В это время поляки усилили свои войска, расположенные в лесу, и повели атаку на фланг батарей, стоявших на шоссе, стремясь охватить их. Густой лес скрывал эти движения поляков, но князь Горчаков все же заметил их и повернул орудия 1-й конной батареи направо, фронтом параллельно шоссе, а затем открыл через шоссе картечный огонь. Поляки, пораженные внезапностью этого огня, отступили в глубь леса, но часть их застрельщиков бросилась на батарею, поставленную Толем. Дибич послал для их отражения свой конвой и полуэскадрон лубенских гусар, и поляки были опрокинуты.

Было уже около полудня, а правая русская колонна еще не дебушировала из леса. Поляки, понимая всю важность русского правого фланга, направили против него все свои усилия. Между тем Дибич послал на подкрепление правого фланга Эстляндский полк, вызвал из резерва 2-ю гренадерскую дивизию и послал Розену приказание ускорить движение. Авангард Розена под командованием Влодека должен был двигаться на одной высоте с авангардом I корпуса, но из-за большого расстояния и плохой дороги он прибыл к Гржибовской Воле только в 2 часа дня.

Чтобы задержать движение колонны Розена, Круковецкий, имея пехотную дивизию и конно-егерский полк, выслал одну полубатарею со стрелками в лес. Выходы из леса были заняты бригадой Гелгуда с полубатареей, а остальные войска стали в резерве у Выгоды, правее дороги. Влодек, слыша слева от себя сильную пальбу, выдвинул в лес влево от дороги 50-й егерский полк и 1-й батальон 49-го егерского полка, вошел в связь с Эстляндским полком корпуса Палена, вытеснил поляков из леса и стал постепенно развертывать свои колонны у опушки.

Дибич, услышав выстрелы на правом фланге, что указывало на вступление в бой корпуса Розена, приказал начать общее наступление в центре и на левом фланге. Вся линия русских войск, выйдя из леса, стала продвигаться вперед. Толь опрокинул Жимирского, Пален оттеснил Шембека. На нашем левом фланге сумцы и новоархангельцы при содействии огня пехоты и артиллерии отбросили назад кавалерию Лубенского, который поспешил укрыться за свою пехоту.

Русская пехота двинулась по шоссе вперед и заняла Варв. На нашем правом фланге упорно держался Круковецкий. После ожесточенного боя русские опрокинули 5-й польский пехотный полк, занимавший высоту. Русские перешли в общее наступление, и левый фланг поляков был оттеснен к Грохову. Селения Крчма и Выгода тоже были ими оставлены. Круковецкий отошел к ольховой роще.

Для овладения Кавенчином Розен послал Польский и Волынский уланские полки и Житомирский пехотный полк, которые опрокинули калишских улан, защищавших это селение. К 4 часам дня все выходы из леса были в руках русских. Наши войска расположились биваком на тех местах, где их застало приказание. Поляки отошли за Малый Грохов без преследования со стороны русских, остановились перед Большим Гроховом и заняли позицию.

В этом бою потери русских составили до 3700 человек, из них до 100 офицеров. Потери поляков были не меньше, только в плен русские захватили 600 человек.

После сражения при Варве войска генерала Хлопицкого насчитывали 56 тысяч (36 тысяч пехоты, 12 тысяч кавалерии, 8 тысяч косиньеров), а без Круковецкого — 44 тысячи человек. У русских было 72 тысячи человек (56,5 тысячи пехоты и 16,5 тысячи кавалерии) при 252 орудиях, а без Шаховского 59,5 тысячи человек при 196 орудиях.

Главнокомандующий фельдмаршал Дибич намеревался дать бой 14 февраля, причем главный удар нанести на левый, наиболее открытый, фланг противника отрядом Шаховского, усиленным III резервным кавалерийским корпусом, через Белоленку на Брудно и далее, отрезая поляков от Праги. Розен должен был развернуться по обе стороны Кавенчина; Пален — примкнуть к его левому флангу, имея 1-ю дивизию левее шоссе; резерв — собраться за Кавенчином.

В 9 часов 30 минут утра 13 февраля русская артиллерия открыла огонь, и правый фланг медленно начал наступать к ольховой роще. Опушку рощи занимала польская бригада Голанда, за ней расположилась бригада Чидевского, за рощей стояла дивизия Скржинецкого. Около 10 часов утра Розен двинул в атаку пять батальонов 24-й дивизии, которые ворвались в переднюю часть рощи, но, дойдя до рва, были отброшены. Розен ввел в дело шесть батальонов 25-й дивизии, но дивизия Жимирского принудила эти части к постепенному отступлению. В подкрепление были двинуты справа два полка 25-й дивизии, а слева — два полка I корпуса. Вторая атака была проведена восемнадцатью батальонами, которые к 11 часам выбили дивизию Жимирского из рощи, при этом сам Жимирский был смертельно ранен. Русские, заняв противоположную опушку, оказались под картечным огнем. Хлопицкий выдвинул дивизию Скржинецкого, за которой устремилась и дивизия Жимирского. Этими двадцатью тремя батальонами восемнадцать русских батальонов были выбиты из рощи.

Тем временем литовская гренадерская бригада и литовская уланская дивизия продвинулись вперед между Кавенчином и Зомбками. Несвижские карабинеры с Волынским уланским полком выбили поляков из Зомбок и колонии Мациас, два уланских полка прикрывали фланг правее Кавенчина.

Канонада со стороны Белоленки продолжалась, и Дибич в 12 часов дня напра-

вил на рощу третью атаку: справа — корпус Розена, слева — всю 3-ю дивизию. Начальник главного штаба армии граф Толь, присоединив на правом фланге к двум батареям VI корпуса батарею литовской гренадерской артиллерийской бригады и взяв в прикрытие Житомирский полк, стал обходить рощу справа, а Неймград, двинув шесть батальонов 3-й дивизии в рощу, с остальными начал обходить ее слева. Кроме артиллерии I корпуса, по сторонам шоссе была выдвинута 20-я конно-артиллерийская рота и четыре орудийных гвардейских отряда под прикрытием ольвиопольских гусар.

Захватив опушку, части VI корпуса снова были остановлены огнем из-за большого рва. Обходившая рощу артиллерия графа Толя тоже была остановлена рвом. На левом фланге свежие части 3-й дивизии, опрокинув неприятеля и частью обогнув рощу, попали снова под картечь. Хлопицкий ввел вдело всю дивизию Жимирского, перед этим поддерживавшую лишь Скржинецкого, а сам во главе четырех батальонов гвардейских гренадер повел атаку на правом фланге.

Наши утомленные полки были вынуждены отступить, и постепенно поляки снова заняли всю рощу. Но это был последний их успех в этом бою. Фельдмаршал усилил войска 3-й бригадой 2-й гренадерской дивизии, развернул часть III резервного кавалерийского корпуса и лично повел войска в наступление. Гренадерская бригада пошла между VI корпусом и 3-й дивизией. Узнав в это время об отходе князя Шаховского от Белолеки, причем поляки легко могли отступить к Праге, Дибич решил поддержать 3-ю бригаду гренадер 2-й бригадой той же дивизии (всего в последовавшей четвертой атаке участвовало 38 батальонов), а правее рощи пустить 3-ю кирасирскую дивизию с лейб-гвардейским уланским полком, под общим руководством Толя, дабы обходом конницы облегчить овладение рощей и ударом кирасир разорвать фронт отступающих поляков и хоть правый их фланг отбросить к болотам у Брестского шоссе.

Гренадеры первыми ворвались в рощу, за ними —остальные. Поляки пытались остановиться за рвом, но, не имея более резервов, были опрокинуты, и роща окончательно осталась за русскими. Артиллерия (всего до 90 пушек) действовала по польской артиллерии за рощей.

Конница Толя вынуждена была колонной по шесть преодолевать препятствия и выстраиваться под огнем польской батареи, причем поляки выигрывали время на построение каре. Вперед выдвинулись наши 24 конные пушки Герштенцвейга и 8 пеших пушек, под прикрытием которых конница развертывалась в боевой порядок. Для обеспечения кавалерийского маневра 1-я бригада 2-й кавалерийской дивизии, составлявшая правый фланг боевого порядка пехоты, продвинулась к северной опушке рощи.

В то же время литовская гренадерская бригада с двумя уланскими полками заняла колонии Мациас и Эльснер, а Литовским уланским полком связывалась с кавалерией Толя.

Генерал Хлопицкий приказал дивизии Круковецкого и кавалерии Лубенского перейти к роще, но в это время он был ранен и унесен с поля сражения. С этого момента управление боем у поляков исчезло.

Кавалерия Толя выстроилась в три линии. Решено было повести наступление одновременно по сигналу, и, чтобы отрезать поляков от Праги, каждый последующий полк должен был принимать вправо и подавать вперед правый фланг. Однако Толь, а с ним и начальник кирасирской дивизии увлеклись частной атакой улан против вышедшего из рощи польского батальона. Уланы были остановлены глубокой канавой под огнем противника. Толь вызвал конную батарею, которая очистила путь уланам.

Одновременно двинулись в атаку кирасиры Альберта, атака продолжалась 20 минут. Кирасиры потеряли около половины своего состава, зато у поляков началась паника, и сам главнокомандующий Михаил-Гедеон Радзивилл ускакал в Варшаву. Толь, находясь с уланами, не успел поддержать этой атаки всей дивизией, а затем уже ничего решительного не предпринял.

При виде успеха кирасир барон Гейсмар с кавалерией левого фланга поторопился атакой и двинул вперед сумских и ольвиопольских гусар и украинских улан с конной батареей, а за ними бригаду егерей. Гусары сбили егерей Шембека и опрокинули его дивизию. В это время Пален двинул и пехоту левого фланга: 1-ю дивизию — левее шоссе, а 2-ю — правее. Польские начальники потеряли голову, лишь Скржинецкий восстановил порядок и занял позицию на холмах у монумента. Слева к нему пристроилась кавалерия Уминского и бригада дивизии Круковецкого, позади стала кавалерия Лубенского.

Лишь в 4 часа дня Дибич был наконец обрадован прибытием Шаховского и, объявив гренадерам, что предоставляет им довершение победы, повел их вперед во главе с Литовской гренадерской бригадой и уланами, наступавшими от колонии Эльснер.

Когда гренадеры подошли к польским позициям, было около 5 часов вечера. Деморализация у поляков была полная: Радзивилл приказал даже очистить Прагу и предмостное укрепление. Потом уже Скржинецкий был назначен прикрывать переправу, которая была произведена в беспорядке с 6 часов вечера до полуночи. Защита предмостного укрепления была поручена Малаховскому (дивизия Круковецкого).

Потери поляков в этом сражении составили более 12 тысяч человек и три пушки, потери русских — 9500 человек.

Сражение под Гроховом было успехом русских войск, но успехом тактическим. Дибичу не удалось уничтожить большую часть польского войска. Поляки по-прежнему располагали двумя крепостями на правом берегу Вислы — Модлином и Прагой. Русские войска дошли до Праги, но овладеть ею не сумели.

В это время в польской армии произошел ряд кадровых изменений. Генерал

Жимирский умер от ран, полученных под Гроховом, а Радзивилл отказался командовать, на его место был назначен генерал Скржинецкий.

В городе Пулаве на Висле, в ста верстах выше Варшавы, горожане вырезали эскадрон Казанского драгунского полка. По приказу генерала Скржинецкого корпус генерала Дверницкого общей численностью до 15 тысяч человек переправился через Вислу и, опрокинув передовой отряд генерал-лейтенанта барона Крейца, пошел к Люблину. Люблин был взят поляками, однако 27 февраля русские отбили его.

Тем не менее, рейд генерала Дверницкого научил Дибича, и тот отправил на юг своего начальника штаба графа Толя с 3-м резервным кавалерийским корпусом, частью 3-й гренадерской дивизии и Литовской гренадерской бригадой, поручив ему отрезать корпус поляков от Вислы.

Сам же Дибич с главными силами отступил от Праги на восток. Пополнив запасы снаряжения, фельдмаршал решил овладеть Варшавой и в первых числах марта 1831 г. стал сосредотачивать армию у Тырчина, где собирался переправиться через Вислу. Прикрывать операцию с тыла на Брестском шоссе был оставлен VI корпус барона Розена.

Скржинецкий, которому удалось поднять дух своей армии, упавший было после Грохова, сознавал всю опасность форсирования русскими Вислы и решил во что бы то ни стало воспрепятствовать этой операции, отвлечь Дибича от переправы. Сосредоточив скрытно у Праги до 40 тысяч человек, он 20 марта нанес VI корпусу жесткое поражение при Дембе-Вильке. В этом бою у Скржинецкого было большое численное превосходство: 33 тысячи поляков против 18 тысяч русских. Русские потеряли убитыми и ранеными 2500 человек, пленными 3000 человек, пять знамен и десять пушек. Поляки потеряли убитыми и ранеными до 2000 человек.

В результате сражения у Дембе-Виль¬ке Дибич приостановил наступление к Висле, отложил переправу и, двинувшись на выручку Розена, соединился с ним 31 марта у Седлеца.

Важную роль в обороне поляков играла крепость Замостье. 21 февраля 1831 г. комендант Крысинский выслал к Устилугу, расположенному в 60 верстах восточнее Замостья, четыре линейные роты с четырьмя пушками, усиленные косиньерами и кракусами (пешими и конными добровольцами). Этот отряд неожиданно напал на передовой отряд Житомирского полка и захватил в плен командира батальона полковника Богомольца, а также 5 офицеров и 370 нижних чинов.

С 5 по 28 марта в Замостье находился корпус генерала Дверницкого. Затем Дверницкий выступил из крепости на Волынь. 7 апреля у местечка Боремле Дверницкий имел сражение с русским IV кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта Ридигера. У Ридигера было 9000 человек и 36 пушек, а у Дверницкого — 6000 человек и 12 пушек. Русские потеряли 700 человек и 5 пушек, но

Дверницкий был вынужден отказаться от похода в Подолию.

В новом сражении с русскими 15 апреля у Людинской корчмы Дверницкий потерял до тысячи человек, в том числе 250 пленными. После этого сражения Дверницкий с четырьмя тысячами поляков перешел австрийскую границу и был интернирован австрийцами.

Фельдмаршал Дибич рассчитывал перейти в наступление от Седлеца 12 апреля, но был остановлен распоряжением Николая I, повелевавшего выждать прибытия гвардии. Один лишь Крейц разбил 27 апреля отряд Хршановского у Любартова. Во время стоянки у Седлеца в армии началась холера, в марте было всего двести заболевших, а к концу апреля их число достигло уже пяти тысяч.

Узнав от лазутчиков, что Скржинецкий намерен атаковать 1 мая, Дибич решил упредить его и оттеснил польские авангарды от Янова. Однако Скржинецкий, сосредоточив 1 мая у Сероцка 45-тысячное войско, двинулся в ломжинском направлении против Гвардейского корпуса, в котором с отрядом Сакена было около 27 тысяч человек.

После ряда упорных арьергардных боев великий князь Михаил Павлович отвел свой корпус к Снядову. Скржинецкий, несмотря на свое превосходство в силах, не посмел атаковать русскую гвардию, а напал для начала на отряд Сакена, занимавший Остроленку. Но Сакен своевременно отступил в Ломжу. Во время этой операции две польские дивизии (Хлаповецкого и Гелгуда) вышли в тыл Гвардейскому корпусу, отошедшему за Нарев в район Белостока. Попытки поляков перейти Нарев успехом не увенчались.

Дибич упорно не хотел верить в то, что поляки наступают против гвардии, но когда польская кавалерия Лубенского оказалась у Нура-на-Нареве, фельдмаршалу пришлось все же поверить. Быстро двинувшись вместе с гренадерами, I пехотным и III конным корпусами, он 10 мая отбросил Лубенского и пошел на польскую армию. Скржинецкий начал отступать, но Дибич 14 мая настиг его и разгромил при Остроленке. В этом сражении с русской стороны приняли участие всего 3-я гренадерская и 1-я пехотная дивизии (15 тысяч человек), которые перед этим прошли чуть больше суток 70 верст по сыпучему песку. У поляков было 24 тысячи. Честь победы в первую очередь принадлежит суворовцам — фанагорийцам и астраханцам, форсировавшим Нарев и долгое время дравшимся со всей польской армией. Тщетно Скржинецкий носился перед фронтом своих войск, посылая их вперед: «Напшуд Малаховски! Рыбиньски напшуд! Вшистки напшуд!»

Русские потеряли свыше трети войска, а поляки — 7100 человек убитыми и ранеными, 2100 пленными и три пушки.

Отведя свое разбитое войско к Варшаве, Скржинецкий решил спасти положение диверсией на Литву и двинул туда дивизию Гелгуда в составе 12 тысяч человек. Но уже менее чем через две недели поляки имели в Литве 24 тысячи человек,

столько же там к этому времени было и русских войск. 7 июня Гелгуд атаковал Вильно, но был разбит Сакеном и отступил в Пруссию, где был интернирован.

Между тем на поле боя появился самый страшный противник — холера. В госпиталях русской действующей армии в 1831 г. умерло от болезней 27 393 человека[72], в подавляющем большинстве от холеры. 30 мая умер от холеры в Пултуске фельдмаршал Дибич, а 17 июня в Витебске холера скосила великого князя Константина Павловича.

Надо сказать, что Дибич скончался «вовремя» — император был им очень недоволен и уже в начале апреля 1831 г. вызвал в Петербург с Кавказа фельдмаршала И.Ф. Паскевича (графа Эриванского)[73], которым он хотел заменить Дибича. 8 мая Паскевич прибыл в Петербург, а 4 июня получил должность командующего армией в Польше. Чтобы Паскевич мог быстрее добраться до армии, царь специально отправил его на пароходе «Ижора» из Кронштадта в прусский порт Мемель. Оттуда сухим путем Паскевич добрался до главной штабквартиры в Пултуске.

Царь потребовал от Паскевича быстро покончить с восстанием, так как Франция уже собиралась официально признать польское правительство. Николай I лично утвердил план кампании, согласно которому Паскевич должен был переправиться через Вислу близ прусской границы, у Осека, и оттуда двинуться на Лович — Варшаву, обеспечив себе тыл границей, а левый фланг— Вислой. 1 июня были наведены мосты, а с 4 по 7 июня состоялась переправа.

Скржинецкий пытался отвлечь Паскевича от переправы, двинувшись на стоявший в Калушине слабый отряд генерала Головина. Но Головин сам перешел в наступление на поляков и этим смелым движением сковал их, обеспечив развертывание переправившейся русской армии на левом берегу Вислы.

У Головина было 5500 человек и 14 пушек, а у Скржинецкого — 22 000 человек и 42 пушки.

Головин развернул свой отряд на очень широком фронте, введя, таким образом, поляков в заблуждение относительно своей численности. Потери русских составили 250 убитых, 165 раненых, 700 пленных (все были ранены) и одну пушку. Потери поляков неизвестны: убыло около 1000 человек, в плен взято 160 человек. Потерпев неудачу, Скржинецкий возвратился в Варшаву.

20 июля русские войска заняли город Лович в 75 верстах к западу от Варшавы. Опасаясь, что Паскевич двинется оттуда прямо на Варшаву, Скржинецкий занял было позицию у Болимова, но уже 25 июля был вынужден отступить за Равку.

Варшаву охватили паника, Скржинецкого заменили Дембинским. 3 августа произошел переворот, президентом Речи Посполитой был назначен Круковецкий, а сейм подчинил главнокомандующего правительству. Но Дембинский был против этого подчинения и подал в отставку, тогда вместо него назначили Малазовского.

А тем временем генерал Ридигер с отрядом в 11 тысяч человек 25 и 26 июля переправился через Вислу и взял Радом, а затем большую часть своего отряда двинул на усиление главной русской армии под Варшавой.

Малаховский, сосредоточив свыше трети своих сил (20 тысяч человек генерала Ромарино) в Праге, решил повторить мартовский маневр Скржинецкого на Дембе-Бельке[74] и разбить VI корпус на Брестском шоссе. Этим он намеревался отвлечь главные силы Паскевича на правый берег Вислы. Ромарино потеснил было Розена, но получил приказание не зарываться ввиду критического положения Варшавы и не удаляться от столицы. Демонстрация конницы Лубенского на русские переправы у Осека успеха не имела.

6 августа армия Паскевича, численность которой была доведена до 85 тысяч человек, обложила Варшаву, защищаемую 35 тысячами поляков, не считая корпуса Ромарино, действовавшего самостоятельно.

С весны 1831 г. поляки быстрыми темпами укрепляли свою столицу. Варшава была окружена тремя линиями укреплений, и, кроме того, поляки устроили отдельные укрепленные пункты у селений Круликарня, Раковец, Воля и Париж, вынесенные вперед на одну-две версты от первой линии. Отдельных укреплений (редутов и люнетов) в двух передних линиях насчитывалось до 100, из них на левом берегу — 81. Роль третьей оборонительной линии исполнял сплошной городской вал, возведенный значительно раньше с таможенными целями и теперь только усиленный реданами и флешами. Внутри Варшавы на Мотоковской площади и так называемом Плаце Брони были построены два редута как опорные пункты для борьбы внутри города. Для того же служили и Мировские казармы, соединенные баррикадами и приспособленные для упорной обороны.

Для обороны Праги поляки воспользовались также уже существовавшим городским валом и построили впереди несколько отдельных укреплений. Самым сильным на левом берегу был редут «Воля» с фасами бастионного и полигонного начертания и с редюитом в юго-западном углу. Брустверы были высотой 12 футов (3,66 м), редут окружал глубокий ров с палисадом. Внутри укрепления имелся сад и каменный костел, окруженный каменной стеной высотой 8 футов (2,44 м) с бойницами в ней.

Император Николай I повелел Паскевичу предложить гарнизону Варшавы капитулировать, при этом пообещав амнистировать всех сдавшихся. Однако Круковецкий заявил, что условия капитуляции унизительны, и отказался.

На рассвете 25 августа состоялся первый штурм Варшавы. Основной удар был направлен на редут «Воля» и смежные с ним укрепления № 54 и 55. По приказу Паскевича 100 русских полевых пушек подъехали на 300 саженей (640 м)[75] к польским укреплениям и в течение двух часов вели интенсивный огонь. Затем укрепления № 54 и 55 были взяты штурмом.

Однако «Воля», где имелось 12 пушек и 5 батальонов пехоты, продолжала держаться. Тогда Паскевич приказал подвезти еще 70 пушек и атаковал «Волю» с трех сторон. К 11 часам утра «Воля» была взята. Поляки бросили в контратаку 12 батальонов, чтобы отбить «Волю», но потерпели неудачу.

К вечеру 25 августа русские заняли еще один редут и укрепленную деревню Раковец близ Ерусалимской заставы.

На следующее утро, 26 августа, штурм Варшавы возобновился. Под прикрытием огня 120 орудий русская пехота атаковала предместья Вольское и Чисте и овладела двумя редутами. Затем русские овладели заставами Вольская и Ерусалимская и прорвались за городской вал. К полуночи (с 26 на 27 августа) русские войска овладели валом на протяжении 12 верст.

Поляки загородили улицы баррикадами и установили в наиболее опасных местах фугасы. Однако сейм уполномочил генерала Круковецкого капитулировать. Круковецкий направил Паскевичу письменный акт, в котором говорилось, что Варшава и весь польский народ «покоряются безусловно воле законного правительства».

Согласно условиям капитуляции, польские войска должны были очистить Варшаву и Прагу к 5 часам утра 27 августа и следовать к Плоцку. В 8 часов утра русские войска вошли в Варшаву под командованием великого князя Михаила Павловича, сам же Паскевич накануне был контужен близко пролетевшим ядром.

В ходе двухдневного штурма Варшавы русские потеряли 10 тысяч человек, а поляки — до 11 тысяч. Русские взяли в плен 3 тысячи человек и 132 орудия. Вечером 27 августа Паскевич прибыл в Варшаву и занял Бельведерский дворец. Граф решил стать похожим на Суворова. Он послал Николаю I в Петербург курьером внука Суворова с кратким донесением: «Варшава у ног Вашего Императорского Величества». Николаю данная реляция понравилась, и он наградил за этот подвиг с царской милостью. Граф Паскевич-Эриванский был возведен в княжеское достоинство с проименованием Варшавский и с титулом Светлейшего.

Замечу от себя, что Суворов взял Варшаву совсем при другом соотношении сил, а княжеский титул получил за итальянский поход, и, между прочим, французский генерал Моро никак не ровня генералу Круковецкому.

Польский корпус генерала Розмарино (15 тысяч человек и 42 орудия), на который так надеялись варшавяне, был оттеснен русскими войсками к австрийской границе. Войска Розмарино перешли границу и были интернированы австрийцами.

Польские же войска, ушедшие из Варшавы, через три дня отказались подчиниться условиям капитуляции. Офицеры стали утверждать, что Круковецкий не имел достаточных полномочий для подписания капитуляции. Главнокомандующий Малаховский был заменен генералом Рыбанским. Однако войска Паскевича преследовали Рыбанского и вы-

нудили его 23 сентября уйти в Пруссию. Там 20 тысяч поляков при 96 орудиях были интернированы.

Через два дня, 25 сентября (7 октября) сдался польский гарнизон крепости Модлин. Последней капитулировала крепость Замостье — 9 (21) октября 1831 г.

После подавления восстания Николай I кардинально изменил политику в отношении Царства Польского. В ноябре 1831 г. император назначил И.Ф. Паскевича своим наместником в Варшаве. Русский император уничтожил польскую конституцию. В феврале 1832 г. был опубликован Органический статут, согласно которому Царство Польское объявлялось неотъемлемой частью Российской империи, а польская корона — наследственной в русском императорском доме: отдельной коронации императора теперь не требовалось. Управление Польшей возлагалось на Административный совет с наместником императора во главе. Сейм был упразднен. Польскую конституционную хартию вместе с захваченными знаменами польской армии Николай приказал хранить в Оружейной палате в Москве в качестве исторических реликвий.

На Царство Польское была наложена контрибуция в сумме более 20 млн рублей. Польские национальные войска были упразднены, а несколько тысяч солдат и офицеров, участвовавших в восстании были сосланы в Сибирь и на Кавказ. В Царстве Польском введена общеимперская система рекрутских наборов в русскую армию. В Польше было увеличено число войск.

Органический статут ограничивал компетенцию Государственного и Административного советов, но отдельная администрация и законы были сохранены. Был также сохранен польский язык как язык внутренней администрации и образования, однако вся переписка с Петербургом теперь должна была вестись по-русски. Статут предусматривал шляхетское и городское самоуправление, но оно так и не было введено.

Паскевич приступил к постепенному замещению должностей в администрации русскими чиновниками. Власти поддерживали сословные шляхетские привилегии и поощряли консервативные и клерикальные настроения. В компетенцию католической церкви вернули брачные дел а, был отменен гражданский брак. Сокращалось число общеобразовательных средних учебных заведений, прежде всего гимназий. Поощрялось развитие начальных школ и специальных учебных заведений, например реальных гимназий. Во всех школах обязательным предметом стала история России. Преподавание предметов на польском языке, атакже и обучение ему как отдельному предмету было сокращено. Преподавание истории, географии и статистики должно было вестись на русском языке. По личному распоряжению Николая I в программу гимназий был включен церковнославянский язык, в котором видели средство облегчить переход к русскоязычному обучению различным предметам.

В 1837 г. воеводства были переименованы в губернии, воеводские комиссии стали называться губернскими правлениями, а их председатели — гражданскими губернаторами. Вообще, местные власти получили русские названия, чем выражалась их зависимость от центральных органов империи. Чтобы стереть все признаки обособленности царства, была уничтожена таможенная граница, отделявшая его от Российской империи.

С середины 30-х гг. XIX в. в Царстве Польском резко возросли объемы строительства гужевых дорог. В 1845 г. была введена в строй первая железная дорога в русской Польше Варшава — Скерневице протяженностью 55 верст, а в 1848 г. — железная дорога Лович — Ченстохова — австрийская граница (протяженностью 262 версты).

15 февраля 1851 г. вышло Высочайшее повеление о строительстве железнодорожной линии Петербург — Варшава. Трасса этой магистрали проходила через Гатчину, Лугу, Псков, Остров, Двинск, Вильно, Гродно, Белосток. Проектная протяженность составляла 1280 км. В 1859 г. поезда из Петербурга пошли в Псков, в 1860 г. — в Динабург, а в 1862 г. — в Варшаву. В том же 1862 г. была введена в строй железнодорожная линия Вильно — пограничная станция Вержболово, где произошло соединение с прусской системой железных дорог.

К 1831 г. западные крепости России — Замостье, Модлин, Брест и другие — влачили жалкое существование. Восстание 1831 г. кардинально изменило взгляды Военного ведомства на крепостную оборону западных областей России. При этом имел место и субъективный фактор — император Николай I, будучи еще великим князем, ведал инженерными делами и крепостями. Николай I приказал построить три линии крепостей для защиты западной границы. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Иван город и Замостье.

19 февраля 1832 г. Николай I лично утвердил план капитальной перестройки крепости Модлин, составленный генерал-майором Деном. 14 марта 1834 г. крепость была переименована в Новогеоргиевск. В 1836 г. строительство крепости было близко к окончанию, и на вооружение ее было назначено 495 орудий и 122 крепостных ружья. Гарнизон крепости должен был состоять из восьми батальонов пехоты, двух эскадронов конницы, семи рот крепостной артиллерии и одной роты саперов. В 1841 г. строительство Новогеоргиевска было закончено.

В начале 1863 г. в крепости по штату должно было иметься 709 орудий, а фактически было 683. Самыми мощными орудиями Новогеоргиевской крепости были 79 однопудовых (196-мм) единорогов, 49 96-фунтовых (229-мм) карронад, 15 пятипудовых (334-мм) мортир и 22 двухпудовые (245-мм) мортиры. Все эти орудия были чугунными.

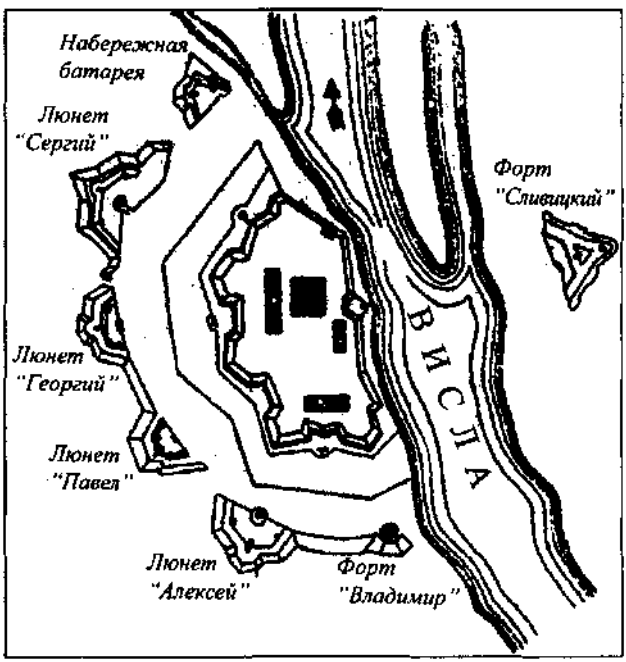
Специально для укрепления столицы Польши почти в черте города на левом берегу Вислы генерал-майор Ден спроектировал Александровскую цитадель. Она

имела двойное назначение: вместе с другими крепостями она составляла первую линию обороны, а также держала под обстрелом столицу. Так, часть однопудовых единорогов получила большой угол возвышения, как сказано в ведомости, «на эливационных станках для бомбардировки города». На правом берегу реки было расположено предмостное укрепление — форт «Сливицкий», названный так в память полковника генерального штаба Сливицкого, который в 1831 г. при взятии Варшавы зажег Пражский мост. Крепость была заложена 19 мая 1832 г.

В 1835 г. Николай I приехал в Варшаву и осмотрел введенную в строй крепость. Принимая в Лазенковском дворце депутацию аристократии Варшавы, он сказал между прочим: «Если вы будете упорствовать в мечтах о независимой Польше и других подобных фантазиях, то навлечете на себя величайшие несчастия. Я выстроил здесь цитадель. Предупреждаю вас, что при малейшем беспорядке я прикажу стрелять в город, превращу Варшаву в развалины и уже не отстрою ее».

В начале 1863 г. в Александровской цитадели было положено иметь 341 орудие, а фактически состояло 335. Самыми мощными орудиями были 40 однопудовых единорогов, двенадцать 96-фунтовых карронад, 16 пятипудовых и 16 трехпудовых мортир.

В 1837 г. у впадения реки Вепрж в Вислу была заложена крепость Иванго¬род[76]. Строил крепость генерал-майор



План Александровской цитадели и ее передовых фортов

Ден. К началу 1863 г. в крепости по штату было положено иметь 328 орудий, а фактически состояло 326. Самыми мощными орудиями Ивангорода были 43 однопудовых единорога, четыре 96-фунтовые карронады, три пятипудовые и 22 трехпудовые мортиры.

Самой слабой крепостью Царства Польского было Замостье. Ее в 1830-х гг. почти не перестраивали. В 1833 г. на ее вооружении состояло 257 орудий и 50 крепостных ружей. В гарнизоне было три батальона пехоты, один эскадрон конницы, четыре артиллерийские роты и одна саперная рота. После восстания 1863 г. крепость Замостье была упразднена, а укрепления срыты.

Вторая линия крепостей была за пределами Царства Польского. Главной в ней была крепость Брест-Литовск. Постройка крепости Брест-Литовск началась в июне 1833 г. под руководством того же генерал-майора Дена, и через 5 лет крепость была введена в строй. К началу 1863 г. в крепости положено было иметь 442 орудия, а фактически состояло 423. Самыми мощными орудиями Брест-Литовска были 112 однопудовых единорогов, девять 96-фунтовых карронад, две пятипудовые и 25 трехпудовых мортир.

В тылу располагалась третья линия крепостей, главными из которых были Киев, Бобруйск и Динабург.

Система русских крепостей непрерывно совершенствовалась с 1830 по 1894 г. На Западе довольно высоко оценивали состояние инженерной обороны русской границы. Основываясь на данных немецких специалистов, Фридрих Энгельс писал: «Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Новогеоргиевск), Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая, по сочетанию своих стратегических возможностей, является единственной в мире».

По моему мнению, тут классику можно верить: во-первых, он хорошо разбирался в военном деле, а во-вторых, очень ненавидел Россию, и обвинить его в приукрашивании трудно.

Глава 4

1863 г. — паны опять начинают и опять проигрывают

В начале мая 1856 г. новый император Александр II через Москву и Брест-Литовск прибыл в Варшаву. Туда же стеклись в большом числе со всех концов Царства Польского губернские и уездные предводители дворянства, дворяне-помещики, придворные, кавалерственные и знатные дамы. Принимая 11 мая дворян-

ских предводителей, сенаторов и высшее католическое духовенство, царь произнес по-французски знаменательную речь: «Господа, я прибыл к вам с забвением прошлого, одушевленный наилучшими намерениями для края. От вас зависит помочь мне в их осуществлении. Но прежде всего я должен вам сказать, что взаимное наше положение необходимо выяснить. Я заключаю вас в сердце своем, как финляндцев и как прочих моих русских подданных, но хочу, чтобы сохранен был порядок, установленный моим отцом. Итак, господа, прежде всего оставьте мечтания! («Point de reveries!» — эти слова Александр II произнес дважды. — *А. III.)*. Тех, кто хотел бы оставаться при них, я сумею сдержать, сумею воспрепятствовать их мечтам выступить из пределов их воображения. Счастье Польши зависит от полного слияния ее с народами моей империи... Финляндия и Польша одинаково мне дороги, как и все прочие части моей империи. Но вам нужно знать, для блага самих поляков, что Польша должна пребывать навсегда в соединении с великой семьей русских императоров. Верьте, господа, что меня одушевляют лучшие намерения. Но ваше дело — облегчить мне мою задачу, и я снова повторяю: господа, оставьте мечтания! Оставьте мечтания! Что же касается до вас, господа сенаторы, следуйте указаниям находящегося здесь наместника моего князя Горчакова; а вы, господа епископы, не теряйте никогда из виду, что основание доброй нравственности есть религия и что на вашей обязанности лежит внушить поселянам, что счастье их зависит единственно от полного их слияния со святою Русью».

15 мая царь вновь заявил польским панам: «Оставьте всякие мечты о независимости, которые нельзя ни осуществить, ни удержать». В тот же день Александр 11 подписал акт об амнистии полякам —участникам восстания 1831 г. Император заявил, что «все возвратившиеся эмигранты могут даже, по истечении трех лет раскаяния и доброго поведения, стать полезными, возвратясь на государственную службу».

Проведя в Варшаве шесть дней, император Александр II отправился в Берлин на встречу с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV. Замечу, что в первый день своего царствования Александр II написал Фридриху-Вильгельму: «Я глубоко убежден, что, пока оба наши государства останутся в дружбе, вся Европа может еще быть спасена от всеобщего разрушения; если же нет, то горе ей». Можно лишь сожалеть, что наследники обоих монархов забыли эти пророческие слова.

В январе 1856 г. после смерти фельдмаршала Паскевича наместником в Царстве Польском был назначен генерал от артиллерии князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Одновременно он был назначен и главнокомандующим вновь сформированной в Польше I армии. Горчаков был стар (родился в 1783 г.) и отличался от своего предшественника крайней мягкостью в обращении с поляками, выступая и в Петербурге усердным и постоянным

ходатаем за них. Именно его покровительству поляки обязаны в самом начале царствования Александра II полученными льготами и преимуществу.

Возникает вопрос: почему же поляки взбунтовались, если новый наместник был так хорош? Франция и Англия нахально врали на весь мир, что в Польше происходит демократическая революция, направленная против тирании русского царя. Причем самое интересное в том, что и русское правительство Александра 11, и позже советские историки придерживались той же точки зрения.

На самом деле все было наоборот. Напомню, что начало 1860-х гг. — это разгар реформ в Российской империи, проводимых императором Александром II: освобождение крестьян (в самый разгар восстания царь подписал закон о запрещении телесных наказаний), идет подготовка к созданию земств, судебной реформы и др. Другой вопрос, что довольно узкий круг русских революционеров из дворян и разночинцев требовал более радикальных реформ — ликвидации помещичьего землевладения и др. Советские историки в своих трудах даже пытались объединить польских повстанцев и русских революционеров, мол, они вместе боролись с «проклятым царизмом». Увы, цели у них были совсем разные. Восстание 1863 г. было инспирировано исключительно сверху панами и ксендзами.

Повстанцы не ставили своей целью провести какие-либо демократические или экономические реформы. Главным их лозунгом была полная независимость Польши в границах 1772 г. «от можа до можа», то есть от Балтийского до Черного моря, с включением в ее состав территорий, населенных русскими или немцами. Диссиденты, то есть православные и протестанты, должны были кормить оголодавшую шляхту. Любопытно, что ряд польских магнатов «умеренных взглядов» предлагали русским сановникам компромиссное решение — Польша останется в составе Российской империи под властью царя, но ее административные границы следует расширить до территориальных границ Речи Посполитой образца 1772 г., то есть попросту панам нужны хлопы, и бог с ними, с «тиранией» и самодержавием.

Первые признаки брожения, охватившего польское общество, стали появляться с лета 1860 г., когда в Варшаве прошел ряд политических манифестаций, устраиваемых в память деятелей или событий предыдущих мятежей. В процессиях, выходивших из костелов, принимали участие лица всех сословий, много было среди них воспитанников учебных заведений, женщин и детей. Они проходили по городу, неся польские национальные значки и эмблемы, распевая полурелигиозные, полуполитические гимны, попадавшиеся им по пути русские полицию и войска встречали руганью и насмешками. При этом народу раздавались листовки и портреты борцов «за независимость» — Килинского, Костюшко и др.

До самого конца 1860 г. власти терпели эти нарушения порядка, не привлекая

виновных к ответственности и не принимая никаких мер к предупреждению беспорядков. Дошло до того, что во время пребывания в Варшаве Александра II и его августейших гостей — австрийского императора и прусского принца-регента, вдень, назначенный для парадного спектакля, императорская ложа в Большом театре была облита купоросом, а уличные мальчишки отрезали шлейфы у дам, ехавших на бал к наместнику. По пути следования царя на улицах и площадях раздавались свистки.

В начале февраля 1861 г. члены Земледельческого общества съехались в Варшаву на общее собрание для обсуждения важного вопроса, переданного им на рассмотрение варшавским правительством: «О способах наилучшего разрешения в Царстве Польском вопроса о поземельных отношениях крестьян к землевладельцам». Этим не преминули воспользоваться паны заговорщики. 13 февраля, в годовщину сражения при Грохове, печатные воззвания приглашали народ собраться на площади Старого Моста и оттуда шествовать к дворцу наместника, где заседало Земледельческое общество. Князь М.Д. Горчаков решил не допускать этой заранее подготовленной манифестации. По его распоряжению обер-полицмейстер полковник Трепов во главе полицейских солдат и конных жандармов разогнал толпу, вышедшую из монастыря Паулинов с факелами, хоругвями и пением.

Порядок был восстановлен, но ненадолго. Два дня спустя, 15 февраля, толпы поляков собрались в различных частях города и двинулись к Замковой площади. Встретившись с солдатами, стоявшими вдоль Краковского предместья и на площади перед Замком, они забросали их камнями. Тогда по команде генерала Заблоцкого одна рота дала залп из переднего взвода, в результате в толпе было убито шесть человек и столько же ранено. Толпа немедленно рассеялась.

Это и нужно было заговорщикам. Председатель общества граф Андрей Замойский в ту же ночь собрал представителей всех сословий для составления и подписания на имя императора адреса. На следующее утро этот документ депутация, состоящая из архиепископа Фиалковского, графов Замойского и Малаховского и панов Кронеберга и Шленкера, отвезла к наместнику в Замок для дальнейшей пересылки в Петербург. В этом адресе, составленном от имени «всей страны», выражались требования возвратить Польше национальные церковь, законодательство, воспитание и всю общественную организацию как необходимые условия народного существования.

Наместник Горчаков совершенно растерялся. Он не только принял из рук депутатов адрес, но и пообещал доставить его императору, а также согласился на все предъявленные ему требования.

Александр II получил известие о варшавских беспорядках за три дня до подписания манифеста об освобождении крестьян. Император был опечален, но настроен решительно. Он телеграфировал в Варшаву Горчакову: «Во всяком

случае, теперь не время на уступки, и я их не допущу».

21 февраля 1861 г. царь приказал отправить в Польшу подкрепление войскам в составе гусарской бригады 1-й кавалерийской дивизии и всей 2-й пехотной дивизии, а также четырех казачьих полков с Дона.

Престарелый и тяжело больной, князь Горчаков был не в состоянии справиться с волнениями в Варшаве. Так, к примеру, 27 марта рядом с резиденцией наместника произошел настоящий бой, в ходе которого поляки потеряли десять человек убитыми, а русские войска — пятерых. 45 поляков было задержано.

В связи с болезнью Горчакова царь поручил временно исполнять эту должность военному министру И.О. Сухозанету. Прибывший 27 мая в Варшаву генерал-адъютант Сухозанет уже не застал в живых князя Горчакова, скончавшегося 18 мая. Задачей военного министра было поддержание порядка и спокойствия в крае до прибытия нового наместника, на должность которого Александр II назначил близкое к себе и доверенное лицо, к тому же католика по вероисповеданию, генерал-адъютанта графа К.К. Ламберта.

Сухозанет, невзирая на распоряжения своего предшественника, в силу военного положения, объявленного Паскевичем в 1833 г. и с тех пор формально не отмененного, стал одних из задержанных участников демонстраций предавать полевому суду, а других высылать административным порядком за пределы Царства Польского во внутренние губернии Российской империи. Такие энергичные действия были одобрены Александром II и не замедлили принести плоды. Листовки с призывами выйти на демонстрации по-прежнему распространялись, но на улицы никто не выходил. Замечу, что среди арестованных было очень много ксендзов.

12 августа 1861 г. в Варшаву прибыл новый наместник граф Ламберт, а Сухозанет убыл в Петербург. Генерал-адъютант Карл Карлович Ламберт, подобно большей части русского генералитета, был из гвардии. Он служил в лейб-гвардейских кирасирах, затем в кавалергардах, несколько месяцев воевал с горцами на Кавказе, а затем длительное время служил в штабах. Ни военных знаний, ни достаточного политического опыта Ламберт не имел. Почти сразу после его приезда в Варшаве вновь возобновились волнения.

На похоронах варшавского архиепископа Фиалковского произошла новая провокация. Перед погребальной колесницей несли в числе прочих национальных эмблем — короны короля и королевы польских — и старый герб Речи Посполитой: Белого орла с гербами Литвы и Руси. Как видим, речь шла не о «свободе», а о территориальных претензиях.

1 октября 1861 г. Ламберт объявил все Царство Польское на осадном положении. Первый день после этого объявления прошел спокойно. На следующий день, 3 октября, возвещенные ранее панихиды по Костюшко были отслужены в трех варшавских церквях при обычном пении революционных гимнов. Войска,

которыми командовал генерал-лейтенант А.Д. Герштенцвейг, оцепили храмы. Но из одного из них народ вышел потайным ходом, а в двух других остался на всю ночь. На заре русские войска получили приказ задержать всех мужчин. Войска вошли в собор Святого Яна и в костел бернардинеров и там, среди большого смятения, арестовали 1600 человек. Уличные толпы рассеивались патрулями и кавалерийскими разъездами.

События эти послужили предлогом для провокации временно заведовавшего варшавской римско-католической епархией прелата Бялобржеского, который в письме на имя наместника протестовал против вторжения войск в храмы, называя эту меру «возвращением к временам Аттилы», и объявил о закрытии всех костелов Варшавы с воспрещением совершать в них богослужение. Городское духовенство поспешило повсеместно привести эту меру в исполнение.

В это время Ламберт проявил малодушие и, ничего не сообщив генерал-лейтенанту Герштенцвейгу, приказал освободить 1660 поляков. Узнав об этом, Герштенцвейг немедленно поехал к наместнику и в резком объяснении с ним назвал Ламберта «изменником». Результатом этого стала американская дуэль: жребий застрелиться пал на Герштенцвейга. Утром 5 октября Герштенцвейг привел этот приговор в исполнение, смертельно ранив себя в голову из револьвера.

Граф Ламберт послал отчаянную телеграмму царю: «Ради бога, пришлите кого-нибудь на наши места».

Находившийся в Ливадии Александр II тотчас вызвал туда из Одессы генерал-адъютанта А. Н. Лидерса и предложил ему должность наместника в Царстве Польском, а до прибытия его в Варшаву исполнять обязанности наместника должен был возвращавшийся через Царство Польское из заграничной поездки военный министр Сухозанет.

10 октября 1861 г Сухозанет прибыл в Варшаву, а на следующий день наш бравый кавалергард выехал в Австрию «на лечение». 28 октября Сухозанета сменил генерал-адъютант Лидерс[77]. Свою главную задачу новый наместник видел в соблюдении общественного порядка. Войска стояли лагерем на варшавских улицах и площадях, на зиму для офицеров были построены теплые деревянные домики, патрули днем и ночью разъезжали по городу, началось разоружение обывателей, у которых отобрали более семи тысяч ружей, а кроме того, пистолеты, сабли, кинжалы и другое оружие.

Следственная комиссия и военные суды продолжали действовать. Ксендзов, виновных в участии в политических демонстрациях или в произнесении прокламационных проповедей, высылали на жительство во внутренние губернии империи. Из прочих участников манифестаций, наиболее виновных присуждали к каторжным работам, к отдаче в рекруты или в арестантские роты, а других — к заключению в крепостях или к аресту на гауптвахте. Уличенные в соучастии в беспорядках чиновники увольнялись с должностей, равно как и те, чьи жены и дети

носили траур и участвовали в уличных процессиях. Прелат Бялобржеский, виновник закрытия богослужения в костелах, был приговорен к смертной казни, но помилован и заключен в Бобруйскую крепость на один год.

17 апреля 1862 г., в годовщину восшествия на престол и в день рождения Александра II, было объявлено помилование многим политическим преступникам, а участь прочих значительно смягчена. Многим из них разрешили вернуться в Царство Польское из ссылки, крепостей и арестантских рот. Среди прощенных было немало ксендзов, в том числе и прелат Бялобржеский. Его возвращение из Бобруйска в Варшаву представляло собой настоящее триумфальное шествие. Мужчины выпрягали лошадей из экипажа, а женщины осыпали прелата цветами. Огромная толпа набилась в храм, где Бялобржеский впервые отправлял богослужение, и приветствовала его восторженными криками.

В начале 1862 г. Лидерс разрешил в ряде городов приступить к работе городским советам (органам самоуправления), а 15 мая 1862 г. прошли выборы в городской совет и в самой Варшаве. Однако избранными оказались исключительно бунтовщики, в том числе четыре человека, недавно возвращенные по амнистии из заключения.

В конце мая 1862 г. вышел высочайший указ: «Его императорскому величеству любезнейшему брату нашему, государю великому князю Константину Николаевичу повелеваем быть наместником нашим в Царстве Польском с подчинением ему на правах главнокомандующего всех войск, в Царстве расположенных».

Следует заметить, что среди петербургских сановников великий князь Константин слыл «красным» за активную поддержку самых либеральных реформ.

Узнав об отставке Лидерса, заговорщики все же решили расправиться с ним. Наместник из принципа ездил и гулял по Варшаве без всякой охраны. 15 июня 1862 г. во время прогулки Лидерса по Саксонскому саду какой-то неизвестный выстрели в него сзади из пистолета. Пуля пробила шею и раздробила челюсть, однако Лидерсу удалось самому добраться до дворца.

20 июня в Варшаву прибыли великий князь Константин Николаевич с супругой. Великая княгиня Александра Иосифовна была беременна, но, несмотря на все предостережения, решилась сопровождать мужа.

Вице-канцлер князь А.М. Горчаков разослал циркуляр по Европе, в котором говорилось: «Приезд в Варшаву государя великого князя Константина Николаевича, отправившегося туда тотчас по получении известия о покушении, будет живым символом решимости правительства не покидать системы примирения и твердости. Он докажет, что одинокие преступления не столкнут власть с пути, почитаемого ею соответствующим потребностям края».

Однако покушение на Лидерса недолго оставалось единственным. На другой

же день по приезде, 21 июня, при выходе великого князя из театра в него в упор был сделан выстрел из пистолета. Пуля, пройдя через эполет, легко ранила его в плечо. Великий князь Константин телеграфировал императору: «Спал хорошо, лихорадки нет, жена не испугана, осторожно ей сказали. Убийцу зовут Ярошинский, портной подмастерье».

Новый наместник обратился к полякам с воззванием, где он увещевал их «отречься от всякой солидарности с виновниками совершенных преступлений, зачинщиками беспорядков, сеятелями смуты, терроризирующими и позорящими страну», обещал немедленное приведение в исполнение новых законов об организации Государственного совета Царства, об учреждении учебных заведений, о переводе крестьян с барщины на оброк, о даровании прав евреям, об образовании городских и уездных советов.

В ответ триста знатных панов, съехавшихся в Варшаву, подали адрес графу Андрею Замойскому с просьбой довести содержание этого адреса до сведения великого князя. Там говорилось: «Как поляки, мы можем поддерживать правительство лишь тогда, когда оно станет правительством польским, и когда все области, составляющие нашу родину, будут соединены воедино и будут пользоваться конституцией и свободными учреждениями. В своем воззвании великий князь сам уважил и понял нашу привязанность к родине; но эта привязанность не может быть раздроблена, и если мы любим нашу родину, то всю в совокупности, в пределах, начертанных ей Богом и освященных историей».

В популярном переводе сие означает: пусть нами правит царь, если он заставит работать на нас белорусов и малороссов.

Великий князь Константин широко пользовался предоставленным ему правом помилования. К концу сентября 1862 г. из 499 осужденных им были прощены 289 человек. В день празднования тысячелетия России Александр II в Новгороде подписал указ, которым прекращались все иски казны по имениям, конфискованным за государственные преступления.

Однако все примирительные меры русских властей вызывали лишь обратный эффект. Сторонники восстания образовали так называемый Центральный комитет. В декабре 1862 г. в Варшаве собрался съезд польских революционеров. На съезде были назначены руководители восстанием: на левом берегу Вислы — Лангевич; на правом — Левандовский и Чапский; в Литве — Сераковский, приехавший из Парижа, куда он был командирован за счет Военного ведомства с научной целью; в юго-западном крае — Ружицкий, штаб-офицер русской службы.

В первых числах января 1863 г. Центральный комитет переименовал себя во временное народное правительство (народовый ржонд). 10 января ржонд издал воззвание с призывом поднять оружие.

Революционное правительство разделило царство на восемь воеводств, которые делились на уезды и далее на округа, сотни и десятки. В Париже была образо-

вана концессия для вербовки офицеров и закупки оружия.

Предлогом к началу восстания послужил рекрутский набор, проведенный в Варшаве в ночь со 2 на 3 января 1863 г. В результате было решено забрать многих известных участников уличных беспорядков. Но, предупрежденные польскими чиновниками, эти молодые люди успели бежать из Варшавы и, собравшись в окрестных лесах, образовали первые революционные отряды.

13 января, по окончании развода от лейб-гвардейского Измайловского полка, в Михайловском манеже Александр II, собрав вокруг себя офицеров, сам сообщил им о вспыхнувшем в Польше мятеже. «Так как многим из вас, господа, — сказал император, — вероятно, неизвестны последние происшествия в Царстве Польском, то я хочу, чтобы вы узнали о них от меня самого. После столь благополучно совершившегося набора, со 2-го на 3-е января, стали появляться мятежнические шайки на обоих берегах Вислы, для рассеяния которых были немедленно посланы отряды. Наконец, в ночь с 10-го на 11-е число по всему Царству, за исключением Варшавы, было сделано внезапное нападение на войска наши, стоящие по квартирам, причем совершены неслыханные злодейства. Так, например, около Седлеца атакованные солдаты оборонялись отчаянно в одном доме, который мятежники подожгли, не видя средств им завладеть. Несмотря на то, храбрые войска наши отбили повсюду мятежников. По первым сведениям, потеря наша заключена в тридцати человеках убитыми, в том числе старый наш Измайловский товарищ, командир Муромского пехотного полка Козлянинов. Раненых до четырехсот и между ними генерал Каннабих. Подобная же попытка была сделана около Белостока, в пределах даже Империи. Но и после сих новых злодейств я не хочу обвинять в том весь народ польский, но вижу во всех этих трудных событиях работу революционной партии, стремящейся повсюду к ниспровержению законного порядка».

Для подавления мятежа в зародыше были приняты соответствующие меры. По распоряжению наместника Константина Николаевича во всем Царстве Польском вновь вводилось военное положение, отмененное в предыдущие годы во многих местностях частными распоряжениями. Было объявлено высочайшее повеление о том, чтобы мятежников, взятых в плен с оружием в руках, судить на месте преступления военно-полевым судом, а приговоры немедленно приводить в исполнение, по конфирмациям начальников военных отделов, соответствующих пяти губерниям Царства Польского. Были восстановлены военно-судные комиссии, изданы правила о наложении секвестра на имущества всех лиц, причастных к восстанию.

К началу восстания в Варшавском военном округе[78] находилось шесть пехотных дивизий (3,4,5,6,7 и 3-я гвардейская, в 1862 г. переведенная в Варшаву из-под Петербурга) и три кавалерийские дивизии (2, 3 и 7-я).

Всего в Царстве Польском имелись 90-тысячная армия и 3 тысячи солдат пограничной стражи.

Великий князь Константин поначалу действовал очень бестолково и вместо решительных ударов по мятежникам приказал войскам очистить целый ряд важных населенных пунктов, стянув все свои силы в несколько больших отрядов. Вся тяжесть борьбы легла на пограничную стражу, вначале совершенно не поддержанную войсками. Южная и западная границы Варшавского округа были благодаря этому открыты для ввоза повстанцам оружия, в том числе льежских штуцеров[79].

Еще до начал восстания заговорщики послали в Париж к одному из видных эмигрантов Мирославскому[80] депутацию, которая провозгласила его диктатором. Мирославский принял звание диктатора и отправился в Познань (Пруссия). У Крживосоиза он перешел русскую границу со своим секретарем Куржиной и двенадцатью офицерами. К нему присоединил ось более сотни учащейся молодежи из Варшавы и окрестностей, всего набралось около пятисот человек.

7 февраля отряд Мирославского на опушке Крживосоизского леса столкнулся с русским отрядом полковника Шильдер-Шульднера в составе трех с половиной рот пехоты, шестидесяти казаков и пятидесяти пограничников. Поляки были рассеяны. Мирославский с остатками своего отряда бежал к деревне Троячек, где соединился с повстанческим отрядом Меленицкого. Оба отряда заняли позицию на опушке леса у Троячека, где были вновь атакованы и наголову разбиты Шильдер-Шульднером. После этого великий диктатор бежал в Париж, где благополучно почил 22 ноября 1878 г.

После бегства Мирославского руководство восстанием формально переходило к Мариану-Мельхиору Лангевичу[XI]. В начале восстания Лангевич появился в городке Вонхоцке близ Суходнева. У него имелась походная типография, и весь край был наводнен прокламациями. У Лангевича в Вонхоцке собралось более трех тысяч человек при пяти пушках.

Для разгрома отряда Лангевича в городе Радом был создан сводный отряд генерал-майора Марка в составе одного батальона и одной роты Могилевского пехотного полка, саперной роты, двадцати казаков и двух 4-фунтовых нарезных с дула заряжаемых пушек. Уже на подходе к Марку присоединились два эскадрона (дивизион) новороссийских драгун майора Красинского, следовавшие из Сто¬пницы через Кельцы в Радом.

20 января 1863 г. генерал-майор Марк выступил в Шидловец, где, узнав от проезжего еврея, что тот видел драгун верстах в десяти за Суходневом, послал в час дня поручика Лускино к дивизиону с предписанием быть на следующий день в 8 часов 30 минут утра в деревне Милицы для присоединения к отряду. По приезде в Суходнев Лускино был схвачен повстанцами и отвезен в лагерь Лангевича в Вонхоцке, а бывшее при нем предписание отобрано, чем обнаружилось движение отрядов.

Между тем дивизион, прибыв вечером 20 января к реке Лосенице, застал мост разрушенным, а на противоположном берегу обнаружились передвижения мятежников. К рассвету 21 января из Кельц были высланы в подкрепление драгунам три роты Смоленского полка и шестьдесят казаков. В 6 часов утра Красинский, починив мост, двинулся к Суходневу, который оказался не занятым мятежниками. По словам местных жителей, отряд инсургентов в тысячу человек накануне, 20 января, оставил Суходнев и отошел к Вонхоцку.

При входе в Суходнев майор Красинский получил через еврея записку от генерала Марка с уведомлением, что его драгуны назначены в состав экспедиционного отряда и с приказанием присоединиться к нему в Бзине. Поэтому драгуны без остановки прошли Суходнев, а три Смоленские роты и казаки, не имея приказания сопровождать их дальше, остались в местечке.

Между тем Лангевич, собирая свой отряд в Вонхоцке, отлично знал обо всех передвижениях русских войск. Распустив слух, что Суходнев оставлен и зная маршрут дальнейшего следования драгун, Чаховский подготовил засаду (из трехсот человек с ружьями без штыков) на лесистом перевале в трех верстах от Суходнева, на дороге к Бзину. Остальная часть отряда скрытно заняла Суходнев.

Когда оба эскадрона втянулись в лес, засада, пропустив голову колонны, дала залп, и инсургенты бросились на 4-й эскадрон. Драгуны частью открыли огонь, а частью бросились в штыки и вскоре опрокинули нападавших, прогнав их к выходу из дефиле. В это время на выстрелы прискакали казаки из Суходнева и помогли в дальнейшем преследовании.

Между тем майор Смоленского пехотного полка Бентковский, который оставался с тремя ротами в Суходневе, также двинулся на выстрелы, оставив обоз под прикрытием полувзвода поручика Крупского. Как только роты отошли на достаточное расстояние, мятежники, засевшие в местечке, атаковали обоз. Крупский решил оставить Суходнев и, заняв на опушке каменную кузницу, начал отстреливаться. Между тем Бентковский с двумя ротами немедленно вернулся к Суходневу, повстанцы быстро разбежались, и обозу удалось присоединиться к отряду у Милицы.

Стычка драгун и эпизод с обозом задержали генерала Марка до двух часов дня. Не решаясь атаковать Вонхоцк, он стал у Милицы на ночлег. Рассеянные остатки отряда Чаховского отступили к Вонхоцку, разрушив после себя мост через речку Тарновку в селе Парашове.

Вечером к отряду генерала Марка подошли еще две роты Галицкого полка, направленные из Кельц.

На следующий день с рассветом, присоединив к себе три роты Смоленского полка и казаков и оставив две роты для прикрытия обоза, построенного ваген¬бургом у Милицы, генерал Марк выступил к Вонхоцку, который и занял без боя, так как Лангевич успел отступить. Заняв Вонхоцк, Марк посчитал экспедицию

оконченной и отошел к Милице, а 23 января выступил обратно в Радом, куда прибыл на следующий день.

Части отряда Лангевича удалось уйти. 31 января 1863 г. Лангевича атаковал русский отряд полковника Ченгери, Лангевич опять бежал. На месте его лагеря русские обнаружили три самодельные деревянные пушки.

Лангевич же у Радкова соединился с отрядом Езеранского, но 12 февраля был снова настигнут и разбит полковником Ченгери у местечка Влощово. Лангевич опять уцелел и отправился вначале в Ольскумский уезд, а затем в Меховецкий уезд и расположился в селе Гоща в 16 верстах от Кракова. После всех поражений он сумел сохранить походную типографию. В своих прокламациях Лангевич превращал поражения в блестящие победы. Люди охотно верят тому, чему хотят верить, и популярность Лангевича постоянно росла. Его называли вторым Костюшко, а его бегство в Гощу сравнивали с походом Бонапарта в 1796—1797 гг. в Италии.

Отряд Лангевича в Гоше вскоре вырос до шести тысяч человек. Здесь 26 февраля, после совещания с главарями восстания, Лангевич провозгласил себя диктатором и выпустил манифест с призывом «объединения народов Европы, Литвы и Руси» к общему восстанию против «московского народа».

27 февраля Лангевич покинул гощинский лагерь и 6 марта остановился в местечке Хробрж в 15 верстах от Буска. Здесь он в тот же день был атакован отрядом полковника Ченгери и майора Бентковского и разбит наголову. Ленгевич отступил к Гроховиску, но был настигнут и снова разбит. Остатки его отряда бежали к городу Опатову и здесь были уничтожены окончательно. Сам Лангевич едва избежал плена, перешел в Австрию, был арестован австрийскими властями и посажен в крепость Иозефштадт. Здесь он содержался два года и, получив свободу, уехал в Швейцарию, а оттуда переехал в Турцию, где его сын поступил на военную службу и в 1877— 1878 гг. сражался против России.

В отличие от кампании 1831 г. больших сражений в 1863 г. не было, и действия русских сил свелись к преследованию отдельных отрядов повстанцев.

По мнению русского командования, войск в Царстве Польском не хватало для подавления восстания. В связи с этим в Варшавский военный округ из других округов были направлены два гвардейских кавалерийских полка с конной батареей (прибыли в феврале 1863 г.), 2-я гвардейская пехотная дивизия со стрелковым батальоном (прибыли в марте), 10-я пехотная стрелковая дивизия со стрелковым батальоном и семью Донскими казачьими полками (начали прибывать с марта). Кроме того, по мере усмирения восстания в край был и двинуты 2-я и 8-я пехотные и 3-я кавалерийская дивизии.

Наряду с военными мерами русское правительство действовало и политическими методами. Объективно говоря, в ходе восстания 1863 г. в роли революционеров выступили не паны и ксендзы, а

Александр 11 и его сановники. Так, 1 марта 1863 г. Александр II объявил указ Сенату, которым в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и в четырех уездах губернии Витебской прекращались обязательные отношения крестьян к землевладельцам и начинался немедленный выкуп их угодий при содействии правительства. Вскоре это распространилось и на другие уезды Витебской губернии, а также на губернии Могилевскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую. Таким образом, царь резко ускорил ход реформ в губерниях, охваченных восстанием. Подавляющее большинство польских крестьян оставались в стороне от восстания, а многие помогали русским войскам.

Повстанцы отбирали у польского населения под «квитанцию» лошадей, подводы, одежду и продовольствие. Деньги приобретались сбором податей за два года вперед, вымогательством у состоятельных лиц, грабежом касс и другими подобными способами. Сначала повстанцы набрали 400 тысяч злотых (1 злотый = 15 коп.), потом, в июне 1863 г., в Варшаве из главной кассы Царства было похищено три миллиона рублей и в других местах еще около миллиона.

Поданным историка А.А. Керсновс¬кого, в 1859—1863 гг. повстанцы убили около 5 тысяч мирных жителей, в подавляющем большинстве этнических поляков[82].

29 марта 1864 г. полиции удалось арестовать весь «ржонд народовый» с его председателем Траунутом (бывшим русским подполковником). Официально признано считать военные действия оконченными 1 мая 1864 г.

В ходе боев русские войска потеряли около 4500 человек, из них собственно в Польше 3343 человека (826 убито, 2169 ранено, 348 пропало без вести). Потери польских повстанцев русские генералы оценивали в 30 тысяч человек. Сотни поляков были приговорены военно-полевым судом к смерти, тысячи — сосланы в отдаленные губернии Российской империи. Среди последних был и мой прадед —дворянин Сильвестр Антонович Домброва, сосланный на Кавказ.

Действия царских властей современные интеллигенты могут считать жестокими. Но Александр II не менее жестоко обращался и с русскими нигилистами. А сравнение его с карательной политикой британских властей в ходе подавления восстания сипаев в 1857 г. в Индии делает Александра II чуть ли не либералом.

А мог ли Александр II действовать иначе? Ведь повстанцам не нужны были какие-либо реформы, с ними нельзя было пойти на компромисс, даже предоставить независимость на территориях в пределах Царства Польского. Панам нужно было или всё, или ничего! Создание же Польши в границах 1772 г. было бы катастрофой для России.

В 1831 г. поляки в ходе восстания больше надеялись не на свои силы, а действовали по принципу «заграница нам поможет». И надо сказать, что в 1863 г.

Англия и Франция всячески морально поддерживали повстанцев и осуждали Россию. Однако посылка двух русских эскадр к берегам США, откуда они могли грозить океанским коммуникациям Англии и Франции, быстро привела в чувство Париж и Лондон. Шестидесятифунтовые пушки русских крейсеров оказались более весомым аргументом, нежели ноты «железного канцлера» Горчакова.

В состав эскадры Атлантического океана, начальником которой был назначен контр-адмирал С.С. Лесовский, вошли фрегаты «Александр Невский», «Пересвет» и «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь» и клипер «Алмаз». В состав эскадры Тихого океана вошли корветы «Богатырь», «Калевала», «Рында» и «Новик» и клипера «Абрек» и «Гайдамак». Начальником эскадры был назначен контр-адмирал А.А. Попов.

Поход обеих эскадр происходил в обстановке строжайшей секретности. Корабли эскадры Лесовского шли в Америку порознь, причем фрегат «Ослябя» шел не с Балтики, а из Средиземного моря. Зато все суда почти одновременно, 24 сентября 1863 г., оказались в Нью-Йорке. А 27 сентября эскадра контр-адмирала Попова бросила якорь на рейде Сан-Франциско.

Когда через неделю пассажирский пароход привез в Лондон американские газеты с сообщением о прибытии русских кораблей, в Форин оффис[83] заявили, что это обычные газетные утки. Позже наступил шок. Судоходные компании резко подняли стоимость фрахтов, страховые компании начали менять правила страховок. К сожалению, никто из современников не посчитал убытки, нанесенные экономике Британии. Замечу, что и без этого английская промышленность находилась в кризисе, вызванном войной в Соединенных Штатах и рядом других причин.

Кстати, наши историки, говоря о походе русских эскадр в Америку, забыли, что часть русских крейсеров находилась на британских коммуникациях и в других районах Мирового океана. Так, до конца 1863 г. на Средиземном море крейсировали фрегат «Олег» и корвет «Сокол».

Через три недели после прибытия русских эскадр в Америку Александр II в рескрипте на имя генерал-адмирала (от 19 октября) назвал Польшу страной, «находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей». Упоминание в обнародованном рескрипте об «иноземных возмутителях», которое до прибытия русских эскадр в Америку могло бы послужить casus belli, теперь было встречено западными державами молча, как заслуженный урок.

Сразу же после прибытия эскадр в Америку антирусская коалиция развалилась. Первой поспешила отойти Австрия, которая, сразу почуяв всю шаткость положения, предвидя близкую размолвку Англии и Франции, побоялась принять на себя совместный удар России и Пруссии. Австрия, круто изменив свою политику, не только пошла на соглашение с Россией, но даже стала содействовать усмирению мятежа в Царстве Польском.

Английским дипломатам с большим трудом удалось задержать на полпути, в Берлине, грозную ноту с угрозами в адрес России, которую должен был вручить Горчакову лорд Непир. Теперь Форин офис пошел на попятную. Так «заграница» в очередной раз подвела буйное панство.

Глава 5

На пороге XX века

В конце XIX — начале XX в. привисленские губернии, как, впрочем, и большинство других районов империи, охватил невиданный экономический подъем. К 1 января 1914 г. в девяти привисленских губерниях проживало 12,24 млн человек, то есть 6,9 % населения империи, однако в 1908 г. там производилось 11 % промышленной продукции, а через четыре года — уже 12,1 %.

Так, к примеру, крупным промышленным центром стал город Лодзь, где к 1890 г. проживало уже более 300 тыс человек. Недаром Лодзь называли польским Манчестером.

По производству угля и стали Польша стояла на втором месте после Донецкого района. В Польше производилось 42% полотна, в производстве сукна ее доля составляла 29,6 %, шерстопрядении — 77 %, вязальном производстве — 76 %.

Больше половины производимых в Польше товаров сбывалось в Россию. Основу вывоза составляли хлопчатобумажные и шерстяные ткани, пряжа, машины, уголь. Торговля с Россией и немецкие капиталы, инвестированные в польскую промышленность, являлись источниками, из которых питалась польская экономика.

Экономику привисленских губерний существенно поддерживало и... Военное ведомство. Оно строило там железные дороги, крепости, содержало крупные гарнизоны.

Работая в военно-историческом архиве, я наглядно убедился в высокой степени коррумпированности русского генералитета. К примеру, лафеты тяжелых орудий, крепостные узкоколейные железные дороги и другое оборудование для крепостей производились Пермским и другими казенными заводами Горного ведомства по ценам, как минимум, вполовину меньшим, чем на частных заводах Варшавы и других польских городов. Но заказы почему-то получали поляки, а точнее, жители привисленских губерний, поскольку владельцами заводов в основном были евреи и немцы.

В ходе обсуждения Государственной думой III созыва экономического состояния империи выяснилось, что привисленские губернии являются, как сейчас говорится,

дотируемым регионом, то есть сидят на шее центра. Депутат П.В. Березовский при этом заявил: «У нас центр не только не пользуется ничем от окраин, а напротив, он оскудевает, он беднеет, а окраины наживаются, окраины богатеют». Грустно сознавать, что подобная ситуация перейдет по наследству от «проклятого царизма» к СССР, а затем — к Российской Федерации.

Таким образом, в экономическом плане скорее Россия была колонией Польши, а не наоборот.

Никто в России не мешал развиваться польской культуре. Вместе с русскими в 1906 г. поляки получили возможность выбирать депутатов в Государственную думу. В империи отсутствовали какие-либо ограничения в занятии государственных постов по национальному или религиозному принципу. Например, к 1 января 1862 г. в русской армии среди генералов было: православных— 62,7 %, католиков (в основном поляки) — 8,72 %, протестантов (финны, немцы, шведы) — 27,8 %. Всего же на службе было офицеров: православных — 69,37 %, католиков — 20,06 %, протестантов — 9,33 %[84].

Любой эрудированный человек без труда вспомнит имена десятков поляков среди знаменитых сановников, ученых и путешественников империи в конце XIX-начале XX в.

Обратим внимание, что данные по национальному составу и в военных, и в любых других источниках отсутствуют. В империи никого не интересовала национальность человека, а также его вероисповедание.

Даже правые партии России с уважением относились к правам поляков. В ноябре 1907 г. в Государственной думе граф А.А. Уваров, представлявший Саратовскую губернию, заявил: «Мы, октябристы, с великим удовольствием дадим Польше все то, что мы сами будем иметь в центре, мы с удовольствием дадим Польше земское самоуправление, широкое городское управление, но, конечно, господа, с таким уговором, чтобы окраины отнюдь не требовали того, что не имеют центральные части России».

Вставьте вместо слова «Польша» «Чечня» или «Татарстан», и слова Уварова будут более чем актуальны в наши дни.

Единственной попыткой правительства несколько изменить статус-кво было выделение в 1912 г. Холмской губернии из состава привисленских губерний. Законопроекте Холмской области был предоставлен 18 мая 1912 г в думу III созыва и поддержан депутатами. Дело в том, что принадлежность Холмской губернии Польше была довольно спорной. С одной стороны, католиков там было чуть больше, чем православных[85], зато этнические русские, включая малороссов и белорусов, составляли большинство. С учетом этого депутат В.А. Бобринский на заседании думы заявил, что Холмщина должна быть... в бесспорном национальном владении не России, — здесь всё Россия, — но Руси, чтобы это поле было не только частью Российского государства, но чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони русской землей, то есть Русью».

В ответ польский депутат Я. Гарусевич заявил: «Конец этой законодательной трагедии есть вместе с тем начало нашей защиты этой польской губернии. Она есть и будет польская губерния. Хотя станет называться Холмской».

В июне 1912 г. проект был одобрен думой, а затем Госсоветом и утвержден Николаем П. В сентябре 1913 г. началось нормальное функционирование Холмской губернии.

Подавляющее большинство поляков в конце XIX — начале XX в. не принимали участия в играх националистов. Замечу, что жизненный уровень населения в привисленских губерниях был куда выше, чем в центральных губерниях империи.

Однако ксендзы и гонористые паны по-прежнему не унимались. Еще раз замечу, что они никогда не ставили вопрос о воссоздании Польши в ее этнических границах, то есть чтобы во всех ее районах этнические поляки составляли большинство. Но в сложившейся ситуации говорить о Речи Посполитой «от можа до можа» было неуместно. Поэтому в конце XIX века хитрые паны придумали идею создания федерации, в которую должны были войти привисленские губернии, Литва, Белая Русь, Малая Русь и Курляндия. И тут они впервые столкнулись с литовскими националистами. Уточню, что ранее под Литвой мы понимали территорию, заселенную русскими (белорусами), которые с середины XVI века имели польское или ополяченное дворянство. Но теперь на политическую сцену вышли этнические литовцы, мечтавшие о создании Великой Литвы, куда должна была войти и Белая Русь, население которой они называли «ославяненными литовцами». Естественно, что литовские националисты не хотели даже слышать о федерации с ляхами.

Глава 6

Детище мировой войны

Первая мировая война стала манной небесной для националистов всех мастей. С началом войны правительства Германии, Австрии, Венгрии и России начали заигрывать с польскими националистами, при этом ограничиваясь лишь декларациями, но не давая конкретных обещаний. Так, австрийцы предложили создать государственное образование в составе Австро-Венгерской империи. Ему должны были присвоить название Королевство Польское или Герцогство Краковское. Столицей должен был стать Краков. В состав образования должны были войти земли, принадлежавшие Австрии и России.

Германские официальные лица в первые дни войны по польскому вопросу

публично высказывались весьма путано. Однако 6 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег сформулировал лозунг: «Освобождение угнетенных народов России, оттеснение русского деспотизма к Москве», а 11 августа органы печати получили указание направить пропагандистскую деятельность «в пользу Польского и Украинского буферных государств».

В свою очередь главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич в воззвании к полякам 1 августа 1914 г. заявил: «Пусть сотрутся границы, растерзавшие на части русский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении».

Позже главнокомандующий пытался присоединить к привисленским губерниям часть захваченной русскими войсками Галиции. Забавно, что это вызвало гнев императрицы Александры Федоровны, которая с подачи Григория Ефимовича Распутина стала доказывать мужу, что великий князь Николай Николаевич хочет стать «польским царем».

В 1915 г. большая часть Царства Польского была занята войсками Германии и Австро-Венгрии. К началу 1916 г. в Берлине и Вене окончательно осознали невозможность военной победы и начали поиск политических комбинаций с целью заключения почетного мира или, по крайней мере, изменения военно-политической ситуации в свою пользу. В качестве одной из этих мер, причем второстепенной, было провозглашение 5 ноября 1916 г. самостоятельного Царства Польского. При этом был обойден главный вопрос, интересовавший польскую верхушку, — границы. В качестве органа управления оккупированными польскими территориями в декабре 1916 г. был создан Временный Государственный совет.

В ответ российское Министерство иностранных дел 12 декабря 1916 г. вяло заявило, что Россия стремится к созданию «свободной Польши» из всех ее трех частей. Однако о границе ее тоже ничего не было сказано. В декабре 1916 г.— январе 1917 г. русским властям было не до Польши. Так, в дневнике Николая 11 за этот период много говорится о Распутине и ни слова о Польше.

Февральская революция кардинально изменила ситуацию. Уже 14(27) марта 1917 г. Петроградский совет декларировал право наций на самоопределение. Это решение спровоцировало взрыв сепаратистских настроений по всей империи. В мае 1917 г. в Киеве была образована Центральная рада во главе с президентом М.С. Грушевским. В июле 1917 г. была образована Центральная рада белорусских организаций, которая с октября 1917 г. стала называться Большой радой.

17 (30) марта Временное правительство заявило о необходимости создания независимого польского государства, находящегося в военном союзе с Россией, но планировало сделать это не ранее окончания войны и по решению Учредительного собрания.

6 апреля 1917 г. польский Временный Государственный совет заявил, что одоб-

ряет декларацию русского Временного правительства, но принадлежность территорий между Польшей и Россией должна решаться совместно в Варшаве и Петрограде, а не односторонне Учредительным собранием.

12 сентября 1917 г. в Варшаве вместо Временного Государственного совета был создан Регентский совет, он также подтвердил позицию своего предшественника, хотя на тот момент все эти заявления были лишь простой деклараций, так как территория Польши была занята германскими и австро-венгерскими войсками.

Англия и Франция не хотели отдать формирование польской государственности на откуп Германии и Австро-Венгрии, и в августе 1917 г. в Париже был создан Польский национальный комитет. В комитете преобладающим влиянием пользовалась основная партия польской буржуазии — «национальные демократы» (эндеки) и ее лидеры — Р. Дмовский, Ст. Грабский и близкий к ним И. Падеревский. Правительства Франции, Англии, Италии и США признали комитет «официальной политической организацией». Во Франции из поляков, проживавших за границей, была создана «польская армия», командующим которой в 1918 г. стал генерал Ю. Галлер.

29 августа 1918 г. Совет народных комиссаров, действуя в развитие Декрета о мире и Декларации прав народов России, принял декрет об отказе от договоров, заключенных бывшей Российской империей, о разделах Польши. «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся раздела Польши, — говорилось в декрете, — ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признающим за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, — отменяются настоящим бесповоротно».

В феврале 1918 г. в Брест-Литовске Советская Россия и Германия подписали сепаратный мир. Условия этого «похабного» мира достаточно хорошо известны, поэтому я лишь уточню некоторые нюансы. В договоре упомянута Украинская народная республика, но нет и слова ни о Польше, ни о Белоруссии.

Куда менее известен советско-германский добавочный договор к Брест-Литовскому миру, подписанный 17 августа 1918 г. в Берлине советским представителем Адольфом Абрамовичем Иоффе и статс-секретарем МИДа Германии Паулем фон Гинце. Там сказано:

«Германия очистит оккупированную территорию к востоку от р. Березины по мере того, как Россия будет уплачивать взносы, указанные в ст. 2 русско-германского финансового соглашения от 27 августа 1918 г.

Германия не будет вмешиваться в отношения Русского государства с национальными областями и не будет побуждать их к отложению от России или к образованию самостоятельных государственных организмов.

Россия предпримет немедленные действия, чтобы удалить из своих северорусских областей боевые силы Антанты».

Как видим, ситуация того времени была крайне запутанной и менялась как в калейдоскопе. Заключенные договоры переставали соответствовать реальности ранее, чем высыхали чернила на подписях сторон. История этих месяцев еще ждет своих исследователей, причем очень многих.

Революция в Германии и выход ее из войны в очередной раз резко изменили обстановку в России и Польше.

13 ноября 1918 г. постановлением **ВЦИК РСФСР** Брестский мир был аннулирован. Германские войска начали эвакуацию из оккупированных территорий бывшей Российской империи. Сразу же на этих землях пошла конфронтация левых и правых, то есть социалистически настроенных «советов» и буржуазных националистов[86].

Так, в начале ноября во многих польских городах создаются Советы рабочих депутатов и отряды Красной гвардии. 5 ноября начал свою деятельность Совет в Люблине, 11 ноября —в Варшаве. За короткое время образовались Советы в Радоме, Лодзи, Ченстохове и многих других центрах страны — всего свыше 120 Советов. Однако в большинстве Советов преобладали социалисты меньшевистского толка.

7 ноября 1918 г. в Люблине в противовес Советам образовалось «народное правительство» во главе с лидером СДПГиС[87] И. Дашиньским. Правительство Дашиньского провозгласило создание Польской народной республики. Оно пообещало внести на рассмотрение будущего сейма предложения о национализации ряда отраслей промышленности, проведении аграрной реформы и других прогрессивных преобразований. Но Люблинское правительство просуществовало недолго.

14 ноября 1918 г. находившийся в Варшаве Регентский совет передал власть возвратившемуся из Германии в Варшаву Юзефу Пилсудскому.

Юзеф Клемент Пилсудский родился 5 декабря 1867 г. в городке Зулуве в Литве. Отец его, Юзеф Винцент, был нищим шляхтичем, сумевшим поправить свои дела женитьбой на богатой паненке Марии Билевич. Пилсудские происходили из древнего литовского боярского рода, полонизированного еще в XVII в. (По крайней мере, так утверждал сам Пилсудский, а его оппоненты оспаривали знатность его рода.)

В 1885 г. Юзеф-младший окончил гимназию и под влиянием своего брата Бронислава связался с подпольными кружками. Оба брата оказались, по меньшей мере, причастными к боевой эсеровской организации. Их арестовали в Вильно 22 марта 1887 г: по делу «вторых мартистов», то есть участников покушения на Александра III 1(13) марта 1887 г. в Петербурге. Любопытно, что братья Пилсудские проходили по одному делу с Александром Ульяновым. Ульянов и Бронислав Пилсудский были приговорены к повешению, но позже царь заменил Брониславу смертную казнь на 15 лет сибир-

ской каторги, а Юзефу в административном порядке вкатили 5 лет ссылки в Восточную Сибирь.

В июне 1892 г. Юзеф Пилсудский возвратился в Вильно и решил «пойти другим путем», то есть связался с националистами. С началом Русско-японской войны он предложил свое сотрудничество японской разведке и даже ездил в Токио. В 1910 г. под эгидой австрийской разведки в Кракове и Львове были созданы польские военизированные отряды, куда немедленно устремился и Пилсудский. В декабре 1912 г. он стал «главным комендантом всех польских военных сил» в Австро-Венгрии.

В 1914— 1917 гг. Пилсудский воевал против России на стороне Австро-Венгрии, командуя 1-й бригадой Польских легионов.

Теперь Пилсудскому был присвоен титул «начальник государства». Надо ли говорить, что при отсутствии сейма, да и вообще конституции, он стал ничем не ограниченным диктатором?! Сразу же возник традиционный вопрос о польских границах. Границы на западе в значительной мере определялись в Париже, а вот на востоке царил хаос, и все новые государственные образования были не прочь половить рыбку в мутной воде. Причем, обратим внимание, ни одна из сторон не только не желала проведения на спорных территориях референдума, но даже не пыталась ограничить свои претензии областями, где преобладали ее этнические представители — русские, поляки, украинцы и др.

Так, к примеру, 31 октября 1918 г. украинские националисты захватили город Львов. Утром 1 ноября горожане, проснувшись, обнаружили реющий над ратушей «жовто-блакитный» флаг и узнали, что теперь все главные городские учреждения в руках украинцев. Они прочитали на расклеенных на всех углах плакатах, что теперь они являются гражданами украинского государства. Нечто подобное произошло и в других местах Восточной Галиции.

Украинское население восторженно встретило события 1 ноября 1918 г. Евреи признали украинский суверенитет или же оставались нейтральными. Зато поляки, оправившись от потрясения, начали во Львове активное сопротивление. В городе развернулись жестокие бои между украинскими войсками и отрядами польской военной организации буквально за каждый дом. На северо-западе, на границе между Восточной Галицией и собственно польской территорией, поляки захватили главный железнодорожный узел — Перемышль. Тем временем румынские войска овладели большой частью Буковины, Закарпатье оставалось в руках венгров. И все же большая часть Восточной Галиции еще принадлежала украинцам, настойчиво продолжавшим создавать свое государство.

22 ноября поляки выбили украинцев из Львова. Так началась польско-украинская война. Замечу, что большевики в ней не участвовали. Зато французы перебросили в Польшу 60-тысячную армию Йозефа Галлера. Солдатами в этой армии

были поляки, а офицерами — в основном французы, армия была оснащена французским оружием. Франция отправила армию для борьбы с большевиками, а Пилсудский послал ее к Львову. В итоге в апреле — мае 1919 г. польские войска прорвали фронт украинцев у Л ьвова и отбросили их за реку Збруч. 16 июля украинцы («Галицкая армия») перешли через Збруч в Восточную Украину. Вооруженная борьба за Восточную Галицию, стоившая около 15 тысяч жизней украинцам и 10 тысяч полякам, завершилась.

На западе польские националисты неминуемо должны были столкнуться с большевиками. На момент заключения Брестского мира Советская республика не имела регулярных войск, способных противостоять немцам, поскольку царская армия к тому времени окончательно развалилась. Однако уже в марте 1918 г. для объединения управления всеми отрядами был создан штаб Западного участка отрядов завесы. Задача этого штаба в боевом отношении заключалась в охране и обороне западной границы Советской республики, а в организационном отношении предстояло перестроить все эти партизанские отряды и свести их в однотипные, регулярные войсковые соединения, согласно декрету о формировании Красной армии. В результате проведенных мероприятий Западный участок завесы преобразовался в Западный район обороны со штабом в Смоленске.

Осенью 1918 г. в состав Западного района обороны уже входили находившиеся в стадии формирования дивизии: Псковская, 2-я Смоленская и 1 -я Витебская, объединенные затем в 17-ю стрелковую дивизию.

Диктатор Пилсудский был слишком умен, чтобы открыто объявить о создании Речи Посполитой «от можа до можа». Ту же идею он решил подать под другим соусом и выдвинул план учреждения федерации из ряда государств, созданных на территории бывшей Российской империи («от Гельсингфорса до Тифлиса»). Доминировать в этой федерации, естественно, следовало Польше.

В Москве понимали неизбежность столкновения с Польшей, и сразу после революции в Германии (15 ноября 1918 г.) Западный район обороны был преобразован в Западную армию.

В состав Западной армии к моменту начала ее наступления входили: 2-й округ пограничной охраны (3156 штыков, 61 сабля); Псковская дивизия общей численностью 783 штыка при восьми орудиях; 17-я стрелковая дивизия (5513 штыков, 200 сабель). Всего 10 тысяч штыков и несколько сотен сабель с десятком орудий.

Наступление советской Западной армии в декабре 1918 г. надо скорее назвать продвижением, поскольку она не встречала никакого сопротивления. Поначалу с поляками не было ни мира ни войны. Из-за отсутствия дипломатических отношений советское правительство попыталось договориться с Пилсудским по линии русского Красного Креста. Предполагалось вначале достигнуть соглашения об обмене военнопленными[88], а за-

тем — о перемирии. Однако по приказу польского правительства 2 января 1919 г. делегация Красного Креста во главе с Брониславом Весоловским (псевдоним Smutny — Печальный)[89] в составе четырех человек была арестована в Варшаве и расстреляна в Вельском лесу.

А тем временем части Красной армии 9 января 1919 г. заняли Вилькомир, а 13 января вступили в Слоним. Лишь в конце января на фронте передовых частей Западной армии появились небольшие конные и пешие части польских легионеров. Но они не могли задержать Западную армию и лишь немного замедляли ее продвижение. К 13 февраля части Западной армии вышли на фронт Поневеж — Слоним — Картузская Береза — железнодорожная станция Иваново (западнее Пинска) — Сарны — Овруч.

По мере продвижения красных частей на запад отряды польских легионеров становились все многочисленнее, а сопротивление их — все упорнее.

В январе 1919 г. В.И. Ленин предложил ЦК РКП(б) создать Литовско-Белорусскую советскую социалистическую республику, или «Литбел», как ее позже стали называть. 27 февраля 1919 г. в Вильно (с 1939 г. — Вильнюс) на совместном заседании ЦИК Советов Белорусской и Литовской республик был избран Совет народных комиссаров во главе с В.С. Мицкявичюсом-Капсукасом. В марте 1919 г. была образована Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КПЛиБ) и объединены комсомольские организации обеих республик. В «Литбеле» началась национализация промышленности, банков, железных дорог, было введено всеобщее обучение, всеобщая трудовая повинность, равноправие национальностей, церковь отделена от государства, уничтожены сословия и титулы и др.

В решении аграрного вопроса правительство и ЦК КПЛиБ допустили ряд ошибок, таких как отказ от передачи крестьянам конфискованных помещичьих земель, ускоренные темпы создания коллективных хозяйств.

18 февраля 1919 г. правительство «Литбела» предложило Польше вступить в переговоры об установлении общей границы. Пилсудский проигнорировал это предложение.

18 февраля 1918 г. под нажимом Франции в Познани было подписано польско-германское перемирие, это позволило полякам перебросить войска на восток. 2 марта 1919 г. польские части генерала С. Шептицкого заняли Слоним, а 5 марта части генерала А. Листовского заняли Пинск.

15 марта 1919 г. командование РККА установило для армий Западного фронта в качестве основной линии фронта линию Рига — Якобштадт — Двинск — Молодечно — Минск — Бобруйск — Жлобин — Гомель. В качестве передового рубежа следовало закрепить за собой линию Туккум — Либава — Поневеж — Вилькомир — Вильно — Ландварово — Лидп — Барановичи — Лунинец.

15 апреля 1919 г. Пилсудский предложил буржуазным националистам Литвы восстановить польско-литовскую унию,

но получил фактический отказ. Поэтому когда 19—21 апреля польские войска под командованием генерала Рыдз-Смиглы выбили из Вильно большевиков, литовские земли попали под юрисдикцию польских оккупационных властей.

После занятия Вильно на советско-польском фронте наступило длительное затишье. Вообще говоря, вопреки мнению некоторых авторов, сплошного фронта в 1919 г. между большевиками и поляками попросту не было, те есть никакого сравнения с линией фронта в 1915—1917 гг. между русскими и немцами быть не может. А в 1919 г. были кое-где локальные линии укреплений, а в основном части противников располагались в населенных пунктах и рядом с ними.

Что же касается Литовско-Белорусской ССР, то она приказала долго жить. 1 июня 1919 г. вооруженные силы «Литбела» вошли в состав Красной армии. 8-я стрелковая, 2-я пограничная и 52-я стрелковая дивизии «Литбела» 9 июня были преобразованы в XVI армию.

Затишье 1919 г. было выгодно обеим сторонам. Советская Россия воевала в кольце фронтов с Деникиным, Колчаком, Юденичем и Миллером. Поляки на западе воевали с немцами, а в Галиции — с украинцами. К этому прибавился и сильный неурожай 1919 г. в Польше. В августе 1919 г. в Силезии восстали шахтеры. Регулярные польские войска подавили восстание, но напряжение там не ослабло. В известной мере Пилсудского напугал и марш Деникина к Москве. А Деникин, в отличие от ряда белых генералов, не только на словах, но и на деле стоял «за единую и неделимую»[90]. Поэтому Пилсудский в 1919 г. предпочитал видеть в Москве Ленина и Троцкого,, но никак не Деникина.

8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил Декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия преобладания этнического польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге.

22 декабря 1919 г. советское правительство направило в Варшаву очередную ноту, в которой снова предложило «немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира». Не дождавшись ответа, советское правительство 28 января 1920 г. обратилось к польскому правительству и народу с заявлением о том, что политика Советской России в отношении Польши исходит не из случайных военных или дипломатических комбинаций, а из незыблемого принципа национального самоопределения и что советское правительство безоговорочно признает независимость и суверенность Польской республики. Правительство РСФСР от своего имени и от имени правительства Советской Украины заявило, что в случае начала переговоров и во время их проведения Красная армия не переступит занимаемой ею линии фронта: Дрисса — Дисна— Полоцк— Борисов — местечко Паричи — железнодорожные станции Птичь и Белокоровичи — местечко Чуднов — местечко Пиля-

вы — местечко Дережня — Бар. В своем заявлении советское правительство выразило надежду, что все спорные вопросы будут урегулированы мирным путем.

В ответ на это польское правительство заявило о необходимости обсудить его с правительствами Англии и Франции. Замечу, что еще 26 января 1920 г. Англия заявила Пилсудскому, что не может рекомендовать Польше продолжать политику войны, поскольку РСФСР не представляет военной угрозы для Европы.

2 февраля 1920 г. ВЦИК РСФСР принял обращение к польскому народу, снова повторив предложения о заключении мира с Польшей. 22 февраля Советская Украина также предложила Польше заключить мир и еще раз повторила свое предложение 6 марта. Поэтому Верховный совет Антанты заявил 24 февраля, что если польское правительство на переговорах с советским правительством выставит чрезмерные требования, то Антанта не будет ей помогать в случае, если Москва откажется от мира.

Тем временем Красная армия наголову разбила войска Колчака и Деникина. Колчак был расстрелян, а Деникин сдал командование и отправился в эмиграцию. Остатки деникинских войск под командованием барона Врангеля укрепились в Крыму. 2 февраля 1920 г. буржуазное правительство Эстонии подписало мир с РСФСР Почти одновременно было заключено и перемирие с Латвией.

В марте 1920 г. Пилсудский решил, что настал час воссоздания Великой Польши. Для начала было решено захватить Украину, после чего захват Литвы не представлял особых проблем. 21 апреля 1920 г. Пилсудский подписал соглашение с Симоном Петлюрой, проживавшим в Польше и согласным на все условия лях. Через 4 дня польская армия вторглась на Украину. Через две недели пал Киев. Но вскоре контрнаступление Красной армии привело к полному разгрому поляков, и уже к 13 августа большевики оказались под Варшавой.

Однако усталость красноармейцев, отрыв от баз снабжения, с одной стороны, мобилизация всех ресурсов Польши и помощь стран Антанты — с другой, позволили Пилсудскому переломить ситуацию и нанести большевикам поражение под Варшавой.

В результате обе стороны оказались неспособны к дальнейшему ведению боевых действий. 12 октября 1920 г. в Риге было подписано соглашение о перемирии. Постоянный же мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г. и тоже в Риге. По этому договору государственная граница между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и БССР —с другой, устанавливалась по линии г. Дрисса — г. Дисна — 30 км западнее Полоцка — ст. Загатье, откуда граница шла в юго-западном направлении до Радошковичей и Ракова (западнее Минска 30 км), а оттуда поворачивала на юг до истоков реки Морочь и по ней до впадения ее в реку Случ, откуда почти прямо на юг до города Корец в 30 км западнее Новоград-Волынского,

В НЕДОУМЕНИИ:
— Как же это так? Хозяин, кажись, я, а они без меня землю делить стали.
Рис. М. Андреева. Карикатура 1917 г.

затем в юго-западном направлении шла через города Острог, Кунев на Ямполь, откуда в южном направлении проходила через Щасновку — Волочиск — Сата¬нов — Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов.

Россия освобождала Польшу от ответственности по долгам и иным финансовым обязательством Российской империи.

Россия и Украина обязались уплатить Польше 30 млн рублей золотом в качестве польской части золотого запаса бывшей Российской империи и как признание отделения Польши от России.

Россия и Украина возвращали Польше 300 паровозов, 260 пассажирских и 8100 товарных вагонов. Кроме того, Россия оставляла на территории Польши тот подвижной состав, который принадлежал РСФСР и УССР, приспособленный для широкой («русской») колеи и ранее принадлежавший Российской империи. Этот, состав насчитывал 255 паровозов, 435 пассажирских и 8859 товарных вагонов. Таким образом, Россия передала Польше в общей сложности 555 паровозов, 695 пассажирских и 16 959 товарных вагонов. Общая сумма стоимости возвращаемого или передаваемого в виде дара подвижного состава от России для Польши оценивалась в 13 млн 149 тыс. золотых рублей в ценах 1913 г., а общая сумма всего другого железнодорожного имущества, передаваемого вместе с вокзалами, оценивалась в 5 млн 96 тыс. золотых рублей, то есть объединенная сумма железнодорожного имущества, поступившего от России в Польшу, составила 18 млн 245 тыс. рублей золотом в ценах 1913 г.

Даже в капитальных трудах польские историки дипломатично не упоминают о требовании Польши на передачу ей всех ценностей, когда-либо вывезенных за время, прошедшее после первого раздела Польши. Поляками были предъявлены требования на многие памятники, хранившиеся в Артиллерийском историческом[91] и Суворовском музеях. Им отдали 57 пушек XVI—XVIII веков, 67 знамени штандартов. При тщательном сличении гербов, девизов и других геральдических символов на знаменах и штандартах историк П. И. Белавенец установил, что все они не польские, а шведские, и представил польской стороне такие убедительные доказательства, что поляки от пре-

тензий отказались. Но в 1932 г. требование возобновили, и русская сторона, «чтобы не портить отношений», все же несправедливо требуемое отдала.

Из собрания Суворовского музея, хранившегося в это время в Артиллерийском историческом музее, поляки забрали ключи от Варшавы и серебряные литавры, поднесенные А.В.Суворову варшавским магистратом в 1794 г., много польских знамен, оружия и других предметов тех времен. Кстати, пищаль«Инрог», взятую поляками у нас под Смоленском, русские купцы выкупали потом золотом.

К слову, все эти ценности, силой вытащенные из русских музеев, впрок ляхам не пошли. В 1939 г. они стали трофеями немцев и в основном были приватизированы германским командованием. Так что ключи и литавры Суворова достались новым победителям Варшавы.

На этом возрождение независимой Польши можно считать завершенным. Но прежде чем ставить точку, отмечу, что все рубежи нового государства были установлены грубой силой и не соответствовали ни этническим, ни географическим, ни историческим границам. В границах Польши оказалось свыше 40% представителей иных национальностей. Но ляхи, сто с лишним лет вопившие о правах наций на самоопределение и т.д., не дали им ни территориальной, ни даже культурной самостоятельности. Формально в новой Польше не оказалось ни немцев, ни русских, ни украинцев, ни белорусов, ни кашубов, ни лемков и т.д., а были лишь поляки.

Мало того, у поляков оказались территориальные претензии ко всем своим соседям —Литве, Вольному городу Данцигу, Германии, Чехословакии и СССР. Польские политики, включая министров, публично заявляли, что новая Польша родилась в огне мировой войны, а в следующей войне она превратится в Речь Посполитую с границами «от можа до можа».

Раздел III
ПИРАТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Глава 1
Как турки русского кота разбудили

О том, что Великое герцогство Финляндское и Царство Польское входили в состав Российской империи, знают даже старшеклассники. А вот о том, что в Средиземном море несколько лет существовала губерния Российской империи, помнят, наверное, только узкие специалисты. Мало того, большинство жителей этой губернии были... пиратами. Увы, это не фантазия. Все сведения о губернии найдены мною в архивах.

Дело было в царствование Екатерины Великой, точнее, она тогда еще не была Великой, и ее положение на троне было крайне неустойчивым. Как мы уже знаем, в 1764 г. Екатерине II удалось посадить на польский престол своего бывшего любовника графа Станислава Понятовского. Причем в выборе короля сыграли решающую роль русские деньги и русские штыки.

Тем не менее, буйное панство по своему обычаю начало создавать конфедерации против нового короля. В результате в Речи Посполитой началась гражданская война, длившаяся с перерывами до 1794 г.

Паны конфедераты сразу после начала войны обратились за помощью против русских к турецкому султану Мустафе III. Ну никак польский народ не мог жить без набегов янычар и крымских татар! Мало того, панам удалось убедить султана, что Екатерина до сих пор безумно влюблена в Стася Понятовского и мечтает выйти за него замуж. А за оным марьяжем последует династическая уния, благодаря чему Российская империя и Речь Посполитая станут единым государством.

Естественно, Мустафа не желал резкого усиления России, да и турки издрев-

ле претендовали на южную часть Речи Посполитой. И вот султан начинает предъявлять различные претензии России. Екатерина II считала, что страна не готова к войне с Турцией, и всеми силами желала ее оттянуть.

С началом польских событий турки потребовали разрушить крепость Св. Дмитрия Ростовского (сейчас на ее месте находится центр современного города Ростова-на-Дону). В ответ Екатерина II отправляет своему послу Алексею Михайловичу Обрескову в Стамбул 70 тысяч рублей на подкуп турецких сановников[92]. В конце концов Екатерина пошла на уступки и отдала приказ прекратить строительство крепости.

Но в польском вопросе Екатерина уступить не могла. Турки буквально осыпались золотым дождем. Дело дошло до того, что Обресков без санкции Петербурга пообещал Великому визирю, что русские войска будут выведены из Речи Посполитой сразу «по окончании диссидентского дела», то есть, покончив с Барской конфедерацией.

Посол в Варшаве Н.В. Репнин пришел в ужас от такого демарша. В письме к Панину он назвал заявление Обрескова «робкой уступчивостью»: выдавать подобные авансы можно, «только проигравши несколько сражений».

Тем не менее, заявление Обрескова возымело свое действие. Рейс-эффенди[93], получивший солидную взятку, заявил, что Порта помогать конфедератам не собирается, и, будучи оставлены, те разбегутся, а российским войска делать будет нечего.

Между тем на юге Речи Посполитой бушевали восстания малороссийских казаков и гайдамаков. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев и отправился восвояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной разборки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть все, что казаки награбили в Галте, а турки — в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули. Все это могло остаться забавным историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило гайдамаков регулярными русскими войсками и не потребовало очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

Инцидент в Балте послужил поводом для Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Вступив на престол, Екатерина ни на секунду не сомневалась, что рано или поздно ей придется воевать с турками. Как мы уже знаем, она всеми силами пыталась оттянуть войну, но с первых дней своего царствования стала готовиться к войне с османами.

В исторической литературе давно идет спор о том, кто был автором плана нанесения удара по Турции со стороны

Средиземного моря. Большинство авторов склонны приписывать эту идею Григорию Орлову. Я же считаю, что автором этого проекта была сама Екатерина, хотя и допускаю, что на это ее натолкнули англичане.

До Екатерины русские как военные, так и торговые суда не заплывали в Средиземное море. И вот в 1763 г. тульский купец Владимиров ни с того ни с сего организует акционерную компанию с капиталом в 90 тыс. рублей (!) для торговли со странами Средиземноморья. А новая царица, только взошедшая на трон, вступает в число акционеров компании и дает ей 10 тыс. рублей. Мало того, 23 октября 1763 г. в Петербурге специально для похода на Средиземное море закладывается фрегат[94] «Надежда Благополучия». Уже 4 июня 1764 г. фрегат был спущен на воду, а в августе вышел из Кронштадта под торговым (купеческим) флагом[95] с грузом железа, полотна, канатов и т.д. Тем не менее, экипаж состоял из военных чинов, фрегат нес полное артиллерийское вооружение — 34 пушки.

В декабре 1764 г. «Надежда Благополучия» прибыла в Ливорно. Товары были выгружены, а взамен принят груз сандалового дерева, свинца и макарон. 12 сентября 1765 г. фрегат благополучно вернулся в Кронштадт.

Больше «компаньоны» судов в Средиземку не отправляли. Официальные источники умалчивают, какие убытки понесла компания в ходе этого похода. Понятно, что это была чисто разведывательная акция, а торговая компания служила крышей. Да и стоял фрегат в Ливорно около полугода, что просто разорительно для обыкновенного купца. По приходе «Надежды Благополучия» в Кронштадт выяснилось, что подводная часть наружной обшивки фрегата из досок дюймовой толщины была источена червями, и ее целиком пришлось сменить. Следовало учесть это на будущее, что и не преминули сделать, когда началась подготовка Архипелагской экспедиции («Архипелажной», как ее тогда называли).

Разведка на Средиземном море велась неспроста. Еще в 1736 г. русский посол в Константинополе Вешняков утверждал, что восстание балканских христиан и русская помощь им оружием — самый верный путь для победы над Турцией.

В 1763 г. по приказу императрицы Григорий Орлов отправил к «спартанскому» народу двух греков — Мануила Саро и артиллерийского офицера Паназули. Саро возвратился из своей поездки в мае 1765 г. и привез известие, что «спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Повсеместно как простые греки, так и их старшины выражали Саро и Паназули желание подняться против турок при первом появлении русских кораблей. Саро писал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российс-

ких военных кораблей и на них нагрузить пушек довольное число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки — народ смелый и храбрый».

С началом войны Екатерина смогла уже открыто обратиться к балканским христианам с призывами к восстанию. 19 января 1769 г. был обнародован «Манифест к славянским народам Балканского полуострова». Там говорилось: «Порта Оттоманская по обыкновенной злобе ко Православной Церкви нашей, видя старания, употребляемыя за веру и закон наш, который мы тщилися в Польше привести в утвержденныя трактатами древния его преимущества, кои по временам насильно у него похищены были, дыша мщением, презрев все права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вероломству, разруша заключенный с нашею империей) вечный мир, начала несправедливейшую, ибо безо всякой законной причины, противу нас войну, и тем убедила и нас ныне употребить дарованное нам от Бога оружие...

Мы по ревности ко православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в Турецком порабощении единоверным нам народам, обитающим в помянутых выше сего областях, увещеваем всех их вообще и каждый особенно, полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться ко свержению ига и ко приведению себя по прежнему в независимость, ополчась где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинять».

Несколько аналогичных посланий было направлено и к грекам.

Что же происходило на самом деле на Балканах и в Греции, и достаточно ли было посланий Екатерины, чтобы запылал этот угол Оттоманской империи? Начну с полудетективной истории, случившейся в Черногории. Там объявился... русский император Петр III! Некий Степан Малый заявил, что он-де русский царь, «избежавший чудесным образом смерти по низложению своему с престола». 11 октября 1767 г. со Степаном встретился и беседовал полковник венецианской службы Марк Анатолий Бубич. Судя по его письменному отчету, беседа эта произвела на него огромное впечатление. Бубич писал: «Особа, о которой идет речь, отличается большим и возвышенным умом. Кто бы он ни был, его физиономия весьма схожа с физиономией русского императора Петра III».

А Степан Малый тем временем продолжал заявлять о себе черногорцам: последовательно, но весьма двусмысленно, с использованием разного рода иносказаний и притч.

Венецианские власти забеспокоились. Агитационная деятельность Степана могла не только осложнить их отношения с Оттоманской империей, но и вызвать подъем враждебных настроений в подвластной им «венецианской Албании». И Сенат издал приказ об аресте эмиссаров «Петра III» и тех, кто его укры-

вает. Но самого Степана трогать боялись, поскольку слухи о нем как о русском императоре уже широко распространились и решительные меры, предпринятые против него, могли бы возбудить сопротивление.

В октябре 1767 г. в горном селе Цен¬личи проводилась сходка черногорских старшин, на которой Степан Малый был признан русским царем Петром III. В конце месяца в Цетиньи собралась скупщина, в которой участвовало около 7 тысяч человек. На ней Степан был признан не только русским царем, но и «государем» Черногории, и 2 ноября Малому была вручена грамота об этом.

«Государь» обосновался в городке Маине. Из разных мест Черногории и других районов Балкан туда к Степану стекались не только славяне, но и албанцы, и греки, ненавидевшие турок. Прибыл туда и местный митрополит — престарелый Савва. Старцу, и так не пользовавшемуся большим авторитетом у населения, пришлось публично признать Степана Малого государем Черногории и Петром III. Однако Савва оказался не прост и 12 октября 1767 г. направил письмо русскому послу в Константинополе А.М. Обрескову. Тот срочно направил письмо Саввы в Петербург с запросом, что делать, асам 2 апреля 1768 г. послал Савве предварительный ответ, где выразил митрополиту «удивление о шалостях, чинимых в местах его ведомства», Степана Малого называл «плутом или врагом», а Савву обвинял в «лехкомыс¬лии».

Савва организовал сходку руководителей черногорских общин, где начал изобличать самозванца. Однако Степан не стал оправдываться, а перешел в контратаку. Он публично обвинил митрополита в служении интересам Венеции, в спекуляциях землей и в расхищении ценностей, поступавших в дар из России. Это был сильный удар. Не дав Савве опомниться, Степан сделал следующий шаг — он предложил тут же отобрать у Саввы имущество и разделить его между участниками сходки.

Новым и весьма авторитетным сторонником Степана в эти месяцы становится сербский патриарх Василий Бркич, изгнанный из своей резиденции в городе Печ после ликвидации турками самостоятельной сербской церкви. В марте 1768 г. Василий призвал все православное население почитать Степана как русского царя. По-видимому, для подкрепления этой версии Степан предпринял эффектный шаг — по случаю дня Петра и Павла, отмечаемого православной церковью 29 июля, он организовал торжественную церемонию в честь Петра Великого, а также цесаревича Павла Петровича как своего сына.

Летом 1768 г. Екатерина отправила в Черногорию советника русского посольства в Вене Г.А. Мерка с «увещевательной грамотой» к тамошним жителям, чтобы не верили самозванцу. Мерк прислал донесение, датированное 9 августа, что ехать на Черную Гору, не подвергая себя смерти, никак не мог, ибо черногорцы необыкновенно привязаны к Малому.

Екатерина написала на этом донесении: «Если б капитан гвардии был послан с грамотою к черногорцам, то бы письмо несумненно отдано было; но сей претонс¬кий политик возвратился с ней, не сделав, окроме преострые размышления».

Осенью 1768 г. турецкие отряды вторглись в Черногорию, а с севера напали венецианцы. Борьбу с турками возглавил Степан Малый, а с венецианцами — его сподвижник Танович.

В сражении 5 сентября у села Острог турки окружили отряд Малого и наголову разбили его. Сам Степан бежал и укрылся в одном из горных монастырей. Однако в конце сентября начались затяжные дожди, дороги размыло, на турок чуть ли не ежедневно нападали летучие отряды черногорцев. В результате турецкие войска были выведены из Черногории. Возможно, на это решение турецкого командования повлияло и начало войны с Россией.

12 августа 1769 г. на адриатическом берегу Черногории высадился генерал-майор Юрий Владимирович Долгоруков в сопровождении 26 человек конвоя. Ехал он инкогнито, под именем купца Барышникова. Долгоруков поднялся в горы, где был встречен духовенством у монастыря Брчели. Через несколько дней в Цетиньи собралась скупщина. В присутствии двух тысяч черногорцев, старейшин и церковных властей Долгоруков обвинил Степана Малого в самозванстве, огласил манифест от 19 января 1769 г. и потребовал от присутствовавших принести присягу на верность Екатерине II, что и было сделано. Долгорукова поддержал сербский патриарх Василий, объявивший Степана Малого «возмутителем покоя и злодеем нации».

Все это происходило в отсутствие Степана Малого. Долгоруков первый раз увидел Малого, когда находился в монастыре Брчели. Тот приехал к нему верхом с конвоем из нескольких черногорцев. Генерал писал: «Разговоры его, поступки и обращения заставили заключить о нем, что он в лице вздорного комедианта представлял ветреного или совсем сумасбродного бродягу. Росту он среднего, лицом бел и гладок, волоса светло-черные, кудрявые, зачесаны назад, лет тридцати пяти, одет в шелковое белой тафты платье, длинное по примеру греческого, на голове скуфья красного сукна, с левого плеча лежит тонкая позолоченная цепь, а на ней под правою рукою висит икона в шитом футляре величиною с русский рубль... Разговоры имел темные и ветреные, из которых, кроме пустоши, ничего заключить неможно, хотя черногорцы и почитают его за пророческое красноречие со страхом и покорностию».

Долгоруков приказал арестовать Малого, но вскоре понял, что без Степана порядка в Черногории не будет, и был вынужден отпустить его. Мало того, Долгоруков распорядился доставить Малому боеприпасы, взял с него клятву в верности России и надел на него мундир русского офицера.

Помимо внутричерногорских проблем Долгоруков занимался вербовкой матросов для вооружения корсарских кораб-

лей, которые должны были снаряжаться в Ливорно. Долгоруков платил им по 15 солидов в день, не считая пропитания. В Черногорию бежало много дезертиров из венецианских войск, но Долгоруков брал на службу только славян и греков, а этническим итальянцам отказывал.

Долгоруков хвалился скорым прибытием русской эскадры, но советовал подданным Порты жить спокойно и платить дань, дожидаясь удобного момента для восстания.

24 октября 1769 г. Долгоруков покинул Черногорию, официально передав всю власть Степану Малому. Как утверждали очевидцы, на прощание генерал и «император» заключили друг друга в объятия.

Теперь Степан Малый стал полновластным правителем Черногории. Однако осенью 1770 г. при прокладке горной дороги Степан получил тяжелое ранение из-за преждевременного взрыва пороха, заложенного под скалой. Он потерял зрение, но продолжал руководить страной из монастыря в Брчели, куда его отправили на лечение.

Деятельность Степана Малого вызвала ненависть турок, но воевать с Черногорией у них не хватало сил. Тогда Скадарский паша подослал к Степану наемного убийцу — грека Станко Киасомунья. Осенью 1773 г. Станко зарезал ножом Степана Малого.

Любопытно, что до сих пор историкам так и не удалось достоверно установить личность Степана Малого — императора Петра III.

Довольно сложная ситуация сложилась к 1768 г. в Албании. К этому времени административная власть там фактически перешла в руки албанской знати и, подобно их имениям, переходила по наследству, вне зависимости от воли турок. Единой власти в Албании не было, ее делили несколько знатных родов.

Самым сильным рычагом турок были налоги. Их взимали исключительно с христиан, а мусульмане не платили их вовсе. Причем в большей части Албании финансовый налог взимался с целой деревни, то есть чем больше людей принимали ислам, тем большую сумму приходилось платить оставшимся христианам. Поэтому к XVIII в. около половины албанцев стали мусульманами, а оставшиеся христиане поровну делились на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, почти недоступных для турецких властей, а православные христиане составляли большинство в Южной Албании.

Переход албанцев-христиан в мусульманство часто носил формальный характер. Поскольку фискальной и юридической единицей для турецких властей был дом, то первоначально лишь глава дома принимал мусульманство. Многие из новообращенных мусульман втайне оставались христианами, наряду с новым мусульманским именем сохраняли прежнее, христианское. Вопреки проповедям фанатичного мусульманского духовенства мусульмане албанцы вместе с христианами праздновали Пасху и другие христианс-

кие праздники. Были не редкостью смешанные браки.

Именно разделением албанского населения на мусульман и христиан можно объяснить тот факт, что одна часть албанцев храбро дралась на стороне турок, а другая, наоборот, сражалась с ними на суше и на море. Так, еще в октябре 1759 г. правители южной горной православной области Химары обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой принять на русскую службу один или два химарских полка, служивших тогда Венеции и королю Обеих Сицилий, «дабы в случае с Оттоманской Портою разрыва возможную диверсию в соседственных с нами оттоманских областях, по примеру равных нам как в вере, так и правлении черногорцев, производить и делать могли». По расчетам химариотов, в подобной «диверсии» могли бы участвовать до 20 тысяч их солдат.

В феврале 1760 г. депутаты Химары архимандрит Анфимий Василико и капитан венецианской службы Пано Бицилли тайно явились к русскому послу в Константинополе А.М. Обрескову и заявили о своем желании ехать в Петербург, чтобы лично представить императорскому двору обращение генерального совета Химары к Елизавете Петровне. Посол с трудом отговорил их от этого намерения.

Одновременно с православными горцами Южной Албании албанцы-католики с севера тоже дали знать русскому правительству, что в случае начала русско-турецкой войны они «неприятелю знатную диверсию в состоянии учинить». Это предложение содержалось в петиции, поданной императору Петру III прибывшим в Петербург членом видной католической семьи Шкорды Яковом Суммой. Он предлагал сформировать из албанцев гусарский полк для службы в России, и еще отправить в Россию для обучения некоторое число албанских юношей из знатных семей. Под петицией стояла подпись: «От всего албанского общества депутат» Сумма. Но, как и в случае с химариотами, русское правительство не посчитало целесообразным принять это предложение в мирное время, чтобы не скомпрометировать себя перед Портой. И эта осторожность в отношениях с балканскими народами доминировала в русской политике вплоть до вступления на престол Екатерины II.

В 1767—1768 гг. Екатерина II проявила большой интерес к Корсике и попыталась использовать корсиканцев в своих интересах. С XIV в. остров принадлежал Генуэзской республике, но его гордый и воинственный народ не желал терпеть ничьей власти и периодически восставал против генуэзцев.

С 1729 г. на Корсике шла непрерывная война. Первоначально корсиканцев возглавлял Джачино Паоли, а с 1755 г. — его сын Пасквале (Паскаль). В 1764 г. Пасквале Паоли удалось окончательно изгнать генуэзцев с острова. Тогда правительство республики уступило Корсику Франции. В 1768 г. на остров высадилась тридцатитысячная французская армия под командованием генерала Во. В сражении под Понте-Нуово корсикан-

цы были разбиты, но продолжали партизанскую войну.

Екатерина поручила русскому послу в Венеции маркизу Маруцци войти в сношения с Паоли, чтобы использовать его в борьбе с турками и для создания проблем для Франции. «Я нынче всякое утро молюся: спаси, Господи, корсиканца из рук нечестивых французов», — писала Екатерина к Ивану Григорьевичу Чернышеву.

В разговоре с агентом посланника Маруцци Паоли сказал: «С двенадцатью кораблями и с моим сухопутным войском я берусь прогнать французов с Корсики». Но в 1769 г. Паоли пришлось бежать с острова и искать убежища в Англии, и Екатерина потеряла к нему интерес.

Наибольшие же надежды на помощь в войне с Турцией Екатерина и братья Орловы возлагали на Грецию, томившуюся под турецким игом еще с XV века. Налоги, взимаемые турками, и поборы местных феодалов заставили население Греции трудиться буквально от зари до зари. При этом значительная часть продуктов сельского хозяйства шла на экспорт. Так, Македония и Фессалия экспортировали во второй половине XVIII в. 40 % производимого зерна и более 50 % табака и хлопка. Не менее широко экспортировали из материковой Греции и с островов Архипелага вино и фрукты.

С начала XVIII века интенсивно развивалось греческое судоходство, центром которого стали три небольших острова — Идра, Спеце и Псара. Еще в середине XVII в. эти острова были почти не населены. Немногочисленные жители Идры и Спеце существовали за счет рыболовства и торговли.

Греческие купцы, совершая деловые поездки в города Западной и Центральной Европы, подолгу жили там, обзаводились домами, зачастую оставаясь навсегда. Греческие торговые колонии возникли в Вене, Пеште, Лейпциге, Амстердаме, Ливорно, Триесте и в других городах. В России центром греческой эмиграции с середины XVII в. стал город Нежин. Здешней греческой общине, состоявшей в основном из жителей Эпира и Македонии, правительство России предоставило большие привилегии.

В отличие от Албании, в Греции исламизация не приняла массового характера. Подавляющее большинство населения осталось православным. При этом во многих областях, особенно на малых островах, главными администраторами (правителями) были православные епископы.

Ненависть к туркам и бедность стали основными причинами развития повстанческого движения в Греции. Тут я не буду следовать традициям гоголевских дам, которые говорили про вонючий стакан, что он-де «дурно себя ведет», а буду называть кошку кошкой. Я лично не могу провести грань между греческими повстанцами и грабителями. И пусть греки не обижаются, такое было в свое время во всех странах Европы. Это у нас отдельные дамы сокрушаются, что «перевелись рыцари среди наших мужчин». Настоящий западноевропейский рыцарь

считал своим законным правом грабить всех проезжих купцов или, по крайней мере, заниматься рэкетом. Ну а уж волочиться за женщинами — так это уж «сам бог велел». Так что, милые дамы, утешьтесь: рыцарство в Российской Федерации с 1991 г. возрождается самыми быстрыми темпами.

Греки, бежавшие в горы, образовывали отряды клефтов. Естественно, что большинство клефтов по происхождению были крестьянами. В переводе с греческого клефт — вор, и нетрудно догадаться, что такое прозвище повстанцев исходило от турок и их клевретов. Командиры отрядов клефтов назывались капитанами. Основными базами отрядов клефтов служили Пинд, Олимп и горы Пелопоннеса.

Следует заметить, что турки за более чем 300 лет владычества над Грецией так и не смогли взять под свой контроль ряд горных районов — Мани (Пелопоннес), Сули (Эпир), Сфакья (Крит). В социально-экономическом отношении это были наиболее отсталые области Греции. Там сохранялись еще сильнейшие пережитки патриархально-родовых отношений. Управляли этими областями капитаны.

Турецкие власти безуспешно боролись с клефтами. В конце концов они были вынуждены легализовать отдельные отряды клефтов, поручив им охрану порядка в тех районах, где они действовали. Эти отряды, как бы состоявшие на службе у турок, стали называться арматолами (от итальянского armato — вооруженный). Но грань между арматолами и просто клефтами оставалась весьма условной. Некоторые отряды арматолов, не поладив с турецкими властями, снова становились клефтами.

Но греческие повстанцы-разбойники действовали не только на суше. Если на материковой части Греции турецким властям худо-бедно удавалось контролировать большую часть территории, то на островах дело обстояло совсем иначе. Подавляющее большинство населения островов составляли православные. Лишь на нескольких островах, как, например, на Хиосе, жили мусульмане, да и там они не доминировали. На нескольких крупных островах турки построили крепости и содержали гарнизоны, но на большинстве островов османов не было.

Жители многих греческих островов еще в XVI в. начали промышлять пиратством. Как писал в 1785 г. Матвей Ковцев[96] (к его книге мы еще ввернемся): «Жители острова Индрос (Идра. — *А.Ш.)* по бесплодию своего острова склонны к разбоям».

В 1692 г., то есть за 76 лет до описываемых событий, английский офицер Робертс потерпел кораблекрушение у мыса Иос и был взят в плен греческими пиратами. Несколько лет он служил канониром на пиратских кораблях, а затем, вернувшись в Англию, написал воспоминания. Они вошли в «Собрание необычных путешествий, изданное капитаном Уильямом Хакке», четыре тома которого вышли в Лондоне в 1699 г.

Робертс писал, что греческие пираты зимовали обычно от середины декабря до

первых дней марта на островах Эгейского моря, охотнее всего на Паросе, Антипаросе, Мелосе и Иосе. Затем они перебирались на обрывистый и изобилующий удобными и укромными бухтами остров Фурни, расположенный между Самосом и Икарией. На холме выставлялся часовой, он подавал сигнал маленьким флажком при появлении в море какого-нибудь паруса. Тогда пиратские суда выскакивали из узкого выхода из бухты на востоке острова Фурни и устремлялись к Самосу на перехват купца.

Точно так же пираты действовали всю весну и первую половину лета у островов Некария, Гайдарокиси и Липса, с учетом их географических особенностей. В июле они, как правило, перебирались к Кипру, Родосу и Египту — поближе к Сирии и там занимались ремонтом своих судов и сбытом награбленного.

Осень пираты снова проводили в засадах, а зимой разбредались по своим селениям к женам и детям с тем чтобы весной начать все сначала. Любопытный штрих — все православные церкви острова Иос были построены на благочестивые пожертвования пиратов.

Лишь наиболее отчаянные парни выходили на промысел зимой в штормовое море. Но добыча в это время года была невелика, и пираты в основном грабили побережье. В «Описи государственных документов» Венеции сохранилось письмо губернатора Занте (так итальянцы называли греческий Закинф), датированное 1603 г. В письме губернатор жаловался на пиратов, серьезно подорвавших венецианскую торговлю тем, что «они выходят в море даже в середине зимы и в самую бурную погоду благодаря маневренности своих кораблей и мастерству своих моряков».

Греческие пираты создали на островах Эгейского моря десятки больших и малых баз. Пираты, писал Робертс, «заполонили своими гребными лодками все уголки Киклад и Мореи и превращали в свою законную добычу любой корабль, неспособный к защите, или входили ночью в селения и жилища на ближайшем побережье, забирая все, что они могли найти. Суда этого типа, называемые здесь траттами, кишели в каждой бухте; они длинные и узкие наподобие каноэ; 10, 20 или даже 30 человек, каждый вооруженный мушкетом и пистолетом, гребли с большой быстротой, а когда ветер был благоприятным, использовали также маленькие мачты с латинскими парусами».

Восточный мыс острова Сапьендза высотой 217 м с отходящей от него на полкилометра к северу отмелью глубиной на менее 10 м долгое время назывался французами Наблюдательной вышкой пиратов. Здесь они завлекали к себе в засаду турецкие и европейские корабли, шедшие в Левант, но нередко завершавшие свой путь у Сапьендзы.

Союзниками греческих пиратов были мальтийские рыцари, которые с XV в. вели почти непрерывную войну с османами на суше и на море. В XVI в. турки несколько раз высаживались на Мальте, но им ни разу так и не удалось взять главную твердыню рыцарей — крепость Ла-Валет-

ту. Последний раз турки высадились на острове в 1615 г. и вновь потерпели неудачу Постепенно борьба с турками переросла в откровенное пиратство, причем рыцари открыто грабили нетолько мусульманские, но и христианские суда. Начиная со второй половины XVII в. Мальта превратилась в один из крупнейших невольничьих рынков Средиземноморья. Риторический вопрос — как верхушка ордена смогла обеспечить себе сказочное богатство, располагая островом, длина которого всего 25 км? На какие шиши, пардон, строился мощный флот, возводились роскошные здания? Спору нет, мальтийские рыцари обладали поместьями за рубежом, шли пожертвования, но, увы, основной статьей дохода рыцарей оставалось пиратство и работорговля.

Мальтийские рыцари не видели в греческих пиратах конкурентов, а наоборот, давали приют их кораблям и командам. Мальта настолько прославилась пиратством, что французские моряки называ¬ли остров Иос (Кикладские острова), бывший пристанищем греческих пиратов, «маленькой Мальтой».

Как видим, во владениях Османской империи на берегах Адриатического, Ионического и Эгейского морей скопилось немало взрывчатого материала. Вопрос был лишь в том, удастся ли Екатерине поджечь его.

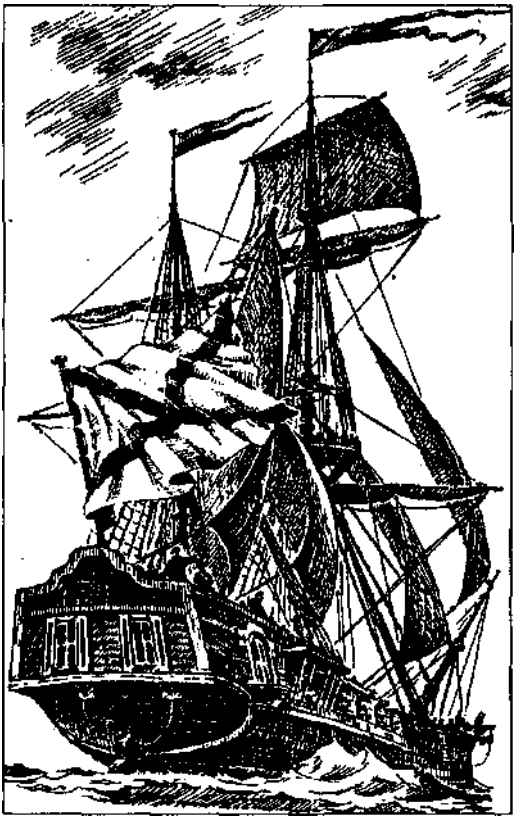
В письме к послу в Англии графу И.Г. Чернышеву императрица выразилась еще более решительно: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России, вы знаете, средства не маленькие».

Глава 2

Пламя Чесмы

Екатерина II и ее окружение прекрасно понимали, что без поддержки русских регулярных сил любое восстание в Греции и на Балканах не только заведомо обречено на поражение, но и даже не способно будет оттянуть на себя значительное число османских войск. Поэтому Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда. Мы помним, что даже «Надежда Благополучия» не пошла далее Ливорно.

В состав эскадры вошли семь кораблей («Европа», «Святослав», «Св. Евста¬фий Плакида», «Три Иерарха», «Св.



Бомбардирский корабль «Гром». 1770 г. Рис. А. Карелова

Иануарий», «Северный Орел» и «Три Святителя», из которых «Святослав» был 80-пушечный[97], а остальные — 66-пушечные). Кроме того, в составе эскадры был фрегат «Надежда Благополучия», 10-пушечный бомбардирский корабль «Гром», четыре 22-пушечных пинка[98] «Соломбала», «Лапоминк», «Сатурн» и «Венера» (в ряде документов они именовались транспортами), а также два пакетбота[99] — «Летучий» и «Почталион».

Эскадра получила название «обшивная», поскольку корпуса всех ее судов были обшиты снаружи дополнительным рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, чтобы подводную часть не источил морской червь, как это произошло с «Надеждой Благополучия». Естественно, обшивка уменьшала скорость хода и увеличивала осадку судов.

Артиллерию эскадры составляли 640 пушек. Помимо личного состава (ЗОН человек), на судах находились взятые сверх нормы десантные войска — 8 рот Кексгольмского пехотного полка и 2 роты артиллеристов, мастеровые для ремонта кораблей и артиллерии, в общей сложности 5582 человека.

По совету адмирала Семена Ивановича Мордвинова и общему мнению Адмиралтейств-коллегии Екатерина предложила командование эскадрой Григорию Андреевичу Спиридову, тогда еще вице-адмиралу. Он непосредственно руководил подготовкой и комплектованием кораблей и несравненно лучше других военачальников знал достоинства и недостатки эскадры. К изумлению и недовольству императрицы, Спиридов отказался от лестного назначения, ссылаясь на возраст и на болезни. Екатерина быстро смекнула, что дело тут не в болезнях, а в амбициях адмирала. Видимо, тот не очень хотел попасть под начало 34-летнего Алексея Орлова. Екатерина традиционно схитрила — присвоила Спиридову звание полного адмирала и назвала его первым флагманом флота. В рескрипте, подписанном Екатериной и врученном Спиридову, говорилось: «...Провезти сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содей-

ствия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды». Ни слова о подчинении эскадры Орлову не было в этом многозначащем документе. Спиридов поверил и согласился.

17 июля 1769 г. Екатерина посетила корабли, стоявшие на Кронштадтском рейде, вручила адмиралу орден, приказала выдать всем назначенным в экспедицию четырехмесячное жалованье «не в зачет» и потребовала немедленного выхода эскадры в плавание.

Делать было нечего, вечером следующего дня эскадра поставила паруса, вышла из Кронштадта и ...стала у Красной Горки, откуда ее можно было увидеть из Кронштадта, но нельзя было увидеть из Петергофа в самую сильную подзорную трубу. И лишь 26 июля эскадра Спиридова по-настоящему ушла в плавание.

Первый блин всегда шел комом. 9 августа на самом мощном 80-пушечном корабле «Святослав» открылась сильная течь, и он вынужден был вернуться в Ревель и стать на ремонт. (Позже его включили в состав 2-й Архипелагской эскадры.) «Св. Евстафий Плакида» в свежую погоду потерял фок-мачту.

30 августа эскадра достигла Копенгагена. На этом коротком отрезке пути на эскадре заболело свыше 300 человек, из которых 54 умерли и были погребены в море.

Русский посланник в Копенгагене генерал Философов писал в Петербург: «По несчастию, наши мореплаватели в таком невежестве и в таком слабом порядке, что контр-адмирал весьма большие трудности в негодованиях, роптаниях и в беспрестанных ссылках от офицеров на регламент находит, а больше всего с огорчением видит, что желание большей части офицеров к возврату, а не к продолжению экспедиции клонится и что беспрестанно делаемые ему в том представления о неточности судов и тому подобном единственно из сего предмета происходят».

Вместо умерших и для устранения некомплекта команды в Копенгагене на борт кораблей было принято до 800 датских моряков.

13 августа в гавань Копенгагена вошел новый 66-пушечный корабль[100] «Ростислав», построенный на Соломбальской верфи в Архангельске и шедший к новому месту службы на Балтику. Своей властью Спиридов приказал его командиру капитану 1 ранга Л.Ф. Лупандину следовать вместе с эскадрой в Архипелаг вместо Кронштадта.

10 сентября эскадра Спиридова покинула Копенгаген. А в ночь на 16 сентября налетел на Скагекский риф в проливе Каттегат пинк «Лапоминк». Командир его капитан-лейтенант Е.С. Извеков пушечными выстрелами предупредил эскадру о катастрофе. Команда была спасена, но штормовая погода не позволила снять пинк с рифа.

Непогода, застигшая эскадру в Северном море, новые повреждения судов

(особенно пинка «Венера» и бомбардирского корабля «Гром»), до 700 человек больных вынудили Спиридова укрыться 25 сентября на рейде рыбацкой гавани Гримсби у входа в английский порт Гулль. И тут не обошлось без аварии: корабль «Три Святителя» сильным ветром был снесен с места якорной стоянки на мель. В результате удара вышло из строя рулевое управление, и корабль был поставлен вместе с «Громом» и «Венерой» к гулльс¬ким причалам на ремонт.

Спиридов не хотел рисковать кораблями и идти поздней осенью через Бискайский залив. Надо сказать, что его опасения были небезосновательны. Вспомним, какие тяжелые повреждения получил зимой 1929/30 г. линкор «Севастополь» при прохождении Бискайского залива. Но императрица все время подгоняла: «Вперед! Вперед!»

Приехавший из Лондона в Гулль русский посол граф Иван Григорьевич Чернышев осмотрел эскадру, о чем и донес императрице: «Не так худо нашел я все сделанные адмиралом распорядки, как слышал, но опять и не так, чтоб оные лучше быть не могли. Ну да уже что же делать, быть так! Более всего неприятно мне было его видеть самого несколько в унылости, отчего и подчиненные были также невеселы, что я ободрением его и хвалою всего того, что уже сделал, ибо поправить было неможно, разговором с матросами и солдатами, объездом на все корабли, сколько можно, поправить старался. Унылость его произошла от встретившихся препон в плавании, которые то ускорить не дозволяли, чему главная причина — великое множество больных, ибо число оных простирается до 700 человек, с слабыми же и более 800, однако умирает благостию Божиею мало, ибо со времени отправления на всей эскадре, состоящей более 5000, умерло с 40 человек. Все по большей части больны поносами и флюсфиберами, чему и удивляться не должно, ибо 1) половина экипажа состоит из рекрут; которые жительство близ Москвы имели, в числе коих, конечно, половина таких, которые несколько месяцев, как только соху покинули и не токмо к морю и к качке судна, но и к пище нимало привычки не сделали; 2) изнурены были при вооружении флота великими работами и употреблением малой предосторожности в мешании вышедших больных из госпиталя с здоровыми рекрутами, отчего последние все почти по очереди перехворали; 3) от излишнего экипажа великая теснота на кораблях. От стояния на якоре и от употребления зелени и свежего мяса оправляться уже начинают».

Екатерина послала Спиридову письмо, вежливое по форме, но похожее на резкий выговор по содержанию: «С крайнейшим прискорбием вижу я медленность, с которою вы идете с эскадрою, вам вверенною, и что вы в разных местах мешкаете Бог весть для чего, хотя весь успех вам вверенного дела и зависит от проворства исполнения. Слышу я, хотя вы о том ко мне и не пишете, что и больных у вас много: рассудите сами, не от мешкания ли вашего сие происходит? Когда вы в пути съедите всю провизию да

половина людей помрет, тогда вся экспедиция ваша оборотится в стыд и бесславие ваше и мое, хотя я ни иждивения, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не желая для снабжения вас всем, что только споспешествовать могло к желаемому успеху. Прошу вас для самого Бога, соберите силы душевные и не допустите до посрамления пред всем светом. Вся Европа на вас и вашу экспедицию смотрит... Бога для не останавливайтесь и не вздумайте зимовать, окроме вам определенного места».

Скрепя сердце Спиридов 10 октября вывел эскадру из Гулля. Точнее, не эскадру, а ее меньшую часть — корабли «Св. Евстафий» и «Северный Орел», фрегат «Надежда Благополучия» и бомбардирский корабль «Гром». Большая же часть эскадры не смогла покинуть порт.

Но это небольшое соединение распалось в шторм в Бискайском заливе. На корабле «Северный Орел» 23 октября открылась сильная течь, и он вернулся в Портсмут. Там он был отремонтирован и дождался 2-й Архипелагской экспедиции. Бомбардирский корабль «Гром» также вернулся в Портсмут — менять мачты. В итоге к Гибралтару 6 ноября 1769 г. пришел один «Св. Евстафий».

Сборным пунктом судов «обшивной» эскадры в Средиземном море заранее был

Действия русского флота в Русско-турецкой войне 1768—1775 гг.

назначен рейд порта Магон на Менорке (Балеарские острова). 18 ноября Спиридов на «Св. Евстафии» прибыл в порт Магон. А 23 ноября в порт Магон на английской бригантине прибыл младший из братьев Орловых — Федор.

Федор Орлов нашел флагмана, «печалию объятого» — несколькими часами ранее скончался его сын — генерал-адъютант Андрей Григорьевич Спиридов, шедший вместе с отцом на «Св. Евстафии».

Прибытие Федора Орлова нанесло Спиридову второй тяжелый удар. Орлов вручил флагману инструкцию, где граф Алексей Орлов назначался главнокомандующим всеми русскими вооруженными силами (десантными войсками и флотом) на Средиземном море. Там же была приписка императрицы: «Графу Орлову, по долгой его тамо бытности и знанию, довольно известны быть должны тамошние обстоятельства и народы».

Думаю, пришло время объяснить, как братья Орловы оказались на Средиземном море. Еще летом 1768 г. Алексей и Федор Орловы, первый под именем Островского по названию принадлежавшего ему села Остров, а второй — Богородского, отправились под предлогом поправки здоровья Алексея в путешествие по Европе, а затем к Средиземному морю. 15 августа 1768 г. братья прибыли в Карлсбад, где вели себя более чем разгульно, хотя, может быть, опохмелившись вином, посещали и Карлсбадскую водолечебницу.

Всю переписку с Россией братья вели шифром, с помощью так называемой «цифровой азбуки». В книге Т.А. Соболевой «Тайнопись в истории России» рассказано о принципе построения такого шифра. Словарь включал в себя не только буквы, но и слоги, наиболее часто употребляемые слова (всего до 500), географические названия, имена, месяцы, называвшиеся шифрообозначениями, превращаемыми при шифровании в последовательности цифр. Для запутывания прочтения сообщения теми, кому информация не предназначалась, использовались различные хитрости вроде «пустышек» — ничего не значащих цифровых обозначений, расставляемых в различных местах текста, которые получателю следовало пропускать. В подробнейших описаниях (правилах), прилагаемых к «цифровым азбукам», о «пустышках» говорилось: «Пустые числа писать где сколько хочется, только чтобы на каждой строке было сих чисел не меньше трех или четырех». Была и другая хитрость — использование при шифровании двух языков, одним из которых был русский, а вторым — французский или немецкий. При этом в словарь «цифровой азбуки» включались слова и на том, и на другом языке.

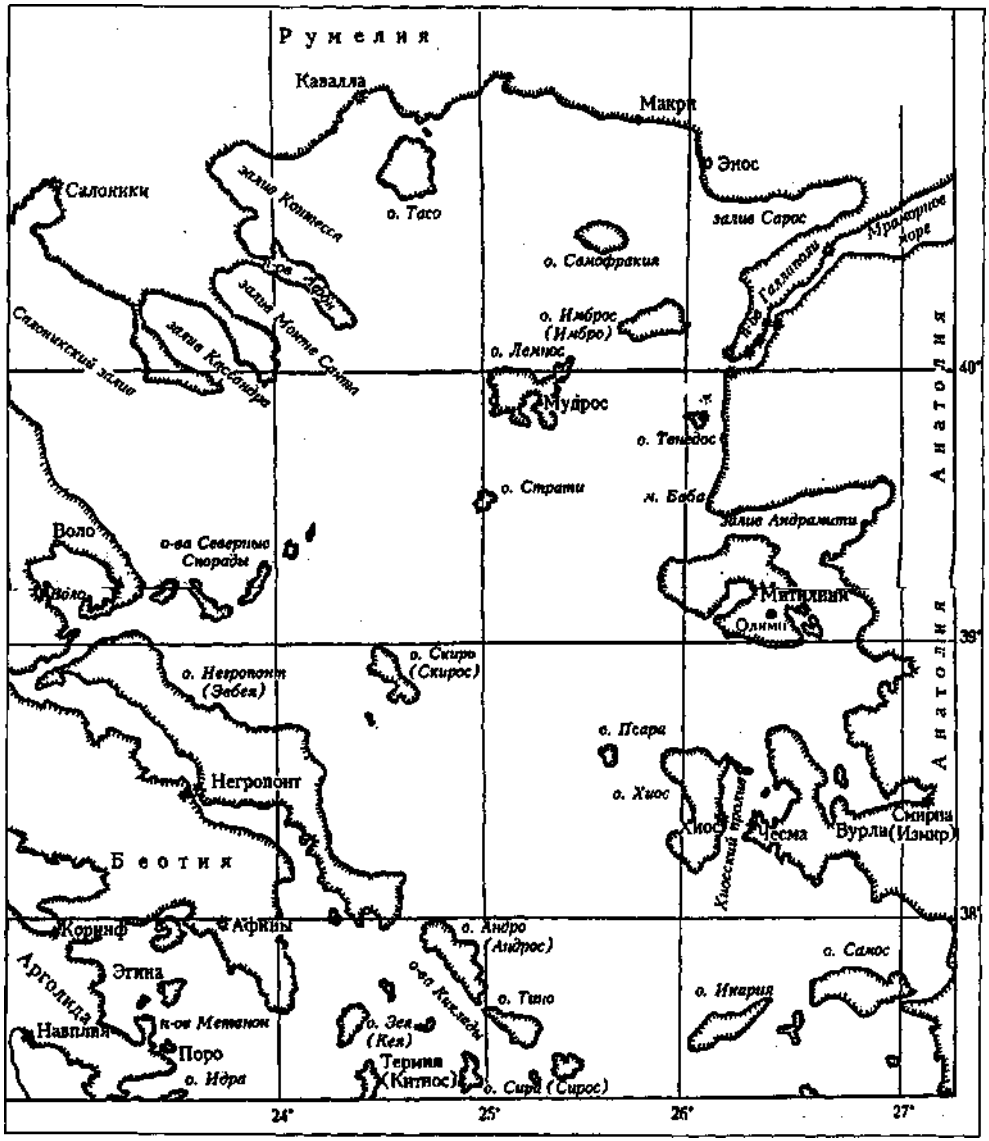
24 октября 1768 г. братья были уже в Вене, где и узнали о начале войны с Турцией. «Хворые» немедленно отправились не в Петербург, а в Венецию на берега Адриатики. Там они организовали шпионскую контору, рассылая агентов в Черногорию, Албанию, Грецию и т.д.

Но вернемся к эскадре Спиридова. К середине декабря 1769 г. в порту Магон собралось семь русских судов — ко-

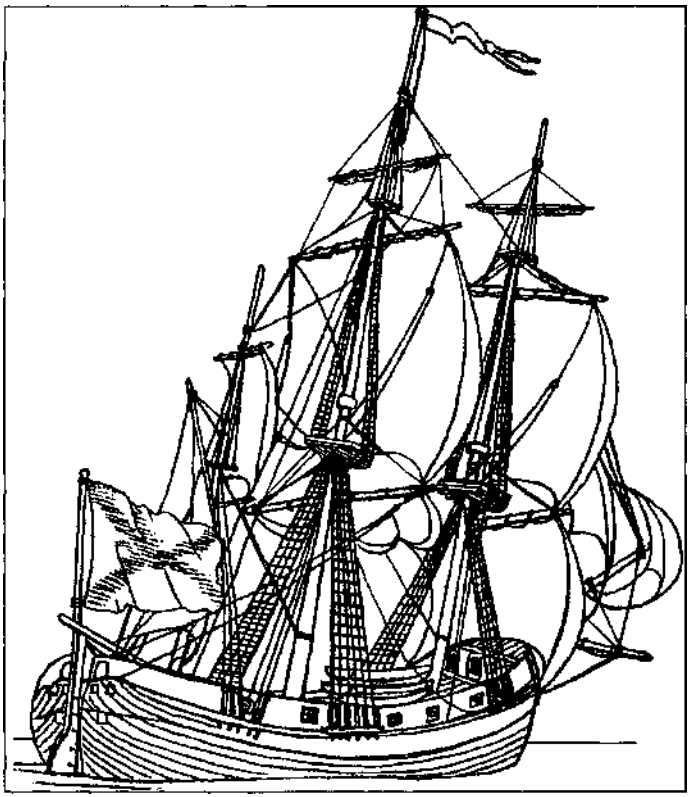
рабли «Св. Евстафий», «Три Иерарха», «Три Святителя», «Св. Иануарий»; фрегат «Надежда Благополучия»; пинки «Сатурн» и «Соломбала».

Корабль «Ростислав» 11 января 1770 г. у острова Менорис во время шторма потерял фот- и бизань-мачты и был отнесен к берегам Сардинии, там поставил «фальшивое» парусное вооружение и под ним кое-как 26 февраля пришел в Грецию.

Несмотря на все трудности, и Алексей Орлов, и сама Екатерина были настроены



Карта северной и центральной частей Архипелага



Корсарский фрегат

бодро и оптимистично. «Надеемся крепко, что дурноты все уже миновались и все теперь пойдет», — писал Орлов. И в ответах Екатерины выражалась та же уверенность, что «все пойдет». «Что же делать, — писала она, —впредь умнее будут. Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход. Все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен».

23 января 1770 г. Спиридов вывел пять судов из порта Магон (там остался лишь пинк «Сатурн», чтобы дождаться выздоровления больных моряков, свезенных на берег). Наконец 17 февраля в 5 часов пополудни русские корабли прибыли в порт Вистулу у берегов Мореи — месту, назначенному инструкцией императрицы.

Возникает резонный вопрос: почему турки не попытались уничтожить в Средиземном море шедшие порознь русские корабли? Причина более чем смешна — ни Мустафа III, ни великий визирь, ни другие высокопоставленные лица не верили, что неверные смогут морем пройти из Петербурга к Дарданеллам. Не будем смеяться над бедным султаном, ведь и императрица Елизавета Петровна, сколько ни билась, никак не могла взять в толк, почему в Англию нельзя проехать в коляске.

Алексей Орлов решил высадить первый десант в греческом порту Витулло[101] на полуострове Майна. Жители этого полуострова (майноты) существовали главным образом грабежом и разбоем и никогда не признавали над собой власти турок.

18 февраля 1770 г. в Витулло с Мальты прибыла эскадра Спиридова, в составе которой были корабли «Св. Евстафий», «Св. Иануарий», «Три Святителя»; пинк «Соломбала» и пакетбот «Летучий». В Витулло уже стояло купеческое судно под венецианским флагом, капитан которого был из славян. Граф Орлов нанял его в русскую службу и отправил в Витулло в ожидании прибытия флота. На судне было 20 пушек, и оно салютовало адмиральскому флагу по приходе его. Адмирал произвел капитана этого судна А.И. Полику¬ ти в лейтенанты, а судно, названное фрегатом «Святой Николай», на другой день подняло русский флаг.

28 апреля к эскадре присоединился и отремонтированный в Генуе 66-пушечный корабль «Ростислав».

В трюмах каждого русского корабля находилось по одной разобранной малой галере (в некоторых документах они назывались полугалерами)[102]. 19 февраля части галер были свезены с кораблей на берег, а уже 23 февраля все три галеры были собраны, оконопачены и спущены на воду. Галера корабля «Св. Евстафий» названа «Касатка», и командиром ее назначен Кумман. Галера корабля «Св. Иануарий» названа «Ласточкой», и командиром ее назначен шкипер этого корабля Лукавич. Галера корабля «Три Святителя» названа «Жаворонком», а командиром назначен Николетти. На каждую галеру дано по 60 человек команды.

25 февраля прибыла греческая полакра[103] под названием «Генрик-Каррон» под командой Александра Алексиано. Она была нанята в нашу службу и в тот же день подняла русский флаг. На ней установили 12 пушек.

Во время пребывания флота в порту Витулло несколько больших партий греков под командой русских офицеров были отправлены в разные части Мореи, чтобы овладеть городами и главнейшими укреплениями.

Первая партия, названная Восточным легионом, состояла под начальством пехотного капитана Баркова. Барков имел под своей командой поручика Псаро — природного грека, одного сержанта и двенадцать русских солдат с небольшим числом майнотов. Он получил от графа Федора Орлова приказание идти в Пассаво и там собрать майнотов и других греков, которыми нужно было пополнить этот легион. Через три дня, по прибытии его в Пассаво, то есть 21 февраля, к нему присоединились семь майнотских и греческих капитанов, партии которых усилили отряд Баркова до 1200 человек. 26 февраля капитан Барков пошел прямо на город Миситру (древнюю Спарту).

27 февраля Барков подошел к Мисит¬ ре, рядом с которой находился укрепленный лагерь с тремя тысячами турецких солдат. Подходя к лагерю турок, капитан Барков разделил свой легион на две час-

ти. Поручик Псаро с одной из этих частей, состоящей из шести русских солдат и 500 майнотов, получил приказание сделать форсированный переход и, скрываясь высотами, обойти правый фланг неприятеля и атаковать его с тыла, в то время как капитан Барков с остальной часть легиона будет медленно продвигаться вперед к фронту турецкого лагеря. Поручик Псаро совершил этот обход так быстро и удачно, что успел уже атаковать правый фланг неприятеля и его тыл, тогда как капитан Барков только еще готовился начать свое нападение с фронта. Это привело турок в такое замешательство, что они начали отступать на всех пунктах и наконец бросились в предместья Миситры. Сильно преследуемые, они заперлись в крепости, которая осталась, таким образом, в блокаде. В этом деле турки потеряли около 100 человек убитыми. Со стороны же русских было до 30 убитых и 11 раненых майнотов.

После девятидневной блокады вода, проведенная в крепость простым водопроводом, была отрезана, и турки принуждены были сдаться. Они охотно согласились сложить оружие, отдать все имущество, обязались не служить более в эту войну против русских и только просили свободного пропуска из Мореи. 8 марта 3500 вооруженных турок (видимо, не только солдат, но и вооруженных жителей) вышли из ворот Миситры и сложили оружие.

Далее, чтобы избежать обвинений в тенденциозности, процитирую журнал капитана-командора С.К. Грейга[104]: «Но только что обезоружение их было закончено, как майноты, не знавшие законов войны, свято соблюдаемых между образованными народами, и ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенным бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, мужчин, женщин и детей. Капитан Барков с 12 русскими солдатами с величайшим самоотвержением старался прикрыть и защитить турок, но без успеха: греки перебили их более тысячи человек. Наконец Баркову с большим трудом и опасностью удалось привести остальных турок в предместье и расположить в греческих домах; он строго приказал им завалить двери и окна и для охранения их расставил на часы всю свою малочисленную дружину. Остервенение майнотов было до того велико, что они начали стрелять из ружей по русским часовым. Капитану Баркову осталось тогда только одно средство, чтоб отвлечь их ярость, — предать им опустелый город на разграбление. Этим ему удалось спасти несчастных турок, которые иначе, наверно, были бы лишены жизни. Между тем как майноты грабили город, несчастные старались скрыться; но, к сожалению, и эта мера оказалась недействительною: отряды майнотов, предпочитавших мщение и кровь богатой добыче, бросились за бегущими турками и множество истребили их по дороге. Настоящее число убитых здесь турок неизвестно; но вообще из них спаслись весьма немногие. Число турок, со включением жен и детей, доходило до восьми тысяч.

Некоторого оправдания такого бесчеловечия со стороны греков можно искать в жестоком с ними обращении их утеснителен. Как бы то ни было, но это происшествие, гибельное для турок, было столь же неблагоприятно к пользе русских и имело следствием все те неудачи, которые они впоследствии испытали в Морее. Если бы капитуляция была соблюдена со всею точностью, то очень вероятно, что ни одно из остальных укреплений, занятых турками, не было бы сильно защищено, так как турки начинали уже оставлять Морею и желали только совершить безопасно свое отступление. Правда, Корон все еще держался; но нет сомнения, гарнизон его сопротивлялся русским не столько от желания удержать за собой эту крепость, как от страха пройти без оружия через край, наполненный сильными партиями неумолимых греков. Во всяком случае, с этого времени начались неудачи русских при Морее, несмотря на то, что сила их возросла впоследствии от прибытия остальной части флота».

Капитан Барков до 26 марта оставался в Миситре. Он старался усилить укрепления город, насколько это было возможно, так как майноты, находившиеся под его начальством, имели такое же отвращение к работе, как и расположение к грабежу.

Считая город достаточно укрепленным, чтобы противостоять внезапному набегу неприятеля, он оставил в нем гарнизон из 500 греков и 26 марта с остальными силами легиона двинулся к неукрепленному городу Леонтари, где нашел одних только греков. Здесь, к большой радости Баркова, его ждал отряд русских солдат, посланный к нему в подкрепление графом Федором Орловым. Отряд состоял из одного поручика, сержанта и двадцати рядовых с двумя легкими орудиями, при одном сержанте, капрале и двадцати матросах. Греки со всех сторон стекались под русские знамена, так что за несколько дней легион капитана Баркова возросло восьми тысяч человек.

Барков со своим войском двинулся к городу Трополица, где было около шести тысяч вооруженных турок. По прибытии к городу он немедленно потребовал, чтоб губернатор Селим-паша сдался. Греки, ослепленные прежними удачами и увеличением своих сил, не рассчитывали встретить сопротивление и думали, что паша тотчас согласится на предложенные условия. Но паша не давал ответа.

Турки, узнав о страшной участи, постигшей гарнизон Миситры, когда он сложил оружие, решили умереть с оружием в руках и скорее защищаться до последнего, чем видеть истязание своих жен и детей. Город был не в состоянии выдержать блокады, и поэтому гарнизон, конный и пеший, вышел из городских ворот. При появлении турок греки решили, что они выходят с намерением сложить оружие, и в нетерпении точили ятаганы для возобновления резни. Из донесения капитана Баркова видно, что он был того же мнения и потому больше старался предотвратить повторение ужасной резни в Миситре, чем готовился отразить нападение неприятеля. Но действия турок скоро

вывели его из этого заблуждения. Турки начали обход по равнине, чтобы избежать встречи с небольшим отрядом русских, находившимся впереди с двумя легкими орудиями, из которых Барков приказал стрелять при наступлении неприятеля. Со всей яростью отчаяния турки бросились во фланг грекам. Греки, испуганные таким неожиданным нападением, побросали оружие и пустились бежать, не пытаясь даже сопротивляться. Разъяренные турки резали их без пощады, и все, кто мог поднять ятаган или кинжал, бросились из городских ворот, чтобы принять участие в бою.

Капитан Барков, поручик Псаро и горсть русских солдат стояли посреди равнины, оставленные греками. Вскоре их со всех сторон окружили турки. Они, хотя и одушевленные победой, были удержаны твердостью и искусными действиями этого небольшого отряда и не осмеливались к нему приблизиться. Окружив русских, они открыли по ним со всех сторон из-за кустарника и больших камней сильный ружейный огонь. Русские держались на месте, пока не потеряли одного сержанта и десять рядовых убитыми и несколько раненых. Заметив, что, куда бы они ни двинулись, турки немедленно отступали, они решились пробиться к тесному дефиле между гор, на той самой дороге, по которой они пришли. Русские вынуждены были бросить два полевых орудия. Из всего отряда только капитан Барков (получивший две тяжелые раны), поручик Псаро, один сержант и двое рядовых достигли тесного дефиле, к которому отступали и за которым турки уже их не преследовали. Поручик Псаро был послан в Миситру, чтобы удержать этот город, а капитана Баркова на лошади привезли в Каламату, а оттуда — на флот. Баркову удалось даже спасти знамя, он приказал снять знамя с древка и опоясался им.

Так кончилась эта экспедиция Восточного легиона. Миситра была все же удержана майнотами до полного ухода русских из Мореи. Тогда майноты оставили этот город и возвратились в свои горы, увезя с собой все богатства этого района Греции, совершенно ими разграбленного.

Князь Ю.В. Долгоруков овладел всей Аркадией, но из-за поражений Баркова был отозван обратно на побережье и послан к крепости Наварин.

Порт Витулло имел опасную и неудобную гавань, открытую западным и юго-западным ветрам. Поэтому адмирал Спиридов решил захватить крепость и порт Корон. Берегом к Корону был отправлен большой отряд майнотов. 27 февраля русская эскадра покинула Витулло и 28-го бросила якорь в четырех милях к северу от Корона.

1 марта десантный отряд и часть матросов были высажены на берег, и началась осада крепости. В ночь с 1 на2 марта русские построили осадную батарею. В 2 часа дня три корабля подошли очень близко к восточной стороне крепости, легли в дрейф и открыли сильный огонь. Береговая батарея между тем обстреливала северную часть города. Гарнизон отве-

чал весьма исправным огнем как кораблям, так и осадной батарее. Это продолжалось до захода солнца, но без особого вреда той или другой стороне. Весь следующий день 3 марта флот держался под парусами по восточную сторону крепости, но вне досягаемости пушечного выстрела.

С 6 под 9 марта бушевал шторм. Полакра «Генрик-Каррон» была выброшена на берег и разбита. В конце концов русским так и не удалось овладеть крепостью Корон.

Князь Долгоруков, подойдя по суше к Навари ну, убедился, что город хорошо укреплен, и известил адмирала Спиридова, что крепость без артиллерии и правильной осады взять невозможно. Поэтому адмирал 24 марта отправил к Навари¬ ну корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя» и фрегат «Св. Николай» с бригадиром артиллерии Ганнибалом[105] для руководства осадой.

При входе в залив корабли были обстреляны из крепости Наварин. Открыв ответный огонь, русская эскадра прошла мимо крепости в глубь залива и стала на якорь вне радиуса действия турецких орудий. На берег был высажен десант и выгружены осадные орудия. Бригадир Ганнибал устроил на возвышении к востоку от города одну батарею из восьми 24-фунтовых пушек и двух 1-пудовых единорогов, а другую — из двух 24-фунтовых пушек — к западу от входа в залив, на высоте, которая командовала городом. Батареи открыли огонь, и восьмипушеч¬ ная в короткое время пробила просторную брешь в восточном валу цитадели, а двухпушечная нанесла значительный вред городу.

Губернатор Наварина не стал дожидаться штурма и сдал крепость. 10 апреля 1770 г. русские войска во главе с бригадиром Ганнибалом и капитаном Борисовым вступили в крепость. Трофеями русских стали 42 пушки, 3 мортиры и 800 пудов (13 тонн) пороха. Но главной добычей была одна из самых удобных морских баз на Пелопоннесе. Ее гавань могла вместить любой флот. Глубины позволяли принимать суда с наибольшей осадкой, а узкий вход был защищен укреплениями с обеих сторон.

Екатерина в Петербурге четко представляла себе ситуацию на Средиземном море и давала в большинстве случаев свои верные стратегические директивы. Она писала Орлову: «Моя мысль есть, чтоб вы старались получить порт на острове или на твердой земле и, поколику возможно, удержать оный. Сказав вам сие, признаюсь, что имею два вида: один тот, чтоб вас, пока ваша куча незнатно умножится, с малым числом не подвергнуть опасности, второй, что хотя б и ничего иного не сделали, то бы тем самым мы много для переду предуспели, если б доставили России в руки порт в тамошнем море, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во время мира, и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю. Если же дела ваши так обратятся, что вы в состоянии будете замыслить и более сего, то тогда и

сей порт вам всегда служить может, не быв ни в каком случае вреден. На сие же едва не удобнее ли остров, нежели твердая земля, и то еще остров не самый большой; но, однако, порт на твердой земле будет же иметь и свои особые выгоды».

Екатерина II как могла торопила моряков в отправке подкреплений на Средиземное море. 9 октября 1769 г. из Кронштадта вышла 2-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона. Первоначально в ее состав входили 66-пушечные корабли «Не тронь меня», «Саратов» и «Тверь», 32-пушечные фрегаты «Надежда» и «Африка», а также три транспорта.

Подобно 1-й эскадре 2-я эскадра также не смогла добраться до места без потерь. Так, совсем новый корабль «Тверь» (спущен в 1765 г.) 13 октября во время шторма на Балтике получил повреждения грот-мачты и, отделившись от эскадры, отправился обратно. На следующий день у него сломались и упали в море фок-мачта и грот-мачта, и треснула бизань. «Тверь» едва дошел до Ревеля. Корабль отремонтировали, но вскоре выяснилось, что он не в состоянии плавать даже в прибрежных водах Балтики, и в 1776 г. корабль был разобран в Кронштадте. Этот пример хорошо иллюстрирует качество кораблей, которые строились в начале царствования Екатерины. Как уже говорилось, все же корабли постройки до 1761 г. вообще по ветхости не могли идти в Средиземное море.

22 декабря 1769 г. эскадра Эльфинстона прибыла в Портсмут. Там флагманский корабль «Не тронь меня» был немедленно поставлен в док на ремонт.

В Англии эскадра Эльфинстона пополнилась кораблем «Святослав», который из-за повреждений покинул 1-ю эскадру и 27 декабря 1769 г. прибыл в Портсмут. В ходе ремонта на «Святославе» для улучшения мореходности был снят верхний дек, и он из 80-пушечного стал 72-пушечным. Пополнил ряды эскадры Эльфинстона и еще один неудачник из 1-й эскадры — «Северный Орел».

2 апреля 1770 г. эскадра Эльфинстона в составе кораблей «Не тронь меня», «Саратов», «Святослав», «Северный Орел», обоих фрегатов и транспортов вышла в море. Однако уже через 8 дней плавания на «Северном Орле» опять открылась сильная течь, и 16 апреля он вернулся в Портсмут. Стало ясно, что больше в море на «Северном Орле» выходить нельзя, и корабль был продан с торгов в Портсмуте, а вместо него посол Чернышев купил в Лондоне 40-пушечный английский фрегат и назвал его тем же именем. 29 августа 1770 г. экипаж старого «Северного Орла» перешел на фрегат «Северный Орел» и стал дожидаться подхода 3-й Архипелагской эскадры.

В начале мая 1770 г. Эльфинстон подошел к берегам Мореи и, не дождавшись указаний ни от Алексея Орлова, ни от Спиридова, высадил десантные войска в Колокифской бухте в порту Рупино и приказал им продвигаться к Миситре. Сам же Эльфинстон, услышав о близости турецкого флота, отправился отыскивать его и действительно 16 мая увидел турец-

кие корабли у острова Спеце. Не обращая внимания на то, что турецкий флот, состоявший из 10 кораблей, 5 фрегатов и 7 мелких судов, был втрое сильнее его эскадры, честолюбивый Эльфинстон, не дождавшись соединения со Спиридовым, бросился на турок. Турецкий адмирал, полагавший, что перед ним только авангард русского флота, за которым следуют главные силы, поспешил укрыться под стенами крепости Наполи-ди-Романия. Эскадра Эльфинстона преследовала турецкие корабли и даже вошла в зону огня турецких береговых батарей. После трехчасовой перестрелки на больших дистанциях Эльфинстон отошел. Наши корабли получили незначительные повреждения, 10 человек были убиты и ранены.

Продержавшись пять дней у входа в Навплийский залив и получив сведения, что эскадра Спиридова находится в Колокифской бухте, Эльфинстон пошел навстречу адмиралу и соединился 22 мая с ним у острова Цериго.

После ухода эскадры Эльфинстона турецкий флот поспешил выйти из Навплийского залива, и наши соединенные эскадры настигли его уже у острова Бельпуло, где Эльфинстон со своих кораблей с предельной дистанции (2—3 версты) открыл по неприятелю огонь, который был малоэффективен из-за большого рассеивания ядер и слабого их действия. Преследуемые в продолжение двух дней турки наконец скрылись из виду между островами Зея и Фермо, а наш флот зашел в залив Рафти, чтобы пополнить запасы пресной воды.

Между тем отряд Эльфинстона успел овладеть у Негропонта 4-пушечной неприятельской батареей. Действия Эльфинстона были чистейшей воды авантюрой. Используя несколько часов полного штиля, когда парусные корабли Эльфинстона были неподвижны, турки могли, применив для буксировки своих кораблей многочисленные гребные суда, окружить русских и полностью уничтожить. Только нерешительность турецкого командующего Хасан-бея спасла Эльфинстона.

Екатерина постоянно хитрила в кадровых вопросах. В результате и Спиридов, и Эльфинстон считали себя независимыми как друг от друга, так и от Алексея Орлова и обосновывали это данными им рескриптами императрицы.

У Орлова же тоже был рескрипт, но куда более весомый. В нем Екатерина приказывала всем, в том числе Спиридову и Эльфинстону, подчиняться приказам Орлова так, как если бы они исходили от самой императрицы. В подтверждение этого Орлов приказал поднять на «Трех Иерархах» кайзер-флаг.

Алексей Орлов был энергичен, хитер и жесток, но ему пристало быть скорее не военным, а администратором, поскольку он никогда не командовал ни дивизией на суше, ни ботом на море.

Орлов приказал прекратить осаду Корона. Но вместо того чтобы сосредоточить все силы у Наварина, к которому стягивались турецкие войска, Орлов решил брать крепость Модон. Однако в сражении под стенами Модона греческое ополчение при первом же натиске турок

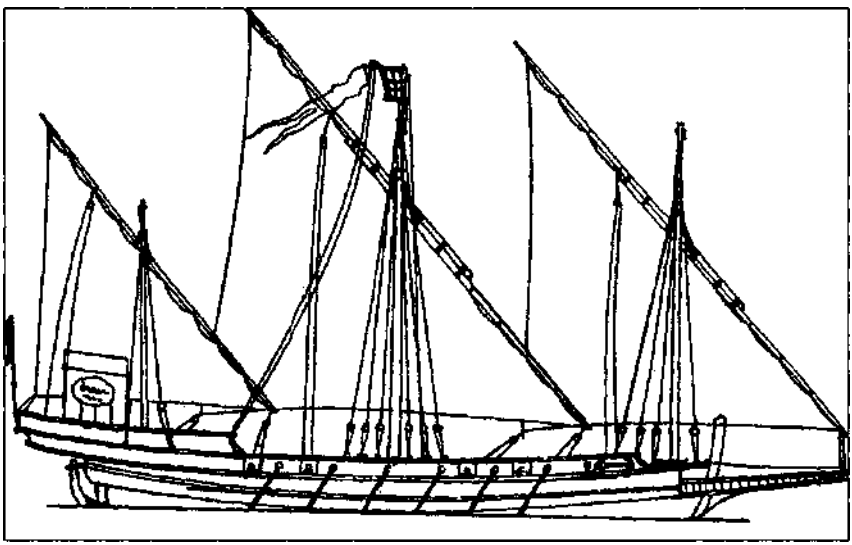
обратилось в паническое бегство. Немногочисленные русские десантники отступали организованно, но были вынуждены бросить всю артиллерию. Затем турки осадили Наварин. Орлов приказал взорвать укрепления Наварина, а войскам эвакуироваться на корабли.

11 июня все корабля русских сосредоточились у острова Милос. Командование флотом принял на себя Орлов, подняв кайзер-флаг на «Трех Иерархах».

В донесение Екатерине Орлов причиной всех неудач выставил поведение греков. Екатерина поверила или, по крайней мере, сделала вид. Она утешала Орлова: «Хотя мы и видим теперь, что Морейская экспедиция не соответствовала своими следствиями мужественному от вас предпринятому ее отверстию по причине сродной грекам трусости, легкомыслия и предательства, кои особливо под Модоном толико пакости причинили».

В начале июня 1770 г. турки собрали в Архипелаге довольно мощный флот: шестнадцать кораблей (один — 100-пушечный, один — 96-пушечный, четыре — 84-пушечных, два 74-пушечных, восемь — 60-пушечных), две 50-пушечные каравеллы, шесть 40-пушечных фрегатов, до шестидесяти бригантин, шебек[106], галер, полугалер и других судов. На борту их находилось 15 тысяч человек и 1430 орудий.

Турецким флотом командовал Ибрагим Хосамеддин, назначенный на пост капитана-паши (капудан-паша, как произносили турки) за 2 месяца до этого, 26 апреля 1770 г. Ибрагим плохо разбирался в морском деле и был порядочным трусом. Фактическое руководство часто переходило в руки его заместителя — алжирца Гассана (Хасана) по прозвищу Джесайрлы, способного и храброго моряка.



Турецкая шебека XVIII века

Русская эскадра формально была значительно слабее, в ней насчитывалось девять кораблей, три фрегата, одно бомбардирское судно, три пинка, один пакетбот (второй пакетбот — «Летучий» — разбился у берегов Мореи), тринадцать зафрахтованных и призовых судов, 6500 человек и 608 орудий. Термин «зафрахтованные суда» употребляется в большинстве наших официальных военно-морских изданий. Но на самом деле это были корабли греческих пиратов, присоединившиеся к русской эскадре. Часть их была куплена в казну, но владелец, как правило, оставался капитаном, а экипаж состоял из «добровольцев» — греков. Подробнее о них мы поговорим позже.

Вечером 23 июня русская эскадра вошла в Хиосский пролив, где стоял на якорях турецкий флот. Увидев силы неприятеля, растерявшийся Орлов поехал на «Св. Евстафий» к Спиридову с традиционным русским вопросом — «Что делать?» Адмирал предложил решительно атаковать противника тремя колоннами.

В первую колонну (авангардию под командованием Спиридова) вошли флагманский корабль «Св. Евстафий» (командир —- капитан 1 ранга Круз), корабль «Европа» (командир — капитан 1 ранга Клокачев) и корабль «Трех Святителей» (командир — капитан 1 ранга Зметевский). Около первой колонны должны были держаться фрегат «Св. Николай», бомбардирский корабль «Гром» и пакетбот «Почталион».

Во вторую колонну (кордебаталию под флагом главнокомандующего) вошли корабли «Три Иерарха» (командир — капитан-бригадир Грейг, он же фактический командующий кордебаталией), «Св. Иануарий» (командир— капитан 1 ранга Борисов) и «Ростислав» (командир — капитан 1 ранга Лупандин).

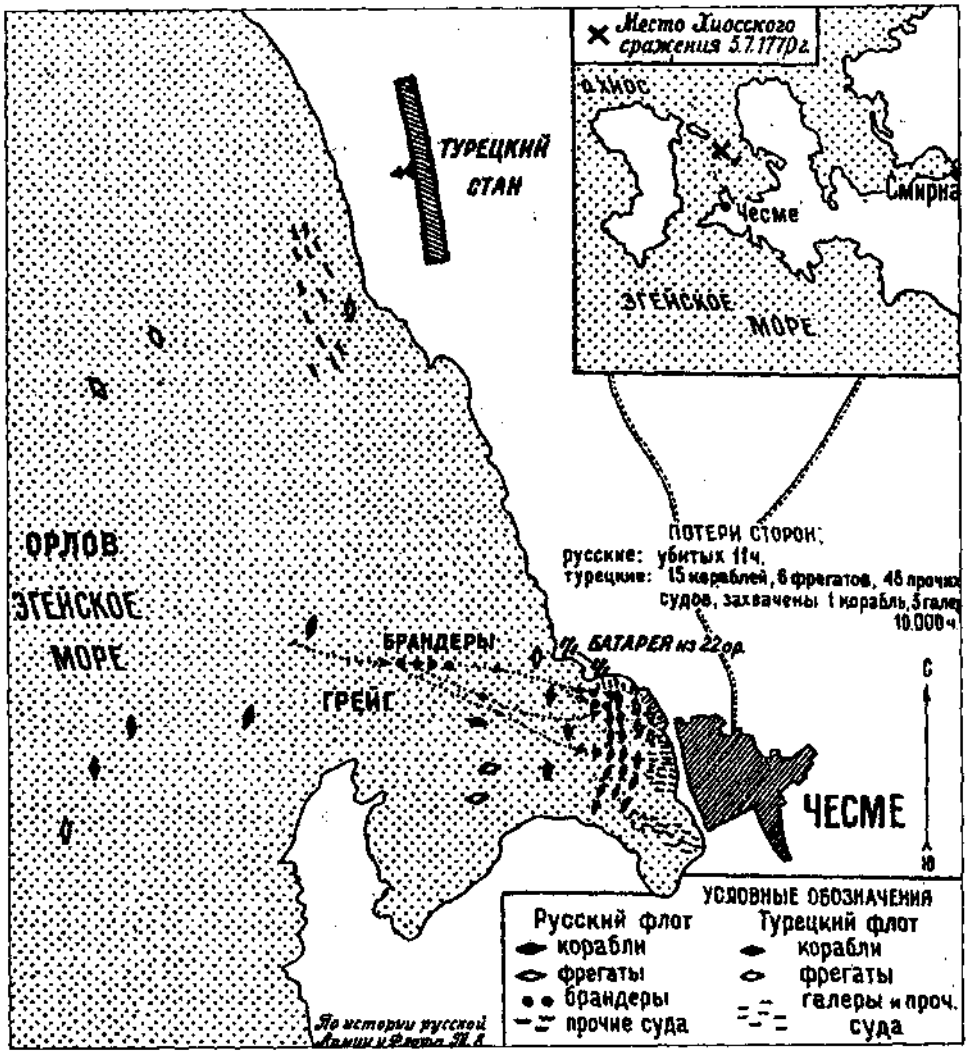
В третью колонну (арьергардию под командованием Эльфинстона) вошли корабли «Не тронь меня» (командир — капитан 1 ранга Бешенцов), «Святослав» (командир —капитан 1 ранга Роксбург) и «Саратов» (командир — капитан 2 ранга Поливанов). С третьей колонной должны были держаться, «действуя по обстоятельствам», фрегаты «Надежда Благополучия» и «Африка».

К рассвету 25 июня суда объединенной эскадры заняли места, отведенные им в колоннах.

В начале восьмого часа на мачтовых фалах «Трех Иерархов» взвился сигнал: «Гнать на неприятеля!»

За передовым кораблем «Европа» (капитан Клокачев) шел Спиридов на корабле «Св. Евстафий». «Европа», подойдя к ближайшим кораблям неприятельской линии на дистанцию около кабельтова, привела к ветру на левый галс и открыла огонь. Но вскоре, по настоянию лоцмана, объявившего, что курс ведет на камни, Клокачев должен был поворотить на правый галс и выйти из линии. Тогда на «Св. Евстафий» сосредоточились выстрелы трех турецких кораблей, из которых самый большой и ближайший был корабль главнокомандующего « Реал-Мустафа».

Адмирал Спиридов был так рассержен, что не удержался и закричал коман-



Сражение у Чесмы 26—27 июня 1770 г.

диру «Европы» Клокачеву: «Поздравляю вас матросом», то есть на глазах у всей эскадры обвинил его в трусости и грозил разжаловать. Фактически же капитан Клокачев далеко не был трусом и во время дальнейшего развития боя блестяще доказал это.

Место «Европы» было занято кораблями «Св. Евстафий» и «Три Святителя». Последний скоро получил настолько серьезные повреждения парусов, что не мог держаться в строю и навалился на линию противника. Сразу же его место было занято кораблем «Св. Иануарий», вслед за ним шел корабль «Три Иерарха».

В 12 часов 30 минут бой был в полном разгаре. Корабль «Три Святителя» подогнем противника, благодаря самоотвер-

женной работе личного состава исправил свои повреждения и снова вышел в линию четвертым кораблем. За ним вошел в строй «Ростислав», а затем «Европа». Находившиеся же в арьергарде три корабля Эльфинстона успел подойти только к концу сражения.

Ветер совсем стих. В центре сражения оказался «Св. Евстафий», подошедший к турецкому флагманскому кораблю на ружейный выстрел и все более и более сближавшийся с неприятелем. Спиридов с обнаженной шпагой ходил по юту. Поставленным тут же музыкантам приказано было «играть до последнего». Сражающиеся корабли медленно сближались. На «Св. Евстафий» перебитый такелаж и рангоут, поврежденные паруса и множество убитых и раненых не представляли возможности отойти от противника, с которым перестреливались уже из ружей и пистолетов. Наконец корабли свалились в абордаже, и начался отчаянный рукопашный бой, во время которого загорелся турецкий корабль, и его грот-мачта, охваченная огнем, упала поперек «Св. Евстафия». Искры посыпались в открытую крюйт-камеру, и «Св. Евстафий», а вслед за ним и флагманский турецкий корабль взлетели на воздух.

Еще до взрыва адмирал Спиридов и граф Федор Орлов на шлюпке перебрались на корабль «Три Святителя». Это решение адмирала было, безусловно, правильным — командующий эскадрой не мог оставаться на аварийном корабле.

Из всего экипажа «Св. Евстафия» спаслось, кроме Круза, не более шестидесяти человек, погибло же около шестисот сорока.

Количество погибших турецких моряков осталось неизвестным. Противнику было не до спасения экипажа «Реал-Мустафы». Двойной взрыв и гибель флагманского корабля настолько деморализовали команды неприятельских судов, что флот перестал повиноваться Гассан-паше. В подчинении у турецкого флагмана оказался лишь 100-пушечный корабль «Капудан-паша» и две каравеллы, которые еще продолжали артиллерийскую дуэль с кораблями русского авангарда и кордебаталии, обстреливая преимущественно «Трех Святителей» и «Трех Иерархов». Остальные суда турецкого флота в беспорядке покинули боевую линию и кто как мог торопились уйти в Чесменскую бухту.

Стойкости у Гассан-паши хватило ненадолго. В половине второго последние корабли противника вышли из боя и укрылись в Чесменской бухте. (В античные времена Чесма именовалась Эфесом.)

За исключением «Св. Евстафия» потери наши были весьма незначительны. Больше других пострадал корабль «Три Святителя»: из-за перебитых брасов его снесло в середину турецкого флота, где в дыму кроме неприятельского огня он попал под выстрелы нашего флагманского корабля «Три Иерарха». Корабль «Три Святителя» получил несколько пробоин в корпусе, рангоут и такелаж его были перебиты ядрами, и потеря людей убитыми и ранеными достигала 30 человек, тогда как на остальных судах она не превышала 12.

На следующий день (25 июня) корабли «Святослав» и «Три Иерарха», а также пакетбот «Почталион» вели перестрелку с турками у входа в бухту. Стрельба велась с больших дистанций и не причинила особого вреда ни одной из сторон.

Тем временем Алексей Орлов собрал военный совет, на котором было решено использовать против турок брандеры. В брандеры решили обратить четыре греческих корсарских судна. Снаряжение этих судов зажигательными веществами было поручено бригадиру Ганнибалу.

Командирами брандеров решено было назначить «охотников» (добровольцев) из артиллерийских офицеров. Среди таковых были отобраны капитан-лейтенант Дугдэль, лейтенанты Ильин и Мекензи, мичман Гагарин.

В тот же день, 25 июня, Орлов издал приказ, где было сказано: «Всем видимо расположение турецкого флота, который после вчерашнего сражения пришел здесь в Анатолии к своему городу Эфесу (по голландской карте Чесме), стоя у оного в бухте от нас на юго-восток в тесном и непорядочном стоянии, что некоторые корабли носами к нам на северо-запад, а 4 корабля к нам боками и на северо-восток, прочие в тесноте к берегу как бы в куче. Всех же впереди мы считаем кораблей 14, фрегатов 2, пинков 6. Наше же дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь в Архипелаге не можем мы к дальнейшим победам иметь свободные руки, и для того по общему совету положено и определяется к наступающей ныне ночи приготовиться, а около полуночи и приступить к точному исполнению, а именно: приготовленные 4 брандерные судна... да корабли "Европа"," Ростислав"," Не тронь меня", "Саратов", фрегаты "Надежда" и "Африка"... около полуночи подойти к турецкому флоту и в таком расстоянии, чтобы выстрелы могли быть действительны не только с нижнего дека, но и с верхнего...»

Турецкий флот представлял собой идеальный объект для атаки брандерами. Дело в том, что ширина Чесменской бухты у входа около 750 м, а длина ее не превышает 800 м. Турецкий флот стоял скученно в глубине бухты, и если вспомнить, что длина корабля была около 50—58 м, то можно себе представить, как плотно стояли турецкие корабли по ширине бухты.

Воспользовавшись полнолунием, русские корабли начали атаку в полночь с 15 на 16 июня. Первые полчаса вела огонь одна «Европа», но к часу ночи огонь открыли все русские корабли.

Где-то в половине второго ночи выстрелом из мортиры был подожжен первый турецкий корабль. С.К. Грейг писал: «В это время каркас, брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей; так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и по такелажу; грот-стеньга скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем».

В этот момент с « Ростислава» были запущены две ракеты — сигнал брандерам начинать атаку. Первым двинулся брандер капитан-лейтенанта Дугдэля. Но он не успел пройти и половину расстояния, разделявшего русские корабли и противника, как был перехвачен двумя турецкими галерами. Дугдэль приказал экипажу прыгать в лодку, шедшую на буксире за брандером, а сам поджег его. Брандер был мгновенно объят пламенем. Но турецкие галеры быстро отошли от него.

Вторым предпринял атаку брандер под командованием лейтенанта Мекензи. Ему удалось достичь первой линии неприятельских судов, но его из-за неудачного маневра прижало к борту уже горевшего турецкого корабля, на который попали пылавшие обломки рангоута соседнего судна. И все же команда брандера успела покинуть его и благополучно возвратиться к месту якорной стоянки судов объединенной эскадры.

Где-то в 1 час 35 минут — 1 час 50 минут ночи в атаку вышел третий брандер под командованием лейтенанта Ильина. Неудача, постигшая Дугдэля и Макензи, так подействовала на Грейга, что он не удержался и крикнул Ильину, когда тот вел свой брандер мимо «Ростислава»: «Ни под каким видом не зажигайте, пока не сцепитесь с неприятелем!» Лейтенант Ильин блистательно выполнил эту задачу: он подошел к головному турецкому кораблю борт о борт, схватился с ним, зажег брандер и, отъехав на шлюпке, еще остановился посмотреть, каково будет действие.

Справедливости ради следует сказать, что к началу атаки третьего брандера уже горела половина турецкого флота. Огонь с такелажа, рангоута и парусов корабля, подожженного «Громом», попал на соседние два корабля, а те, в свою очередь, распространили пожар далее.

Четвертый брандер мичмана Гагарина сцепился с уже горевшим турецким кораблем. Вскоре корабль, зажженный Ильиным, взорвался, разметав пылающие обломки на палубы стоявших рядом кораблей.

К трем часам ночи пожар на турецких кораблях сделался всеобщим. Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех кораблях, которые еще не загорелись. Грейг писал: «Легче вообразить, чем описать, ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем: целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но немного из них спаслось». Огонь с наших судов в это время по приказанию Грейга был прекращен.

В 4 часа Грейг, видя, что два наветренных турецких корабля, фланкировавшие линию турецких кораблей с севера, целы, отрядил присланные с эскадры гребные суда под командованием капитан-лейтенанта Ф.П. Булгакова для вывода их из бухты. Уже оба корабля были на буксирах шлюпок, но на один из них попали обломки взорвавшегося корабля, бывшего рядом. Этот корабль сам загорелся, был брошен и затем взорвался. Другой же корабль (60-пушечный «Родос») был выве-

ден из бухты и доставлен победителям. Кроме того, гребные суда успели вывести пять больших турецких галер.

К утру у турок сгорело четырнадцать кораблей, шесть фрегатов и до пятидесяти малых судов.

Потери русских были весьма малы: на корабле «Европа» было 3 убитых и 6 раненых, в корпусе 14 пробоин, из них 7 подводных; на корабле «Не тронь меня» 3 раненых; на корабле «Ростислав» не было ни убитых, ни раненых, но перебито несколько рангоутов, парусов, снастей, да одно 18-дюймовое каменное ядро пробило обшивку и застряло в ней. На других судах потерь и повреждений вообще не было.

Утром 27 июня Алексей Орлов отдал приказ собирать раненых турок для «перевязывания ран и подаяния возможной помощи». Большую часть пленных Орлов позже велел отпустить, лишь 86 знатных алжирцев были отправлены им на Мальту. В письме к великому магистру Пинто Орлов предложил обменять их на мальтийцев, захваченных ранее алжирскими пиратами. Пинто был столь обрадован, что предложил русскому послу маркизу Кавалькабо отремонтировать на Мальте русский корабль «Ростислав». Позже, уже летом 1772 г., на Мальте был отремонтирован сильно поврежденный корабль «Саратов».

Возвращение же турецким властям пленных турецких моряков объясняется вовсе не «исключительно гуманным отношением к пленным» Алексея Орлова, как это хочет доказать Л. П. Полушкин в книге «Братья Орловы»[107]. Во-первых, пленных турок попросту было негде содержать, а учинить избиение пленных, как это сделал через 28 лет генерал Бонапарт у Яффы, граф не решился. Во-вторых, узнав о гибели своего флота, мусульмане города Смирна[108], расположенного в 70 верстах от Чесмы, устроили резню христиан. Русских там, естественно, не было, поэтому резали коренное население — греков, ведь до прихода турок Смирна была греческим городом, а также европейских купцов. Надо ли говорить, что убийство англичан и французов могло осложнить отношения этих держав с Россией. Орлов получил письмо от европейских консулов в Смирне, где говорилось, что народ и войско в Смирне, приведенные в бешенство и отчаяние вестью о чесменском деле, бросились на греков и перебили их множество; два европейца были также убиты. Возмущение это навело ужас на всех европейцев; большая часть франков искала убежища на кораблях, остальные заперлись в своих домах, торговля прекратилась. «Эта грозная крайность, — писали далее консулы, — побудила нас уполномочить и послать к вашему сиятельству депутатов с изъяснением такого опаснейшего нашего состояния и с просьбою не обращать победоносное оружие ее императорского величества на этот торговый город, на который должно смотреть не как на неприятельское место, а скорее как на колонию, основанную разными нейтральными государствами; разрушать их торговлю и приносить их подданных в

жертву великая российская императрица, конечно, не пожелает. Городовое управление ожидает освобождения и тех пленных, которые ваше сиятельство еще удержали у себя».

Граф ответил немедленно: «Как скоро я услышал о возмущении, приключившемся в Смирне, отложил намерение идти на оный город для сей одной причины, чтоб приближение нашего флота не распространило более еще распутства и беспорядков. Для сего я тотчас освободил янычар-агу со многими другими турками и поручил ему объявить правительству города вашего, чтоб как возможно скорее прекратить тамо своевольное убийство и особливо, чтобы в безопасность привести ваши особы. Я также весьма рад был бы согласиться на все то, что вы от меня требуете, если б не препятствовали тому разные причины: могу ли я безо всякого с другой стороны договорного со мною согласия ответствовать за то, на что неизвестные обстоятельства впредь меня побудят? Что же вы хотите меня уверить против принятых всеми понятий, что город Смирну должно почитать больше селением, основанным разными европейскими народами, нежели местом неприятельским, сие мне кажется непонятно. Сему вашему правилу последуя, должно бы мне и самый Царьград почитать таковым же, а по нем и все прочие приморские города, под владением турецким находящиеся, в которых есть несколько жительств народов европейских. Что касается торговли, будьте совершенно уверены: доколе флаг ее императорского величества будет в сих морях владычествовать, вы должны совершенно надеяться на защищение ее, чему вы уже ясно видели доказательства, лишь бы только в торговле сей ничего противного не было законам войны».

Екатерина была в восторге от Чесменской победы. Она писала графу П.А. Румянцеву: «Ничего знаменитее, кажется, в той стороне быть не может. Дивен Бог в чудесах своих!» Граф Алексей Орлов получил орден Св. Георгия I степени и титул Чесменского; адмирал Г.А. Спиридов — орден Св. Андрея Первозванного; капитан-бригадир С.К. Грейг — орден Св. Георгия II степени и чин контр-адмирала.

Екатерина написала о победе Вольтеру, в письме говорилось: «Что касается до взятия Константинополя, то я не считаю его столь близким, однако, в этом мире, говорят, не нужно отчаиваться ни в чем. Я начинаю верить, что это зависит более от Мустафы, чем от всякого другого... если он будет по-прежнему упорствовать, то непременно доведет свою империю до больших бед. Он забыл свою роль, он зачинщик».

Как обычно бывает: поражение становится сиротой, а победа имеет множество отцов. Лавры победы при Чесме наши историки не могут поделить до сих пор. Екатерина попыталась всему свету доказать, что главный герой Чесмы — брат ее фаворита и, скорей всего, тоже фаворит Алексей Орлов. Адмирал Эльфинстон приписывал все заслуги себе, поскольку Орлов действительно ничего не смыслил в морском деле. Аналогично высказывался и адмирал Самуил Карлович Грейг.

Наконец, князь Юрий Владимирович Долгоруков наводнил Россию мемуарами, где доказывал, что именно он убедил Орлова «искать турецкого флота и его атаковать». «Мыс Грейгом решительно сказали», что нужно атаковать. Это «мы с Грейгом» — любимая формула князя Долгорукова. И еще: «Тут опять Грейг со мной посоветовался, как турецкий флот истребить» и т.п. Долгоруков писал: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просил, чтобы я взял команду над кораблем "Ростислав"». Дело дошло до того, что в «Военной энциклопедии»[109] сказано, что Долгоруков «настоял, чтоб флот наш искал турецкий и атаковал его... Перед Чесменским боем Долгоруков принял командование кораблем "Ростислав" и, командуя им, содействовал уничтожению турецкого флота».

На самом деле Ю.В. Долгоруков никогда и рыбацкой лодкой не командовал, да и не мог этого делать. В 1749 г. девятнадцатилетний недоросль стал унтерофицером (обычно у нас и в Европе дворяне шли служить с 12—15 лет). К моменту убийства Петра III он был капитаном. Далее Екатерина чуть ли не ежегодно производила его в чин, в 1762 г. Долгоруков стал полковником, а через 3 года — генерал-майором. О его Черногорских похождениях мы уже знаем. Командовал же «Ростиславом» в 1769—1771 гг. В.Ф.Лупандин, который получил за Чесму Георгиевский крест.

Что же касается «флотоводца» Ю.В. Долгорукова, то он после Чесмы счел за лучшее отправиться в армию Румянцева на Дунай, где в следующем году получил чин генерал-поручика, а в 1774 г. стал генерал-аншефом.

В советское время, особенно после 1945 г., все лавры победителя достались адмиралу Спиридову. Екатерининские фавориты и иностранцы тогда не котировались. И вот уже в послеперестроечное время В.Д.Доценко в книге «Мифы и легенды Российского флота»[110] утверждает, что главным героем Чесмы был С.К. Грейг.

По мнению же автора, подлинным командующим русским флотом был адмирал Спиридов. Другой вопрос, что он являлся исполнителем стратегических задач, поставленных Екатериной II и Алексеем Орловым.

В заключение стоит сказать несколько слов о судьбе трофейного корабля «Родос». Вместе с русской эскадрой он ушел из Чесменской бухты к острову Лемнос. Вместо того чтобы использовать ценный боевой корабль в Архипелаге, Орлов решил устроить комедию и отослать «Родос» в Петербург на потеху петербургской знати, да и показать трофей Европе.

Нелепая затея кончилась печально 22 октября 1770 г. «Родос» вышел из Аузы в Порт-Магон на Менорке. Но уже 31 октября в шторм у мыса Матапан на корабле открылась сильная течь. Его командир А.И. Круз решил пойти к берегу. 5 ноября корабль сел на камни в бухте Мезата. На берегу собралась толпа «вооруженных туземцев», которые пытались захватить «Родос». Круз отправил шлюпки к острову Цериго за помощью. Но она пришла лишь через 16 дней, а за это вре-

мя на корабле «от изнурения» умерло 2 офицера и 19 матросов. На гребных судах экипажи переправили на остов Цери¬го, а «Родос» был сожжен, дабы не достался неприятелю.

Адмиралтейств-коллегией Круз был признан невиновным, но отказался более служить в Архипелаге и по прибытии в Россию получил отпуск на год с сохранением содержания.

Глава 3

Как граф Орлов основал Островную губернию

Еще 28 июня 1770 г., исправив повреждения, полученные в сражении, русские корабли покинули Чесменскую бухту. 1 июля отряд под командованием контр-адмирала Эльфинстона в составе кораблей «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегатов «Надежда» и «Африка», пинка «Св. Павел» и трех транспортов пошел к Дарданеллам для установления блокады.

7 июля отряд адмирала Спиридова в составе кораблей «Европа», «Три Святителя», «Св. Иануарий» и фрегата «Св. Николай» двинулись в крейсерство по Архипелагу.

Отряд контр-адмирала Елманова в составе фрегата «Надежда Благополучия», пинков «Венера», «Сатурн» и «Соломба¬ла» стоял с июня по октябрь 1770 г. в Порт-Магоне. Там же был организован госпиталь для наших больных и раненых моряков.

Сам Алексей Орлов с кораблями «Три Иерарха» и «Ростислав», бомбардирским кораблем «Гром», фрегатами «Победа», «Слава» и «Парос», а также пакетботом «Почталион» 12 июля пошел к острову Лемнос. 14 июля отряд Орлова по пути осмотрел берега острова Самотраки и двинулся далее к Лемносу. На следующий день отряд Орлова подошел к острову Лемносу, где уже стоял корабль «Три Святителя» из отряда адмирала Спиридова. Орлов хотел захватить остров Лемнос и в бухте Пелари устроить главную базу «Архипелажной» эскадры. Для этого в первую очередь следовало овладеть крепостью Пелари. У Орлова сил и так было более чем достаточно, но он тянул 5 дней, находясь вблизи Пелари и дожидаясь подхода судов из отряда Спиридова. Наконец 19 июля подошли суда отряда Спиридова, за исключением корабля «Св. Иануарий», пришедшего к Лемносу 23 июля.

20 июля русские высадили десант на Лемнос и осадили крепость Пелари.

Между тем контр-адмирал Эльфин¬стон с эскадрой, преследуя турецкие суда, 14 июля вошел в пролив, стад на якорь посреди него и демонстративно под огнем батарей с обоих берегов приказал

играть музыкантам и бить в литавры и барабаны. Сам же адмирал сел с офицерами пить чай на палубе. При этом русские корабли не отвечали туркам ни единым выстрелом. В Константинополе эта демонстрация произвела удручающее впечатление. Зато Орлов пришел в ярость и вместо приказа о штурме Дарданелл написал Екатерине донос на Эльфинстона.

В результате Эльфинстону пришлось ограничиться блокадой Дарданелл: кораблем «Не тронь меня» — между Имбро и Румелией; кораблем «Саратов» и фрегатом «Африка» — между Тенедосом и Анатолией; кораблем «Святослав» и фрегатом «Надежда» — между Имбро и Тенедосом.

Блокада пролива была достаточно эффективна. 19 августа фрегат «Африка» отконвоировал к Лемносу целую флотилию захваченных торговых судов. 29 августа «Африка» вернулась к Дарданеллам.

Между тем на Лемносе осада крепости Пелари шла весьма удачно, и турки начали переговоры о капитуляции. 21 августа к острову пришел фрегат «Св. Павел», купленный накануне в Ливорно. Фрегат понравился командующему, и 27 августа Орлов перенес свой кайзер-флаг с корабля «Три Иерарха» на «Св. Павел».

Графу Орлову пришла в голову дурацкая мысль вызвать к себе «на ковер» Эльфинстона, как будто нельзя было письменно снестись с адмиралом, занятым блокадой Дарданелл. А тот был тоже не прост и 5 сентября отправился к командующему не на легком судне, которых у него хватало (плыть-то было всего 50 миль по спокойному теплому морю), а на самом сильном корабле «Святослав».

Утром 6 сентября «Святослав» сел на камни у юго-восточной оконечности Лемноса. На корабле открылась сильная течь. Эльфинстон приказал срубить все мачты и выбросить часть тяжестей за борт, но это не помогло снять «Святослава» с камней. На следующий день на помощь флагману подошли суда его эскадры: корабль «Не тронь меня», фрегат «Надежда» и пинк «Св. Павел». 9 сентября Эльфинстон перенес свой флаг на корабль «Не тронь меня», туда же начали свозить и команду «Святослава».

По приказу Орлова к «Святославу» стянулась чуть ли не треть русской Архипелагской эскадры. Так, 12 сентября к «Святославу» подошли шесть греческих корсарских судов. 12—13 сентября от Дарданелл ушли последние остатки эскадры Эльфинстона — фрегат «Африка» и корабль «Саратов».

Теперь блокада Дарданелл была полностью снята. Этим не преминули воспользоваться турки. Алжирский адмирал Хасан набрал из религиозных фанатиков Стамбула 4 тысячи головорезов, вооруженных лишь саблями и пистолетами. Их посадили в гребные суда и скрытно высадили на Лемносе. Воинство Хасана незаметно подошло к позициям русских, осаждавших Пелари, и устроило резню. 26 сентября остатки русских войск были эвакуированы на суда. А на следующий день по приказу Орлова был сожжен стоявший на камнях «Святослав». Понятно,

что в иной ситуации корабль можно было спасти. Алжирца же Хасана султан наградил чином капудан-паши.

Непосредственным виновником аварии «Святослава» был английский лоцман Гордон. Но Орлов со Спиридовым пожелали все свалить на Эльфинстона. Кроме того, Эльфинстона обвинили в том, что он-де ослабил блокаду Дарданелл, благодаря чему «турки успели перевезти на Лемнос значительные силы, заставившие Орлова прекратить осаду крепости и удалиться с Лемноса».

По приказу Орлова Эльфинстон был с первой же оказией отправлен в Россию, а корабли его эскадры включены в состав эскадры (отряда) Спиридова.

Ряд наших военно-морских теоретиков рассматривают попытку захвата Лемноса лишь как возможность получить базу для флота для «ближней блокады» Дарданелл. По моему же мнению, захват Лемноса был частью плана по прорыву русской эскадры в Дарданеллы. Те же теоретики считают, что при «ближней блокаде» Дарданелл, осуществленной кораблями, базировавшимися на Лемносе, можно было полностью парализовать снабжение Константинополя морским путем, заставить турок заключить мир и т.д. На мой же взгляд, создание военно-морской базы русского флота на острове Лемнос было бы опасно для русских. Остров довольно большой — 480 кв. км, наряду с греками там проживало и турецкое население, хотя преобладало греческое. До проливов было около 60 верст, но до ближайшего острова Имбро — всего 20. Турки могли в ночное время или при безветрии на гребных судах высадить большой десант на Лемнос, и русским пришлось бы плохо. Для ближней блокады Дарданелл нужен был сильный русский гарнизон не только на Лемносе, но и на ближайших островах — Имбро, Самотраки и других. А достаточных сухопутных сил, как уже говорилось, у Орлова не было.

Итак, попытка прорыва русского флота в Проливы провалилась. Надвигалась зима — холода и шторма. О захвате какого-либо порта на материковой Греции нечего было даже и думать. Оставалось захватить какой-нибудь остров.

Кто предложил выбрать остров Парос главной базой русского флота — неизвестно. Во всяком случае, стратегически он выбран удачно. Парос принадлежит к Кикладским островам (южная часть Эгейского моря) и находится в центре их. Таким образом, владея Паросом, можно легко контролировать Эгейское море и подступы к проливу Дарданеллы, до которого около 350 км. До ближайшей точки полуострова Малая Азия от Пароса 170 км, и туркам высадить десант с материка на остров невозможно, не обеспечив себе господства на море.

15 октября 1770 г. эскадра графа Алексея Орлова в составе кораблей «Три Иерарха», «Ростислав», «Родос», бомбардирского корабля «Гром», фрегатов «Слава», «Победа» и «Св. Павел» прибыла к острову Парос.

24 ноября к Паросу пришли фрегат «Надежда Благополучия» и пинк «Са-

турн». К 4 декабря там собрались почти все суда Архипелагской эскадры.

В течение нескольких месяцев конца 1770 и начала 1771 г. 27 населенных островов Эгейского моря были заняты русскими или добровольно перешли на их сторону, причем население островов обращалось к командованию эскадры с просьбой принять их в подданство Екатерины II. Фактически в Эгейском море вокруг Пароса образовалась губерния Российской империи.

Несколько слов стоит сказать о самом Паросе. В различные периоды истории его называли Пактия, Миноксо и Ирия. Площадь острова составляет 196 кв. км, длина побережья около 60 км, а максимальная длина острова около 25 км. Для сравнения, площадь Мальты 220 кв. км. На острове преобладают каменистые породы, известняки, много мрамора, за что греки называли Парос Белым островом.

Парос имеет две большие бухты, удобные для стоянки кораблей. На северном берегу расположена бухта Ауза (Наусса). Ширина входа в нее 800 саженей (1707 м), длина бухты 2700 саженей (5762 м). На юго-восточной стороне острова три небольших островка образуют с Паросом большой рейд Порто-Трио. Интересно, что вода, пригодная для питья, была обнаружена русскими именно у этих двух бухт. В прочих местах острова вода «нечиста и нездорова». В Аузе русские сделали водохранилище и провели водопровод.

На Кикладских островах и в том числе на Паросе постоянные поселения были уже в третьем тысячелетии до нашей эры. В истории есть даже термин «Кикладские идолы», то есть статуэтки XXIV—XV веков до н.э. В античные времена Парос был известен как родина Архилоха (VII в. до н.э.), основоположника ямбической поэзии.

В XIV—XVII вв. Парос несколько раз переходил от византийцев к венецианцам и туркам. На юге острова до сих пор существуют остатки венецианской крепости Сунгон, разрушенной турками в XVII в.

Подобно ряду других островов Архипелага, в XVII в. и в начале XVIII века Парос был пристанищем пиратов. Уже упомянутый Робертс писал, что только пираты знали секрет входа в бухту, прегражденного большим подводным рифом и старой затопленной насыпью. Между двумя соседними островами — Парос и Антипарос — пираты умудрились построить подводную стену с несколькими узкими проходами, также державшимися ими в строжайшей тайне.

К моменту захвата русскими на Паросе проживало 5 тысяч человек, в подавляющем большинстве православные греки. Они занимались хлебопашеством, виноградарством и овцеводством. Население острова влачило нищенское существование.

Турецких властей на острове не было, и греки радостно приветствовали наши корабли. Русские моряки использовали обе бухты острова — Аузу и Трио, где были оборудованы стоянки кораблей. Но столицей «губернии» стал город Ауза, по-

строенный русскими на левом берегу одноименной бухты.

Первым делом бухта была укреплена, на ее левом берегу построили два редута с каменными брустверами на девять и восемь 30- и 24-фунтовых пушек. На островке у входа в бухту расположили 10-орудийную батарею. Соответственно, была укреплена и бухта Трио.

На левом берегу бухты Ауза возвели здание Адмиралтейства. Да, да! Российского Адмиралтейства! Балтийский флот имел Адмиралтейство в Петербурге, на Черном море Адмиралтейства вообще не было, как не было и флота, а вот на Средиземном море возникло Адмиралтейство для нашего Архипелагского флота. В Аузу из Петербурга были выписаны десятки корабельных мастеров, включая знаменитого А.С. Касатонова, который позже стал главным инспектором кораблестроения. 3 июля 1772 г. адмирал Спиридов выдал Касатонову премию 50 червонцев с объявлением в приказе.

Корабли в Аузе не строили, да и нужды в этом не было, но ремонтировали корабли всех рангов. Зато строили в большом числе малые парусные и разнообразные гребные суда.

Адмиралтейство было видно в море издалека благодаря высокой сигнальной мачте. Рядом с Адмиралтейством выстроились многочисленные флотские магазины (склады), а подальше располагались пороховые склады. Ну, и как у нас в России, первыми строились особняки из мрамора для местного начальства — контр-адмирала Борисова, бригадира Ганнибала и др.

Аузу заполнили различные административные здания, пекарни, прядильни, казармы матросов. Замечу, что сухопутные войска по каким-то объективным, а скорее субъективным соображениям дислоцировались вне города. Так, казармы Шлиссельбургского пехотного полка располагались на правом берегу бухты Ауза. Чуть дальше находились лагеря греков, славян и албанцев. В глубине острова располагался лагерь лейб-гвардии Преображенского полка.

Между тем на Средиземное море с Балтики прибыло пополнение. 15 июля 1770 г. из Ревеля вышла 3-я Архипелагская эскадра в составе новых 66-пушечных кораблей «Всеволод» и «Св. Георгий Победоносец», а также нового 54-пушечного корабля «Азия». Эскадра конвоировала зафрахтованные британские суда, которые везли в Архипелаг оружие и провиант. Кроме того, на борту этих судов было 523 гвардейца Преображенского полка и 2167 человек пехоты других полков. Командовал эскадрой контр-адмирал Иван Николаевич Арф, приглашенный Екатериной II в 1770 г. из королевского датского флота. Вместе с ним на корабли эскадры было принято несколько десятков датских офицеров и матросов.

В Англии к эскадре присоединился 40-пушечный фрегат «Северный Орел», купленный в Лондоне, с командой с проданного одноименного корабля.

Эскадра Арфа шла по проторенному 1-й Архипелагской эскадрой маршруту: Англия — Менорка.

19 октября эскадра контр-адмирала Арфа в составе кораблей «Всеволод», «Азия» и «Св. Георгий», фрегата «Северный Орел» и шестнадцати транспортов прибыла в Порт-Магон. Корабль «Всеволод», пинки «Венера» и «Соломбала» и три транспорта остались зимовать в Порт-Магоне. А остальные суда эскадры Арфа 25 декабря прибыли в российскую военно-морскую базу Ауза.

Плавать в Архипелаге контр-адмиралу Арфу пришлось совсем недолго. Он не поладил с Орловым, и 15 июля 1771 г. граф предложил Арфу отправиться в Петербург Вместе с контр-адмиралом изъявило желание вернуться в отечество большинство офицеров и матросов датчан с его эскадры. Уведомляя об этом императрицу в своем донесении от 16 июля 1771 г Орлов просил ее как особой милости, чтобы в случае отправления новой эскадры из России составить ее из российских матросов, офицеров и командиров, «ибо от своих однозем¬цев не токмо с лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего от них долгусердия и любви к отечеству требуют, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей довольно уже усмотрено между российскими людьми и иностранными великое различие, а притом и неразумение иностранного языка делает невинное несогласие и затруднение».

Контр-адмирал Арф прибыл в Петербург в январе 1772 г. А 31 марта того же года он был уволен Высочайшим указом со службы в Российском флоте, с пожалованием ему единовременной награды в 5 тысяч рублей.

Но вернемся к делам архипелажным. С января 1771 г. стали пользоваться еще одной базой на острове Миконо (в настоящее время Миконос), расположенном примерно в 35 км к северо-востоку от Пароса. 16 января туда прибыл фрегат «Надежда Благополучия», а 21 января — корабли «Азия» и «Св. Георгий». С этого времени остров Миконо стал вторым по значению пунктом базирования русского флота в Архипелаге после Пароса.

Губерния из 27 островов должна была обеспечивать флот численностью до 50 вымпелов и несколько пехотных полков. Поэтому острова были обложены податью (10-процентным налогом) на хлеб, вино, строевой лес и т.д. Определенная доля налога взималась деньгами. Кроме того, часть этих товаров покупалась русскими властями, но установить пропорцию между оплачиваемыми товарами и собираемыми налогами автору не удалось.

Например, на острове Парос не было леса, поэтому строевой лес доставляли с островов Имбо и Тассо. Замечу, что Имбо находится всего в 17 милях от Дарданелл, и там располагалась передовая база русского флота. В Екатерининской бухте стояли корабли и суда, блокировавшие Дарданеллы. На Имбо жило 3 тысячи греков под управлением епископа, онито и поставляли лес русским. Остров Тассо имеет 30 миль в окружности. На нем жили 4 тысячи православных греков, ими также управлял епископ.

Замечу, что и на других островах епископы, как православные, так и католики, охотно сотрудничали с русскими власти-

ми и исполняли как бы роль городничих в островной губернии. Так, например, на острове Наксия[111] в 4 милях к востоку от Пароса, окружностью 60 миль, жило 6 тысяч греков, как православных, так и католиков, и у каждой общины был свой епископ. С Наксии русские власти получали хлеб, вино, дровяной лес и хлопчатобумажную ткань. Русские власти учредили на острове греческую гимназию, где учились не только наксийцы, но и жители других островов. Забегая вперед, скажу, что в 1775 г. при эвакуации губернии все учащиеся гимназии (с их согласия) были вывезены в Петербург. Многие из них позже заняли важные государственные посты в России и других странах.

Понятно, что губерния все же не могла обеспечить все нужды флота и сухопутных войск. Оружие, обмундирование и продовольствие везли морем из России и Англии, но это выходило крайне дорого. Все, что желали русские, охотно продавали мальтийцы и жители вольного города Ливорно, но и там цены «кусались». Поэтому основным источником снабжения губернии стало корсарство (иначе — пиратство).

Глава 4

В флибустьерском дальнем Белом море

С приходом 1-й Архипелагской эскадры к берегам Мореи в море вышли десятки греческих пиратских судов, которые начали нападать на турецкие суда. Собственно, как уже говорилось, ничего нового в этом не было. Средиземное море и до 1769 г. кишело пиратами всех национальностей — варварийскими[112], мальтийскими и т.д. Замечу, что случаи полного уничтожения экипажа и пассажиров судна были часты, но в подавляющем большинстве случаев знатных пленников отдавали за выкуп. Притом условия торга были честными — личность посредника неприкосновенна, а с пленными хорошее обращение. Тех же, за кого выкуп явно не светил, включали в состав команд пиратских кораблей, отпускали на волю или продавали в рабство. Вообще в XVIII в. в Восточном Средиземноморье, которое турки называли Белым морем, пиратов считали в общем-то достойными людьми, занимающимися полузаконным промыслом.

Кстати, о законности. Уже в XV—XVI вв. монархи Западной Европы стали выдавать пиратам каперские свидетельства, которые позволяли им нападать на корабли неприятеля уже на законных основаниях. К середине XVIII в., согласно морским законам, капером считался корабль, который с разрешения правительства снаряжается для военных действий частным лицом и укомплектовывается

вольнонаемной командой. Слово «капер» происходит от германского «caper». У французов каперы назывались корсарами (corsaire), у англичан — приватирами (privateer). Любопытно, что в служебной переписке русские моряки и дипломаты во времена Екатерины Великой использовали все три термина — каперы, корсары и при ватеры, подразумевая одно и то же. Я же, чтобы не путать читателя, буду называть их корсарами.

Суда корсаров, кроме трех уже перечисленных терминов, назывались еще крейсерскими. Крейсеры в современном понимании этого слова в русском флоте появились 1 февраля 1892 г., когда по Высочайшему повелению состоявшие в составе флота казематные фрегаты, корветы и клипера были переклассифицированы в крейсера, а башенные фрегаты — в броненосцы береговой обороны.

Замечу, что с петровских времен и до 1892 г. в русском флоте классификация судов (фрегаты, корветы, бриги и т.д.) шла не по их размерам, водоизмещению или артиллерийскому вооружению, а по парусному вооружению. Были и исключения. Так, к примеру, бомбардирские суда отличались от других судов исключительно вооружением. Они имели орудия крупного калибра: две 5-пудовые мортиры для навесной стрельбы и две 3-пудовые гаубицы для настильной стрельбы. (До начала XX века в России гаубицы и единороги имели максимальный угол возвышения около 20°, и лишь в редких случаях — до 25°, то есть навесная стрельба из них была исключена.)

Бомбардирский корабль мог нести различное парусное вооружение — фрегата, бриг[113] и др. Точно так же и крейсерские (корсарские) суда именовали по их назначению. Они могли нести самое различное артиллерийское и парусное вооружение.

По законам XVIII в. государство не только выдавало каперам патент на ведение боевых действий, но и брало с них залог для выплаты компенсаций жертвам незаконных каперских действий. Екатерина II установила сумму залога в 20 тысяч рублей. Другой вопрос, что, видимо, его никто не платил, а матушка государыня просто соблюдала приличия. Да и откуда у нищих греков такие деньги?!

Формально корсары должны были соблюдать все обычаи морской войны и все захваченные суда (призы) доставлять в порты государства, выдавшего патент, где морской суд рассматривал правомерность захвата. Надо ли говорить, что подобные процедуры в XVIII в. выполнялись крайне редко, и даже не из-за злой воли корсаров, а просто из-за технической невозможности их реализации.

По морским законам пиратством считается «морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину, в корыстных целях и против чужой собственности»[114]. Военные суды всех национальностей были обязаны преследовать пиратские суда, а захваченных в плен пиратов судить вплоть до применения смертной казни.

Но законы законами, а не только корсары, но и военные суда в XVIII в. зани-

мались форменным пиратством, действуя не по морским законам, а с точки зрения целесообразности, то бишь «по понятиям». Особенно этого и не скрывали. Так, в XVII в. британский адмирал Дрэк Нет официально заявил: «Нет мира вне европейских вод», то есть вне этих вод не действуют законы морской войны. Замечу, что «европейскими водами» Восточное Средиземноморье ни англичане, ни французы не считали.

Общее число пиратских или корсарских судов, пусть каждый именует их по желанию, действовавших в 1770—1774 гг. было не менее 500. Все эти суда можно разделить на три категории.

В первую входили несколько судов, купленных Россией. Их владельцы, как правило, принимались на русскую службу, им присваивались офицерские чины, а вольнонаемная команда из греков, албанцев, славян и т.д. вроде бы тоже состояла на русской службе и получала жалованье. Эти суда поднимали Андреевский флаг и включались в списки судов Архипелагских эскадр. Современные историки о таких судах скромно говорят: «добровольно присоединившиеся к Архипелагской эскадре».

Во вторую категорию входили каперские (крейсерские) суда, которые считали себя российскими каперами и по мере необходимости поднимали Андреевский флаг. Периодически командование русской эскадры снабжало такие суда деньгами, оружием и продовольствием.

К третьей, самой многочисленной категории относились суда, не подчинявшиеся русским властям и не имевшие с ними зачастую никаких дел. Но опять же, при необходимости они поднимали русский Андреевский флаг. Тут справедливости ради надо заметить, что русские военные суда в Архипелаге очень часто нападали на турецкие и иные суда, вообще не поднимая флага.

Понятно, что русское командование старалось не афишировать действия греческих корсаров, и в служебных документах они упоминались крайне редко. Поэтому в истории остались названия лишь самых больших корсарских кораблей.

Рассмотрим судьбу нескольких «полурусских» фрегатов. Фрегат «Григорий» был куплен Россией в Архипелаге в конце 1770 г. Известны лишь его размеры: длина 33,9 м, ширина 8,7 м, осадка 5,1 м. Командиром первое время был неизвестный грек, ас 1771 по 1774 г. —русский, А.Б.Давыдов.

Фрегат «Парос» также был куплен в Архипелаге. Размерения его: длина 25,6 м, ширина 6,8 м, осадка 3,1м. Вооружен 10 пушками. Командовал им в 1770 г. Н.С. Скуратов, а с 1771 г. Ф.Я. Мистров.

Фрегат «Победа» куплен в Архипелаге в 1770 *г.* 16-пушечный. Командиром первоначально был грек, а с 1772 г. П. Козлятев.

Фрегат «Федор» куплен в Архипелаге в 1770 г., командир А.П. Муромцев. 17 октября 1771 г. при переходе от острова Тасо к острову Имбо на фрегате открылась сильная течь. «Федор» попытался выбро-

ситься на мель у острова Св. Евстратия, но затонул. Всему экипажу удалось спастись.

Кроме того, в Архипелаге в 1772 г. у частных владельцев были куплены фрегаты «Запасной» и «Помощный» (с 1771 до августа 1774 г. служил брандвахтой в порту Ауза). Национальный состав команд на обоих фрегатах неизвестен, но крайне маловероятно, что там были русские матросы, которых не хватало. Даже на 66-пушечных кораблях приходилось ставить матросами иностранцев.

На этом список «полурусских» судов кончается. Следующий фрегат, «Св. Николай», «в 1770 г. добровольно присоединился к 1-й Архипелагской эскадре»[115]. На самом же деле владелец судна грек А.И. Поликути привел в феврале 1770 г. свое судно на рейд Витуло, где стояла русская эскадра. Орлов формально купил судно, и оно стало числиться 26-пушечным фрегатом. Поликути получил чин лейтенанта русского флота, а его команда стала матросами русского флота. 21 февраля 1770 г. на «Св. Николае» был поднят Андреевский флаг.

Фрегат «Св. Павел» был куплен Россией в 1770 г. в Ливорно. Его размерения: длина 28,7 м, ширина7,6 м, осадка 2,2 м. Вооружение: 22 пушки. Командиром стал грек Панаиоти[116] Алексиано. На русскую службу он поступил еще в 1769 г. в Ливорно и участвовал в Чесменском сражении на корабле «Ростислав». В конце сражения Панаиоти был отправлен на шлюпке к турецкой галере, захватил ее и вывел из строя горящих кораблей. За это его произвели в лейтенанты русского флота и назначили командиром фрегата «Св. Павел».

Панаиоти Алексиано участвовал в осадах крепостей Цефало (1771) и Яффа (1772), крепостей на островах Карибода и Имбро(1774). В 1771 г. Панаиоти сжег у острова Станчо стоявшее на мели турецкое судно. В следующем году в заливе Дамиетта у берегов Египта Панаиоти потопил два турецких фрегата и много мелких судов. В 1772 г. у острова Родос он захватил турецкие трекатру, полаку и фелюгу[117] и в том же году у Яффи еще две фелюги.

В 1776 г. Панаиоти Алексиано стал командиром 66-пушечного корабля «Св. Александр Невский» на Балтике. В 1783 г. он был произведен в капитаны 1 ранга и отправлен на Черное море. В 1787 г. участвовал в бою с турками в Днепровском лимане, командуя кораблем «Св. Владимир». На этом корабле он и умер 8 июля 1787 г. уже в чине контр-адмирала.

О фрегате «Слава» и его командире корсаре графе Марке Войновиче при желании можно написать целый роман. Начнем с того, что в графы Российской империи его никто не производил. Просто появился в 1770 г. то ли серб, то ли черногорец Марк (Марко) Иванович Войнович и заявил, что он граф. Матушка Екатерина разбираться не стала — крайне нужно было пушечное мясо и, присвоив чин мичмана, определила его на 66-пушечный корабль «Св. Георгий Победоносец», отправлявшийся 30 июня

1770 г. из Ревеля в Архипелаг в составе эскадры контр-адмирала И.Н. Арфа.

В начале 1771 г. мичману Войновичу поручили командовать корсарской по¬лакрой «Ауза». Замечу, что она и в списки судов российского флота не входила. А в том же 1771 г. Войнович стал командиром 16-пушечного фрегата «Слава», купленного Россией в Архипелаге в 1770 г.

С 1771 по 1774 г. Войнович на «Славе» почти непрерывно крейсировал в море, нападая на крепости и захватывая турецкие суда. К этим его подвигам мы еще вернемся. Марк Войнович был произведен в майоры русской службы и награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1776 г. фрегат «Слава» был продан в Ливорно, а Марк Войнович отправился в Россию. На Балтике в 1777 г. бывший пират Марк стал командовать гребным фрегатом «Св. Марк». Интересно, отсутствовало ли чувство юмора у командования Балтийского флота или, наоборот, не знало меры?

В 1780 г. капитан 2 ранга Марк Войнович направился на Каспий. Там отряд из трех фрегатов, бомбардирского корабля и трех ботов направляется к южным берегам Каспийского моря и остается на зимовку в Астрбадском заливе. 15 декабря 1781 г. Войнович был захвачен в плен персидским ханом Ага-Магометом, но через 2 недели выкуплен за большую сумму. В 1782 г. Войнович с отрядом судов возвращается в Астрахань. В следующем году его производят в капитаны 1 ранга и отправляют на Черное море, где с 1785 г. он командует Севастопольской корабельной эскадрой.

В 1787 г Екатерина произвела Войновича в контр-адмиралы. Но, увы, к этому времени лихой пират превратился в тучного и осторожного чиновника, каким мы его и видим в кинофильме «Адмирал Ушаков». Это он 3 июля 1788 г., впервые увидев турецкую эскадру, обращается с вопросом к бригадиру Федору Ушакову: «Батюшка, турки идут! Что делать?»

После боя Войнович получил Св. Георгия III степени, но Потемкин потребовал убрать «героя» к известной матери... Екатерина подумала, подумала и отправила Войновича в 1790 г. на Каспий — а вдруг его персы опять украдут?! Но и персам он оказался не нужен. В результате в 1791 г. императрица вовсе уволила его со службы.

После смерти Екатерины II Марк Иванович явился к Павлу и чем-то ему понравился. В 1796 г. император произвел его в вице-адмиралы, а через 3 года — в полные адмиралы. Заслуги же старого пирата в царствование незабвенного Павла Петровича история от нас утаила.

Еще одним адмиралом стал корсар Антон Павлович Алексиано[118]. Он поступил на русскую службу в 1770 г. В 1772 г. мичман А. Алексиано назначается командиром купленного в Архипелаге 22-пушечного фрегата «Констанция» (длина 27,3 м, ширина 7,1 м, осадка 3,7 м). На нем А. Алексиано и плавал до конца войны. В ходе второй турецкой войны он командовал 40-пушечным фрегатом «Св. Иероним» на Черном море. В 1798 г. в ходе войны с Францией Алексиано командовал кораблем «Богоявле-

ние Господне» и участвовал в захвате островов Цериго, Занте и Корфу, а 29 октября того же года захватил 18-пушечную французскую шебеку. Скончался Антон Алексиано в Севастополе, находясь на службе в чине вице-адмирала.

Я не выбирал отдельных наиболее выдающихся корсаров, просто из четырех капитанов корсарских фрегатов, купленных в казну, три стали адмиралами русского флота. А зря такие чины у нас безродным иностранцам не давали.

Храбрые корсары, делавшие головокружительную карьеру в русском флоте, были не только греки. Вот, к примеру, некий «мальтийский кавалер» граф Мазини[119] в начале 1770 г. на собственные деньги плавал в Архипелаге. «За выдающиеся заслуги» 4 декабря 1772 г. Екатерина 11 пожаловала графа в контр-адмиралы «сверх комплекта». После войны контр-адмиралу Мазини было предложено отправиться в Кронштадт, но он заявил, что там для него слишком холодно. Императрица дала отставку Мазини с выплатой адмиральского жалованья пожизненно.

Греческие корсары, действовавшие в Архипелаге, делились с русским командованием не только добычей, но и захваченными кораблями. По просьбе Орлова самые большие и быстроходные турецкие суда доставлялись в Аузу, где их переделывали во фрегаты.

Таким образом, в 1770—1772 гг. в строй русских эскадр были введены фрегаты «Архипелаг», «Делос», «Зея», «Мило», «Накция», «Тино», «Андро», «Миконо», «Минерва» и «Санторин». Правда, часть из них оказалась негодной для боевых действий и числилась в составе эскадры только на бумаге. Те же «Мило», «Андро» и «Миконо», переоборудованные в Аузе во фрегаты в 1771 г., простояли там без дела более года, а затем в 1772 г. были разобраны на дрова. Зато другие активно действовали в Архипелаге, а потом еще лет 10 плавали на Черном море.

Весьма любопытный приз вручили корсары Алексею Орлову осенью 1770 г. Лихие пираты захватили у самого малоазиатского берега турецкое судно, на борту которого оказалась семнадцатилетняя красавица — дочь того самого алжирского адмирала Гассана, с которым русские сражались при Чесме. Она плыла из города Масира в Константинополь.

Орлов, узнав о подарке корсаров, категорически запретил любопытным офицерам знакомиться с ней и даже сам не заходил в ее каюту. Во всяком случае, он отпустил девушку в Стамбул да еще подарил ей брильянтовый перстень. Гассан-бей не остался в долгу и послал графу великолепных арабских скакунов с богато украшенной упряжью.

Слухи о «галантности» Орлова дошли до императрицы, и та написала Алексею: «...услышала я, что у вас пропал перстень с Моим портретом в чесменскую баталию, тотчас заказала сделать другой, который при сем прилагаю, желая вам носить оный на здоровье. Потерян перстень, вы выиграли баталию и истребили неприятельский флот; получая другой, вы берете укрепленные места».

Под «укрепленными местами» Екатерина явно подразумевала Дарданеллы, но Орлов давно решил, что сей орех ему не по зубам.

Получив бриллиантовый перстень, Алексей Орлов вместо Дарданелл отправился в Петербург. 13 ноября 1770 г. Орлов отбыл из Аузы, оставив вместо себя командовать Спиридова, и на корабле «Три Иерарха» прибыл в Ливорно. Там он заказал художнику Филиппу Гакерту серию картин, посвященных Чесменскому сражению. Говорят, что художник заявил, что он никогда не видел взрывающихся судов. Тогда Орлов приказал в Ливорно кораблю «Три Святителя» расстрелять начиненный взрывчатым веществом русский корабль. Сам Орлов наблюдал за взрывом в обществе своей новой возлюбленной — итальянской поэтессы Корил¬ лы Олимпики.

Брат Алексея, Федор, тоже собрался в Петербург, но по неясным причинам застрял в Мессине на острове Сицилия.

В Петербурге Алексей Орлов объявился только в начале марта 1771 г., а 8 марта он появился на Совете вместе с императрицей. Заседание открыла сама Екатерина, рассказав о боевых действиях на Средиземном море. Ее речь была похожа на выступление адвоката в защиту Орлова. Провал захвата острова Лемнос она, естественно, списала на адмирала Эльфинстона.

«Генерал граф Орлов, — говорила императрица, — видев, что большая часть кораблей без починки не могут выдержать зиму на море, почитая же за нужное, чтоб нас уведомить о всех бывших происшествиях и требовать дальнего повеления, а притом был болен сильною лихорадкою и имев многих больных на своем борте, пошел к Паросу, где и ныне еще находится адмирал Спиридов, из Пароса же в Ливорну, оттуда намерен был отправить генерал-поручика графа Федора Орлова, при котором вся канцелярия находится, сюда с рапортом и требованием повеления; но долговременный карантин и болезнь задержали в Мессине генерал-поручика графа Орлова, что видя, генерал граф Орлов, и опасаясь, чтобы по причине приближающейся весны не опоздать, взял намерение и сам поехал сюда, дабы за неимением при себе письменных дел сделать обо всем словесное объяснение».

Не все в этой речи было понятно'[20], но переспрашивать Екатерину никто не посмел.

За Екатериной выступил Орлов. Он повторил рассказ о кампании 1770 г., описывал нравы местных жителей Архипелага, и как мало на них можно полагаться, говорил о выгодном положении островов «губернии», с которых можно получать все пропитание, и закончил тем, что надо бы проучить рагузинцев за то, что их суда были в турецком флоте во время Чесменского сражения.

14 марта в Совете в присутствии Орлова были зачитаны приготовленные для него рескрипты: один о действиях флота в будущую кампанию, а другой — о заключении мира с Портой, если представится удобный случай.

В первом рескрипте говорилось: 1) Держаться, сколько возможно, перед Дарданеллами и запирать тамошний канал, чтоб не допускать подвоза съестных припасов в Константинополь «и тем самым умножать в тамошнем народе разврат, волнение и огорчение противу правительства за продолжение ненавистной ему войны». 2) Когда русский флот будет держать таким образом все острова Архипелага позади себя, то Константинополь будет считать их для себя потерянными, по крайней мере на все время продолжения войны, и лишится собираемых с них податей и других поборов.

Вторым рескриптом Орлову предоставлялось право вступать с турками в переговоры о мире. Но тут Орлов потребовал, чтобы ему были предписаны необходимые условия мира. Зная, что в условиях, принятых Советом, заключалось требование уступки одного из архипелагских островов, Орлов выступил против этого требования, уверяя, что из-за него продолжится война с турками и Россия втянется в распри с христианскими государствами. К тому же, не отступал Орлов, в Архипелаге нет острова, гавань которого не требовала бы укреплений и средств для его удержания. Укрепления эти будут стоить больших денег, которые не возместятся торговлей, поскольку торговля также выгодно может производиться Черным морем в Константинополь.

После долгих споров Н.И. Панин написал последние условия мира: независимость татар; независимость Молдавии и Валахии; или в случае их возвращения Порте последняя должна вознаградить Россию деньгами за военные убытки; свободное плавание по Черному морю; Кабарда по-прежнему остается независимой от обеих империй.

На заседании Совета 17 марта Орлов в присутствии императрицы повторил свои возражения против приобретения одного из островов Архипелага. Но Екатерина возразила, что приобрести остров она желает прежде всего для того, чтобы турки всегда имели перед глазами доказательство полученных Россией над ними преимуществ и потому были бы умереннее в своем поведении относительно ее. Остров необходим, продолжала императрица, и для установления там нашей торговли и для пользы нашим мореплавателям. Однако, заключила императрица, она не хочет, чтобы эти ее желания были препятствием к заключению мира.

Алексей Орлов был патологически ревнив к чужой славе, и он категорически запретил Спиридову в свое отсутствие затевать какие-либо серьезные операции против турок. Конечно, Спиридов мог и ослушаться. Причем в любом варианте ему за это ничего не грозило. Разгромить русский флот у турок не был о сил, а потеря одного-двух кораблей и нескольких мелких судов в самом худшем случае грозила 62-летнему адмиралу только отставкой. Тем не менее, старый и больной адмирал в отсутствие Орлова лишь имитировал какую-то активность. Дабы избежать обвинений в поношении адмирала из нашего официального иконостаса, приведу хро-

нологию походов русских судов в отсутствие главнокомандующего.

Несмотря на осенне-зимне-весенний период, наши суда вели активные крейсерские действия в Архипелаге. Так, во второй половине декабря 1770 г. в крейсерстве у острова Патмос находились корабль «Саратов», фрегат «Африка» и пинк «Св. Павел». И лишь 8 апреля 1771 г. «Саратов» был сменен кораблем «Св. Иануарий».

Позднюю осень и зиму 1770/71 г. корабли «Три Иерарха», «Ростислав», фрегат «Парос» и бомбардирский корабль «Гром» провели в Ливорно, а корабль «Всеволод», пинки «Венера» и «Соломбала» — в Порт-Магоне на Минорке. Остальные же русские суда были на стоянках островов Парос и Миконо.

Это, разумеется, не касается греческих полакр и шебек, которые непрерывно шарили по всему Средиземноморью, добывая гроши своим детишкам «на молочишко», а заодно и на харчи всей русской островной губернии.

За время отсутствия Орлова имели место л ишь три выхода отрядов судов. 1 апреля 1771 г. эскадра под командованием контр-адмирала Арфа вышла из бухты на остров Миконо и двинулась к острову Ипсаро (Псаро). 6—13 апреля эскадра крейсировала между островами Метелино (Лесбос) и Тенедос (современное название Бозджаада). 18 мая эскадра Арфа вернулась из крейсерства к острову Миконо.

19 апреля из Аузы пошел к Гибралтару конвой из 16 английских торговых судов под прикрытием фрегатов «Парос» и «Надежда». Этот мелкий вроде бы эпизод показывает, насколько Средиземное море было опасно из-за пиратов. Лишь после прохода английскими судами Гибралтара оба фрегата 29 мая отправились назад в Архипелаг.

Еще 10 мая 1771 г. корабль «Не тронь меня» покинул остров Миконо и пошел в крейсерство к острову Лесбос.

17 июня эскадра Спиридова в составе кораблей «Европа» и «Саратов»; фрегатов «Федор», «Слава» и «Григорий» вышла из порта Ауза и на следующий день соединилась с эскадрой Арфа, стоявшей у острова Миконо. А 23 июня объединенная эскадра под командованием Спиридова двинулась к Лесбосу. Там к ней присоединился корабль «Не тронь меня». 24 июня эскадра Спиридова подошла к острову Имбро, который находился на расстоянии около 20 км от Дарданелл. Однако крейсировала эскадра там недолго и уже 3 июля вернулась в Миконо.

Как видим, особого толку от этих трех операций не было, разве что английские транспорты прошли без потерь. Между прочим, в книге «Адмирал Спиридов»[121] о деятельности Спиридова за 9 месяцев отсутствия Орлова не сказано ни слова, при том, что автор все время сетует, что-де «бездарный фаворит» мешал развернуться талантливому адмиралу.

Как уже говорилось, единственный бомбардирский корабль Архипелагской эскадры «Гром» ремонтировался с ноября 1770 г. в Ливорно и прибыл в Аузу 7 июля 1771 г. Екатерина прекрасно понимала важность бомбардирских кораблей для

действий против берега, и по ее приказу в начале 1771 г. в Англии были закуплены два судна, также обращенные в бомбардирские корабли, — «Молния» и «Страшный». Они прибыли в Аузу 24 июля и 16 ноября 1771 г, соответственно.

9 июня 1771 г. граф Орлов вывел из Ливорно корабли «Три Иерарха», «Ростислав», бомбардирский корабль «Гром» и пинк «Венера» и направился к Паросу. 24 июня к эскадре присоединился фрегат «Надежда Благополучия», крейсировавший у острова Цериго. 29 июня эскадра Орлова подошла к острову Парос.

По прибытии Орлов созвал военный совет, где предложил для отвлечения турецких сил от Дуная и облегчения положения армии фельдмаршала Румянцева, пройти со всем флотом вдоль морских берегов, потревожить и разорить жителей. Военный совет решил начать военные действия от острова Негропонта (Эвбея) вдоль всего румелийского[122] берега до Дарданелл, а потом вдоль азиатского берега, проходя Тенедосским, Мителинским и Хиосским каналами. А чтобы потревожить неприятеля и в южной части Средиземного моря, решили отправить особую эскадру под начальством Федора Орлова к острову Родосу и вдоль коромманского берега.

И вот «Мальбрук в поход собрался». 5 июля Орлов поднял кайзер-флаг на корабле «Три Иерарха» и дошел с эскадрой до острова Миконо, где встретил эскадру Спиридова. Объединенный флот постоял до 22 июля у Миконо и затем перешел в порт Трио на острове Парос. На этом весь героический поход графа Орлова и закончился.

Новый поход начался 1 августа 1771 г. В этот день с острова Парос отправились сразу две эскадры: первая под командованием Федора Орлова и вторая под командованием Спиридова. В состав первой эскадры вошли корабль «Ростислав», фрегаты «Победа», «Св. Николай» и пакетбот «Почталион». В состав второй эскадры вошли корабли «Европа», «Не тронь меня», «Азия», «Св. Георгий», «Три Иерарха», «Всеволод», фрегаты «Надежда Благополучия», «Северный Орел», «Слава», «Федор», «Архипелаг», «Минерва», а также бомбардирские корабли «Гром» и «Молния».

6 августа эскадра Федора Орлова подошла к острову Родос. В течение трех дней там было захвачено несколько купеческих судов и 120 пленных. 6 августа с «Ростислава» (у местечка Левиса) был высажен десант в заливе Макри. Десантники захватили 7 шебек и турецкую береговую батарею. 9 августа эскадра Федора Орлова пошла к Паросу. 19 августа его корабли бросили якорь в порту Ауза.

16 августа эскадра Спиридова подошла к острову Негропонту (Эвбее). В тот же день на берег был высажен десант. Однако уже через два дня десантники были вынуждены возвратиться. Операция на острове полностью провалилась.

2 сентября эскадра Спиридова, к которой присоединились корабль «Саратов» и фрегат «Надежда», ушла от берегов Негропонта и 10 сентября стала на якорь у острова Тассо[123], расположенного на самом севере Эгейского моря. От румелийского

берега остров Тассо отделен десятикилометровым одноименным проливом.

13 сентября из крейсерства по Эгейскому морю к острову Тассо пришел фрегат «Минерва», взамен его в крейсерство к острову Зео был отправлен фрегат «Надежда». 21 сентября к эскадре Спиридова присоединился корабль «Три Святителя».

27 сентября эскадра покинула остров Тассо и пошла к острову Имбро, то есть к Дарданеллам. У Тассо остались корабль «Не тронь меня» и пинк «Венера», команды которых вместе с местными жителями занимались вырубкой строевого леса.

30 августа из Аузы в Ливорно вышел корабль «Ростислав», он должен был отвезти на лечение заболевшего Федора Орлова. В тот же день эскадра Спиридова подошла к Имбро, причем корабли «Три Иерарха» (на котором находился граф Алексей Орлов), «Всеволод», «Три Святителя» и фрегат «Северный Орел» блокировали Дарданеллы. При этом 17 октября на фрегате «Федор» на переходе от острова Тассо к острову Имбро открылась сильная течь. Капитан был вынужден подойти к острову Святого Евстратия, где 18 октября встал на якорь. Вода в трюме поднялась до 2,8 м. Команда была свезена на берег, а фрегат затонул.

Три недели русский флот стоял у Дарданелл. Зачем? Этого никто не знает — для блокады хватило бы и нескольких фрегатов.

И вот 22 октября флот отправился от Дарданелл к острову Метелино (Лесбосу), а для блокирования пролива были оставлены фрегаты «Минерва» и «Северный Орел».

31 октября флот бросил якорь у турецкой крепости Метелино, которую от побережья Малой Азии отделял двадцатикилометровый одноименный пролив.

В Метелино находилось адмиралтейство, где, по донесениям греческих корсаров, строились два 74-пушечных турецких корабля и шебека. 1 ноября русская эскадра подошла к крепости Метелино, и бомбардирские корабли «Гром» и «Молния» начали ее обстрел из мортир.

2 ноября на Лесбос был высажен трехтысячный десант. В его составе были подразделения Шлиссельбургского полка и батальон Преображенского полка.

Десантники сожгли оба 74-пушечных корабля и шебеку, а также увели из гавани Метелино до 20 малых судов. Штурмовать же крепость ни Орлов, ни Спиридов не решились, и десант был эвакуирован на корабли. Потери русской пехоты составили 24 человека убитыми и 63 ранеными.

5 ноября при отходе от Метелино на мель сели фрегаты «Архипелаг» и «Санторин». С помощью гребных судов фрегата «Северный Орел» «Архипелагу» удалось сойти с мели, а «Санторин» был захвачен турецкой пехотой. В конце концов, «Северный Орел» разогнал картечью турок и спас часть команды «Санторина». Тем не менее, командир «Санторина» И.Т. Овцын, мичман и 28 матросов попали в плен. Спасти фрегат возможности не было, и командир «Северного Орла» С.В. Жемчужников приказал его сжечь.

6 ноября флот прибыл в порт Ауза. Зимовать на Паросе графу А. Орлову было скучно, и он 22 ноября сел на корабль «Три Иерарха» и отправился в Ливорно, куда благополучно и прибыл 28 декабря 1771 г.

2 декабря корабль «Саратов» и греческий корсарский фрегат «Рафаил» пошли на ремонт на остров Мальту. Из-за противного ветра Новый год они встретили у берегов Сицилии.

Корабль «Св. Иануарий», фрегаты «Африка», «Св. Павел» и три полакры встретили новый, 1772 г. острова Патмос. Кроме того, фрегаты «Миневра» и «Константин» находились в различных частях Архипелага. Остальные же суда флота стояли в порту Ауза.

Глава 5

Будни корсаров

В январе 1772 г. на рейде порта Ауза находились: 7 кораблей («Европа», «Ростислав», «Св. Георгий Победоносец», «Всеволод», «Три Святителя», «Не тронь меня», «Азия»), 14 фрегатов[124],3 бомбардирских корабля («Гром», «Молния» и «Страшный»), 2 пинка («Венера» и «Сатурн») и 1 пакетбот «Почталион».

Следует отметить, что из-за слабости корпуса 66-пушечный корабль «Не тронь меня» не мог выходить в море, и 5 октября 1772 г. Орлов приказал переделать его в Аузе во фрегат, сняв верхний дек. Но и это не помогло, до конца войны «Не тронь меня» так и простоял в Аузе.

Боевые действия в 1772 г. начались с похода грека флигель-адъютанта Георгия Ризо с четырьмя полакрами и одной полугалерой по островам Сира, Зея и Негропонт. Судя по всему, Ризо собирал дань с населения оных островов.

В середине февраля 1772 г. от капитанов купеческих судов было получено известие, что турецкая эскадра в составе шести фрегатов и шести галер вышла из Дарданелл. На перехват ее 27 февраля из порта Ауза вышла эскадра Елманова в составе кораблей «Св. Георгий», «Ростислав», «Всеволод», «Азия»; фрегатов «Надежда Благополучия», «Парос», «Архипелаг», «Победа», «Тино»; бомбардирского корабля «Гром» и пакетбота «Почталион».

Однако турецких военных судов у Дарданелл не оказалось, и в конце февраля эскадра Елманова ушла от пролива к острову Лемнос. Там Елманов простоял до 2 апреля, а затем разделил эскадру на две части. Одна часть в составе кораблей «Ростислав» и «Всеволод»; фрегатов «Надежда Благополучия», «Архипелаг» и «Парос» пошла в крейсерство к островам Метелино и Тенедос, а вся остальная эскадра Елманова пошла к острову Патмос. Фрегат «Победа» направился к острову Миконо.

5 апреля эскадра Елманова пришла к Патмосу. Там от нее отделились фрегат «Св. Павел» и три шебеки, которые пошли к берегам Египта.

23 апреля шебека «Греция» отправилась от острова Миконо к отряду Ризо с приказом идти к берегам Египта. Через два дня «Греция» соединилась с отрядом у острова Санторин и вместе с ним пошла к острову Мило.

24 апреля отряд из трех греческих судов под Андреевским флагом — шебеки «Св. Николай», полакры и полугалеры — пошел к городу Сира, где был замечен турецкий фрегат. 27 апреля турецкий фрегат был обстрелян греческими шебекой, полакрой и полугалерой и обратился в бегство.

4 июня отряд Ризо пошел к Бейруту. Через 2 дня к нему присоединились шебека «Св. Николай», полакра и полугалера. 7 июня объединенный отряд подошел к Бейруту.

С 8 по 11 июня суда бомбили город и высадили десант, который сжег все строения. 12 июня десант взят на борт.

15 июня на шебеку приехали католики и привезли 8 мешков шелка. Видимо, население города откупилось, и католикам было поручено умиротворить команду «Греции». Что получили остальные суда — неизвестно, во всяком случае, Ф. Веселаго писал, что Ризо и Псаро взяли с Бейрута «контрибуцию», равную годовой подати, платимой городом турецкому султану[125]. Также было захвачено 10 торговых судов.

13 июля «Греция» пришла в порт Ауза, а остальные суда отряда прибыли 19 июля 1772 г.

Как видим, обычный пиратский или корсарский рейд.

Примерно в то же время отряд Марка Войновича у стен турецкой крепости Лагос захватил 3 и сжег 6 торговых судов.

8 июня из порта Ауза в Ливорно за графом А. Орловым отправился корабль «Ростислав». Орлов вернулся в Архипелаг лишь 14 августа 1772 г.

Между тем по приказу императрицы зимой 1771/72 *г.* на Балтике начали собирать 4-ю Архипелагскую эскадру, командовать которой было поручено контр-адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову. В составе эскадры было всего три корабля: 74-пушечный «Чесма», 66-пушечные «Победа» и «Граф Орлов». Интересно, что «Чесма» был заложен Петербурге 13 июня 1768 г. под названием «Св. Иоанн Креститель», а позже переименован в честь победы русского флота. Корабли «Граф Орлов» и «Победа» были построены в Архангельске и в июне — сентябре 1770 г. перешли на Балтику. Все три корабля осенью 1771 г. перевели в порт Ревель, поскольку он освобождался ото льда раньше, чем Кронштадт. И 8 мая 1772 г. эскадра тронулась в путь.

Эскадра Чичагова шла существенно быстрее 1-й эскадры Спиридова и уже 5 июня вошла в Средиземное море. 16 июня корабли бросили якорь в порту Магон на Менорке. Там контр-адмирал получил приказ Орлова немедленно идти в Ливорно. Но Чичагов не смог или не захотел сразу выходить в море.

Как писал сам П.В. Чичагов: «...недостаток пресной воды, некоторые поправления, а особливо большое число больных

(367 чел.) принудили меня остаться на некоторое время в Магоне»[126].

Прибыв 25 августа в Ливорно, контр-адмирал Чичагов сдал командование командиру «Графа Орлова» капитану 1 ранга М.Т. Коняеву и отбыл в Петербург. Обратим внимание, это уже был третий подряд адмирал (после Эльфинстона и Арфа), который прибывал с эскадрой в Архипелаг и затем отправлялся назад в Петербург. Сам адмирал П.В. Чичагов цитирует в своих мемуарах рескрипт императрицы на имя Орлова от 26 мая 1772 г.: «Поручая вам, по недостатку здесь при адмиралтействе в флагманах, возвратить сюда без потеряния времени и кратчайшим путем контр-адмирала Чичагова, ежели только по соединении его с флотом вы сами не будете иметь нужды в персоне его»[127].

Орлов не терпел конкурентов и хотел иметь только ручных адмиралов, и матушка-государыня в рескрипте дала ему возможность самому решать, принимать ли нового адмирала, или гнать взашей. А то, что на Балтийском флоте «недостаток во флагманах» — чистейшей воды вранье. По прибытии Чичагова в Петербург он получил указ Адмиралтейств-коллегий: «Всемилостивейше повелеваем отправить контр-адмирала Чичагова в Донскую флотилию, которому и приказать явиться и быть в команде нашего вице-адмирала Сенявина. Екатерина. 4 ноября 1773 года»[128].

26 августа эскадра Коняева вышла из Ливорно и двинулась в Архипелаг. Но уже через два дня в днище корабля «Победа» открылась сильная течь, и он был вынужден покинуть эскадру и идти в порт Ферайо на острове Эльбе на ремонт. 6 сентября корабль закончил ремонт и 29 сентября благополучно прибыл в базу русского флота — порт Трио на острове Парос.

Оставшиеся два корабля 25 сентября подошли к острову Цериго и начали крейсировать между островами Цериго и Кандия в надежде захватить какое-либо судно.

Турецкий флот в первой половине 1772 г. почти не мешал русским. Остатки султанского флота и новопостроенные корабли базировались на Константинополь и боялись выходить в Эгейское море. Султан попытался было купить 15 кораблей вместе с вооружением у Франции, но получил отказ. Основных причин было две — объективная и субъективная. Первая заключалась в том, что Франция интенсивно готовилась к войне с Англией. А вторая анекдотична — шестидесятилетний дряхлый Луи XV увлекся дитем панели, сделавшейся маркизой — 26-летней Жанной Дюбари. Красотке оказалось мало королевской опочивальни, и она полезла в политику, добившись отставки герцога Шуазеля, который уже более 10 лет руководил внешней политикой Франции и которого называли «кучером Европы», то есть главным политиком мира. В конце 1770 г. Шуазель получил отставку и был сослан в свое поместье. Место его по просьбе Дюбари получил герцог д'Эгиль¬он — человек способный, но занятый не

столько внешней политикой, сколько придворными интригами. Шуазель мог заставить короля вмешаться в русско-турецкую войну, а д'Эгильон — нет. Новый министр мог заявить русскому послу Хотинскому: «Мы сделали глупость, что позволили пройти вашему флоту». Но дальше болтовни он идти не хотел.

Турецкие власти решили использовать против русских барбарейскую (тунисскую) эскадру, состоявшую из шести 30-пушечных фрегатов и 6 шебек, и дульциниотскую[129] эскадру, состоявшую из 47 фрегатов и шебек, вооруженных от 30 до 16 пушек.

Обе эскадры были местными корсарскими формированиями, а не регулярными соединениями оттоманского флота. Никакой угрозы семидесяти четырем 66-пушечным русским кораблям их слабая артиллерия не представляла. Тем не менее, Орлов начал запугивать императрицу этими корсарскими отрядами. Якобы все эти суда должны были нагрянуть «нечаянным нападением» на русский флот и сжечь его. «Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие», захватить нужные проходы и «отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами», доносил Орлов Екатерине.

К середине октября 1772 г. и дульциниотская, и барбарейская эскадры ничего не предпринимали против русских, к тому же еще действовало перемирие, заключенное на Дунае 19 мая (в Архипелаге оно действовало с 20 июля). Так что турецкие планы уничтожения русского флота и захвата «губернии», скорей всего, фантазия графа Орлова.

16 сентября 1772 г. корсарская эскадра в составе фрегатов «Св. Николай» и «Слава», которыми командовали Иван и Марк Войновичи[130], полакр «Мадон» и «Ауза», атакже шебеки «Забияка» пошли к острову Цериго, где должны были соединиться с кораблями Коняева и напасть на суда дульциниотов. 12 октября суда Ивана Войновича обнаружили в Парисском проливе «девять 30-пушечных фрегатов и 16 шебек». На самом деле это были не фрегаты специальной постройки, а вооруженные парусные купеческие суда. 16 октября отряды Ивана Войновича и Коняева соединились.

19 октября фрегат «Слава», шебека «Забияка», полакра «Ауза» пошли в разведку. Вскоре они встретили несколько фрегатов и шебек дульциниотов. Как сказано в рапорте Орлова Екатерине, фрегаты несли «нейтральные флаги». Фрегаты подошли к дульциниотским судам. Капитаны дульциниотских судов не заподозрили обмана и даже поднялись на борт «Св. Николая», где выпили с Иваном Войновичем, считая его «славянским капитаном». Войнович выведал все, что хотел, и суда мирно разошлись. Затем разведчики вернулись к остальным судам, стоявшим у острова Занте.

23 октября наша эскадра пошла к порту Патрас. 25 октября подул сильный встречный ветер, и эскадра три дня «ла~

вировала» в Патрасском проливе, несколько раз вступая в безрезультатные перестрелки с дульциниотскими судами.

26 октября близ Лепантского залива русские корабли «Граф Орлов» и «Чесма» вместе с корсарской эскадрой Ивана Войновича вступили в бой с девятью фрегатами и шестнадцатью шебеками, стоявшими на якоре у Патраса. Как писал авторский коллектив под руководством В.Н.Алексеева в составе 13 человек (где был один контр-адмирал, капитаны 1 и 2 рангов, один доктор и 4 кандидата наук): «Русский отряд вступил в неравный бой»[131].

Еще ранее академик Е.В. Тарле писал: «Русская атака при таких условиях являлась делом не только рискованным, но прямо опасным»[132].

На самом деле дульциниотские фрегаты представляли собой вооруженные торговые суда и не входили в состав регулярного флота, а тем более шебеки. Их могли бы легко расстрелять два русских корабля и без отряда И. Войновича.

Ни дульциниотские корсары, ни их коллеги из отряда Войновича не оставили отчетов или мемуаров, почему мне придется ограничиться цитированием шканечного журнала корабля «Граф Орлов».

10 часов.

«В начале 10 часа с обеих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но мы, несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь всевышнего Бога, чем себя охотно побуждали дать баталию и мы с эскадрою усиливали притти к неприятелю в ближнее расстояние, дабы наши пушки удобнее их вредить могли».

11 часов.

«В исходе 11 часа и выстрелом от нас из пушки сигналом велено лечь на якорь и вступить в бой с неприятелем. Вся эскадра лавировалась и поворачивали каждый особо как им было способно, стараясь только о том, чтоб притти на ближнее расстояние к неприятелю. Глубина по лоту 35—30—25 сажень, грунт — ил».

12 часов.

«В 1/2 12 часа приблизившись мы к неприятельскому флоту от ближнего к нам неприятельского фрегата 2 кабельтова более не было, хотя "Чесме" и определено стать к крепости первой, но при¬смотря наш командующий, что на оной сделалось помешательство в управлении также и в парусах, и начала спускаться под ветр и надежды не предвидел от нея сделать успеха но на место оной приказано от командующего заступить самим и на глубине 20 сажень ил грунт убрав паруса положили якорь... и начата от нас по неприятельскому флоту, лежащему к крепости и в крепость куда только было удобно действовать сильно жестокая пальба с левого борта с обоих деков ядрами книпелями и картечью брандскугеля¬ми, а с "Чесмы" и фрегата "Николая" также сильно, а фрегат "Слава" и шебека «Забияка», находясь под ветром под парусами ближе к эскадре имели баталию с неприятелем куда их было можно с таким же успехом, что лучше ото всех желать не можно, а "Мадон" и "Ауза" будучи тогда вдали от нас под ветром не имели случая

биться, в исходе часа увидели мы от нашей эскадрою сильной пальбы с неприятельских судов люди бросалися в воду и с великой торопливостью, иные съезжали на берег и по ним еще более от нас пальба происходила и сшибли в 6-х стоящего фрегата безань мачту и зажжен от наших брандскугелей... А в неприятельском флоте на многих уже шебеках и фрегатах на ближних к нам спущены флаги и вымпелы, в которых мы палили и оных оказалось, что те неприятельские суда от нашей эскадры побежденные сделались».

Бежавший турецкий флот пробовал укрыться под защитой береговых батарей.

Развязка боя, по существу уже решенного в пользу русских 26 октября, наступила 29 октября. Эскадра Коняева в этот день систематически громила артиллерией и поджигала брандскугелями сбившийся у берега, разбитый и совсем уже беспомощный турецкий флот.

К 4 часам дня все было кончено. У русских потерь почти не было.

Далее приведу детали из шканечного журнала корабля «Граф Орлов» (флагманского) за 29 октября:

1 час.

«В неприятельском флоте 8 фрегатов, из коих 1 горит, да 12 шебек. В1/2 часа поворотили мы оверштаг на левый галс, и посланы от нас на шлюпках вооруженных с карказами для зажжения неприятельских побежденных нами судов констапель Сукин под защищением шебеки «Забияка», а после лейтенант Макензи и при нем небольшая егерская команда, и велено ему Макензи из неприятельских судов стараться привести к эскадре ежели можно, в 1 час поворотили мы оверштаг на правый галс, тогда по нас с обоих крепостей и со стоящих при южной крепости флагманского турецкого фрегата, из шабек происходила пальба из пушек и от нас противу их столь сильно и скоро что напоследок принудили неприятельские суда бой оставить, потом мы пошли к NW для отдаления от крепостей потому что примечено имеющимся течением в Лепанекий залив нас сильно дрейфует.

2 часа.

В начале часа шебека "Забияка", пришедши близко побежденных неприятельских судов и для очищения берега, чтоб шлюпкам безопаснее было зажигать суда, палила на берег и по судам из пушек, сие сделать от командующего нашего приказано было и зажжено видно от Патраса стоящие во 2-х шебек 1 шебек из 4-х и 5-х фрегатов 2, в 1/2 2-го часа отдали мы рифы и распустили брамсели, в 2 часа фрегат "Слава" подходил к неприятельским побежденным судам же и для очищения берега дабы шлюпкам можно безопасно исправить дело палил из пушек и видно было лейтенант Макензи приставал в 7-х к стоящему от Патраса фрегату и отданы были нашими людьми на оном марсели, потом съехав со оного Макензи и в 9-х к стоящему фрегату им зажжен а в 8-х стоящей шебеке сам загорелся, а в 11-х стоящий фрегат, который еще прежде шел под парусами почитали мы брандером сам загорелся и свалившись в 10-х стоящею шебекой и оная от фрегата заго-

релась же, тогда ж с фрегата "Николай" посланный барказ видно было приставал в 7-х к стоящему фрегату, а отъехав от оного к 2-й стоящей шебеки которая от их загорелась, а в 1-х стоящий фрегат с шебеки "Забияки" видно посланным барказом зажжен» [133].

За два дня, 28 и 29 октября, русские и корсары сожгли семь «фрегатов» и восемь шебек. Один «фрегат» успел втянуться в Лепантский залив, но был уже так поврежден, что на другой день затонул. Шесть шебек успели спастись бегством.

Потери кораблей отряда Коняева оказались невелики. На «Чесме» был убит лейтенант Козмин, ранены лейтенант Лопухин и 5 матросов. На корабле «Граф Орлов» потерь не было. По судам отряда Ивана Войновича сведения отсутствуют.

Русская эскадра с 29 октября по 4 ноября стояла у Патраса, а затем пошла к острову Цериго. Там 10 ноября от нее отделился отряд И. Войновича и пошел в крейсерство, а корабли Коняева 19 ноября присоединились к флоту, стоявшему на якоре у острова Миконо.

Как уже говорилось, с турками 19 мая 1772 г. было заключено перемирие, которое действовало в Архипелаге с 20 июля. Согласно его условиям, турецкие военные корабли формально должны были оставаться в своих базах. Кроме того, турки в Архипелаге, то есть по берегам Эгейского моря, включая порты Малой Азии, были обязаны «судов не делать, а уже сделанные не спускать, спущенные же на воду не вооружать».

Алексей Орлов потребовал от командиров русских судов и корсаров пресечь снабжение Константинополя продовольствием как на турецких, так и на французских судах. Он приказал разослать по средиземноморским портам Европы свой манифест, в котором предостерегал нейтральные нации от отвоза туркам провианта.

В подтверждение своих слов Орлов 18 октября 1772 г. отправил к Дарданеллам эскадру С.К. Грейга. В ее составе были корабли «Победа», «Три Святителя», «Всеволод»; фрегаты «Надежда», «Африка», «Победа», «Парос», «Григорий», «Констанция» и бомбардирский корабль «Молния».

Но Никита Панин напугал Екатерину угрозой появления французского флота в Средиземноморье, в результате чего 20 августа 1772 г. Орлов получил рескрипт императрицы, где содержалось требование пропускать в турецкие порты нейтральные суда с провиантом. Орлову ничего не оставалось, как выполнить приказ императрицы.

Блокада русским флотом Дарданелл привела к большому росту цен на рынках Стамбула. Но голода там, увы, не было из-за подвоза провианта на французских судах и сухим путем с Балкан и Малой Азии, а также по Черному морю.

29 ноября 1772 г. Алексей Орлов писал графу Панину, что задержал шесть французских судов, которые везли пшеницу в Константинополь. На борту их найдены турецкие письма и контракты, по которым шкиперы договорились с турками о перевозке султанского хлеба с румелийс-

кого берега в столицу. Но из-за навязанных ему императрицей ограничений французов пришлось отпустить в Константинополь, ограничившись устным предупреждением.

Сейчас известно, что Франция не была готова к войне, и Екатерина допустила большую ошибку, пробив брешь в русской блокаде. Да и Орлов мог быть поумнее, и не только не наказывать корсаров за захват французских судов, а наоборот, пообещать им смотреть на все сквозь пальцы.

22 октября 1772 г. четыре корсарских фрегата под Андреевским флагом в сопровождении русского бомбардирского корабля «Молния» внезапно напали на крепость Чесму на побережье Малой Азии. Был высажен десант в 530 человек. Но взять крепость не удалось, и ограничившийся разграблением окрестностей десант был принят на суда отряда.

Рассказ о кампании 1772 г. я завершу приключением уже известного нам лейтенанта Панаиоти Алексиано. Ночью 9 сентября 1772 г. он на фрегате «Св. Павел» подошел к острову Станчио и высадил десант. Греки, воспользовавшись внезапностью, овладели небольшой турецкой крепостью Кеффано, где было взято 11 пушек. За это Екатерина II наградила Алексиано орденом Св. Георгия IV степени.

23 сентября 1772 г. Алексиано на «Св. Павле» захватил у острова Родос турецкий трекатр (небольшое торговое судно).

20 октября 1772 г. Орлов получил сведения, что перемирие с турками закончилось, но в Египте об этом не знали, так как с Константинополем не было связи по морю. И Алексиано на своем «Св. Павле» и с корсарской гребной фелукой, которой командовал грек Паламида, отправляется «за зипунами» к устью Нила. Замечу, что оба судна на походе шли без флагов, спасибо хоть «веселый роджер» не подняли. Как уже говорилось, фрегат «Св. Павел» — это торговое судно длиной 28,7 м и шириной 7,6 м. Орудийные порты были замаскированы. И фелука тоже ничем не отличалась от сотен таких же фелук, плававших в Восточном Средиземноморье. Таким образом, суда Алексиано, не вызвавшие никаких подозрений у египтян, спокойно вошли в гавань Дамиетты[134]. И уже в порту корсары открыли огонь. Остальное читатель может представить себе сам, вспомнив эпизоды из англо-американских фильмов, где пираты врываются в порты Карибского моря.

Я же процитирую приглаженное и чуть романтическое изложение событий из донесения Орлова Екатерине II: «Как скоро начал он (Алексиано. — *А.Ш.)* подходить ближе и поднял на фрегате и фелуке российский флаг, то неприятель, будучи сим потревожен, произвел из судов и крепостных стен пушечную пальбу, однако и тем не мог защитить одного небольшого своего судна, которым вооруженная фелука легко овладела, а лейтенант Алексиано, пользуясь сим смятением, решился атаковать неприятеля в порте; почему, невзирая на производимый с трех сторон огонь, пошел он прямо в се-

редину двух больших судов, где, бросив якорь, тотчас вступил в бой, который сперва продолжался с великою с обеих сторон жестокостью и отчаянием через 2 часа, а потом, увидя неприятель не малое число убитых и раненых из своего экипажа, а притом разбитие судов и появившуюся течь, начал бросаться в море для спасения жизни и на шлюпках, барказах и вплавь пробираться к берегам, чему и из других судов последовали экипажи, и сим решилось наконец сражение. Лейтенант Алексиано, по потоплении двух разбитых судов и по взятии фелукою несколько других мелких, удалился от крепостных пушечных выстрелов, стал на якорь на рейде и простоял тамо до другого утра в ожидании прибытия Селимабея и других судов из Александрийского порта. 22 числа перед полуднем, увидя в море под турецким флагом идущее прямо к Дамианскому порту судно и считая, что на оном помянутый бей находится, изготовился к новому сражению и как скоро оное подошло ближе к фрегату, то Алексиано, подняв российский флаг, сделал несколько по нем выстрелов, а сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устрашила, что он без всякого сопротивления опустя флаг, отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порту суда; в числе пленных был помянутый Селим-бей стремя главнейшими агами, разными другими офицерами и служителями, коих всех осталось 120 человек турков, на судне же найдено: Магометов штандарт, 7 знамен, 4 серебряные перья, значащие отличное турецких офицеров достоинство и заслуги , за которые жалует султан сими знаками, булов 4, топорков 3, щитов 3, большие литавры, 2 флага и 8 пушек с множеством разного оружия»[135].)

Обрадованный Орлов даже отказался от своей доли добычи, отдав ее Алексиано и его сподвижникам. Л ишь знамена были отправлены в Италию, а оттуда — в Петербург.

После приключений в Дамиетте Алексиано вместе с полакой капитана Палямидо до конца октября корсарствовал у сирийских берегов.

Любопытно, что уже в советское время академик Е.В. Тарле поверил, а скорее, сделал вид, что поверил басням Орлова. Он писал о Дамиетте: «Полная победа настоящего героя Алексиано и его матросов», «огромно было значение Патрасской победы эскадры Коняева и Дамиеттской победы Алексиано»[136]. Позднее наши историки с завидным упорством переписывали перлы академика.

Забавная история, хорошо характеризующая нравы как корсаров, так и местных турецких гарнизонов, произошла у берегов острова Кипр. У восточной оконечности Кипра находится маленький безлюдный остров Клидес, где в свое время крестоносцы построили замок Кастро Россо (Красный замок). Замок находился на высоких утесах, и его защищал приличный турецкий гарнизон численностью 130 человек.

В 1772 г. славонец (увы, его имя история утаила), командир шебеки «Забияка», решил захватить Кастро Россо. Ес-

тественно, одна шебека сделать этого не могла. Тогда командир пошел на хитрость: захватил греческих рыбаков с Кипра и подробно допросил их о замке. Спросил и о глубинах, могут ли близко подойти к крепости бомбардирские и 66-пушечные корабли, и т.д. А в заключение пообещал повесить рыбаков, если они хоть слово скажут о своем пребывании на шебеке. Мол, шебека послана на разведку, а через три дня здесь будет весь флот с самим Орловым.

Как и следовало ожидать, греки, вернувшись, раззвонили по всей округе, что, мол, идет русский флот. В ту же ночь турецкий гарнизон на малых судах бежал, и не на Кипр, отделенный узким проливом в несколько километров, а аж в малоазиатский порт Караманию в 130 км. Причем все пушки и припасы были оставлены турками в целости и сохранности.

Так команда «Забияки» без боя овладела Кастро Россо, и до конца войны остров Клидес был базой греческих корсаров.

В1773 г. русский флот вел себя довольно пассивно. Орлов было приказал Спиридову не пропускать любые нейтральные суда в Дарданеллы, но Совет из Петербурга его одернул, написав Орлову, что это может удержать турок не только от заключения перемирия, так нужного для России, но и повернуть против малочисленного русского войска все силы, и втянуть Россию в новую войну с «ненавиствующими нам» французами.

Опять же, Орлов не догадался дать полную свободу рук греческим корсарам, а начал обличать их перед Екатериной и всем «мировым сообществом».

Русский же флот, поддерживая блокаду в зимнее время, понес тяжелую утрату. 7 февраля 1773 г. корабль «Азия» вышел с острова Миконо к острову Имбро и пропал со всем экипажем. Погибли капитан 1 ранга Н.В. Толбухин и еще 438 человек. У острова Миконо нашли лишь бизань-мачту и несколько обломков корабля.

Орлов попытался добиться хоть какого-то успеха и приказал захватить остров Станчо, который в античные времена, как и сейчас, назывался Кос. Станчо принадлежит к группе островов Южные Спорады и отделен от полуострова Малая Азия проливом шириной всего около 5 км. Длина острова 40 км, наибольшая ширина 10 км. На Станчо в то время проживало 60 тысяч жителей.

Для операции против острова Станчо была направлена 2-я дивизия кораблей — «Св. Георгий Победоносец», «Три Святителя», «Саратов» и «Три Иерарха»; фрегаты «Северный Орел», «Соломбал»[137], «Тино», «Победа»; бомбардирские суда«Гром», «Страшный», «Молния»; полака «Патмос» и 7 трекатр. На корабли был посажен десант. Командовал эскадрой контр-адмирал А.В. Елманов[138].

29 июля эскадра Елманова подошла к Анатолийскому берегу, к местечку Ангелло, и высадила десант албанцев[139]. Им навстречу вышли 100 турок (регулярных войск, а скорее всего местных жителей). Албанцы убили 40 человек, а остальные разбежались. Десантники сожгли 7 магазинов с хлебом и мельницу и вечером

того же дня благополучно вернулись на суда.

Затем эскадра отправилась к острову Станчо (Косу). Подойдя к острову, Елманов разделил эскадру на две части. Отряд под командованием капитана 2 ранга С.П. Хметевского, командира «Трех Святителей», в составе кораблей «Три Иерарха», «Три Святителя», фрегатов «Северный Орел» и «Победа» был отправлен для блокады острова Станчо. А с остальными судами Елманов двинулся к турецкому городу и крепости Будрум[140], расположенному на одноименном полуострове на Анатолийском берегу, напротив острова Станчо.

Будрум — это турецкое название греческого города Галикарнас, известного еще в V в. до н.э. Именно там царь Мавсол (Мавзол) построил себе первый в мире мавзолей. Мощную каменную крепость Св. Петра построили в 1492—1522 гг. рыцари иоанниты, но, увы, в начале 1523 г. ее захватил турецкий султан Сулейман II Великолепный.

30 июля отряд Елманова подошел к крепости. Вперед выдвинулись три бомбардирских корабля, которые открыли огонь из гаубиц и мортир. Через час на восточный берег залива у крепости высадились 4 албанских батальона (4 майора и 919 человек), а также отряд славонцев (101 человек) под командованием графа Ивелича, то есть всего 1020 человек.

На следующий день, 31 июля, ранним утром туда же были высажены русские пехотные и артиллерийские подразделения, всего 1452 человека, и семь 3-фунтовых единорогов. Причем единороги были сравнительно легкие — всего 340 кг, и солдаты их перетаскивали по берегу вручную, без конной тяги. Командовал русским десантным отрядом инженер-майор Матвеев.

На берегу у места высадки был оставлен подпоручик Радилев с тремя единорогами и 80 солдатами. Остальные двинулись к крепости. Целями десанта были захват острова и уничтожение стоявшего в заливе турецкого фрегата. Возможно, это был и не военный фрегат, а торговое судно с парусным фрегатским вооружением. Во всяком случае, фрегат не стрелял ни по десанту, ни по кораблям.

Однако из-за сильного ружейного и артиллерийского огня турок обе задачи выполнить не удалось. По пути русские сожгли две турецкие полугалеры, одну фелуку и магазин с адмиралтейскими припасами. Албанцы же основательно пограбили несколько жилых кварталов Будрума. После этого десант благополучно был принят обратно на суда.

В полдень контр-адмирал Елманов решил атаковать 13-пушечную батарею на западном берегу Будрумского залива, которая своим огнем мешала нашим гребным судам войти в залив «для сожжения упомянутого фрегата». Немедленно на западном берегу залива были высажены все 4 албанских батальона и славонцы. Но батарею взять не удалось, а на следующее утро появились большие «скопища» турок, и десантники начали отход. В ходе операции албанцы сожгли Зефирбееву деревню, усадьбу какого-то важного турка и

5 мельниц. Русские потеряли 21 человека убитыми и 25 ранеными.

Все три дня бомбардирские корабли работали по крепости бомбами, брандскугелями и карказами[141]. В крепости и в городе были заметны значительные разрушения и многочисленные пожары. «Гром» даже добился двух попаданий 5-пудовыми мортирными бомбами в турецкий фрегат. На нем вспыхнул пожар, но вскоре команде удалось потушить его.

5 августа эскадра Елманова ушла от анатолийских берегов и в тот же день подошла к острову Станчо, где соединилась с отрядом Хметевского. На следующий день, 6 августа, бомбардирские суда «Гром» и «Страшный» подошли как можно ближе к турецкой цитадели главного города острова. Бомбардирский корабль «Молния» подойти к острову не смог из-за противного ветра и сильного течения.

В тот же день на берег были высажены иррегулярные части: 1020 албанцев и славонцев — участников высадки в Будруме, и еще 190 албанцев с судов Хметевского. Затем высадились русские солдаты под командованием инженер-майора Матвеева с семью 3-фунтовыми единорогами и две роты морской пехоты (как тогда говорили, «из морских солдатских батальонов»).

В первый день высадки десантники отбросили турок и заняли плацдарм у крепости. Но на следующий день большие силы турок контратаковали албанцев и русских. Согласно отчету Елманова, туркам удалось переправить на остров около 5 тысяч солдат. Кроме того, была мобилизована мусульманская часть населения. В ходе жестокого боя албанцы понесли тяжелые потери. Был убит майор Якумати, а майор Стата тяжело ранен и умер на следующий день. Командование над иррегулярными войсками принял майор Константин Георгиев, но и он почти сразу получил ранение. Албанцы, понеся тяжелые потери, бросились бежать.

Русская пехота оказалась в тяжелом положении. Майор Матвеев был ранен в левую ногу и передал командование майору Черемисову. Через несколько минут и Черемисов был ранен. Русские солдаты понесли его на руках, но туркам удалось отбить майора и взять в плен. Туркам достались и шесть 3-фунтовых единорогов.

Когда отступающие десантники приблизились к берегу, корабли и фрегаты открыли по туркам огонь ядрами и дальней картечью. По русским данным, огнем корабельной артиллерии было уничтожено до 100 человек кавалерии противника.

Неудаче десантников способствовала еще и страшная жара, от которой плохо становилось не только русским, но и албанцам и грекам.

Потери десанта составили 86 человек убитыми и 76 человек ранеными, из которых умерло 32 человека. Я цитирую отчет Елманова, из которого неясно, о каких потерях идет речь, то ли только русских, то ли общих.

Причиной неудачи в Будруме и поражения в Станчо явилась преступная легкомысленность графа Орлова, которому Спиридов и Елманов просто не рисковали возражать. Вспомним, скольких ад-

миралов граф вытурил из Архипелагской эскадры. Прошлые неудачи на Лемносе и в других местах ничему не научили его. Орлов не учел того, что деревянным кораблям трудно бороться с противником, засевшим в каменных крепостях. Ядра 36-, 24- и 36-фунтовых пушек были малоэффективны при действии по толстым каменным стенам турецких крепостей, особенно при действии с большой дистанции.

Чтобы подавить огонь крепостной артиллерии , Орлову надо было иметь не три, а тридцать или, по крайней мере, пятнадцать бомбардирских кораблей. Десантные операции проводились, как правило, летом при тихой погоде и вблизи баз на Паросе, поэтому высоких мореходных качеств от бомбардирских кораблей не требовалось. И можно было переделать под бомбардирские корабли греческие корсарские суда или, по крайности, купить суда в Ливорно. Переделка была очень проста. Требовалось подкрепить палубы в местах установки мортир. 5- и 3-пудовые мортиры можно было прислать из России, где их имелось больше чем достаточно, а можно было и закупить в Англии, Ливорно, Венеции или Триесте.

Огонь 15—30 бомбардирских судов, то есть 40—90 5-пудовых мортир мог в течение светового дня подавить сопротивление любой турецкой крепости в Архипелаге.

Орлов не учитывал способность турок перебрасывать на острова подкрепления на малых гребных судах, а также участия в бою мусульманского населения, которое отчаянно дралось за свои дома и жизнь своих близких. Турки прекрасно знали, что будет с ними после прихода албанцев (греков).

В состав эскадры следовало привлекать побольше гребных корсарских судов, чтобы обеспечить с моря полную блокаду атакуемой крепости.

Глава 6

Упразднение губернии

В первой половине 1774 г. русский флот крупных операций не производил, а корсары под Андреевским флагом баловались помаленьку. Документы на сей счет сохранились лишь обрывочные, и оценить ущерб, нанесенный корсарами, невозможно. По сему поводу есть лишь отдельные сообщения:

31 января 1774 г. шебека «Забияка» и галера «Унионе» отправились из Аузы к острову Цериго и захватили там какие-то мелкие суда.

27 февраля адмирал Спиридов, окончательно сдав дела вице-адмиралу Елманову, на корабле «Европа» в сопровождении фрегата «Григорий» и бомбардирско-

го корабля «Страшный» отправился в Ливорно, куда и прибыл 17 марта.

12 марта на крейсерство к острову Имбро вышли фрегаты «Северный Орел», «Африка» и «Тино».

31 мая 1774 г. шебека «Забияка» имела бой с «корсарским судном» у берегов Кипра. После перестрелки противники разошлись в разные стороны. На «Забияке» убит один человек и ранено трое. Поскольку в документе не указана национальность «корсарского судна» (если бы это были турки, то уж написали бы обязательно), то это был конкурент-грек, оспаривавший у «Забияки» «зону влияния».

В ночь на 30 мая 1774 г. лейтенант Марк Войнович на фрегате «Слава» в сопровождении двух шебек и двух полугалер вошел в Хиосский пролив и высадил на азиатском берегу 130 греков-ипсариотов (уроженцев острова Псаро) под командованием капитана Варнача. Ипсариоты убили свыше 50 турок и захватили 4 пушки. Две медные и одну чугунную пушки греки доставили на борт фрегата, а одну большую чугунную пушку заклепали и сбросили в море. Затем отряд Войновича отправился крейсировать в Митиллинский пролив.

Несколько слов стоит сказать и о капитане Варначе. На самом деле его имя было Варвакис. Он был уроженцем острова Псаро и еще до войны промышлял пиратством, за что греки называли его капитаном. В 1770 г. Варвакис вместе со своей 20-пушечной полакрой присоединился к эскадре Алексея Орлова. Екатерина присвоила ему звание поручика, но все по-прежнему звали Варвакиса капитаном. После окончания войны Варвакис продолжал пиратствовать в Эгейском море. Туркам каким-то образом удалось его схватить и заключить в Семибашенный замок. Капитана ждала казнь, но его выручил русский посол в Стамбуле. Судно же Варвакиса прошло Проливы и прибыло в Еникале вместе с греками, желавшими переселиться в Россию.

По прибытии в Россию Варвакис был принят императрицей, от которой он получил тысячу червонцев и право беспошлинной торговли на 10 лет.

Но все это будет позже. А пока 13 июня 1774 г. лейтенант Панаиоти Алексиано на фрегате «Св. Павел» вместе с двумя полугалерами «Зижига» и «Лев» отправился на крейсерство к Дарданеллам. 26 июня Алексиано высадил 160 корсаров на небольшой остров Карыбада (Мекасти), находящийся в заливе Декария у румелийского берега. Навстречу корсарам выбежала толпа турок с одной пушкой. Но греки их рассеяли и захватили пушку.

Затем корсары осадили небольшую каменную крепость с пятью башнями. После небольшой перестрелки ее гарнизон капитулировал с условием, что туркам разрешат без оружия на лодках переправиться на румелийский берег. Корсары выполнили свои обещания, и начальник крепости Сардар Мустафа-ага Каксарли с пятьюдесятью турками отправился к европейскому берегу. Греки перегрузили на «Св. Павла» взятые в крепости 15 пушек калибра от 3 до

14 фунтов, 4200 ядер, 40 бочек с порохом и иные припасы. На берегу корсары сожгли 4 фелуки, а в крепости —- все дома обывателей и на том отбыли восвояси.

На фоне неудач русского флота на Станчо и в других местах это был как никак успех, и адмирал Елманов всем 257 корсарам, составлявшим команды «Св. Павла» и полугалер, приказал выдать по одному червонцу.

В июне 1774 г. отряд Марка Войнови¬ ча подошел к острову Эмброу, где получил «контрибуцию» скотом, а сверх того хлеба на 4000 пиастров. Затем Войнович взял на островах Самодраки (Самотраки) 50 быков и 200 баранов.

Одновременно отряд капитан-лейтенанта Псасора на островах Шкат-Ска¬ пель и Полидром собрали «контрибуцию» хлебом и дровяным лесом для флота.

6 июля к острову Тассо за корабельным лесом прибыли корабль «Саратов», фрегат «Улисс», пинки «Венера» и «Сатурн», полака «Св. Екатерина» и ландра «Донец». Понятно, что столь внушительная эскадра нужна была не для борьбы с противником, благо, на острове не было турок и выход турецкого флота из Дарданелл не ожидался. Просто заготовка леса шла «хозяйственным способом», и нужны были матросы для использования в качестве рабочей силы.

25 июля к русской эскадре Елманова, стоявшей у острова Тассо, подошла турецкая полугалера с белым флагом. На ней прибыли майор Белич (серб на русской службе) с письмом от фельдмаршала Румянцева, в котором говорилось, что 10 июля был заключен мир с турками. Кампания в Архипелаге закончилась.

Кючук-Кайнарджийский мир был следствием истощения сил обеих сторон. Хотя, разумеется, положение воюющих сторон было неравным. Передовые русские отряды были в 250 км от Константинополя. Ресурсы Оттоманской империи были истощены, а в России, как справедливо писала Екатерина, были области, где и не слышали о войне. Но и у России к лету 1774 г. были большие проблемы. Польские дела не были окончательно урегулированы, и никто не представлял, сколько сил и средств потребуют они от России. А главное, в России свирепствовала пугачевщина. Советские историки в восстании Пугачева акцентировали упор на классовой борьбе крестьянства и помещиков. Это отчасти правильно. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что формально в России не было законной власти. Де-факто матушка Екатерина сделала для России не меньше, чем Петр Великий, и при этом обошлась без свирепого террора Петра. Но де-юре на престоле сидела немецкая принцесса, убившая своего мужа — законного русского императора Петра III. Это не могло не сказываться на поведении всех сословий русского общества— дворян, купцов, духовенства и крестьян. Недаром почти везде духовенство встречало Пугачева колокольным звоном. Дворянство, по понятным причинам, неохотно шло к Пугачеву, но зато с 1762 по 1774 г. было несколько дворянских заговоров с целью свержения Екате-

рины. Другой вопрос, что императрица подавляла их без казней (за исключением Мировича). Она тихо отправляла заговорщиков кого на Камчатку, кого в фамильную деревню, а кому затыкала рот деньгами и поместьями. Итак, у Екатерины было не меньше оснований мириться, чем у Абдул-Хамида.

Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула).

Крымское ханство становилось полностью политически независимым. В артикуле 3 говорилось: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом».

Однако турецкий султан оставался духовным главой крымских татар.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кинбурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бугом и Днепром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии». Султан признал императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей.

В секретный протокол был включен пункт о выплате Турцией России контрибуции в 4,5 млн рублей. Этот пункт носил, скорее, престижный характер, а контрибуция была символической. Только за один 1771 г. Россия потратила на войну 25 млн рублей. Между прочим, в 1773 г. Обрезков требовал у турок контрибуцию в 40 миллионов рублей.

Понятно, что наиболее важным моментом во взаимоотношениях с Турцией была свобода торгового мореплавания и возможность держать военные суда в Черном и Средиземном морях.

В 11-й статье трактата о мире было записано: «Для выгодности и пользы обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей и в проездах, или каналах, оные моря соединяющих, находящимся».

Русские купцы Англии и Франции, «в наибольшей дружбе с нею пребываю-

щие», могли «привозить и отвозить всякие товары и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и Константинопольские».

В договоре не было ни слова о праве России держать военный флот на Черном море. Но не было и запрета строить военные корабли. Вместе с тем текст договора давал определенные основания строить и держать их, хотя бы для конвоирования купеческих судов. Договор распространял на Россию права Франции и Англии, «и капитуляции [соглашения] сих двух наций и прочих, яко бы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов Российских...»

Между тем эти «капитуляции» предусматривали легкое артиллерийское вооружение самих купеческих кораблей (4—6 пушек) и конвой военных судов среднего класса.

Этот пункт договора юридически давал право русским военным судам свободно плавать по всему Средиземному морю, и плавать куда угодно, хоть к Константинополю, так как суда Англии и Франции имели такое право. Однако русские военные суда не могли пройти южным, Дарданелльским проливом и пристать у Константинополя.

Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный их всех русско-турецких договоров».

Автор же склонен считать этот договор наспех состряпанным перемирием. Договор не только не решал ни один вопрос. Отношения между Турцией и Россией оставались метастабильными, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну.

Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России не запрещалось иметь флот, но ему негде было базироваться (мы уже говорили о невозможности базирования больших кораблей в Азове и Таганроге).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть — к довоенной ситуации.

Заключение Кючук-Кайдарджийского мира принесло не облегчение, а тревогу и беспокойство русскому флоту в Архипелаге — всем, от вице-адмирала Елманова до простых матросов.

Подписавший договор фельдмаршал Румянцев, хотя и был великим полководцем, мало понимал в морских делах и согласился с турецким требованием, чтобы русский флот ушел из Архипелага в течение трех месяцев.

Начнем с того, что не менее 40 % русских судов нуждались в ремонте. Ведь турки не разрешили русскому флоту идти на родину самым коротким путем — через Проливы в черноморские порты. По условиям мирного договора все военные суда должны были идти обратно на Балтику вокруг Европы. А такое плавание

не сравнить с крейсерством в Эгейском море в 200—300 км от главной базы. Большинство судов подлежало ремонту, а многие вообще не могли идти.

Но это полбеды. Главное — надо было эвакуировать целую «губернию» с администрацией, Адмиралтейством, госпиталями и другими казенными учреждениями, сухопутные войска и т.д. Жители более двадцати греческих островов приняли русское подданство, на стороне России воевали многие тысячи греков, албанцев, славонцев и других народов. Как быть с ними? Мы помним, что в первые два-три года войны Екатерина ставила перед дипломатами цель: добиться на мирных переговорах закрепления «губернии» за Россией. И это греки хорошо знали. А вот теперь их предали.

Русские власти попытались исправить ситуацию с союзниками различными полумерами. Во-первых, предоставили возможность желающим переселиться в Россию. Во-вторых, в статьях Кючук-Кайнарджийского мира содержалось обязательство султана не мстить союзникам русских из числа османских подданных.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия получила право учреждения консульств в Османской империи. Почти все консульства были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции: в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Арте (Эпир), на Негропонте (Эвбее), Хиосе, Родосе, Крите, Миконосе, Самосе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на азиатском берегу Эгейского моря и на Кипре. Консульства были учреждены и на находившихся под венецианским господством островах — Корфу, Закинфе и Кефаллинии. Замечу, что больше Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в екатерининскую эпоху.

Консульства должны были следить за выполнением турками своих обязательств и по мере возможности защищать греков. Об этом свидетельствует греческий писатель Адамантиос Корис, живший во Франции и вовсе не принадлежавший к числу поклонников Екатерины II. В 1803 г. он писал: «Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя будто они вступили в подданство или служили под начальством русских»[142].

В Россию греки, славонцы и албанцы ехали тремя путями: морским вокруг Европы в Петербург, сухопутным через Австрию и морским через Константинополь.

17 октября 1774 г. из порта Ауза на Балтику отправилась 1-я дивизия Архипелагского флота в составе кораблей «Св. Великомученик Исидор», «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Мироносец» и фрегата «Св. Павел». Командовал эскадрой контр-адмирал С.К. Грейг. «Св. Павел» более чем на год встал на ремонт в Ливорно, а остальные корабли по-

шли домой. К их плаванию мы вернемся позже.

12 декабря 1774 г. из Аузы ушла 2-я дивизия в составе кораблей «Ростислав», «Саратов», «Граф Орлов»; фрегатов «По¬мощный», «Запасной» и бомбардирского корабля «Страшный». Командовал дивизией контр-адмирал К.М. Базбаль. Он повел корабли мимо Ливорно — столь любимого места длительных стоянок, и 19 августа 1875 г. прибыл в Кронштадт.

13 марта 1775 г. из Аузы ушел одиночный фрегат «Надежда». Капитан М.Г. Кожухов благополучно привел его в Петербург 15 октября. Фрегаты же «Минерва» и «Григорий» ушли из Средиземного моря на Балтику в 1774 г., еще до окончания войны.

Ряд кораблей и судов можно было отремонтировать и послать в Россию, но на это требован ось время, лес и мастеровые, а последних в Аузе как раз и не хватало. А главное, хотя Елманов и растянул эвакуацию «губернии» на 10 месяцев вместо трех положенных, но все равно времени на ремонт всех судов не хватало. В результате корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя», «Не тронь меня», фрегаты «Надежда Благополучия», «Накция» и «Делос», бомбардирский корабль «Гром» и ряд других судов были сданы на лом в порту Ауза.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия впервые получила возможность проводить свои торговые суда через Проливы. Этим и решил воспользоваться вице-адмирал Елманов и отправил ряд корсарских судов под торговым флагом (нынешним триколором) через Проливы на Черное море. Этим решалось сразу две проблемы: доставка на Черное море судов, которые можно было использовать в военных целях, и оперативная доставка на новое место жительства тысяч греков и албанцев.

С марта по май 1775 г. под торговым флагом России через Проливы прошли фрегаты «Архипелаг», «Тино», «Победа», «Св. Николай» и «Слава», полаки «Пат¬мос», «Св. Екатерина», № 53 и № 55. Более мелкие суда с греками приходили в Константинополь под видом каботажных судов, что-то там продавали, что-то покупали, а затем шли в Черное море.

Фрегат «Слава» привез греков в Крым, а затем вернулся в Аузу, но из-за повреждений сделать второй рейс не смог и был в 1776 г. продан на лом в Ливорно.

Фрегат «Победа», везший греков в Балаклаву, разбился 5 сентября 1775 г. у входа в Балаклавскую бухту, но вся команда и пассажиры были спасены.

Интересно, что турки очень внимательно следили за судами, проходившими Проливы. Как видим, они пропустили все военные (корсарские) суда, обращенные в 1 769— 1772 гг. из греческих торговых кораблей, но категорически отказались даже впустить в Дарданеллы «Северный Орел» — фрегат, специально построенный для военных целей, и ему пришлось плыть вокруг Европы.

Екатерина II «во внимание к приверженности греков и албанцев к России и оказанных услуг» указом от 28 марта 1775 г. на имя графа Орлова-Чесменско-

го — инициатора принятия греков и албанцев на службу — повелела предпринять меры для устройства новых переселенцев, отведя им земли возле перешедших к России крепостей Керчь и Еникале.

Эти переселенцы получили большие льготы, и им разрешено было из своей среды составить войско, названное Албанским. Причем войско это было обязано служить лишь во время войны. Но в том же году, 5 августа, по предложению Потемкина Екатерина отменила это правило, поскольку переселенцы, большей частью греки, пожелали нести службу и в мирное время.

И императрица утвердила проект об учреждении особого Греческого пехотного полка со штатным составом в 1762 человека. Полк состоял из 12 рот, или эка¬тонтархий, которым предполагалось дать исторические названия: Афинская, Спартанская, Фивская, Коринфская, Фессалийская, Македонская, Микенская, Сикионская, Ахайская, Ионическая, Эпирская и Кефалонийская.

Как уже говорилось, основанную русскими школу для греческих детей в начале 1775 г. перевезли в Петербург и поместили в организованную при Артиллерийском корпусе греческую гимназию (позже корпус). Всего прибыли 103 человека, из них 46 учеников и 57 родителей и учителей. 17 апреля 1775 г. был утвержден устав нового учебного заведения, названного «Корпус чужестранных единоверцев».

В учебный план были включены предметы, преподаваемые в Сухопутном кадетском корпусе: языки русский, французский, немецкий, итальянский, греческий и турецкий; арифметика, алгебра, геометрия, история, география, рисование; танцам обучали в младших классах. По окончании «общего учения» учащиеся должны были поступить в высшие классы. Одаренных учащихся или имевших склонность к морской, артиллерийской или инженерной службе предполагалось отсылать в морской и артиллерийский корпуса.

После ухода русских столица «губернии» порт Ауза, да и весь остров Парос быстро пришли в первоначальное состояние. И русские, и греки постепенно забыли о происходивших там событиях, и уже в 1922 г. русские моряки из бизертс¬кой эскадры, оказавшись случайно на острове, не смогли обнаружить никаких следов пребывания там русских в 1770—1775 гг. Местный историк-краевед Фа¬нориус Алимпрандис утверждает, что на месте братского кладбища русских, снесенного «довольно давно», ныне построен отель «Порто Парос». А у островка Ана¬липсис в бухте Наусса, где был русский госпиталь, лежит на грунте русский корабль.

С 1991 г. началось новое «вторжение» русских на остров Парос, точнее — «новых русских». Рекламы турфирм зазывают клиентов: «уютные бухты с золотым песком», «в многочисленных ресторанах можно отведать специальные блюда эк¬зотико-франко-американской кухни. Любителям потанцевать также скучать не придется — здесь огромный выбор

дискотек, работающих до утра». «Однако в Парос интересно приехать и с познавательной целью. Если вам захочется погулять по городу, посетите Цитадель — развалины венецианской крепости и осмотрите замечательный алтарь церкви Св. Константина, построенной на месте храма Деметры».

Разумеется, о событиях 1770—1775 гг. в рекламных проспектах для новых русских нет ни слова. Об этом все напрочь забыли.

А как же насчет нынешней моды на «возвращение утраченного»? Мало кто вспоминает русских моряков, впервые в истории отправившихся в далекий поход и на 5 лет сделавших Восточное Средиземноморье русским морем. Это, скорее всего, потому, что их нельзя использовать в пропаганде «обличения большевизма».

Раздел IV
КАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Глава 1
Три раза русские приходят и... уходят

Карская область с незапамятных времен имела важное стратегическое значение. Она фактически была воротами в Закавказье и на Кавказ. Город Карс был основан армянами в IV в. Какое-то время он даже был столицей армянского царства. Затем Карская область оспаривалась Византией и Персией, но в XVI в. окончательно перешла к Турции.

В 1597 г. султан Мехмет III перестроил крепость Карс. Турки считали Карс ключом к обладанию Малой Азией. Между прочим, первоначальное название города Карс — Калак, то есть «Город дверей».

Впервые русские войска подошли к «Городу дверей» 16 марта 1807 г. Отряд генерал-майора Несветаева в составе пяти батальонов пехоты и двух казачьих полков при шести пушках форсировал реку Арпачай у города Гумры и двинулся к Карсу.

На пути, у селения Баш-Шурагель, отряд Несветаева столкнулся с турецким отрядом в тысячу человек под началом Кара-бека. Отряд этот был почти уничтожен, и только двумстам воинам, включая Кара-бека, удалось бежать в Карс. По их следам двинулся к Карсу и Несветаев.

В то время крепость Карс внешних укреплений еще не имела и состояла из ограды и цитадели. Город расположен на правом берегу скалистого и узкого ущелья реки Каре-чай, образуемого Карадагски¬ ми (на правом берегу), Чахмахскими и Шорохаскими (на левом берегу) высотами. Оборонительная ограда представляла собой стену из огромных каменных плит, местами доходившую до 8,5-метровой высоты, и фланкируемую из многочисленных башен. На стене и в башнях стояло 60 орудий. Внутри ограды, в ее северо-западном углу, на высоком, командующем над всей окрестностью скалистом и обры-

вистом утесе Карадагских высот возвышалась цитадель с тремя ярусами орудий. Подступы к ней были возможны только с востока и юга, то есть со стороны города. А с севера и запада цитадель была неприступна, так как примыкала к обрывистому ущелью реки Карс-чай, протекающей на 85 м ниже основания цитадели. Из цитадели к реке вел узкий, под каменными сводами ход с крутой лестницей в 300 ступеней. Гарнизон Карса насчитывал не менее 10 тысяч человек.

Произведя рекогносцировку, генерал Несветаев убедился, что слабой стороной крепости являлись три ее предместья — Байрам-паша, Орта-кепи и Армянский квартал. Предместья эти находились вне крепостной ограды и были обнесены только земляными валами. Через эти предместья можно было проникнуть в город, не прибегая к использованию длинных штурмовых лестниц.

Главнокомандующему графу Гудовичу Несветаев донес, что нашел положение Карса «еще не совсем недоступным» и решил штурмовать его со стороны Карадагских высот.

Штурм начался 25 марта 1807 г. Два батальона (15-го егерского и Кавказского гренадерского полков) под командованием подполковника Нечерского сбили передовой турецкий отряд на Карадагских высотах и на его плечах ворвались в предместье Байрам-паша, истребили весь его гарнизон и захватили одно полевое орудие.

Несветаев с остальными силами поспешил развить этот успех, но получил в этот момент категорическое предписание Гудовича «не предпринимать экспедиции на самую крепость, ежели не уверен будет о сдаче, дабы при решительном деле, каков есть штурм, не потерпеть большой потери в людях». Тогда Несветаев прервал начатый штурм и на следующий день отступил к селению Палдыран, а затем к Гумрам. Турки не рискнули преследовать русских.

После войны турки существенно укрепили Карс.

В 1828 г. началась очередная русско-турецкая война. В районе Эрзерума турки сосредоточили 40-тысячную армию, целью которой было вторжение на Кавказ. В начале мая 1828 г. турецкий главнокомандующий сераскир Галиб-паша послал с разведывательной целью на русскую территорию чиновника с дипломатической миссией. Русский главнокомандующий граф И.Ф. Паскевич-Эриванский разгадал турецкую хитрость, но приказал показать «дипломату» русское войско.

Мало того, Иван Федорович 23 мая позвал турка на маневры лейб-гвардии Сводного полка и ряда кавалерийских частей. Маневры эти закончились показательными штурмами древней тифлисской цитадели — Метехского замка, расположенного почти на неприступной скале над рекой Курой. Увиденное так потрясло турецкого чиновника, что он в сердцах воскликнул: «Да они так и Карскую крепость возьмут!»

Перед началом боевых действий Паскевич через лазутчиков отправил к насе-

лению Карской области несколько прокламаций. В них говорилось: «Ополчаясь за дело правое и вступая в землю вашу, мы не нарушим спокойствия поселян, не коснемся их собственности. Войска Государя нашего будут сражаться только с теми, кто дерзнет им противиться. Пребывайте безбоязненно в домах ваших, и вы не почувствуете тяжести войны».

9 июня 1829 г. Сводный корпус русских войск в составе 12 тысяч человек, 24 батарейных, 16 легких и 18 конных орудий сосредоточился в районе крепости Гумры и 14 июня в 6 часов утра перешел границу, взяв направление на Карс. Осадная артиллерия в составе 12 орудий и артиллерийский парк, прибывшие к месту сосредоточения с запозданием, присоединились к корпусу позднее — 16 июня. Место артиллерии в походной колонне было определено командующим.

К вечеру 17 июня корпус сосредоточился в деревне Мешко, примерно в 30 км от Карса, где было принято решение: атаковать крепость с юго-западной стороны, для чего иметь укрепленный лагерь на Эрзерумской дороге в разоренной деревне Кичик-Эв.

Для осуществления этого плана корпусу со всеми обозами нужно было совершить обходный марш. Первый этап этого марша до деревни Азаткев был проведен 18 июня.

19 июня к намеченному месту постройки укрепленного лагеря был отправлен весь обоз, для прикрытия которого выделялись, кроме пехоты и кавалерии, по два орудия от каждой батарейной роты. Главные же силы корпуса предприняли разведку боем, для чего в восьмом часу утра начали движение к крепости. С выходом на дальность стрельбы турецкой крепостной артиллерии они были встречены интенсивным артиллерийским огнем.

Пять тысяч турецких всадников атаковали русских у самых стен Карса к югу от Орта-кепи. В ходе упорного боя турки потеряли до 400 человек убитыми и отошли. Вечером 19 июня вблизи Карса сосредоточился весь русский корпус.

Обозревая укрепления Карса, Паскевич заметил, что по сравнению с 1807 г. укрепления турок существенно усилились. В крепостную оборону были включены теперь и предместья. Орта-кепи помимо стены теперь защищали два бастиона, один из которых — Юсуф-паша — располагался на юго-восточном выдающемся углу предместья.

Предместье Байрам-паша, разросшееся уже до самой горы Карадаг, теперь защищалось сильным редутом на вершине этой горы. На редуте стояли 14 орудий, в зону обстрела которых входили подступы, по которым в 1807 г. наступали солдаты генерала Несветаева. От редута на запад тянулась небольшая стенка из наполненных землей деревянных срубов, упиравшаяся в крутой обрыв правого берега Карс-чая.

Расположенный между предместьями Орта-кепи и Байрам-паша болотистый пустырь был прикрыт земляным валом, связывавшим между собой эти предместья.

Наконец, Армянское предместье на левом берегу Карс-чая состояло из разбросанных по скалистым высотам построек, окруженных отдельными каменными стенками с бойницами. А впереди, напротив середины предместья, стоял старинный замок Темир-паша, командовавший не только всеми предместьями, но и южной стеной крепости. Замок этот составлял опору обороны на левом берегу Каре-чая. Впереди Армянского предместья на скате скалистых высот находился укрепленный лагерь, и здесь же на полугоре было занято турками и обширное мусульманское кладбище.

Чахманские высоты с севера были укреплены простыми каменными шанцами. Таким образом, несмотря на отсутствие внешних фортов, все эти укрепления в их общей связи при тогдашней силе ружейного и пушечного огня представляли собой труднопреодолимые преграды. Карс по справедливости считался первоклассной крепостью. Недаром британские газеты называли Карс турецким Гибралтаром.

К началу осады в крепости Карс находилось 151 орудие разных калибров. Гарнизон составляли 3 тысячи конницы, 4 тысячи пехоты и до 4 тысяч вооруженных местных жителей.

Поскольку русским войскам со стороны Эрзерума угрожал корпус Киоса-Магомета-паши, Паскевич приказал немедленно начать осадные работы и в течение нескольких дней овладеть Карсом.

Батарея № 1 была построена всего за один день и уже утром 21 июня еще четыре 12-фунтовые пушки «средней пропорции»[143] открыли огонь по Карсу.

В ночь на 23 июня были начаты работы по постройке батарей № 2,3 и 4, составлявших первую параллель осадных сооружений.

С целью прикрытия работ и дезориентации противника выстроенная ранее батарея № 1 вела ночью редкий огонь. Кроме того, со стороны горы Карадаг и с северо-западной стороны крепости турок всю ночь беспокоили специально выделенные для этой цели отряды под командованием полковника Раевского и Бороздина.

За несколько часов до рассвета все батареи были сооружены и вооружены:

Батарея № 2 —четырьмя 12-фунтовыми пушками с задачей действовать против передовых батарей противника и его укрепленного лагеря.

Батарея № 3 — тоже четырьмя 12-фунтовыми пушками и с той же задачей.

Батарея № 4, или главная батарея, отстоящая от укрепленного лагеря лишь на 300 м, — четырьмя 2-пудовыми мортирами и двенадцатью 12-фунтовыми пушками. При этом мортиры могли вести круговой огонь, а 12-фунтовые пушки предназначались: шесть для ведения флангового огня по укрепленному лагерю и по три — на два угловых бастиона укрепленного предместья Орта-кепи.

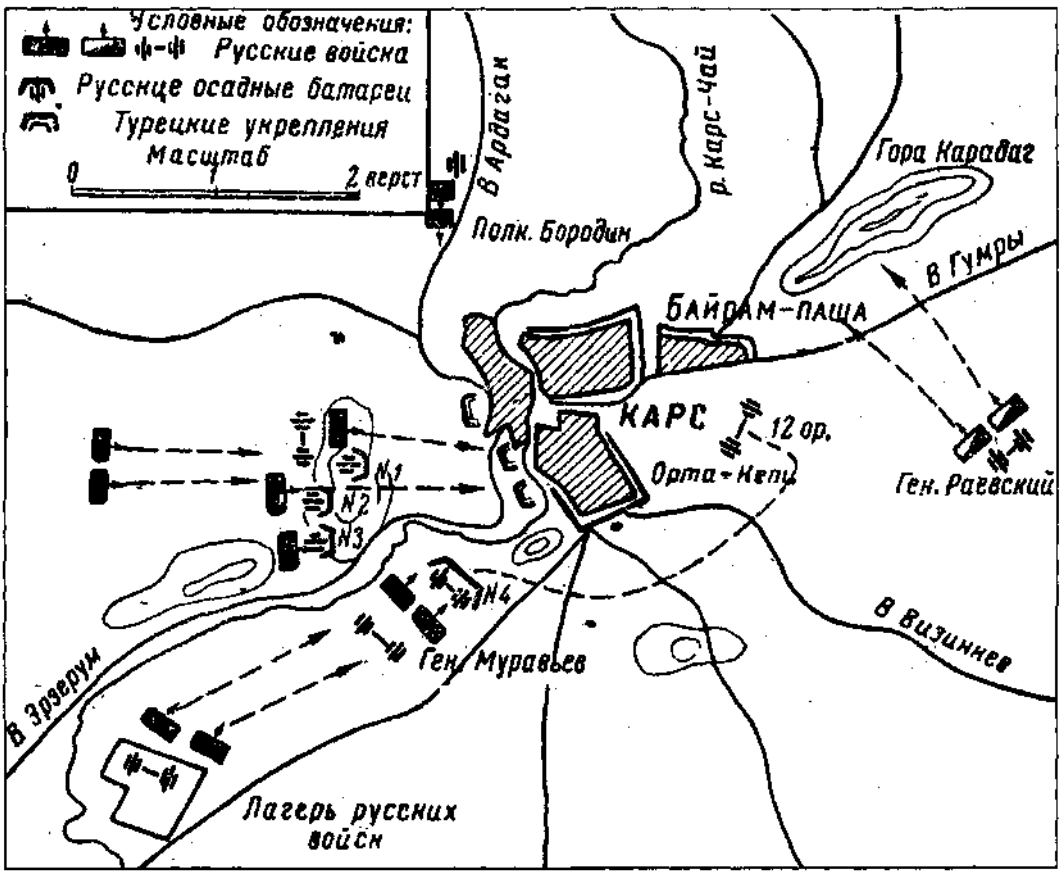
Всего для непосредственного участия во взятии крепости было выделено 5080 человек пехоты и 38 орудий. Остальная артиллерия находилась в лагере.

23 июня 1828 г., еще до наступления рассвета, русская артиллерия начала обстрел турецких укреплений. Наибольший эффект производили двухпудовые мортирные бомбы батареи № 4.

Одновременно с началом действия осадных батарей пехота, поддержанная легкой артиллерией, начала бой за овладение предместьем Темир-паша и укрепленным лагерем турок. Наступление развивалось успешно.

Вскоре противник вынужден был оставить кладбище, укрепленный лагерь и южную часть предместья. Наступающие войска вышли к мосту через реку Карс-чай, находившемуся против крепости. На отбитой у турок высоте укрепленного лагеря немедленно была поставлена батарея № 5 из четырех 12-фунтовых пушек и двух 6-фунтовых конных орудий донских казачьих батарей. Эта батарея «метко бросала ядра в башни предместья Ортакепи и в крепость».

Овладение кладбищем и успешные действия вновь созданной батареи позволили другому отряду — под командовани-



Осада и штурм Карса в 1828 г.

ем полковника Бурцева — выбить противника из района башни Темир-паши, поставить в башне два орудия и открыть из них огонь по крепости.

Остававшаяся незанятой северная часть предместья вскоре также оказалась очищенной от противника. Осуществляемую здесь атаку с северных высот успешно обеспечила батарея № 6 в составе двух легких орудий, удачно расположенная на выгодной высоте в 400 м от угловой башни цитадели.

Через два часа с момента открытия огня вся заречная часть укреплений была очищена от противника, и часть русских войск, перейдя мост, уже находилась непосредственно перед стенами крепости.

Создавшаяся обстановка позволяла начать общую атаку крепости. Для этого необходимо было прежде всего овладеть предместьем Орта-кепи, на чем и были сосредоточены усилия артиллерии и всех войск. Все батареи открыли «сильнейший огонь по бастионам, из коих некоторые были уже повреждены, других огонь довольно ослаблен». При поддержке батарей отряд под командованием начальника штаба корпуса генерала Остенсакена с двумя легкими орудиями после короткого, но упорного боя овладел левым бастионом предместья, захватив четыре орудия противника. Вслед за этим другой отряд под командованием полковника Вольховского овладел бастионом Юсуф-паши. Захваченные в бастионе турецкие орудия были немедленно обращены против крепости. Огонь этих орудий был особенно эффективен , так как «брал восточную стену крепости, по всему ее протяжению, и три башни, там стоящие, во фланг». Действия этих орудий были усилены еще двумя орудиями, поставленными около бастиона Юсуф-паши (батарея № 7).

Успешное развитие наступления и занятие большей части предместья Орта-кепи привели в замешательство турецкие войска, оборонявшие предместье Байрам-паша, и создало условия для овладения укреплениями на горе Карадаг. Однако осуществлению атаки укрепленного предместья и Карадага препятствовал перекрестный огонь турецкой артиллерии, расположенной в башнях крепости и цитадели. Поэтому генерал Паскевич приказал поставить 12-орудийную батарею № 8[144] за болотом, против юго-восточного фаса крепости, и совместно с четырьмя трофейными орудиями, находящимися в башне Юсуф-паши, обеспечить атаку предместья.

Артиллеристы успешно справились с поставленной задачей. Под прикрытием их огня пехота преодолела открытую местность, ворвалась в предместье и при поддержке следовавших вместе с ней легких орудий овладела им. Почти одновременно с этим русские войска овладели карадагскими укреплениями. Захваченные в них четыре орудия немедленно были обращены против крепости.

С падением последних укреплений на подступах к крепости все усилия артиллерии были сосредоточены против ее восточного фаса.

Меткий сосредоточенный огонь русской артиллерии вскоре заставил замол-

чать всю турецкую артиллерию, расположенную в башнях, обращенных к Карадагу.

В это время войска, действовавшие на западном берегу реки Карс-чай, очистили от противника все подступы к крепости и цитадели. Турецкая конница начала покидать крепость. Огонь осажденных ослабевал, так как, по свидетельству участников сражения, «многие башни были повреждены, на некоторых были сбиты орудия, на других сосредоточенные выстрелы наших батарей отнимали у турецких артиллеристов возможность действовать».

Используя благоприятную обстановку, генерал Паскевич приказал начать с южной и западной сторон штурм крепости. Ее защитники не выдержали согласованных и решительных действий штурмующих войск.

К 8 часам утра крепость пала. Остатки ее гарнизона во главе с комендантом крепости Эмином-пашой заперлись в цитадели, но и они через два часа сдались.

Победителям досталось: 22 мортиры, из которых три 5-пудовые, и гаубицы, из которых три 5-пудовые; 22 пушки и гаубицы от 48- до 12-фунтовых; 98 разных крепостных орудий меньшего калибра и 9 полевых орудий. Кроме того, в крепости было захвачено до 7 тысяч пудов (около 115 тонн) пороха и много других боеприпасов, вооружения и продовольствия. Турки потеряли до 2 тысяч человек ранеными и убитыми и 1361 человека пленными. Потери русских войск составили до 300 человек убитыми и ранеными, в том числе 15 офицеров.

К моменту падения крепости Карс войска спешившего ей на помощь Кио¬са-Магомета-паши находились уже в пяти километрах от Карса. Узнав о капитуляции крепости, они повернули и отошли к Ардагану.

При возведении осадных батарей и штурме Карса отличился разжалованный в рядовые бывший командир гвардейского Конно-пионерного дивизиона Михаил Иванович Пущин. Сам он не был на Сенатской площади, но многих декабристов знал лично. На допросе во время следствия по делу восстания Пущин отказался назвать имена своих товарищей, за что и был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ. Генерал Паскевич несколько раз представлял его к боевым наградам за «выказанную» воинскую доблесть, но Николай I каждый раз отклонял эти представления.

17 июля основные силы Паскевича выступили через Ахалкалаки на Ахал¬цих. 22 июля, после тяжелого перехода по горному маршруту, русские войска подошли к Ахалкалаки.

Крепость Ахалкалаки размещалась при слиянии двух рек: Тапа-Раван-чай и Гендары-су. Длина крепости составляла около 300 м, а ширина 80—120 м. Укрепления крепости находились в запущенном состоянии и были довольно слабы, предместья разрушены. Гарнизон крепости насчитывал около тысячи человек при 14 орудиях.

Подойдя со своими войсками к крепости, генерал Паскевич предложил гарнизону сдаться, но получил категорический отказ.

С наступлением темноты русские войска приступили к постройке большой осадной батареи, где к рассвету были установлены две 2-пудовые мортиры, восемь батарейных пушек и две легкие пушки. Батарею построили в 350 м от крепостной стены. Впереди большой батареи на расстоянии 80 м от нее была построена батарея на 6 кегорновых мортир. В 6 часов утра 23 июля русская артиллерия открыла огонь по Ахалкалаки. Уже через час турецкий гарнизон был вынужден оставить наружные укрепления и укрыться внутри цитадели. По приказу Паскевича к цитадели на расстояние 200 м были подтянуты еще 4 батарейные и 2 легкие пушки, которые немедленно открыли огонь. К 8 часам утра турки группами стали покидать крепость по ущелью реки. Под прикрытием артиллерии русская пехота бросилась на штурм. Отряд под командованием полковника Бородина, воспользовавшись веревками, по которым спускалась в ущелье бежавшая часть гарнизона крепости, овладел южной стеной крепости, чем вынудил остатки гарнизона сложить оружие. Около 9 часов утра крепость пала.

Русским войскам достались трофеи: 14 орудий, 21 знамя, большое количество различного оружия и артиллерийских припасов. Турки потеряли до 600 человек ранеными и убитыми и 300 человек пленными. Потери русских войск составили убитыми и ранеными 13 человек.

После взятия Ахалкалаки Паскевич двинулся к крепости Ахалцих. За три дня главные силы русских одолели 50-километровый путь и вечером 4 августа оказались в 7 км от Ахалциха. Однако к крепости чуть раньше уже подошел 30-тысячный корпус турок под командованием Киоса-Магомета-паши и Мустафы-паши.

5 августа в 8 часов утра наши части вброд перешли Куру и двинулись к крепости. Пройдя 3 км, они остановились, чтобы переждать полуденный зной, и возобновили движение лишь в 4 часа дня.

С началом движения шестнадцать 12-фунтовых орудий 20-й и 21-й артиллерийских бригад, находившихся в первой линии, на рысях, неожиданно для противника, выскочили на высоты перед атакуемой горой Таушан-Тапа и открыли меткий прицельный огонь. Турки, застигнутые врасплох смелыми действиями русской артиллерии, обратились в бегство. Этим моментом удачно воспользовались казаки. Поддержанные Донской конно-артиллерийской ротой № 3, они стремительно бросились на врага и с ходу овладели горой Таушан-Тапа и прилегающими к ней высотами. Подошедшие остальные войска корпуса закрепили успех казаков.

В 18 часов турецкая конница с флангов атаковала русских. На левом фланге действовали 5 тысяч всадников, а на правом — 4 тысячи. Однако турки были встречены метким огнем пехоты и артиллерии. Тут опять отличилась Донская конно-артиллерийская рота № 3, которая быстро маневрировала и частым огнем поражала турок картечью. Затем контратаковала русская кавалерия, и

турки были вынуждены отступить к крепости.

В ночь с 5 на 6 августа русские начали постройку осадных батарей у Ахалциха.

Крепость Ахалцих располагалась на левом утесистом берегу реки Посхов-чай, в 7,5 км от ее впадения в Куру. Оборонительные сооружения крепости включали цитадель, собственно крепость, обнесенную высокой каменной, местами в два яруса, стеной и наружный оборонный пояс. Цитадель занимала господствующее положение над крепостью.

Собственно крепость, имеющая форму многоугольника длиной около 1250 м и шириной до 800 м, делилась на четыре отделения, которые ступеньками возвышались одно над другим.

Наружная оборона Ахалциха состояла из четырех бастионов и одной башни, соединенных палисадом из толстых бревен. В каждом бастионе и в башне было установлено по три орудия в амбразурах и по одному орудию в промежутках. Все орудия были на полевых лафетах. Всего на наружной обороне размещалось 22 орудия. Крепость и цитадель имели на вооружении 40 орудий.

Гарнизон крепости насчитывал 8—10 тысяч человек, главным образом жителей Ахалциха. Кроме того, рядом с крепостью в четырех укрепленных лагерях находилось около 30 тысяч турок при 15 полевых орудиях.

С рассветом 8 августа русские орудия открыли огонь по Ахалциху. Турки решили, что русские готовятся к длительной осаде. Но в ночь на 9 августа Паскевич скрыто повел свои войска против турецкого лагеря. В 6 часов утра 9 августа начался кровопролитный бой, которому не смогла помешать даже сильнейшая гроза. Турки отступили, потеряв убитыми до 2 тысяч человек. Потери русских: 81 убитый и 339 раненых.

16 августа Ахалцих сдался. В крепости было найдено 66 пушек.

Через два дня после овладения Ахалцихом русские войска заняли крепость Ацкур, прикрывавшую вход в Боржомское ущелье. 22 августа турки сдали Ардаган, а 28 августа— Баязет. В сентябре 1828 г. русскими войсками были заняты крепости Топрах-Кале и Диадин. Наступление зимы прервало в конце октября военные действия. Оставив в отбитых у турок крепостях гарнизоны общей численностью 15 батальонов, 4 казачьих полка и 3 роты артиллерии — всего около 8,5 тысячи человек, — генерал Паскевич с остальными частями в начале ноября 1828 г. вернулся в Грузию.

Пятимесячная кампания в Закавказье окончилась для русской армии удачно. Намеченный план войны был в основном выполнен. Овладев Карским, Ахалцихским и большей частью Баязетского пашалыка, русские войска взяли шесть крепостей и три укрепленных замка, захватив при этом около 8 тысяч пленных, 313 пушек и 195 знамен. Потери корпуса составили 3200 человек, главным образом от болезней. Следует отметить, что в июне — июле в районе Карса свирепствовала эпидемия чумы.

Зима 1828/29 г. прошла тревожно. Персы начали стягивать свои войска к Араксу. 11 февраля в Тегеране толпа персов перебила русское посольство, среди убитых был и посол А.С. Грибоедов. Граф Паскевич-Эриванский не растерялся и пообещал шаху Аббасу-мурзе «истребить всю его династию». Персы знали, что русские генералы на Кавказе действуют круто, не оглядываясь на Петербург Это не Балканы, где генералы, прежде чем чихнуть, запрашивают разрешение у царя, тот — у Министерства иностранных дел, а министерство —у тетушки Европы. Тот же генерал А. П. Ермолов разных там шейхов и мулл, не стесняясь, вешал, причем не всегда за шею, а иногда за ноги или иные места. Шах унялся, поняв, что Паскевич не шутит.

Первыми в кампанию 1829 г. боевые действия начали турки. Турецкое войско, в составе которого было 5 тысяч регулярной пехоты и 15 тысяч ополченцев при 6 полевых орудиях, преодолев горные перевалы, 20 февраля подошли к Ахалциху.

Русский гарнизон Ахалциха насчитывал всего 1164 человека пехоты, 3 орудия 5-й резервной батарейной роты 21-й артиллерийской бригады и несколько трофейных полевых турецких орудий.

В тот же день, в четвертом часу ночи, противник, рассчитывая на внезапность и восьмикратное превосходство в силах, начал штурм крепости. Немногочисленный русский гарнизон отбивался «ружейным огнем, нарочно заготовленными каменьями, гранатами и бомбами». Штурм был отбит, и туркам ничего не оставалось, как перейти к осаде Ахалциха. Оборона крепости длилась 12 дней. 4 марта к крепости подошли русские войска, и турки бежали. Наши потеряли до 100 человек убитыми и ранеными, турки — до 4000 человек.

Почти одновременно с событиями в районе Ахалциха на черноморском побережье русские войска под командованием генерала Гесса разбили другой турецкий отряд численностью до 8 тысяч человек.

К середине мая действующие войска русского Кавказского корпуса сосредоточились на границе, а 22 мая главными силами выступили к Ардагану, куда и прибыли 24 мая. Дальнейшее движение на Эрзерум было приостановлено в связи с выходом к Ахалциху турецких войск.

10 июня в районе селения Котанлы собрался весь Кавказский корпус в составе 12 430 человек пехоты и 5770 человек кавалерии с 70 орудиями полевой артиллерии.

К этому времени на эрзерумской дороге в районе деревни Милли-Дюз в укрепленном лагере собрался 20-тысячный турецкий отряд при 17 полевых орудиях под начальством главнокомандующего турецкой армией на Азиатском театре военных действий Гагки-паши. Сюда же ожидалось прибытие в ближайшие дни из Эрзерума 30-тысячного отряда под командованием самого сераскира Гаджи-Салеха.

Между тем в действующую армию прибыл А.С. Пушкин. Он еще в середине

апреля 1828 г., то есть сразу после манифеста Николая I о войне с Турцией, попросился в действующую армию на Балканах. Однако шеф жандармов Бенкендорф отказал А.С. Пушкину и П.А. Вяземскому под предлогом того, что там «все места уже заняты». Тут не грех спросить современных монархистов, поющих осанну самодержавию, почему у нас в России при царизме столь странно принимались решения и распределялись обязанности должностных лиц? Почему великому поэту Пушкину и хорошему поэту Вяземскому, кстати прямому потомку великих смоленских князей, отказывает шеф полиции, а не военный министр? Отчего было столько мелочной регламентации и чрезмерной опеки подданных?

В начале следующего, 1829 г. Пушкин, уже никого не спрашивая, сам отправился в Кавказскую армию. Из Тифлиса в армию Пушкин ехал в сопровождении казаков.

«Я поехал по широкой долине, окруженной горами, — пишет поэт в своем "Путешествии в Арзрум во время похода 1829 г.".— Вскоре увидел я Карс, белеющийся на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: *Карс, Карс!* и пускал вскачь свою лошадь; я следовал за ним, мучаясь беспокойством: участь моя должна была решиться в Карее. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию. Между тем небо покрылось тучами и дождь пошел опять; но я об нем уж не заботился.

Мы въехали в Карс. Подъезжая к воротам стены, услышал я русский барабан; били зорю. Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту. Я стоял под дождем около получаса. Наконец меня пропустили. Я велел проводнику вести меня прямо в бани. Мы поехали по кривым и крутым улицам; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности. Это были бани...

...Поутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом»[145].

Через некоторое время поэт отправился к войску Паскевича: «...выехал я из Карса, и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и сражениях.

Я ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны был и деревни, но они были пусты: жители разбежались. Дорога была прекрасна и в топких местах вымощена — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древнего Тавра) начинали появляться. Прошло около двух часов; я взъехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Каре-чая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского»[146].

13 июня Пушкин прибыл в лагерь Паскевича. «Я нашел графа дома перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково... Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат»[147].

На следующий день Александр Сергеевич стал свидетелем стычки казаков и делибашей[148]. «...Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склонении противуположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостию, прицеливались шагах в 20 и, выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые долиманы и блестящий убор коней составляли резкую противуположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек 15 наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах»[149].

19 июня в 10 часов утра начался встречный бой между русскими войсками и конницей сераскира Гаджи-Салеха. В середине дня русские отбили атаки турок. А после небольшого отдыха к 7 часам вечера перешли в решительное наступление. Эта атака оказалась для неприятеля полной неожиданностью, и началось повальное бегство. Русская конница, преследовавшая отступающих, сходу ворвалась в укрепленный лагерь сераскира.

На другой день, 20 июня, русские войска напали на другой укрепленный лагерь, в котором засело 20 тысяч турок под командованием Гагки-паши. Конница под командованием самого Паскевича преследовала турок на расстояние более 20 км. В двухдневном сражении было убито около 2 тысяч турок, в плен взято около 200 человек, включая самого Гагки-пашу; захвачена вся турецкая артиллерия (31 пушка). Потери Кавказского корпуса убитыми и ранеными составили около тысячи человек.

23 июня русские войска без боя заняли брошенную турками крепость Гассан-кале, где было найдено 29 пушек. Гассан-кале — древняя византийская крепость, построенная на высокой и крутой горе полководцем Анатолием и названная им в честь императора — Феодосиополисом.

Утром 26 июня 1829 г. русские войска остановились у Аг-Даг (Белые горы) в пяти верстах от Эрзерума. В тот же день к Паскевичу явились депутаты от сераскира Салех-паши и горожан. Турки решили сдаваться.

Далее я предоставлю слово очевидцу событий Александру Сергеевичу: «На другой день утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась

турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-Даг был занят. Я приехал туда с поэтом Юзефовичем. На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. С высоты горы в лощине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Граф был верхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города. Но в Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-Дагу. Несколько их пронеслось над головою графа Паскевича; "Voyez les Turcs, — сказал он мне, — on ne peut jamais se fier a eux". (Видите турок, их словам никогда нельзя доверять.) В сию минуту прискакал на Топ-Даг князь Бекович, со вчерашнего дня находившийся в Арзруме на переговорах. Он объявил, что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводительством Топчи-паши овладели городскими батареями и бунтуют. Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнем своих же пушек, повторили ту же просьбу. Граф несколько времени медлил; наконец дал повеление, сказав: "Полно им дурачиться". Тотчас подвезли пушки, стали стрелять, и неприятельская пальба мало-помалу утихла. Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию»[150].

В Эрзеруме в плен был взят сам сераскир Салех-паша и четыре паши, до 15 тысяч человек и 150 орудий. Со взятием Эрзерума, собственно, и закончилась кампания 1829 г. Хотя в июле — сентябре еще произошло несколько стычек с турками. Наиболее крупная была 27 сентября при селении Байбурт, где русский отряд численностью 7 тысяч человек при 34 орудиях разгромил 12 тысяч турок и курдов. Неприятелей было перебито 700 человек и взято в плен 1236 человек вместе со всеми шестью бывшими в деле орудиями. Наши потери убитыми и ранеными — всего 100 человек.

Паскевич, получивший за Персидскую кампанию 1826—1827 гг. титул графа Эриванского, за кампанию 1829 г. был произведен в генерал-фельдмаршалы и награжден орденом Св. Георгия I степени.

Несмотря на победы русских на Балканах и Кавказе, Николай I побоялся требовать баз в Проливах и серьезных приобретений в Закавказье.

2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир между Россией и Турцией, который по названию места его подписания стали называть Адрианопольским. Приобретения России по Адрианопольскому миру были ничтожны. В Европе Россия приобрела все острова, находящиеся в устье Дуная, при этом правый берег реки оставался по-прежнему у турок. На Кавказе Россия получила Анапу, Ахалцих и Ахалкалаки.

В Крымскую кампанию 1853 — 1855 гг. русские войска вновь оказались в Карской области.

К осени 1853 *г.* в составе Отдельного Кавказского корпуса насчитывалось 128 батальонов пехоты, 11 эскадронов кавалерии, 52 полка казаков и конной милиции, 23 батареи (232 орудия). Однако подавляющее большинство этих войск сражалось с восставшими племенами горцев, поэтому на турецкой границе находилось только 19,5 батальона пехоты, 2 дивизиона драгун и небольшое число иррегулярной конницы. Поэтому Николай I был вынужден перебросить из Севастополя на турецкую границу 13-ю пехотную дивизию с ее артиллерией. По прибытии 13-й дивизии на границе с Турцией был сформирован Действующий корпус под командованием генерал-лейтенанта князя Василия Осиповича Бебутова. Корпус был разделен на отряды: в Гурии — 6 батальонов, 2 сотни казаков, 34,5 сотни милиции, 12 орудий; в Ахалцихском уезде — 8 батальонов, 3 сотни казаков, 3 сотни милиции, 8 орудий; в Ахалкалакском отряде — 4,5 батальона, 2 сотни милиции, 4 орудия; в Александропольском отряде — 11,75 батальона, 10 эскадронов, 5 сотен милиции, 48 орудий; в Эриванском уезде — 3,5 батальона, 14 сотен милиции, 8 орудий. Всего в составе Действующего корпуса было 33 батальона, 10 эскадронов, 26 сотен казаков, 54 сотни милиции, 80 орудий. По ходу дела роль Бебутова свелась только к командованию Александропольским отрядом.

Боевые действия на Кавказском театре начались с захвата турками в ночь на 16 октября 1853 г. поста Св. Николая. Как доносил царю его наместник на Кавказе светлейший князь Михаил Семенович Воронцов, этот пост «не считался укреплением и еще менее способным для выдержания сильной атаки и никогда не был вооружен артиллерией; но так как при оном по местному положению был большой запас провианта, в разные времена туда завезенный, то мы считали нужным сколько можно укрепиться там, пока успели бы весь этот провиант оттуда взять». Поэтому к имеющемуся гарнизону поста Св. Николая (роте Черноморского линейного батальона) князь Воронцов 11 октября отправил еще одну роту того же Черноморского батальона при двух орудиях. Почти весь этот гарнизон и был уничтожен. Посланные на подмогу три роты Литовского егерского полка, взвод 12-го Черноморского линейного батальона и сотня гурийской милиции при двух орудиях под командованием полковника Корганова атаковали засевших в лесу около поста турок, выбили их оттуда, но преследовать не решились.

В это время у Карса сосредоточились главные силы (до 40 тысяч человек) анатолийской армии под командованием Абди-паши, который двинул свои войска к Александрополю (в советское время Ленинакан), выслав вперед сильные патрули курдов.

Князь Бебутов выслал отряд из 7,5 батальона пехоты, 4 эскадронов кавалерии, 3 сотен казаков и нескольких сотен ми-

лиции, всего до 7 тысяч человек с 24 пешими и 4 конными орудиями, под начальством генерал-майора князя И.Д. Орбелиани, по направлению к Баяндуру (в 10 верстах от Александрополя) через Малые Каракалисы. 2 ноября при подходе к Баяндуру отряд Орбелиани попал под огонь турок. Положение отряда стало критическим. Но тут на выручку пришел Бебутов с резервом из трех батальонов, шести эскадронов и 12 орудий. С наступлением темноты турки вдруг обнаружили движение к ним во фланг свежих русских сил. Они сразу же прекратили огонь и отступили к Баш-Шурагелю, что в 5 верстах южнее Баяндура. Русские потеряли в этом сражении 800 человек убитыми и ранеными. Князь Бебутов, убедившись, что Турция начала войну и что у Баяндура сосредоточены большие силы, под покровом ночи срочно возвратился в Александрополь.

Любопытно, что боевые действия князь Бебутов вел, так сказать, в инициативном порядке, поскольку Манифест Николая I о войне с Турцией он получил лишь 6 ноября 1853 г.

Тем временем войска Али-паши подошли к городу Ахалциху и начали обстреливать его из орудий. На выручку городу двинулся 7-тысячный отряд князя И.М. Андронникова. У Али-паши было 18 тысяч человек и 13 орудий. 14 ноября Андронников атаковал турок у Ахалциха двумя колоннами. Первая колонна наступала на центр турецкой позиции, а вторая шла в обход с левого фланга. Перейдя по грудь в воде реку Посхов-чай, первая колонна под сильным огнем турок взобралась на крутой берег, взяла завалы, захватила 7-орудийную батарею и опрокинула вражескую пехоту. Вторая колонна, перейдя также реку вброд, ударила в левый фланг неприятеля. Турки отчаянно сопротивлялись, несколько раз, используя свое численное превосходство, пытались закрепиться, задержать русские отряды артиллерийским и ружейным огнем, но все же они вынуждены были отступить. В этом бою русские потеряли 58 человек убитыми и 303 ранеными. Турки потеряли 1500 убитыми и до 2000 ранеными. Русские захватили 11 турецких пушек и 90 вьюков с боеприпасами.

Командующий турецкими силами Абди-паша решил, что кампания 1853 г. закончена, и рано утром 19 ноября уехал в Карс, приказав Ахмету-паше начать перевод войск от Баш-Кадыкляра поближе к Карсу. Вскоре после отъезда Абди-паши турки узнали, что отряд князя Бебутова перешел реку Карс-чай и двинулся к Баш-Кадыкляру. Вопреки приказу Абди-паши Ахмет-паша решил принять бой. В отряде Бебутова насчитывалось 11 тысяч человек при 33 пушках, у турок же было 36 тысяч человек при 46 пушках.

Бебутов решил первым делом взять центральную 20-пушечную батарею турок. В атаку пошли три батальона Эриванского полка под командованием князя Багратиона-Мухранского и два батальона Грузинского гренадерского полка под командованием князя Орбелиани.

Но, не рассчитав темпа, князья ворвались на батарею лишь с небольшой горстью солдат, в то время как основные силы их батальонов растянулись в длинную колонну. Турки, сперва опешив, опомнились и отбросили храбрецов. В этой схватке был смертельно ранен князь Илья Дмитриевич Орбелиани.

Бебутов на поддержку атаки вывел из резерва две роты Эриванского полка. Вместе с ними гренадеры снова атаковали батарею. Одновременно князь И.К. Багратион-Мухранский повел свои батальоны туда же несколько кружным, но менее опасным путем. Батарея была взята.

В то же время кавалерия генерал-майора А.Ф. Багговута опрокинула турецкую конницу, обходившую левый фланг русского отряда, и, перейдя в наступление, разбила правый фланг противника и открыла путь своей пехоте[151]. А на нашем правом фланге отряда кавалерия генерала Чавчавадзе сдерживала чуть ли не в десять раз превосходившие силы курдов и башибузуков. Но, заметив бегство войск своего правого фланга и центра, противник и здесь стал отступать, правда в относительном порядке, так как изнуренная русская кавалерия не в состоянии была его преследовать.

К 3 часам дня отряд князя Бебутова занял брошенный турецкий лагерь. Нашими трофеями стали турецкий обоз и 24 орудия. Среди них была так называемая кровавая 3-фунтовая пушка, при защите которой было якобы убито 1500 турок. Наши потери составили 317 человек убитыми и более 900 ранеными. Турки потеряли в этом бою убитыми и ранеными около 6 тысяч человек.

Вот теперь кампания 1853 г. на Кавказе была закончена. Войска Бебутова отошли на зимние квартиры.

1 марта 1854 г. Николай I Высочайшим повелением уволил 72-летнего светлейшего князя Воронцова в отпуск поправлять расшатавшееся здоровье, а временное командование войсками Отдельного Кавказского корпуса возложил на генерала Реада.

Весна 1854 г. у русских прошла в переписке по поводу основного нашего вопроса — что делать? Бебутов послал Реаду план наступательной кампании, Реад, подумав немного, этот план переадресовал военному министру, тот думал дольше и... послал план царю. Царь собственноручно начертал: «Прекрасно, предварило мое собственное желание». Далее бумаги пошли обратно по той же цепочке. Турки сначала не проявляли желания воевать. Так прошли первые пять месяцев 1854 г.

В начале лета 1854 г. главные силы турецкой армии на Кавказе под командованием Мустафы-Зерифа-паши в составе 60 тысяч человек с 84 полевыми орудиями встали лагерем под стенами Карса.

В районе деревень Кюрук-Дара и Палдырван, обеспечивая русскую границу с Турцией, находился русский отряд под командованием князя Бебутова в составе 18 батальонов пехоты, 26 эскадронов кавалерии и 26 сотен иррегулярной конницы. Всего в отряде Бебутова насчитывалось 18 тысяч человек, 44 пеших, 20 конных орудий и 16 ракетных стан-

ков, состоявших на вооружении двух конно-ракетных команд. Этот отряд стоял у Кюрук-Дара два месяца и фактически бездействовал.

Первым боевые действия начал Гурийский отряд князя Андроникова. Первое сражение состоялось 27 мая. У селения Негоети передовые силы Гурийского отряда встретились с турецким отрядом Гассана-паши численностью до 12 тысяч человек. Турки отступили, оставив на поле боя до тысячи трупов и две пушки. Потери русских составили 29 человек убитыми и 217 ранеными.

Князь Андроников с главными силами Гурийского отряда подошел к селению Озургеты и занял его без боя. На следующий день, 28 мая, Андроников повел свой отряд дальше. В отряде князя было 11,5 батальона пехоты, 2 сотни донских казаков, конная грузинская дружина, 5 сотен конной имеретинской милиции, 6 сотен имеретинской и 6 дружин гурийской пешей милиции, всего около 12 тысяч человек при 8 полевых и 10 горных орудиях.

У реки Чолок Андроников атаковал турецкий лагерь. Там было сосредоточено 12 батальонов низама, 8 батальонов редифа, 14 тысяч башибузуков, несколько эскадронов кавалерии, всего до 34 тысяч человек, под командованием мюшира[152] Селима-паши.

После упорного боя Селим-паша отступил в Кобулети, потеряв около 4 тысяч человек. Все 13 турецких орудий стали трофеями русских. Наши потери составили около полутора тысяч человек.

Тем временем Бебутов продолжал упорное стояние у селения Кюрук-Дара. Ободренный продолжительным бездействием русского отряда, Мустафа-Зариф-паша под влиянием своего начальника штаба английского генерала Гюйона решил атаковать отряд Бебутова. Чтобы освободиться от лишних тяжестей, он в ночь с 3 на 4 августа отправил все обозы из лагеря в Карс. Бебутову донесли о передвижении обозов, а он предположил, что это вся турецкая армия отступает в Карс, и решил атаковать ее во фланг и тыл на марше. Бебутов также отправил все свои обозы в тыл.

В ночь с 4 на 5 августа отряд Бебутова выступил из лагеря за якобы отступавшей турецкой армией. Марш совершался двумя колоннами. Впереди шел авангард из кавалерийских подразделений, за авангардом — главные силы в двух колоннах, между которыми следовал артиллерийский парк. Фланги прикрывали кавалерийские подразделения, а в арьергарде следовали драгуны и конная артиллерия.

В это же время турецкие войска тоже вышли из лагеря и направились навстречу русскому отряду, не подозревая ничего о передвижениях последнего. Турки решили окружить своей многочисленной армией русский отряд и уничтожить его. Для этого турецкое командование направило в обход левого фланга русских 19 батальонов и 16 эскадронов с 30 орудиями, а в обход правого фланга — 22 батальона, 22 эскадрона и 48 орудий. Четыре батальона штуцерников с четырьмя горными орудиями должны были занять

удобную позицию на командовавшей высоте — горе Караял.

На рассвете 5 августа передовые разъезды русского арьергарда донесли, что на скатах горы Караял показались небольшие группы турецких солдат. Их Бебутов принял сначала за турецкий арьергард. Когда же стало светлее, то выяснилось, что к левому флангу русского отряда приближалась большая колонна турецкой пехоты и конницы.

Итак, вместо преследования отступающего противника русскому отряду предстояло вести встречный бой с его превосходящими силами.

Сражение началось 5 августа 1854 г. в 5 часов 30 минут утра атакой русской пехоты на левом фланге. Турецкие войска растянулись по фронту на 8 верст. Турецкое командование медленно вводило в бой свои силы, позволив русским бить их по частям.

Конная Донская батарея № 7 сопровождала войска огнем и колесами. Пушки лихо подкатывались к противнику на дистанцию 150 м и открывали огонь картечью. Однако в отличие от прошлых войн, часть турецких батальонов была вооружена нарезными ружьями и штуцерами, огонь которых буквально косил прислугу у орудий. Батарея была вынуждена отступить, оставив туркам два орудия. Однако конная атака драгунского полка спасла положение. Драгуны отбили оба наших и захватили четыре турецких орудия.

На правом фланге конница и пехота турок стремительно атаковала русских. В отражении атаки большую роль сыграли две конно-ракетные команды. Пуск ракет вызвал панику у турецкой конницы. Тогда в атаку пошли донские казаки, сопровождаемые двумя конными батареями. Турецкие войска, потерпев поражение на всем фронте, начали отступление на Карс. К часу дня бой закончился. Турки оставили на поле боя более 3 тысяч человек убитыми, более 2 тысяч было взято в плен. Русские захватили 15 орудий. Наши потери составили 599 убитых и 2455 раненых.

За неделю до сражения при Кюрук-Даре Эриванский отряд под командованием генерал-лейтенанта барона К.К. Врангеля разгромил 15-тысячный отряд Селима-паши. 17 июля Врангель, имевший 3865 штыков и 1574 сабли, при 8 пушках, атаковал превосходящие силы турок на Чингильских высотах. Турки были разбиты и потеряли около 2 тысяч человек убитыми и ранеными. Русские захватили 4 пушки и 400 пленных. Эриванский отряд потерял убитыми 57 человек и 71 человека ранеными.

После этого боя отряд Селима-паши практически прекратил существование. Большую часть его составляли курды, которые попросту разошлись по домам.

19 июля Эриванский отряд без боя занял Баязет, двухтысячный гарнизон которого отступил к озеру Ван. В крепости было найдено 3 пушки, а также большие запасы продовольствия. Занятие Баязета дало русским контроль над торговым путем из Трапезунда и Эрзерума в Тавриз. Это был единственный путь торговли Ан-

глии с Персией. Вскоре казаки перехватили между Баязетом и Диадином караван в 2325 лошадей и верблюдов, ценность которого определялась в 8 млн пиастров (более миллиона рублей серебром), а затем еще один караван в 4 тысячи вьюков.

В конце 1854 г. как в русской, так и в турецкой армии произошла смена главнокомандующих. Бездарного Реада царь послал на «исправление» в Севастополь, а взамен его поставил генерал-адъютанта Н.Н. Муравьева.

Султан поначалу хотел удавить Мустафу-Зарифа-пашу, но позже удовлетворился отрешением его от должности. На его место был назначен престарелый Вазиф-Магомет-паша. Фактическое же управление войсками взял на себя ферик[153] Вильямс-паша (он же английский генерал Вильямс). В армию Вазифа-паши было направлено несколько десятков британских офицеров и инженеров. Кстати, их именами турки назвали многие укрепления Карса: форт Лек, Томсон-табиа, Тисдель-табиа и др., а всю линию укреплений на левой стороне реки Карс-чай назвали Инглиз-табиа.

В русском Кавказском корпусе с назначением нового командующего произошли некоторые изменения: князя Бебутова отправили управлять административными делами края, а командующим главными силами действующего отряда назначили начальника артиллерии корпуса генерала Э.В. Бриммера. Начальником отряда правого крыла был назначен генерал-лейтенант Ковалевский, левого крыла — генерал-майор Суслов.

У Александрополя были сосредоточены главные силы, включавшие в себя 21,5 батальона, 28 эскадронов, 49 сотен, 10 батарей, всего 24,5 тысячи человек при 76 орудиях. Правое крыло в Ахалцихе и Ахалкалаках состояло их 12 батальонов, 1 дружины, 15 сотен, 2 батарей, всего 10,2 тысячи человек при 16 орудиях. Левое крыло у подошвы горы Арарат состояло из 4 батальонов, 16 сотен, 1 батареи, всего до 5 тысяч человек при 8 орудиях. А всего в отряде насчитывалось до 40 тысяч человек при 100 орудиях.

24 мая 1855 г. Муравьев выступил с главными силами из Александрополя (третий год начиналась кампания таким образом). К вечеру 28 мая у селения Агджа-Кала он соединился с отрядом Ковалевского. До Карса оставалось 24 версты. 4 июня русские передовые части уже хорошо видели укрепления Карса невооруженным глазом.

Это была уже совсем новая крепость, созданная по проектам британских инженеров. Вокруг крепости на расстоянии от полутора до 2,5 верст была построена внешняя линяя редутов, соединенных валами и рвами. Примерно в 500 метрах от крепости, которую русские осаждали в 1807 и 1828 гг., появилась средняя линия укреплений.

Брать Карс Муравьев не решился. Идти на штурм нельзя — а вдруг будут большие потери. Вести правильную осаду — мал осадный парк. Всего у Муравьева было осадных пушек четыре 24-фун-

товые и две 18-фунтовые; единорогов два 1 -пудовых и четыре пудовые и четыре 2-пудовые мортиры. Забыл генерал-адъютант, как русские генералы осаждали турецкие крепости с одной полевой артиллерией. В итоге Муравьев решил блокировать Карс. 12 июня русские войска перешли к селению Каны-Кёв в 12 верстах от Карса и в 4 верстах от Эрзерумской дороги.

Однако несмотря на блокаду Карса, турки не только снабжали крепость продовольствием и боеприпасами, но и перебрасывали туда подкрепления. Гарнизон Карса был доведен до 26 тысяч человек. На строительстве его укреплений турки под надзором англичан трудились день и ночь.

В начале сентября 1855 г. Муравьев получил почти одновременно известия о падении Севастополя и о том, что Омер-паша с 40-тысячным корпусом идет от Батума к Карсу. Волей-неволей Муравьеву пришлось начать штурм крепости, не дожидаясь Омера-паши.

На рассвете 17 сентября русские двинулись на штурм Карса. Муравьев неправильно выбрал направление главного удара, не смог организовать взаимодействие между наступающими колоннами, плохо была использована артиллерия. В результате 6-часового боя атака русских была отбита. Русские потеряли 7,5 тысячи человек, из них 2350 убитыми. Потери турок составили 1400 человек убитыми и ранеными.

Что же касается Омера-паши, то он действительно высадился в Батуме 2 сентября. Вместе с ним из Крыма было переброшено 20 тысяч турок при 37 орудиях. Там Омер-паша стал собирать турецкие части и добровольцев из горцев. К октябрю их число достигло 40 тысяч.

21 сентября Омер-паша вошел с войсками в Сухум. Правитель Абхазии Михаил Шервашидзе перешел на его сторону. Против Омера-паши был двинут из Мингрелии отряд генерал-лейтенанта князя Багратиона-Мухранского (16 тысяч человек при 28 орудиях). Этому отряду удалось отвлечь на себя внимание Омера-паши. А в ноябре начались проливные дожди (район Батума — это субтропики), дороги сделались непроходимыми, а реки и ручьи вышли из берегов.

А тем временем Муравьев усилил блокаду Карса, и там начался голод, людей стала косить холера. В лагере под Карсом русские начали быстро строить теплые землянки для личного состава и крытые конюшни для лошадей. Лагерь стал походить на город, даже кто-то придумал ему название — Владикарс. Голод, холера, постройка Владикарса и отсутствие войск Омера-паши подорвали моральный дух англо-турецкого командования, и 12 ноября начались переговоры о сдаче крепости. Защитники Карса поставили лишь два условия: разрешить старшим офицерам в плену носить сабли и отпустить восвояси польских и венгерских повстанцев, служивших в турецкой армии, так как в Российской империи их ждало судебное преследование. Муравьев принял оба условия, и 16 ноября Каре капитулировал.

В 2 часа дня из ворот крепости выехал престарелый Вазиф- Магомет-паша с двумя англичанами — генералом Вильямсом и полковником Леком. Всего сдалось 672 офицера и 8 тысяч солдат. Кроме того, в госпиталях Карса находилось не менее 2 тысяч человек. Несколько тысяч курдов дезертировало из Карса в ходе осады. В крепости русские нашли 136 орудий и 20 тысяч пудов (327,6 тонны) пороха.

Падение Карса открыло русским путь к Эрзеруму, но приход зимы воспрепятствовал наступлению. Муравьев оставил в Карсе бригаду пехоты, в Ардагане — три сотни казаков и ракетную команду и отвел войска на зимние квартиры.

13 февраля 1856 г. в Париже начался конгресс. Первым актом Парижского конгресса было заключение перемирия с прекращением военных действий. 2 марта между воюющими сторонами состоялся обмен конвенциями о перемирии до 19 марта. 18 марта, после семнадцати заседаний конгресса, в Париже был подписан мирный договор. Россия потеряла право держать военный флот на Черном море. Граница России и Турции в Азии восстанавливалась в том виде, в котором она существовала до войны.

Это был закономерный итог Крымской войны. Николаевская Россия потерпела поражение на всех театрах военных действий, кроме Кавказского. Захваченная Карская область была единственной козырной картой России в Париже.

Русская армия вновь ушла из Карса.

Глава 2

Присоединение Карской области

24 апреля 1877 г. Россия объявила войну Оттоманской империи.

Кавказский театр военных действий по установившейся традиции считался второстепенным. В этом были единодушны и русские, и турецкие генералы. Соответственно, обе стороны ставили перед собой ограниченные задачи.

Для русской армии конечной целью боевых действий на Кавказе было взятие крепостей Карс и Эрзерум.

Задачей турецкой армии было проникновение на Кавказ с целью поднять мятеж горных мусульманских племен, неприязненно относившихся к России.

Особенностью войны на Кавказском театре было широкое использование обеими сторонами иррегулярных войск, набранных из местных жителей. В подавляющем большинстве это были конные отряды, или, попросту говоря, банды, в которые люди шли, чтобы отомстить русским или туркам за старые обиды и, разумеется, пограбить. Личный состав таких бандформирований хорошо владел оружием и смело действовал в рассыпном

конном бою, но пасовал перед регулярной пехотой, а попав под огонь артиллерии, немедленно обращался в бегство. Турки набирали иррегулярные войска из абхазов, аджарцев, курдов и других представителей различных горных племен, а русские — из курдов, армян и т.д.

Русское командование решило вести войну в Закавказье исключительно силами Кавказского военного округа. Причем из семи дивизий округа против турок решено было использовать только четыре, а три дивизии должны были поддерживать порядок в тылу, то есть устрашать горцев.

21 сентября 1876 г. было получено распоряжение военного министра о переводе на военное положение четырех пехотных дивизий, осадной артиллерии, дислоцированной в крепости Александрополь, и ряда туземных формирований.

Кавказская армия, отмобилизованная в основном за пять с половиной месяцев, к 12 апреля 1877 г. выросла до 160 тысяч человек, в том числе до 123 тысяч штыков и сабель.

В состав полевой артиллерии входило 168 девятифунтовых пушек, 192 четырехфунтовые пешие пушки, 56 четырехфунтовых конных пушек и 40 трехфунтовых горных пушек. Итого 456 орудий.

На 12 апреля 1877 г. в осадном парке Кавказской армии состояло пятьдесят шесть 24-фунтовых пушек, шестьдесят 9-фунтовых пушек, тридцать две шестидюймовые мортиры. Все орудия образца 1867 г. Кроме того, имелось 30 полупудовых гладких мортир.

Непосредственно к активным действиям против Турции привлекалось всего около 70 тысяч штыков и сабель при 232 полевых орудиях, сформированных в Действующий корпус (47 тысяч человек, 160 орудий), Кобулетский отряд (до 11 тысяч человек, 48 орудий), Гурийский и Кутаисский отряды (12 тысяч человек, 24 полевых и 66 береговых орудий). Всего около 9 тысяч человек при четырех орудиях выделялись для обороны черноморского побережья от Поти до Новороссийска. Около 13 тысяч человек при 8 орудиях находилось в резерве. Остальные войска оставались в Кубанской, Терской и Дагестанской областях.

Действующим корпусом командовал генерал Лорис-Меликов. Корпус должен был оперировать на большом 350-километровом фронте в гористой труднопроходимой местности. В связи с этим корпус был разделен натри отряда: главные силы самого Лорис-Меликова (до 30 тысяч человек при 96 орудиях), Ахалцихс¬кий отряд генерала Девеля (9 тысяч человек и 24 орудия) и Эриванский отряд генерала Тергукасова (11 тысяч человек при 32 орудиях). Дивизии и даже большинство бригад Кавказской армии фактически были упразднены, пойдя на формирование отрядов.

Противостоявшие нашему Действующему корпусу войска турецкого главнокомандующего Мухтара-паши насчитывали около 17 тысяч в гарнизонах Карса, Ардагана и Баязета и 12 тысяч с 21 орудием в окрестностях Карса и в Алашкер¬тской долине. Однако сведения русских

о турках были чрезвычайно преувеличены — их считали в два раза сильнее наших главных сил, тогда как на самом деле наши главные силы превосходили их вдвое.

12 апреля 1877 г., в день объявления войны, войска трех отрядов Действующего корпуса перешли границу. Турки, недооценивавшие русские силы и считавшие их слишком малочисленными для наступательной кампании, были застигнуты врасплох. Оставив в Карсе 10-тысячный гарнизон, Мухтар-паша поспешил с небольшими отрядами прикрыть Эрзерум. Отойдя за Соганлугский хребет, он собрал на позиции у Зевина всего 4,5 тысячи штыков и 6 орудий. Другой отряд в 7 тысяч штыков и 21 орудие прикрывал Эрзерум в Алашкертской долине.

Отряд Лорис-Меликова подошел к крепости Карс и там остановился. Позже его за это будут десятилетиями упрекать военные историки, по мнению которых он должен был преследовать турок до Эрзерума.

Алахцихский отряд генерала Девеля 16 апреля подошел к крепости Ардаган и осадил ее. Ардаган являлся важным узлом дорог, прикрывающим коммуникации из Карса на Батум, и из Ахалциха и Ахалкалаки на Эрзерум.

Численность гарнизона крепости составляла 8100 человек. В крепостной артиллерии имелось 95 орудий, в числе которых было 19 нарезных 6-дюймовых пушек, 35 нарезных пушек калибра от 4,8 до 3,8 дюйма и 16 гладких мортир калибра от 8,8 до 5,8 дюйма. Кроме того, в крепости находилось 12 нарезных 3-фунтовых полевых орудий.

Крепость Ардаган, расположенную по обеим берегам реки Куры, кольцом опоясывали полевые и долговременные укрепления (форты), соединенные между собой насыпным валом высотой около 5 м. Основу обороны города составляли десять фортов, из которых восемь непосредственно примыкали к городу. Городская цитадель и передовые форты имели брустверы высотой 4,5 м и толщиной 11,5 м, окружались рвами шириной в 23 м и глубиной до 5 м и имели на вооружении от 4 до 20 крепостных орудий.

Форты Ардагана, сами по себе сильные, с учетом рельефа местности не могли поддерживать друг друга огнем. Кроме того, в фортах и цитадели отсутствовали казематированные укрытия пехоты.

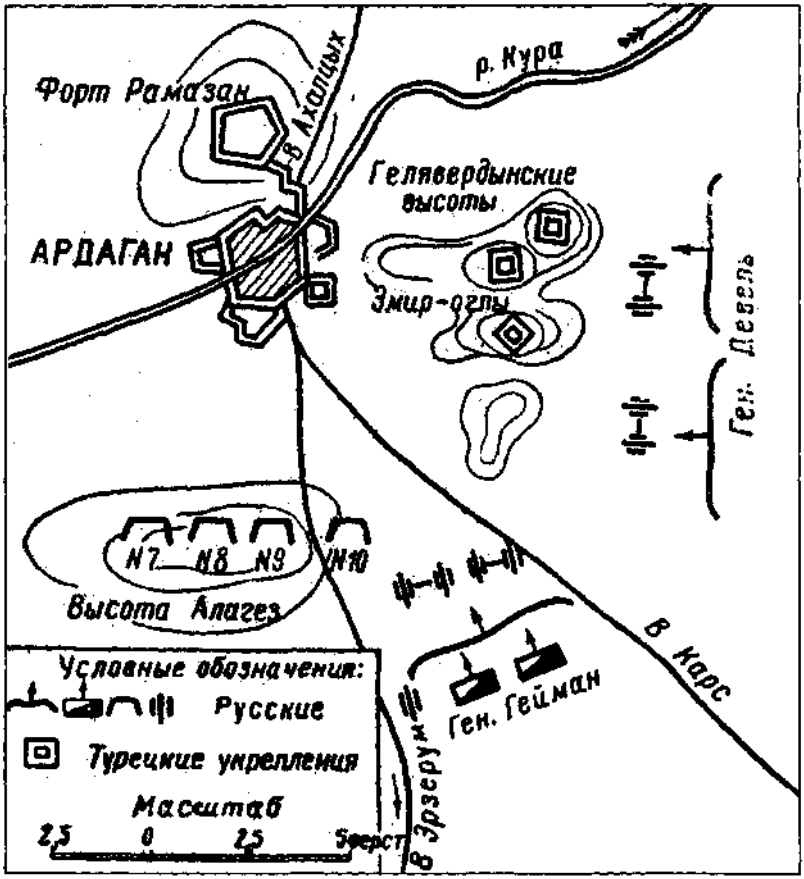
Русские сосредоточили под Ардаганом 76 орудий. Из них к осадным орудиям относились только пять 6-дюймовых мортир обр. 1867 г. Остальные (47 девятифунтовых и 24 четырехфунтовых пушек) были полевыми.

4 мая 1877 г. в 8 часов утра после отклонения ультиматума о сдаче крепости русские осадные батареи по сигналу ракетой начали бомбардировку укреплений Ардагана. Наши артиллеристы действовали тактически грамотно и, несмотря на перевес противника в огневой мощи, подавляли одну за другой турецкие батареи. Особо стоит отметить действия русской конной артиллерии, оказывавшей непосредственную огневую поддержку штурмовавшим колоннам пехоты.

4-фунтовые конные пушки 5-й конной батареи Кубанского казачьего войска, с трудом преодолевая крутой подъем, лихо развернулись в цепи стрелков и с дальности 600 м открыли по форту огонь картечными гранатами. Таким образом, вопреки всем тогдашним уставам, конная артиллерия выполняла функции батальонной и полковой артиллерии, которую у нас создали лишь в 1915—1917 гг. Расчеты конной артиллерии понесли большие потери, зато пехота быстро овладела фортом Эмир-оглы.

К вечеру 5 мая крепость Ардаган была взята штурмом. Все турецкие орудия стали нашими трофеями. Было убито около двух тысяч турок, причем большинство — артиллерийским огнем. Взято 300 пленных. Остальные турки бежали. Причем несколько десятков человек утонуло в Куре при переправе.

Генерал Лорис-Меликов по-прежнему осаждал Карс. Тем временем Мухтар-паша, первоначально имевший 5 тысяч солдат, собрал иррегулярное воинство в 25 тысяч и начал активные действия про-



Штурм Ардагана в 1877 г.

тив войск, осаждавших Карс. 28 июня Лорис-Меликов снял осаду Карса и отошел к русской границе.

Эриванский отряд генерала Тергукасова 12 апреля перешел границу и 17 мая занял без боя крепость Баязет, гарнизон которой разбежался. Далее отряд Тергукасова некоторое время бездействовал. Тем временем ванский паша Файк собрал 11 тысяч регулярных войск и курдов и начал теснить Тергукасова. 5 июня турки и курды в тылу Эриванского отряда осадили крепость Баязет. Русский гарнизон Баязета состоял из 34 офицеров и 1587 нижних чинов. Комендантом крепости был подполковник Пацевич.

8 июня турки после артобстрела пошли на штурм крепости. Подполковник Пацевич решил сдать крепость и приказал поднять белый флаг. Однако кто-то из офицеров выстрелил в спину коменданта и смертельно ранил его. Командование немедленно принял капитан Штоквич. По туркам был открыт огонь, штурм отбит с большими потерями для турок.

В дальнейшем гарнизон успешно отражал атаки турок. Но в цитадели не было источников воды. Комендант распорядился наполнить водой все сосуды, найденные в крепости, но до него не дошло наполнить водой большой бассейн в цитадели, специально созданный турками. Попытки доставить воду в крепость из ручья, располагавшегося в 100 м от крепостной стены, стоили жизни нескольким смельчакам. Раненым стали выдавать по кружке, здоровым — по пол кружки воды через день (в палящий июньский зной).

Лишь на 24-й день осады крепость Баязет была деблокирована русскими войсками. За время осады в крепости погибло 7 офицеров и 310 нижних чинов.

2 июля Мухтар-паша с 35-тысячным войском при 56 полевых орудиях начал наступление на Александрополь. В это же время из России в Кавказскую армию прибыли 1-я гренадерская и 40-я пехотная дивизии. Руководство русскими войсками принял на себя наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич.

С 3 по 7 июля Мухтар-паша закрепился на Аладжинских высотах, где занял фронт в 22 км. На этой позиции турки стали ждать подкреплений. Весь июль прошел в полном бездействии обеих сторон. Лишь 13 августа Мухтар-паша внезапно перешел в наступление. На Аладжинских позициях начались кровопролитные бои с переменным успехом.

К середине сентября русские сосредоточили на Аладжинских позициях 60 тысяч человек и 218 орудий. У Мухтара-паши было 40 тысяч человек и 96 орудий. В решительном же сражении 2—3 октября у Мухтара-паши было 36 тысяч человек и 39 орудий (часть орудий он отправил в Карс). Русские ввели в дело 55 тысяч солдат и 200 орудий. Русские обошли противника с обоих флангов. Разгром турок был полным: они лишились 22 тысяч человек — 15 тысяч убитых, раненых и разбежавшихся и 7 тысяч пленных, в том числе 7 пашей, с 35 орудиями. У нас погибло 56 офицеров и 1385 нижних чинов.

К сожалению, великий князь Михаил Николаевич не сумел организовать преследование турок. Лишь 5 октября русские войска получили приказ перейти в наступление. Главные силы были разделены на два отряда — генерала Лазарева (32 тысячи человек при 146 орудиях), который двинулся под Карс, и генерала Геймана (18 тысяч человек при 98 орудиях), которому поручено было совместно с Эриванским отрядом генерала Тергукасова преследование остатков Мухтар-паши и движение к Эрзеруму.

9 октября отряд генерала Лазарева подошел к Карсу. К октябрю 1877 г. Каре был сильнейшей крепостью в Азиатской Турции. Крепость имела четыре группы укреплений с высотой валов до 6 м и толщиной до 10 м с каменными стенами, казармами и пороховыми погребами.

Укрепления (форты) были связаны между собой системой траншей полного профиля. В промежутках между укреплениями были поставлены полевые батареи. Впереди укреплений и траншей имелись рвы глубиной до 3 м и шириной до 18 м, волчьи ямы в 3—5 рядов, самовзрывные фугасы (петарды), сетки и другие препятствия.

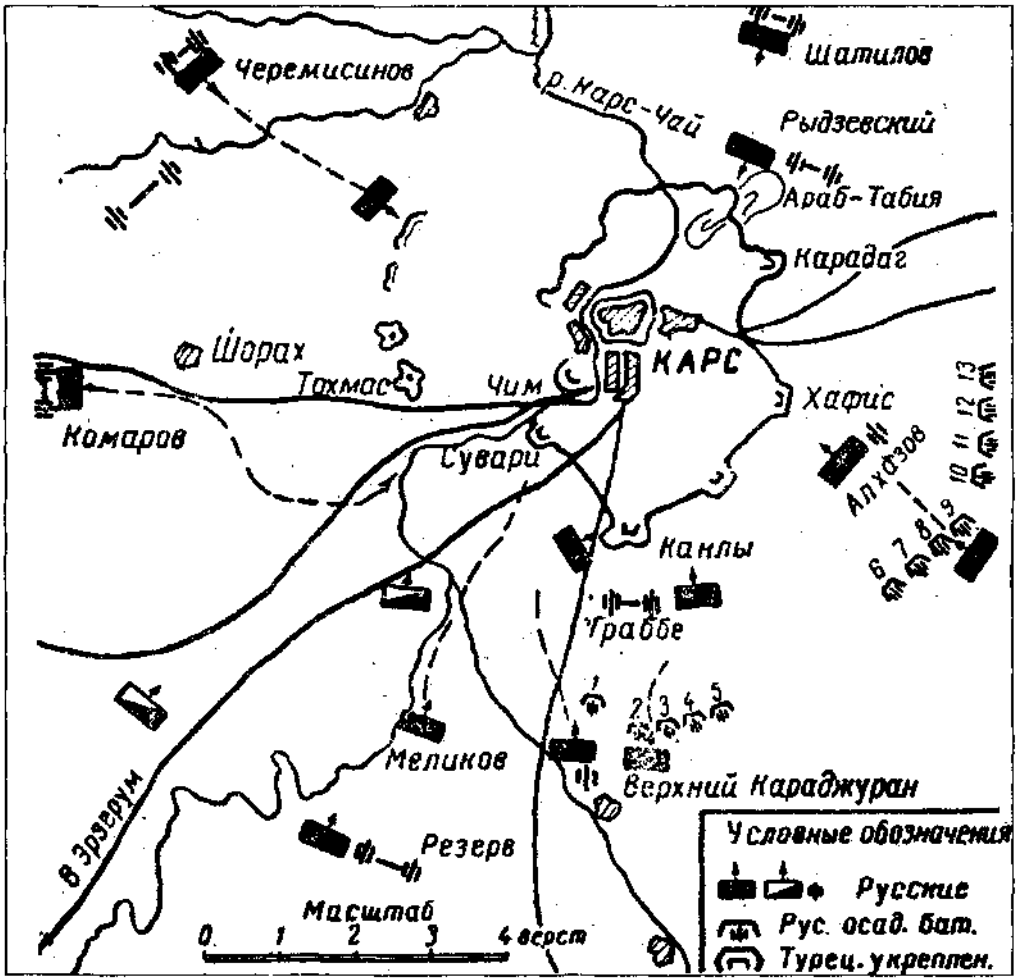
Крепостная артиллерия состояла из 192 нарезных и 111 гладкоствольных орудий. Среди нарезных орудий было пятьдесят 24-фунтовых пушек, пятнадцать 12-фунтовых пушек, 122 пушки калибра от 4 до 6 фунтов, а также пять 3-фунтовых горных пушек. Большую часть (77 из 111) гладкоствольных орудий составляли мортиры 5-, 2-, 1- и полупудового калибра. К началу осады гарнизон Карса составлял около 25 тысяч человек. Комендантом крепости был Гуссейн-Хами-паша.

Русские войска, обложившие Карс, имели 28 тысяч штыков и сабель. В составе полевой артиллерии было пушек образца 1867 г.: 56 девятифунтовых, 82 четырехфунтовые и 8 трехфунтовых.

С 13 по 20 октября к крепости Карс подошел осадный артиллерийский парк, в составе которого было: пять 6-дюймовых пушек весом в 190 пудов (их тогда называли дальнобойными), 24 медные 24-фунтовые пушки обр. 1867 г., 28 стальных 9-фунтовых пушек и шесть 6-дюймовых мортир.

С 30 октября началась интенсивная бомбардировка турецких укреплений. В 9 часов вечера 5 ноября начался штурм крепости. В нескольких местах штурмовые колонны сопровождались 3-фунтовыми горными пушками. К 8 часам утра 6 ноября уцелевшие при штурме турки капитулировали. Удалось бежать только небольшой группе всадников и коменданту крепости Гуссейну-Хами-паше.

Всего при штурме Карса было взято в плен 18 тысяч турецких солдат и офицеров, в том числе начальник артиллерии крепости Гуссейн-бей. Кроме того, турецкий гарнизон потерял убитыми и ранеными около 7 тысяч человек. Русские войска взяли всю артиллерию Карса (303 орудия), несколько тысяч ружей и огромные склады с различными запасами. Потери войск русского корпуса составили: 1 генерал, 17 офицеров, 470 нижних



Осада и штурм Карса в 1877г.

чинов убитыми, ранены 1 генерал, 58 офицеров и 1726 нижних чинов.

Штурм Карса стал последним крупным сражением на Кавказском театре военных действий.

27—28 октября генерал Гейман пытался штурмовать Эрзерум, но потерпел поражение и снял осаду крепости.

Операции Кобулетского отряда в районе Батума велись вяло. Командующий отрядом генерал Оклобжио, а затем сменивший его в августе генерал Комаров всю войну провели практически на тех же позициях и так до окончания войны не сумели взять Батума.

19 февраля 1878 г. представители России и Турции подписали мирный договор в местечке Сан-Стефано под Константинополем. Подробности условий этого мира выходят за рамки книги, и я

отсылаю интересующихся читателей к моей работе «Россия и Англия: неизвестная война. 1857—1907» (Москва, АСТ, 2003). Здесь же я упомяну лишь о территориях, приобретенных Россией в Азии. Турция была обязана выплатить контрибуцию в 1410 млн рублей. Большую часть этой суммы — 1100 млн рублей — Россия получала в виде уступки ей земель: Ардагана, Карса, Батума и Баязета с окрестностями, вплоть до Саганлугского хребта. Остальная часть контрибуции, 310 млн рублей, должна быть выплачена деньгами.

Однако значительную часть выгод, полученных по Сан-Стефанскому договору, Россия под нажимом западных держав утратила, что и было зафиксировано 1 июля 1878 г. в Берлинском трактате.

Наконец, 27 января 1879 г. в Константинополе был подписан окончательный мирный договор между Россией и Турцией. Согласно ему Ардаган, Карс и Батум присоединялись к России, которая возвращала Порте уступленные ей в Сан-Стефано Алашкертскую долину и город Баязет. Батум провозглашался «вольной гаванью», исключительно торговой. Хотур отошел к Персии.

Жители уступленных России земель должны были иметь возможность покинуть их в трехлетний срок с правом продажи недвижимого имущества.

Глава 3

Карская область Российской империи

Из новоприобретенных земель на Кавказе Александр 11 повелел создать две области — Карскую и Батумскую. В некоторых изданиях говорится о Карской губернии, но это неверно. Была только область с «военно-народным управлением». Фактически же в области было военное управление во главе с военным губернатором.

Карская область была разделена на четыре округа — Карский, Кагызманский, Ардаганский и Олтикинский. В свою очередь, округа делились на участки. Округами управляли окружные начальники, а участками — участковые начальники. Все они назначались военным губернатором. Губернаторы были подчинены кавказскому наместнику. С 6 декабря 1862 по 1 января 1882 г. им был великий князь Михаил Николаевич, младший сын императора Николая I. Затем новый император, Александр III, вообще упразднил наместничество и приказал образовать Кавказскую администрацию во главе с главнокомандующим гражданской частью, одновременно главнокомандующим и наказным атаманом казачьих войск Александром Михайловичем

Дондуковым-Корсаковым (с 1 января 1882 по 3 июня 1890 г.). Его сменил Сергей Алексеевич Шереметев (с 3 июня 1890 по 6 декабря 1896 г.), а затем Григорий Сергеевич Голицын (с 12 декабря 1896 г. по февраль 1905 г.)

Наконец 26 февраля 1905 г. Николай II повелел вновь ввести наместничество. Наместником был назначен граф И.И. Воронцов-Дашков.

23 августа 1915 г. последним наместником на Кавказе стал великий князь Николай Николаевич. Николай II снял его с должности главнокомандующего русской армией и отправил в почетную ссылку на Кавказ.

Выборными были лишь старшины в больших и малых населенных пунктах. В больших селах население выбирало башмухтара, а в малых — просто мухтара. Выборные мухтары утверждались царской администрацией. Если мухтар не нравился властям, его просто смещали и заменяли назначенцем, обычно таковым становился молоканин.

После присоединения Карской области к России значительная часть мусульманского населения покинула ее. Точное число их неизвестно. Однако в Карсе до 1877 г. проживало 15—20 тысяч человек, а в 1897—1902 гг. 5,5—6 тысяч человек (без военнослужащих).

В Карской области общей площадью 16 475 квадратных верст, согласно переписи 1897 г, проживало 290 654 человека. Из них мужчин 160 571 и женщин 130 083. Такая разница мужского и женского населения была связана с тем, что многие женщины прятались от переписчиков. Население области быстро росло. Так, в 1897— 1902 гг. число рождений превышало число смертей примерно на 4,5 тысячи человек.

В результате к 1 января 1914 г. численность населения Карской области составила 349 тыс. человек, из них 186 тыс. мужчин и 163 тыс. женщин.

К 1893 г. русские в Карской области составляли только 6 % населения, армяне — 21 %, турки — 24,1 %, курды — 17 %, греки — 13%. Кроме того, в области проживали лезгины, евреи, эстонцы, немцы и т.д. К примеру, у немцев было , одно село и у эстонцев одно село.

Край был очень беспокойным. Турки и курды ненавидели армян и друг друга, а все вместе косо посматривали на русских. Поэтому ни о каком гражданском управлении, особенно о земствах, речь идти не могла.

Военные власти поощряли иммигрантов-русских, благожелательно относились к приезду греков из Трапезундского вилайета[154] в начале 1880-хгг. (До этого греков в районе Карса практически не было.) Значительная часть армян как из Турции, так и из Русской Армении пожелала переселиться в Карскую область, но военные власти отказали. Исключением были 500 димов (больших семейств) из Алашкертской долины, где курды особенно притесняли армян. Только этим армянам было разрешено переехать из Османской империи.

Население области было многоконфессиональным. Большую часть православного населения составляли греки. На одно-

го русского православного приходилось восемь русских сектантов. Подавляющее большинство армян (97,5 %) принадлежало к армяно-григорианской церкви, и, естественно, были католики и протестанты. Турки и курды почти все числились суннитами. Любопытно, что большинство турок были этническими грузинами, принявшими ислам. Большинство из них еще не забыло грузинский язык, но они осознавали себя турками и очень обижались, когда русское начальство расспрашивало об их грузинском прошлом.

Несмотря на такую многонациональность и многоконфессиональность, крупные этнические и религиозные конфликты в области отсутствовали. Понятно, что такое миролюбие было связано с присутствием «ограниченного контингента» русских войск.

А вот разбои и угон скота в области были повсеместным явлением. Поэтому военная администрация каждому русскому поселенцу, независимо от вероисповедания, выдавала винтовку системы Бердана. Она была однозарядная, и, соответственно, скорострельность была ниже, чем у магазинной винтовки Мосина, но поражающее действие из-за большего калибра было выше.

Думаю, многие читатели уже удивились, откуда в области оказалось столько русских сектантов? Дело в том, что православных переселенцев из центральных губерний России было очень мало, и они основали только четыре селения. А еще хуже была их беспросветная бедность. Военная администрация периодически выдавала им в долг, а чаще безвозмездно хлеб, муку, зерно и т.д. Земля в крае была государственной, и переселенцы получали наделы бесплатно. Но, увы, многие православные, вместо того чтобы работать, пошли по миру просить подаяния.

Тогда военные надавили на центральную власть и добились разрешения на приезд сектантов, большую часть которых составляли духоборы и молокане. В небольшом количестве имелись и «прыгуны», «субботники» и другие сектанты.

Сектанты, в отличие от православных, приехали с деньгами, скотом и утварью. Особенно много денег было у духоборов. Духоборы быстро освоились на новом месте. Они вывели новые породы коров и лошадей. Так, карская духоборская лошадь была не особенно велика ростом, но очень сильна, имела покладистый нрав и легко шла в упряжку.

Духоборы и молокане впервые в области завели фургоны и даже фаэтоны. До этого местное население знало только арбы. Впервые сектанты завели и огороды, где выращивали картофель, капусту, лук, свеклу и другие овощи, ранее неведомые туземцам.

Духоборы и молокане монополизировали как грузовой, так и пассажирский извоз, что очень нравилось военным властям. Ведь Карская область должна была стать в ближайшие годы плацдармом для наступления на турецкие владения, и гужевой транспорт был крайне необходим армии в ходе боевых действий.

Насколько духоборы и молокане были схожи в хозяйственной деятельности, настолько они отличались в быту. Как уже говорилось, все семьи духоборов и молокан были вооружены для защиты от разбойников. Когда у духоборов мусульмане крали скот или лошадей, то они обязательно находили вора, но не пускали, за исключением редких случаев, в ход оружие, а шли жаловаться властям. Замечу, что в отличие от современной милиции военные власти эффективно помогали духоборам. А вот молокане сами ловили воров и сурово расправлялись с ними. Так что угоны скота у молокан случались крайне редко.

Духоборы брили бороды, грамотных среди них было мало, зато они ели свинину и очень любили водку. Молокане носили бороды, почти все были грамотны, но ни под каким видом не употребляли свинину и водку.

Духоборы были противниками военной службы, и местное начальство быстро оставило их в покое, зато молокане привлекались к воинской повинности.

И сектанты, и армяне, и мусульмане активно занимались скотоводством и земледелием, что было довольно тяжелым делом в условиях резко континентального климата. Среднегодовая температура в Карсе была +3,7 °С, в августе +17,5 °С, в январе же — 16,4 °С. Однако зимой морозы достигали 30—35° ниже нуля, а летом иной раз стоял а жара до +35°. В Карской области выращивали пшеницу как озимую, так и яровую, ячмень (яровой), лен и в небольших объемах рожь.

В долинах рек Аракс и Олтычай выращивали кукурузу, пшено, табак, просо, рис и хлопок. Из фруктов наиболее были распространены яблоки, груши, вишня, персики, айва, виноград, инжир, слива, а также орехи.

Еще Пушкин отметил бедность и низкую степень развития местного населения. К 1878 г. по сравнению с 1829 г. практически ничего не изменилось. Русские застали в Карсе 2200 домов на грязных и кривых улицах. За первые 20 лет правления военной администрации в городе было построено несколько десятков современных домов. Естественно, что власти в основном строили дома для собственных нужд.

В 1881 г. русские архитекторы составили план реконструкции Карса. На новых прямых улицах должны были быть построены новые каменные дома. Однако жители-мусульмане не желали благоустраивать свой город и заламывали завышенные цены за свои дома и хозяйственные строения. В результате к 1902 г. удалось построить новые дома лишь на одной новой улице длиной полторы версты.

К этому времени был разбит большой городской сад, а улицы стали освещаться керосиновыми фонарями. Однако водопровода в 1902 г. в городе еще не было.

Уже в 1879 г. в Карсе открылась первая школа. Она была частная, и там учились как мальчики, так и девочки. Но на следующий год открылись две казенные школы (для мальчиков и девочек отдельно). К 1902 г. в них обучалось 550 мальчиков и 270 девочек. Это были дети рус-

ских, армян и греков. Мусульмане своих детей в школы не пускали, у них было одно свое медресе. 1 сентября 1902 г. в Карсе открылась женская гимназия, первоначально принявшая 95 девочек.

К 1902 г. в городе еще не было театра, но с открытием в 1899 г. железнодорожного сообщения с Тифлисом в Карс стали приезжать на гастроли артисты из России. Играли они на сценах Военного и Гражданского собраний — в эдаких городских клубах, в советское время их называли Дворцами культуры.

С 1883 г. в области издавалась еженедельная газета «Карс». В местной типографии было напечатано несколько десятков книг.

В 1889 г. через реку Карс-чай был построен большой железный мост вместо деревянного, снесенного в наводнение 1887 г.

Еще в 937—942 гг. в центре Карса армяне построили большой каменный храм в византийском стиле. В XV в. турки обратили его в мечеть Кюмбет-джам. Любопытно, что в 1877 г. сами турки стали использовать ее как склад боеприпасов. Может, надеялись, что русские артиллеристы не будут стрелять по мечети?

В 1878 г. великий князь Михаил Николаевич посетил Карс и высказал пожелание восстановить храм. Местная мусульманская община заявила, что у них нет претензий к возвращению храма христианам. Военная администрация выдала 20 тысяч рублей на реставрацию храма, и 6 января 1879 г. он был освящен в честь архистратига Михаила. Понятно, что название было взято с намеком на великого князя. Древний собор стал военной церковью карского гарнизона.

В 1887 г. местные греки собрали деньги и приступили к строительству второго собора. Еще два собора (один григорианский и один католический) построили армяне.

Развития промышленности в области, по крайней мере в первые 20 лет, практически не было. К 1902 г. самым крупным предприятием являлся мыловаренный завод производительностью 8,2 тонны в год. В Карее были пивоваренный и два лимонадных завода, а также одна меднолитейная мастерская, выпускавшая медную посуду. Естественно, эти предприятия были частными. Само собой разумеется, что в крепости и на железной дороге были свои казенные мастерские. Кроме того, в крае велась в больших объемах заготовка леса. Славилась Карская область и ковровым производством.

Экономический и культурный подъем в Карсе пришелся на 1907— 1917 гг. Население города к 1917 г. составляло 37 тысяч человек. Функционировало двенадцать церквей (русских, греческих и армянских), шесть мечетей, десять библиотек, один театр и два кинотеатра.

В 1910 г. в городе был открыт красивый памятник русским солдатам, павшим при штурмах Карса в 1828, 1855 и 1877 гг., работы скульптора Бориса Михайловича Микешина, сына скульптора Михаила Осиповича Микешина.

В 80 - 90-х гг. XIX в. в Карской области проложили несколько хороших до-

рог, включая шоссе Александрополь — Карс — Сарыкамыш. А в 1899 г. вступила в строй железнодорожная ветка длиной в 300 км Тифлис — Карс. Теперь Карская область соединилась со всей империей сетью железных дорог. В Карее и на других станциях были возведены железнодорожные вокзалы в стиле модерн.

Согласно постановлению Государственной думы от 19 апреля 1911 г. весной следующего года началось строительство стратегической железной дороги Карс — Сарыкамыш, на строительство которой

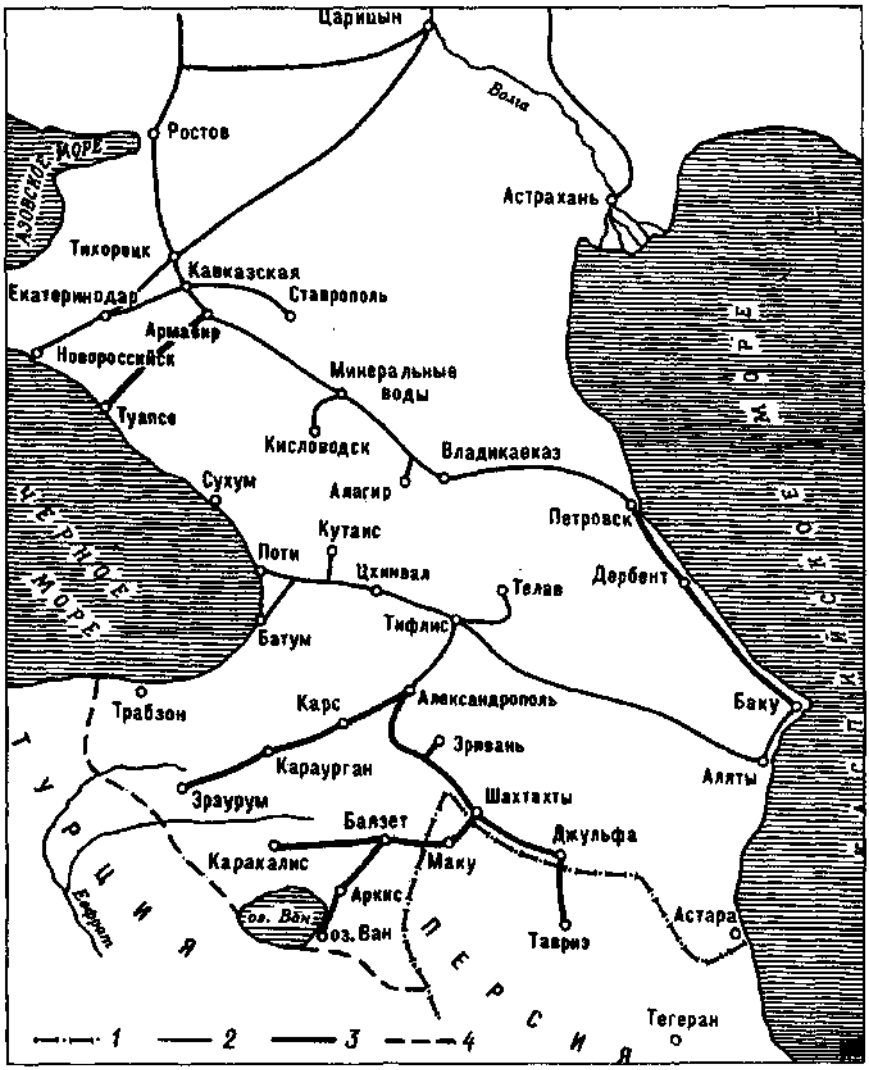


Схема железных дорог Кавказского района: I — государственная граница до 1917 г.; 2 — дороги, построенные до 1900 г.; 3 — дороги, построенные в 1900—1917 гг.; 4 — линия фронта во время Первой мировой войны.

было затрачено 3 633 645 рублей. Конечная станция этой железной дороги находилась в двух верстах от турецкой границы. «Правильное» пассажирское и товарное движение по новой дороге было введено 23 июня 1914 г. Дорога была одноколейной и рассчитана при коммерческой нагрузке на 8 пар поездов в сутки, а в военное время — на 18 пар поездов из расчета 35 вагонов в эшелоне.

Уже в ходе войны в 1916 г. в Карской области проложили железную дорогу Са¬ракамыш — Эрзерум — Мамахатун длиной 270 км, часть которой шла по турецкой территории, и железную дорогу Шах¬тахты — Каракалис.

Как уже говорилось, русское правительство рассматривало область в первую очередь как плацдарм для войны с Турцией. Поэтому крепость Карс была капитально перестроена, вокруг нее на расстоянии 5—10 верст перед войной построили цепь фортов. Форты были соединены между собой, с цитаделью и железнодорожным вокзалом узкоколейной железной дорогой Инженерного ведомства.

Карс стал самой мощной русской сухопутной крепостью в Азии. К началу 1888 г. на вооружении крепости имелась 491 пушка. Среди них были: девять 8-дюймовых облегченных пушек обр. 1867 г., пять 6-дюймовых пушек в 190 пудов обр. 1877 г., сто шестнадцать 24-фунтовых (152-мм) пушек обр. 1867 г., четыре 8-дюймовые мортиры обр. 1867 г., сорок одна 6-дюймовая мортира обр. 1867 г. и т.д.

Кроме того, в крепости хранилось 184 более-менее современные турецкие пушки, взятые в 1877—1878 гг. Из них нарезных казнозарядных — 75, нарезных дульнозарядных — 29, гладкоствольных — 80. Была даже одна 6-дюймовая казнозарядная пушка Витворта с полигональным стволом и триста снарядов к ней.

Кроме того, после русско-турецкой войны из крепости Адрианополь в Каре были переведены осадные орудия кавказского парка. К 1885 г. в их числе было сорок четыре 24-фунтовые медные пушки обр. 1867 г., пять 6-дюймовых пушек обр. 1877 г. в 190 пудов, тридцать восемь 8-дюймовых мортир обр. 1867 и 1877, тридцать две 6-дюймовые мортиры обр. 1867 г., тридцать 2-пудовых гладких мортир обр. 1838 г. и тридцать две 9-фунтовые (107-мм) пушки обр. 1867 г.

Восстанавливать турецкую крепость Ардаган Главное военно-инженерное управление признало нецелесообразным. К началу XX века ее форты пришли в полнейшую негодность.

Перед войной артиллерийское вооружение Карса еще более усилили. Так, к 1 января 1913 г. в крепости состояло на вооружении девять 8-дюймовых облегченных пушек обр. 1867 г., пятьдесят восемь 6-дюймовых пушек в 190 пудов, двадцать четыре 6-дюймовые пушки в 120 пудов, тридцать 42-линейных (107-мм) пушек обр. 1877 г., 400 полевых пушек, двадцать 57-мм капонирных пушек, тридцать семь 8-дюймовых мортир обр. 1867 и 1877 гг. и семьдесят одна 6-дюймовая мортира (с каналом обр. 1877 г.).

Спору нет, большая часть крепостных орудий Карса несколько устарела по европейским меркам, но всей турецкой артиллерии было мало, чтобы взять Карс. Да и доставить осадную артиллерию к Карсу туркам было мудрено.

Стремясь к безопасности кавказской границы империи, Россия в 1900 г. добилась заключения соглашения с Турцией, запрещавшего строительство железных дорог в граничащих с Россией северных и северо-западных вилайетах.

По настоянию великого князя Александра Михайловича в 1912—1913 гг. в районе Карса были начаты испытательные полеты первых русских военных аэропланов, а к апрелю 1914 г. сформирован первый Карский авиаотряд.

Несколько слов стоит сказать о национальной политике царизма в Карской области и на Кавказе в целом. Суть ее состояла в многочисленных шатаниях и полнейшей неразберихе. «Восток —дело тонкое», но этой простой истины так и не смогли понять царские сановники. Они предпочитали полагаться на грубую силу, вместо того чтобы разумно учитывать интересы народов Закавказья и стать беспристрастными и независимыми арбитрами. Ни в Карской области, ни в соседней Эриванской губернии царское правительство не попыталось привлечь к управлению национальные кадры. Хотя наместник Илларион Иванович Воронцов-Дашков несколько раз предпринимал такие попытки. 10 октября 1912 г. он писал императору Николаю II: «Покровительствуя армянам, мы приобретали верных союзников, всегда оказывавших нам большие услуги». По мнению наместника, армяне должны были стать союзниками России в борьбе за влияние в Малой Азии.

Тем не менее, Николай II так ничего и не сделал для своих армянских подданных. Зато по отношению к армянам в Оттоманской империи царское правительство не скупилось на словесную поддержку. Россия неоднократно призывала Турцию соблюдать права армянского населения. Но это было лишь средством давления на несговорчивого соседа.

Глава 4

Первая мировая война и потеря Карса

28 октября 1914 г. турецкие корабли без объявления войны обстреляли Севастополь и Одессу. На следующий день турки обстреляли Новороссийск. Так началась новая русско-турецкая война.

К началу войны турки сосредоточили Третью армию в составе 190 батальонов на фронте от Черного моря до Моосула. При этом большая часть сил армии дислоцировалась на границе Батумской и Карской областей.

Третьей армией командовал Гассан-Изет-паша. В состав армии входили 9, 10 и 11-й корпуса; одна кавалерийская дивизия; 4,5 курдских дивизии; пограничные войска и жандармерия. Третья армия располагала 244 полевыми орудиями. Для усиления армии из Месопотамии подтягивалась 37-я пехотная дивизия 13-го корпуса. Основные силы армии были сосредоточены в районе Эрзерума.

Третьей армии турецким командованием была поставлена задача — разгромить русских у Сарыкамыша, а потом, оставив заслон против Карса, наступать для захвата Ардагана и Батума. В случае перехода русской Кавказской армии в наступление Третья турецкая армия имела задачей не допустить глубокого проникновения русских на турецкую территорию и нанести им контрудар. При вторжении главных сил русской армии на эрзерумском направлении турки должны были окружить их восточнее Эрзерума.

Как и во всех предшествующих русско-турецких войнах, в 1914—1917 гг. русское командование считало Кавказский фронт второстепенным.

Русской Кавказской армией командовал наместник царя на Кавказе генерал от кавалерии граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. К этому времени графу было 77 лет, и фактически руководство войсками осуществлял его начальник штаба генерал Николай Николаевич Юденич (1862—1933).

К началу военных действий Кавказская армия включала в свой состав 1-й Кавказский, 2-й Туркестанский корпуса и отдельные соединения: 66-ю пехотную дивизию, две казачьи дивизии, две бригады и другие части. Общая численность Кавказской армии составляла 153 батальона, 175 сотен, 12 саперных рот, 350 полевых орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии. Всего свыше 170 тысяч человек. Русская армия опиралась на крепости Карс и Батум.

Войскам Кавказской армии ставились задачи: удержать железную дорогу Баку — Владикавказ и Военно-Грузинскую шоссейную дорогу Тифлис — Владикавказ; оборонять важнейший промышленный центр — Баку и не допустить появления турецких сил на Кавказе. Для выполнения поставленных задач русские силы должны были вторгнуться в Западную Армению, разбить передовые части турок и активно обороняться на занятых приграничных горных рубежах.

Армия занимала фронт протяженностью 720 км — от Черного моря до озера Урмия. Так как по условиям театра войска могли действовать лишь на отдельных изолированных друг от друга направлениях, русские силы были сосредоточены в четырех группах — на трапезундском, ольтынском, эрзерумском и эриванском операционных направлениях. Каждая группа состояла из двух-трех отрядов разной численности. Главный удар русское командование решило нанести на эрзерумском направлении, так как по условиям местности занятие русскими Эрзерума открывало доступ через Эрзинджан в Анатолию. Кроме того, это направление было лучше обеспечено дорогами и допускало

использование крупных сил. Действия на главном направлении обеспечивались наступлением части сил на ольтынском и кагызманском направлениях.

Турки также решили действовать наступательно, нанося главный удар на карском направлении и второстепенный — на батумском.

Операции на Кавказском фронте в 1914 г. начались встречными сражениями на эрзерумском направлении (Кеприкейская операция). Перейдя границу 2 ноября, Сарыкамышский отряд Кавказской армии уже 7 ноября захватил Кеприкейскую позицию, расположенную в 50 км от Эрзерума, а также ряд других важных пунктов.

Со стороны Эрзерума наступали турецкие войска. Русские упорно сопротивлялись, но под угрозой обхода правого фланга немного отошли на рубеж Али-Килиса — Ардос — Хоросан. 14 ноября снова завязалось крупное сражение, в ходе которого русские вынудили турок с 19 ноября перейти к обороне. Третья турецкая армия стала закрепляться перед Сарыкамышским отрядом. Началось осеннее бездорожье на равнинах и местами в горах. Это крайне затрудняло активные боевые действия. Тем не менее, русские войска 21 ноября перешли в общее наступление, нанесли турецким войскам тяжелые потери и отбросили их. В связи с приходом зимы дальнейшее наступление не могло дать ощутимых результатов, и командование русской Кавказской армией решило остановиться и перейти к обороне на рубеже Маслахат — Азан-кей — Юзверан — Арди.В ходе Кеприкейской операции турецкие войска потеряли 15 тысяч человек (в том числе 3 тысячи дезертиров). Потери русских не превышали 6 тысяч человек.

На других направлениях действия русских войск были также успешными. На кагызманском, эриванском и азербайджанском направлениях русские заняли труднодоступные естественные рубежи, преграждавшие наступления турок.

В районе Батума для русской армии сложилась неблагоприятная обстановка. Подтянув к ноябрю к району Хопы большие силы, турки 16 ноября несколькими группами перешли в наступление по направлению к границе. Из них правая группа атаковал а Артвин, а три остальные, выдвинув заслон против отряда (около 1 тысячи человек), занимавшего Лиман, двинулись через границу по трем почти параллельным ущельям, угрожая занять коммуникационную линию Артвин — Борчха — Марадиды и зайти в тыл Батуму. Комендант Михайловской крепости двинул против турок почти все наличные силы. Турок удалось было остановить, но внезапно с тыла и флангов на русских напали восставшие аджарцы. Русское командование растерялось и приказало отступить к Батуму. Турки заняли Артвин, Борчху, а со стороны моря подошли к реке Чорох.

Подтянув резервы, в конце ноября 1914 г. русские перешли на контрнаступление и при поддержке огня корабельной артиллерии отбросили турок.

К середине декабря Третья турецкая армия включала: до 121 батальона, около

22 эскадронов, 263 орудия, плюс курдские отряды.

22 декабря турки начали наступление на Сарыкамыш. Руководить наступлением прибыл в Эрзерум сам Энвер-паша. К 25 декабря турки с севера обошли русские войска и пошли к Сарыкамышу. Бой завязался на улицах города. В Сарыкамыш срочно прибыло и русское начальство — генералы А.З. Мышлаевский и Н.Н. Юденич.

Русским удалось оперативно снять с других участков войска и перебросить их к Сарыкамышу. Кроме того, из Тифлиса подошла Сибирская казачья бригада. В результате IX и X корпуса турок оказались в окружении.

Остатки IX корпуса сдались 4 января 1915 г. у Сарыкамыша, а остаткам X корпуса удалось уйти по горным тропам.

В ходе Сарыкамышской операции турки потеряли около 90 тысяч человек (в том числе 30 тысяч замерзшими) и 60 орудий. Кавказская армия тоже понесла большие потери. Из строя выбыло более 20 тысяч человек.

В первых числах января 1915 г. русские войска начали наступление на Эрзерум. Одновременно часть войск была направлена на зачистку Аджарии от протурецких повстанцев.

С началом войны турецко-курдские отряды вторглись в Персидский Азербайджан. Им удалось занять город Тавриз. В дальнейшем турки намеревались пересечь русскую границу и двинуться на Баку. Тогда русские войска вступили на территорию Персии и 30 января 1915 г. выбили турок из Тавриза.

В январе — марте 1915 г. батумская группировка русских войск продолжала наступление против I турецкого корпуса и овладела городом Хопа.

Но наиболее кровопролитные сражения происходили севернее озера Ван. В мае — июне Кавказская армия продвинулась на 80— 100 км и овладела населенными пунктами Дутак, Малазгирт, Ван, Урмия.

Кавказская армия имела реальные шансы разгромить турецкие войска и начать решительное наступление в глубь неприятельской территории. Однако Николай II и его окружение не только не посылали подкреплений в Кавказскую армию, но и даже периодически забирали из нее наиболее боеспособные части, заменяя их второочередными формированиями. Кавказская армия была строго л имитирована в снарядах. К началу кампании 1915 г. на артиллерийских складах имелся запас снарядов и патронов, исходя из нормы: 50 легких, 75 горных и 50 гаубичных снарядов на орудие, по 50 патронов на винтовку.

Все это дало возможность туркам 9 июля перейти в контрнаступление и взять города Каракалисы и Мелазгирт. Положение русских сделалось угрожающим для всего Кавказского фронта.

Генерал Юденич срочно создал ударную группировку силой в 24 батальона и 31 конную сотню и 1 августа ударил в левый фланг турок. Турецкие войска отступили, и к концу августа фронт стабили-

зировался на линии Бюлюк — Ваши — Эрджиш (на озере Ван).

В завершение рассказа о кампании 1915 г. необходимо сказать и о кадровых изменениях, происшедших в августе 1915 г. как в Кавказской армии, так и в России в целом. 23 августа Николай II сместил с поста главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (младшего) и назначил его наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией.

Николай II сам стал главнокомандующим русской армией и флотом. В бытность наследником Николай командовал гвардейским батальоном. Но еще тогда современники говорили, что его военные знания остались на уровне гвардейского поручика. Естественно, что за царя руководство войной вел начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев.

Турецкое командование не имело четких оперативных планов кампании 1916 г. По мнению Энвер-паши, война решалась не на турецких фронтах, а в Европе, и он даже предлагал турецкие войска, освободившиеся после Дарданелльской операции, направить в Австро-Венгрию.

Правящие круги России тоже не придавали большого значения войне с Турцией, на Кавказе не хватало солдат, а царь направлял на убой на Западный фронт во Францию десятки тысяч русских солдат. Я уже не говорю о том, что в августе 1914 г. французское правительство предоставляло тысячам или даже десяткам тысяч русских мужчин, имевших несчастье оказаться во Франции к началу войны, выбор: либо идти во французскую армию, либо отправляться в концлагерь до конца войны. На что ни русский военный агент граф Игнатьев, ни русский посол в Париже, ни сам Николай II никак не реагировали.

На самом же Кавказском фронте и русские, и турецкие генералы были настроены воинственно и рвались наступать. К началу 1916 г. в составе Третьей турецкой армии было 121,5 батальона, 78 эскадронов и курдские части. Всего 80 226 человек, из них 56 195 штыков и 2087 сабель. Имелось 150 орудий и 77 пулеметов.

Кавказская армия имела 118 батальонов, 23 ополченческие дружины, 104,5 эскадрона и сотни, 338 орудий, 10 самолетов и 150 грузовых автомобилей.

Турки планировали начать наступление весной, но русские их опередили и начали Эрзерумскую операцию.

Наступление русских войск началось в ночь на 10 января 1916 г. атакой 2-го Туркестанского корпуса на ольтынском направлении с целью привлечь внимание турок к их левому флангу, а затем, через 2 дня, перешел в наступление и 1-й Кавказский корпус, поддержанный армейским резервом. Для турок наступление русских в самое неудобное время года, тщательно подготовленное, при скрытно произведенных перегруппировках войск, было полной неожиданностью, что и способствовало успеху первого этапа операции — овладению кеприкейской позицией. Вся операция вылилась в ряд такти-

ческих действий: борьбу за горные перевалы и обходы противника по горным хребтам, достигавшим высоты 2700 м, при 25-градусном морозе и при вьюгах, сразу же заметавших протоптанные тропы. Вся тяжесть наступления легла на пехоту, которой приходилось втаскивать пушки на руках. Особенно тяжело пришлось войскам 2-го Туркестанского корпуса, некоторые колонны которого в полном смысле слова пробивались в снежных туннелях. Наиболее быстро шло наступление русских на сарыкамышском направлении, в основном из-за большего числа и лучшего качества дорог.

В середине января был занят Гассан-Кала. Русские войска не встретили почти никакого сопротивления, так как турки спешно отступили к Эрзеруму. Можно было считать, что задача, поставленная Кавказской армии, была выполнена, так как живая сила турок была разбита и центр их расположения прорван. По агентурным сведениям, турки в Эрзеруме пали духом, никто не готовился к обороне, и крепость легко можно было взять с ходу.

С другой стороны, турки начали переброску войск к Эрзеруму из Константинополя и Месопотамии. Поэтому генерал Н.Н. Юденич предложил немедленно штурмовать Эрзерум. Однако прибывший в армию из Тифлиса великий князь Николай Николаевич не согласился с ним. Свое решение великий князь обосновал мощью турецкой артиллерии на фортах Эрзерума (265 орудий). Лишь после долгих препирательств Юденичу удалось настоять на своем.

Русские начали штурм Эрзерума 11 февраля в 8 часов вечера. С севера наступал 2-й Туркестанский корпус, а с востока — 4-я Кавказская стрелковая дивизия и 1-й Кавказский корпус. Всего для штурма предназначалось 78 батальонов, 54,5 сотни, 4 роты саперов и 180 орудий, из которых 16 тяжелые, доставленные из Карса на автомобилях. Русское наступление проходило успешно. Уже 12 февраля русские войска овладели двумя фортами на важных направлениях, что позволило им с севера выйти в тыл турецких позиций. 16 февраля русские войска ворвались в Эрзерум, а турки были отброшены на 70—100 км к западу. По достижении рубежа Мемахатун 13 марта и Хибонси 25 марта русские войска прекратили преследование и остановились из-за трудностей подвоза зимой по неподготовленным горным дорогам провианта и боеприпасов.

В ходе боев было захвачено 8 тысяч пленных, 9 турецких знамен, 315 орудий, большие запасы боеприпасов и продовольствия. Русские потери с начала операции составили 2300 убитыми, 14 700 ранеными и обмороженными. Всего 17 тысяч человек. Турецкая же армия потеряла более половины своего состава и почти всю артиллерию.

Начавшаяся в середине марта весенняя распутица и полное бездорожье приостановили наступательные действия на эрзерумско-эрзинджанском направлении. Но на побережье Черного моря, где

весна наступает раньше, распутица уже кончилась. Здесь с 5 февраля весьма успешно наступал во взаимодействии с Черноморским флотом Приморский отряд. К 25 марта этот отряд находился в 50 км от Трапезунда — промежуточной базы турок.

К этому времени в составе Приморского отряда было 11 батальонов, 9 дружин ополчения, 3 сотни, 4 инженерных роты и 38 орудий.

К 14 апреля Приморский отряд в составе 20 батальонов занял позицию вдоль правого берега реки Кара-Дере. Турецкие войска, уступавшие в силе почти вдвое, укрепились на левом берегу, заняв Сюрмене. В тот же день русские при поддержке артиллерии с двух кораблей заняли Сюрмене, а на следующий день продвинулись вперед, не дойдя до Трапезунда около 15 км. Здесь войска остановились и стали готовиться к штурму Трапезунда, который был назначен на 19 апреля. Этим перерывом в наступлении воспользовались турки, которые в ночь на 16 апреля отступили из города. Через два дня, 18 апреля, греческое население Трапезунда, чтобы избежать штурма, прислало своих представителей с просьбой занять оставленный турецкими войсками город. Так Трапезунд был занят русскими без боя.

Вся операция по взятию Трапезунда была предпринята с целью создать там мощную базу снабжения. Поэтому было решено для прикрытия будущей базы создать здесь сильную круговую позицию, укрепленный район, который мог бы служить опорой для правого фланга армии, для чего и было намечено занять Платану. Но Приморский отряд был слишком малочисленным для удержания всего намеченного плацдарма, и Юденич через главнокомандующего Кавказской армией потребовал у Ставки направить ему в подкрепление не менее двух пехотных дивизий. Это подкрепление было дано в виде двух третьеочередных дивизий, которые и были перевезены морем в конце мая из Мариуполя в Трапезунд, где были сведены в 5-й Кавказский корпус.

Турки не смирились с потерей Эрзерума и Трапезунда и решили провести контрнаступление. Из района Проливов на Кавказский фронт была переброшена Вторая турецкая армия в составе 10 дивизий.

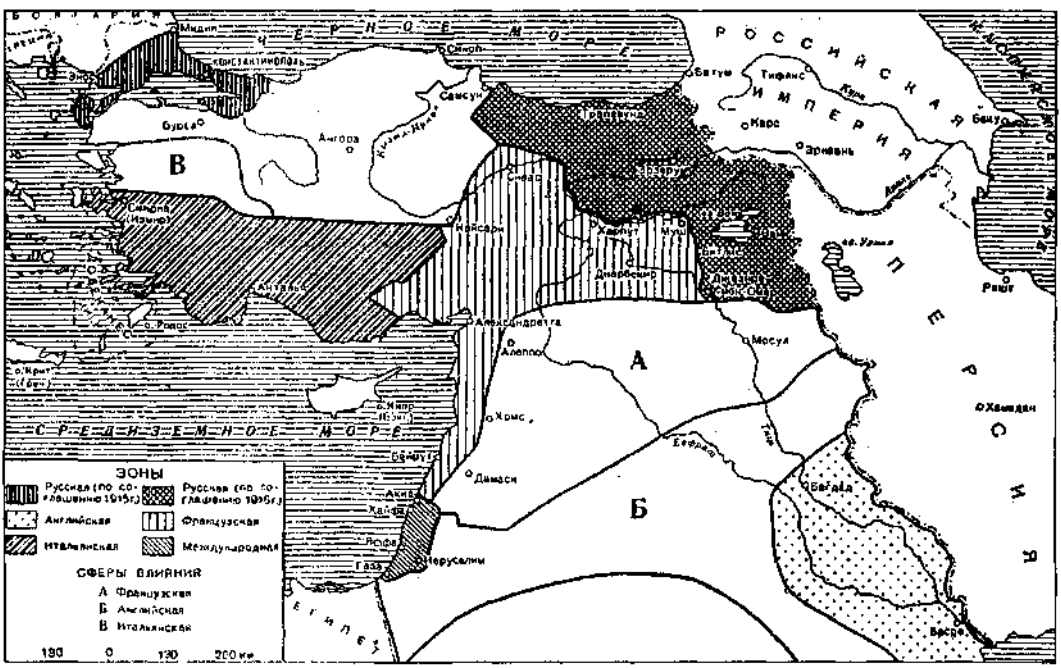
К началу наступления турок силы Кавказской армии составляли 183 1/4 батальона, 49 ополченческих дружин, 6 армянских добровольческих дружин, 175 сотен, 657 пулеметов, 470 орудий, 28 инженерных рот, 4 авиационных и воздухоплавательных отряда и роты, 6 автомобильных и мотоциклетных рот и команд, 9 бронеавтомобилей. Всего 207 293 штыка и 23 220 сабель.

Наступление турок началось в апреле. В конце мая туркам удалось отбить город Мемахатун. В это время к русским перебежал офицер турецкого Генерального штаба. Из привезенных им документов и данных им показаний выяснилась полная картина как устройства турецкого тыла и группировки войск, что до сих пор было известно только в общих чертах, так

и турецкого плана наступления. Тогда генерал Юденич решил предупредить турецкое наступление своим контрударом, имея целью, выдвинувшись на линию Гюмюшхана — Калкит — Эрзинджан, разбить Третью турецкую армию до сосредоточения Второй армии.

Чтобы отвлечь внимание русского командования от направления главного удара, который намечался турками восточнее Трапезунда, турки 30 мая внезапно перешли в наступление в районе Мемахатун и потеснили части 1-го Кавказского корпуса к Эрзеруму. Но 6 июня наступление турецких войск здесь было остановлено контрударом русских. На главном направлении турки начали операцию 22 июня. Сосредоточив в полосе прорыва до 27 батальонов против 12 батальонов русских, они нанесли удар по левому флангу 5-го Кавказского корпуса в направлении на Сурмали, имея целью отрезать русские силы в районе Трапезунда. Прорвав русский фронт, турки потеснили на этом участке русских и оказались всего в 20 км от моря. Но к 4 июля турки понесли большие потери, их натиск ослабел, и левое крыло 5-го Кавказского корпуса, в свою очередь, перешло в наступление. Еще раньше, 2 июля, воспользовавшись ослаблением турецких сил перед своим фронтом, перешел в наступление 2-й Туркестанский корпус.

5 августа началось наступление Второй турецкой армии на огнотском направлении. Русские первоначально отошли, но



План раздела Турецкой империи в период Первой мировой войны

затем, перебросив с других участков фронта значительные силы, 17 августа перешли в контрнаступление. До 11 сентября бои шли с переменным успехом, а затем в горах выпал снег и ударил мороз, заставивший противников прекратить боевые действия и спешно готовиться к зимовке. С началом зимних холодов обе стороны до весны перешли к обороне.

Согласно знаменитой формуле Клаузевица «Война есть продолжение политики иными средствами», уже в ноябре 1915 г. правительства Англии и Франции приступили к переговорам о разделе азиатской части Турции. Обе стороны выделили для переговоров своих лучших знатоков Ближнего Востока: Франция — бывшего французского генерального консула в Бейруте Пико, Англия — эксперта министерства иностранных дел по ближневосточным делам Сайкса. Переговоры о судьбе Проливной зоны, равно как и боевые действия в том районе, выходят за рамки книги, и интересующихся читателей я отправляю к своей книге «Тысячелетняя битва за Царьград».

Уже в январе 1916 г. проект соглашения был готов. В английскую зону было решено включить Месопотамию с Багдадом и Басрой., но без Мосула. Кроме того, Англия получала палестинские порты Хайфу и Акру. Во французскую зону были включены Ливан, прибрежная часть Сирии (западнее линии Алеппо — Хомс), часть Восточной Анатолии, Малую Армению и Курдистан.

Наступление русских войск на Кавказе внесло серьезные коррективы в планы Англии и Франции. Опасаясь, как бы области Азиатской Турции, о разделе которых они сговорились, не оказались захвачены Россией, Франция и Англия поспешили согласовать свои планы с царским правительством. В феврале 1916 г. Пико и Сайкс срочно выехали в Петроград. Памятной запиской английского и французского посольств в Петрограде от 25 февраля (9 марта) 1916 г. царскому правительству было сообщено содержание предварительного англо-французского соглашения о разделе Азиатской Турции.

Докладывая о проекте Сайкса — Пико Николаю II, министр иностранных дел С.Д. Сазонов указывал, что для России «наиболее существенное значение» имеет предложенная в этом проекте граница между русскими и французскими будущими владениями. «С точки зрения топографической, — писал Сазонов во всеподданнейшей записке от 29 февраля (13 марта) 1916 г., — она представляется довольно естественной, следуя по направлению главного горного массива, но по политическим и стратегическим соображениям она едва ли может считаться приемлемой. Появление на большом протяжении нашей азиатской границы, в местностях со смешанным и беспокойным населением великой европейской державы, хотя бы в настоящее время и союзной нам, и внедрение ее углом в русско-персидскую границу — должно быть признано нежелательным». По мнению Сазонова, для России «наиболее выгодною была бы общая граница на юге с каким-

либо азиатским мусульманским государством в виде ли арабского халифата, или турецкого султаната»[155].

В заключение своей всеподданнейшей записки Сазонов отметил, что если бы не удалось добиться создания между русской и французской зоной (за счет уменьшения последней) буферной области, то «следует во всяком случае настаивать на включении в нашу зону Урмийского округа и Битлисских проходов, предоставив французам некоторые вознаграждения в Малой Армении в районе треугольника Сивас — Харпут — Кесария».

Последний вариант в конечном счете и лег в основу соглашения России с Францией и Англией о разграничении их будущих владений в Азиатской Турции. Получив согласие французского правительства на включение в русскую зону Битлисских проходов и области Урумийского озера взамен территории Малой Армении, ограниченной треугольником Сивас — Харпут — Кесария (Кайсари), Сазонов 17 (30) марта поставил вопрос о разделе Азиатской Турции на обсуждение особого совещания.

Соглашение между Россией и Францией о разделе Азиатской Турции было заключено 13 (26) апреля 1916 г. По этому соглашению Россия получала «области Эрзерума, Трапезунда, Ванна и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда». Кроме того, ей отдавалась часть Курдистана, «расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией», которая по плану Сайкса — Пико предназначалась Франции. Взамен этого Франция получила обусловленную часть Малой Армении. 26 апреля (9 мая) и 3 (16) мая 1916 г. состоялось соглашение между Францией и Англией — так называемое соглашение Сайкса — Пико. 17 (30) мая 1916 г. Англия присоединилась к франко-русскому соглашению о разделе Азиатской Турции.

В 1915 г. турки устроили геноцид армянского населения по всей Малой Азии. Это существенно осложнило ситуацию в регионе. При этом ни правительство России в лице министра иностранных дел С.Д. Сазонова, ни наместник великий князь Николай Николаевич не имели четкой позиции по поводу дальнейшей судьбы захваченных у Турции территорий.

В июне 1916г. было принято Положение об управлении Турецкой Арменией. На этой территории создавалось военное генерал-губернаторство. Статья № 8 Положения гласила, что главная обязанность чинов военного генерал-губернаторства состоит в восстановлении и поддержке спокойствия и порядка, а также в наблюдении за правильным течением административной и гражданской жизни.

Военный генерал-губернатор областей Турции, занятых по праву войны, назначался по представлению главнокомандующего Кавказской армией высочайшим приказом и указом Сената и подчинялся непосредственно главнокомандующему Кавказской армией. Военному генерал-губернатору подчинялись все войска, по-

стоянно и временно расположенные в пределах генерал-губернаторства.

Для отправления правосудия среди местного населения в занятых по праву войны турецких областях учреждались судебные установления по образцу народных словесных судов, действующих на территории военно-народного управления Кавказского края[156].

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева от 29 августа 1916 г. генерал-губернатор областей Турции, занятых по праву войны, был подчинен непосредственно помощнику по военной части наместника его императорского величества на Кавказе и главному начальнику снабжений Кавказской армии, согласно Положению о полевом управлении войск.

На захваченных турецких территориях уездные и окружные начальники назначались только из военных.

Осенью 1916 г. в военном генерал-губернаторстве началось формирование судебных и административных органов государственного управления и организация российской администрации в районе Трапезунда. Район предполагалось разделить на участки, округа и области с соответствующими начальниками участков, округов и губернаторами и их управлениями. Параллельно создавались три судебные инстанции — участковый, окружной и областной суды (по аналогии с российской судебной системой). Во всех инстанциях в число присяжных заседателей предполагалось допустить представителей местного населения[157].

Министерство земледелия приступило к разработке планов переселения в Армению русских крестьян. Еще в феврале 1915 г. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин писал: «Успешное развитие наших военных операций на турецком фронте дает основание предполагать, что в ближайшем будущем окажется возможность исправления Кавказской границы и округления наших в Малой Азии и Армении. Эрзерумский и Ванский вилайеты вполне пригодны для широкого переселения... русских».

Аналогичные планы выдвигал командующий Кавказской армией генерал Юденич. В письме к Воронцову-Дашкову от 5 апреля 1915 г. он предлагал на освободившиеся после наступления русской армии земли турок и курдов селить не армян, а казаков с Кубани и Дона[158].

Что же касается армянского населения, то министр иностранных дел Сазонов утверждал, что государственным интересам России может соответствовать только соблюдение принципа «беспристрастного отношения ко всем разнородным элементам в крае», особенно потому, что на завоеванной Россией армянской территории армяне никогда не составляли большинства, а после массового уничтожения армян турками их численность не составляла и четверти всего населения[159]. Поэтому Сазонов считал, что армянам можно предоставить самостоятельность в образовании, религиозной жизни, право пользования языком, самоуправление.

Великий князь Николай Николаевич был согласен с Сазоновым, но подчеркивал, что при предоставлении всех вышеперечисленных прав необходимо обеспечить «первенство русского наречия во всех официальных случаях»[160].

Между тем армянская интеллигенция и духовенство настойчиво требовали предоставления немедленной автономии, по крайней мере на захваченных в 1915—1916 гг. землях. Армянские националисты — дашнаки, не дожидаясь официального подтверждения русского правительства об учреждении автономии, начали создавать вооруженные отряды.

В ответ русские власти ужесточили полицейский режим в Кавказском наместничестве и временном армянском военном генерал-губернаторстве. После взятия Эрзерума был издан приказ о запрещении армянам селиться в Эрзеруме. На поздравительную телеграмму епископа Месропа наместник ответил, что «Россия должна крепко присоединить к себе Эрзерум»[161].

1917 г. начался Февральской революцией, которая кардинально изменила ход войны на всех фронтах России, включая турецкий. Эмигрантские историки в конце 1920-х гг. усиленно раздували миф о том, что революция лишила Россию победы в мировой войне. К сожалению, и ряд современных историков пытается доказать нам, что Россия к февралю 1917 г. выигрывала войну. И дело не в том, что к февралю 1917 г. немцы оккупировали несколько русских губерний. К середине 1944 г. немцы тоже стояли на нашей земле, но всем было очевидно, что их дело бесповоротно проиграно, включая даже германских генералов, устроивших покушение на Гитлера.

Между Россией начала 1917 г. и СССР середины 1944 г. была принципиальная разница: врага было чем бить, и знали, за что бить. У нас были лучшие в мире танки Т-34, КВ, а затем ИС-1 и ИС-2. В каждой наступательной операции дорогу пехоте расчищали десятки тысяч орудий и установок залпового огня (знаменитых «Катюш»), наша авиация господствовала в воздухе. Наши заводы производили существенно больше видов вооружений, чем фашистская Германия. Напав на СССР, Гитлер хотел уничтожить большую часть славянского населения СССР, а остальных обратить в рабство. Об этом и о зверствах немцев на оккупированных территориях знал каждый советский гражданин. Авторитет Верховного главнокомандующего был непререкаем.

А в феврале 1917 г. в России все было наоборот. Наступления союзников на Западном фронте в 1917—1918 гг показали, что прорвать оборону немцев даже на протяжении нескольких километров невозможно без сосредоточения тысяч тяжелых орудий и сотен танков. Но и в этом случае за каждый километр неприятельской территории приходилось рассчитываться огромными потерями.

Россия же располагала ограниченным числом разнотипных тяжелых орудий и вообще не имела танков. Кстати, у нас их даже не проектировали. Поэтому любое большое наступление на германские вой-

ска было заранее обречено на неудачу. Не будь революции, русские войска в лучшем случае могли бы более или менее успешно обороняться.

Ну, хорошо, возразит оппонент, русские могли находиться в обороне до ноября 1918 г., а там немцы капитулировали, и русские оказались бы победителями. Увы, немцы капитулировали не потому, что союзники уничтожили их армию и флот, взяли Гамбург или Берлин, а из-за революции в Германии. А немецкая революция была следствием русской. К 1 ноября 1918 г. ни одного неприятельского солдата не было на территории Германии и Австро-Венгрии. Линия фронта проходила исключительно по территории стран Антанты. Немцы успели наладить массовый выпуск танков, противотанковых орудий, новых типов самолетов, подводных лодок и т.п. И все это только начало поступать в части в 1918 г. Так что вопрос о возможности капитуляции Германии в ноябре 1918 г. без революции в России представляется, мягко говоря, спорным.

Русские солдаты не знали, за что они воюют. Басни про обиженных австриями сербов годились лишь для первых недель войны. Включение в состав России германских территорий могло только принести вред России. Что же касается Проливов, то, с одной стороны, русская официальная пропаганда не рисковала объявить их целью войны, а с другой — западные союзники неоднократно обещали России Проливы, но ни под каким видом не собирались отдавать их. У союзников имелись совсем другие планы послевоенного устройства мира. Англия и Франция договорились установить линию раздела сфер влияния по Проливам. Европейские берега Проливов оставались за Францией, а азиатские — за Англией. О России, как видим, и речи не было. Мало того, Англия и Франция еще до февраля 1917 г. решили после победы в войне расчленить Россию. В частности, планировалось отторжение Привисленского края, части Белоруссии, части Украины, а также всей Прибалтики.

Выходит, что русские войска сражались за расчленение своей страны!

В 1916 г. почти одновременно в Петрограде и Берлине рассматривался вопрос о заключении сепаратного мира. Причем, естественно, одной из важнейших проблем был вопрос о Проливах.

В мае — начале июня 1916 г. в окружении российского премьера Б.В. Штюрмера обсуждался вариант сепаратного мира с Германией. В обмен на Привисленский край и Курляндию Россия должна была получить часть Восточной Галиции и «весомую часть» Турции.

В Берлине же был составлен проект мира, согласно которому Россия получала право на свободный проход военных кораблей через Проливы. У входа в Дарданеллы Россия должна была получить остров в Эгейском море для строительства военно-морской базы. России предоставлялась доля прибыли от эксплуатации Багдадской железной дороги и т.д.

Как видим, Россия в 1916 г. имела реальную возможность заключить почет-

ный мир с Германией. При этом решалась или почти решалась вековая цель России — обеспечение безопасности ее южных рубежей. Однако Николай II не рискнул пойти на сепаратный мир. В течение всего своего 23-летнего царствования он постоянно выбирал наиболее проигрышные варианты.

Последний император сделал все, чтобы развалить собственную империю, и она рухнула как карточный домик. Отречению царя радовалась вся страна, включая большую часть «августейших особ» — великих княгинь и князей. В 70-х гг. XX века по стране ходил анекдот, как Леонид Ильич Брежнев наградил Николая Александровича Романова орденом Ленина за создание революционной ситуации в России.

С осени 1916 г. командующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича заботили не столько военные дела, сколько разговоры о возможном дворцовом перевороте в России. К нему зачастили руководители масонов из Петрограда и Москвы, которые делали великому князю весьма лестные предложения: в минимальном варианте он вновь становился Верховным главнокомандующим русской армией и флотом, а в максимальном — Николаем III. В ходе «генерального плебисцита», организованного 2 марта 1917 г. генералом Алексеевым, Николай Николаевич высказался за отречение царя и сразу же выехал в Ставку, бросив Кавказскую армию. Николай Николаевич ехал принимать командование, но масоны его обманули, и в пути он получил приказ Временного правительства, которым он вообще лишался всех должностей в русской армии.

В марте 1917 г. Временное правительство утверждает командующим Кавказской армией Н.Н. Юденича, который фактически исполнял эту обязанность. Однако в апреле Юденич был отозван в Петроград, а на его место назначен командир II Туркестанского корпуса генерал Пржевальский.

Зимой и весной 1917 г. на Кавказском фронте было затишье. Небывало снежная и суровая зима сильно затрудняла боевые действия. Лишь с назначением Пржевальского началась подготовка к наступлениям русских войск. Еще зимой с англичанами было заключено соглашение о совместных действиях, по которому Кавказская армия должна была, «как только растает снег на горах Курдистана», начать наступление на Мосул. Во исполнение этого Кавказская армия приступила к подготовке операции от Урмийского озера через Ревандуз на Мосул. Это наступление было тем более желательным, что имелись сведения о подготовке турок к наступлению на Багдад, который весной был занят англичанами. Однако план подготовки Мосульской операции не был доведен до конца и вылился только в подготовительные работы по устройству коммуникаций через Урмийское озеро и далее, к турецкой границе.

4 апреля конный корпус генерала Баратова занял Ханекин. В направлении Кызыл- Рабат была выслана казачья сотня, соединившаяся там с английскими

войсками. Помимо этого, связь со штабом английского командующего в Месопотамии Моода была установлена по радио. Периодически туда направлялись штабные офицеры.

Баратов счел целесообразным приостановить продвижение своих частей в Месопотамии. Нездоровый тропический климат Месопотамии, когда заболеваемость малярией в некоторых частях достигала 80 % личного состава, вынудила отвести в мае части корпуса в более благоприятные по климатическим условиям горные районы Персии. Для наблюдения за турками и для связи с англичанами были оставлены только две сотни.

С лета 1917 г. начался развал Кавказской армии. Части самовольно покидали позиции и отправлялись в тыл. Казачьи части организованно уходили на Кубань и Терек.

26 апреля 1917 г. Временное правительство издало декрет о Турецкой Армении, согласно которому гражданское управление передавалось в руки самих армян. Летом того же года многие армянские беженцы (порядка 150 тысяч человек) возвратились в Западную Армению, где постепенно начали налаживать свою жизнь.

После Октябрьской революции развал армии резко усиливается. 28 ноября 1917 г. меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватистами в Тифлисе создается Закавказский комиссариат. Фактически это было националистическое правительство Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии). Закавказский комиссариат приступил к разоружению пробольшевистски настроенных частей Кавказской армии.

18 декабря Закавказский комиссариат подписал соглашение с Турцией о прекращении военных действий.

29 декабря 1917 г. (11 января 1918) Совет народных комиссаров (Совнарком) Советской России опубликовал, в свою очередь, за подписью Ленина Декрет о Турецкой Армении, в котором провозглашалось право Западной Армении на автономию: «Совет Народных Комиссаров объявляет армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское Правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией Турецкой Армении на свободное самоопределение вплоть до полной независимости». В том же декрете устанавливался ряд гарантий для нормализации обстановки, например: вывод российских войск и формирование армянского ополчения, свободное возвращение в Турецкую Армению беженцев и лиц, изгнанных турецким правительством, установление границ демократически избранными представителями армянского народа. Наконец, Степан Шаумян был назначен чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

Однако 3 марта 1918 г. Советская Россия была вынуждена заключить с Германией «препохабнейший» Брестский мир. Статья 4 мирного договора гласила: «Россия сделает все, что в ее силах, чтобы обеспечить скорый вывод войск из западных провинций Анатолии и их возвращение Турции. Ардаган, Карс и Батум будут

незамедлительно освобождены от российских войск». В этом договоре Армения ни разу не упоминалась.

Закавказский сейм не признал Брестский договор и направил на имя Совнаркома в Петроград телеграмму, извещавшую, что «он не признает Брестский мир, так как Закавказье никогда не признавало большевистской власти и Совета Народных Комиссаров». Турция, основываясь на статьях Брестского договора, предъявила ультиматум Закавказскому сейму о немедленном очищении Карса, Батума и Ардагана. В этих условиях 14 марта 1918 г. в Трабзоне открылась мирная конференция между Турцией и Закавказьем.

В феврале 1918 г. Закавказский сейм принял решение сформировать Грузинский, Армянский, Мусульманский и Русский корпуса, а также Греческую дивизию. Однако это решение осталось на бумаге. Грузинский корпус вообще не был создан, мусульманские отряды перешли на сторону турок. В Закавказье оказалось множество русских офицеров, гимназистов, казаков и т.д., которые хотели и могли воевать с турками. Но сейм позже запретил создание Русского корпуса. Единственной боеспособной частью стал Армянский корпус. Причем его ударной силой стал отряд Андраника Сасунского, сформированный в начале 1918 г. в Александрополе.

Во время трабзонских переговоров военные действия продолжались. Русских солдат к этому времени в Карской области практически не осталось, а фронт держали 20—30 тысяч армянских добровольцев под командованием генерала Назарбекяна.

Силы были неравны, и 30 января турки заняли Эрзинджан, 4 февраля — Байбурт, 8 февраля — Мемахатун, 29 февраля — Эрзерум, а в марте ими была занята вся турецкая территория, оккупированная русскими в Первую мировую войну.

И тут председатель Закавказского правительства А. Чхенкели отдал приказ Назарбекову отступать.

15 апреля турецкие войска без боя заняли Батум, а 25 апреля — Карс. Армянские войска могли удерживать самую мощную на Ближнем Востоке крепость, как минимум, несколько месяцев. Но из-за преступного приказа они покинули Карс. Туркам досталось около 600 исправных русских орудий, десятки тысяч винтовок, десятки автомобилей, склады, забитые боеприпасами и обмундированием. В Карсе турки устроили массовые грабежи среди мирного населения и резню армян.

Однако 24 мая 1918 г. у Сардарапата армянская армия наносит поражение туркам и спасает свою столицу Ереван. Решающую роль в разгроме турок сыграл генерал Андраник Сасунский.

Любопытно, что продвижению турецких войск на Кавказе препятствовала... Германия. В планы немцев не входило уступать бакинскую нефть и чиатурский марганец Турции. 27 апреля 1918 г. Германия принудила Турцию заключить секретное соглашение в Константинополе о разделе сфер влияния. Турции отво-

дилась юго-западная часть Грузии и почти вся Армения, а остальная часть Закавказья доставалась Германии.

Лоскутная Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР) 8 июня 1918 г. официально прекратила свое существование. 8 июня образовалась Грузинская республика, 9 июня — Азербайджанская республика и 10 июня — Армянская республика.

4 июня 1918 г. Турция подписала с Армянской и Грузинской республиками договоры «о мире и дружбе», по которым к Турции кроме Карской, Ардаганской и Батумской областей отходили: от Грузии Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда; от Армении Сурмалинский уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Турецкие войска получили право беспрепятственных железнодорожных перевозок.

А между тем Первая мировая война шла к концу. 19 октября турецкий кабинет министров во главе с великим визирем Талаат-пашой, военным визирем Энвер-пашой и морским министром Джемаль-пашой ушел в отставку в полном составе. Новое турецкое правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии.

27 октября 1918 г. начались мирные переговоры с Антантой. Они проходили в порту Мудрос на острове Лемнос. Вел переговоры командующий британским Средиземноморским флотом вице-адмирал С. Калторп. С турецкой стороны в переговорах участвовали представители Министерства иностранных дел и Генерального штаба Турции. Французский командующий флотом был извещен о переговорах постфактум.

30 октября в Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия.

В первой статье предусматривалось открытие Черноморских проливов для Антанты. Суда Антанты могли свободно проходить в обе стороны и выходить в Черное море.

В статье 5 предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению.

Антанта отказалась признавать какие-либо государственные образования, созданные с участием турок на Кавказе.

В феврале 1919 г. лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян обратился к державам Антанты с предложением создать «Армянскую демократическую республику» с выходом к Черному морю и с включением в ее состав некоторых турецких анатолийских земель.

Общественность западных стран давно симпатизировала армянам и была настроена антитурецки. 10 августа 1920 г. в Севре близ Парижа был подписан мир между Турцией и странами Антанты, среди которых не было Советской России, зато присутствовала буржуазная Армянская республика. Севрским миром были определены новые границы Турции. Армении отходила значительная часть, границы которой должен был определить

президент США. Согласно Севрскому мирному договору президент США принял третейское решение присоединить к Армении Ванский, Битлисский и часть Эрзерумского и Трапезундского вилайетов Турции.

Между тем армянские войска еще 9 марта 1919 г. заняли город Карс, оставленный турками, а затем и всю Карскую область. 28 мая 1919 г. по случаю первой годовщины независимости парламент и правительство объявили о присоединении Турецкой Армении к новообразованной республике.

Стамбульское правительство подписало и ратифицировало Севрский договор, но, увы, оно не контролировало положение в стране. Самозваное правительство Мустафы Кемаля 29 апреля 1920 г. объявило себя «единственным представителем интересов турецкого народа». Первым делом кемалисты начали резать армян. 9 июня 1920 г. Кемаль двинул войска к границам Армении. Началась новая армяно-турецкая война.

29 сентября турки заняли Сарака¬мыш, а затем Ардаган. Армяне могли несколько месяцев держаться в Карсе, но по неясным причинам не сделали этого. 30 октября турки заняли Карс и устроили там трехдневную резню. Турки взорвали бронзовый памятник русским солдатам работы скульптора Микешина. Был разграблен древний собор Архистратига Михаила. С 1921 г. службы там уже более не велись.

7 ноября пал Александрополь. Турки шли на Ереван. 18 ноября Армения вынуждена была пойти на перемирие. Согласно официальным советским источникам, 29 ноября в Армении объявился какой-то «ревком» под руководством Касьяна (настоящая фамилия Тер-Каспа¬рянц). На самом деле оный Касьян в ноябре 1920 г. был членом заграничного бюро ЦК КП(б) Армении, асам ревком был «за границей». Первым делом ревком призвал Красную армию на помощь «крестьянам, поднявшим знамя восстания». Красная армия оперативно вошла в Армению и привезла с собой ревком в полном составе. 29—30 ноября в Армении была установлена советская власть. А 2 декабря Ленин дал телеграмму председателю ревкома Касьяну: «Приветствую в лице вас освобожденную от гнета империализма трудовую советскую Армению. Не сомневаюсь, что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана»[162]. Видимо, болезнь вождя начала прогрессировать.

Ввод Красной армии в Армению советская историография рассматривала как интернациональную помощь трудящимся Армении, но одновременно это была и серьезная помощь правительству Мустафы Кемаля. Ведь несмотря на отступление, армянская армия представляла серьезную угрозу режиму в Анкаре. Армяне, как правило, хорошие солдаты, и им было за что драться с Турцией.

Флирт между Москвой и Анкарой начался еще в первые месяцы 1920 г. 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль обратился к советскому правительству с просьбой о

помощи. Он писал: «Мы принимаем на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти. Для того чтобы изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию... и чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое следует выяснить при переговорах...»

Осенью 1920 г. в Анкару поступило 200 кг золота из Советской России. Позже поступило еще несколько таких «посылок». В 1920—1922 гг. большевики поставили кемалистам 40 тысяч винтовок, 327 пулеметов и 54 орудия.

Помогая Кемалю, Ленин и Троцкий допустили большой стратегический просчет. Они надеялись, что кемалисты захватят Проливы и будут препятствовать Антанте помогать Врангелю. Но у союзников к началу 1920-х гг. не было особого желания содержать белую армию, а тем более вновь затевать интервенцию в Советскую Россию. А Красная армия в ноябре 1920 г. вообще выбила «черного барона» из Крыма.

Не менее важной целью кремлевского руководства была победа левых сил в Турции. Однако уже 28 января 1921 г. по приказу Кемаля были убиты 15 руководителей компартии Турции во главе с председателем ЦК М. Субхи. Параллельно турецкая армия начала жестоко расправляться с крестьянскими отрядами левого толка.

В итоге все планы Кремля рухнули, и, тем не менее, 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между РСФСР и правительством Великого национального собрания Турции. По этому договору Батум закреплялся за Грузией, а Турции отдавались Карс и Ардаган.

Стороны обязались не вести подрывной деятельности друг против друга. Вопрос этот крайне деликатный, и я процитирую статью VIII почти полностью: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны, или части ее территории, равно как и пребывания групп, имеющих целью борьбу против другой страны. Россия и Турция принимают на себя такое же обязательство в отношении Советских Республик Кавказа, при условии взаимности».

В статье VI говорилось, что «все договоры, до сего времени заключенные между обеими странами, не соответствуют обоюдным интересам. Они соглашаются поэтому признать эти договоры отмененными и не имеющими силы». Это было крупным «ляпом» большевиков. Ведь аннулировались международно признанные договоры — Кючук-Кайнарджийский, Ясский, Бухарестский, Адрианопольский, Парижский, Сан-Стефанский

ЗАБОТЛИВЫЕ:
Автономисты: «Не плачь, Россия.
По крайней мере так тебе ноги негде будет протянуть».
Рис. А. Радакова). Карикатура 1917г.

и другие. А они определяли границы, режим Проливов и т.п.

У нас любят говорить — «советское правительство», но давайте выясним конкретно, кто же отдал Каре и Ардаган, неоднократно омытые русской кровью? В марте 1921 г. Ленин был уже мало дееспособен. Все вершил Троцкий, при поддержке Каменева, Зиновьева и К[0]. Сталин был против территориальных и иных уступок Турции[163]. Уж не за прошлые ли заслуги через 6 лет Кемаль предоставит убежище Троцкому, когда ему откажут другие страны?

13 октября 1921 г. в Карсе был заключен договор между Армянской, Азербайджанской, Грузинской советскими социалистическими республиками и Турцией. Карский договор подтверждал основные положения договора, заключенного в Москве 16 марта 1921 г. В Карском договоре был любопытный момент. Его усло-

вия должны были продляться каждые 20 лет, а в случае невыполнения Турцией некоторых условий Карская область должна была быть передана Советской Армении.

Так бездарно была отдана туркам Карская область, которая 40 лет принадлежала Российской империи. Замечу, что в 1921 г. Троцкий и К° росчерком пера отдали буржуазной Турции часть Армянской Социалистической республики.

В 1945 г. Сталин поднял вопрос о возвращении Советскому Союзу Карской области. С 20 декабря 1945 г. и до конца 1946 г. в советской прессе и особенно в изданиях Грузии и Армении велась кампания за возвращение СССР Карса и Ардагана. В Армении даже был сформирован состав Карского обкома партии. Однако из-за жесткой позиции стран Запада Сталин законсервировал решение этой проблемы.

30 мая 1953 г., уже после смерти Сталина, министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление турецкому послу Файку Хозару, в котором говорилось: «Как известно, в связи с истечением срока советско-турецкого договора от 1921 г., вопрос об урегулировании советско-турецких отношений затрагивался в официальных беседах представителей обоих государств несколько лет тому назад. В этих беседах фигурировали некоторые территориальные претензии Армянской ССР и Грузинской ССР к Турции, а также соображения Советского правительства относительно устранения возможной угрозы безопасности СССР со стороны Черноморских проливов. Правительственными и общественными кругами Турции это было воспринято болезненно, что не могло, в известной мере, не отразиться на советско-турецких отношениях.

Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции».

В завершение стоит сказать несколько слов о населении Карской области. Немногочисленные уцелевшие в ходе турецкой резни армяне и греки начали ассимилироваться с турками. До 1962 г. в самом Карсе проживало около шестидесяти православных русских семей, а в окрестностях было несколько сел русских крестьян-молокан. В 1962 г. молокане, не вынеся издевательств и организованных нападений, вернулись в СССР. С тех пор они вместе с казаками-некрасовцами, тоже репатриантами из Турции в том же году, проживают в Ставропольском крае.

В Карсе и области в конце XX века можно было с трудом насчитать человек 80—100 русских жителей, значительно отуреченных, но еще помнящих русскую речь и считающих себя христианами. Любые проявления русской религиозной и просветительской деятельности турецкими властями всегда пресекались. Учить детей русскому языку и культуре предков некому, молиться негде. Все христианские храмы снесены, за исключе-

нием развалин древнего армянского храма.

Между тем любой европейский путеводитель по Турции, дойдя до Карса, с удивлением и похвалой отмечает следы русской цивилизации, принадлежности города к былой России: прямые улицы, широкие тротуары, особняки в стиле классицизма и модерна, козырьки и балконы искусно кованого железа 1900-х гг., греческие и армянские инициалы владельцев на каменных сводах ворот...

Раздел V

ЮЖНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАСПИЯ

(КАК КАСПИЙСКОЕ МОРЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ БЫЛО РУССКИМ ОЗЕРОМ)

Впервые русы — смешанные отряды славян и варягов — появились на юге Каспийского моря в 880 г. По свидетельству арабского историка Ибн Исфендий¬ара, они напали на город Абаскуна.

Ибн Исфендийар сообщает и еще о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X века. Большинство историков датируют их 909—912 гг. «В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Асаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Асаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округи Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море.. .»[164].

Подробный рассказ еще об одном походе русов в Прикаспий, состоявшемся в первой половине 40-х гг. X века, сохранился у историка Ибн Мискавейха (ум. в 1030 г.). Собрав на Днепре флотилию примерно из пятисот однодеревок, русы спустились вдоль берегов Тавриды в Черное море. По Керченскому проливу и Азовскому морю они подошли к устью Дона и поднялись вверх по его течению до нынешней станицы Качалинской. Здесь ближе всего сходились две великие реки — Волга и Дон. Русы волоком перетащили свои суда в Волгу и по ней вышли в Каспийское море. Обогнув Апшеронс¬кий полуостров и достигнув устья реки Куры, русы поднялись по ней вверх до Ширванского ханства. Здесь дружины русов овладели богатейшим в то время городом Бердаа (Барда).

Однако вскоре среди русов началась эпидемия какого-то желудочного заболевания, и оставшиеся в живых на ладьях отправились домой.

В 1667 г. царь Алексей Михайлович решает создать флот на Каспии и строит на Оке первую русскую флотилию во

главе с 22-пушечным трехмачтовым кораблем «Орел». 31 августа 1669 г. «Орел» с сопровождающими судами прибыл в Астрахань, но поплавать по Каспию ему не удалось.

Донской атаман Степан Тимофеевич Разин в 1668—1669 гг. без особых потерь учинил большой погром персидского побережья на западе и юге Каспийского моря. Особенно пострадали города Решт, Ферахабад и Астрабад.

Затем Разин двинулся в Астрахань, где в пьяном виде учинил два деяния, вошедших в русскую историю и эпос: сжег корабль «Орел» и утопил в Волге красавицу — дочь персидского шаха.

Стенька Разин поставил точку в планах царя Алексея утвердиться на Каспии. Его сын Петр, занятый войной со шведами, не забывал и о Каспийском море. Еще в 1697 г. Петр распорядился о закладке в Казани десятка военных судов для Каспия.

30 августа 1721 г. в городе Ништадте был заключен долгожданный мир со Швецией. Сенат и Синод поднесли царю титул «Отца отечества Всероссийского Императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их»[165].

Петр решил, что императору не подобает долго сидеть дома, и надумал начать войну с Персией. Позже подобострастные царские и советские историки напишут, что он-де боялся захвата прикаспийских земель турками, что он хотел защитить русских купцов в Персии и т.д. На самом же деле особых оснований начитать захват этих территорий у Османской империи не было. Наоборот, разгром русскими войсками персидского шаха мог привести к распаду страны. И вот тогда-то турки и могли захватить большую часть территории Персии.

Нападения на русских купцов были следствием нестабильности в стране, которая могла только усилиться с началом войны.

Еще в 1715 г. отправилось в Иран посольство Артемия Петровича Волынского. Фактически это была разведывательная миссия. 8 июля 1717 г. Волынский доносил канцлеру Г.И. Головкину, что шах Гуссейн и его вельможи довели страну «до ручки»:«.. .свои дела идут у них беспутно, как попалось на ум, так и делают безо всякого рассуждения; от этого так свое государство разорили, что, думаю, и Александр Великий в бытность свою не мог войною так разорить. Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом; не только от неприятелей, и от своих бунтовщиков оборониться не могут...»

По возвращении из Персии Волынский был назначен астраханским губернатором и уже в этом качестве вступил в переговоры с картлийским[166] царем Вах¬тангом VI. Последний был рад вступить в союз против шаха.

Поводом к вторжению русских в Персию стали действия лезгинского князька Дауд-бека и казы-кумыцкого князька Суркая.21 июля 1721 г. Дауд-бек и Сур¬кай подошли к городу Шемихе, 7 августа взяли город и стали грабить и жечь богатые дома. Русские купцы, обнадеженные

завоевателями, что их грабить не будут, оставались спокойны. Однако вечером того же дня около четырех тысяч вооруженных лезгин и кумыков напали на русские лавки в гостином дворе, приказчиков разогнали саблями, а некоторых и побили, товаров же разграбил и на 500 тысяч рублей. Один только Матвей Григорьев Евреинов — богатейший в России купец — понес убытки на 170 тысяч рублей и вконец разорился.

Волынский немедленно отписал царю: «Мое слабое мнение доношу по намерению вашему к начинанию, законнее сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе не против персиян, но против неприятелей их и своих; к тому ж и персиянам можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатят ваши убытки, то ваше величество паки их отдать можете (т.е. завоеванное), и так можно пред всем светом показать, что вы изволите иметь истинную к тому причину. Также мнится мне, что ранее изволите начать, то лучше и труда будет меньше».

В декабре 1721 г. Петр отвечал Волынскому: «Письмо твое получил, в котором пишете о деле Дауд-бека и что ныне самый случай о том, что вам приказано предуготовлять. На оное ваше мнение отвествую, что сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к Волге маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань. Что же пишете о принце грузинском, оного и прочих христиан, ежели кто к сему делу желателен будет, обнадеживайте, но чтоб до прибытия наших войск ничего не зачинали (по обыкновенной дерзости тех народов), а тогда поступали бы с совету»[167].

15 мая 1772 г. царь отслужил молебен в Успенском соборе Кремля, под пушечную пальбу сел на «москворецкий струг» и отплыл вниз по Москве-реке в Астрахань. Струг этот представлял собой довольно крупное гребное судно длиной 42,7 м и шириной 6,7 м. Через каждые 60 верст струг причаливал к берегу, где его ждала новая смена гребцов. 17 мая Петр был уже в Коломне, 30 мая — в Нижнем Новгороде, а 19 июня — в Астрахани.

2 июля Петр отправил в Грузию князя Бориса Туркестанова с предписанием для царя Вахтанга VI: «Напасть на лезгинцев в их земле и дать о том нам знать в Астрахань, к Теркам или Дербенту, где будем, и ждать приказа, куда быть. Когда пойдет на соединение, то бы заказал под смертною казнию не грабить, не разорять, не обижать»[168].

18 июля из Астрахани вышла целая армада судов. У персов не было военных кораблей специальной постройки, поэтому армаду конвоировали всего восемь военных судов Каспийской флотилии, самыми сильными из которых были три шнявы — «Астрахань», «Святая Екатерина» и «Святой Александр».

Двадцать две тысячи пехотинцев были посажены на двести островных лодок и 45 ластовых судов[169]. Формально командовал армадой генерал-адмирал Федор

Матвеевич Апраксин, но фактически распоряжался всем сам царь.

Сухим путем в Персию пошла конница. В ее составе было 9 тысяч регулярной кавалерии, 20 тысяч донских и малороссийских казаков, а также 30 тысяч татар. В некоторых изданиях говорится и о калмыцкой коннице. На самом деле участие ее в операции планировалось, но собрались калмыки только после окончания похода.

27 июля 1772 г., в день Гангутской победы, русские войска высадились на берег в Агразанском заливе. Первым ступил на берег Петр. Из-за мелководья шлюпки не могли причалить, тогда царь встал на широкую доску, и четыре гребца перенесли его на берег.

Дождавшись подхода кавалерии, Петр двинулся к Дербенту. Город сдался без боя. 23 августа за версту от города царя встретил дербентский наиб (наместник), пал на колени и поднес два серебряных ключа от городских ворот.

Петр в письме к Сенату так описывал свой поход: «Мы от Астрахани шли морем до Терека, а от Терека до Аграхани, отколь послали универсалы, а там, выб¬рався на землю, дожидались долго кавалерии, которая несказанный труд в своем марше имела от безводицы и худых переправ. .. Потом когда приближались к сему городу (Дербенту), то наиб сего города встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди нелицемерною лю¬бовию приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили. Из Бакы такие же письма имеем, как из сего города (Дербента) прежде приходу имели, того ради и гварнизон туда отправим, и тако в сих краях с помощию Божию фут получили[170], чем вас поздравляем».

В Дербенте русским досталось 230 пушек.

Петр произвел наиба в генерал-майоры и назначил командиром персидской ланд-милиции (то есть иррегулярных войск, не путать с современной милицией).

По приказу императора недалеко от стен Дербента были выстроены форты Милукенти и Аргабугаме.

Заняв Дербент, Петр намеревался двинуться к конечной цели своего похода — городу Шемахе. На пути из Дербента русские войска должны были соединиться с армией Вахтанга VI, сосредоточенной в Гяндже и состоявшей из грузинских и армянских войск.

29 августа на Каспии разыгрался шторм. Двенадцать ластовых судов с продовольствием для армии, стоявших на открытом рейде Дербента, были выброшены на берег. Большая часть продовольствия погибла — мука подмокла и т.д. Другой отряд из тридцати транспортных судов, шедший в Баку, почти весь погиб у острова Чечень.

Петр хорошо запомнил голод во время Пруте кого похода и счел за лучшее ретироваться. В Дербенте был оставлен русский гарнизон под командованием полковника Юнгера, а остальные части двинулись на север.

4 октября 1772 г. Петр прибыл в Астрахань, а 6 ноября он отправляет в Гилян

(провинцию Ирана на побережье Каспия) четырнадцать судов с двумя батальонами пехоты под командованием полковника Шилова. Непосредственно судовым отрядом командовал капитан-лейтенант Сой¬монов. Получив приказ занять Решт, Шипов спросил у царя: «Довольно ли двух батальонов?» Петр ответил: «Стенька Разин с пятьюстами казаками персиян не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска!»

Русские суда, воспользовавшись сильным попутным ветром, в конце ноября подошли к городу Решту и заняли его.

В марте 1723 г. Соймонов с частью отряда ушел к устью реки Куры. Воспользовавшись этим, местные персы попытались выбить русских из Решта, но благодаря грамотным действиям полковника Шилова персы были разбиты. Большую роль в этом сыграл огонь судовой артиллерии, заставивший замолчать персидскую батарею. Судами командовал капитан-лейтенант Золотарев.

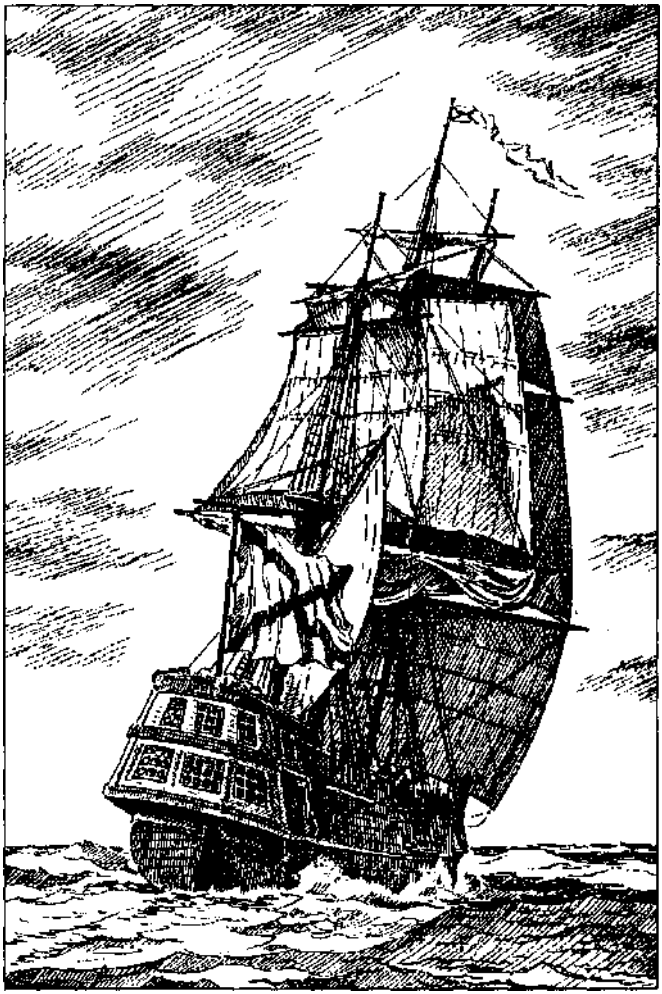
28 мая 1723 г. морем в район Решта прибыло пополнение — два батальона пехоты при 24 пушках под командованием полковника Левашова. Теперь русские прочно удерживали район Энзели — Решт.

Чтобы получить «сухопутную коммуникацию» между русскими войсками в Дербенте и Реште, Петр решил занять город Баку и прилегающую часть побережья. Царь приказал генерал-майору Михаилу Афанасьевичу Матюшкину: «Ид¬тить к Баке как наискорее и тщиться оный город, с помощию Божиею конечно, достать, понеже ключ всему нашему делу оный, а когда Бог даст, то оный подкрепить сколько мочно и дожидаться новых гекботов с провиантом и артилле¬риею, которой быть в городе и с людьми. Велено послать 1000 человек, но ежели нужда будет, то прибавить сколько надобно и беречь сие место паче всего, понеже для него все делаем. Всех принимать в подданство, которые хотят, тех, чья земля пришла к Каспийскому морю».

В июле 1723 г. отряд русских судов появился перед Баку. Матюшкин отправил в город письмо, где утверждал, что он пришел защищать Баку от мятежников, действовавших против персидского шаха. Но местные власти отвечали, что они верные подданные шаха и четыре года отбиваются от мятежника Сауда, так что не нуждаются ни в чьей помощи и защите.

Тогда Матюшкин приказал высадить десант. Атака персидской конницы, стремившейся помешать высадке, захлебнулась под огнем судовой артиллерии. У стен Баку русские выстроили две осадные батареи. 22 июля началась бомбардировка города, в которой помимо осадных батарей приняли участие и семь гекботов[171] с тяжелыми мортирами. Семидневная бомбардировка подействовала на персов, и 28 июля Баку сдался.

Русские батальоны вступили в город с распущенными знаменами и барабанным боем. В Баку было взято 80 пушек. Начальник гарнизона и 700 его подчиненных попросились на русскую службу. Матюшкин удовлетворил их просьбу.



Гекбот «Астрахань» (1723 г.)
Рис. А. Карелова

Вслед за Баку русские войска высадились в устье Куры и заняли прилегающий район побережья.

Петр произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты. 17 сентября царь писал новому генерал-лейтенанту: «Поздравляю со всеми провинциями, по берегу Каспийского моря лежащими, понеже посол персидский оные уступил».

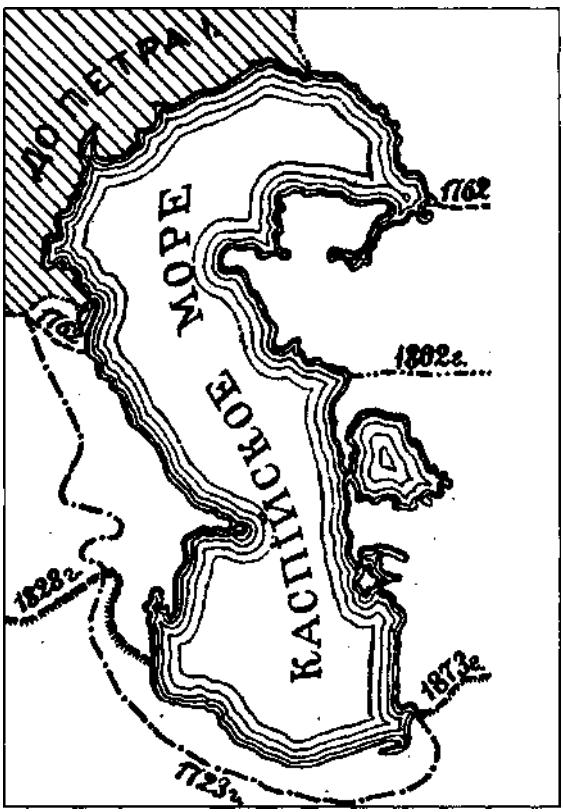
Договор был подписан в Петербурге 12 сентября 1723 г. и состоял из следующих главных статей:

«1. Его императорское величество всероссийский обещает его шахову величеству Тахмасибе добрую и постоянную свою дружбу и высокомонаршеское свое сильное вспоможение против всех его бунтовщиков и для усмирения оных и со-

держания его шахова величества на персидском престоле изволит, как скоро токмо возможно, потребное число войск в Персидское государство послать, и против тех бунтовщиков действовать, и все возможное учинить, дабы оных ниспровергнуть и его шахово величество при спокойном владении Персидского государства оставить.

2. А насупротив того его шахово величество уступает императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербень, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции: Гилянь, Мазандеран и Астрабат, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахову величеству против его бунтовщиков в помочь посылает, не требуя за то денег».

Петр уже хозяйничал в уступленных областях. В мае 1724 г. он писал Матюшкину: «1) крепость Св. Креста доделать по указу, в Дербенте цитадель сделать к морю и гавань делать; ...3) Гилянь уже овладена, надлежит Мазандераном также овладеть и укрепить, а в Астрабат-



Присоединение к России Закаспийских земель

ской пристани ежели нужно делать крепость, для того работных людей, которые определены на Куру, употребить в выше¬писанные дела; 4) Баку укрепить; 5) о Куре разведать, до которых мест можно судами мелкими идти, чтоб подлинно верно было; 6) сахар освидетельствовать и прислать несколько, также и фруктов сухих; 7) о меди также подлинное свидетельство учинить, для того взять человека, который пробы умеет делать; 8) белой нефти выслать тысячу пуд или сколько возможно; 9) цитроны, сваря в сахаре, прислать; одним словом, как владение, так сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привесть стараться всячески, что армян призывать и других христиан, если есть, в Гилянь и Мазандеран и ожилять (поселять), а басурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять, а именно турецкого закона (суннитов). Также, когда осмотрится, дал бы знать, сколько возможно там русской нации на первый раз поселить. О Куре подлинного известия не имеем: иные говорят, что пороги, а ныне приезжал грузинец, сказывает, что от самой Ганжи до моря порогов нет, но выше Ганжи пороги; об этом, как о главном деле, надлежит осведомиться, и, кажется, лучше нельзя, как посылкою для какого-нибудь дела в Тифлис к паше. Сие писано, не зная тех сторон, для того дается на ваше рассуждение: что лучше — то делайте, только чтоб сии уступленные провинции, особливо Гилянь и Мазандеран, в полное владение и безопасность приведены были»[172].

Для ратификации договора, заключенного в Петербурге Измаил-беем, в Персию отправились Преображенского полка унтер-лейтенант князь Борис Мещерский и секретарь Аврамов. В апреле 1724 г. они въехали в персидские владения. На послов напала вооруженная толпа, однако охрана сумела разогнать бунтовщиков. Шах Тахмас Кули-Хан милостиво принял Мещерского, но уклонился от ратификации договора.

Тем не менее, для удержания прикаспийских областей, отнятых у персов, требовались большие силы. Так, в 1729 г. там дислоцировалось 17 пехотных и 7 конных полков. Кроме того, имелись иррегулярные конные отряды из грузин, армян и горных черкесов.

Несмотря на смерть Петра I, русские войска не ушли с южного побережья Каспия. Александр Меншиков, правивший от имени Екатерины I, приказал генерал-лейтенанту Матюшкину вновь двинуться в Персию. В 1725 г. русские войска заняли Астрабад и Торку. После этого шах был вынужден ратифицировать договор 1723 г.

В 1733—1734 гг. русские войска были введены в Речь Посполитую в связи с попыткой Станислава Лещинского овладеть польским престолом. Оттоманская империя сама претендовала на польские земли и начала подготовку к войне с Россией. Правительство Анны Иоанновны решило вступить в союз с Персией против Турции.

Персы к этому времени находились в состоянии войны с Турцией. Русское

правительство ради войны с турками решило пожертвовать прикаспийскими землями. Русский посол князь С.Д. Голицын 16 декабря 1734 г. объявил Тахмасу Кули-Хану, что императрица Анна Иоанновна, «имея полную надежду на скорое очищение Персии от неприятелей, согласна... возвратить ему остававшиеся в русском владении персидские города под тем условием, что города эти никогда не будут отданы в неприятельские руки... Кулы-хан так обрадовался, что изменился в лице, и объявил, что готов все сделать, чтоб отблагодарить императрицу за такую милость, пусть императрица располагает им как своим последним слугою, и, обратясь к стороне Генжи, крикнул: "Горе вам! Не только вы все, но и сам ваш султан погибнет от персидской сабли, если Бог продолжит мою жизнь"»[173].

В 1735—1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент.

Персидский поход был последним и далеко не самым удачным походом Петра Великого. Баку, Дербент, Энзели и Решт могли быть заняты небольшими десантными отрядами, что позже и произошло. Однако удержать территории на юге Каспийского моря было крайне сложно, поэтому решение, принятое Анной Иоанновной, можно считать единственно верным.

Раздел VI
ЖЕЛТОРОССИЯ

Глава 1
Как Япония втянула Россию в маньчжурские дела

В 1894 г. Япония напала на Китай. По иронии судьбы эта война стала генеральной репетицией русско-японской войны. Японский флот начал боевые действия без объявления войны. В Желтом море произошло генеральное сражение японского и китайского флотов. Японские войска высадились в корейском порту Чемульпо, а затем вблизи Порт-Артура. После интенсивной бомбардировки китайская крепость Порт-Артур была взята с суши японскими войсками.

Уцелевшие китайские корабли были блокированы японцами в военно-морской базе Вэйхайвэй. В феврале 1895 г. Вэйхайвей сдался.

20 марта 1895 г. в японском городе Симоносеки начались японо-китайские переговоры о мире. 17 апреля китайская сторона была вынуждена подписать продиктованный японцами договор, вошедший в историю как Симоносекский. По этому договору Китай признал полную независимость Кореи от Китая (статья 1), «уступил» Японии Формозу, Пескадорские острова и южную часть Маньчжурии (Ляодунский полуостров) с прилегающими островами (статья 2). Контрибуция исчислялась в громадной сумме — в 200 млн таэлей, подлежавших уплате восемью взносами. Первые два взноса должны были быть произведены через 6 и 12 месяцев после обмена ратификациями (статья 4). В качестве обеспечения уплаты контрибуции и процентов служили таможенные пошлины (статья 8).

Не меньшее значение, чем громадная контрибуция и территориальные приобретения, имела для Японии статья, предусматривавшая для нее и для ее подданных те же права и привилегии, которыми пользовались в Китае европейские дер-

жавы и США (статья 6). Это уравнение Японии с европейскими державами сочеталось с предоставлением ей преимуществ системы наибольшего благоприятствования.

На первом этапе японо-китайской войны Министерство иностранных дел России заняло выжидательную позицию. Вместе с тем петербургские официальные и биржевые газеты предвидели опасность успехов Японии для интересов России. Так, «Новое время» (15 июля 1894 г.) предупреждало об опасности победы Японии, захвата Кореи и создания на Дальнем Востоке «нового Босфора». Притязания Японии на Корею, агрессивные выступления отдельных идеологов в пользу отрыва от России Сибири вызвали резкие заявления «Нового времени» (24 сентября 1894 г.). «Биржевые ведомости» высказывались за раздел Китая между западными державами и призывали к «обузданию» Японии.

1 февраля 1895 г. в Петербурге было созвано особое совещание под председательством великого князя Алексея Алексеевича для обсуждения той позиции, которую следовало занять России. Полная победа Японии не вызывала сомнений, но требования ее были еще неизвестны — японские дипломаты держали их в секрете.

На совещании великий князь Алексей Алексеевич заявил, что «постоянные успехи Японии заставляют ныне опасаться изменения статус-кво на Тихом океане и таких последствий китайско-японского столкновения, коих не могло предвидеть предшествующее совещание». (Имелось в виду совещание 21 августа 1894 г.). Поэтому совещанию надлежало обсудить меры, которые «следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке». Следует ли держаться в «корейском вопросе» совместного с другими державами образа действий или же «перейти к самостоятельным» шагам?

В ходе обсуждения ясно проступили две политические линии. Одна заключалась в том, чтобы компенсировать себя какими-либо территориальными присоединениями — незамерзающий порт для зимовки Тихоокеанской эскадры или отторжение части Северной Маньчжурии для более короткого пути Сибирской дороги к Владивостоку. Другая линия предусматривала отпор Японии под флагом защиты независимости Кореи и целостности Китая. Главная цель такого курса — не дать Японии укрепиться неподалеку от русских границ, не позволить ей овладеть западным побережьем Корейского пролива, закрыв выход России из Японского моря.

Министры высказались против немедленного вмешательства. Слабость русского флота и сухопутных сил на Дальнем Востоке была основным сдерживающим фактором.

Совещание приняло решение усилить русскую эскадру в Тихом океане так, чтобы «наши морские силы были по возможности значительнее японских». Министерству иностранных дел было поручено попытаться «войти с Англией и другими

европейскими державами, преимущественно с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. При этом Министерство иностранных дел должно иметь в виду, что главная цель, которую мы должны преследовать, — это сохранение независимости Кореи».

В марте 1895 г. Николай II назначил министром иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского. Новый министр запросил ведущие европейские страны о возможности совместной дипломатической акции, направленной на обуздание японских милитаристов. Англия воздержалась, зато Германия безоговорочно поддержала Россию. Вильгельм II, утверждая проект телеграммы в Петербург, подчеркнул, что готов сделать это и без Англии, отношения с которой у Германии к этому времени успели уже основательно испортиться. Теперь и Франции не оставалось ничего иного, как поддержать Россию.

4 апреля 1895 г. русскому посланнику в Токио из Петербурга была отправлена следующая телеграмма: «Рассмотрев условия мира, которые Япония соизволила предъявить Китаю, мы находим, что присоединение Лаотонгского (Ляодунского) полуострова, потребованное Японией, явилось бы постоянной угрозой китайской столице, сделало бы призрачной независимость Кореи и было бы постоянным препятствием к продолжительному успокоению на Дальнем Востоке. Благоволите высказаться в указанном смысле перед японским представительством и посоветовать ему отказаться от окончательного овладения этим полуостровом. Мы все же хотим пощадить самолюбие японцев. Ввиду этого вы должны придать своему шагу самый дружелюбный характер и должны войти по этому поводу в соглашение с вашими французскими и германскими коллегами, которые получат такие же инструкции».

В заключение в депеше говорилось, что командующий Тихоокеанской эскадрой получил приказание быть готовым ко всякой случайности.

11 (23) апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио одновременно, но каждый в отдельности потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой. Она была составлена в оскорбительном тоне.

Одновременно Россия объявила мобилизацию войск Приамурского военного округа. Эскадры России, Германии и Франции, сосредоточенные вблизи Японии, имели в совокупности 38 кораблей водоизмещением 94,5 тыс. т против 31 японского корабля водоизмещением 57,3 тыс. т. В случае же начала войны три державы без труда могли утроить свои морские силы, перебросив корабли из других регионов. В японской армии, находившейся в Китае, вспыхнула эпидемия холеры. В Японии военная партия во

главе с графом Ямагато трезво оценила ситуацию и уговорила императора принять предложения трех европейских держав. 10 мая 1895 г. японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодунского полуострова.

Следует отметить, что Германия очень активно поддерживала все политические акции России на Дальнем Востоке. Кайзер Вильгельм II писал Николаю: «Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке», «.. .что для России великой задачей будущего является дело цивилизованного азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником».

Поддерживая дальневосточную политику России, кайзер преследовал две цели. Во-первых, отвлечь внимание России от Европы и Черноморских проливов, что развязало бы руки Германии и Австро-Венгрии, а во-вторых, в союзе с Россией получить базы и сферы влияния в Китае.

В конце послания Николаю II кайзер скромно заметил: «Надеюсь, что, как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не "стеснит" тебя».

Глава 2

Постройка КВЖД

Впервые идею о постройке железной дороги в Сибири подал граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Еще в 1850 г. он предложил проект постройки здесь колесной дороги, которая впоследствии должна была замениться железной. Но за недостатком средств проект этот так и остался на бумаге, хотя в 1857 г. были сделаны все нужные изыскания.

Почти одновременно с графом Муравьевым английский инженер Дуль предложил построить конно-железную дорогу от Нижнего Новгорода, через Казань и Пермь, а далее через всю Сибирь до одного из портов на Тихом океане. Но предложение это, не обоснованное результатами изысканий, сочувствия у русского правительства не вызвало.

В 1866 г. полковник Е.В. Богданович, командированный в Вятскую губернию для оказания помощи голодающим, заявил о необходимости постройки железной дороги из внутренних губерний до Екатеринбурга и далее до Томска. По его мнению эта дорога стала бы единственным надежным средством для предупреждения голода в Уральском крае и, будучи затем проложена через Сибирь к китайс-

кой границе, получила бы крупное стратегическое и коммерческое значение. Идея полковника Богдановича была одобрена, начались изыскания, и к концу 1860-х гг. имелось уже целых три проекта о направлении Сибирской железной дороги.

Но, несмотря на внимание, оказанное предложению полковника Богдановича Александром II, разбор проектов будущей дороги не выходил за пределы специальной литературы и ученых обществ. Только в 1875 г. вопрос о постройке железной дороги через Сибирь стал обсуждаться в Кабинете министров, но был ограничен соображениями об устройстве ее лишь в пределах Европейской России и не далее Тюмени. В конце концов было принято компромиссное решение — создать водно-железнодорожный путь в Сибирь.

В 1883—1887 гг. были проведены большие работы по сооружению Обско-Енисейской водной системы с расчисткой и спрямлением ряда русел небольших рек, устройством каналадлиной 7,8 км, постройкой плотины и шлюзов. В результате появилась возможность перевозить грузы и пассажиров по водно-железнодорожному пути: от Петербурга по Волго-Балтийской водной системе до Перми, далее по островной железной дороге Пермь — Екатеринбург — Тюмень, затем по Обско-Енисейской и Селенгинской водным системам и далее по Амуру вплоть до Тихого океана. Протяженность этого пути составляла более десяти тысяч километров, использование же его целиком зависело от погодных условий. Поэтому путешествие было продолжительным и трудным, а порой и рискованным. Только постройка железной дороги могла способствовать освоению Сибири.

К обсуждению вопроса строительства Сибирского пути были привлечены министерства путей сообщений, военное, финансовое, морское, внутренних дел, земледелия и государственного имущества, императорского двора. 6 июня 1887 г. считается датой принятия правительственного решения о необходимости сооружения дороги. При этом предполагалось, что она будет не сплошной, а смешанной, водно-железнодорожной.

В феврале 1891 г. вышел указ о строительстве «сплошной через всю Сибирь железной дороги» от Челябинска до Владивостока. Сооружение ее объявлялось «великим народным делом». Магистраль делилась на семь дорог: Западно-Сибирскую, Средне-Сибирскую, Кругобайкальскую, Забайкальскую, Амурскую, Северо-Уссурийскую и Южно-Уссурийскую. Позднее появилась Китайско-Восточная железная дорога. 19 мая 1891 г. во Владивостоке началось строительство Великого Сибирского пути.

Всеми делами стройки ведали Управление по сооружению Сибирских железных дорог, Инженерный совет Министерства путей сообщений и Мостовая комиссия, подчинявшаяся Временному управлению казенных железных дорог, которое входило в Железнодорожный департамент Министерства путей сообщений.

В ноябре 1892 г. правительство выделило 150 млн руб. на первоочередные и 20 млн руб. на вспомогательные работы. Строительство предполагалось завершить в следующие сроки: Челябинск — Обь — Красноярск — к 1896 г.; Красноярск— Иркутск — к 1900 г.; линию Владивосток — Графская — к 1894—1895 гг. Предварительная стоимость была определена в 350 млн руб. золотом, или 44 тыс. руб. на километр. С 1892 г. на всех дорогах, кроме Амурской, развернулись изыскательские и строительные работы.

Среди рабочих на строительстве железной дороги были завербованные в беднейших губерниях России и местные, страдавшие от неурожаев. Временные рабочие выполняли самые тяжелые земляные работы. Местные крестьяне рубили лес, подвозили землю, балласт и строительный материалы. Специальные вербовщики старались не напрасно: за каждого рабочего они получали от 40 до 80 рублей. Транссиб строили до 83 тысяч штатных рабочих и около 6 тысяч инженерно-технических работников. В общей сложности на стройке было занято одновременно более 100 тысяч человек. Работы в основном выполнялись вручную. Основными орудиями труда были лопаты, ломы, топоры и пилы.

Широкий размах работ при принятом способе строительства (за счет государства) позволил целесообразно маневрировать рабочей силой. Это давало преимущество перед частным способом, когда строительство осуществляется разрозненными, конкурирующими акционерными обществами. Использование огромного количества людей на строительстве железных дорог от Урала до Тихого океана позволило постоянно наращивать темпы сооружения Транссиба. К зиме 1893 г. было построено 413 км, в 1894 г. —уже 891 км, а в 1895 г. —более 1340 км.

Весной 1891 г. началось строительство на Уссурийской линии, работы возглавил инженер О.П. Вяземский.

В 1893 г., с двухлетним опережением запланированного срока, правительство открыло финансирование строительства Средне-Сибирской дороги. Это было весьма своевременно, так как освободились рабочие и специалисты, завершившие в сентябре 1892 г. линию Златоуст — Челябинск, да и местное население страдало от неурожая и нуждалось в приработке.

Важным событием стало строительство моста через Обь. Рядом с мостом возник поселок, превратившийся потом в город Новосибирск. Средне-Сибирская железная дорога начиналась от восточного устоя моста и завершалась в Иркутске. Она была удалена от транспортных коммуникаций, при строительстве ее не хватало рабочих, и поэтому часто применяли труд каторжников. Из Центральной России приходилось доставлять не только рабочих, но и оборудование и материалы.

Барьерными объектами были и другие крупные реки, через которые пришлось сооружать большие мосты, в том числе длиной 515 м через Томь и 950 м через Енисей.

Летом 1896 г. приступили к работе на участке от Иркутска до Байкала. В постоянную эксплуатацию эта часть Транссиба была принята в 1901 г. Из-за сложности рельефа, дальности подвоза и других причин перерасход средств при сооружении этого участка достиг 16 млн руб., и километр дороги обошелся в 90 тыс. руб. По озеру от пристани Лиственничная была налажена паромная переправа до пристани Мысовая. Дальше дорога шла на Верхнеудинск.

Подвижной состав перевозился мощными паромами-ледоколами «Байкал» и «Ангара», которые регулярно курсировали на 73-километровой переправе. Такой смешанный способ транспортировки оказался впоследствии недостаточно эффективным, что особенно проявилось в период передислокации войск и военной техники на Дальний Восток. Это заставило ускорить рассмотрение вопроса об окончательных изысканиях и строительстве Кругобайкальской железной дороги.

Еще в 1891 г. рассматривалось два варианта обхода озера Байкал — северный и южный. Северный был более простым. Однако экспедиция О.П. Вяземского установила, что южный вариант, несмотря на его сложность, все же предпочтительнее, так как местность здесь лучше обжита. Поэтому остановились на нем. Трасса проходила по скалистому берегу, огибая Байкал.

На Кругобайкальской железной дороге длиной в 260 км построили 39 тоннелей общей протяженностью 7,3 км, 14 км подпорных стен, 47 предохранительных галерей, виадуки, волнорезы, многочисленные мосты и трубы. Эта дорога уникальна по концентрации разнообразных искусственных сооружений. Она представляет собой как бы наглядную энциклопедию инженерно-строительного искусства. Объем земляных работ при сооружении дороги составил свыше 70 тыс. кубометров на один километр. Не случайно эту линию сооружали шесть лет. Самоотверженный труд строителей позволил в 1905 г. (на год раньше срока) начать регулярное движение поездов. В то же время паромная переправа просуществовала еще почти 20 лет. Для этого соорудили новую пристань Баранчук близ станции Байкал.

После Забайкальской дороги (Мысовая —Сретенск) вначале предполагалось строить Амурскую. В соответствии с этим в 1893—1894 гг. произвели изыскания от Сретенска до станицы Покровская на Амуре и далее до Хабаровска. Однако сложность условий, суровость климата, а главное, занятие Россией Порт-Артура заставили принять другое решение — вести железную дорогу к Порт-Артуру и Дальнему.

В конце 1895 г. по инициативе министра финансов С. Ю. Витте был основан Русско-Китайский банк. Он был учрежден группой французских банков и Петербургским международным банком под покровительством русского правительства, которое обеспечивало своими представителями руководящее положение в правлении. Устав банка предусматривал самые разнообразные операции на Даль-

нем Востоке. Помимо обычных банковских функций имелось в виду финансирование китайских властей, хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая. Банк имел специальный фонд для подкупа китайских сановников.

В середине 1890-х гг. между великими державами началась жестокая борьба за право постройки железных дорог в Китае. Наиболее активно действовали финансовые группировки Англии, Франции и США. Каждую финансовую группу поддерживало свое правительство. Тут опять следует учитывать китайскую специфику. Концессии на строительство железной дороги в Китае предусматривали не только ассигнование средств, создание технического проекта железной дороги и получение дивиденда. В случае постройки дороги управляющий и технический персонал будет состоять в основном из граждан страны, которой будет передана концессия, а для охраны железной дороги будут введены или иностранные войска, или китайская охрана, вооруженная и контролируемая руководством железнодорожной компании.

Банковский синдикат США предложил китайскому правительству грандиозный проект железной дороги Кантон — Ханькоу — Пекин и далее, через Маньчжурию, до соединения с русской Транссибирской магистралью.

Министру финансов С.Ю. Витте удалось склонить Николая II к поддержке русского проекта Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Витте предлагал провести новую железную дорогу по территории Китая. Идея кратчайшего пути на Дальнем Востоке или идея «спрямления» не была нова. Еще в 1887 г. адмирал Копытов предлагал вести эту дорогу из Иркутска на Кяхту и из Кяхты через Цицикар и Гирин к Владивостоку. В 1891 г., при открытии работ на Южно-Уссурийском участке этот вопрос был поднят снова. И вот в феврале 1895 г. Витте подал в МИД записку, в которой указывал на неудобства участка Сибирской железной дороги, шедшего вдоль дуги, образуемой рекой Амур. При этом направлении дорога не только значительно удлинялась, но и само строительство дороги, особенно на участке между Сретенском и Рейновой, сталкивалось со значительными техническими трудностями. Признавая необходимым во всяком случае довести Забайкальский участок железной дороги до Сретенска, откуда река Шилка становилась судоходной, Витте предлагал затем обойти Амурскую дугу. Новая линия должна была идти от одной из станций к западу от Нерчинска до Ново-Цурухайтуйского караула, оттуда — на Мергень, а далее — по готовой скотопрогонной дороге от Мергеня до Амура несколько ниже Благовещенска, где она и должна была соединиться с ранее проектируемой Амурской линией.

Полковник Стрельбицкий, только что вернувшийся из экспедиции по Маньчжурии, сообщил, что такое направление дороги в пределах Маньчжурии не встре-

тило бы никаких серьезных технических трудностей. К тому же даже по приблизительным подсчетам длина пути сокращалась почти на 400 верст.

Обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке после успешного вмешательства трех держав в условия Симоносекского договора, изменила намерения Витте, и во всеподданнейшем докладе от 30 октября 1895 г. он говорил о направлении железной дороги не на Благовещенск, а через всю Маньчжурию по направлению к Владивостоку.

Британская разведка, видимо, что-то пронюхала о планах Витте, и 13 октября 1895 г. в газете «Таймс» со ссылкой на «надежный источник» в Гонконге была опубликована статья о русско-китайском договоре. Согласно его условиям, Россия получала право якорной стоянки флота в Порт-Артуре, право строительства и ввода в действие железнодорожных линий Нерчинск—Цицикар—Владивосток и Цицикар—Порт-Артур под русским управлением, а также другие торговые выгоды, к которым неприменимо понятие наибольшего благоприятствования. Китай оговаривал за собой право выкупа железнодорожных линий через 20 лет, причем размер суммы будет установлен по взаимному соглашению позднее.

Немедленно министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский отправил русским послам в Париже и Лондоне официальное опровержение: «Сообщенная газетой "Таймс" новость о заключенном между Россией и Китаем договоре насчет Порт-Артура и строительства железной дороги по китайской территории является вымышленной».

В конце апреля 1896 г. в Россию прибыл китайский сановник Ли Хун-чжан. Формальным предлогом было, видимо, участие в коронации Николая П. В Петербурге Витте заявил Ли Хун-чжану, что «благодаря нам Китай остался цел, что мы провозгласили принцип целостности Китая и что, провозгласив этот принцип, мы будем вечно его держаться. Но, для того чтобы мы могли поддерживать провозглашенный нами принцип, необходимо прежде всего поставить нас в такое положение, чтобы в случае чего мы действительно могли оказать им помощь. Мы же этой помощи оказать не можем, пока не будем иметь железной дороги, потому что вся наша военная сила находится и всегда будет находиться в Европейской России. Следовательно, необходимо, с одной стороны, чтобы мы могли в случае надобности подавать войска из Европейской России и, с другой стороны, чтобы мы могли подавать войска также и из Владивостока.

...А что теперь, — говорил Витте китайскому сановнику, — хоть мы во время войны Китая с Японией двинули некоторые части наших войск из Владивостока по направлению к Гирину, но по неимению путей сообщения войска эти шли так медленно, что не дошли до Гирина даже тогда, когда война между Китаем и Японией уже окончилась...

Наконец, для того чтобы комплектовать войска в Приамурской области, нам

нужно оттуда возить новобранцев и туда их перевозить.

Таким образом, для того чтобы мы могли поддерживать целость Китая, нам прежде всего необходима железная дорога, и железная дорога, проходящая по кратчайшему направлению во Владивосток; для этого она должна пройти через северную часть Монголии и Маньчжурии. Наконец, дорога эта нужна и в экономическом отношении, так как она поднимет производительность и наших русских владений, где она пройдет, и также производительность тех китайских владений, через которые она будет идти»[174].

Первоначально Ли Хун-чжан высказывал всяческие отговорки. Следует заметить, что Витте не лукавил. 22 мая 1895 г. министр иностранных дел Лобанов-Ростовский в служебной записке писал: «Единственное, чего мы хотим, чтобы Китай в связи со своим займом не вступил в какую-либо зависимость от Европы, и мы не получили непосредственно у наших границ второго Египта или даже второй Турции».

25 апреля Ли Хун-чжан был принят Николаем II, который повторил предложение С.Ю. Витте. После беседы с царем китайский сановник стал уступчивее. Кроме того, он получил от русского правительства взятку в четыре миллиона рублей, из которых два миллиона ему выдали немедленно, а еще два — в течение последующих лет. Кстати, Ли вскоре умер, сэкономив два миллиона русской казне.

22 мая 1896 г. в ходе коронационных торжеств (через 4 дня после трагедии на Ходынке) Ли Хун-чжан и Лобанов-Ростовский подписали так называемый Московский договор. Любопытно, что царь о нем даже не соизволил упомянуть в своем дневнике.

В тексте договора было сказано: «В видах упрочения мира, столь счастливо установленного на Дальнем Востоке, и предотвращения нового иностранного нашествия на азиатский материк, обе договаривающиеся стороны заключили между собой оборонительный союз, который должен получить свое осуществление при любом нападении Японии на Тихоокеанские владения России, на Китай или Корею. В этом случае обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, которыми они в данную минуту располагают, и насколько возможно помогать друг другу при снабжении этих же сил различными припасами. Как только стороны будут вовлечены в общие действия, ни одна из них не может заключить мира с противной стороной без согласия другой, т.е. союзной. Во время военных действий все порты Китая в случае надобности будут открыты русским военным судам, которые должны встретить здесь все необходимое им содействие со стороны китайских властей.

Дабы облегчить русским войскам доступ к пунктам, которым будет угрожать нападение, и обеспечить средства для существования этих войск, китайское правительство соглашается на сооружение железной дороги через Маньчжурию, причем все условия этого сооружения бу-

дут в виде контракта установлены в Петербурге переговорами между китайским посланником и Русско-Китайским банком. Во время военных действий Россия имеет право на свободное пользование этой дорогой для перевозки и снабжения своих войск. В мирное время Россия пользуется тем же правом, причем какие-либо задержки могут быть оправданы только в том случае, если бы это вызывалось потребностями местного транзита. Договор вступает в действие в тот же день, когда контракт, указанный выше, будет утвержден Богдыханом, и имеет силу в течение 15 лет. За шесть месяцев до этого срока обе стороны вступят в соглашение относительно его дальнейших продолжений».

Подписание контракта о железной дороге между китайским посланником в Петербурге и представителями Русско-Китайского банка князем Ухтомским и Ротштейном состоялось в Берлине 27 августа (8 сентября) 1896 г. Согласие богдыхана на договор было получено 25 июля, а на контракт — 16 августа. Ратификация секретного договора произошла в Пекине 16 сентября.

Для сооружения и эксплуатации этой дороги банк учредил Акционерное общество Китайско- Восточной железной дороги. Концессионный контракт устанавливал, что ширина колеи КВЖД должна быть такой же, как и на русских железных дорогах. Земли, принадлежавшие Обществу, а также его доходы освобождались от всяких пошлин и налогов. Обществу предоставлялось право самостоятельно устанавливать железнодорожные тарифы. Особое значение получало право Общества на «безусловное и исключительное управление своими землями», то есть всей полосой отчуждения. Условия концессионного договора превращали это полосу в нечто вроде большого, вытянутого русского сеттльмента. Общество КВЖД завело даже свою собственную вооруженную полицию. Через 80 лет железнодорожная линия должна была безвозмездно отойти к китайскому правительству. Через 36 лет оно приобретало право выкупа дороги. Практически Общество КВЖД существовало в значительной мере на средства русской казны.

Стоит отметить, что к концу 1898 г. Англия получила от Китая концессии на сооружение железной дороги общей протяженностью 2800 миль, Россия — 1530 миль, Германия — 720 миль, Франция — 420 миль, Бельгия — 650 миль, США - 300 миль.

Высший надзор на КВЖД сосредотачивался в руках русского министра финансов. Ему принадлежали обширные права как по личному составу дороги, так и по решению вопросов о направлении линии, о технических условиях ее постройки и о тех технических проектах и сметах, которые не могли быть разрешаемы главным инженером.

4 декабря 1896 г. Устав Общества КВЖД был высочайше утвержден. Председателем правления назначили бывшего китайского посланника при петербургском и берлинском дворах сановника Сюй-Цзин-чена; должности товарища

председателя занял инженер С.К. Кербедз, а главного инженера — А.И. Югович.

Подлинным же правителем КВЖД, а фактически и всей Маньчжурии стал С.Ю. Витте. Имея под своим начальством охранную стражу дороги, выбирая для нее даже орудия той или другой системы, заведуя речной флотилией, часть судов которой была вооружена и снабжена командой, министр финансов нес на себе обязанности и чисто военных властей. Строя и руководя службой железной дороги, он совмещал и круг деятельности, принадлежащей министру путей сообщения. В действительности Витте стал «негласным наместником», хотя и жил он не в районе своей новой и сложной службы, а по-прежнему в Петербурге, где он оставался министром финансов.

Глава 3

Основание Харбина

Утром 16 августа 1897 г. жители пограничных сел и станиц Южно-Уссурийского края — Покровки, Константиновской и других — наблюдали интересную картину: двадцать две тройки одна за другой мчались по почтовому тракту в сторону китайской границы. В тройках ехали гости, приглашенные на церемонию официального открытия работ по постройке Китайско-Восточной железной дороги.

На противоположном, китайском, берегу реки Уши на возвышенности раскинулся большой круглый павильон в китайском стиле: с красными лакированными колоннами по периметру стен, с окнами, забранными резными деревянными решетками. По конькам и краям выгнутой черепичной крыши возвышались фигурки обезьян, собак, львов и драконов. Над павильоном развевался странный флаг: наполовину китайский, наполовину русский. По диагонали полотнище разделялось на два цвета — белый и желтый, на одной половине — солнце и дракон, на другой, в левом верхнем углу, — российский бело-синий-красный флаг. Это было знамя нового Общества КВЖД. Оно символизировало дружбу и сотрудничество России и Китая в постройке железной дороги.

Русские строители железной дороги, как и все иностранцы в Китае, пользовались правом экстерриториальности. В соответствии со статьей 6 контракта на постройку КВЖД в полосе отчуждения постепенно были созданы все обычные институты русской административной системы: полиция, в которой служили русские и китайцы, а также суд.

По договоренности с китайскими властями КВЖД обязательно выкупала у частных владельцев отчуждаемые ею для

нужд дороги земли. Ширина отчуждаемой земли на перегонах между станциями устанавливалась в 40 сажень (85,4 м) — по 20 сажень в каждую сторону, но фактически была меньше: по 15 сажень (32 м) с одной стороны и по 18 сажень (38,4 м) — с другой. Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 га), под остальные станции и разъезды —до 30 десятин (32,7 га). Под Харбин первоначально было отчуждено 5650,03 десятины (6158,53 га) несколькими отдельными участками, а в 1902 г. площадь отчуждения увеличилась до 11102,22 десятины (12101,41 га). На правом берегу Сунгари (Харбин) отчуждалось 5701,21 десятины, палевом берегу (Затон) —5401,01 десятины. Вся эта площадь была объединена общей границей.

Строительство Южной линии было одной из первоочередных задач, поставленных русским правительством перед Обществом КВЖД. Забегая вперед, замечу, что 5 февраля и 29 июня 1899 г правительство поручило Обществу устройство морского пароходства на Тихом океане. К 1903 г. КВЖД располагала двадцатью крупными океанскими пароходами. Они обеспечивали грузовое и пассажирское сообщение между портами Приморской области, портом Дальний и крупными портами Кореи, Китая и Японии, осуществляли транзит пассажиров из Западной Европы на Дальний Восток. Забегая вперед, скажу, что в ходе русско-японской войны флот КВЖД был полностью уничтожен.

В Маньчжурии на КВЖД выросли новые города: Дальний, Маньчжурия и Харбин. Последний стал сердцем КВЖД. Ее 107 станций вскоре превратились в цветущие поселки. К 1903 г. Обществом КВЖД в них было выстроено 294 061 кв. м жилых помещений, а к 1910 г. — 606 587 кв. м, то есть 467,9 кв. м на I км главного пути. В 1903 *г.* общее число служащих дороги достигало 39 112 человек, из них русских было 18 123, а китайцев — 20 948, австрийцев, итальянцев, швейцарцев и турок было вместе 17 человек, еще 17 японцев и 9 корейцев.

Стоимость КВЖД, включая содержание порта Дальний и города Дальний, составляла к 1903 г. 318 640 236 руб. золотом. К 1906 г. она возросла до 375 млн руб. В последующие годы эта сумма приблизилась к 500 млн. Так сколько же стоила вся КВЖД? На этот вопрос дать точный ответ невозможно.

Для сокращения сроков постройки дороги администрация КВЖД решила создать крупный опорный пункт непосредственно на самой территории Маньчжурии, который бы отвечал одному, но главному требованию: сюда с наименьшими затратами должен быть обеспечен подвоз огромного количества строительных материалов, необходимых для сооружения этого гигантского транспортного предприятия. Этим пунктом было выбрано место пересечения железнодорожной магистралью реки Сунгари. И назван он был просто: Сунгари, или железнодорожный поселок Сунгари. Так был основан город Харбин.

Происхождение названия Харбин точно не установлено. Есть версия, что

оно произошло от названия китайской деревни Хаобин, или Хабинь, которое можно перевести как Хороший берег или Веселая могила (?). Деревня эта будто бы располагалась недалеко от будущего Харбина. Однако никаких документальных подтверждений этой версии и самого факта существования оной китайской деревушки нет. Г.В. Мелихов[175] считает, что слово «Харбин» имеет маньчжурские корни, скорее всего от слова «харба», обозначающее брод, переправа. Русские, видимо, добавили суффикс *ин*. По такому принципу словообразования составились названия многих старинных русских городов, например, Калязин на Волге. Первоначальное значение корня этого названия — грязный, грязниться. То же в полной мере относится и к названию Харбин. В пользу этого толкования можно привести тот дополнительный аргумент, что в разговорной речи харбинцев длительное время сохранялось ударение на первом слоге — Харбин.

Отношение русских к основанию Харбина хорошо выразил поэт А.И. Митропольский (псевдоним Арсений Несмелое):

Под асфальт, сухой и гладкий,
Наледь наших лет, —
Изыскательской палатки
Канул давний след...
Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи, —
Русский рок таков.
Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
Здесь построим русский город,
Назовем Харбин.

Для приема грузов, предназначенных для постройки новой дороги, 12 апреля 1897 г. Обществу КВЖД была передана во временное пользование часть бухты Золотой Рог во Владивостоке, а именно пристань Эгершельд.

В феврале — марте 1898 г. была произведена сводка всех данных, необходимых для начала строительных работ.

Одним из важнейших подготовительных мероприятий к постройке дороги стала организация речной флотилии КВЖД. На нее ложилась основная тяжесть доставки в Маньчжурию огромного количества грузов и оборудования, необходимых для строительства.

Работами по созданию флотилии руководил инженер С.М. Ваховский. В 1897 г. он был командирован в Бельгию и Англию, где заключил контракт на поставку для КВЖД мелкосидящих пароходов и металлических барж, пригодных для плавания по перекатам Сунгари. Морским путем в разобранном виде они были доставлены из Европы во Владивосток, а оттуда для сборки и спуска на воду их перевезли на станцию Иман Уссурийской железной дороги, а затем и на Красную речку под Хабаровском.

«Работы по сборке и склепке судов были поставлены инженером Ваховским весьма умело и быстро, что вызывало немалое удивление даже у испытанных в

этом отношении иностранцев, которым довелось увидеть столь сложное техническое оборудование и кипучую работу в неожиданном и глухом уголке безлюдного Приамурья»[176].

Первый пароход, так и названный «Первый», был спущен на воду 20 июля 1898 г. Вскоре был спущен и «Второй» пароход. Всего было собрано и спущено на воду 18 пароходов, получивших названия с «Первого» по «Восемнадцатый», 4 катера, 40 стальных и 20 деревянных барж и одна землечерпалка. За время строительства дороги и города Харбин эта флотилия перевезла не менее 650 тыс. т различных грузов.

Вместе с пароходством КВЖД на Сунгари были созданы и другие частные пароходства: Товарищества Амурского пароходства В.Н. Лютикова и М.И. Кожевникова, Г.Н. Косицина, Б.А. Алексеева, М.З. Буянова, Курбатова, А.Л. Вертопра¬хова, А.К. Лукьянова и др.

6 мая 1898 г. из Хабаровска вверх по Уссури в Харбин отправился первый пароход. Это был пароход «Благовещенск», арендованный у частного Амурского общества. На борту его находились руководители строительного управления во главе с С.В. Игнациусом в сопровождении рабочих, служащих и казаков Охранной стражи. Плавание проходило трудно. Главным препятствием были многочисленные сунгарийские перекаты и мели. Вода в реке была низкая. Это вызвало недоумение у строителей, привыкших видеть реки Европейской России после таяния снегов наиболее полноводными. Но в Маньчжурии, где зимой снега почти не бывает, его таяние не вызывает повышения уровня воды в реках. Но в период интенсивных и частых муссонных дождей — в июле и августе — вода в реках достигает своей наивысшей отметки.

Из-за многочисленных задержек на мелях, когда приходилось сгружать с парохода наиболее тяжелые грузы, например рельсы, и оставлять их на островках, это путешествие по Сунгари длилось более 20 дней.

28 мая 1898 г. пароход «Благовещенск» прибыл в Харбин. Этот день многие авторы считают днем основания города. Но следует заметить, что рейс «Благовещенска» получил такую известность из-за присутствия на его борту начальства. Фактически первым пароходом, шедшим в Харбин, стал «Святой Иннокентий», привезший туда из Хабаровска рядовой персонал КВЖД.

Поселок Сунгари как по волшебству стал превращаться в город. 28 мая 1898 г. во временном бараке открылась первая железнодорожная больница. Первыми европейскими врачами в Харбине стали главный врач КВЖД М.И. Полетика и хирург Свентицкий, которые практиковали в этой больнице в Старом Харбине. Вскоре в Новом Харбине открылась капитальная, превосходно оборудованная центральная больница КВЖД. В одной из фанз бывшего завода «Сян-фан» открылась небольшая столовая для строителей, которой заведовал грузин Агрес¬ти — первый частный предприниматель в Харбине. Открылась первая, тоже част-

ная, гостиница «Номера для проезжих Га¬мартели». Хоть была она маленькая и грязноватая, но номера там не пустовали. К июлю в одном из бараков начало свои операции отделение Русско-Китайского банка во главе с С.Б. Габриелем. Начала торговлю популярная на Дальнем Востоке фирма И.Я. Чурина. Ю.П. Нациевс¬кий первым открыл в Харбине кафе-кондитерскую. 12 августа распахнул свои двери первый парфюмерный и галантерейный французский магазин и парикмахерская Руссиаль (позднее — Блан¬ша).

Руководители постройки позаботились и о типографии. В 1898 г. в саманном доме были установлены первые четыре новенькие типографские машины. 6 декабря 1898 г. открылась первая начальная школа для детей рабочих и служащих.

В феврале 1898 г. в доме Анпера в Старом Харбине открылась первая маленькая домовая церковь. А первым православным священником в Маньчжурии стал отец Александр Журавский, живший там с 1897 г. С прибывшими в Харбин в 1899 г. частями Охранной стражи появился здесь и отец Сергей Брадучан. Позднее в Старом Харбине между улицами Офицерской и Армейской построили небольшую, но очень красивую трехглавую церковь.

Первое время у строителей дороги были большие проблемы с продовольствием. Отсутствовали основные, привычные для русских продукты, так как китайцы не выращивали в Маньчжурии ни картофеля, ни капусты, не держали молочный скот, и на рынках почти не было говядины и молочных продуктов. В.Н. Веселовзоров в своих воспоминаниях, опубликованных в харбинской газете «Русский Голос», писал: «Жители и служители дороги страдали от отсутствия ржаного хлеба и гречневой каши. Дичь — фазаны, козулятина, изюбрятина — была в изобилии, но приедалась, а обыкновенной говядины достать было почти невозможно, так как она тоже была привозная. Русская капуста, картофель были редкостью во времена постройки города. Их так же, как и сливочное масло, привозили из Сибири. Зато спиртных напитков было в изобилии благодаря беспошлинной торговле и свободным портам Владивостоку и Порт-Артуру. Например, коньяк лучшей марки «Три звездочки» — Мартель стоил 1 рубль 20 копеек бутылка, а четверть водки стоила 30—40 копеек! За пустую бутылку крестьяне давали курицу, за сотню яиц брали четвертак (25 коп.), а за пару фазанов — 20 копеек! В то же время побриться у парикмахера стоило 2 рубля золотом»[177].

В 1899 г. в Харбине жило около 14 тысяч выходцев из Российской империи, в основном русских, но были и поляки, евреи, армяне и другие национальности.

Еще в 1898 г. Харбин был соединен с Россией телеграфной линией, что существенно облегчило строительство дороги, и вместе с тем в первый период постройки передавалась масса смешных и пустячных телеграмм, которые шли по всем крупным станциям. Например, однажды

со станции Пограничная Восточной линии оповестили всю дорогу о краже петуха и кур у помощника начальника станции. В телеграмме во всех подробностях передавались приметы украденных кур: «Петух красный, бесхвостый, стоимостью в 70 коп. и 5 кур, из них одна черная с белыми пятнами, одна с рябинами, одна желтая и две светло-желтые с рябинами, стоимостью по 70 коп. Прошу принять меры розыска». А одну из телеграмм вообще не могли понять: «В 11 часов вечера Кирилл В. нанес ножом рану в правую холку Степану Л.», далее сообщалось о принятых мерах. Когда стали выяснять, какая часть тела имелась в виду под «холкой», то оказалось, что это ягодица. Полицейский употребил простонародный термин, который телеграфист отказался передать, тогда и придумали «холку». А одна телеграфистка передала с Южной линии: «При забивке свай утопили женщину. Срочно пришлите другую». Оказалось, что слово «баба», стоявшее в первоначальном тексте, показалось телеграфистке слишком грубым, и она отказалась передавать его в Харбин.

В начале XX века резко возрос объем строительства в Харбине. С 1901 г. площадь вновь построенных жилых помещений возрастала ежегодно на 22 750 кв. м. Одновременно строилось здание Управления дороги площадью около 16 800 кв. м, штабы охраны (более 2270 кв. м), мужские и женские коммерческие училища (более 7280 кв. м), Железнодорожная гостиница (около 3640 кв. м), почтово-телеграфная контора, школы для мальчиков и девочек и здание Общественного собрания, достраивалась центральная больница. В начале 1903 г. на Вокзальном проспекте выросло большое красивое здание Русско-Китайского банка.

По итогам первой в истории Харбина переписи, проведенной 15 марта 1903 г., население полосы отчуждения Харбина составило 44 576 человек (38 983 мужчины и 5593 женщины). Из них русских подданных было 15 579, китайских подданных — 28 338, японцев — 462, прочих — 200. Так что трудно сказать, был ли в то время Харбин больше китайским, или русским городом. Замечу, что к этому времени в районе Порт-Артура —Дальнего было свыше 17 тысяч русских, а всего в Маньчжурии их жило около 83 тысяч.

Администрация уделяла большое внимание культурному досугу русских строителей. Одним из развлечений было посещение по вечерам открывшегося 25 декабря 1898 г. в Старом Харбине Железнодорожного собрания. Что же ставилось в этом первом маленьком Железнодорожном собрании? Харбинцы очень любили хоры, как светские, так и церковные. Они всегда пользовались в Харбине чрезвычайно широкой популярностью. Первый самодеятельный хор пел на маленькой сцене Железнодорожного собрания. Любители играли на различных музыкальных инструментах, привезенных ими из России.

Большим праздником для харбинцев стали первые концерты профессиональных артистов. В мае 1899 г. состоялся один из первых на территории города кон-

цертов камерной музыки, который дало приехавшее сюда чешское семейство Эрмль. В начале 1900-х гг. в Харбин приезжали знаменитый в России скрипач Костя Думчев и певцы — чета Фигнер.

Со временем наряду с такими видами отдыха в Харбине быстро стали появляться и места отдыха и развлечений несколько иного типа, например кафешантан под громким названием «Бельвю». Среди строителей, в подавляющем большинстве своем молодых и холостых мужчин, заведение это было чрезвычайно по¬пулярно.

Для офицеров Охранной стражи, месяцами живших на пустынных полустанках и разъездах линии дороги, Харбин был притягательнейшим местом отдыха. Расстояние в 200 и даже в 300 верст до Харбина считалось для молодых офицеров пустяком и часто преодолевалось ими в оба конца верхом. Так что дощатый кафешантан постоянно был набит публикой и работал всю ночь. «Окутанный облаками табачного дыма, при свете керосиновых ламп и свечей на эстраде-помосте гремел "румынский" оркестр, выступали "французские" шансонетки, отплясывал кордебалет. Это была, так сказать, эстрада. А рядом, в стороне, за зелеными столами, между завсегдатаями, случайными игроками и непременными участниками подобных компаний — шулерами шла азартная игра в девятку, железку, штос и банчок. Стопки золотых монет переходили из рук в руки. Возникавшие недоразумения иногда разрешались ссорами и драками, однако без стрельбы. Русские предпочитали орудовать не револьверами, а кулаками»[178].

Теперь вряд ли удастся установить автора названия «Желтороссия», данного полосе отчуждения КВЖД и прилегающим к ней районам. Главное, что к концу 1890-х гг. термин Желтороссия широко использовался не только населением, но и прессой.

Как уже говорилось, в Желтороссии появилась и своя армия — Охранная стража КВЖД. Первым начальником Охранной стражи стал бывший командир 4-й Закаспийской стрелковой бригады полковник А.А. Гернгросс[179]. Личный состав Охранной стражи служил по вольному найму, большую часть его составляли казаки. Первоначально было сформировано 5 конных сотен: одна — из Терского казачьего войска, две — из Кубанского, одна — из Оренбургского и одна сотня смешанного состава. 26 декабря 1897 г. все пять сотен прибыли на пароходе «Воронеж» во Владивосток и приступили к службе в Маньчжурии.

Жалованье в Охранной страже было куда больше, чем в армии. Так, рядовые получали 20 руб. золотом в месяц, вахмистры — 40 руб. с готовым обмундированием и столом. Для казаков Охранной стражи была создана и своя форма: черные открытые тужурки и синие рейтузы с желтыми лампасами, фуражки с желтым кантом и тульей.

В соответствии с договором, Россия не должна была вводить в Маньчжурию частей регулярной армии. И чтобы еще больше подчеркнуть отличие Охранной

стражи от частей регулярных войск, погоны они не носили. На офицерской форме их заменяло изображение желтого дракона. Такой же дракон украшал сотенные значки и был на пуговицах и на кокардах папах, из-за чего в уральской сотне даже произошли волнения. Казаки решили, что дракон — печать антихриста и носить такое изображение христианину не подобает. Они отказались носить на себе драконов, но начальство пригрозило, и казаки нашли выход — стали носить папахи кокардами назад, ведь печать антихриста ставится на лоб, а насчет затылка ничего не говорится.

Кроме того, офицеры носили наплечные позолоченные жгуты. Но они очень болезненно переносили отсутствие погон, особенно во время поездок в Россию.

Замечу, что армейские офицеры не любили офицеров Охранной стражи, а саму Охранную стражу именовали «таможенной стражей» или «гвардией Матильды» — по имени супруги шефа всего корпуса Пограничной стражи С.Ю. Витте Матильды Ивановны.

Интересно, что в Охранной страже КВЖД в разное время служили прапорщик А.И. Гучков— будущий министр Временного правительства, будущие генералы и вожди белых армий А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, а также Е.И. Мартынов — впоследствии главный начальник снабжения Красной армии и генерал-лейтенант.

Военное ведомство отстало от других стран с принятием на вооружение скоро¬стрельных (патронных) полевых пушек[180] . А тратить деньги на старые полевые пушки обр. 1877 г. Витте не пожелал и закупил для КВЖД через Аргентину 75-мм пушки Круппа. Эта акция вызвала буквально бурю гнева у великого князя Сергея Михайловича и верхушки Военного ведомства.

Несколько забегая вперед, скажу, что Охранная стража 19 января 1901 г. была включена в состав Особого Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи с доведением ее численности до 25 тыс. всех родов войск — конницы, пехоты и артиллерии. К маю 1911 г. на вооружении Заамурского округа пограничной стражи имелось 62 пушки: из них восемь 3-дюймовых обр. 1900 г., двадцать 75-мм Круппа, двенадцать 3-дюймовых горных обр. 1904 г. и 22 легкие (87-мм) обр. 1877 г.

После вхождения в корпус пограничной стражи у Охранной стражи появилось лишь новое начальство в среднем звене. Дело в том, что сам корпус был в ведении министерства финансов и подчинялся лично С.Ю. Витте, а сам Витте подчинялся лично царю.

Судя по воспоминаниям и мемуарам участников строительства КВЖД, службу свою Охранная стража несла исправно. Главной ее задачей являлась охрана строителей, станций и линий железной дороги. Вся линия дороги была поделена на отрядные участки, которые делились на ротные участки. Непосредственно вдоль линии дороги были установлены посты пехоты (от 5 до 20 человек в каждом). У каждого поста строилась вышка для наблюдения и

«веха» — высокий столб, обмотанный просмоленной соломой. Во время тревоги или при нападении солому поджигали, что служило сигналом для соседних постов. (Непрерывно от поста к посту проводилось патрулирование линии.

В первое время нападения хунгузов[181] на посты происходили довольно часто. Охранная стража отражала все нападения, затем преследовала разбойников и учиняла над ними жестокую расправу. В результате хунгузы были так напуганы русскими казаками, что практически перестали нападать на КВЖД.

Формально Охранной страже вменялось в обязанность контролировать местность на 25 верст в стороны от железной дороги (сфера непосредственной охраны) и вести дальнюю разведку еще на 75 верст (сфера влияния). Фактически же Охранная стража действовала на расстоянии 100—200 верст от железной дороги. Кроме того, стража охраняла и пароходные сообщения по Сунгари (конвой на пароходах и посты вдоль берегов реки), крупные лесные заготовки дороги, исполняла судебно-полицейские функции.

Из Харбина строительство дороги велось одновременно по трем направлениям: к русской границе на запад и на восток, и на юг — на Дальний и Порт-Артур. Одновременно дорога строилась и с конечных пунктов: от Никольска-Уссурийского, со стороны Забайкалья и Порт-Артура, а также на отдельных отрезках между этими пунктами. Была поставлена задача как можно скорее сомкнуть пути, хотя бы на временной основе. Скорейшая организация движения стала главной целью.

Дорога проектировалась однопутной. Расстояния между станциями на равнинных участках не должны были превышать 35 км, а на горных — 25 км. Путевые казармы строились на расстоянии 13—19 км одна от другой, а между ними были еще полуказармы. Расстояния между главными и оборотными депо составляли 100—170 км. Станциями с узловыми депо были назначены Пограничная, Ханьдаохэцзы, Бухэду и Маньчжурия. Пропускная способность была принята в 10 пар паровозов с перспективой доведения ее в будущем до 16 пар, то есть почти до верхнего предела для однопутных железных дорог, который составлял 18 пар поездов в сутки.

К лету 1901 г. укладка пути достигла Бухэду и стала подниматься к Хинганскому хребту. Подход к будущему тоннелю по крутым восточным склонам хребта инженер Н.Н. Бочаров спроектировал в виде полной петли радиусом 320 м, в которой нижний путь проходил в каменной трубе под верхним. Это было также обусловлено необходимостью уменьшить длину будущего тоннеля. Уже по проложенному пути на Хинган были доставлены необходимые для строительства машины, оборудование и строительные материалы. Петля и тоннель строились с марта 1901 по ноябрь 1903 г. А в это время железная дорога от Хингана ушла далеко на запад, и 21 октября 1901 г. у Унура произошла смычка Западной линии.

Путь от Харбина до Владивостока был соединен еще 5 февраля 1901 г. у станции Ханьдаохэцзы, а от Харбина до Дальнего — 5 июля того же года. Укладка пути на КВЖД была, таким образом, закончена на всем протяжении, и дорога открыта для рабочего движения поездов.

Осенью 1901 г. после прибытия необходимого оборудования начались интенсивные работы по пробивке тоннеля. До завершения работ по строительству тоннеля и петли поезда пропускались в обоих направлениях по системе временных тупиков, устроенных на восточном склоне Большого Хингана, и нижнему заезду петли. Рабочий поселок, выросший у восточного портала Хинганского тоннеля, получил название Петля.

В первую очередь прокладывалось железнодорожное полотно и устраивались тупики, с помощью которых Бочаров успешно решил задачу преодоления железной дорогой Хинганского хребта. Эти знаменитые бочаровские тупики начинались сразу же за станцией Петля. Строительство их было обусловлено необходимостью организации временного обходного железнодорожного сообщения для подвоза стройматериалов и оборудования для строившейся линии, а также для доставки пассажиров до тех пор, пока не будет готов тоннель. Для этого и служила система железнодорожных тупиков — отрезков пути по полкилометра длиной каждый, расположенных в три яруса в виде зигзага по склону хребта. Тупики позволяли поездам как спускаться с крутого восточного склона Большого Хингана, так и подниматься с низу на самую высшую точку перевала и обеспечивали, таким образом, возможность непрерывной железнодорожной связи в обход

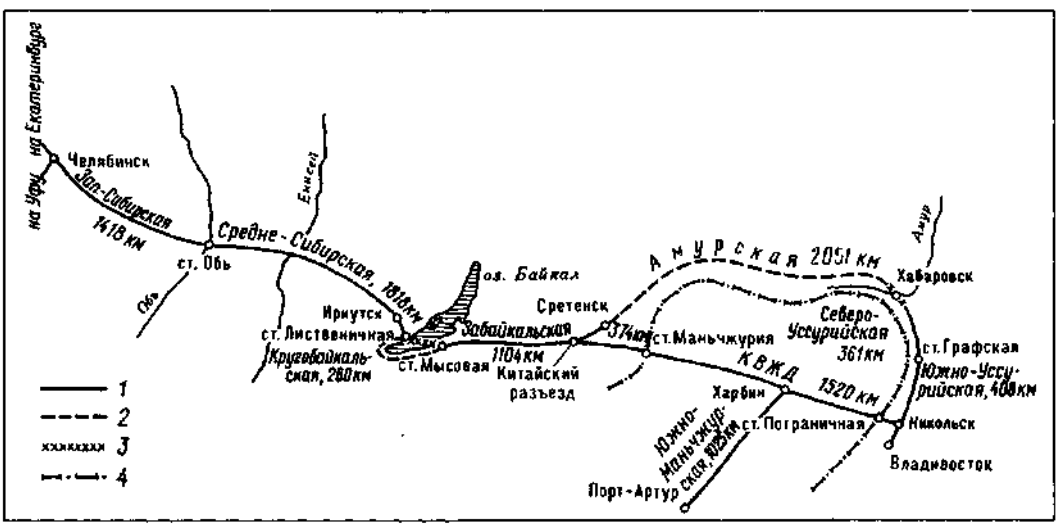


СХЕМА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ТРАНССИБА:
I — дороги, построенные до 1900 г.; 2 — дороги, построенные в период с 1900 по 1916 г.; 3 — паромно-ледовые переправы; 4 — государственная граница

Таблица 2

Железные дороги Транссиба к 1904 году

Дорога	Граница дороги	Протяженность, км	Год завершения постройки
Западно-Сибирская	Челябинск — Обь	1418	1896
Южно-Уссурийская	Владивосток — Графская	408	1896
Ссверо-Уссурийская	Графская — Хабаровск	361	1897
Средне-Сибирская	Обь — Иркутск	1818	1899
Забайкальская	Иркутск — Сретенск (с паромной переправой через Байкал)	1220	1900
КВЖД	Китайский разъезд — Маньчжурия	374	1900
	Маньчжурия — Никольское	1520	1903
	Ветка: Харбин — Порт-Артур — Дальний	1025	Конец 1903
	Всего	8144	

тоннеля еще задолго до ввода его в эксплуатацию.

Движение поездов по тупикам было разработано до мельчайших деталей. Стоит привести описание поездки по тупикам Н.А. Байкова в феврале 1902 г.: «С перевала поезд спускался на тормозах по тупикам, которых было всего шесть. Таким образом, поезд двигался то вперед головой, то хвостом. Уклон был так велик, что паровоз, становившийся всегда в голове поезда, несмотря на усиленный "задний ход", мчался с головокружительной быстротой. Из-под тормозов сыпались искры и пахло горелым железом. Буксы горели во многих вагонах. Во время этого сумасшедшего бега нас качало, как на море, и многие пассажиры читали молитвы, вручая свои души Богу. На всех лицах был написан панический страх и ужас, даже поездная прислуга крестилась и слышались возгласы: "Пронеси, господи!" Каждое колено тупика длиною в одну версту мы пробегали в 20—30 секунд и каждый раз ожидали того момента, когда поезд, не будучи сдержан тормозящим паровозом, выскочит из тупика и пойдет "вверх тормашками" вниз по откосу горы. Но, к счастью, этого не случилось; мы благополучно доехали до нижнего тупика, и все с облегчением вздохнули... "Вот это езда, так езда! " — сказал мой Михаил».

1 июля 1903 г. КВЖД перешла в регулярную эксплуатацию, хотя и с большим числом недоделок, оцененных в 57 млн руб. Тоннель через Большой Хинган еще не был достроен.

Зимой 1903/04 г. между Москвой и портом Дальний еженедельно ходили четыре роскошно оборудованных пасса-

жирских поезда. Они отправлялись из Москвы по понедельникам, средам, четвергам и субботам. В полдень на третьи сутки поезд прибывал в Челябинск, утром на восьмые сутки — в Иркутск. Затем была четырехчасовая переправа через Байкал на пароме (или езда по Кругобайкальской дороге после введения ее в эксплуатацию). В полдень на двенадцатые сутки поезд прибывал на станцию Маньчжурия, а еще через пять суток — в порт Дальний. Вся поездка занимала 16 суток вместо 35 на океанском корабле.

В 1904 г. Транссиб представлял собой комплекс железных дорог, протяженность которых приведена в таблице.

Стоимость строительства дорог Транссиба составила около одного миллиарда рублей, средняя стоимость 1 км пути доходила до 120 тыс. руб.

С началом строительства Транссиба встал вопрос о дополнительных железнодорожных подходах к нему из европейской части России. Для этого в 1896 г. построили линию от Екатеринбурга до Челябинска длиной 252 км, а к 1899 г. — от Перми до Котласа через Вятку (866 км). Таким образом, появился выход на Северную Двину, по которой далее грузы попадали в Архангельск, и новый подход к Транссибу.

Для обеспечения кратчайшего выхода к Великому Сибирскому пути с северо-запада решили провести линию Петербург — Вологда — Вятка. Царский указ о ее строительстве вышел в 1902 г. Для предпостроечных изысканий и последующего сооружения линию разделили на две части: Петербург — Вологда протяженностью 599 км и Вологда — Вятка протяженностью 642 км.

Глава 4

Андреевский флаг над Порт-Артуром

Вопрос о занятии незамерзающего порта на Дальнем Востоке постоянно обсуждался руководством Морского и Военного ведомств еще с 70-х гг. XIX в. Последним толчком, заставившим поспешить Россию в этом вопросе, стали действия Германий и Англии.

Англия уже имела несколько военно-морских баз на Дальнем Востоке — Сингапур , Гонконг и другие, но мечтала о захвате новой базы в Северном Китае. Внимание британских, германских и русских адмиралов привлекла бухта Циндао (Киао-чоу). Коллежский советник русского МИДа писал: «Стратегическое значение Циндао (Киао-чоу), в силу его географического положения, громадно, оно отдает в руки занявшего его весь Шаньдун и открывает свободный доступ в Пекин, упраздняя все Печилийские укрепления как средства для обороны подступов к столице против владеющего названной бухтой».

В 1896—1897 гг. германский посол в Китае барон Гейканг несколько раз поднимал вопрос о передаче Циндао Германии. Китайское правительство все время отвечало Германии решительным отказом, ссылаясь, с одной стороны, на свое собственное намерение воспользоваться этой бухтой, как стоянкой для возрождавшегося в те дни китайского флота, а с другой — на право первенства, принадлежавшего по отношению к этой бухте России.

Действительно, еще в 1895 г., в период переговоров с Японией, командовавший в это время соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмирал Тыртов 2-й по совещании со своими ближайшими сотрудниками — вице-адмиралом С.О. Макаровым и контр-адмиралом Е.И. Алексеевым указал именно на Циндао как на удобнейшую зимнюю стоянку русских судов. Эта же стоянка была необходима России, потому что Владивосток замерзал, рейд Чифу имел большие недостатки, корейские порты были неудобны тем, что телеграф там находился в руках японцев, а стоянка в японских портах, которой Россия пользовалась раньше, после событий 1895 г. оказалась уж совсем неудобной в политическом отношении. «Киао-чоу удовлетворяет условиям, имеется телеграф и провизия», — писал вице-адмирал Тыртов.

20 октября 1897 г. в Шаньдуне, недалеко от Циндао, местным населением были убиты два католических миссионера, по национальности немцы. Теперь Германия получила повод для захвата Циндао. 26 октября Вильгельм II отправил в Петергоф телеграмму, в которой сообщал о самом факте нападения китайцев на католических миссионеров, находящихся под его личным покровительством, писал, что он обязан наказать этих китайцев, и выражал уверенность, что Николай 11 ничего не будет иметь против его решения отправить германскую эскадру в Циндао, дабы с этого пункта действовать против «китайских разбойников». Вильгельм II писал, что Циндао наиболее подходящая стоянка, что наказания необходимы и произведут хорошее впечатление на всех христиан, что он, император, несет известные обязательства перед католической партией в Германии и должен показать себя перед католиками способным оказать им покровительство.

Николай II ответил на эту телеграмму, что он не может быть ни за ни против отправки германской эскадры в Циндао, поскольку недавно выяснилось, что стоянка там оставалась за русскими судами только временно, а именно на зиму 1895/96 г. Вместе с тем Николай II высказал опасения, что строгие меры наказания только вызовут волнения, произведут тяжелое впечатление на Дальнем Востоке и расширят или углубят пропасть, уже и без того существующую между христианами и китайцами.

Утром 2 ноября 1897 г. три германских судна вошли в бухту Циндао, высадили 200 человек десанта и разрушили телеграфную линию. Уступая угрозе германского адмирала, начальник китайского гарнизона очистил порт и укрепления и

отступил, оставив в руках немцев орудия, снаряды, амуницию и припасы. Отправившийся к германскому адмиралу за объяснениями генерал Чжан был обезоружен и задержан немцами.

Германская пресса представила убиение двух миссионеров как угрозу всей германской нации. В помощь германской эскадре Тихого океана была немедленно отправлена вновь сформированная из четырех судов 2-я крейсерская дивизия под командованием брата императора принца Генриха. Отправка этих судов происходила с большой помпой и рядом патриотических манифестаций.

Германское правительство воспользовалось шаньдуньским инцидентом и внесло в рейхстаг проект об усилении флота.

Китайское правительство пыталось сопротивляться. К Циндао был послан пятитысячный отряд, а князь Гун[182] обратился к русскому послу А.И. Павлову с просьбой послать русскую эскадру в Циндао. Николай II сгоряча отдал приказ эскадре идти в Циндао, но 8 ноября приказ этот был отменен.

Потеряв надежду на помощь извне, Китай вступил с Германией в новые переговоры и в конце декабря 1897 г. заключил с ней особое соглашение, по которому Германия получала право на арендное пользование бухтой Циндао в течение 99 лет.

Интересно, что район Циндао был подчинен ВМФ, а не министерству колоний Германии. За несколько лет Циндао превратился из маленькой рыбацкой деревушки в 60-тысячный город с многочисленными промышленными предприятиями и мощной крепостью. На Циндао стала базироваться эскадра германских кораблей.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что аннексия Циндао вызовет лавинообразную серию захватов других китайских территорий прочими империалистическими государствами, среди которых первыми будут Англия и Япония. Одним из самых лакомых кусочков Китая был Порт-Артур. Захват его был неизбежен. Вопрос заключался лишь в одном: кто это сделает?

Следует заметить, что удобная гавань на южной оконечности Ляодунского полуострова получила в 1858 г. название Порт-Артур. Эту пустынную гавань впервые использовали англичане входе второй опиумной войны. Ближайшей базой британской эскадры, действовавшей в Печилийском заливе, был Гонконг, отстоявший на многие сотни миль. Поэтому «просвещенные мореплаватели» создали временную базу на Ляодунском (Квантунском) полуострове.

База получила название Порт-Артур то ли по фамилии капитана 1 ранга Артура, командира одного из британских кораблей, находившегося в этих водах, то ли в честь полумифического короля британских кельтов Артура (V—VI вв. н.э.). Во всяком случае, англичане к тому времени называли именем Артура целых три порта: на юго-востоке острова Тасмании (Австралия), на западном берегу Горного озера (континентальная Канада) и в Мексиканском заливе (США).

После окончания второй опиумной войны гавань Порт-Артура опустела, точнее, там осталось маленькое китайское рыбацкое селение. Лишь в 1882 г. наместник провинции Хубэй Ли Хун Чан решил построить две сильные морские крепости на обоих берегах пролива Ляотешаньшуйдао, ведущего в Печилийский залив, — Порт-Артур (китайское название Люйшунь) и Вэйхайвэй (современное название Вэйхэй). Расстояние между этими портами около 160 км. Выбор места для обоих портов (морских крепостей) был очень удачен. Фактически эти крепости стали второй линией обороны Пекина, после фортов порта Дагу.

Руководил постройкой укреплений Порт-Артура германский инженер Ганнекен. Около десяти лет свыше четырех тысяч китайцев строили крепость и порт. В 1892 г. работы были в основном закончены.

Для благоустройства порта был выкопан Восточный бассейн размерами 530 х 320 м и глубиной при отливе 5 м, а во время прилива — более 8 м, с гранитной облицовкой. Ширина входа в бассейн составляла 80 м. Вокруг бассейна расположились мастерские и другие портовые сооружения, дававшие возможность производить ремонт судов любой сложности. В Восточный бассейн выходили два дока. Порт и мастерские имели электрическое освещение.

Укрепления Порт-Артура разделялись на два фронта обороны: береговой и сухопутный. Береговой фронт проходом в гавань делился на две части: восточную (Тигровый полуостров) и западную (Городская сторона). На восточной части имелось три береговых форта, вооруженных 32 береговыми орудиями, а на западном участке было пять береговых фортов с 30 береговыми орудиями системы Круппа. Все форты были долговременными, с большим количеством казематированных помещений. Материалом для постройки фортов служили главным образом глина и камень, и только кое-где верхний слой земли брустверов и откосов был усилен тонким слоем «плохого бетона».

Итак, России пришлось решать, занимать ли ей Порт-Артур, или его займут другие. Кроме того, русской эскадре на Дальнем Востоке давно уже требовался незамерзающий порт. Единственная военно-морская база на Тихом океане, Владивосток, зимой замерзала. Хороших ледоколов не было, и приходилось или на полгода ставить эскадру на прикол, или на зиму уходить гостить в порты Японии или Китая. Обычно наши адмиралы предпочитали гостить в Японии. Причем не последним аргументом базирования в Нагасаки были любвеобильные гейши. Морское министерство рассматривало несколько вариантов создания незамерзающей военно-морской базы. Причем моряки отдавали предпочтение не Порт-Артуру, а базе на юге Корейского полуострова. Основные аргументы: контроль над стратегическим Цусимским проливом, защита Кореи от вторжения японцев и, наконец, Владивосток был вдвое ближе (почти на 800 миль).

Управляющий Морским министерством вице-адмирал Тыртов писал: «Помешать из далекого Порт-Артура подготовлениям Японии к внезапному занятию Кореи нам будет значительно труднее, чем английской эскадре из Бе¬зикской бухты захвату Босфора. Для того чтобы... своевременно разрушить такой план захвата и чтобы Япония не решилась на это предприятие в сознании риска неудачи и неизбежных громадных потерь, необходимо иметь опорную точку на юге Кореи. База эта... нужна сверх того как связующее звено Владивостока с Порт-Артуром. Станция в южной Корее являлась бы, кроме того, сильной угрозой... более многочисленному торговому флоту Японии. Приобретение такого порта должно составлять цель, к которой необходимо стремиться неуклонно...

Для обеспечения нашего спокойствия и развития на крайнем Востоке нам нужны не дальнейшие приобретения в Китае... а достижение преобладания на море. Но такое преобладание недостижимо одним уравнением наших сил в Тихом океане с японскими и даже некоторым излишком с нашей стороны, пока расстояния наших баз от объекта действий, т.е. Кореи, будут так велики, как теперь по сравнению с Японией, для которой всегда будет служить большим соблазном возможность... перебросить в Корею целую армию раньше, чем это даже будет известно во Владивостоке или Порт-Артуре. Поэтому нам необходимо стремиться приобрести... защищенную базу в юго-восточной части Кореи, предпочтительнее всего Мозампо, чтобы обеспечить себя от всяких неожиданностей со стороны Японии».

Как видим, и тогда нашим адмиралам были однозначно видны все недостатки Порт-Артура. Но дело решили экономические интересы, и не столько России, сколько конторы Витте и К°. Им Порт-Артур нужен был не как военно-морская база, а как опорный пункт для торговой экспансии в Северном Китае. А формально для царя и для общественности выдвигается совершенно справедливый аргумент— не захватим мы, захватят другие.

Действительно, захват немцами Цин-дао заставил Англию начать сосредоточение своей Тихоокеанской эскадры у Чусанских островов, недалеко от устья Янтсекианга. Намерения англичан были известны. Отдельные суда английской эскадры появились в Печилийском заливе. С конца ноября в Петербург стали поступать тревожные известия, что в Чифу ожидается британская эскадра в полном составе, что она идет затем в Порт-Артур, дабы предупредить Россию.

Посол Павлов сообщил об этом в Петербург 25 ноября 1897 г. 27 ноября из самого Чифу донес об этом русский консул Островерхов. Наконец, о подобных планах Англии намекнул русскому представителю в Пекине и германский посол барон Гейкинг.

Когда известие о намерениях англичан дошло до командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Федора Васильевича Дубасова, он предложил

морскому министерству занять архипелаг Коргодо с портом Мозампо. Русская военно-морская база там, как доносил Дубасов, вполне разрешила бы вопрос о стратегическом упрочнении России на берегах Восточного океана и давала русским опорный пункт, господствующий над сообщениями Кореи с Северным Китаем и Японией, связанный к тому же с Сеулом главной в Корее большой дорогой, расстоянием всего до 400 верст. 27 ноября 1897 г. Дубасов доносил в Петербург: «Мог бы занять эту базу и удержать, минировав второстепенные проходы и защищая эскадрой главные». Телеграмма эта была получена 30-го вечером, уже после того, как 29 ноября в 3 часа ночи в Нагасаки, где находилась русская эскадра, были посланы совсем иные распоряжения, расходившиеся с мнением командующего Тихоокеанской эскадрой. Впрочем, если бы его телеграмма и была получена до этих распоряжений, вряд ли Петербург изменил бы свое решение — занять не Мозампо, а Порт-Артур.

Барон Розен, русский посланник в Токио, писал: «Нам очевидно опасно оставление этой важнейшей для нас позиции в бессильных руках Китая». Того же мнения держались и в Петербурге. Управляющий МИДом граф Муравьев находил, что теперь по получении согласия китайского правительства на свободное посещение русскими судами китайских закрытых портов он находит вполне возможным и своевременным немедленную отправку нескольких русских судов в Порт-Артур, «дыбы предупредить занятие этой гавани другой нацией».

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович заявил: «Надо послать в Артур сильную эскадру». Николай II, как всегда, не имел ни своего мнения, ни вообще каких-то идей в области дальневосточной политики. Он традиционно колебался. Наконец 28 ноября дядя Алексей уговорил царя согласиться на отправку русской эскадры в Порт-Артур.

29 ноября 1897 г. в 3 часа ночи контр-адмиралу Дубасову было послано по телеграфу приказание немедленно по полу¬чении этой телеграммы отправить в Порт-Артур отряд из трех судов. «Отряд должен спешить, — говорилось в депеше, — и по прибытии оставаться в этом порту впредь до распоряжения, причем судам быть готовым ко всяким случайностям. Сохраните поручение в строжайшем секрете даже от командиров; его должны знать только вы и Реунов. Официально назначьте посылку отряда в какой-нибудь другой порт. Остальные суда эскадры держите в полной готовности; уведомьте срочно о получении телеграммы и о выходе отряда»[183].

1 декабря в Петербург пришло новое известие, что 4 английских судна спешно грузятся углем в Чифу и они, по всей видимости, идут к Порт-Артуру. Очевидно, что англичане могли предупредить русских: от Чифу до Порт-Артура было несколько часов хода, от Нагасаки до Квантуна — два с половиной дня. В Морском министерстве начали беспо-

коиться. Наконец 2 декабря от Дубасова была получена телеграмма о сделанных им распоряжениях и депеша о состоявшемся в ночь на 1 декабря выходе контр-адмирала Реунова из Нагасаки.

Предполагалось, что в Порт-Артуре уже могут находиться английские корабли. Поэтому Реунову было предписано тотчас же по прибытии в Порт-Артур заявить местным властям, что русские корабли, имея право в силу состоявшегося соглашения пользоваться китайскими арсеналами, пришли фактически осуществить это право; что вслед за отрядом Реунова придут и другие корабли русской эскадры, для которых нужно при помощи местного арсенала выполнить некоторые работы; что китайские власти должны передать это заявление английским кораблям, если последние находятся в Порт-Артуре или придут туда, и просить англичан об очищении места для русской эскадры. Если же англичане не приняли бы заявления властей и приступили бы к занятию порта, то Реунов должен был до получения определенных указаний из Петербурга ограничиться энергичным протестом. Во всяком случае, он не имел права непосредственно требовать от иностранных судов, чтобы они покинули порт, а тем более начать против них какие-либо враждебные действия.

Но англичан в Порт-Артуре не оказалось. Когда 4 декабря задержанный в пути свежим ветром отряд Реунова появился наконец на.его внешнем рейде, там находилось всего два военных судна, да и то китайских. Английская же канонерская лодка «Дафнэ» пришла в Порт-Артур только 6 декабря. Несмотря на запрещение китайских властей, она вошла во внутренний рейд и, простояв 3 часа, ушла обратно.

Контр-адмирал Дубасов считал необходимым наряду с Порт-Артуром занять и Талиенван. 2 марта 1898 г. он телеграфировал в Петербург генерал-адмиралу: «Без поддержки Талиенвана — Порт-Артур мог быть изолирован, и связь их обоих с внутренней базой могла быть прервана». Об этом еще 27 ноября говорил управляющий морским министерством граф Муравьев, считая, что одновременно с занятием Порт-Артура должны быть отправлены суда и в Талиенван. Как раз 2 декабря из Чифу был передан новый слух, будто бы Англия уже овладела Та¬лиенваном. Поэтому 3 декабря в три часа ночи Дубасову было отправлено приказание Николая II немедленно послать в бухту Талиенван один крейсер и две канонерские лодки. «Невозможно позволить англичанам хозяйничать на севере», — телеграфировал великий князь Алексей Александрович.

8 и 9 декабря крейсер «Дмитрий Донской» и канонерские лодки «Сивуч» и «Гремящий» вошли в гавань Талиенвана. Английских судов там не оказалось. 17 декабря в Порт-Артур пришла кан¬лодка «Кореец». Одновременно с ней пришли на внешний рейд и встали на якорь английские крейсера «Immortalite» и «Iphigenia». Китайцы подняли им сигнал, что вход в порт запрещен, и англичане через некоторое время ушли.

Первоначальные отношения русских и китайцев были самые дружественные. Русский посол Павлов писал: «Китайские власти в Порт-Артуре и Талиенване оказывают нашим судам самое широкое внимание». Три китайских судна по очереди ходили в Чифу для подвоза русским кораблям провизии. Сухопутное китайское начальство предупреждало каждое желание русских моряков. Происходил взаимный обмен подарками, обедами и любезностями. Весь запас угля в Порт-Артуре был передан контр-адмиралу Реунову совершенно бесплатно, затем по распоряжению центрального китайского правительства из Шанхайгуаня был выслан дополнительный запас угля для русских кораблей. Наши корабли пришли в Порт-Артур с минимальным запасом угля и без денег, так как при выходе из Нагасаки командирам дано было знать, что они идут в Фузан. А в Фузане уголь был уже заготовлен, и расстояние было невелико. Когда же в море были вскрыты запечатанные конверты с приказанием, оказалось, что отряд идет в Порт-Артур. «К счастью, угля хватило, но были и такие суда, которые висели на волоске», — писал один из очевидцев. По приходе же в Порт-Артур русских выручили китайцы.

Следуя инструкциям из столицы, генерал-губернатор Печили заявил английскому консулу в Тяньцзине, что «русские пришли в Порт-Артур для защиты интересов Китая».

Известие о появлении русских судов в Порт-Артуре вызвало тревогу в Англии и Японии. 18 декабря 1897 г. английская эскадра адмирала Бюллера в составе шести кораблей (общее водоизмещение 24 940 т) появилась на рейде Чемульпо. Тогда же разнеслись слухи о намерении англичан высадить десант на острова Чусан и в порт Гамильтон. 10 января 1898 г. лондонская газета «Стандарт» поместила на своих столбцах весьма агрессивную статью. Лорд Уолсней заявил, что если война начнется, то она застанет британскую армию в блестящем состоянии. Русскому послу в Лондоне приказано было заявить английскому правительству, что Россия крайне удивлена тревогой, возникшей как в лондонской печати, так и в общественных сферах столицы, что, по мнению русского правительства, интересы России и Англии на Дальнем Востоке не могут прийти в серьезное столкновение. Из дальнейших объяснений с английским премьером стало очевидно, что Лондон вполне удовлетворен этим ответом. Вообще же солидарность России с Германией невольно заставила Англию действовать с особой осторожностью. Уже 10 января 1898 г., в тот самый день, когда в Лондоне появилась статья в «Стандарте», контр-адмирал Дубасов донес, что общее настроение стало спокойнее, что отношения русских и английских судов носят дружественный характер, а встречи между адмиралами русской и английской эскадр отличаются особенной любезностью.

В Японии появление русских судов у Квантуна повлекло целый ряд воинственных приготовлений. Всем адмиралтействам было приказано держать корабли в

полной боевой готовности, поспешить с их ремонтом, вести работы даже ночью.

Министр иностранных дел Японии Нисси запросил русского посланника, какие цели преследовала Россия, занимая Порт-Артур, и имеют ли русские в виду содействие или противодействие германским предприятиям в Китае. Барон Розен ответил, что занятие Порт-Артура стоит в прямой связи с занятием Циндао, что поступок немцев побуждает Россию искать обеспеченной стоянки вблизи Шаньдунского полуострова, что «наша политика всецело направлена к поддержанию мира и спокойствия на Крайнем Востоке, и что посылка отряда для временной стоянки в Порт-Артуре, очевидно, лишь мера предосторожности, «ни против кого не направленная и принятая с согласия китайского правительства».

В то же время японский посланник в Пекине потребовал от китайцев объяснений и напомнил им данное при возвращении Ляодунского полуострова обещание не уступать этой местности никакой другой державе. Китайцы ответили, что о территориальной уступке Порт-Артура нет и речи и что по дружескому соглашению с Россией ее флоту лишь предоставлено право пользоваться Порт-Артуром и Талиенваном для временной стоянки.

Подобно Англии, Япония не решилась на активный протест. Она не могла не видеть, что «тройственный союз», с которым она уже имела дело в период ратификации Симоносекского договора, не рухнул, а живет., настолько согласованы были все операции германской и русской эскадр, всего в течение одного месяца занявших у Китая три лучших северных гавани. Конечно, Япония еще более убедилась бы в силе и прочности этого союза, если бы могла слышать, что сказал 5 декабря 1897 г. русскому послу в Берлине император Вильгельм II, беседуя с ним по поводу Циндао и Порт-Артура: «Ваши враги —будь то англичане или японцы — становятся и моими врагами, и какими бы агрессивными они ни были, как бы ни противостояли вашим интересам, будьте уверены в том, что германская эскадра станет бок о бок с вашими военными судами»[184].

Таким образом, управляющий морским министерством был прав, сообщая 9 января Дубасову, что «опасаться неприязненных действий Японии или Англии нет оснований».

За день до прихода русской эскадры в Порт-Артур китайцы попросили у России новый заем в сто миллионов лан. Деньги Китаю были крайне необходимы для выплаты Японии последних взносов денежной контрибуции. 2 декабря 1897 г. Д.Д. Покотилов[185] передал министру финансов России просьбу Китая, чтобы Россия гарантировала и этот заем подобно тому, как она уже обеспечила заем 1895 г.

В ответ на это С.Ю. Витте 4 декабря уведомил Покотилова, что Россия возьмет на себя совершение нового займа при условии, если Китай: 1) предоставит ей надлежащие гарантии в исправности своих платежей по этому займу; 2) подтвердит в безусловной форме разрешение

южного направления Китайской Восточной железной дороги (т.е. задуманного в то время направления на Бодуне и Нин¬гуту взамен нынешнего направления на Цицикар и Нингуту); 3) примет на себя обязательство не допускать никаких иностранцев, кроме русских, к сооружению железных дорог и к эксплуатации других промышленных предприятий во всех трех провинциях Маньчжурии, а равно и в Монголии и т.д. А, кроме того, Китай предоставит России выбор гавани для устройства порта для Добровольного флота, причем в новый порт будут иметь право входить все суда под русским флагом.

12 марта 1898 г. в Желтое море вошли прибывшие с Балтики броненосные крейсера «Рюрик» и «Дмитрий Донской». Но еще 11 марта китайские сановники в Пекине на переговорах с Павловым согласились передать России Порт-Артур и Талиенван с прилегающими территориями в аренду сроком на 25 лет. Статья 6-я соглашения определяла, что Порт-Артур для военных и коммерческих судов других государств будет считаться закрытым портом, но зато Талиенван, кроме одной из его внутренних бухт, будет считаться открытым для иностранной торговли и доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Параллельно с переговорами в Пекине русское командование вело переговоры в самом Порт-Артуре с местным начальством — генералами Сун-Цином и Ма-Юйкунем. Под их началом только в Порт-Артуре состояло 7500 человек пехоты и конницы при 20 полевых орудиях. В конце концов генерал Сун- Цин получил 100 тыс. руб., а генерал Ма-Юйкунь — 50 тыс. руб. Досталось и мелким чиновникам.

28 февраля Павлов сообщил Колесову, прикомандированному в качестве переводчика к русской эскадре: «...в мое распоряжение уже предоставлены денежные средства на выдачу пособия китайским властям Порт-Артура и Даляньваня, дабы привлечь их на нашу сторону... Полагаю чиновникам категории Гу, Ли, Хо практичнее всего определить теперь ежемесячно от 100 до 200 лан со дня прихода наших судов в Порт-Артур и обещать единовременно более крупную сумму в несколько тысяч лан»[186].

Трудно сейчас сказать, что произвело большее впечатление на китайских военных, — приказ из Пекина, «живые» деньги или 12-дюймовые пушки броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин». Но меньше, чем за сутки (с 15 на 16 марта) все китайские солдаты покинули Порт-Артур. Взятка китайским генералам окупалась хотя бы тем, что в Порт-Артуре ими были брошены в исправном состоянии десятки мощных крепостных орудий, многие из которых позже участвовали в обороне крепости в 1904 г.

Утром 16 марта 1898 г. в Порт-Артур из Владивостока прибыл пароход Добровольного флота «Саратов». С прибытием парохода был высажен десант в составе двух сотен забайкальских казаков, дивизиона полевой артиллерии и команды крепостной артиллерии.

В 8 часов утра 16 марта, пока шла высадка десанта, на мачте Золотой горы (вершины, господствующей над Порт-Артуром) великий князь Кирилл Владимирович[187] поднял Андреевский флаг рядом с китайским желтым флагом. Раздался салют эскадры — Порт-Артур официально стал русской военно-морской базой.

В тот же день, 16 марта, состоялась высадка в Талиенване. Сюда еще накануне был отправлен из Порт-Артура контр-адмирал Реунов с крейсером «Дмитрий Донской», канонерской лодкой «Кореец» и клипером «Всадник». Всего в Талиенване было высажено на берег 180 человек при трех орудиях. Порядок не был нарушен ни в Порт-Артуре, ни в Талиенване. Значительная часть населения покинула оба города. Китайцы хорошо помнили резню, учиненную японцами при занятии Порт-Артура, и предпочли не испытывать судьбу. Русское командование было этому только радо и разместило войска в брошенных китайцами административных зданиях, кумирнях и частных домах.

В 30 милях от Порт-Артура находится группа островов, которые китайцы называли Мяо-дао. Острова имели стратегическое значение, и контр-адмирал Дубасов решил занять их. 16 ноября 1898 г. крейсер «Дмитрий Донской» высадил на островах небольшой десант, и населению островов были розданы прокламации о присоединении островов к арендуемой Россией территории. Однако министр иностранных дел граф Муравьев испугался и уговорил Николая И отдать приказ об уходе русских сил с островов Мяо¬дао. Взамен русские дипломаты заключили с китайцами отдельное соглашение по этим островам, согласно которому Китай обещал не передавать их другим странам и не позволять иностранным кораблям базироваться на них.

Это было очередной наивностью наших дипломатов. За несколько дней до начала русско-японской войны японцы захватили острова, а затем стали использовать их в качестве военно-морской базы для блокады Порт-Артура.

19 марта вышел приказ Николая II: «Государь Император объявляет Высочайшую благодарность Командующему эскадрою в Тихом океане, Контр-Адми¬ралу Дубасову и Монаршее благоволение — всем чинам вверенной ему эскадры и сухопутного отряда за отличное исполнение возложенных на них поручений по занятию Порт-Артура и Талиенвана».

Через четыре дня «Монаршее благоволение» было объявлено командирам эскадренных броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин» и крейсера «Россия» капитанам 1 ранга Парегаго, Иенишу и Доможи¬рову. В декабре 1898 г. Дубасов и Реунов были награждены орденом Святой Анны I степени. 14 сентября 1899 г. император пожаловал «За труды по занятию портов Квантунского полуострова Артур и Тали¬енван» ордена офицерам штаба начальника Тихоокеанской эскадры, кораблей «Сисой Великий», «Наварин», «Россия», «Рюрик», «Память Азова», «Адмирал Корнилов», «Дмитрий Донской», «Влади-

мир Мономах», «Забияка», «Всадник», «Гремящий», «Отважный», «Кореец», «Манджур», «Сивуч» и пароходов Добровольного флота «Ярославль», «Саратов», «Екатеринославль», «Владимир», «Петербург» и «Воронеж». Награждение орденами за занятие Порт-Артура проводилось до июня 1900 г.

На занятие Порт-Артура Англия ответила традиционным британским шантажом — послала мощную эскадру в Желтое море. Эта эскадра превосходила по силе русскую, но у наших адмиралов на сей раз оказались крепкие нервы, и они попросту игнорировали англичан. Отважиться на войну против России без союзников Англия бы никак не осмелилась.

Поскольку владычице морей не удалось отстоять китайский суверенитет над Порт-Артуром, она решила отхапать у Поднебесной империи порт Вэйхайвэй с окрестностями. 25 марта 1898 г. Англия потребовала от китайского правительства уступки Вэйхайвэя на северном побережье Шаньдуна, дабы иметь собственную базу на подступах к Пекину. Заодно английское правительство заявило претензии на увеличение своих владений на полуострове Цзюлун (Коулун) на материке напротив Гонконга. Аренда Цзюлуна была оформлена англо-китайским договором от 9 июня, а аренда Вэйхайвэя — 1 июля 1898 г.

Одновременно британская дипломатия добилась расширения прав английского судоходства по рекам Китая. Так, к примеру, она получила фактическое признание бассейна реки Янцзы, богатейшей части Китая, в качестве сферы влияния Англии.

Не осталась без куша и Франция. 7 марта 1898 г. она потребовала для себя «угольную станцию» (фактически военно-морскую базу!) в Южном Китае, концессию на железную дорогу от границы Вьетнама до города Юньнань-фу и некоторые другие преимущества. 9—10 апреля 1898 г. состоялся обмен нотами, который зафиксировал согласие китайского правительства на французские требования. При этом в качестве «угольной станции» Франции был уступлен на началах аренды порт Гуанчжоувань в провинции Гуанси.

Итак, Китай грабили все кому не лень. Последними очухались «макаронники». 17 февраля 1899 г. итальянский посланник предъявил Китаю требование об уступке Италии бухты Санмынь и о признании всей провинции Чжэ-цзянь в сфере итальянского влияния. Это влияние должно было сказаться, во-первых, в проведении железной дороги от бухты Санмынь к реке Янцзы, а во-вторых, в подчинении итальянскому контролю всей торговли шелком в Чжэ-цзянь. Притязания были довольно существенными, так как эта торговля являлась одной из основных статей дохода китайского государственного казначейства.

Итальянская нота переполнила чашу терпения китайского правительства. Получив итальянскую ноту и доклад по ней премьер-министра, вдовствующая императрица Цыси (1835—1908, годы правления: 1861 —1908) бросила их на пол. Нота была возвращена обратно при частном

письме премьер-министра, в котором говорилось, что последний не имеет права и не будет входить в обсуждение подобного предложения, так как оно превышает его компетенцию. Получение обратно официально присланной ноты было принято итальянским правительством за оскорбление.

В последних числах февраля 1899 г. Италия предъявила Китаю ультиматум и назначила своему посланнику в Китае Мартино для ответа четырехдневный срок. Когда 2 марта этот срок истек, а ответа не было, Мартино заявил, что он будет ждать еще 24 часа. Но прошло и 3 марта, прошло еще несколько дней, а Китай молчал.

Тем временем выяснилось, что Италия может послать в Китай эскадру всего лишь из пяти судов и высадить десант численностью не более пятисот человек, да и за дальностью расстояния и печальным состоянием своих финансов Италия совершенно лишена возможности вести с Китаем продолжительную войну. Взвесив все шансы, итальянское правительство решило уступить. Козлом отпущения стал посланник Мартино, который был отозван из Пекина.

Эта дипломатическая победа существенно подняла престиж Цыси в глазах народа. Во всем Китае росла ненависть к «белым дьяволам».

Глава 5

Война с «боксерами»

Восстание китайцев в 1900 г. явилось реакцией на политику европейских империалистов, которые не только захватили китайские порты и требовали концессии на строительство железных дорог, разработку полезных ископаемых и т.д. Они хотели духовно покорить китайский народ.

В Китай с середины XIX в. устремились тысячи христианских проповедников. Надо ли говорить, что подавляющее большинство их составляли католики. И это были не тихие пастыри, проповедующие добро и справедливость. Миссионеры относились к китайским чиновникам и высшей знати как к дикарям. В книге «Европа и Китай» (СПб, 1881) Ф.Ф. Мартенс писал: «Католические миссионеры защищали всякого крещеного туземца против законных требований отечественного правительства, они не признавали власти китайского правительства по отношению к его подданным христианам, они, наконец, часто с явным презрением относились к этому правительству и к органам местной администрации». В спорах с местной администрацией миссионеры грозили обращением к государствам, их пославшим, и приходом европейских войск.

Миссионеры забывали, что две тысячи лет назад именно Англию и Францию населяли дикие племена, а Китай был огромной империей с высоким уровнем цивилизации. Зато это очень хорошо помнили китайцы.

Еще в 1869 г. князь Гун, провожая английского посланника Алока, сказал: «Сделайте милость, увезите с собой опиум и миссионеров». Посланник уехал, но опиум и миссионеры остались.

Следует заметить, что все вышесказанное относится лишь к западным державам. К 1900 г. в Китае имелось всего пять православных церквей, а православных китайцев насчитывалось не более пятисот человек. Количество католиков и протестантов было намного больше. В Китае работало до тысячи европейских миссионеров и имелось несколько тысяч христианских храмов, только китайцев-католиков было, по разным данным, от пятисот тысяч до миллиона человек, а китайцев-протестантов — несколько десятков тысяч.

Да и вообще русских в Китае (за пределами Маньчжурии) было ничтожно мало. К примеру, во время переписи в Шанхае в мае 1900 г. иностранцев оказалось 6774 человека, из которых англичан было 2500 человек, а русских всего 47.

В 90-х гг. XIX в. в Китае возникло движение «Отряды во имя мира и справедливости» — «Ихэтуань».

Вообще говоря, европейцы под «ихэ¬туанями» называли различные организации и отряды, иногда сотрудничавшие, но чаще относящиеся друг к другу враждебно. Отличительной особенностью всех ихэтуаней был красный цвет: члены организаций носили красные пояса, красные повязки и красные знамена. Были среди ихэтуаней и желтопоясные отряды. Большинство мужских организаций ихэтуаней имели в своем названии слово «кулак», а на знаменах — изображение больших кулаков. За это европейцы стали называть их «боксерами». Название звучное и понятное европейскому обывателю, и оно быстро перекочевало со страниц желтой прессы в ученые труды и учебники истории.

Девушек в отряде «Красный фонарь» обучали чудодейственной гимнастике, их учили созерцанию и самоусыплению. Во сне и в состоянии транса они говорили непонятные слова, якобы имевшие пророческое значение. От женщин, вступивших в отряды, требовали соблюдения правил: не причесываться по воскресеньям и не бинтовать ног. Они распевали песни: «Женщины, не причесывайте волос — отрубим головы чужеземцам. Женщины, не бинтуйте ног — убьем чужеземцев и посмеемся».

Вожди «боксеров» уверяли своих последователей, что путем определенных заклинаний и обрядов они могут сделать бессильными и безвредными пушки и винтовки «белых дьяволов».

Молодые крестьяне, прежде чем стать настоящими ихэтуанями, проходили соответствующий курс обучения: заучивали заклинания, исполняли особые гимнастические упражнения, которые приводили их в транс. Считалось, что после

прохождения такого «курса» человек становится неуязвимым для пуль и осколков снарядов.

Борьба ихэтуаней с «белыми дьяволами» сводилась к изгнанию всего иностранного — религии, книг, товаров, специалистов, орудий производства и различной техники. Китайский историк Фань Вэньлань писал об ихэтуанях, что при виде человека или предмета, на которых был отпечаток чего-либо иностранного, «они не могли сдержать гнева и успокаивались, лишь уничтожив этот предмет или убив такого человека». Целью ихэтуаней было разрушение всего иностранного: железных дорог, железнодорожных составов, телеграфных линий, современных зданий, а также физическое уничтожение всех иностранцев.

Среди ихэтуаней была популярна песня:

Изорвем электрические провода,
Вырвем телеграфные столбы,
Разломаем паровозы,
Разрушим пароходы.
Убитые дьяволы уйдут в землю,
Убитые дьяволы отправятся на тот свет.

Железные дороги, грохочущие паровозы (буквально «огненные телеги»), телеграфные провода — все это рассматривалось ихэтуанями как наваждение нечистой силы, которая нарушила покой добрых духов на китайской земле. В одной из листовок ихэтуаней говорилось: «Железные дороги и огненные телеги беспокоят дракона земли и сводят на нет его хорошее влияние на землю. Красные капли, которые капают с железной змеи (то есть ржавчина, отлетающая с телеграфных проводов), являются кровью оскорбленных духов, летающих в воздухе. Эти духи не в силах помочь нам, когда эти красные капли падают возле нас».

Среди ихэтуаней бродили самые невероятные слухи о действии заклинаний. Говорили, например, что наклеенное на иностранное здание специальное заклинание после громкого возгласа «гори» вызывало пожар, что железнодорожное полотно недалеко от города Тяньцзиня было разрушено от одного прикосновения стебля гаоляна, что некая девушка по имени Ван Юйцзе могла свободно взбираться на высокие иностранные здания и вызывать пожар и ее не брали пули иностранцев.

В декабре 1899 г. на Шаньдунском полуострове «боксерами» был убит английский миссионер Брукс. Английский посланник немедленно потребовал строгого наказания виновных и появления императорского указа, осуждающего убийство миссионера. Требования эти были исполнены, но вслед за тем 30 декабря появился второй указ, диаметрально противоположного содержания. В нем говорилось, что губернаторы не должны преследовать жителей за участие в тайных обществах и что если население деревень занимается военным искусством для взаимной охраны и помощи, то оно лишь исполняет своей прямой долг.

Китайская императрица Цыси, правившая от имени нескольких китайских

императоров, решила использовать движение ихэтуаней в своих целях. По ее приказаниям еще в 1898 г. начались реформы вооруженных сил Китая. В том же году началась коренная реформа «Бэйян гэцзюнь» («Армии Северного океана»). Через полгода в Чжили были сформированы две новые дивизии численностью в 20 тысяч человек. В 1899 г. властям провинций Хубэй и Цзянси было приказано укомплектовать для Чжили десять инов[188].

28 мая 1900 г. ихэтуани сожгли железнодорожную станцию Фэнтай, находившуюся недалеко от Пекина. На следующий день ихэтуани порвали протянутые вдоль городской стены электрические провода, предназначенные для снабжения электроэнергией трамвайных линий, повредили трамвайные вагоны, многие из которых были сожжены, убили водителей и кондукторов трамваев. 4 июня они прервали телеграфную связь между Пекином и Тяньцзинем, а 7 июня убили двух английских миссионеров.

Участились «братания» между ихэтуанями и императорскими войсками, и это еще более накаляло обстановку в Пекине.

Учитывая общий антииностранный настрой в столице, Цыси 28 мая 1900 г. издала указ, обращенный к ихэтуаням: «Пришло время следовать старому и испытанному пути наших предков. Помоги нам, божество Юй Хуан! Повинуйтесь и следуйте его наставлениям! Смерть иностранцам!»

Так началось восстание «боксеров». К сожалению, Николай II позволил западным странам втянуть Россию в интервенцию в Центральный Китай[189]. Для нас же представляют интерес лишь боевые действия в Желтороссии.

Началом боевых действий в Маньчжурии можно считать 22 июня 1900 г., когда регулярные китайские войска совершили ряд нападений на полосу отчуждения КВЖД.

21 июня в районе Ляояна начались беспорядки. Толпы китайцев стали разрушать железнодорожные пути и здания, были уничтожены Яньтайские каменноугольные копи. Командующий Охранной стражей южного участка КВЖД полковник Мищенко[190] собрал в Ляояне отряд из 224 казаков и солдат при пяти офицерах.

На следующий день отряд Мищенко подвергся внезапному нападению регулярных китайских войск. 23 июня Мищенко был вынужден оставить Ляоян и двинуться на юг к станции Дашицяо. Вместе с солдатами и казаками отступали служащие КВЖД с семьями. Отступали по бездорожью и с боями, по дороге присоединялись новые отряды, отступавшие с соседних постов. Это отступление было успешным благодаря стойкости и опыту Охранной стражи, да и китайские войска действовали неслаженно и нерешительно. Потери Охранной стражи при отступлении из Ляояна составили 55 человек, в том числе 18 убитых и 6 пропавших без вести.

Навстречу Мищенко из Инкоу вышел отряд штабс-капитана В.М. Страхова. Капитан оправдал свою фамилию и на-

гнал страху на китайцев: «ближайшие деревни, жителей которых подозревали в порче пути и поджигании мостов, предавались огню»[191].

Судьба небольших отрядов и групп служащих и охраны дороги часто оказывалась печальной. 23 июня китайцы напали на станцию Суетунь между Мукденом и Ляояном. Там находилось 5 русских служащих и 12 охранников. Русские отбивались до последнего патрона, а затем попытались прорваться врукопашную, но вырваться из окружения удалось лишь пятерым. Остальные русские погибли, а китайцы надругались над телами, вырезав на груди кресты. Спасшимся только 13 июля удалось добраться по реке Ляохэ до Инкоу, но один из них вскоре умер от изнеможения.

На станции Мукден и близлежащих постах находилось 60 русских, из которых 39 военных и 21 гражданский (в том числе две женщины). 23 июня началось наступление китайских войск. Русский отряд под командованием поручика Валевского пробился к Ляояну, по дороге к нему присоединилось еще несколько десятков человек. Но отряд Мищенко уже двинулся на юг, где было много китайских войск, и Валевский 27 июня решил пробиваться на восток, к корейской границе. Но вскоре в бою Валевский был смертельно ранен, а в отряде произошел раскол. 14 охранников и инженер Б.А. Верховский с большинством служащих бросили отряд, решив, что надежней пробираться маленькими группами. Но мало кому удалось добраться до своих. Большинство схватили китайцы, из них пятеро было замучено в плену, а голову Верховского китайцы повесили в клетке на стене Ляояна. Только небольшому отряду (58 человек) под командованием унтерофицера Пилепенко с большими потерями удалось добраться до корейской границы, откуда корейцы доставили их в Сеул, а затем в Порт-Артур.

События в западной части КВЖД хорошо описаны в книге В.Г. Дацишена «Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.»: «Отступление с западной линии КВЖД началось в сложной ситуации. 26 июня цицикарский цзянцзюнь Шоу Шань сообщил А.И. Юговичу, что мукденский цзянцзюнь предлагает русским оставить постройку железной дороги. Сам Шоу заявил, что тоже придерживается такого же мнения и в свою очередь гарантирует безопасность русских в пути и "рекомендует после водворения порядка вернуться и продолжить стройку". Юговичу не согласился с предложением Шоу. Но рабочие стали бросать работу, население — вооружаться. Утром 28 июня китайские власти предложили покинуть дорогу непосредственно уже начальникам участков и командирам охраны. Русские заявили, что без приказа отступать не могут и будут обороняться. Действительно, согласно приказу С. Ю. Витте их бы ждал трибунал. В Хайларе китайский генерал трижды посылал своего официального переводчика к инженеру Рыжову, убеждая его избежать кровопролития, так как он получил приказ в 9 утра 29 июня открыть военные действия. Подобное было

и на станции Фуляэрди около Цицикара. Лишь к концу дня 28 июня на западную линию пришел приказ А.И. Юговича об отступлении.

Станцию Хайлар служащие и охрана 2-го участка под руководством инженера Рыжова покинули вечером 28 июня, оставив там все имущество, в том числе и 10 тыс. пудов муки. На следующий день китайцы провели салют и заняли станцию. Русский отряд в составе 200 рабочих и более 200 охранников успешно вышел на границу к Старо-Цурухайтую 30 июня. Без потерь прошло отступление и с соседних участков под руководством инженеров Пиотровского и Онуфровича.

Несколько сложнее был отход 4-го участка инженера Н.Н. Бочарова со станции Хинган. Русский обоз в составе 865 подвод, 56 из которых везли серебро, выступил на запад. В составе отряда были 3 тысячи русских служащих с семьями и охранная стража. По дороге Бочаров подбирал посты со станций, некоторые из которых уже приняли участие в вооруженных стычках. Хайлар русские обошли стороной, построили для этого мост через реку и 5 июля пришли в Старо-Цурухайтуй. Трагично сложилась лишь судьба казенного обоза с мукой 4-го участка. Обоз был весь разграблен, 11 конюхов и женщина были убиты, удалось спастись лишь старшему обозному.

Тяжелее всего было отступление русских с участков между станциями Хинган и Фуляэрди. Пост со станции Няньцзышань урядника Золотарева с 12 казаками и 10 служащими около станции Чингиз-хан был встречен китайским огнем и повернул на станцию Фуляэрди. Но узнав, что и та станция уже оставлена, русские двинулись к Хайлару, соединившись с рабочими с лесозаготовок. Казаки спрятали оружие и тоже назвались рабочими, и китайские солдаты пропустили русский отряд, дав им даже провожатых до границы. Посты со станций Ялу, Барим и Халасу несколько раз попадали под обстрел китайских войск, убито было несколько казаков и десятник, около 50 человек бежали и пропали в горах. На станции Бухэду русские посты были задержаны, от них требовали сдачи оружия, но, получив взятку, китайский полковник пропустил железнодорожников. Главным отрядом, который собирал посты вдоль дороги, был отряд Смоляни¬нова с 60 казаками и обоз со 100 русскими служащими с семьями, выходившими с 5-го участка дороги инженера С.Ц. Оф¬фенберга. Он выступил 28 июня со станции Чжаланьтунь в сопровождении китайских солдат. Пройдя за 10 дней 420 верст, собрав разрозненные посты и встретив в конце пути еще 50 русских ра¬бочих с семьями, 5-й участок 8 июля прибыл в Старо-Цурухайтуй. Этим закончилось отступление русских с железной дороги западнее Цицикара.

Отступление с участков западной линии, расположенных восточнее Цицикара, производилось в Харбин. Утром 28 июня командир 5-й сотни охранной стражи штабс-капитан Ивашкевич приехал в Цицикар, там он узнал, что ночью цзянцзюнь провел торжественное бого-

служение в кумирне с окроплением кровью пушек и другого оружия. Китайский отряд занял здание Русско-Китайского банка и наложил арест на серебро. Там же посыльные передали Ивашкевичу сообщения из Хайлара и Харбина о начале военных действий. В тот же день начальник 6-го участка инженер А.А. Гершов получил приглашение от цзянцзюня на обед, но не поехал. Вечером русские загрузились в поезд и отправились на восток, оставив до утра на мосту 10 казаков дожидаться отставших. Подобрав посты по дороге, поезд 30 июня прибыл к Сунгари, и служащие переправились на пароходе в Харбин.

Отступление с восточной линии складывалось по-другому. Получив 27 июня приказ А.А. Гернгросса, полковник Денисов со своей сотней и служащими 11 -го участка отступил 29 июня от Вэй¬шахэ к Муданьцзяну. Все 450 служащих 11-го участка инженера М.А. Амосова затем выехали в Россию, и там, за исключением 63 человек, сразу уволились. Служащие 12-го и 13-го участков инженера Н.С. Свиянина стали также выезжать на станцию Пограничная. Однако в связи с тем, что русские войска вступили в Маньчжурию и заняли дорогу до реки Муданьцзян, решено было продолжить работы на этих участках. Но 12 июля Н.С. Свиягин телеграфировал С.Ю. Витте: "Ввиду полной невозможности производить работы приказал 12 участку привести в порядок имущество дороги, поставить при нем караулы охранной стражи под прикрытием войск и выехать со станции Мудань-цзянь в Мо-до-ши. Штат участка сохраняется". Для усиления охраны оставляемого имущества в этот район была направлена 17-я сотня Охранной стражи полковника Фон-Виннинга. Китайцы пытались остановить ее движение 27 июня около Мурени в лесу произошел бой. Казаки, потеряв в бою троих убитыми, разбили китайцев и заставили их отступить. Участок Муданьцзян — Пограничная остался под контролем России.

Отступление с трех западных участков восточной линии производилось в Харбин. 28 июня на двух поездах выехали служащие инженера Тихомирова со станции Имяньпо. Вечером этого же дня они забрали со станции Маоэршань участок инженера Варгасова. Паническое отступление сопровождалось пьянством, но благодаря решительным действиям штабс-капитана Скарятина все спиртное в вагонах было уничтожено и порядок восстановлен. Вечером 30 июня поезда забрали служащих со станции Сяолин с С.Н. Хилковым во главе. При отступлении все имущество сразу же растаскивалось китайцами, которые заранее занимали места у дверей и окон русских домов. Ключи от некоторых складов сдавали китайским властям. Собрав по дороге посты, благополучно миновав Ашихэ, уже оставленный охраной, поезда прибыли в Харбин.

1 июля А.И. Югович приказал восстановить линию Харбин — Эрценцзянцзы, старшим назначался С.Н. Хилков. Переговоры с властями Ашихэ 10 июля

оказались бесполезными, и поздно вечером от станции Ашихэ начала отступление Охранная стража штабс-капитана Баркана. Поскольку дорога уже была разрушена и около Харбина стояли китайские войска, охранники бросили поезда и пробивались в обход. Вся дорога восточнее Харбина была оставлена и разрушена.

Кроме собственно дороги, много русских работало на лесозаготовках в верховьях Сунгари. Администрация лесозаготовок находилась в Гирине, расположенном в 120 верстах от КВЖД и в 250—350 верстах от лесных участков. Русский поселок находился в 2 верстах от города, начальником совета колонии был Е. В. Даннель. Охрану осуществляла 2-я сотня штабс-капитана В.М. Савицкого и 50 солдат 1-й роты поручика Едре¬нова. В начале июня В.М. Савицкий снял все отдаленные посты, а в середине месяца все семьи выехали в Харбин. 28 июня был доставлен приказ А.А. Гер¬нгросса не оставлять Гирина, а обороняться и ждать подкреплений. В этот же день серебро Русско-Китайского банка было сдано на хранение цзюнцзюню, а контора КВЖД с документами и частью служащих под охраной 18 стражников выехала в Харбин, остальные служащие уехали наследующий день. В.М. Савицкий с 56 казаками имел охранную грамоту цзюнцзюня и, забрав пост охраны унтер-офицера Гарбышева с 12 стрелками, он решил дожидаться подкреплений. Но в одном из постоялых дворов китайские солдаты в упор расстреляли русский отряд. За несколько минут погибли 12 человек, 5 были ранены и 6 пропали без вести, остальные вырвались из окружения, потеряв всех лошадей. Отряд, имея на руках 4 тяжелораненых и потеряв часть своего состава по дороге, добрался до Харбина лишь 8 июля. В эти дни два отряда, посланные им на помощь, не смогли пробиться к Гирину, встреченные китайским огнем в 60 верстах от города.

Несколько десятков русских обслуживали и охраняли склады и пристань КВЖД напротив города Саньсина. Руководство этой колонией взял на себя полковник в отставке Винников. На переговорах с фудутуном он выяснил, что Цзи¬линь не воюет с русскими, но на левом берегу реки — войска провинции Хэй¬лунцзян, и от них фудутун защитить русскую колонию не может. Русский отряд в 49 человек загрузился на баржу и встал на якоре у правого берега, подбирая отдельных русских, спасавшихся от китайцев. Китайские войска с левого берега атаковали баржу. Проходивший мимо пароход "Воевода Толбузин" русским не помог, и Винников попытался самостоятельно спуститься вниз по реке. Напротив крепости Баятунь баржа села на мель и попала под огонь крепостных орудий, Винников и еще один человек погибли. Благодаря прибывшей воде баржа пошла дальше и 10 июля встретила русские войска, вскоре пароход " Молли " доставил ее в Хабаровск»[192].

Несколько слов надо сказать и о положении Квантунской области (района Порт-Артура). К началу июня 1900 г. в

области находилось 23 тысячи русских сухопутных войск. 3 июня Е.И. Алексеев объявил китайскому населению: «...я строго приказываю чинам подведомственной мне администрации преследовать и немилосердно карать тех, кто сделает малейшую попытку произвести беспорядки»[193].

7 июня Квантунская область была переведена на военное положение. По высочайшему повелению Алексееву было разрешено призвать на службу чинов запаса, проживающих в области. 17 июня всем жителям Квантуна, кроме европейцев, под угрозой военного суда было приказано сдать оружие. С 15 июня начались работы по укреплению Цзиньчжоуской позиции, защищавшей Квантун со стороны суши. За месяц был проделан большой объем работ, на позициях установили 51 орудие, 8 пулеметов, 3 ракетные батареи. В конце августа, когда угроза миновала, эти батареи были разоружены.

14 июня по приказу Алексеева русские войска без боя заняли находившийся по соседству с Квантунской областью город Цзиньедоу. Китайский губернатор с чиновниками были захвачены в качестве военнопленных.

К середине июля войска Квантунской области вели упорные бои с регулярной китайской армией. К концу июля русские разгромили китайские части между Порт-Артуром и Инкоу и восстановили движение на этом участке КВЖД.

Параллельно русские войска начали наступление на восток, чтобы выбить китайские войска с побережья до границы с Кореей. 2 июля из поселка Бицзыво (в 60 верстах от Порт-Артура) выступила конная сотня Читинского казачьего полка. Казаки должны были занять города Дагушань и Сюянь, но в 40 верстах от Сюяня сотня попала в окружение, из которого вырвалась, потеряв в бою сотника Петропавловского и 8 казаков убитыми и 10 ранеными. Так до середины августа 1900 г. русские войска и не продвинулись вдоль побережья далее Бицзыво.

С началом боксерского восстания острая ситуация сложилась в портовом городе Инкоу. Там рядом с китайским городом строились русский поселок, станция КВЖД и русский порт. В Инкоу располагалась администрация южной линии КВЖД во главе с инженером Ф.О. Гиршманом.

27 июня к Инкоу подошел большой отряд китайской кавалерии. Даотай (мэр города) уведомил русских, что кавалерия пройдет через их поселок. Русский консул А.Н.Тимченко-Островерхов заявил, что в случае прихода китайских войск в поселок охрана КВЖД откроет огонь. К этому времени в Инкоу прибыл отряд П.И. Мищенко, и численность стражников КВЖД составила около 500 человек. Весомым аргументом русского консула были и пушки канонерской лодки «Отважный». 3 июня с «Отважного» был высажен десант в составе 26 матросов и одного офицера с 2,5-дюймовой пушкой Барановского. 30 июня в Инкоу прибыла еще и канлодка «Гремящий», которая высадила небольшой десантный отряд с

пушкой. В итоге в Инкоу оказалось до 800 русских матросов и стражников КВЖД при двух пушках Барановского.

22 июля ихэтуани и части китайских регулярных войск атаковали русский поселок. Русские отразили атаку дружным ружейным огнем. Канлодка «Отважный» открыла огонь по городу, а «Гремящий» — по глинобитному форту в устье реки Ляохэ. В тот же день из Порт-Артура подошло подкрепление.

Бомбардировка 9-дюймовыми снарядами вызвала в Инкоу панику. Полторы тысячи солдат регулярных войск бросились бежать. К вечеру того же дня, 22 июля, город был взят, и над ним поднят Андреевский флаг. В ходе боев русские потеряли 4 человека ранеными, а убитых не было вовсе.

23 июля в Инкоу на крейсере «Забияка» прибыл адмирал Е.И. Алексеев. 27 июля он подписал «Положение о временном Императорском Российском управлении портом Нючжуана». По этому положению гражданская власть отделялась от военной, комендантом назначался К.К. Клапье де Колонг, градоначальником — А.Н. Тимченко-Островерхов. Положение состояло из 12 пунктов, согласно ему градоначальник Инкоу назначался главным начальником Квантунской области и утверждался высочайшей властью. При градоначальнике утверждался совещательный орган — совет, в который входили коменданты, консулы, по представителю от иностранных торговых фирм и китайских торговых палат, таможенный комиссар и заведующий санитарной частью. При градоначальнике также образовывалась Дума из местного купечества «для выяснения нужд городского и торгового населения». В положении говорилось, что суд в городе должен руководствоваться кодексом смешанных судов в Китае, консульская юрисдикция сохранялась. Китайцы, обвиняемые в тяжелых преступлениях, подлежали ведению русского военного суда. Для организации городского управления российское правительство выдавало аванс, который должен был погашаться за счет местных налогов. Инкоу стал крупной базой русских войск, по крайней мере до марта 1902 г.

Наиболее важным событием в войне в Маньчжурии стала оборона Харбина. Недалеко от Харбина находились два китайских города. Хулачен был расположен за рекой Сунгари в 17 верстах к северу от Харбина, а город Ашихэ (Аже-хе) — в 20 верстах юго-восточнее Харбина.

Местные военачальники были особенно агрессивно настроены по отношению к русским. По инициативе маньчжурского полковника, командовавшего войсками в Хулачене, там было сформировано ополчение из ихэтуаней. С 26 июля «боксеры» регулярно маршировали по улицам города, выполняли групповые занятия гимнастикой и фехтованием. Русских в Хулачене не было. Зато в противовес русским там обосновалось несколько католических миссий. На них-то и обрушился гнев «боксеров». Католические храмы были сожжены, несколько западноевропейских миссионеров и китайских католиков

убито, а два миссионера — Монье и Рубэн — бежали в Харбин, а оттуда перебрались в Россию.

Служащие КВЖД и русское население покинули полосу отчуждения железной дороги и сосредоточились в Харбине. Из Харбина население стало эвакуироваться на пароходах. По пути китайцы обстреливали русские пароходы. Так, на пароходе «Одесса» при обстреле 5 июля был убит инженер-путеец, ранены три женщины и маленькая девочка. На пароходе «Воевода Толбузин» ранен матрос и женщина-пассажирка.

До начала боевых действий все, кто хотел уехать из Харбина, были эвакуированы. К этому времени закончилось отступление с железной дороги. В Харбине оставались около двух тысяч человек Охранной стражи, около тысячи запасных нижних чинов с КВЖД (из них создали 4 роты, вооруженные берданками, — полицейская, пожарная, музыкальная и «вольная Осетинская дружина», состоявшая в основном из кавказских мусульман) и около тысячи безоружных мужчин, женщин и детей. Командовал Харбинским отрядом А.А. Гернгросс.

9 июля цицикарский губернатор Шоу Шань отправил телеграмму А.И. Юговичу, которая означала объявление войны. Замечу, что Шоу Шань сделал это в инициативном порядке. Императрица Цыси наоборот призывала власти в Маньчжурии к осторожности в отношениях с русскими. 9 июля маньчжурские власти получили из Пекина депешу, где говорилось: «Когда в означенной провинции дойдет дело до открытого столкновения, то надлежит вперед выставить Большой кулак (ихэтуаней), нам же нет надобности явственно развертывать своих знамен и значков. Тогда только в будущем, когда обстоятельства потребуют к обсуждению, мы с этой стороны не натолкнемся на затруднения».

9 июля Шоу Шань отдал приказ о наступлении на русских. 12 июля китайские войска выступили из Хулачена. 13 июля в 4 часа утра китайские войска численностью более двух тысяч человек при двадцати пушках двинулись на штурм Харбина. К 10 часам утра китайцы выбили русских из Затона на другую сторону Сунгари.

Другой китайский отряд численностью до двух тысяч человек в ночь на 13 июля переправился через Сунгари выше Харбина и повел наступление на кирпичный завод, на станцию, на Новый город и на Пристань. Гернгросс решил основные силы защитников Харбина сосредоточить на Пристани. В 8 часов утра 13 июля китайцы заняли кирпичный завод, находившийся в двух верстах западнее Нового города. Здесь они установили четырехорудийную батарею и начали обстрел Пристани и Нового города. Китайская пехота пошла в атаку на эти районы и на железнодорожную станцию. От Пристани китайцы отступили, а около Нового города, куда Гернгросс послал подкрепление, завязались бои. Китайцы заняли железнодорожный мост, депо, дровяные склады. В это время, после 11 часов, две сотни охранной стражи из Старого города

неожиданно зашли с фланга к китайцам, и те начали отступление. Китайские войска отошли к винокуренному заводу южнее города. Русские штурмом овладели винокуренным заводом, где ими было убито около четырехсот китайцев. Судя по всему, большинство китайцев были безоружными ихэтуанями.

К трем часам дня 13 июля битва за Харбин закончилась. По русским данным, китайцы потеряли до 800 человек убитыми. Русским удалось захватить три китайские пушки, до этого в Харбине артиллерии не было. В 16 часов отбитые орудия при общем ликовании перевели на Пристань, и в тот же вечер из них выпустили несколько гранат по китайским войскам, занимавшим Затон.

В последующие дни китайцы продолжали обстреливать Харбин. Поручик Пявко-Доценко и сотник Казаркин обратились к Гернгроссу с просьбой разрешить им с несколькими добровольцами ночью переправиться в Затон и попробовать отбить китайскую батарею, поставленную на насыпи железной дороги. Реализация этого плана была отложена до следующей ночи. Но в 5 часов вечера 14 июля, выпустив несколько снарядов по Пристани, китайцы подожгли Затон и поспешно отступили.

Последующие дни прошли в разведке и ожидании нового нападения. Китайские войска держались в отдалении от Харбина, но все время получали свежие подкрепления. Окопы на Пристани были усилены, перед ними возвели искусственные препятствия. Но в течение всей следующей недели нового наступления не было.

21 июля в 5 часов вечера от разъездов 1-й сотни было получено первое донесение, что на Сунгари показались дымки идущих к Харбину пароходов. Через некоторое время на реке появилась целая флотилия. Это был Хабаровский отряд, шедший на выручку Харбину. В 8 часов вечера под звуки музыки и громкого «ура!» выстроенных вдоль берега частей гарнизона к Пристани причалил первый пароход, и на берег сошел командующий отрядом генерал В.В. Сахаров.

А на утро следующего дня, 22 июля, в Харбин вошли две конные сотни охранной стражи под командованием полковника Денисова, проделавшие переход в 550 верст.

Потерпев поражение, губернатор Шоу Шань покончил с собой. Использовать для этой цели яд, пулю или петлю ему не позволило высокое происхождение, и он... проглотил большой золотой самородок. Этот благородный, с точки зрения китайской военной этики, поступок не прошел мимо внимания цинского двора. Спустя восемь лет, в 1908 г., семейству покойного было выдано пособие в 1100 лян, а детям предоставлены чиновничьи должности.

Завершая рассказ о событиях на КВЖД в 1900 г., скажу, что все деяния китайских сановников и «боксеров» обошлись дороге — в 70,1 млн рублей.

19 августа 1900 г. генерал В.В. Сахаров двинул войска из Хабаровска на запад к Цицикару. Но вскоре он остановился, уз-

нав о занятии Цицикара войсками генералов П.К. Ренненкампфа и НА. Орлова.

Отряд Орлова был сформирован в конце июня 1900 г. В его составе было 3814 штыков, 1205 шашек и 6 пушек. Отряд Орлова 12 июля с ходу занял пограничную станцию Далайнар и двинулся на запад вдоль линии КВЖД. 16 июля отряд с боем взял станцию Ошунь. На следующий день к китайцам подошло подкрепление, они перешли в наступление и потеснили Орлова. Но к русским подошли свежие части, и китайские войска были разбиты. После этого под руководством инженера Н.Н. Бочарова начались восстановительные работы на станции Маньчжурия.

20 июля русские подошли к Хайлару и на следующий день, подавив сопротивление китайцев, заняли город. В конце июля отряд Орлова с боем занял станцию Якэши. В ночь на 1 августа китайские войска вновь перешли в наступление, но были разбиты. В этом бою погиб командующий войсками, охранявшими КВЖД, генерал Пао.

11 августа русские войска штурмом овладели Хинганским перевалом. Отправленные заранее в обход пять сотен казаков ударили с тыла, чем нарушили организованное отступление китайских войск, превратив его в бегство. После этого организованное отступление ци¬цикарских войск было сорвано, и 15 августа русские войска заняли Чжалань¬тунь.

24 июля из района Благовещенска на Цицикар выступил отряд П.К. Реннен¬кампфа — четыре сотни казаков при двух орудиях. Ренненкампф двинулся по грунтовой дороге на юг. 4 августа его отрядом был взят город Мэргэнь, 15 августа Ренненкампф подошел к Цицикару, но китайские войска не приняли боя, а покинули город в южном направлении.

16 августа отряд Ренненкампфа вошел в Цицикар. Там было освобождено 14 пленных русских стражников и путейцев, а также захвачено «много трофеев», то есть город был основательно разграблен. 20 августа к городу подошел и отряд Орлова.

К концу августа 1900 г. почти вся Северная Маньчжурия была оккупирована русскими войсками. Под контролем китайских войск оставались лишь восточные провинции. Главным опорным пунктом китайцев была столица провинции Цзилинь город Гирин.

23 августа командующий Приамурским военным округом Н.И. Гродеков утвердил план наступления. Со стороны Цицикара через Бодунэ и Чаньчунь выступил отряд Ренненкампфа в составе одного пешего полка, пяти с половиной сотен казаков и одной артиллерийской батареи. За ним шла 1 -я бригада Сибирской казачьей дивизии. От Нингуты и Хунь¬чуня двигался отряд в составе 6 батальонов и 10 сотен казаков при 36 орудиях, командовал отрядом генерал Айгустов. Из Харбина вышел В.В. Сахаров с семью батальонами, пятью сотнями казаков и 26 орудиями. Все эти войска должны были поступить под командование гене¬рала А.В. Каульбарса, выехавшего из Ха-

баровска 29 августа. Штурм города планировался на 5 октября.

Однако Гирин был занят 10 сентября отрядом генерала Ренненкампфа, выступившим 24 августа из Цицикара и по пути занявшим Бодунэ и Куанченцзы. Гарнизон Гирина не сопротивлялся. В городе было захвачено полторы тысячи пленных, 81 орудие и 900 пудов серебра. Несколько позже гиринский губернатор Чан Шунь писал А.И. Юговичу, что начальство и солдаты, «запасшись мулами, лошадьми, золотом и серебром, отправились из Гирина. Я никогда не мог допустить, чтобы армия почтенной России, которая известна своей дисциплиной, сделала бы столько зла и насилия... Я слышал еще, что с востока к Гирину идет генерал Айгустов. Если генерал, пренебрегая миром, поступит с городом так же, как и первый отряд, то в Гирине не останется не только жителей, но убегут и куры, и собаки»[194].

В середине августа вице-адмирал Алексеев, все время боев находившийся в Порт-Артуре, решает занять Мукден, расположенный в 350 верстах севернее Порт-Артура. 14 августа Алексеев получил телеграмму от военного министра, в которой сообщалось Высочайшее повеление о наступлении южноманьчжурского отряда к Мукдену. Операция эта возлагалась на генерал-лейтенанта Д.И. Суботича с подчинением ему всех войск в Южной Маньчжурии. В инструкции Суботичу имелось указание, что все усилия его должны быть направлены к скорейшему окончанию военных действий и к обеспечению работ по восстановлению КВЖД и что присоединять к России какую-либо часть китайской территории не предполагается.

Под началом Суботича собралось 18,5 батальона, 68 полков при 18 осадных орудиях, два эскадрона кавалерии и две казачьи сотни, три саперные роты, одно телеграфное отделение, полтора артиллерийских и один инженерный парк.

10 сентября выступил авангард под командованием генерал-майора Флейшера. На следующий день после небольшой перестрелки был занят город Старый Нючжуань. Отступившие китайцы заняли позицию на высотах у Айсандзяна, но удачные действия обходных колонн — справа генерала Флейшера и слева полковника Мищенко — заставили их отступить, так что центральная колонна полковника Л.К. Артамонова заняла позицию без боя.

14 сентября отряд продолжал наступление и встретил противника на возвышенной позиции у Шахэ, но и отсюда китайцы были выбиты колонной Артамонова и передовым отрядом Мищенко.

15 сентября отряд двинулся к Ляояну, но на полпути дорогу ему преградили китайские войска, занявшие выгодную позицию по длинному, труднодоступному кряжу. Наступление на эту позицию было произведено тремя колоннами. Китайцы были разбиты и без боя очистили Ляоян, который и был занят передовыми частями колонны генерала Флейшера.

18 сентября русские войска уже беспрепятственно двигались к Мукдену.

К вечеру авангард из трех полков с артиллерией остановился и разбил бивак в десяти верстах от Мукдена. В тот же вечер генералу Суботичу принесли прошение (на английском языке) от мукденских купцов и христиан о скорейшем занятии города. В прошении говорилось: «Дорогой Сэр! Мы очень рады известить вас, что здешний монгольский генерал Шоу и все власти бежали отсюда ночью третьего дня благодаря вашей храбрейшей армии. Узнав об этом, здешняя китайская чернь стала производить беспорядки, сжигая дома купцов и обывателей, вследствие чего мы находимся в самом горячем ожидании, что вы прикажете немедленно вашим знаменитым войскам как можно скорее прибыть в Шэньцзинь... Любящие вас ваши купцы и христиане...»[195]

18 сентября в пять часов вечера в Мукден ворвалась конная сотня охранной стражи есаула Денисова. Китайцы встретили ее беспорядочным огнем из винтовок и взорвали фугас в крепостных воротах. Вскоре подошла пехота, и к ночи весь город был в руках русских.

В 9 часов утра следующего дня в Императорский город Мукдена торжественно вступил генерал Суботич. На площади Императорского дворца полковой священник Пивоваров отслужил торжественный молебен.

Таким образом, за 8 дней русские войска, потеряв 42 человека убитыми и 80 ранеными, заняли всю Мукденскую провинцию.

Но война продолжалась. В сентябре русские войска разгромили китайцев и заняли район между Великой Китайской стеной и рекой Ляохэ, называемый Ляо¬си. 18—19 сентября русские заняли Шанхайгуань. Тем не менее, всю осень 1900 г. обстановка в Ляоси была напряженной. 6 ноября Е.И. Алексеев докладывал А.Н. Куропаткину: «...нападения китайцев на наши небольшие посты и проходящие команды показывают, что умиротворение страны еще не наступило». Но Алексеев не видел еще в действиях китайцев начавшейся партизанской войны. В ноябре —декабре продолжались диверсии и нападения, жители китайских деревень пытались обороняться и не впускать проходившие русские войска. Русские при этом несли существенные потери.

26 октября начальником Южноманьчжурского отряда был назначен генерал-лейтенант Церпицкий. После занятия Ляоси внимание отряда было направлено на восточную часть Ляодуна. Занятие города Фынхуанчен, расположенного на пути в Корею, стало первоочередной задачей.

Для наступления в Ляояне был сформирован отряд под командованием генерала Штакельберга. В отряд вошли 6 рот пехоты, 3 казачьи сотни, 1 эскадрон кавалерии и 8 орудий. 14 ноября, преодолев заснеженные горные перевалы, в Фынхуанчен вступил передовой конный отряд полковника Артамонова. Китайские войска спешно покинули город, спрятали в горах оружие и пушки и разбежались. На следующий день даотай лично встретил у городских ворот генерала Штакельберга с основными силами. Вскоре русский отряд

покинул город и направился к морю, а власть в городе осталась у даотая, получившего грамоту, разрешавшую ему оставаться в прежней должности и иметь милицию в сто человек.

23 ноября отряд Штакельберга подошел к городу Дагушань, затем повернул на запад и занял город Сюянь. 28—30 ноября русские войска вернулись на КВЖД.

На восток от Мукдена двинулся отряд полковника П.И. Мищенко. Преодолев пять горных перевалов, отряд 26 ноября вошел в город Синцзин. Местные власти встретили Мищенко с почетом, преподнесли ему в дар 5 быков, 35 баранов, много риса и муки. По приказу из Мукдена местные власти распустили свои войска численностью 800 человек, но «китайские солдаты, прежде чем разойтись, разграбили и сожгли часть города, ранили фудутуна и несколько человек его конвоя». 5 декабря отряд успешно завершил экспедицию и вернулся в Мукден.

В конце 1900 г. русскими было организовано несколько карательных экспедиций, официальной целью которых был разгром шаек хунгузов. Подобные «экспедиции» проводились и в 1901 г. По Высочайшему повелению Николая II временем окончания боевых действий в Маньчжурии определялось 26 марта 1902 г.

Между тем войска интервентов, в состав которых входили и русские части, захватили Пекин. После этого несколько недель союзники не могли выработать совместных требований к побежденным. Когда императорский эдикт 25 сентября 1900 г. оповестил о предании суду ряда сановников, виновных в поощрении восстания, об отстранении от должностей принца Дуаня и других, Германия потребовала, чтобы союзным державам было предоставлено право решать, достаточно ли полон список наказуемых и соответствует ли мера наказания их «преступлениям».

4 октября 1900 г. французские представители предложили как базу для переговоров ряд основных пунктов, включавших: 1) наказание виновников восстания и убийств иностранцев; 2) запрещение Китаю ввозить оружие; 3) надлежащую компенсацию союзным державам, компаниям и частным лицам; 4) образование в Пекине постоянной охраны посольств; 5) срытие фортов Дагу; 6) военную оккупацию трех пунктов на дороге Пекин — Дагу, с тем чтобы эта дорога всегда была свободна для проезда посольств к морю и военных отрядов к столице.

28 декабря из Сиани, где находилась императрица Цыси, было получено согласие на требования держав. Не желая удовлетвориться этим, иностранные представители потребовали документ с печатью богдыхана.

Выполнив эти требования, китайские представители со своей стороны обратились с просьбой подвергнуть конкретной детализации отдельные пункты объединенной ноты. Союзные державы согласились. Детальное обсуждение заняло более полугода.

Заключительный протокол был подписан 25 августа (7 сентября) 1901 г. На Китай была возложена контрибуция в

450 млн талей (около 650 млн руб.). Эта сумма подлежала уплате в течение 39 лет с начислением четырех процентов годовых. Из этой суммы на Россию приходилось 130 млн лан. Тяжесть этого обязательства усугублялась тем, что китайские финансы шесть лет тому назад, после войны 1894—1895 гг., уже были обременены уплатой контрибуции Японии.

Но протокол этим не исчерпывался. Китай подвергался тяжелым унижениям. Китайское правительство должно было казнить руководителей восстания, воздвигнуть «искупительный памятник» пострадавшим иностранным дипломатам и т.д. Императрица обязана была издать указ, которым запрещалось создание любых партий, осуждающих присутствие интервентов в Китае, а члены таких партий подлежали смертной казни.

В Китай в течение двух лет по протоколу воспрещался ввоз оружия. Форты Дагу подлежали срытию. Согласно статье 7 квартал, занимаемый в Пекине иностранными дипломатическими миссиями, предназначался только для них и был поставлен под их исключительный контроль и под охрану иностранной специальной полиции. Селиться в этом квартале китайцы не имели права.

Как уже отмечалось, буквально по каждому пункту требований к Китаю между союзниками шли жаркие споры. Детали их вряд ли интересны большинству читателей. Однако один момент, по неясным причинам выпавший из поля зрения отечественных историков, представляется мне крайне важным. Осенью 1900 г. Япония предложила России присоединить Маньчжурию, в то время как Корея станет колонией Японии. Предложение, на мой взгляд, вполне разумное и снимающее напряжение между двумя странами, как минимум, до 1917 г. Но, увы, царское правительство ответило Японии отказом. Причем причиной отказа было не противоречие этого предложения российской политике на Дальнем Востоке, а отсутствие таковой политики вообще. Николая II и его сановников мучил вековой русский вопрос: «Что делать?»

Глава 6

Накануне и после войны с Японией

История русско-японской войны — тема особая[196]. Здесь же стоит отметить лишь основные моменты, предшествовавшие войне.

Россия при Николае II фактически не имела собственной внешней политики. Царь и его сановники метались из стороны в сторону, не имея никакой програм-

мы или даже примитивного плана. Их действия представляли в основном реакцию на внешние вызовы.

- Еще не закончились боевые действия против китайцев, а перед русским правительством встал вопрос: как управлять Маньчжурией? К 1901 г. военное правление существовало лишь там, где стояли русские гарнизоны, то есть вдоль КВЖД, в крупных городах, вдоль морского побережья и в нескольких десятках верст от русской границы. На остальных 99 % территории Маньчжурии управляли китайские чиновники, было сельское самоуправление или власть принадлежала шайкам хунгузов.

Единого мнения у русских властей, как управлять Маньчжурией, не было. Генерал Гродеков еще в конце июля 1900 г. распорядился, чтобы весь занятый русскими войсками район Маньчжурии был изъят из ведения китайских властей «с полным подчинением нашей власти и законам». Но 2 сентября 1900 г. военный министр Куропаткин телеграфировал адмиралу Алексееву и генералу Гродекову: «Главной задачей России в Маньчжурии ставится в настоящее время продолжение и окончание строящихся нами железных дорог. Усилия ваши и вверенных вам чинов и должны быть направлены к тому, чтобы облегчить возобновление работ и затем охранять производимые работы. Русское управление в занятой нами местности не должно быть вводимо. В Маньчжурии не должно остаться ни одного боевого орудия, ни одной войсковой части, но при восстановлении китайских властей им необходимо предоставить право иметь вооруженную конную и пешую стражу для полицейской службы».

Вслед за тем Алексееву было предписано пригласить бежавшего в Монголию мукденского цзянь-цзюня обратно в Мукден и оказать ему содействие военной силой как при вступлении в должность, так и при замирении вверенной ему провинции. Кроме того, Алексеев должен был предъявить цзянь-цзюню требование, чтобы все китайские войска в Мукденской провинции были упразднены, а орудия, оружие, запасы и склады, еще не перешедшие в руки русских, были бы им выданы. Решение русского правительства восстановить в Маньчжурии прежний внутренний строй и китайскую администрацию вполне совпадало со взглядами самого Алексеева.

С сентября 1900 г. русское правительство начало переговоры с центральным китайским правительством в надежде достичь с ним соглашения по Маньчжурии. Русские предложения сводились к следующему: гарантия безопасности зоны КВЖД, Квантунского полуострова и русской границы по Амуру. Кроме того, Россия требовала принцип наибольшего благоприятствования в Маньчжурии для своих купцов и промышленников. Военное присутствие европейских государств, а также США и Японии в Маньчжурии должно быть исключено, а экономическое — сведено к минимуму. В случае выполнения этих условий Россия предлагала вывести свои войска из Маньчжурии,

оставив лишь охранные части, подчиненные правлению КВЖД.

Современному читателю такие требования могут показаться империалистическими, нарушающими суверенитет Китая и т.п., но речь идет не о КНР, а о феодальном Китае с почти недееспособным правительством клики Цыси. В такой ситуации предложения России были благом для Китая.

Параллельно русские власти вели переговоры с туземными властями в Маньчжурии. Так, адмирал Алексеев вел переговоры с мукденским цзянь-цзюнем (командующим военным округом, фактическим наместником северо-восточных провинций) Цзженом. 9 ноября было заключено «местное соглашение» временного характера. Оно восстанавливало в провинции власть цзянь-цзюня и китайскую администрацию, но ставило их под контроль русских властей, которые получали по этому договору право держать в провинции свои войска. Китайские же войска обезоруживались и распускались.

Вслед за тем в Петербурге Витте, Ламздорф и Куропаткин разработали проект общего соглашения с центральным китайским правительством относительно Маньчжурии. Проект номинально предусматривал восстановление там суверенитета Китая. Но это обставлялось целым рядом таких условий, которые упрочивали русское влияние в северо-восточных провинциях. Предусматривалось временное оставление там русских войск под предлогом охраны КВЖД «впредь до водворения спокойствия» и вывод из Маньчжурии всех китайских войск впредь до завершения постройки КВЖД. Но и после этого численность китайских войск устанавливалась бы Пекином не суверенно: ее должно было определить особое соглашение с Россией. Китайское правительство должно было дать обязательство смещать цзянь-цзюней трех маньчжурских провинций по требованию русского правительства. Проект содержал также обязательство китайского правительства не предоставлять без согласия России иностранным державам или подданным концессий «на всем пространстве областей Китая, сопредельных с Россией». Наконец, предусматривалась выдача русским концессии на железную дорогу от одного из пунктов южной ветки КВЖД до Китайской стены с направлением на Пекин. В основу проекта были положены соображения Витте. Он стремился обеспечить КВЖД и Русско-Китайскому банку в Маньчжурии прочное монопольное положение.

Переговоры с Китаем продолжались несколько лет, чуть ли не до самой русско-японской войны. Пекин то соглашался с русскими предложениями, то отказывался.

В чем же дело? Ведь в сложившейся ситуации подписание договора с Россией соответствовало государственным интересам Китая, и русское правительство не скупилось за взятки цинским сановникам. А дело в том, что от договора получали выгоды Россия и Китай, но зато проигрывали все европейские страны,

Япония и США. Все эти страны претендовали на рынки и концессии в Маньчжурии, а Япония вообще уже тогда планировала ее захват. Все эти страны не желали усиления России. Надо ли говорить, что пекинское правительство не могло противостоять столь мощному давлению ведущих мировых держав.

Следует отметить важный нюанс в ситуации на Дальнем Востоке, непонимание которого Николаем II и его министрами стало основной причиной проигрыша русско-японской войны. Все ведущие страны мира были настроены принципиально против превращения Маньчжурии в зависимую от России территорию. Но в то же время воевать против России из-за Маньчжурии была готова только Япония, и больше никто. Как уже говорилось выше, ни одно европейское государство, включая Англию, не желало начинать войну с Россией, что бы ни случилось на Дальнем Востоке. Пусть даже Россия официально аннексировала бы Маньчжурию, дело бы ограничилось десятком грозных дипломатических нот, в худшем случае — воинственными демонстрациями британского флота.

Запад есть Запад, а Восток есть Восток. Маньчжурия — не Балканы, не Константинополь и не Эльзас с Лотарингией. Так что у России было два выхода: или уйти из Маньчжурии без всяких условий, что означало бы в перспективе потерю Порт-Артура и Владивостока, или придать Дальнему Востоку приоритет перед европейскими делами и сосредоточить там сухопутные и морские силы, существенно превосходящие силы Японии, то есть сделать то, что Сталин сделал в 1938—1941 гг., и заставить Японию поменять вектор своей агрессии с севера на юг.

Увы, Николай II метался из стороны в сторону, так было раньше и так будет до февраля 1917 г. В начале 1902 г. царь поддался уговорам Витте и согласился вывести войска из Маньчжурии. Витте напугал царя заключенным 30 января 1902 г. договором между Англией и Японией.

В первой статье этого договора обе стороны признавали друг за другом право на охрану в Китае и Корее своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее, и потребуется интервенция какой-либо из договаривающихся сторон для защиты жизни и собственности ее подданных». Таким образом, договорные обязательства касались не только отпора покушениям третьей державы на захват Кореи или Китая. Они предусматривали также «право» на противодействие любым попыткам третьей державы — предположительно, России — «угрожать интересам» Японии или Англии в этих двух странах Восточной Азии. В высшей степени растяжимые формулировки статьи 1 предоставляли широкие возможности для изыскания поводов как для вмешательства во внутренние дела Китая и Кореи, так и для развязывания войны против России. Если бы, например, Россия воспротивилась каким-либо агрессивным действиям Японии в

Корее, то японскому правительству было бы нетрудно подвести этот случай под формулировки статьи 1 англо-японского договора. Оно могло бы заявить, что, противодействуя Японии, Россия «угрожает» японским интересам.

Статья 2 обязывала каждую из договаривающихся сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется вовлеченной в войну с третьей державой.

В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор (статья 3) обязывал другого его участника оказать союзнику военную помощь.

Заключение англо-японского союзного договора сопровождалось обменом секретными нотами. В них устанавливалось, что «в мирное время» военно-морские силы обеих сторон, «насколько это возможно», будут действовать согласованно и что будут предоставлены взаимные льготы в использовании доков и в снабжении углем военных кораблей каждого союзника в портах другого. В нотах констатировалось, что в данный момент Англия и Япония содержат на Дальнем Востоке силы, превосходящие морскую мощь любой другой державы. Обе союзницы заверяли друг друга, что они не имеют намерения ослаблять усилий к сохранению такого превосходства.

Николай II разрешил пойти на уступки в переговорах с китайцами, и Россия сняла требование о предварительном обязательстве китайского правительства не предоставлять концессий иностранцам. Эта уступка решила дело: 8 апреля 1902 г между российским и китайским правительствами было, наконец, подписано соглашение о порядке вывода русских войск из Маньчжурии в три срока в течение 18 месяцев, то есть к осени 1903 г. Русская дипломатия настояла лишь на включении в договор оговорки о том, что эвакуация может быть приостановлена смутами в Маньчжурии или же такими действиями иностранных держав, которые не позволят России вывести свои войска. Включение этой оговорки стоило русскому правительству 40 656 рублей. Эту сумму составили взятки, которые были даны уполномоченному цинского правительства Вань Вэнь-шао и некоторым другим сановникам. Преемники Ли Хун-чжана брали с царского казначейства меньше, чем привык получать старик!

Россия начала эвакуацию войск из Маньчжурии, но так и не закончила ее. Осенью Николая II под воздействием кучки авантюристов во главе с А.М. Безобразовым качнуло в другую сторону.

Александр Михайлович Безобразов начал карьеру в кавалергардском полку, где заимел связи с сильными мира сего. По каким-то темным обстоятельствам ему пришлось оставить гвардию и отправиться на гражданскую службу в Иркутск.

29 августа 1896 г. владивостокскому купцу Бринеру удалось приобрести у корейского правительства лесную концессию в районе реки Ялу сроком на 20 лет. Эта концессия распространялась на бас-

сейны двух рек — Тумени и Ялу — вдоль всей Северной Кореи от моря до моря на протяжении около 800 верст. Причем на юге она включала важные в военном отношении горные проходы. Держатель концессии получил право строить там дороги, проводить телеграф, возводить здания, содержать пароходы и др., так что становился на весь двадцатилетний концессионный срок фактическим хозяином Северной Кореи. Надежды Бринера собрать капитал для эксплуатации концессий не оправдались, и он задумал концессию продать.

Узнав о поступлении концессии в продажу, Безобразов решил провернуть грандиозную аферу и стать мультимиллионером. Своих денег у него, разумеется, не было, и он решил попользоваться казенными средствами. Но как это сделать? Безобразов к концу 1896 г. уже ушел с гражданской службы, то есть был частным лицом. Естественно, ему пришлось найти именитых подельников — великого князя Александра Михайловича и графа И.И. Воронцова-Дашкова.

Великий князь Александр Михайлович был не только самым умным представителем семейства Романовых, но и большим любителем всевозможных афер. В 1894 г. 28-летний Александр Михайлович был уже капитаном 2 ранга и, главное, императорским зятем. С момента восшествия на престол Николая II Александр Михайлович начал интриговать против великого князя Алексея Александровича, поскольку ему самому не терпелось стать генерал-адмиралом. Но Алексей оказался не так прост, и флот пришлось покинуть Александру. Но неугомонный Сандро, надеясь на приятеля детских игр Ники, не унывал, и решил заняться чем-нибудь попроще. Если не удалось положить в свой карман военный флот, то почему бы это не сделать с торговым?

Торговый флот империи находился в ведении министерства финансов, то есть под началом С.Ю. Витте. В 1898 г. Александр Михайлович уговорил Николая II учредить в министерстве финансов отдел торгового мореплавания и назначить его туда простым членом. Через весьма короткое время Александр Михайлович стал начальником этого отдела. А в 1903 г. отдел был выведен из министерства финансов и преобразован в Главное управление торговым мореплаванием и портами, а главноуправляющим был назначен, естественно, сам великий князь. По сему поводу в Петербурге сановники острили: «Александр Михайлович снял с Витте порты».

Граф Воронцов-Дашков тоже был не промах, а главное, он служил министром двора и уделов, то есть фактически управлял личными доходами царя. Воронцов-Дашков доложил Николаю II о проекте Безобразова и предложил ему войти в долю.

2 марта 1898 г. новоявленные «концессионеры» подали царю всеподданнейшую записку, в которой предлагали «перехватить» концессию Бринера, а для осмотра корейских лесов отправить особую экспедицию, которая, не возбуждая толков и

дипломатических запросов, всесторонне исследовала бы Северную Корею и подтвердила бы сведения о ее богатствах. Они писали, что время еще не ушло, что еще можно чисто мирным путем овладеть богатствами Кореи, на которые, кроме Японии, уже обратили свои взоры и многие другие державы, что по корейскому закону император Кореи является собственником земельных недр, что поэтому необходимо укрепить его власть, затем организовать при нем управление по образцу российского управления кабинетским имуществом и тогда заключить с этим учреждением особый арендный договор.

Николай II позволил отправить в Северную Корею специальную экспедицию на средства Кабинета Его Величества. Во главе «дела» были поставлены великий князь Александр Михайлович и граф Воронцов-Дашков; непосредственными исполнителями стали А.М. Безобразов, его товарищ по полку отставной полковник В.М. Вонлярлярский и контр-адмирал А.М. Абаза.

Как видим, дело шло на уровне Остапа Бендера. Создана контора «Рога и копыта», теперь нужно найти подставное лицо — председателя Фунта. Им стал состоявший в Ведомстве императорского двора тайный советник Н.И Непорожнев. 11 мая 1898 г. в Петербурге с уполномоченным купца Бринера был заключен договор на условную продажу Н.И. Непорожневу лесной концессии на реке Ялу. В конце 1898 г. специальная русская экспедиция исследовала за 94 дня всю Северную Корею. Руководитель экспедиции инженер Михайловский телеграфировал в Петербург: «В Маньчжурии видел много богатств, чудные леса лиственницы и кедра —три миллиона десятин — много золота, серебра, красной меди, железа, угля». Район рек Тумени и Ялу может легко сделаться источником крупных богатств и, следовательно, подспорьем в тех громадных расходах, которые неминуемо потребует наше положение на Дальнем Востоке. Кстати, значительная часть стоимости экспедиции пошла по разным статьям бюджета, а непосредственно Кабинет Его Величества израсходовал на нее и на приобретение самой концессии всего 235 070 рублей.

А концессионеры уже делили будущие доходы. В список от 20 мая 1900 г. было включено 45 концессионеров. Всего должно было быть 400 паев, из которых 170 — Кабинета Его Величества, то есть царя.

В начале 1902 г. на реке Ялу закипели работы. Сперва для охраны концессии наняли и вооружили несколько сотен китайцев. Затем на реку Ялу отправили «уволенных в запас» сибирских стрелков, число которых постепенно дошло до полутора тысяч человек. Абаза привлек к участию в концессии и главного начальника Квантунской области генерал-адъютанта Е.И. Алексеева. За подавление восстания «боксеров» Алексеев был буквально осыпан наградами — 1 января 1901 г. награжден орденом Белого орла и золотой саблей, 6 мая 1901 г назначен генерал-адъютантом, а 6 апреля 1903 г. произведен в полные адмиралы.

Безобразовская авантюра вызвала возмущение как внутри России, так и за ее пределами. Так, министр финансов С.Ю. Витте и министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф решительно осудили проникновение в Корею. В ответ Николай II 6 мая 1903 г. произвел Безобразова в статс-секретари Его Величества.

30 июля 1903 г. Николай II решил создать наместничество на Дальнем Востоке и назначил наместником Е.И. Алексеева. Витте, Ламздорф и все остальные министры узнали об учреждении наместничества и назначении Алексеева исключительно из газет. Николай II даже не счел нужным посоветоваться со своими министрами. Единственное исключение представлял министр внутренних дел В.К. Плеве, который был сторонником наместничества.

Согласно Высочайшему указу от 30 июля 1903 г. в состав наместничеств вошли русский Дальний Восток и Квантунская область, то есть по куску Российской и Китайской империй.

Наместнику вверялось командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными во вверенном ему крае войсками, руководство дипломатическими сношениями по делам дальневосточных областей с соседними государствами, высшая власть по всем частям гражданского управления в крае, верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоявших в пользовании КВЖД, и ближайшая забота о пользе и нуждах русского населения в сопредельных с наместничеством зарубежных владениях. «Устроение новой власти вызывалось сложными задачами управления на восточных окраинах империи», — говорилось в указе.

Вместе с наместничеством учреждалась и высшая над ним инстанция — Особый комитет под личным председательством государя императора, имевший своей задачей «согласовать распоряжения главного начальника на Дальнем Востоке с общегосударственными видами и деятельностью министерств».

Теперь наместничеством могли абсолютно бесконтрольно распоряжаться Николай II, Безбородко, Алексеев и К°. Ничего подобного в России не было со времени опричнины Ивана Грозного. Тем не менее, 16 августа 1903 г. царь без всяких объяснений сместил Витте с поста министра финансов и назначил на декоративный пост председателя Комитета министров. На всякий случай Николай II даже не назначил нового министра финансов, а лишь приказал исполнять должность управляющего министерством финансов Э.Д. Плеске — весьма серому и весьма послушному чиновнику. Ламздорфу царь объявил выговор, и тот согнулся в поклоне — «Чего изволите, Ваше Величество».

Результатом преступной политики Николая II стала русско-японская война, бездарно проигранная на море и на суше.

23 августа 1905 г. был подписан Портсмутский мирный договор с Японией. Россия признала Корею сферой исключительного влияния Японии. Статья

2 договора гласила: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почесть необходимым принять в Корее».

Статья 3 содержала взаимное обязательство о полной и одновременной эвакуации Маньчжурии обеими сторонами и ее возвращении в «исключительно управление Китая» — кроме Ляодунского полуострова.

Согласно статье 5 Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а по статье 6 — Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Чанчуна до Порт-Артура. Тем самым Южная Маньчжурия фактически оказывалась сферой влияния Японии.

Статья 7 договора гласила: «Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических».

Россия уступала Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель (статья 9). На Сахалине обе стороны обязывались не возводить укреплений и не препятствовать свободному плаванию по обоим омывающим остров проливам.

Согласно статье 11 Япония навязывала России заключение рыболовной конвенции: «Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом. Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях».

Все русские корабли, сдавшиеся в плен, а также поднятые в Порт-Артуре и других местах, оставались у японцев. Япония требовала передачи ей всех русских кораблей, интернированных в портах Китая, Индонезии и Филиппин. Но Витте удалось отклонить эти требования.

Японцы требовали контрибуции, но Николай II гордо заявил, что не даст ни копейки, и де Россия никогда и никому еще не платила контрибуции. Этот вопрос замяли на чисто азиатский манер — царское правительство выплатило 46 млн рублей золотом... за содержание русских пленных в Японии.

За «безголовость» наших генералов и адмиралов пришлось платить и китайцам. Цинское правительство признало все постановления Портсмутского договора, включая переход к Японии аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Южно-Маньчжурской железной дороги. Правительство сделало это по договору с Японией от 22 декабря 1905 г. По дополнительному соглашению, подписанному в тот же день, цинское правительство соглашалось на постройку Японией железной дороги от устья реки Ялу до Мукдена. Оно обязывалось открыть в

Маньчжурии 16 городов для международной (японской!) торговли, включая Гирин, Харбин, Хайлар и Айнун.

Портсмутский мир оставил неразрешенными целый ряд проблем, по которым с 1906 г. почти непрерывно велись переговоры между представителями России и Японии. Замечу, что японцы держались очень нагло и постоянно угрожали «ухудшением отношений», то есть новой войной. Русское же правительство постоянно уступало. Так, в первой половине 1907 г. начался отвод русских войск из Маньчжурии, хотя было бы куда разумнее дождаться подписания текста окончательного соглашения с Японией.

Уступчивость царя объясняется целым рядом факторов. Во-первых, это боязнь победы революции 1905—1907 гг. Во-вторых, давление Франции и Англии, которым срочно требовался «русский паровой котел» для нажима на Германию. Кроме того, в 1906 г. обострилась ситуация в Турции и Персии, и царское правительство начинает строить планы вооруженного вмешательства во внутренние дела этих государств.

Время поворота русской внешней политики к конфронтации с Германией и к союзу со своим злейшим врагом Англией вызывает у историков много споров. По моему же мнению, такой датой можно считать 18 сентября 1906 г., когда начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын и его подчиненные генерал-майор М.В. Алексеев и полковник С.К. Добророльский представили доклад с основными соображениями по развертыванию сухопутных армий. В политическом обосновании плана его авторы констатировали, что из двух враждебных России политических комбинаций (Тройственный и англо-японский союзы) самой опасной является первая, и предлагали сообразовать военную подготовку с вероятностью борьбы на Западе.

В такой ситуации русские дипломаты вынуждены были идти на кардинальные уступки Японии[197].

30 июля 1907 г. была подписана русско-японская конвенция. Согласно ей линия разделения сфер влияния России и Японии была проведена через станцию Сунгари на КВЖД, в то время как в Портсмуте было согласовано, что южный отрезок КВЖД, принадлежавший России, доходит до станции Куанченцзы, то есть на 120 км южнее станции Сунгари. Таким образом, участок КВЖД от Куанченцзы до Сунгари в 1907 г. был отнесен к сфере влияния Японии.

Корея по-прежнему считалась сферой влияния, а фактически колонией Японии. Зато японцы в статье 3 обязались, «признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, воздерживаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам»[198].

Война обернулась экономическим бумом для оставшейся в наших руках Желтороссии. Начну с того, что в 1904—1905 гг. было проложено 525 км железнодорожных путей. Частота движения поездов росла быстрыми темпами. Харбинский участок Службы тяги времена-

ми пропускал до 52—53 пар поездов в трех направлениях. За два с половиной года войны и обратной эвакуации войск на этой дороге не было ни одного крушения! В больших масштабах велось строительство казарм, госпиталей, хлебопекарен, складов для обеспечения нужд миллионной русской армии.

После войны русский капитал, вытесненный из Южной Маньчжурии, продолжал усиливать свои позиции в Северной Маньчжурии и Внутренней Монголии. К 1913г. товары русского производства в Северной Маньчжурии составляли: лесные материалы — 98 %, табак — 53 %, металлоизделия — 47 %, сахар — 63%, мануфактура — 26 %,бакалея — 24%, керосин - 12%.

После эвакуации русских войск из Северной Маньчжурии осенью 1907 г. КВЖД работала довольно удовлетворительно. Дорога и города Желтороссии охранялись Особым Заамурским округом Корпуса пограничной стражи. Для охраны дороги было направлено 5 батарей 76-мм конно-горных пушек. Кроме того, движение поездов обеспечивала и Заа¬мурская железнодорожная бригада.

В 1908 г. правительство выделило КВЖД во Владивостокском порту транзитную гавань Эгершельд. Дорога ввела льготный тариф. Широко стала практиковаться выдача ссуд предпринимателям под поступавшие грузы (до 1 млн руб. в 1906-1907 гг.).

Число перевозимых пассажиров увеличилось с 442 тыс. человек в 1907 г. до 947 тыс. в 1910 г. и свыше 1100 тыс. в 1912— 1913 гг. Объем грузоперевозок после некоторого снижения в связи с кризисом 1908-1909 гг. (с 1181 тыс. т в 1907 г. до 905 тыс. т в 1909 г.) вновь вырос в 1912—1913 гг. (в 1912 г.- 1269 тыс. т). Но, несмотря на рост грузоперевозок, КВЖД вместе с ее различными подсобными предприятиями продолжала оставаться убыточной. Так, за 1904—1914 гг. дефицит составил 176 млн руб. Русские капиталовложения в строительство и расходы по эксплуатации КВЖД к 1914 г. в общей сложности составили около 542 млн руб.

В 1913 г. в Харбине решили провести перепись населения, которому были розданы подробные анкеты. Выяснилось, что численность рабочих и служащих КВЖД достигла 15 454 человек (62,9 %), военных было 3479 (14,2 %), торговцев — 5641 (22,9 %). Несамодеятельное население составляло 18 956 человек (42,5 % всего русского населения).

Газета «Харбинский вестник» опубликовала ряд курьезных ответов на вопросы в анкете. Так, гимназистка-старшеклассница в графе «Способна ли к труду?» написала «Нет». В следующей графе — «Чем вызвана неспособность? (больная, калека и т.д.)» — красовался ясный и точный ответ: «Девица»! Какая-то дама в графе «Род занятий» ответила: «Думаю с мужем разводиться». Действительно, думая о столь важном деле, трудно чем-либо другим заниматься! На тот же вопрос какой-то персонаж дал откровенный ответ: «Сутенер». Коротко и ясно.

Самые же головоломные задачи рождались на фоне семейных отношений.

К примеру, пять женщин в графе «На чьи средства проживаете?» ответили: «На средства мужа», затем следовали чин, имя, отчество и фамилия мужа. И такое роковое и неожиданное совпадение — все пять дам вписали фамилию одного и того же «источника» их пропитания.

Несколько слов стоит сказать о культурной жизни Желтороссии в 1906—1917 гг. Так, в 1906-1910 гг. в Харбине издавалось пять больших газет. Помимо газет «Новый край», «Харбин», «Вестник Востока» («Новая жизнь») стала издаваться газета «Юаньдун бао». Это была ежедневная газета, издаваемая КВЖД на китайском языке для углубления дружественного экономического сотрудничества русской и китайской диаспор Маньчжурии, что после окончания русско-японской войны было особенно актуально.

Еще одним интересным изданием в Харбине стал журнал «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Еженедельный внепартийный журнал», первый номер которого вышел 6 декабря 1908 г. А со второго номера слово «внепартийный» с его заголовка исчезло. Журнал печатал статьи экономического и этического характера, беллетристику, любопытные известия из разных стран мира, имевшие отношение к железнодорожному делу, вел хронику событий в Харбине. Печатались там и фельетоны, и юмор, но общий тон был сдержанным и беспристрастным.

Большую роль в культурной жизни Харбина играли театр и кинематограф. С 5 января 1907 г. в театре «Портсмут» в Новом городе начались гастроли солиста императорских театров Мариуса Мариусовича Петипа. Артист вначале планировал дать только пять концертов, но внимание и восторг харбинской публики привели к тому, что гастроли его закончились лишь 15 февраля. М.М. Петипа на сцене харбинского театра играл главные роли в спектаклях: «Карьера Наблоцкого» Барятинского (Наблоцкий), «История одной революции» В. Сарду (Рабагас), «Палата № 6» по повести А.П. Чехова, «Горе от ума» (Чацкого), «Свадьба Кречинского» (Кречинский), «Шерлок Холмс». А в заключение была поставлена «Елена Прекрасная», где Париса сыграл Петипа, который, по словам газетчиков, «не имеет себе равных в этой роли».

11 марта 1907 г. в Общедоступном театре Данилова начались уже вторые гастроли известного виртуоза-скрипача К.М. Думчева. В начале 1900-х гг., еще мальчиком, он впервые выступал в Харбине и был хорошо знаком публике.

4 марта 1907 г. в газете «Новый Край» вышла большая статья о состоянии театрального дела в Харбине. Вывод статьи был такой: для Харбина слишком дорого содержать три труппы с бюджетом до 2 тыс. руб. за вечер, и поэтому драму нужно сконцентрировать на одной сценической площадке. Такой площадкой стал новый Художественно-артистический театр А.А. Губанова.

В 1906 г. Губанов приобрел здание бывшего цирка Боровского на Участковой улице вместе с прилегавшей к нему

Реклама «Студии танцев и пластики». Харбин

огромной усадьбой, на которой раньше находился «Зоологический ресторан». Помещение цирка Губанов полностью переделал под большой удобный театр, пристроив рядом помещение, равное по площади половине здания прежнего цирка. В пристройке помещалась сцена, которая стала самой большой в Харбине. Главным достоинством нового театра стали значительная глубина и техническое оснащение, обеспечивавшие моментальную смену декораций. В зале (большой партер, пять рядов амфитеатра и два яруса лож) было 1200 мест.

Художником-оформителем театра был И.М. Смирнов. Передний занавес, расписанный им вместе с художником П.П. Сергеевым, был оформлен по мотивам картины Васнецова «Ковер-Самолет».

Здание театра, очень красивое, полностью деревянное, поражавшее харбинцев своими размерами и архитектурой, было готово к сезону 1907 г. В Художественно-артистическом театре шли «лучшие произведения современной театральной беллетристики» — Горького, Андреева, Найденова, Островского, Толстого, Сухово-Кобылина и многих известных иностранных драматургов.

В 1909 г. в Харбин приехала знаменитая Вера Федоровна Комиссаржевская со своей труппой, где было много талантливой молодежи.

В 1906 г. в Харбине на углу Китайской и Коммерческой улиц открылся кинотеатр «Иллюзион» Л.С. Финкельштейна. В день открытия здание было иллюминировано тремя тысячами свечей. Здесь демонстрировались самые последние новинки, наиболее привлекавшие внимание зрителей. Хозяин «Иллюзиона» привез из Берлина и Парижа большое количество фильмов и тем затмил всех конкурентов, меняя репертуар каждый понедельник и четверг.

На углу Китайской и Биржевой улиц работал кинотеатр «Декадансе», принадлежавший Янгжоглу, а в Новом городе при гостинице «Гранд-отель»— кинотеатр «Прогресс». В 1908 г. открылся новый кинотеатр — «Ориант».

Начало мая 1907 г. ознаменовалось полетами известного русского летчика А.Я. Кноспе. К сожалению, 13 мая его аэроплан разбился, а пилот погиб. Весной 1911 г. в Харбине летал на«Фармане» летчик Я. И. Седов.

Афиша кинотеатров «Модерн» и «Арс». Харбин

Харбинский любитель-механик М.Т. Смуров спроектировал и построил весной 1912 г. нечто вроде вертолета и назвал его «орнитоптером». К сожалению, автору не удалось найти фотографий или чертежей этого уникального аппарата. Известно лишь, что предварительные испытания, прошедшие на берегу Сунгари, дали положительные результаты: аппарат поднимался на 4 сажени (8,5 м) от земли, совершал в воздухе повороты и т.д. Испытывал его сам Смуров.

В Харбине еще более активно, чем в среднем по России, создавались детские организации — предшественники советских пионерских организаций. Так, в 1906—1907 гг. в Харбине появился союз «Соколы». Формировались детские отряды, в которых велась разнообразная общественно-спортивная деятельность. Опытные инструкторы обучали «соколь¬цев» навыкам владения холодным и огнестрельным оружием, проводили экскурсии, горные восхождения и походы с хоровым пением участников на привалах, устраивали массовые спортивные игры. Были открыты «сокольские» магазины спортивных принадлежностей, спортивные площадки, тиры, стрельбища.

В плане национального воспитания масс «соколы» культивировали хоровое исполнение патриотических песен, гимнов и национальной музыки. Тренировки ребят часто проходили под музыку добровольческих оркестров, игравших народные мелодии. Создавали «соколы» и свои песни и гимны.

В мае 1913 г. на улицах Харбина появились мальчики в зеленых рубашках с оранжевыми галстуками, в шортах и пилотках, аккуратные и подтянутые. Это были первые харбинские бойскауты.

Начальником созданной в 1913 г. в Харбине организации русских разведчиков был ротмистр С.И. Утешев, «старшими друзьями» — А.К. Гинце и Р.А. фон Арнольд. На Офицерской улице скауты построили свой дворец со стадионом. Скаутские группы имелись в каждой харбинской средней школе, при польском на¬циональном объединении «Господа Польска», в японской колонии Харбина и др. Скауты издавали журнал «Русский скаут» и распевали свой гимн:

Будь готов, разведчик, к делу честному,
Трудный путь лежит перед тобой.
Глянь же смело в очи неизвестному,
Бодрый телом, мыслью и душой.
В мире много горя и мученья,
Наступила страдная пора.
Не забудь святого назначенья,
Стой на страже правды и добра…
Помогай больному и несчастному,
К погибающим спеши на зов.
Ко всему большому и прекрасному
Будь готов, разведчик, будь готов!

Любопытно, что в пику русским скаутам 18 октября 1915 г. в городе Чанчуне по образцу бойскаутов был создан Союз японской молодежи.

После начала Первой мировой войны, 24 июля (16 августа) Китайская респуб-

лика провозгласила свой нейтралитет в войне в отношении всех воюющих держав, в том числе Германии, и обратилась к ним с просьбой не переносить военные действия на территорию Китая. Но на территории Желтороссии германским фирмам работать больше не дали. Им пришлось ликвидировать или продать свои предприятия. Так, к примеру, была закрыта фирма «Нюман», занимавшаяся продажей спирта и хлебных товаров, с активом около 15 млн руб. Немецкие подданные были высланы из полосы отчуждения в Чанчунь, где они до вступления в войну Японии жили довольно свободно и даже занимались пропагандой в пользу Германии. В Пекине оставался германский военный атташе. Он разработал план взрыва тоннелей и мостов КВЖД и сформировал для этого во Внутренней Монголии группу диверсантов, которая должна была взорвать Хинганс¬кий тоннель. Однако диверсанты были арестованы русской контрразведкой прежде чем добрались до места.

В октябре 1914 г. на Западный фронт из Харбина было направлено 6 полков в полном составе Заамурской железнодорожной бригады. Взамен с 20 февраля по 15 марта 1915 г. в Желтороссию прибыло 12 пеших дружин ополчения из Томска.

Мобилизация русского населения в Желтороссии первоначально не проводилась. Лишь 31 августа 1915 г. была объявлена мобилизация, но она не распространялась на русских подданных, постоянно проживавших в полосе отчуждения, и на служащих КВЖД. На действительную службу привлекались военнообязанные, временно проживавшие на землях дороги, но не связанные с ней службой. Такое положение оставляло много лазеек для людей недобросовестных. В Маньчжурию устремилась масса обеспеченных людей, стремившихся избежать призыва в армию. Всеми правдами и неправдами они пытались получить хоть какую-то службу на дороге.

Благодаря войне КВЖД стала давать прибыль. Так, в 1914 г. она составила 7,3 млн руб., в 1915 г. — 12,7 млн, в 1916 г.- 18 млн и в 1917 г. - 30,8 млн руб.

Из США на железные дороги Дальнего Востока в 1915—1917 гг. поступили сотни паровозов и тысячи вагонов.

Расцвету Желтороссии в 1914—1917 гг. способствовали не только военные перевозки, но и сухой закон, введенный Николаем II в России в ноябре 1914 г. Запрет на торговлю водкой создал на Дальнем Востоке огромные ножницы цен: если в пределах Маньчжурии ведро водки стоило 7 руб., то в Забайкальской области оно стоило уже 60 руб., а в Иркутске — 80 руб. И чем дальше на запад, тем дороже, до 100 и более рублей.

Масштабы контрабанды спиртного из Желтороссии в империю в 1914—1917 гг. сопоставимы лишь с аналогичной контрабандой в США в эпоху сухого закона. Чтобы пресечь поток спирта через китайскую и монгольскую границы, были

Реклама спиртных напитков в Харбине

созданы специальные русские полицейские отряды. Но контрабандисты постоянно меняли тактику. Однажды после безрезультатного обыска таможенник все же уловил запах спирта в отделении парового отопления в одном из вагонов. Оказалось, что спирт был налит в конденсатор парового отопления. Позже из Харбина во Владивосток была отправлена партия мыла, а в его пятифунтовых кусках таможенники обнаружили сосуды со спиртом. Газеты назвали это последним словом контрабандной техники, но они ошибались. Были случаи провоза спирта в... колбасе, в брюшках крупной партии кеты, а на станции Маньчжурия была задержана партия фабричных кирпичей, в которых обнаружили заделанные бутылки с коньяком.

В городе Фуцзядяне во всех винно-бакалейных лавках продавался спирт в посуде, изготовленной специально для тайного провоза: в разной вместимости плоских банках толщиной в полдюйма, в изогнутых банках для подвязывания к разным частям тела. Это заставило администрацию КВЖД запретить продажу спирта в жестяных банках.

Но главным путем контрабанды была не железная дорога, а граница. Контрабандисты в приграничных селениях сильно наживались. Они привозили спирт, шелк и другие товары целыми караванами к реке Онону, зарывали их на берегу в тайники, а затем, выбрав удобный момент, перебрасывали их на станцию Оловянная Забайкальской железной дороги или на станцию Бырку. Таможенная стража была не в силах бороться с этими контрабандистами, отлично знавшими местность.

Итак, Желтороссия в 1914—1917 гг. переживала экономический бум. Косвенным, но очень характерным признаком процветания стали гастроли в Харбине Миланской оперы. И это в годы войны.

Глава 7

Агония Желтороссии

О падении русского самодержавия в Харбине впервые узнали 3(16) марта 1917 г., и уже на следующий день началась повсеместная организация Советов рабочих и солдатских депутатов на КВЖД. Первым председателем Харбинского Совета рабочих депутатов в марте 1917 г. был избран кадет доктор К.С. Фиалковский, а председателем Совета солдатских депутатов — меньшевик М.Н. Рютин (позже партийный функционер, известный своими выступлениями против Сталина).

Местная буржуазия создала так называемый Комитет общественных организаций», действовавший от имени Временного правительства.

В июле 1917 г. Мартемьян Рютин вышел из партии меньшевиков и организовал в Харбине Комитет РСДРП(б) в составе пяти человек — себя самого, Якубова, Славина, Летунова и Стразова. С сентября 1917 г. этот Комитет стал издавать журнал «Борьба», всего вышло 12 номеров этого журнала.

Тогда же, в сентябре 1917 г., Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов объединились с один Совет рабочих и солдатских депутатов, который возглавил Рютин.

Таким образом, в Желтороссии сложилось троевластие — Рютин и К°, Комитет общественных организаций и управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д. Л. Хорват.

После захвата большевиками власти в Петрограде Харбинская организация РСДРП (б) 12 ноября 1917 г. издала воззвание к населению о поддержке решений II Всероссийского съезда Советов. Однако Харбинский Совет пока не решался на деле взять в свои руки управление в полосе отчуждения. 8 декабря члены Совета телеграфировали Совнаркому в Петроград, запрашивая инструкции в отношении Хорвата, и получили ответ отстранить генерала от управления КВЖД.

Тогда Харбинский Совет 12 декабря в газете «Голос труда» опубликовал обращение к населению, в котором объявлял себя единственным представителем государственной власти в полосе отчуждения. Генерал Д.Л. Хорват, бывший не только управляющим КВЖД, но и дипломатическим уполномоченным Временного правительства, был отстранен от должности. А комиссаром полосы отчуждения Совет назначил А.Н. Лучко¬го — члена Харбинского Совета с ноября 1917 г.

Не мудрствуя лукаво, Хорват обратился к «маньчжурским милитаристам», то есть к китайским генералам, контролирующим Маньчжурию. 24 декабря 1917 г. китайские власти предъявили Совету ультиматум о высылке из Харбина революционно настроенных 618-й и 559-й дружин Охранной стражи, а также Рютина и Славина и о роспуске Совета. В тот же день Рютин и Славин опубликовали в «Голосе труда» свое прощальное обращение к рабочим полосы отчуждения КВЖД, обвиняя генерала Хорвата в предательстве — «сдаче Маньчжурии китайским мандаринам».

28 декабря обе революционно настроенные дружины были высланы за пределы Китая, а на станции Маньчжурия их встретил отряд атамана Г.М. Семенова. Многие дружинники были подвергнуты издевательствам и избиты, несколько человек расстреляны.

Теперь Хорват стал полновластным хозяином Желтороссии. Он провозгласил себя «Временным верховным правителем России» и даже начал печатать собственные деньги достоинством в 50 копеек, 1, 10 и 100 рублей. Эта валюта обеспечивалась «всем имуществом дороги». Кроме того, в Желтороссии ходили царские деньги, «керенки», различные дензнаки, выпускаемые Белым движением, китай-

ский серебряный доллар (даян), японская иена и т.д.

16 октября 1919 г. Хорват приказом № 212 ввел свой «золотой рубль», оказавшийся на редкость стабильным. Он использовался до 1935 г.! Стабильность этого рубля в чем-то была связана с чехами, захватившими значительную часть золотого запаса Российской империи. Чехи расплачивались украденным золотом, и у правления дороги образовался определенный золотой запас.

«Золотой рубль» Хорвата оказался долгожителем. По сему поводу через 15 лет будут выпущены пластинки с лихим фокстротом под названием «Харбин-папа»:

Харбин — прелестный город,
Харбин — веселый город
В далеком Маньчжу-го,
Теперь Маньчжу-диго...
Живется здесь привольно:
Все сыты, все довольны,
Хоть и за рубежом,
Но с золотым рублем!
Живут Эс-Эм-Же-Де-Ки,
Фашисты и эс-де-ки,
Свободно и легко,
Хотя и далеко...

Необходимые пояснения: «эс-эм-же-де-ки» — от СМЖД — Северо-Маньчжурская железная дорога, как японские власти в 1933 г. переименовали КВЖД.

Чтобы упрочить свое положение, Хорват решил образовать новое Правление КВЖД, тем более что большая часть старого Правления осталась в Центральной России. В апреле 1918 г. Хорват поехал на встречу с китайскими властями, а также с русским послом князем Н.А. Кудашевым, главой Русско-Азиатского банка А.И. Путиловым и адмиралом А.В. Колчаком.

В результате было сформировано новое Правление, в состав которого вошли губернатор Гиринской провинции и несколько китайских чиновников, Путилов, Колчак и др. Хорвата же избрали председателем Правления.

Несколько слов стоит сказать и о позиции советской власти в вопросе о КВЖД. Уже в ноябре 1917 г. Наркомат иностранных дел вступил в контакте китайским посланником в Петрограде Лю Цзин-жэнем. В ходе переговоров, длившихся до марта 1918 г., советская сторона заявила об отказе своего правительства от всякого рода кабальных договоров, нарушавших суверенные права Китая.

В начале декабря 1917 г. Лю Цзинжэнь был официально уведомлен, что бывший царский посланник в Китае князь Н.А. Кудашев «более не является представителем русского правительства» и что одновременно «уволен от должности управляющий Восточно-китайской железной дороги генерал Хорват»[199]. Однако пекинский кабинет, полностью находившийся под контролем Антанты, продолжал поддерживать отношения с бывшей миссией царского правительства. Мало того, он предоставил убежище бандам Семенова, Калмыкова и других белогвардей-

ских атаманов, использовавших территорию Северо-Восточного Китая в качестве плацдарма для ведения гражданской войны против советской власти.

Правительство РСФСР потребовало от китайского кабинета прекращения этого курса, фактически являвшегося вмешательством во внутренние дела Советской России. Китайские представители, встретившиеся в апреле 1918 г. на станции Мациевской с советскими представителями для переговоров по пограничным вопросам, отказались выполнить требование советского правительства и весьма откровенно объяснили свою позицию тем, что «союзники еще не признали Русского Советского правительства и не дали Китаю указаний, что нужно ликвидировать семеновское движение»[200].

Местные и засланные из России коммунисты 27 января 1920 г. добились создания в полосе отчуждения КВЖД Объединенной конфедерации профсоюзов, партий, кооперативов и других демократических организаций КВЖД. 6 февраля 1920 г. Объединенная конфедерация обратилась ко всем иностранным консулам в Харбине с требованием отстранения Хорвата от власти, а 12 марта предъявила генералу ультиматум: в 24 часа «передать власть над русскими государственными учреждениями и охрану личных, имущественных и политических прав русского населения полосы отчуждения временному правительству — Приморской земской управе».

На следующий день, 13 марта, созданный под руководством коммунистов Центральный стачечный комитет объявил всеобщую политическую забастовку по всей линии. Атаман Г.М. Семенов пригрозил забастовщикам ввести в полосу отчуждения свои войска. Однако командующий китайскими войсками, оккупировавшими КВЖД, отдал приказ отстранить Хорвата от власти.

Хорват был лишен должности председателя Правления, а в качестве отступного ему присвоили титул «Высокий советник Правления Общества КВЖД». Кроме того, китайские власти настоятельно рекомендовали генералу поехать «отдохнуть и прочно обосноваться» в Пекине, где он и прожил безвыездно до самой своей смерти 16 мая 1937 г.

2 октября 1920 г. министр путей сообщения Китая Е Гунчжо подписал с Русско-Азиатским банком соглашение «О совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой», в котором говорилось, что «ввиду полной дезорганизации России» Китай временно, до будущего соглашения со «стабильным» русским правительством, берет на себя «верховный контроль» над дорогой. Договор предусматривал платежи Общества КВЖД Китаю, введение в Правление дороги новых китайских директоров и замену русской полиции китайской.

К концу 1920 г. пекинское правительство образовало Особый район восточных провинций (ОРВП), который включал территорию полосы отчуждения КВЖД.

5 марта 1921 г. было упразднено право экстерриториальности (полного иммунитета от действий китайских властей) для

русских в полосе отчуждения. Фактически это был конец Желтороссии.

Однако советское правительство не собиралось отказываться от прав на КВЖД. В 1921 г. в Пекине по поводу КВЖД были начаты переговоры между Дальневосточной республикой[201] и Китаем. После ликвидации ДВР, в 1922 г. переговоры продолжала делегация РСФСР. Советское правительство предлагало правильное и справедливое решение вопроса о КВЖД — установить совместное (на равных началах) управление этой железной дорогой.

31 мая 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой». По этому соглашению устанавливалось совместное советско-китайское управление КВЖД.

Однако мукденский правитель Чжан Цзяо-лин заявил, что он не признает советско-китайского соглашения, поскольку оно затрагивает вопрос о КВЖД, находящейся на территории Маньчжурии , и требовал заключения специального договора СССР с маньчжурскими властями. Советское правительство, желавшее решить дело миром, согласилось начать переговоры с Чжан Цзяо-лином как с главою провинциального маньчжурского правительства. 20 сентября 1924 г. в Мукдене было подписано соглашение, аналогичное по содержанию Пекинскому (31 мая 1924 г.), но касавшееся главным образом КВЖД. Мукденское соглашение было санкционировано пекинским правительством.

Церемония начала совместного советско-китайского управления КВЖД состоялась 3 октября 1924 г. Управляющим дорогой был назначен советский представитель А.Н. Иванов. Первым делом он приступил к «чистке» персонала железной дороги. 4 ноября в своем первом интервью харбинским журналистам он сказал: «Коренные же враги советской власти будут мешать своим присутствием установлению дружественных отношений России и Китая, и их мы должны убрать».

С 1 июля 1925 г. увольнению подлежали вообще все служащие и рабочие КВЖД, не принявшие советского или китайского гражданства. Таким образом, преследования новой власти коснулись значительного числа работников дороги, прежде всего высшего руководящего состава. Помимо потери работы такая форма увольнения лишала железнодорожников пенсий и различных льгот, что было особенно ощутимо в условиях эмигрантской жизни.

В 1925 г. отношения советских и китайских властей на КВЖД основательно испортились. Китайцы не желали увольнения компетентных служащих дороги только за нелояльность к большевизму. А в январе 1926 г. возник конфликт посерьезней — из-за денег. Северному милитаристу Чжан Цзолиню, воевавшему вместе с другими милитаристскими группировками за контроль над Пекином, необходимо было провезти по КВЖД свои войска. По установленному порядку за эти перевозки должна была вно-

ситься плата в размере 50 % обычного тарифа, но китайские военные власти ничего не платили. К концу 1925 г. долги за эти перевозки достигли 14 млн рублей. 1 декабря 1925 г. А.Н. Иванов приказал запретить впредь бесплатно пользоваться железной дорогой для воинских частей и военных грузов. Вместо того чтобы все уладить мирно, власти ОРВП пошли на обострение ситуации, и 16 января 1926 г. отряд китайских солдат захватил поезд на станции Куанченцзы и запретил отправление груженого состава. 17 и 18 января китайское военное командование самовольно отправляло поезда, угрожая железнодорожным бригадам расстрелом в случае отказа. Около двухсот человек пытались окружить квартиру управляющего дорогой. Преследованиям подвергались советские служащие.

21 января А.Н. Иванов издал приказ № 128 о прекращении движения по железной дороге от Харбина до Куанченцзы, тем более что в результате действий китайской военной администрации работа всей Южной ветки КВЖД была парализована. Китайцы пошли на дальнейшее обострение конфликта. 22 января они арестовали управляющего дорогой Иванова. Милитарист Чжан Цзолинь приступил к захвату дороги. Штаб китайских охранных войск пытался организовать движение по дороге, набирая для этого ранее уволенных служащих.

22 января 1926 г. советское правительство передало министру иностранных дел Ван Чжэнтин ультимативные требования, по которым китайские власти в трехдневный срок должны были полностью восстановить порядок на КВЖД и освободить Иванова. В случае же отсутствия у пекинского правительства возможностей «обеспечить в мирном порядке разрешение этих вопросов» Москва просила разрешить Советскому Союзу «собственными силами обеспечить осуществление договора и защитить обоюдные интересы СССР и Китая».

Такая жесткая позиция советского правительства вынудила Чжан Цзолиня пойти на переговоры. 24 января 1926 г. в Мукдене генконсул СССР Краковецкий и комиссар китайского МИДа Гао Цинхэ подписали соглашение об освобождении А.Н. Иванова (на следующий день он был освобожден), о восстановлении нормального сообщения на железной дороге (29 января возобновилось движение на Южной линии) и о производстве китайских военных перевозок по ранее существовавшим правилам (за половину нормального тарифа и в кредит за счет доли прибыли с КВЖД китайской стороне).

Как уже говорилось, конфликт был не политическим и не идеологическим, как стремилась представить советская пресса, а чисто коммерческим. Китайские милитаристы крайне нуждались в средствах, а их можно было получить за счет конфискации имущества дороги.

Еще в сентябре 1921 г. китайцы через Амур провели на Сунгари речные канонерские лодки «Дзян-Хен», «Ли-Суй» и «Ли-Ци»[202].

2 сентября 1926 г. китайские канонерки под командованием адмирала Шена прибыли в Харбин и захватили там суда, принадлежавшие КВЖД. Причем четыре русских парохода были вооружены и введены в качестве канонерок в состав Сунгарийской флотилии.

В 1927 г. мукденские власти продолжали бесчинствовать: ими был произведен обыск в Союзе железнодорожников, а затем в советском торгпредстве в Харбине, закрыта контора советского общества «Транспорт» и т.д. В 1928 г. произошел захват телефонной станции КВЖД. В конце мая 1929 г. был произведен налет на генеральное консульство СССР в Харбине.

В начале июля 1929 г. на станцию Пограничная прибыло 10 эшелонов с китайскими войсками (до 6 тыс. человек), 44 орудия и 4 бронепоезда. Китайские солдаты стали грабить советских железнодорожных служащих и издеваться над ними. Среди бела дня солдатами была публично изнасилована 14-летняя девочка — дочь железнодорожного служащего.

Наконец, 10—11 июля китайцы захватили силой КВЖД. Руководящие советские работники на железной дороге были отстранены от должностей, произошли многочисленные аресты советских граждан в Маньчжурии.

Советское правительство отозвало из Пекина всех своих дипломатических, консульских и торговых представителей, а также всех советских работников КВЖД. Гоминдановскому послу в Москве было предложено выехать из СССР. Железнодорожная связь с Маньчжурией была прервана.

Одновременно вдоль всей китайской границы начались набеги белогвардейских банд[203] на советскую территорию. Причем действия банд в ряде случаев прикрывались регулярными китайскими войсками.

Приведу несколько примеров бандитских нападений на советскую территорию. В 3 часа утра 12 августа 1929 г. банда Дутова-Позднякова переправилась на лодках через Амур в районе Благовещенска, напротив китайского поселка Восемь Балаганов (китайское название Лобэй). Бандитов попытался перехватить пограничный катер, но с китайского берега по нему был открыт интенсивный огонь, и катер вынужден был отойти. Ему на помощь подошел монитор «Ленин». С 6 часов утра до 8 часов 20 минут «Ленин» вел артиллерийский огонь по китайскому берегу. После того как огневая точка противника была подавлена, монитор подошел к берегу и высадил небольшой десант. Десантники отогнали китайцев на 8 км от реки, а затем вернулись обратно. Потери противника неизвестны, а у нас был один раненый — комвзвода Лихобабин.

Но, судя по всему, китайцы не унялись, и 13 августа Восемь Балаганов обстреливали уже мониторы «Ленин» и «Свердлов», а также бронекатера. На китайский берег был высажен 76-й полк.

После мобилизации местного населения в распоряжении Чжан Цзяо-лина

оказалась Мукденская армия численностью около 300 тыс. человек и белогвардейские отряды общей численностью около 70 тыс. человек. В начале октября 1929 г. войска Чжан Цзяо-лина сосредоточились на четырех направлениях: в районах станций Маньчжурия, Хайлар, Цицикар; на благовещенском направлении; в районе устья рек Сунгари (Лахасу¬су, Фугдин) и в Приморье.

Для разгрома войск противника на советско-китайскую границу из Сибирского военного округа были переброшены: в Забайкалье, в район Даурия, — 18-й стрелковый корпус; в Приморье, в район Никольск-Уссурийский, — 19-й стрелковый корпус. Впоследствии в район Чита — Даурия были подтянуты 21-я и 12-я стрелковые дивизии, а в район сосредоточения Забайкальской группы — рота танков МС-1. ВВС Отдельной Дальневосточной армии к началу конфликта состояли из Забайкальской и Дальневосточной авиагрупп. В Забайкальскую авиагруппу входило около сорока самолетов, в основном Р-1. В составе Дальневосточной авиагруппы было 69 самолетов, большинство которых также составляли самолеты Р-1. Кроме того, в Дальневосточной группе имелось несколько бомбардировщиков ТБ-1 и истребителей «Мартинсайд».

Из этих войск приказом Реввоенсовета СССР от 7 августа 1929 г. была образована Особая Дальневосточная армия, в состав которой вошла также Амурская речная военная флотилия. Командующим Особой Дальневосточной армией был назначен кавалер четырех орденов Красного Знамени Василий Константинович Блюхер.

С лета 1929 г. большинство кораблей Сунгарийской флотилии находились на рейде у города Лахасусу. В устье Сунгари было выставлено заграждение из 60 гальванических и гальваноударных мин. Мины были поставлены и на двух протоках, соединяющих Сунгари с Амуром. Выше минных полей были установлены боновые заграждения, которые почти полностью перекрывали плёс реки и ее проток. В качестве дополнительного заграждения у входа в протоки стояли груженные камнем баржи, подготовленные в случае необходимости к затоплению.

Наши официальные источники утверждают, что еще в сентябре 1929 г. китайцы из Сунгари в Амур стали пускать плавающие мины.

Советское правительство приняло решение нанести решительный, но ограниченный удар по китайским войскам, находившимся в районе КВЖД. Боевые действия Особой Дальневосточной армии начались Сунгарийской наступательной операцией. Целью операции являлось уничтожение Сунгарийской военной флотилии и разгром китайских войск в районах городов Лахасусу и Фугдин. Задача разгрома лахасусской группировки китайцев и Сунгарийской флотилии была возложена на Амурскую военную флотилию с приданным ей 2-м батальоном Волочаевского стрелкового полка и на 2-ю стрелковую дивизию.

В ночь на 12 октября советские корабли подошли непосредственно к устью Сунгари и стали по диспозиции.

В 6 часов 12 минут мониторы «Ленин», «Свердлов» и «СуньЯтсен» открыли огонь по кораблям Сунгарийской флотилии. Монитор «Красный Восток» начал обстрел береговых укреплений и батарей противника в районе деревень Могонхо и Чичиха. В течение 20 минут «Красный Восток» подавлял двухорудийную батарею противника в деревне Чичиха. Затем он перенес огонь на канонерскую лодку «Дзян-Пин» и спустя 10 минут потопил ее. На 20-й минуте боя монитор «Свердлов» потопил канонерскую лодки «Ли-Дзи», а через несколько минут меткими залпами повредил канонерку «Ли-Суй» и поджег пароходы «Дзян-Тай» и «Дзян-Най».

Повреждений «Свердлов» не получил, но в ходе стрельбы из строя по техническим причинам вышла система электропитания. На корабле погас свет. Прислуга орудий была вынуждена перейти на ручную подачу и наведение орудий. Но это не повлияло на ход боя.

Два снаряда с монитора «Сунь Ятсен» попали в пароход «Дзян-Тай» и вызвали взрыв его порохового погреба. Пароход, объятый пламенем, пошел ко дну. После этого артиллеристы «СуньЯтсена» заставили замолчать плавбатарею «Дун-И».

С кораблей Амурской флотилии на берег высадился десант 2-й стрелковой дивизии. Выбив китайцев из прибрежных укреплений, десантные части, поддержанные огнем корабельной артиллерии, продвинулись к городу Лахасусу. Высадившийся первым 5-й стрелковый полк подошел к городу с северо-востока. 6-й стрелковый полк сломил сопротивление противника и глубоким маневром подошел к Лахасусу с юга. В город советские войска ворвались одновременно со всех сторон и завязали бой на улицах.

Между тем десант в составе 2-го батальона Волочаевского полка и взвода моряков, высадившись с минного заградителя «Сильный» в районе деревень Могонхо и Чичиха, сразу же перешел в наступление и, несмотря на противодействие противника, стремительным ударом выбил его из укрепленных позиций и прижал к реке Сунгари. К 15 часам десант, сломив сопротивление китайцев, овладел городом и крепостью Лахасусу.

Тральщики, протралив проход под правым берегом, дали возможность канонерским лодкам и бронекатерам выйти на Лахасусский рейд. В результате боя береговые укрепления вокруг Лахасусу были разрушены. По советским данным, китайцы потеряли 4 корабля, 200 человек убитыми, 98 пленными. В качестве трофеев были взяты плавбатарея «Дун-И», четыре баржи, два мотокатера, 12 орудий, 13 бомбометов, 15 пулеметов и около трехсот винтовок. Около 2200 китайских солдат и офицеров разбежались по окрестностям.

После сражения у Лахасусу советское правительство предложило китайским властям вступить в переговоры, но получило отказ.

Китайцы начали сосредотачивать крупные силы в районе города Фугдин. Это был второй после Лахасусу мощный укрепленный район китайцев.

После боя у Лахасусу у китайцев остались лишь канонерская лодка «Киан-Хын», три вооруженных парохода («Дзян-Най», «Дзян-Тунь» и «Дзян-Ань») и вооруженный транспорт «Ли-Чуань», ушедшие во время боя вверх по Сунгари. Но сухопутных сил у Фугдина противник сосредоточил намного больше, чем у Лахасусу. К тому времени здесь находились 7-я и 9-я гиринские пехотные бригады, эскадроны 43-го кавалерийского полка, а также вооруженные дружины и отряд полиции. Сюда же срочно перебрасывались из города Сань-Син два кавалерийских полка и ряд других воинских частей. На всем пути от Лахасусу до Фугдина гоминдановцами были уничтожены все мосты, а в 14 км от Фугдина оборудованы довольно сильные артиллерийские позиции и линии окопов протяжением в 13 км. Укреплялся и сам город с расчетом на возможные уличные бои.

Реввоенсовет Особой Дальневосточной армии решил провести операцию по разгрому Фугдинского укрепленного района. Она возлагалась снова на Амурскую флотилию во взаимодействии со 2-й стрелковой дивизией, 5-м Амурским и 4-м Волочаевским полками.

Корабли флотилии, выделенные в эту операцию, были разделены на две группы. Первая, ударная, группа получила задачу прорваться на Фугдинский рейд и уничтожить корабли противника вместе с их базой. В состав этой группы вошли мониторы «Красный Восток» и «Сунь Ятсен», канонерские лодки «Красное Знамя», «Пролетарий», «Бурят», два тральщика, минный заградитель «Сильный» и бронекатер «Барс». Действиями ударной группы руководил командующий флотилией. Вторая группа должна была высадить десант в районе села Тузаки и быстрым комбинированным ударом занять город и крепость Фугдин. Во вторую группу входили монитор «Свердлов», канонерская лодка «Беднота», катера и пароходы транспортного отряда, имевшие на борту 5-й Амурский полк, два батальона 4-го Волочаевского полка и эскадрон кавалерии. Группой командовал командир 2-й стрелковой дивизии.

Монитору «Ленин» была поставлена самостоятельная задача: следовать за ударной группой, войти вместе с ней на Лахасусский рейд и высадить в городе корабельный десант, обеспечив таким образом тыл советских кораблей и частей, продвигавшихся вверх по Сунгари.

К 5 часам утра 30 октября 1929 г. корабли ударной группы заняли исходное положение на траверзе деревни Могохно. В 5 часов 30 минут они двинулись походным ордером: впереди группа тральщиков, за ними канонерские лодки «Бурят», «Красное Знамя», «Пролетарий», мониторы «Красный Восток», «Сунь Ятсен» и минный заградитель «Смелый». Последним шел монитор «Ленин». Тральщики одновременно с тралением делали промеры глубин и обвехование фарватера.

Войдя на Лахасусский рейд, «Ленин» высадил десант, который вступил в город Лахасусу.

Вторая группа кораблей начала движение в 8 часов 45 минут. Впереди шел монитор «Свердлов», за ним канлодка «Беднота» и три парохода. Все они вели на буксире по три баржи. Строй замыкал пароход «Даурия» с баржой на буксире.

Корабли благополучно миновали перекат «Восьмерка». Здесь командование решило высадить десант не в деревне Тузаки, как планировалось, а подойти ближе к Фугдину. В 14 часов 30 минут на траверзе деревни Фанзятунь тральщики обнаружили заграждение, около которого маневрировали китайские корабли. Заметив советскую флотилию, они стали поспешно отходить вверх по Сунгари. В 15 часов наши тральщики и канонерки подошли к заграждению. В это время по ним открыла огонь канонерская лодка «Киан-Хын». Но снаряды ложились с большим недолетом. Командир бронекатера «Барс», подойдя к заграждению, установил, что оно состоит из семи затопленных барж с железными фермами на палубе и двух пассажирских пароходов, которые хотя и имели большой крен на правый борт, но еще находились на плаву. Между затопленными баржами обнаружились небольшие проходы. В связи с наступившей темнотой наши корабли приостановили движение и встали на якорь.

Рано утром 31 октября начался бой, который продолжался весь день. С рассветом советские бронекатера и тральщики произвели разведку и траление. По протраленным проходам двинулись остальные корабли. Китайцы с укреплений в селении Гирин обстреляли наши корабли артиллерийским и минометным огнем. Тральщики вынуждены были лечь на обратный курс, а китайцы перенесли огонь двух своих батарей на канонерки «Красное Знамя» и «Пролетарий», которые, в свою очередь, также открыли артиллерийский огонь по противнику. Но подавить огонь китайских батарей канонеркам не удалось, и они вынуждены были отойти. Тогда в бой вступили мониторы и быстро заставили замолчать противника.

Десантный батальон, высаженный минным заградителем «Сильный», начал в 13 часов наступление в сторону Фугдина. Китайцы отчаянно сопротивлялись. В 15 часов на берег высадились 5-й стрелковый полк и кавалерийский эскадрон, которому предстояло глубоким обходом Фугдина отрезать пути отступления противника. Десантные части успешно продвигались вдоль берега и, несмотря на серьезное сопротивление китайцев, к шести часам вечера заняли восточную окраину Фугдина. Приблизительно в это же время остальные советские части захватили западную часть города. Китайцы отступали, отчаянно сражаясь за каждую улицу. К восьми часам вечера весь город контролировался советскими частями.

В бою 31 октября 1929 г. гидросамолеты 68-го отряда совершили девять боевых вылетов в районе Фугдина. Два са-

молета МР-1 потопили канонерскую лодку «Киан-Хын». У китайцев во всей Маньчжурии имелось только пять самолетов типа «Бреге», и они ни разу за все время конфликта не появлялись над полем боя.

Ликвидировав группировку противника в районе Фугдина, советские войска и корабли вернулись в Хабаровск. 6 ноября все участвовавшие в операции суда прибыли в Осиповский затон. Только монитор «Красный Восток» сел на мель на Амуре, в 150 м от китайского берега, попытка снять его с мели не удалась, и монитор вместе с экипажем пришлось оставить там на зимовку.

Наиболее серьезное в ходе этого конфликта наступление советских войск было проведено в районе железнодорожных станций Далайнор и Маньчжурия. Целью Далайнор-Маньчжурской операции являлся разгром забайкальской группировки противника, располагавшейся в двух укрепленных районах — у станций Далайнор и Маньчжурия. Общая численность китайских войск в этих районах составляла 15—17 тысяч человек.

Для разгрома этой группировки была создана Забайкальская группа Отдельной Дальневосточной армии в составе 21-й Пермской стрелковой дивизии, 5-й кавалерийской бригады, Бурят-Монгольской кавалерийской дивизии, отдельной танковой роты, 6-го и 25-го авиаотрядов, 26-й бомбардировочной авиаэскадрильи, 18-го артдивизиона корпусной артиллерии, 18-го саперного батальона и одной железнодорожной роты. Всего группа насчитывала 6091 штык и 1599 сабель при 88 орудиях, 32 самолетах, трех бронепоездах и девяти танках Т-18 (МС-1). (Осенью 1929 г. в район Читы прибыло десять танков Т-18, один их которых был сильно поврежден при разгрузке и разобран на запчасти для ремонта остальных танков.) Командовал Забайкальской группой С. Вострецов при общем руководстве В.К. Блюхера.

В районе станции Далайнор гоминдановцы выстроили полевые укрепления. Дорогу на Абагайтуевский перерезали три линии окопов полного профиля, между которыми были надежные блокгаузы с перекрытиями из рельсов и шпал, засыпанные сверху метровым слоем земли. С южной и восточной сторон имелось только две линии окопов, а с восточной местами вообще одна. На направлении главного удара китайцы вырыли трех-четырехметровые противотанковые рвы глубиной до 2,5 м, чтобы заградить путь советским танкам и бронемашинам. Ключевой позицией в этом районе была высота 269,8, прикрывавшая подступы к станции с востока.

Наступление было начато 17 ноября 1929 г. К вечеру 20 ноября наши войска выполнили поставленную перед ними задачу, разгромив китайскую группировку в районе станций Маньчжурия и Далайнор. Советские войска захватили в плен свыше 8 тысяч солдат и 300 офицеров Мукденской армии. Только личным составом 35-й стрелковой дивизии в период боев с 17 по 19 ноября было взято в плен

42 офицера и 998 солдат противника. Там же после окончания боевых действий было захоронено 1035 убитых китайских солдат и офицеров.

Преследуя остатки разбитых частей Мукденской армии, советские войска 27 ноября 1929 г. заняли Хайлар.

Большое впечатление на китайцев произвели наши танки МС-1, хотя действовали они довольно бестолково. Ни один китайский снаряд не попал в наши МС-1. Лишь одна машина была повреждена ручными гранатами. Выяснилось очень слабое действие 37-мм осколочного снаряда танковой пушки. Поэтому в дальнейшем руководство РККА решило перевести все танковые и противотанковые пушки с калибра 37 мм на 45 мм.

В свою очередь на советское командование большое впечатление произвели 81-мм минометы Стокса-Брандта (созданные по схеме мнимого треугольника), интенсивно применявшиеся китайцами. Немедленно несколько трофейных минометов отправили на наши полигоны. Замечу, что до этого у нас для минометов использовались принципиально иные схемы (в основном глухая схема, унитарный ствол и т.д.). На базе китайского 81 -мм миномета группой «Д» под руководством Н.А. Доровлева был создан в 1931 г. первый советский миномет по схеме мнимого треугольника.

С некоторой натяжкой можно сказать, что конфликт из-за КВЖД был первой локальной войной, проведенной Советским Союзом.

В конфликте в среднем за октябрь-ноябрь 1929 г. участвовали 18 521 советский боец и командир. Потери были умеренные: убиты 143, пропало без вести 4, ранены и контужены 665 человек. Основные потери понесли стрелковые части. Кавалерия потеряла 11 человек убитыми и 7 ранеными. Амурская флотилия не имела ни одного убитого и лишь четверых раненых, да и то трое из них получили ранения при разрыве собственного орудия при стрельбе. На авиационные отряды, участвовавшие в боевых действиях, пришелся всего один раненый.

1 декабря 1929 г. маньчжурское правительство Чжан Цзяо-лина вынуждено было начать переговоры о мире, а 22 декабря в Хабаровске состоялось подписание советско-китайского соглашения о восстановлении прежнего положения на КВЖД. После этого советские войска были отведены из Маньчжурии.

Несколько слов стоит сказать и о международной реакции на конфликт. США и Франция встали на сторону Китая и подстрекали его к продолжению боевых действий. Уже в ходе переговоров в Хабаровске США предложили свои услуги в качестве посредника. На что советское правительство в официальной ноте высказало удивление, почему США, не установившие дипломатических отношений с СССР, считают уместным обращаться к советскому правительству с «советами». Но самой важной для СССР была, разумеется, позиция Японии.

В последующие годы по вполне понятным причинам советские историки утверждали, что-де японцы поддерживали китайцев. Но вот в секретной сводке ОГПУ по Дальнему Востоку от 22 июня 1929 г. сказано: «Японский консул в Маньчжурии Кавамото в разговоре с управляющим дороги ст. Маньчжурия, интересуясь, действительно ли советские учреждения, в том числе и Забайкальской железной дороги, эвакуируются из Маньчжурии, говорил, что китайцев нужно проучить и что советским войскам нужно скорее занять дорогу».

В другой сводке ОГПУ отмечалось: «Настроение китайских солдат неважное, наблюдаются случаи дезертирства. Подкрепления прибывают слабо, так как японцы препятствуют пропуску воинских эшелонов через Чаньчунь».

Эти, а также ряд других эпизодов говорят о том, что Япония держала в конфликте нейтралитет, благожелательный для СССР

Мукденские власти, получив хороший урок, подписали 3 декабря 1929 г. протокол о восстановления «статус-кво» на КВЖД. Но, увы, в 1931 г. японские войска оккупировали Маньчжурию. А 9 марта 1932 г. японцы заявили о создании в Маньчжурии марионеточного государства Маньчжоу-Го. Пу-И был назначен регентом, а 1 марта 1934 г. — императором Маньчжоу-Го.

29 августа 1932 г. японский посол Хирота в беседе с наркомом иностранных дел Караханом поднял вопрос о продаже КВЖД Японии. В ответ замнаркома предложил не ограничиваться разрешением отдельных вопросов, а урегулировать сразу все отношения между СССР и Японией путем заключения общего соглашения (пакта). Советским дипломатам удалось почти три года «тянуть резину» с продажей КВЖД. Однако 23 марта 1935 г. они были вынуждены заключить соглашение о продаже КВЖД по бросовой цене, почти в 5 раз дешевле нижней границы ее реальной стоимости.

Соглашение это состояло из 14 статей, подробно регламентировавших порядок передачи дороги, выплаты выкупной суммы и поставок товаров. В соглашении ничего не говорилось о праве собственности СССР на КВЖД, а употреблялась общая формулировка «все права», которые Советский Союз уступал за 140 млн иен правительству Маньчжоу-диго. Договор вступал в силу в день подписания, поэтому в статье 3 все старшие должностные лица администрации КВЖД сразу же освобождались от своих обязанностей. Правда, их могли привлечь к работе в качестве советников при новой администрации сроком на один месяц. Служащие КВЖД после их увольнения имели право оставаться в Маньчжоу-диго в течение двух месяцев для устройства личных дел (по советскому меморандуму от 3 июля 1933 г. предполагалась «замена советских рабочих и служащих в течение не менее 2 лет»).

7-я и 8-я статьи соглашения регламентировали сложный механизм выплаты правительством Маньчжоу-диго денежной части выкупной суммы —

46 700 тыс. иен. Сразу же выплачивалось наличными только 23 300 тыс. иен. 23 400 тыс. иен с начислением простого процента (3 % годовых) выплачивались в виде казначейских обязательств правительства Маньчжоу-диго. Устанавливалось четыре срока выплаты: 23 декабря 1935 г., 23 сентября 1936 г., 23 июня 1937 г. и 23 марта 1938 г.

Статья 9 определяла еще более сложный порядок поставок товаров советской стороне в счет остальной части выкупной суммы — 93 300 тыс. иен в течение трех лет.

Раздел VII
РУССКАЯ АМЕРИКА

Глава 1
«Колумбы русские»

14 октября 1778 г. знаменитый английский путешественник Джеймс Кук на корабле «Резолюшн» подошел к неизвестному острову у берегов Аляски. Навстречу англичанам с острова двинулись два десятка каноэ с туземцами. Но к великому удивлению «просвещенных мореплавателей» на головной лодке сидел европеец, говоривший на ломаном английском языке. В дневнике Кука он был записан как «Ерасим Грегорев Син Измайлов».

А вот свидетельство другой стороны: Рапорт в Камчатскую Большерецкую Канцелярию Штурманского ученика Герасима Измайлова от 14(25) октября 1778 г.: «По прибытии моем к здешним Алеутским островам сего 1778 г., августа 14 числа, но по задолженности моей вре¬ ченной канцелярии должности к перепи- си здешних народов, имел я отбыть из гавани с острова Уналашки сентября 2-го числа на остров Умнак, Четырех сопок и протчие. А по прибытии моем, сентября 23 числа, прибыли на тот же остров Уна¬ лашку, и стали не в дальнем расстоянии от гавани моей, на полунощной стороне в бухту два пакетбота с острову Лондону, называются англичанами. А я, по исправлении своей должности, имел к ним прибыть в крайней скорости, а по прибытии находился трои суток, оказывая к ним ласковость и приветствие».

Итак, Куку не повезло: Алеутские острова и Аляска были «терра инкогнита» только для западноевропейцев, русские же давно вели там хозяйственную деятельность.

История русских открытий в Северной Америке началась в 1648 г., когда кочи казачьих атаманов Семена Дежнева и Федота Алексеева прошли через пролив, отделяющий Азию от Америки. Вскоре на Чукотке был построен Анадыр-

ский острог. А еще раньше, в 1646 г., на западном побережье Сибири в устье реки Охоты было основано русское зимовье, превратившееся в следующем году в Охотский острог, который в 1731 г. был преобразован в первый русский порт на Тихом океане — Охотский порт.

В начале XVIII в. на Камчатке были построены Нижнекамчатский, Верхнекамчатский и Большерецкий остроги. Несколько позже появилась Тигильская крепость.

К началу XVIII в. о походе Семена Дежнева почти забыли, и вот 2 января 1719 г. Петр I писал инструкцию геодезистам Ивану Евреинову и Федору Лужину: «Ехать вам до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куды вам указано, и описать тамошние места, сошлася ль Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать». Евреинов и Лужин не узнали, сошлась ли Америка с Азией. Они только в 1722 г. доставили царю карту Курильских островов. Петр, разумеется, этим не удовлетворился и в 1725 г. написал инструкцию капитану Берингу:«1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами. 2) На оных ботах (плыть) возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля — часть Америки. 3) И для того искать, где оная сошлася с Америкою (с Азиею), и чтоб доехать до какого города европейских владений и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды».

В 1726 г. в Охотске был построен бот «Гавриил», на котором командор Витус Беринг отправился в 1727 г. в свое первое путешествие. В 1728 г. Берингом были открыты залив Креста и остров Святого Лаврентия. Идя вдоль берега, «Гавриил» пошел в пролив, который теперь называется Беринговым. «Гавриил» в Чукотском море достиг широты 67° 18', 16 августа лег на обратный курс и 1 сентября вернулся в Нижнекамчатск.

23 июля 1732 г. бот «Гавриил» вновь вышел из Нижнекамчатска. На сей раз им командовал М.С. Гвоздев. 13 августа бот подошел к мысу Дежнева. 20 августа Гвоздев приказал идти на восток. Подойдя к острову, позже названному в честь Крузенштерна, русские моряки увидели берега Америки. Это произошло 21 августа 1732 г. «Гавриил» направился к этим берегам и вскоре подошел к американской земле в районе теперешнего мыса Принца Уэльского.

Бот пошел на юг и на следующий день подошел к острову Кинга, с которого к боту приезжал чукча. От него Гвоздев многое узнал о Большой земле. Продолжать поход было трудно, поскольку кончались продукты и свежая вода, да и судно требовало ремонта. Матросы просили Гвоздева «о возврате, чтобы возвратиться на Камчатку без обчего согласия, понеже де кормов у них малое число, тако ж де и не могут из судна воды уливать». 27 сентября «Гавриил» с трудом добрался до реки Камчатки.

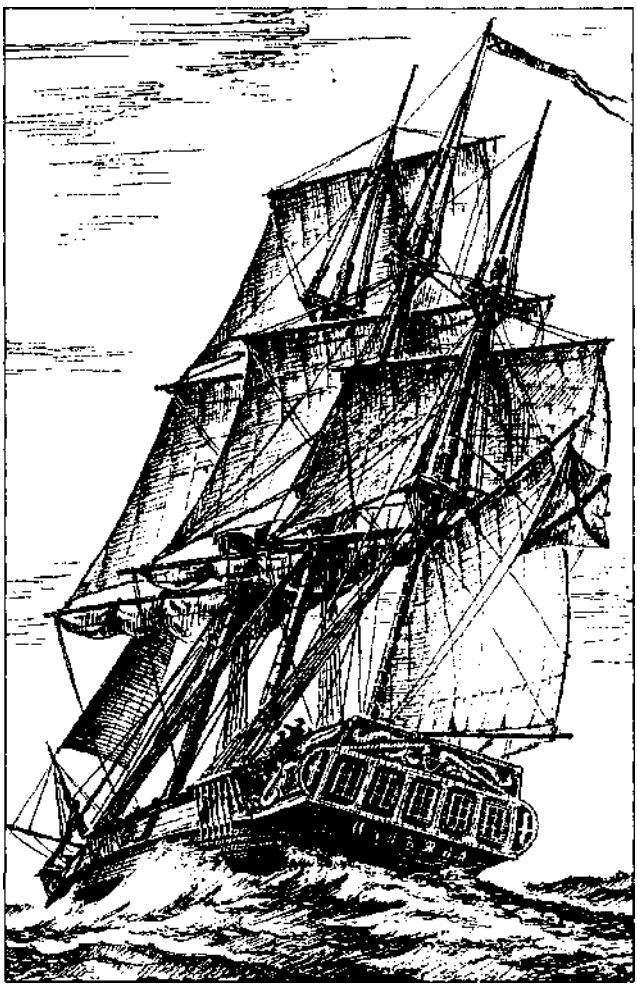
Этот поход можно без преувеличения назвать вторым открытием Америки.

Русские, двигаясь с востока, впервые достигли побережья Северной Америки.

Несколько позже Ломоносов в поэме «Петр Великий» напишет:

Какая похвала российскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду.
Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша досягнет Америки держава...

16 марта 1733 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ об организации второй Камчатской экспедиции, которую историки впоследствии назвали Великой Северной, или Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедицией. Многочисленные ее отряды исследовали берега Азии, искали путь в Японию, исследовали Курильские острова, а один отряд, или собственно вторая Камчатская экспеди-



Шлюп «Надежда». Рис. А. Карелова

ция, должен был исследовать берега Америки.

29 июня и 2 июля 1740 г. на Охотской верфи были спущены на воду два пакетбота, названные «Святой Петр» и «Святой Павел». Это были двухмачтовые суда длиной 24,4 м, шириной 6,7 м и с осадкой 2,9 м, с парусным вооружением брига. Каждый пакетбот был вооружен пятнадцатью пушками: девятью 3-фунтовыми и пятью 2-фунтовыми.

8 сентября 1740 г. оба пакетбота вышли из Охотска и перешли в Авачинскую губу на Камчатке. Там они перезимовали в гавани, которую Беринг назвал Петропавловской. Сейчас на этом месте находится город Петропавловск-Камчатский.

4 июня следующего года пакетботы вышли в плавание на восток. «Святым Петром» командовал В.И. Беринг, он же был и начальником экспедиции, а «Святым Павлом» командовал А.Е. Чириков. 20 июня пакетботы разошлись и дальше вели исследования раздельно.

25 июня Беринг пошел на северо-восток, и 16 июля, когда судно находилось на широте 58° 14', взорам моряков открылись берега Северной Америки. 20 июля «Святой Петр» подошел к острову Каяк. На берег высадился натуралист Г. Стеллер в сопровождении казака Фомы Лепихина. А «для сыскания гавани» был послан штурман С. Хитрово с пятнадцатью матросами. Остров Каяк был назван островом Святого Ильи, то же имя получила и гора, видневшаяся на горизонте.

К 4 ноября 1741 г. от цинги умерли 12 человек команды, а запасы воды и продовольствия заканчивались. 5 ноября пакетбот стал на якорь у острова, названного впоследствии в честь Беринга, и команда перебралась на берег. 28 ноября свежий ветер выбросил пакетбот на берег, и он разбился. Во время зимовки от цинги умерли еще 19 человек, а 8 декабря скончался капитан-командор Беринг. В июле 1742 г. из обломков пакетбота и плавника был построен гукор «Святой Петр». 27 августа 1742 г. гукор прибыл в Петропавловскую бухту под командованием С. Вакселя.

А.И. Чириков на пакетботе «Святой Павел», разойдясь с Берингом, пошел не на юг, а на восток, затем — на северо-восток. 15 июля 1741 г. моряки увидели землю. Чириков записал в журнале: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли на дрейф; в 3-м часу стало быть землю свободнее видеть».

Это была Америка. Пакетбот находился вблизи мыса Аддинггон на острове Бейкер, на широте 55°20'. 17 июля Чириков послал с пакетбота к берегу шлюпку со штурманом Авраамом Михайловичем Дементьевым, восемью матросами и двумя толмачами. В течение недели Чириков ждал возвращения шлюпки, а затем послал еще одну шлюпку с четырьмя матросами, но и эта шлюпка бесследно исчезла. Судя по всему, посланные были убиты туземцами.

Чириков еще две недели оставался у берегов Америки, а 6 августа, когда продовольствие закончилось, «Святой Павел»

пошел к Камчатке. На обратном пути были открыты острова Умнак, Уналашка и другие. 20 сентября с острова Адак приезжали на байдарах алеуты. В начале октября был открыт остров Агату. И лишь 22 октября 1741 г. «Святой Павел» вошел в Петропавловскую гавань.

Пока речь шла только о казенных экспедициях и судах военно-морского флота, но уже в 40-х гг. XVIII в. на Аляску и Алеутские острова устремились русские купцы. Так, к примеру, иркутский купец Никифор Алексеевич Трапезников на паях с московским купцом Андреем Чабаевским и сержантом Охотской нерегулярной команды Емельяном Софроновичем Басовым построили шитик[204] «Петр».

Летом 1743 г. шитик пошел на восток и достиг острова Беринга. Промысел оказался удачным, и в 1744 г. Басов возвратился на Камчатку с 1200 шкурами бобров и 4000 шкур котиков, которые были проданы за 64 тысячи рублей.

В 1745— 1746 гг. Басов с купцом Евтихеем Санниковым снова отправился в плавание и промышлял на открытом им острове Медном, где были найдены признаки меди. Компаньоном его по-прежнему был купец Трапезников. В 1747— 1848 гг. и в 1749— 1750 гг. плавания на остров Медный продолжались. В них участвовали Н.А. Трапезников, А. Толстых и Д. Наквасин. На все эти плавания были указы императрицы Елизаветы Петровны. Так, на последнее плавание Е.С. Басова есть указ от 23 декабря 1748 г. посадскому камчадальских острогов Никифору Трапезникову о разрешении совершить такое плавание. В указе также говорится: «.. .а ежели ж увидит на каких, которые вновь наши найдены будут, на незнакомых островах не ясашной народ, которой не под высокодержавною ея и. в. рукою находится не в подданстве, то в подданство призывать ласкою и приветом».

В 1745 г. Н.Трапезников и А. Чабаевский на судне «Святой Евдоким» отправились в новый вояж. Передовщиком шел Яков Чупров, а мореходом — опытный моряк и картограф Охотского порта Михаил Васильевич Неводчиков. 19 сентября 1745 г. «Святой Евдоким» вышел из Нижнекамчатска на юго-восток и вскоре достиг Ближних островов Алеутской гряды. Это были острова Атту, Агату и Семичи. Неводчиков с несколькими охотниками высадился на Агату, затем они перешли на Атту, где и промышляли морского зверя до осени 1746 г. В ходе первой зимовки на Алеутских островах от цинги умерло несколько человек, но промысел был удачным. Добычей зверя больше занимался Чупров, а Неводчиков составлял географические карты и описывал острова. Именно он составил первую карту Ближних Алеутских островов, впоследствии представленную в Сенат, поэтому он и считается первооткрывателем этой группы Алеутских островов.

Промысловые экспедиции на Алеутские острова стали обычным делом. Всего с 1743 по 1797 г. их было не менее девяноста.

С 80-х гг. XVIII в. начинается новый этап хозяйственного освоения Аляски.

Наибольший вклад внесла компания рыльского купца Григория Ивановича Шелихова. В 1781 г. он заключил соглашение с богатым купцом И.Л. Голиковым и его племянником Михаилом об образовании Северо-восточной компании сроком на десять лет. Новым в этом соглашении было то, что компаньоны хотели «основать на берегах и островах американских селения и крепости».

Фрагмент «Карты Шелихова странствования» из книги «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствие...». СПб., 1793

Шелихов на средства компании в устье реки Урик к югу от Охотского порта построил три галиота[205]: «Три Святителя», «Святой Симеон Богоприимец и Анна Пророчица» и «Архистратиг Михаил». 16 августа 1783 г. он отправился на этих галиотах «со 192 работными людьми» к острову Беринга.

12 сентября начался сильный шторм, во время которого галиоты потеряли друг друга из виду. Через два дня «Три Святителя» и «Св. Симеон» встретились у острова Беринга, где и зазимовали.

16 июня 1784 г. галиоты отправились к берегам Аляски и Алеутским островам. На третий день суда разошлись. Тогда Шелихов на «Трех Святителях» пошел к острову Медному, надеясь, что туда же придет и «Св. Симеон». Не дождавшись там «Симеона», Шелихов пошел к Алеутам. «Три Святителя» прошел острова Атха, Амля, Сопочные и 12 июля встретил «Симеона», после чего оба галиота прибыли к Уналашке, где и стояли в Капитанской гавани более двух недель, пополняя запасы свежей воды и продовольствия. Там Шелихов взял с собой двух толмачей и десять алеутов с байдарами.

3 августа галиоты пришли на остров Кадьяк в Павловскую гавань. Аборигены острова — коняги — поначалу встретили путешественников неприветливо. В ночь с 11 на 12 августа коняги «в превеликой толпе» напали на русских. Однако русские были начеку и метким ружейным огнем обратили их в бегство. Никто из команды не был убит или даже ранен.

Затем по приказу Шелихова русские подошли к укрепленному поселению коняг. Ружейный огонь на этот раз почти не произвел впечатления на туземцев, которые ответили градом стрел. Тогда Шелихов приказал выстрелить из двух маленьких полуфунтовых пушек. Всего под стены крепости было доставлено пять таких пушек. После сего, как писал Шелихов, «овладела ими робость», и через несколько минут в туземной крепости не осталось ни одного человека. Русские преследовали бегущих, которые сдавались в плен без сопротивления.

Далее процитирую Шелихова: «Из числа взятых в плен привели мы в гавань более четырехсот душ, распустив прочих на волю. Из пленных выбрал я одного начальника, который по-коняжески называется хасхак, и отдал на конец оному всех пленных в точную команду, снабдя их байдарой, байдарками, сетьми и всем нужным к их жизни; взял однакож в залог верности из детей до 20-ти человек аманатов. Пленные сии похотели жить в 15 верстах от гавани, что и я им позволил. Продолжение времени показало их верными союзниками»[206].

Далее Шелихов писал о конягах: «Почитали они чудом скороспешное строение у нас домов, потому что они над одною своею хижиною трудятся, отесывая доски завостренными железцами несколько лет, — потому почитают они оные великой цены стоющими. Невежество их так велико, что они, когда мы во времена темных ночей выставляли бывшей у меня Кулибинской фонарь, дума-

ли, что то было солнце, которое мы похищали, приписывая и мрачность дней причиною оное...

Я показывал им способность и выгоды российских домов, платье и употребление пищи. Они видели труды моих работных, когда они копали землю на огороде, сеяли и садили семена; по созрении плодов я велел им оныя раздавать, но они, употребляя их, ничего, кроме удивления, не изъявляли. Многих я велел кормить изготовленною работными моими для себя пищею, к чему они крайнюю чувствуют охоту. Таковое мое с ними поведение час от часу более их ко мне привязывало, и они, не зная, чем угодить мне, приводили великим множеством детей своих в аманаты тогда, когда я и не требовал их и когда они не нужны мне были; но я, чтобы не оставлять их в неудовольствии, многих принимал, а других, одарив приличными для них вещами, отпускал.

После таковой их ко мне привязанности старался я познать их богослужение. Я не нашел сердца их зараженными никаким идолопоклонством; они только признают два в мире существа, одно доброе и другое злое, присовокупляя об оных нелепости, достойные понятию совершенной их дикости. Видя сие, зделал я опыт рассказать им, сколько можно проcтее и внятнее, о своем законе. А как увидел величайшее их в том любопытство, то и захотел я воспользоваться сим случаем, и потому, научая любопытствующих в часы свободныя своему закону и к какому ведет он пути, зажег их сердца; словом, до выезду еще моего сделал я христианами 40 человек, кои и крещены были с такими обрядами, какие позволяются без священника»[207].

Шелихов посылал галиоты для исследования близлежащих мест. Они побывали в Кенайском и Чугачском заливах, у острова Афогнак, прошли проливом между островом Кадьяк и Аляской, «не видев во все лето (1785) ни от коняг, ни от чугач и от кенайцев никаких нападений, но еще оныя народы до 20 человек в аманаты...»

Так Шелихов шаг за шагом расширял сферу интересов России на Тихом океане. На северном берегу ближайшего к Аляске острова Кадьяк в Павловской гавани началось строительство крепости и селения. Оттуда было легче плавать к берегам Аляски. Возводились крепости и на острове Афогнаке, и при Кенайской губе. Шелихов, собираясь уходить из Америки после двухлетнего пребывания там, наказывал своим преемникам, в первую очередь енисейскому купцу К. Самойлову, «поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления Российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градусов».

В 1787 г. Шелихов прибыл в Санкт-Петербург Для разбора его плаваний там была создана специальная комиссия в составе Александра Воронцова, Христофора Миниха и Петра Соймонова. Комиссия признала справедливым утверждения купцов Шелихова и Голикова о том, что они истратили на исследования Алеутских островов и Аляски 250 тысяч рублей. Комиссия

предложила императрице выдать Шелихову и Голикову 200 тысяч рублей ссуды на 25 лет беспроцентно. «Таковое со стороны казны знатное пособие подаст способ совершить им начатое, возвратить им употребленные капиталы, а при том, сверх распространения державы вашего величества, казна получит от сбора пошлин и десятин приращение доходов, а частные люди приумножение торговли и промыслов»[208].

Комиссия предложила разрешить русским промышленникам строить на Алеутских островах и Аляске «крепостцы». «Комиссия полагает, чтоб пространство для открытий нашим мореплавателям на море оставить безпредельным, ибо ни один народ новых островов в сей части Тихого моря еще не нахаживал, окроме российских мореплавателей. А в разсуждении матерой земли к югу ограничить их путешествии 55-м градусом широты, около котораго в 1741-м г. капитан Чириков встретил матерую американскую землю. Сие обстоятельство может служить опровержением всех притязаний других держав на земли к северу, от сказанного градуса широты находящиеся, кои по праву перваго открытия безпрекословно принадлежат владению вашего величества. Таковое в пределах ограничивание, на самой строгой справедливости основанное, будет правилом умеренности и для других держав, к таковым заведениям на американском берегу приступающих, ежели не похотят подвергнуть себя следствиям неприятным.

Другая крепостца на 21-м или 22-м из Курильских островов нужна, во-первых, для того что, имея па ней твердое основание, можно с лутчею удобностью всех окрестных жителей в желаемом устройстве содержать, охранять и защищать; во-вторых, подается чрез то самое удобность со временем к заведению с Япониею торга»[209].

Да, членам комиссии не откажешь в прозорливости — торговать с японцами удобнее всего, имея на Южных Курилах «крепостцу».

Увы, императрица оказалась прижимиста и собственноручно начертала на докладе «Комиссии о коммерции о плавании и торговле в Тихом океане»: «Двести тысячи на двадцать лет без проценты... Под достаточной залог или верное поручительство могут занять и в неказне, а в казне теперь нет денег никаких. Подобной заем похожо на предложение тово, которой слона хотел выучить говорить через тридцатилетней срок и, быв вопрошаем, на что такой долгой срок, сказал: либо слон умрет, либо я, либо тот, которой мне дает денег научение слона...

Чтоб Голиков и Шелихов одне торговали в новооткрытые месте, сие прошение есть сущее монополие и исключительное торговле, противное моим правилам. Что оне учредили хорошо, то говорят оне, нихто тамо на место не освидетельствовал их заверение...

Многое распространение в Тихое море не принесет твердых польз. Торговать дело иное, завладеть дело другое»[210].

Екатерине удалось отделаться от Шелихова и Голикова шпагами, украшенными бриллиантами, и медалями. Тут возни-

кает большой соблазн обвинить императрицу в непонимании значения открытий русских моряков и промышленников. Но давайте вспомним, что это было за время. Потемкин только что присоединил Крым, строил города Новороссии и Черноморский флот. Турция и Швеция готовились к войне с Россией.

Так что отдавать 200 тысяч казенных денег Шелихову и Голикову было явно нецелесообразно. Да и антимонопольная политика Екатерины II была более чем разумная. Монополистом может быть только государство, да и только то, которое управляется железной рукой монарха или вождя. Всякая же частная монополия постепенно разваливает дело.

Екатерина II прекрасно понимала трудности сухопутного пути из Центральной России до Охотска и других острогов на берегу Охотского моря. Поэтому она решила послать на Камчатку эскадру из пяти кораблей. Для этого были специально построены два судна — «Холмогор» и «Турухан» и еще три судна — «Сокол», «Смелый» и «Соловей» — куплены в 1786 г. у русских промышленников. Командовать эскадрой был назначен капитан 1 ранга Г.И. Муловский. Он должен был обойти вокруг мыса Доброй Надежды и следовать на Камчатку, а затем — на Аляску. Все новооткрытые малые и большие острова Муловский должен был объявлять владением Государства Российского.

Однако война со Швецией положила конец подготовке первого русского кругосветного плавания. Корабли флотилии Муловского были обращены в транспортные и госпитальные суда Балтийского флота. А сам капитан 1 ранга Муловский назначен командиром 74-пушечного корабля «Мстислав». Он был убит ядром 15 июля 1789 г. в ходе Эландского сражения.

Стоит отметить, что технически возможность совершения кругосветного плавания была вполне реальна во второй половине XVIII в. Причем возможен был проход не только судов с Балтики на Камчатку, но и в обратном направлении. Как военные, так и купеческие галиоты, построенные в Охотске, вполне могли достичь Кронштадта. Другой вопрос, что такая задача им не ставилась. Мореходные качества русских судов подтверждает курьезный случай.

В 1770 г. матушка императрица упекла на Камчатку лихого поляка пана Морица Беневского. Беспокойному шляхтичу житье в Большерецком остроге не понравилось, и он подбил ссыльных и нескольких местных русских жителей устроить бунт. Начальник Большерецкого острога капитан Григорий Нилов был убит, а острог захватили восставшие. 30 июня 1771 г. в Большерецк прибыл галиот «Святой Петр»[211], который немедленно был захвачен Беневским. Далее поляк с 96 сообщниками отплыл с Камчатки на юг, без карт, не зная пути. В итоге Беневский с компанией доплыл до португальской колонии Макао, где продал галиот ее губернатору, а сам оттуда добрался до Парижа.

Глава 2

Создание Российско-Американской компании

Чтобы отвести обвинения в монополизме, купен Шелихов в 1790 г. создает дочерние компании — Предтеченскую, а затем и Уналашкинскую. Тогда на остров Кадьяк был послан новый управляющий Северо-восточной компанией карго¬польский купец А.А. Баранов, и этот выбор оказался очень удачным. Баранов состоял главным правителем русских колоний в Америке 28 лег и сделал очень много для их развития. Это был человек с большим опытом, энергичный, умелый политик либеральных взглядов. Важным событием в жизни русских американских колоний было утверждение в 1794 г. духовной православной миссии во главе с архимандритом Иоасафом, которая сделала очень много для культурного развития края.

В ноябре 1796 г. скончалась Екатерина Великая. На престол взошел Павел 1, решивший делать все наперекор матери. Мать не хотела монополизировать торговлю и промыслы в Русской Америке, и тут сын решил сделать наоборот.

В Охотске и Петропавловске не менее чутко, чем в Петербурге, улавливали перемены при дворе, и вот 7 августа 1797 г. действительный тайный советник князь Куракин объявил президенту Коммерц-коллегии Петру Соймонову о желании иркутских купцов учредить компанию под началом Коммерц-коллегии. Это желание передал иркутский гражданский губернатор Л. Нагель, и 8 сентября того же года последовал указ Павла I: «Господин тайный советник и Иркутский губернатор Нагель. Рапорт ваш от 22 прошедшего июля с приложением списков с договоров учрежденной в Иркутске коммерской Американской компании я получил; и как соединение купцов Голикова, Шелихова и Мыльникова для совместного отправления торговли и промыслов и на американских островах почитаю полезным и оное утверждаю, так и мнение ваше посему случаю изображенное весьма похваляю, пребывая в прочем вам благосклонный Павел».

3 августа 1798 г. в Петербург поступил акт о слиянии Северо-восточной, Северноамериканской, Курильской и Иркутской компаний и образование новой Американской Соединенной компании. Акт подписали двадцать семей купцов, в том числе Н.А. Шелихов, И.Л. Голиков, Н.П. Мыльников, П.Д. Мичурин, И.П. Шелихов, В.И. Шелихов, Е.И. Деларов.

8 июля 1799 г. император подписал два важных указа. Первый —обосновании компании и даруемых ей привилегиях, а по второму указу представитель семьи Шелиховых должен быть обязательно одним из четырех директоров компании. «Жалуя всемилостивейшее сие право из уважения, что муж ея был из первоначальных за водителей сей торговли», — писал Павел в указе.

В указе Сенату об организации Российско-Американской компании говорилось: «Польза и выгоды, проистекающия для Империи нашей от промыслов и торговли, производимых верноподданными нашими по Северовосточному морю и в тамошнем крае Америке, обратили на себя наше монаршее внимание и уважение. Почему принимая в непосредственное покровительство наше составившуюся по предмету оных промыслов и торговли компанию, повелеваем ей именоваться: под высочайшим нашим покровительством Российская Американская компания; и соизволяем, чтоб в подкрепление предприятий сей компании возможныя со стороны военных начальников пособия нашими сухопутными и морскими силами по требованиям ея чинимы были на ея содержании. К руководству же и вящею облегчение и одобрение сей компании составлены для нее правила и содержание всемилостивейше даруемых от нас ей до сего времени на двадцать лет привилегий. Оба сии нами утвержденныя постановления, равно как и Акт учиненный в Иркутске 3-го августа 1798-го года между существующими ныне компаньонами, удостоившихся нашего благопризнания во всех его статьях, которыя оными правилами не отменены, препровождая в сенат наш, повелеваем, заготовя по содержанию помянутых привилегий подлежащую грамоту взнесть ее к подписанию нашему, и учинить вообще все зависящие от него распоряжения. Павел»[212].

Указ этот был опубликован 19 июля 1799 г., а затем вышли «Правила» и «Привилегии» Российско-Американской компании, основными из которых явились монопольное право промыслов, торговли, поселений, торговых связей с другими государствами и др. Очень важным было право дирекции Российско-Американской компании приглашать на службу офицеров флота, которым служба в компании засчитывалась в стаж действительной службы.

Первыми директорами компании были Д.Н. Мыльников, Я.Н. Мыльников, С.А. Старцев и М.М. Булдаков. 2 декабря 1799 г. Верховное правление в Петербурге над Российско-Американской компанией по указу Павла I перешло к зятю Шелихова Н.П. Резанову. Он был избран «главным правлением ея в уполномоченныя корреспонденты... возлагая на него во всем пространстве данной ему доверенности и высочайше дарованных нами привилегий ходатайствовать по делам компании во всем, что к пользе ея и сохранению общего доверия относиться может». Теперь Н.П. Резанов стал доверенным лицом компании при дворе в Петербурге.

Главному правлению Российско-Американской компании в Петербурге и ее представителю А.А. Баранову давались широкие полномочия. Да и капитал компании, составлявший на 1 января 1800 г. 2 634 356 рублей 57 $^{3}/_{4}$ коп. и состоявший из 724 акций стоимостью 3638 руб. 61 $^{1}/_{4}$ коп. каждая, позволял надеяться на быстрые и значительные преобразования в Русской Америке и рассчитывать на крупные прибыли.

Любопытно, что точные границы владений Российско-Американской компании к началу XIX в. не были определены. Так, например, глава духовной миссии на Кадьяке отец Иоасаф на запрос Синода в 1799 г. «Как далеко распространяется владение российских по берегу, какою границею оно отделяется и на сколько верст простирается внутрь берега?» в 1800 г. ответил: «Не упоминая о всей Алеутской гряде, которая уже издавна повинуется Российскому скипетру; мыс Америки Аляска, Шумагинские острова, Кадьяк с принадлежащими к нему островами, на самой Америке Кенайская и Чугацкая губы и Берингов Якутатский залив полностью заняты, и введен всюду благоустроенный к обоюдным с жителями выгодам порядок. Промыслы же компаниею производятся до островов Ситки, на коем и гора Ешом [Эджкомб] от англичанина именуемая, торговля и описание берегов на норд-ост и ост, простерты до того самова места, где приставал прежней экспедиции в 742 г. российский мореход Чириков и оставил квартирмейстера Де¬меньтьева в 12 человеках; а границ никаких еще до самой Нотки или зимовья короля Георгия положено не было».

Указом от 19 октября 1800 г. Павел I повелел, чтобы Главное управление Российско-Американской компании находилось в столице империи. Естественно, это затрудняло управление факториями, но зато укрепляло связи с правительством.

К 1799 г. Российско-Американская компания располагала большой флотилией мореходных судов, в которую входили «Архистратиг Михаил», «Три Иерарха», «Великомученица Екатерина», «Святой Симеон Богоприимец и Анна Пророчица», «Северный Орел», «Фе¬никс», «Дельфин», «Пегас» и «Олег».

Следует заметить, что помимо частных купеческих судов на Тихом океане к этому времени имелась и военная флотилия из нескольких десятков судов. Так, с 1761 по 1801 г. в Охотске были построены для Сибирской военной флотилии 11 галиотов, 8 бригантин, 4 больших бота и 7 разных транспортных судов.

Суда Сибирской военной флотилии регулярно перевозили грузы Российско-Американской компании, а суда компании были вооружены пушками и при необходимости могли участвовать в морских боях.

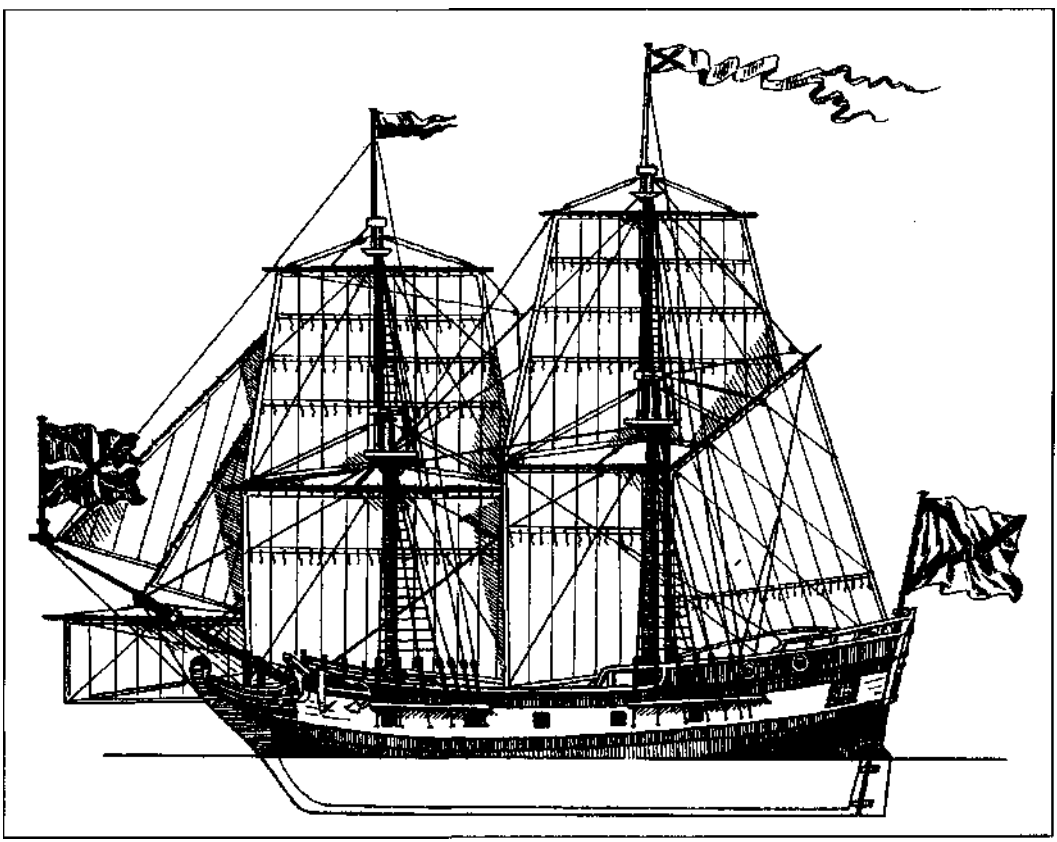
Правительство Александра I неоднократно выдавало Российско-Американской компании большие ссуды. Так, в царском указе от 10 июня 1803 г. говорится, что «сверх выданной по Указу нашему от 13 августа 1802 года суммы для подкрепления Российско-Американской компании, повелеваем выдать еще оной компании заимообразно под расписку ее директоров из государственного заемного банка сто пятьдесят тысяч рублей на восемь лет с платежом узаконенных процентов».

В 1799 г. 29-летний лейтенант Иван Федорович Крузенштерн представил в Морское министерство проект кругосветного плавания с целью доставки необходимых предметов снабжения на Кам-

чатку и Аляску. Однако Павел I отклонил проект.

После смерти Павла морской министр Н.С. Мордовин и министр коммерции граф Н.П. Румянцев заинтересовались планом кругосветного путешествия. Замечу, что оба были пайщиками Российско-Американской компании.

В конце 1802 г. тридцатилетний лейтенант Юрий Федорович Лисянский был послан в Англию для закупки двух шлюпов для кругосветного плавания. В начале 1803 г. он закупил два судна постройки 1795 г. и 1800 г. водоизмещением 450 т и 370 т соответственно. В Кронштадт их доставили британские команды. Первый шлюп получил название «Надежда», второй — «Нева». Они были вооружены, соответственно, 16-ю и 14-ю пушками среднего и малого калибра. Покупка обоих шлюпов в Англии обошлась в 17 тысяч фунтов стерлингов, и еще ремонт их в 5 тысяч фунтов стерлингов. Интересно, что деньги на снаряжение «Надежды» были отпущены по указанию Александра I из казны, а за снаряжение «Невы» платила Российско-Американская компания.



Пакетбот «Святой Павел»

Оба шлюпа формально принадлежали Российско-Американской компании и не входили в состав Военно-морского флота России. Так что первое русское кругосветное плавание совершили не русские военные моряки, как писали советские историки, а частная фирма.

26 июля 1803 г. оба шлюпа покинули Кронштадтский рейд. «Надеждой» командовал капитан-лейтенант Крузенштерн, а «Невой» — капитан-лейтенатЛисянкий. На борту «Надежды» находился камергер Н.П. Резанов, который должен был попытаться завести дипломатические и торговые сношения с Японией. Для проведения научных изысканий от Академии наук были командированы астроном Горнер и естествоиспытатели Лангсдорф и Тилезиус. Кроме того, на свою беду Крузенштерн взял с собой 21 -летнего гвардии поручика Федора Ивановича Толстого. Вообще говоря, должен был ехать его двоюродный брат двадцатилетний Федор Петрович, но тот отказался, а Федору Ивановичу грозила Петропавловская крепость за несколько кровавых дуэлей. Отчеств тогда в Морском ведомстве обычно не писали, и Крузенштерн, видимо, не понял, какой Федор Толстой отправляется с ним в плавание.

26 июля 1803 г. экспедиция Крузенштерна покинула Кронштадт. Кругосветное плавание началось через Копенгаген, Фальмут, Тенериф к берегам Бразилии, затем вокруг мыса Горн. Экспедиция достигла Маркизских островов (французская Полинезия) и к июню 1804 г. — Гавайских островов. Здесь корабли разделились — «Надежда» с Крузенштерном отправилась на Камчатку, а «Нева» с Лисянским — к американскому континенту на остров Кадьяк, куда прибыла 13 июня 1804 г.

Там Лисянский узнал, что в 1802 г. туземцы под предводительством американских матросов взяли Архангельское укрепление и перебили там всех жителей. Как писал Отто Коцебу: «...однажды ночью оставленный Барановым гарнизон, считавший себя в совершенной безопасности, подвергся внезапному нападению большого числа колошей. Они проникли в крепость, не встретив никакого сопротивления, и с безмерной жестокостью умертвили всех ее обитателей. Лишь нескольким алеутам, находившимся в это время на охоте, удалось спастись. Проплыв на своих байдарах по открытому океану до острова Кадьяк, они принесли известие об уничтожении поселения на Ситхе»[213].

Правитель Баранов воспользовался прибытием «Невы», «он сам снарядил три судна и в сопровождении "Невы" направился в Ситху. Когда колоши узнали, что вернулся "богатырь Нонок", как они называли Баранова, ими овладел такой страх, что они, даже не попытавшись помешать высадке русских на берег, тотчас отступили в свое укрепление. Последнее представляло собой обширный четырехугольник, окруженный частоколом из толстых высоких бревен, и имело небольшие укрепленные ворота, а также амбразуры для ружей и фальконетов, которыми осажденные были снабжены американцами.

Эта деревянная крепость, в которой находилось около 300 воинов со своими семьями, оборонялась в течение нескольких дней. Однако, после того как русские тяжелые орудия пробили брешь в частоколе и осажденные поняли, что он уже не может служить им защитой, они вступили в переговоры и в знак повиновения выдали в качестве заложников сыновей нескольких вождей. Несмотря на то, что мир был уже заключен и колошам была предоставлена возможность свободно удалиться, они все же не доверяли русским, а потому незаметно ушли ночью, предварительно убив своих стариков и детей, которые могли бы задержать их бегство. Лишь утром было обнаружено это ужасное преступление, совершенное извергами, которые настолько не доверяли русским, что судили о них по себе»[214].

В 1804 г. Баранов рядом с разрушенным поселением Архангельское на высоком холме построил крепость Ново-Архангельск, ставшую столицей Русской Америки (ныне г. Ситка) Между тем 26 сентября 1804 г. «Надежда» прибыла в Нагасаки. В Японии Крузенштерн был вынужден задержаться до 5 апреля 1805 г. из-за недоверчивости и крайней медлительности японцев, в конце концов категорически отказавшихся принять русского посла. Возвращаясь с Н.П. Резановым на Камчатку, Крузенштерн решил пойти Японским морем, в то время почти неизвестным мореплавателям. На этом пути были исследованы часть западного берега острова Нипона и весь западный берег Матсамая, южный и половина восточного берега Сахалина и определено положение многих островов.

Придя в Петропавловский порт и высадив Резанова, Крузенштерн вернулся к Сахалину, закончил исследование его восточного берега и, обогнув остров с севера, дошел до Амурского лимана, откуда 2 августа 1805 г. вернулся на Камчатку. Пополнив запасы и подремонтировав «Надежду», Крузенштерн отправился из Петропавловска к берегам Китая.

Погрузив на «Неву» товары Российско-Американской компании, Лисянский 1 сентября 1805 г. отправился в Кантон, где в начале декабря встретился с «Надеждой». Успев продать в Кантоне пушнину и закупив китайские товары, оба корабля направились в обратный путь вокруг мыса Доброй Надежды.

В конце апреля 1806 г. корабли разминулись, и «Нева», учитывая начавшуюся войну с Францией, совершила длительный переход без заходов в порты до Портсмута (Англия), куда прибыла 28 июня, а 5 августа достигла порта Кронштадт, таким образом первой завершив кругосветное плавание. В плавании «Нева» провела три полных (без двух дней) года, пройдя более 45 тысяч морских миль.

«Надежда» с капитаном Крузенштерном прибыла в Кронштадт 19 августа 1806 г. За время плавания Крузенштерну много нервов попортил Федор Толстой, который не мог жить без шалостей. Корабельный священник «Надежды» был поклонником Бахуса. Федор Иванович напоил его до положения риз и, когда свя-

щенник как мертвый лежал на палубе, припечатал его бороду сургучом к полу казенной печатью, украденной у Крузенштерна. Припечатал и сидел над ним; а когда священник проснулся и хотел подняться, Федор Иванович крикнул: «Лежи, не смей! Видишь, казенная печать!» Пришлось попу подстричь бороду под самый подбородок.

А во время стоянки у острова Нукагива, относящегося к архипелагу Маркизовых островов, «Надежду» посетил вождь местного племени Танега Кеттонове. Внимание Толстого привлекла татуировка на теле вождя, которое было буквально разрисовано замысловатыми орнаментами, экзотическими животными и птицами. Федор Толстой разыскал и привез на корабль нукагивца, художника-татуировщика, и велел, как вспоминает М.Ф.Каменская (дочь Федора Петровича Толстого), «разрисовать себя с ног до головы». На руках молодого графа были вытатуированы змеи и разные узоры, на груди в кольце сидела птица. Многие члены экипажа последовали примеру Толстого. Впоследствии в аристократических салонах Петербурга Федор Толстой по просьбе гостей охотно демонстрировал, вводя в конфуз светских дам, «произведение искусства» безызвестного мастера с далекого острова Нукагива.

В конце концов Федор решил подшутить и над капитаном. М.Ф.Каменская вспоминает: «На корабле был ловкий, умный и переимчивый орангутанг. Однажды, когда Крузенштерн отсутствовал на корабле, Толстой затащил орангутанга в каюту, открыл тетради с его записками, положил их на стол, сверху положил лист чистой бумаги и на глазах у обезьяны стал марать и поливать чернилами белый лист: обезьяна внимательно смотрела. Тогда Федор Иванович снял с записок замазанный лист, положил его себе в карман и вышел из каюты. Орангутанг, оставшись один, так усердно стал подражать Федору Ивановичу, что уничтожил все записки Крузенштерна, находившиеся на столе».

Ходили слухи, что за эту проделку Крузенштерн высадил Толстого на необитаемый остров. Но на самом деле Федора Ивановича высадили 17 июня 1804 г. во время стоянки «Надежды» в Петропавловске, откуда он по Сибирскому тракту добрался до Петербурга, где сразу же получил прозвище «Американец». Впереди у него была ссора и дружба с Пушкиным, но это уже тема другого повествования.

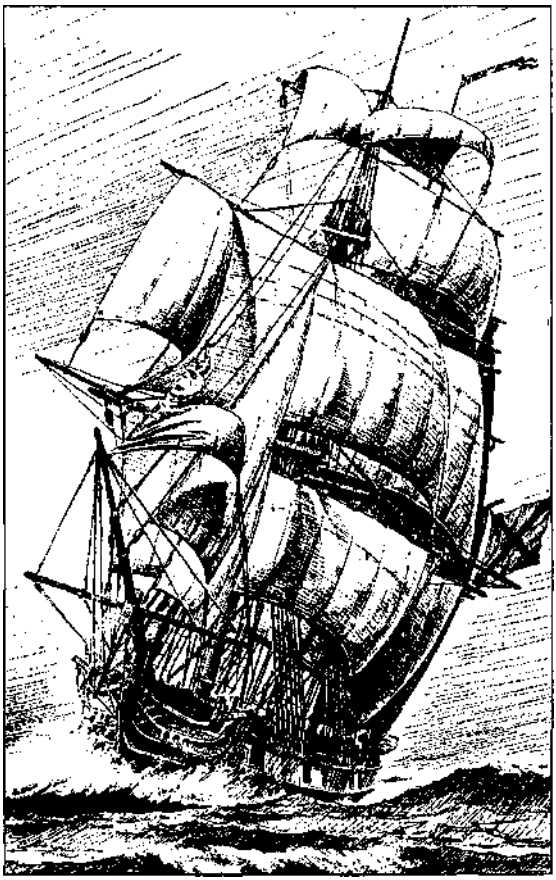
Лисянскому «посчастливилось» родиться в городе Нежине, который сейчас находится на территории «незалежной» Украины, за что Лисянский ныне официально провозглашен «украинским Магелланом». У Юрия Федоровича польские корни, всю жизнь он провел в Великороссии и похоронен в Александро-Невской лавре в Петербурге. Ну что ж, за неимением лучших кандидатов и его записали в «щирые украинцы».

В июне 1807 г. шлюп «Нева» вышел из Кронштадта в новое плавание к берегам Аляски. Командовал им на сей раз лейтенант Л.А. Гагенмейстер. Шлюп обогнул мыс Доброй Надежды и пошел на

восток в южных широтах. Гагенмейстер с юга обогнул Австралию и первым из русских моряков посетил австралийский порт Сидней (тогда он назывался Порт-Джексон). В августе 1808 г. «Нева» прибыла на остров Ситха в Ново-Архангельск, который к 1808 г. стал главным портом Российско-Американской компании на Аляске.

Руководство компании решило оставить «Неву» в колонии. В 1808 г. она ходила с грузом на остров Оаху (Гавайские острова). Во время очередного рейса из Охотска в Ново-Архангельск 9 января 1813 г. шлюп «Нева» натолкнулся на скалы у мыса Эджикомб (острова Круиза) и погиб. Шлюп «Надежда» погиб еще раньше — в декабре 1808 г. он был затерт льдами у берегов Дании.

Первый русский военный корабль вышел из Кронштадта в дальнее океанское плавание 25 июля 1807 г. До этого русские военные суда периодически совершали переходы в океане из Архангельска на Балтику и довольно редко с Балтики на Средиземное море.



Шлюп «Диана». Рис. Л. Карелова

Для похода на Дальний Восток Морское министерство выбрало транспорт «Диана», построенный в 1806 г. Он был переделан в шлюп и вооружен двадцатью двумя орудиями, из которых 6-фунтовых пушек было четырнадцать, 8-фунтовых карронад — четыре, 3-фунтовых Фальконетов — четыре. Кроме того, на барказе судна были установлены 8-фунтовая карронада и четыре однофунтовых фальконета. Экипаж «Дианы» составлял 60 человек. Командовал шлюпом лейтенант В.М. Головнин.

Головнин планировал провести судно мимо мыса Горн. Но при подходе к южной оконечности Америки «Диану» встретил сильный противный ветер. Почти две недели экипаж боролся со штормами и был вконец измотан, к тому же у моряков стали появляться признаки цинги. Тогда Головнин принял решение повернуть шлюп к мысу Доброй Надежды, и 21 апреля 1808 г. «Диана» вошла в бухту Саймонстаун в Капской колонии, незадолго до этого захваченной англичанами у голландцев. 93 дня прошел шлюп под парусами, не получив при этом ни одного серьезного повреждения.

Пока «Диана» находилась в плавании, между Россией и Англией началась война, и шлюп оказался в плену. Несмотря на то что Головнин имел специальное разрешение английского правительства на проведение научных исследований, англичане задержали русский корабль. И лишь через год с лишним, 16 мая 1809 г., воспользовавшись свежей погодой, усыпившей бдительность охраны, экипаж «Дианы» обрубил якорные канаты, и шлюп вырвался в океан.

«Диана» обогнула Австралию с юга и 25 июля достигла острова Тан на (Новогебридский архипелаг), где русские моряки отдохнули и пополнили запасы воды и продовольствия. 25 сентября 1809 г. «Диана» достигла конечного пункта своего плавания, бросив якорь в Петропавловской гавани. Здесь шлюп остался на зимовку.

28 мая 1810 г. «Диана» покинула Петропавловск и 30 июня прибыла в Ново-Архангельск, куда доставила груз пшеницы. Через месяц шлюп отправился на Камчатку. Зазимовав в Петропавловске, весной 1811 г. «Диана» вышла в море для описания Курильских островов.

В мае 1811 г. Головнин на «Диане» отправился на исследование и составление подробных карт Курильских островов. 5 июля 1811 г. «Диана» подошла к южному побережью острова Кунашир. Вскоре у места высадки русских моряков появились японцы. Они предложили Головнину встретиться с их «главным начальником» в небольшой крепости, расположенной на побережье. Встречу назначили на 11 июля. На берег сошли Головнин, штурман Хлебников, мичман Мур, матросы Семенов, Макаров, Шкаев, Васильев и переводчик Алексей, свободно владевший айнским языком. Офицеры были при шпагах.

Начало приема было радушным, гостей напоили чаем. Но затем «главный начальник» схватился за меч и сказал длинную речь. Переводчик коротко перевел Головнину: «Начальник говорит, что если

хоть одного из нас он выпустит из крепости, то ему самому брюхо разрежут».

Русская делегация кинулась бежать. Им удалось выбежать из крепости, но на берегу японцы их схватили.

Когда на шлюпе услышали выстрелы и крики, «Диана» снялась с якоря и подошла ближе к берегу. Ворота японской крепости закрылись, а по шлюпу был открыт огонь из пушек. Оставшийся после Го¬ловнина старшим на «Диане» лейтенант П.И. Рикорд приказал открыть ответный огонь. После 170 выстрелов с «Дианы» пушки японцев замолчали. Но развалить из 6-фунтовых пушек даже примитивную крепость было невозможно. Шлюп поднял паруса и отправился в Охотск.

Головнин и его спутники два года провели в японских тюрьмах. Тем временем Рикорд несколько раз пытался освободить своего капитана. Он совершил два плавания: в 1812 г. к острову Кунашир и в 1813 г. к острову Хоккайдо. Теперь он командовал двумя военными кораблями — шлюпом «Диана» и бригом «Зотик». Около Кунашира Рикорд захватил несколько японских судов. Вскоре лейтенанту удалось захватить и крупное японское торговое судно. От его судовладельца и капитана Такатай-Кахи Рикорд узнал, что Головнин и его спутники живы и находятся на Хоккайдо. Только в октябре 1813 г. Рикорду удалось вызволить капитан-лейтенанта В.М. Головнина и товарищей из японского плена.

3 ноября 1813 г. шлюп «Диана» вернулся в Петропавловск. Из-за ветхости корпуса было решено его впредь в море не выводить, а поставить на отмель и обратить в склад Российско-Американской компании.

Сейчас японские и некоторые русские историки пытаются объяснить нападение японцев на Головнина действиями Н.П. Резанова.

В 1805 г. Резанов узнал о том, что японцы высадились на юге острова Сахалин, где раньше уже торговали русские промышленники, и Российско-Американская компания считала остров своей территорией. Резанов приобрел у американского купца Вульфа фрегат[215], вооружил его и назвал «Юнона». По приказу камергера «Юнона» и новопостроенный тендер «Авось» составили отряд кораблей для отпора японцам. Командовали судами лейтенант Н.А. Хвостов и мичман Г. И. Давыдов.

6 октября 1806 г. фрегат «Юнона» прибыл в залив Анива (юг острова Сахалин). На берегу Хвостов поднял флаг Российской империи и флаг Российско-Американской компании. Он объявил туземцам (айнам), что Сахалин уже давно принадлежит России и жители острова находятся под защитой русского императора. Японская фактория была разгромлена, часть товаров конфискована русскими, а остальные розданы айнам. Несколько японских сараев было сожжено. В заливе Анива остались несколько матросов, которые основали русское поселение, просуществовавшее до 1847 г.

На следующий год «Юнона» и «Авось» разгромили японское поселение на острове Итурупе.

16 июля 1807 г. «Юнона» и «Авось» прибыли в Охотск. К этому времени Резанов, покровительствовавший Хвостову и Давыдову, умер. Зато начальник Охотского порта подполковник Бухарин потребовал «поделиться» захваченными у японцев трофеями, а когда моряки отказались, Бухарин завладел значительной частью добычи, а на самих Хвостова и Давыдова написал донос в Петербург, обвиняя их в пиратстве. Пришлось нашим героям ехать в Петербург оправдываться.

А пока суд да дело, оба молодца отличились в русско-шведской войне.

9 августа 1808 г. граф Румянцев сообщил морскому министру П.В. Чичагову: «.. Его Императорское Величество повелеть изволило сего дела им в вину не ставить; и вместе с тем изъявил высочайшее соизволение, чтобы за время бытности их в сей экспедиции удовлетворены они были жалованьем на счет вывезенных ими японских вещей и товаров...»

Вскоре комендант порта Охотск подполковник Бухарин, пытавшийся наказать Хвостова с Давыдовым, со службы был уволен.

Осенью 1809 г. в Петербург «приехал американский судовладелец Вульф, тот самый, у которого Российско-Американская компания в свое время приобрела фрегат «Юнона». 14 октября Хвостов и Давыдов посетили американца на Васильевском острове, в гостях засиделись и не успели вовремя вернуться на Петроградскую сторону. Алкоголь сыграл с ними плохую шутку: попытка перескочить через разводившийся мост оказалась для приятелей трагической — они утонули в холодной Неве. В 1813 г. Российско-Американская компания решила отправить в кругосветное плавание свой бриг «Суворов»[216]. Командовать бригом компания предложила 25-летнему лейтенанту Михаилу Петровичу Лазареву, будущему знаменитому адмиралу.

8 октября 1813 г. «Суворов» вышел из Кронштадта, на его борту кроме Лазарева находилось четыре офицера, 26 матросов, врач и семь служащих Российско-Американской компании.

27 ноября бриг прибыл в Портсмут, где из-за задержки с доставкой грузов оставался до 26 февраля 1814г.

21 апреля «Суворов» прибыл в Рио-де-Жанейро. Пробыв в порту около месяца, он обошел далеко с юга мыс Доброй Надежды и в августе 1814 г. прибыл в Порт-Джексон в Австралии.

В сентябре 1814 г. Лазаревым были открыты пять коралловых островов, самый южный из которых находится на 13° 13'15" южной широты и 163°31'4" восточной долготы. Острова соединены между собой коралловыми банками, которые в период отлива почти оголяются. Тщательно обследовав острова и нанеся их на карту, русские моряки возвратились на корабль. Острова эти Лазарев назвал островами Суворова.

29 сентября «Суворов» продолжил свой путь на север. 11 ноября открылись берега Америки, и на шестой день после этого судно бросило якорь в Ново-Архангельской гавани.

К 1814 г. Ново-Архангельск представлял собой большое селение с деревянной крепостью, судостроительной верфью, складами, казармами и жилыми домами. Там жило свыше двухсот русских и около тысячи туземцев.

В конце апреля 1815 г правитель Российско-Американской компании Баранов решил отправить «Суворов» к Прибыловым островам, где на островах Святого Георгия и Святого Павла располагались поселения компании. Лазарев должен был доставить на эти острова продовольствие, одежду, лес и забрать оттуда шкурки морских котиков и песцов, моржовый зуб и китовый ус.

7 мая бриг вышел в море и к 22 мая достиг острова Святого Георгия. Сдав привезенный для этого острова груз и погрузив 17,5 тысячи шкурок морских котиков, 200 шкурок песцов и 10 тысяч «сивучьих лавтоков»[217], «Суворов» вечером 24 мая вышел в море и на рассвете следующего дня прибыл к острову Святого Павла. В течение дня был свезен на берег предназначенный для этого поселения груз, а на борт принято 5500 шкурок морских котиков, 3 тысячи шкурок песцов, 80 пудов моржового зуба и большое количество китового уса. 26 мая «Суворов» отошел от острова Святого Павла и 14 июня прибыл в Ново-Архангельск.

Во время похода к Прибыловым островам и на обратном пути М.П.Лазарев тщательно проверял сообщение И. Биллингса об обнаружении им земли на 53° 15' северной широты и 198° восточной долготы. Михаил Петрович дважды побывал в этом месте, но никаких признаков земли не обнаружил.

В июле 1815 г. Лазарев начал готовиться к возвращению в Россию. На бриг были погружены шкурки бобров, морских котиков, песцов, лисиц, моржовый зуб, китовый ус и другие товары на сумму два миллиона рублей. 25 июля «Суворов» вышел из Ново-Архангельска в Россию.

«Суворов» вышел в плавание, не имея на борту достаточного запаса продовольствия, поскольку трюмы были забиты до отказа. Часть грузов компании, находившаяся в трюмах брига, предназначалась для снабжения русских промыслов на форту Росс, а часть — для продажи в тех иностранных портах, где это можно было сделать с наибольшей выгодой. Лазарев зашел в форт Росс, оставил там предназначавшиеся промышленникам грузы и направился в Кронштадт.

Девять дней бриг простоял в Сан-Франциско, а затем пошел на юг и 21 марта 1816 г. обогнул мыс Горн. И вот 15 июля «Суворов» бросил якорь на Малом Кронштадтском рейде против ворот Средней гавани. Кругосветное плавание, длившееся два года девять месяцев и семь дней, закончилось.

Руководство Российско-Американской компании давно собиралось отыскать проход из Тихого океана в Атлантический, следуя от Берингова пролива к востоку вдоль берегов Америки. Однако из-за войн, которые вела Россия с 1797 по 1815 г., организация экспедиции представлялась невозможной.

Однако в 1814 г. акционер Российско-Американской компании граф Н.П. Румянцев на свои средства построил бриг «Рюрик» и организовал экспедицию. Бриг «Рюрик» был спущен на воду 11 мая 1815 г. на верфи в Або (Финляндия). Его вместимость составляла 180 тонн, а вооружение — 8 пушек. Румянцев добился от императора, что бриг пойдет в плавание под военным, то есть Андреевским флагом, а не под флагом Российско-Американской компании. Тем не менее, «Рюрик» никогда не входил в состав военного флота. Командиром брига был назначен 26-летний лейтенант Отто Евстафьевич Коцебу, который под командованием Крузенштерна уже совершил кругосветное плавание на шлюпе «Надежда». Экипаж брига состоял из 34 человек.

30 июля 1815 г. «Рюрик» вышел из Кронштадта. После захода в Копенгаген и Плимут бриг вышел в Атлантический океан и направился к проливу Дрейка. По пути он заходил для пополнения запасов провианта в гавань Санта-Крус на острове Тенерифе и в бразильский порт на острове Святой Екатерины. 23 января «Рюрик» миновал мыс Горн, а 13 февраля стал на якорь в заливе Консепшен на чилийском побережье. Здесь Коцебу пробыл около месяца, готовясь к трудному переходу через Тихий океан.

9 марта «Рюрик» покинул Чили и направился сначала к острову Пасхи. Но из-за враждебного отношения аборигенов Коцебу посчитал за благо быстро ретироваться с острова. «По-видимому, — заключил он, — европейцы в недавнем времени производили здесь всякого рода бесчинства».

По пути к Камчатке Коцебу удалось открыть ряд новых островов. 19 июня «Рюрик» стал на якорь в Петропавловской гавани. Коцебу тотчас же начал готовиться к самому ответственному этапу плавания — походу в Северный Ледовитый океан. На ремонт брига, закупку и погрузку продовольствия ушел месяц. В начале июля «Рюрик» вышел из Авачинской губы и направился на север.

Обойдя с запада остров Святого Лаврентия, лежащий в северной части Берингова моря, «Рюрик» подошел к мысу Принца Уэльского — крайней западной точке американского побережья. Отсюда Коцебу повел бриг вдоль берега, пытаясь найти проход в Атлантический океан вокруг северного побережья Америки.

Вскоре выяснилось, что «Рюрик» находится в глубоко вдающемся в сушу заливе, который был назван заливом Коцебу.

Обратный путь из Северного Ледовитого океана Коцебу решил использовать для дополнительных работ в Беринговом море. Он обследовал залив Святого Лаврентия на Чукотке и юго-восточный край острова Святого Лаврентия. После этого он пошел на юг, и 19 сентября «Рюрик» встал на якорь в бухте Иллюлюк на острове Уналяска. Здесь Коцебу оставил представителям Российско-Американской компании указания о подготовке второго похода брига на север, который должен был состояться летом следующего года. Нужен был не только запас про-

вианта. Для плавания во льдах следовало по примеру алеутов построить большую двадцати весельную байдару.

При изучении островов Радак моряки сделали еще ряд открытий. Особенно подробно они исследовали группу островов Румянцева, затем открыли и описали острова Чичагова, Аракчеева и другие. Эта весьма обстоятельная работа заняла два с половиной месяца; только в середине марта «Рюрик» покинул коралловые острова и направился в северную часть Тихого океана на поиски северо-западного прохода вдоль побережья Америки.

12 апреля 1817 г. «Рюрик» пришел к Уналяске, а 29 июня отправился дальше на север. После посещения острова Святого Павла в группе Прибыловых островов бриг 10 июля бросил якорь у острова Святого Лаврентия. Затем Коцебу повел корабль на север, но вскоре встретил тяжелые льды. Это серьезное, почти непреодолимое препятствие для маленького судна, каким был «Рюрик», заставило Коцебу вернуться. Да и сам он чувствовал себя совершенно больным, у него началось кровохаркание, и врач настаивал на прекращении плавания. Как ни хотел Коцебу идти к северу, но должен был признать, что самым благоразумным было повернуть назад.

Подготовив корабль к длительному плаванию, Коцебу 29 января 1818 г. вышел в море. «Рюрик» прошел Зондским проливом (между островами Суматра и Ява), бросил якорь в порту Кейптаун, в котором задержался до 8 апреля, затем направился мимо островов Святой Елены, Вознесения и Азорских к английскому порту Портсмут, где пришлось стоять в течение двух недель. 30 июня «Рюрик» покинул Англию, совершил переход Балтийским морем и 13 августа 1818 г. вошел в Неву.

В 1816 г. из Кронштадта на Аляску отправился бриг Российско-Американской компании «Кутузов» вместимостью 525 тонн. Командовал им уже известный нам капитан-лейтенант Л.А. Гагенмейстер. Бриг обогнул мыс Горн, зашел в форт Росс и в августе 1816 г. прибыл в Ново-Архангельск. В декабре 1818 — октябре 1819 г. «Кутузов» совершил обратное плавание. На бриге в Россию возвращался 72-летний А.А. Баранов, но на стоянке в Батавии (Голландская Индия) он заразился лихорадкой и 16 апреля 1819 г. умер в Зондском проливе по пути к мысу Доброй Надежды.

В последующие годы корабли из Кронштадта на Аляску отправлялись почти ежегодно: в 1816 г. —бриг Российско-Американской компании «Суворов»; 26 августа 1817 г. — военный шлюп «Камчатка»; 3 июля 1819 г. вышел отряд кораблей в составе военных шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный»; 28 сентября 1819 г. отправился корабль Российско-Американской компании «Бородино» (вместимостью 600 тонн). Все эти корабли благополучно достигли Ново-Архангельска и Петропавловска и вернулись обратно на Балтику. Еще два брига Российско-Американской компании — «Кутузов» и «Рюрик», отправившиеся из Кронштадта в 1820—1821 гг., остались на Дальнем Востоке.

28 сентября 1821 г. из Кронштадта на Аляску вышли два военных судна — шлюп «Аполлон» (вместимостью 900 тонн) и бриг«Аякс». Однако 25 ноября бриг был выброшен на мель у берегов Голландии. Судно и экипаж удалось спасти, но от продолжения плавания «Аяк¬ су» пришлось отказаться, и «Аполлон» пошел один. Шлюп обогнул мыс Доброй Надежды и 13 августа 1822 г. прибыл в Петропавловск, а оттуда направился к Ново-Архангельску.

Помимо доставки товаров на Дальний Восток, «Аполлон» имел предписание провести патрулирование североамериканских вод на предмет пресечения незаконной контрабанды в Русской Аляске североамериканских и английский купцов. До октября 1823 г. «Аполлон» крейсировал у берегов Америки.

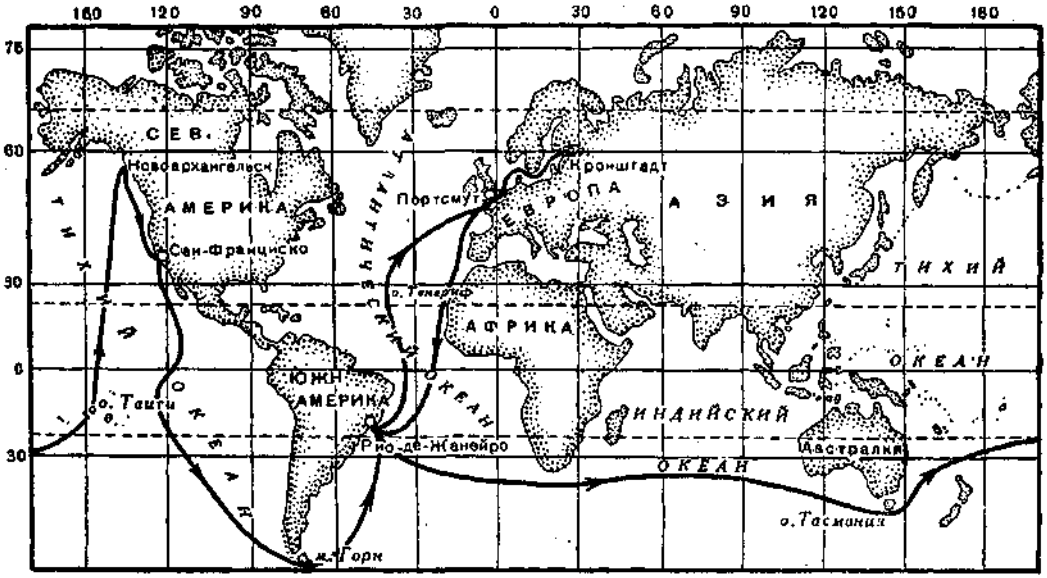
Еще 4 сентября 1821 г. русское правительство, подтвердив права Российско-Американской компании на монопольную деятельность на русских территориях в Америке и Тихом океане, одновременно запретило иностранным судам подходить без разрешения к этим территориям на расстояние ста миль. Русское правительство предоставило право ареста контрабандных судов как военным кораблям, специально отправляемым к берегам Америка, так и судам Российско-Американской компании. Арестованные суда долж¬ ны были приводиться в Петропавловский порт.

Поэтому Морское министерство решило послать к берегам Аляски отряд кораблей в составе фрегата «Крейсер» и шлюпа «Ладога». На «Крейсере» было установлено двадцать шесть 12-фунтовых и две 6-фунтовые пушки, а также шестнадцать 18-фунтовых карронад. «Ладога» несла 20 орудий (12-фунтовые и 3-фунтовые пушки и 18-фунтовые карронады). Командовал отрядом и одновременно «Крейсером» капитан 2 ранга Михаил Петрович Лазарев, а «Ладогой» — его старший брат капитан-лейтенант Андрей Петрович. На «Крейсере» мичманом шел Павел Степанович Нахимов — будущий знаменитый адмирал.

17 августа 1822 г. «Крейсер» и «Ладога» снялись с якоря и вышли с Кронштадтского рейда в море. По традиции отряд зашел в Рио-де-Жанейро, где суда простояли месяц для пополнения запасов продовольствия, отдыха команд и мелкого ремонта. 22 февраля 1823 г. «Крейсер» и «Ладога» покинули бразильский порт и пошли на восток, обогнув с юга мыс Доброй Надежды и Австралию. 18 марта корабли прибыли в порт Дервент на острове Тасмания. Из Дервента М.П.Лазарев решил идти к острову Отаити (Таити), где он вместе с Беллинсгаузеном побывал еще в 1820 г. Здесь Лазарев рассчитывал запастись свежей провизией, в том числе овощами и фруктами, а затем следовать на север.

После стоянки в бухте Матавай на Отаити суда отправились на север. 24 июля 1823 г. они разошлись. «Крейсер» пошел в Ново-Архангельск, а «Ладога» — в Петропавловск.

3 сентября 1823 г. «Крейсер» стал на якорь в Ново-Архангельске, где встретил



Маршрут кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822— 1825 гг.

шлюп «Аполлон». 9 ноября в Ново-Архан¬гельск с Камчатки пришла и «Ладога».

Появление русских военных судов у берегов Аляски произвело нужное впечатление как на англичан, так и на янки. Тем не менее, министр иностранных дел России К. Нессельроде убедил Александра I пойти на существенные уступки в переговорах с ними. В итоге 5(17) апреля 1824 г. Нессельроде и американский посланник Генри Мидлтон подписали в Петербурге русско-американскую конвенцию. Согласно ее условиям:

1. Декларируется свобода мореплавания, торговли и рыболовства на Тихом океане с правом приставать к берегу в любом еще никем не занятом месте.

2. Граждане США и подданные России не могут приставать к берегам друг друга без соответствующего разрешения местных властей и не могут вести там торговлю.

3. Никакие селения не могут быть основаны или создаваемы в будущем на северо-западном побережье Америки: русскими южнее, а американцами — севернее 54°40' с. ш.

Таким образом, граница владений и сфер двух стран проводится по линии 54°40' с. ш. на побережье.

4. В течение 10 лет со дня подписания конвенции гражданам США и подданным России будет позволено заходить в порты друг друга по-прежнему по надобности и вести торговлю.

5. Запрещается торговля спиртными напитками, оружием, порохом и другими боеприпасами, и в связи с контролем за соблюдением этого правила разрешается осматривать суда и грузы и накла-

дывать соответствующие штрафы обеим сторонам.

16 (28) февраля 1825 г. Нессельроде и британский посланник Чарльз Каннинг подписали в Петербурге аналогичную конвенцию о разграничении владений в Северной Америке.

Согласно 1-й статье конвенции обе стороны в Тихом океане «могут пользоваться беспрепятственно и с полною свободою мореплаванием, производством рыбной ловли и правом приставать к берегам в таких местах, которыя еще не заняты, для торга с природными тамошними жителями».

2-я статья запрещала судам одной стороны приставать к местам заселения другой стороны.

Далее устанавливалась пограничная черта, отделяющая владения Британии от русских владений на западном побережье Северной Америки, примыкающем к полуострову Аляске так, что граница проходила на всем протяжении береговой полосы, принадлежащей России, от 54° с. ш. до 60° с. ш., на расстоянии 10 миль от кромки океана, учитывая все изгибы побережья.

Таким образом, линия русско-британской границы была в этом месте не прямой (как это было с линией границы Аляски и Британской Колумбии), а чрезвычайно извилистой.

Поясню, что Российско-Американская компания фактически не имела сухопутной границы с Британской Колумбией, а владела лишь кромкой побережья и не осваивала территорию в глубь континента, поскольку этому препятствовал хребет Каменные горы (ныне Скалистые горы), который шел почти параллельно берегу океана, в разных пунктах удаляясь на 11—24 мили от кромки воды. Именно за Скалистыми горами и лежала Британская Колумбия, так что среди русских колонистов, да и местных жителей считалось, что границей между этими двумя владениями разных государств является естественная граница — вершины хребта Скалистых гор, западные склоны которых находились в области русских владений, а восточные — британских. При этом русская сторона никогда не делала попытки переходить за Скалистые горы, хотя на протяжении почти полустолетия там была абсолютно безлюдная территория.

С начала 20-х гг. XIX в. английское правительство пыталось захватить прибрежную территорию, осваиваемую Российско-Американской компанией. Это подало мысль руководителям компании о необходимости установить границу русских и британских владений. При этом компания считала, что такая граница должна будет идти по естественному рубежу — хребту Скалистых гор — и поэтому ее установление не представит никаких трудностей. Однако русские дипломаты капитулировали перед англичанами в вопросе проведения сухопутной границы.

По мнению историка В.В. Похлебкина, уступчивость Александра I не в последнюю очередь объяснялась финансовыми причинами. Англия обеспечила России выплату займов, сделанных рус-

ским правительством в период воины с Францией 1796— 1815 гг. Замечу, что Россия, не имевшая с Францией территориальных споров, фактически сражалась за британские интересы. Это в свое время признал даже Павел I.

В связи с заключением конвенции большинство русских военных судов были отозваны из северной части Тихого океана. Так, шлюп «Ладога» вернулся в Кронштадт 13 октября 1824 г., фрегат «Крейсер»— 5 августа 1825 г., шлюп «Предприятие»[218] — 10 июля 1826 г.

Походы русских судов на Дальний Восток неоднозначно воспринимались русской бюрократией. Так, например, адмирал и член Государственного совета Н.С. Мордвинов в 1824 г. отправил записку императору, в которой утверждал: «Доставка товаров кругом света становится Компании неумеренно дорого, вообще товары, доставленные кругом света, обходятся по самой меньшей мере вдвое дороже таковых же товаров, кои выменивались там на местах от иностранцев... На отправку в Америку в 1819,1820 и 1821 гг. сряду трех экспедиций издержано более 2 миллионов 400 000 рублей наличных денег и в то же время на содержание сообщения с Америкою через Сибирь, которое по положению г-д директоров считалось тогда вовсе ненужным, расходовалось по меньшей мере 250 000 рублей ежегодно. Но сии можно сказать разорительные меры не могли удовлетворять всех колониальных потребностей»[219].

В связи с этим замечу, что Н.С. Мордвинов был заядлым англоманом, подобно многим другим русским сановникам — клану Воронцовых, Ф.И. Брун¬нову. Они считали, что флот России не нужен и вообще внешняя политика страны должна постоянно согласовываться с Лондоном.

Бесспорно, что доставка грузов на Камчатку и Аляску по Сибирскому тракту дешевле, чем морским путем вокруг Африки или мыса Горн. И частная компания, естественно, должна была предпочесть более дешевый вариант. Но вот государственным интересам России как раз соответствовал именно морской путь.

Боюсь расстроить наших любителей флота, но, увы, русский флот в первой половине XIX в. был ограниченно боеспособен. Формально в списках кораблей (линейных), фрегатов и других типов судов числились сотни единиц. Но 95 % всего времени наши суда стояли в базах, а район учебных плаваний ограничивался Финским заливом на Балтике и походами из Севастополя в Одессу и к берегам Кавказа на Черном море.

В ходе войн 1769-1774,1797-1807 и 1827— 1828 гг. русские эскадры находились в Средиземном море. Построенные в Архангельске суда переходили на Балтику вокруг Скандинавского полуострова, а в Архангельск из Кронштадта отправлялись транспортные суда с грузом якорей , пушек и других материалов для строящихся кораблей. Вот и все походы русского флота с 1700 по 1853 г. Русские плавали лишь там, где ходили суда норманнов и руси (смеси тех же норманнов со славянами) в IX в.

И только благодаря Российско-Американской компании русские моряки впервые вышли в мировой океан. Дальние походы стали школой для наших знаменитых адмиралов Головнина, Лазарева, Нахимова и др.

Балтийский и Черноморский флоты в первой половине XIX в. годились лишь для войн со шведами и турками. Причем для войн с ними судовой состав обоих флотов был более чем избыточным. Основным же противником России после 1815 г. стала Англия. Бороться с англичанами не мог ни Балтийский, ни Черноморский флот, что и подтвердилось в ходе Крымской войны 1854—1855 гг. Балтийский флот спрятался в Кронштадте, а Черноморский флот предпочел самозатопиться в Севастополе, но не дал ни одного сражения англо-французской эскадре.

Традиционно отечественные историки объясняют поражение в Крымской войне технической отсталостью царской России. Мол, у союзников было много пароходов, а у русских — мало. Действительно, в случае дневного сражения по «регламенту Госта» паровые суда союзников на Балтийском и Черном морях вдребезги бы разнесли русские парусники.

Однако многие историки и адмиралы забывают, что пароходы того времени были прибрежными судами. Угля у них хватало от силы на неделю плавания. Пароходы были хороши для маленьких замкнутых морей, но толку от них в мировом океане было немного.

Предположим, что Николай I хотя бы половину средств, отпускаемых на военный флот, пустил на постройку мореходных океанских судов.

К 1853 г. в составе русского флота на Балтике было 33 корабля (2729 пушек), 13 фрегатов (628 пушек), 3 корвета (78 пушек), 10 бригов (200 пушек), 7 шхун (96 пушек) и десятки судов прочих классов.

Черноморский флот имел 17 кораблей с 1662 пушками, 7 фрегатов с 376 пушками, 5 корветов с 90 пушками, 12 бригов с 166 пушками (здесь даны только парусники) и 6 шхун с 80 пушками.

Риторический вопрос: как бы изменился ход Крымской войны, если бы эта армада судов в замкнутых морях была бы сокращена наполовину, а взамен полсотни фрегатов, корветов, бригов и даже шхун вышли бы в угрожаемый период, а он продлился более года, на коммуникации Англии и Франции в Атлантический, Тихий и Индийский океаны?

Вспомним, что в 1940— 1943 гг. натворила дюжина германских рейдеров на союзных коммуникациях. А ведь в середине XIX в. не было ни самолетов, ни радаров, которыми союзники обнаруживали рейдеры. Парусникам не нужно было топливо, а продовольствие и порох они могли захватывать на купеческих судах и в небольших колониальных факториях противника в Африке, Азии и Океании.

Появление пятидесяти и более рейдеров в 1854 г. в Мировом океане, на мой взгляд, предотвратило бы нападение Англии и Франции на Россию. Ну а если нет, то Крымская война обошлась бы союзникам в несколько раз дороже и по людс-

ким потерям, и по материальным затратам.

В свое время Петр Великий сказал: «Государство, имеющее армию, одну руку имеет, а государство, владеющее еще и флотом, — обе руки имеет». К сожалению, благодаря недалеким адмиралам и политикам Россия к 1853 г. была однорукой.

Вторая рука государства — это океанский флот, имеющий базы во всех океанах и способный нанести эффективный удар в любой точке водной поверхности, занимающей 83 % земного шара.

Глава 3

Гавайи и Форт Росс

В первой четверти XIX в. правители Русской Америки, я бы назвал их «кланом Шелихова», предпринимали активные попытки расширения колоний за пределами Аляски и Алеутских островов. Так, Баранов попытался присоединить к колонии Сандвичевы (Гавайские) острова. Острова эти — самый крупный архипелаг Океании, открыты были 18 января 1778 г.Джеймсом Куком по пути к берегам Берингова пролива. Кук назвал архипелаг в честь первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича. Позже архипелаг стали называть по имени самого крупного острова — Гавайи.

На обратном пути Кук поссорился с туземцами и вместе с несколькими матросами был ими съеден.

В 1804 г. Сандвичевы острова посетил Лисянский на шлюпе «Нева», а через 12 лет— Коцебу на бриге «Рюрик». В 1806 г. русский промышленник Сисой Слободчиков приходил на остров Оаху на шхуне Российско-Американской компании «Николай». Слободчиков закупил партию сандалового дерева и продовольствие и доставил груз в Ново-Архангельск. В ноябре 1808 г. Баранов отправил из Ново-Архангельска на зимовку на Сандвичевы острова шлюп «Нева» под командованием Гагенмейстера, который установил хорошие отношения с местным королем Камеамеа.

18 июня 1809 г. Гагенмейстер уже с Камчатки отправил министру коммерции Румянцеву рапорт с планом организации на Сандвичевых островах сельскохозяйственной колонии для снабжения продовольствием Русской Америки. Поэтому плану на первое время вполне достаточно было построить на Гавайях одну крепостную башню-блокгауз с одной пушкой и оставить там гарнизон из двух десятков русских колонистов. А 5 ноября 1809 г. Главное правление Российско-Американской компании обратилось с таким же предложением к императору, но получило отказ.

В 1816 г. Баранов посылает на остров Гавайи с поручением основать факторию врача Георга Шеффера, немца, с 1813 г. состоявшего на службе в Российско-Американской компании. С Шеффером Баранов послал королю Камеамеа большую серебряную медаль на владимирской ленте. Однако из-за происков американских купцов король принял Шеффера довольно прохладно. Но последнего выручила профессия — король серьезно заболел «грудной болезнью», и немец вылечил его, а заодно и его любимую жену Качуману.

Но все же Камеамеа отказал Шеффе¬ру в постройке фактории из-за научений своего «министра» — американского матроса Джорджа Юнга. Тогда Шеффер обратился к «конкурирующей фирме». Шеффер писал: «Король Отувая Тамари не только разрешил создать русскую факторию, но даже сам попросил покровительства русского императора и самым торжественным образом в форме письменного акта вручил верховное главенство над своим островом Его величеству российскому императору Александру Павловичу».

19(31) января 1818 г. Главное правление Российско-Американской компании сообщило министру иностранных дел Нессельроде со слов ближайшего помощника Баранова и командира корабля компании «Открытие» лейтенанта Якова Аникиевича Подушкина: «Сие событие сопровождено было следующим торжеством: 21 мая 1816 года король на шканцах[220] корабля "Открытие", вручив доктору Шефферу оный акт покорения, испросил себе, в вящее удостоверение своей покорности, флаг того корабля и мундир... Подушкина со всем прибором и потом отправился к себе на берег при салюте с корабля семью выстрелами из пушек. Когда прибыл он на берег, то флаг немедленно выставил на приготовленном месте при 14 выстрелах из пушек, там же поставленных, причем собранный вокруг короля народ, коему он сие покорение объявил, кричал «ура!» На другой день король пригласил доктора Шеффера и лейтенанта Подушкина к своему столу и встретил их пред домом своим и со всею своею фа¬милиею. 30 отборных человек составляли его гвардию и стояли в параде, а всего народа было до 1000 человек. За столом сидели одни мужчины, а женщины удалились. Вместо музыки били в барабан. Король предложил тост за здравие государя императора при громе пушек и «ура», потом пил тост за его здоровье».

Согласно этому коммерческому акту русские получили право учреждать фактории и плантации во владениях Тамари. Король обязался торговать самым ценным предметом экспорта — сандаловым деревом — только с Российско-Американской компанией, а с янки «никакой торговли не иметь».

В августе 1816 г. Шеффер писал Главному правлению Российско-Американской компании: «Может быть его величество император пришлет на Тихий океан один фрегат, который... будет представлять большое значение для Российской империи».

В Петербург письмо пришло только в августе 1817 г. Главное правление компании действовало оперативно, и уже 17 (29) августа направило министру иностранных дел Нессельроде записку о ситуации с Сандвичевыми островами.

29 августа (10 сентября) Нессельроде запросил русского посла в Лондоне Х.А. Ливена о статусе Сандвичевых островов в целом и островов Отувай и Гегау, которыми владел король Тамари. 15 (27) ноября 1817 г. Ливен ответил, что пока ни одна европейская держава не претендует на Сандвичевы острова.

19 (31) января 1818 г. Главное правление Российско-Американской компании направило Нессельроде еще одну записку, в которой говорилось: «Правление Компании подносит при сем на усмотрение Вашего сиятельства историческое, климатическое и стратегическое сведение о Сандвичевых островах... из которого явствует, что все они совершенно свободны от влияния европейских держав...

Если бы из купы Сандвичевых островов имела Россия хотя бы один себе принадлежащим, то суда наши, обуреваемые противными ветрами, могли спускаться к оным со всею благонадежностью и, проводя в теплом, приятном и изобильном для пропитания климате зимние месяцы, прибыли бы к месту назначения благоприятным весенним временем. Равным образом и отсель кругом света идущие суда, особенно же как государю императору благоугодно ныне, чтобы каждый год ходил отсель кругом света один казенный фрегат, когда обогнут Горный мыс, не имеют нигде до самой Камчатки иного надолговременном пути своем собственного пристанища для роздыха и поправления, как токмо на северо-западе холодную нашу колонию на острове Баранова, куда должно нарочито и в сторону склоняться, или, как и все почти мореплаватели, идущих из Европы к северо-западным берегам Америки, по необходимости приставать к помянутым Сандвичевым островам, лежащим почти на самом пути».

Главное правление компании просило Нессельроде довести все вышеизложенное до царя.

Ответ на записку Нессельроде дал 24 февраля (8 марта) 1818 г.: «Государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принесть России никакой существенной пользы, но, напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами».

26 марта (7 апреля) 1818 г. Главное правление компании постановило: «Принимая к исполнению решение Его императорского величества отклонить прошение короля Тамари о присоединении Сандвичевых островов к России, Совет поручает Правлению Российско-Американской компании вернуть королю акт».

Так печально закончилась попытка Российско-Американской компании приобрести Сандвичевы острова. Что повлияло на решение царя — не знаю. В 1818 г. после падения Наполеона Россия была в зените своего могущества, как

военного, так и политического, и воевать из-за Сандвичевых островов Англии не было смысла, тем более что «владычица морей» ни до ни после не пыталась захватить эти острова.

С другой стороны, Александр занялся мистицизмом и совершил целый ряд непонятных историкам поступков. Так что вполне возможно, что отказ от Сандвичевых островов объясняется отклонениями в психике «Благословенного царя».

Сандвичевы же острова были постепенно съедены янки. Официально острова были аннексированы резолюцией конгресса США лишь в 1898 г. в ходе испано-американской войны.

Тут следует заметить, что и в 1818 г., и даже в 1867 г. США были при достаточно развитой экономике карликом в военном отношении. Военно-морской флот янки был слаб, а морские коммуникации крайне уязвимы. Соответственно, и в 1818 г., и в 1867 г. вероятность русско-американского военного конфликта тождественно была равна нулю. Янки могли нанести лишь булавочный укол русской морской торговле, зато русские крейсера были способны парализовать американскую экономику. Вспомним хотя бы действия рейдера конфедератов «Алабама» в 1862—1863 гг., захватившего 68 североамериканских судов. Замечу, что «Алабама» погибла из-за амбиций своего капитана, решившего потопить гораздо более сильный корабль противника.

Более удачно прошла попытка Российско-Американской компании закрепиться на Калифорнийском побережье. В ноябре 1811 г. из Ситки (Аляска) к берегам Калифорнии на шхуне «Чириков» отправилась экспедиция под командованием Ивана Александровича Кускова, в задачу которой входило основание первого русского форта на Калифорнийском побережье. В составе экспедиции были 25 русских мастеровых для постройки зданий крепости и 80 алеутов-охотников для ведения морского промысла.

Место для поселения было выбрано Кусковым севернее залива Бодега, который был переименован им в залив Румянцева, примерно в 100 километрах к северу от залива Сан-Франциско. К 1814 г. были закончены все главные постройки форта, получившего наименование Росс. Замечу, что русские называли это поселение крепостью Росс или чаще просто Росс. Название Форт Росс придумали янки, но поскольку оно столь крепко вошло в отечественные исторические труды, то я не буду ломать традицию и тоже буду именовать русское поселение Фортом Росс.

Территория вблизи Форта Росс к 1811 г. была ничейная. Первое поселение на территории Калифорнии —Сан-Диего — основали испанцы в 1769 г. Но оно находилось примерно в 800 км от Росса.

В конце XVIII в. испанцы основали три религиозные миссии на южном берегу залива Сан-Франциско, они получили названия Сан-Франциско, Санта-Клара и Сан-Хосе. В записке В.М. Головнина для правления Российско-Американской компании от 10 сентября 1819 г. говорилось: «...последнее испанское селе-

ние к северу на сих берегах находилось в южной части залива Сан-Франциско под широтою 37°48'41, и что о северной части сего залива они ничего не знали...»[221] Форт Росс же располагался под 38°33' северной широты.

28 апреля 1808 г. директор Главного правления Российско-Американской компании М.М. Булдаков отправил записку Александру I, где говорилось: «Калифорния изобилует премножеством хлеба и, не имея никуда оному отпуска, ежегодно оставляет в гнилости более 300 000 пудов; напротив того, американские заселения должны получать хлеб, провозимый через Сибирь одним сухим путем более 3000 верст, отчего самой компании становится он около 15 рублей пуд. Также и отвозимый в Камчатку казною на тамошние войска становится более 10 руб. пуд.

Калифорния преизбыточествует в рогатом домашнем скоте и лошадях, кои водятся без призрения в лесах и распространились многочисленными табунами даже до реки Колумбии. Правительство гишпанское, чтобы предупредить вред, наносимый сим скотом на нивах, определило каждый год убивать оного от 10 до 30 тыс., напротив того, Охотский и Камчатский край имеет в таковом скорее величайшую нужду, терпя весьма часто всеобщую голодовку».

Булдаков просил царя организовать посылку к берегам Калифорнии не менее двух кораблей в год. При этом Булдаков хотел, чтобы посылка кораблей была согласована с Мадридским двором.

Александр I предложил графу Румянцеву снестись по данному вопросу с русским послом в Мадриде Строгановым. Тут невольно возникает вопрос: если сотрудники Российско-Американской компании на Аляске не могли знать, что при Мадридском дворе с 90-х гг. XVIII в. царил беспорядок, то почему об этом не знал Александр I?

Тогда в Испании было сразу два короля — формальный Карл IV и фактический Мануэль Годой, он же герцог Альку¬диа и князь Мира. Оба этих деятеля делили не только бразды правления, но и постель королевы Марии Луизы. Со временем к власти стал рваться и наследник трона сын Карла IV Фердинанд, принц Астурийский. С марта 1808 г. в Испании начался бунт, и беспорядок распространился из дворца по всей стране.

Данная ситуация разозлила Наполеона, который приказал арестовать всю «семейку» из трех персон и агрессивного сынка Фердинанда в придачу. Взамен император назначил своего брата неаполитанского короля Жозефа королем Испании. А неаполитанским королем Наполеон назначил своего зятя маршала Мюрата.

И тут-то выяснилось, что испанцам не подходит кодекс Наполеона, зато они не могут жить без инквизиции. Так что кризис продолжился, но уже с участием французских войск.

После отречения Наполеона испанским королем стал Фердинанд XII, бывший принц Астурийский. После этого испанцам как в метрополии, так и в коло-

ниях инквизиция разонравилась и возникла тяга к кодексу Наполеона. Кроме того, колонии потребовали независимости.

В такой ситуации России было просто нелепо обращаться к испанским властям хотя бы потому, что было неясно, кто у них — законная власть, а кто — мятежники. В Калифорнии нужны были лишь русские корабли и пушки.

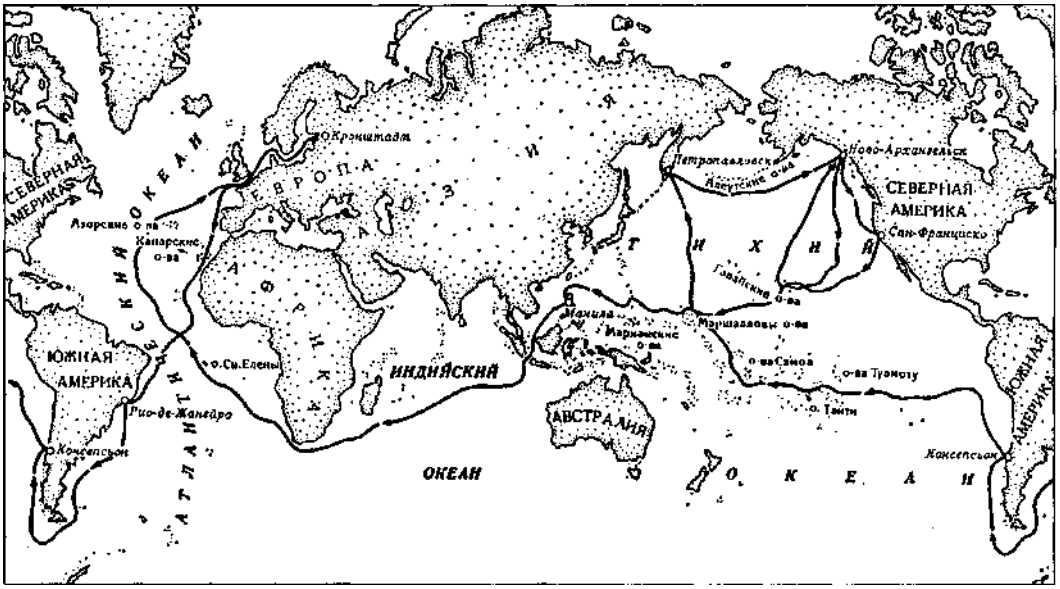
А тем временем поселок Росс рос (пардон за каламбур). Вокруг крепости были возведены мастерские, несколько мельниц, кузница, кожевенный завод, конюшни, молочная ферма и даже судостроительная верфь. В 1812 г. в Форт Росс привезли около сотни семейств ссыльных и старообрядцев — хлебопашцев.

В конце 1824 г. к берегам Калифорнии прибыл шлюп «Предприятие» под командованием Отто Коцебу. Вот как описал Коцебу испанское поселение Сан-Франциско: «Над проливом господствует крепость св. Иоахима, расположенная на высокой скале на его левом берегу. Мы увидели, что над крепостью развевается республиканский флаг. Последнее означало, что и эта, самая северная, колония Испании уже не признает власти метрополии. Мы заметили также несколько кавалеристов и толпу народа; все они, казалось, с напряженным вниманием следили за быстрым приближением нашего судна.

Когда мы подошли на расстояние ружейного выстрела, часовой схватил обеими руками длинный рупор и запросил нас, какой мы нации и откуда прибыли. Его грубый окрик, пушки, направленные на фарватер, маленькое войско, стоящее под ружьем, в том числе находящаяся в боевой готовности кавалерия, наконец, переданное нам требование салютовать крепости — все это могло создать впечатление, будто комендант властен помешать входу в гавань даже военного судна. Однако мы были до некоторой степени осведомлены об истинном положении. Дело в том, что покоящаяся на скале крепость св. Иоахима — самая миролюбивая на свете. Ни одна из ее пушек не годится для точной стрельбы, а ее гарнизон может вести лишь словесные сражения. Все же я из учтивости приказал салютовать крепости, надеясь таким путем обеспечить нам более радушный прием. Каково же было мое удивление, когда на наш салют не последовало никакого ответа! Представитель коменданта, вскоре прибывший из крепости, разъяснил мне эту загадку: он попросил дать им немного пороху, чтобы они могли надлежащим образом ответить на мое приветствие»[222].

Как видим, «Предприятие» с его двадцатью четырьмя 6-фунтовыми пушками мог вдребезги разнести Сан-Франциско и притом сделать это совершенно безнаказанно.

А теперь перейдем к описанию Форта Росс. «Крепость Росс расположена на возвышенном морском берегу, возле устья небольшой речки…Она была основана в 1812 г. с согласия коренных жителей, которые с готовностью помогали подвозить строительные материалы и даже участвовали в возведении построек. Русские по-



Плавание О.Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие»

селились здесь для того, чтобы развернуть у побережья Калифорнии охоту на морских бобров, ибо возле более северных наших поселений эти животные были теперь полностью истреблены. Испанцы, не занимаясь сами подобными промыслами, охотно разрешили русским за определенное возмещение поселиться на здешнем берегу, где тогда еще в изобилии водились морские бобры. В настоящее время эти животные даже тут стали редкостью. Все же у побережья Калифорнии, где охота производится из колонии Росс, по-прежнему добывается больше бобров, чем в любом другом месте земного шара.

Крепость представляет собой четырехугольник, окруженный частоколом из высоких и толстых бревен. Она имеет две башни,снабженные 15 пушками. Во время моего пребывания в крепости ее гарнизон состоял из 130 человек, из которых лишь немногие были русскими, а остальные — алеутами...

Испанцы утверждали, что их владения на западном берегу Америки простираются до Северного Ледовитого океана, и угрожали подкрепить свои требования силой оружия. Кусков, основатель и тогдашний командир крепости Росс, благоразумный и неустрашимый человек, дал им весьма решительный ответ. Он сказал, что основал колонию по приказу своих начальников и притом в такой местности, которая ранее не была занята никакой другой державой. Он подчеркнул, что на данную землю могли бы претендовать разве только коренные жители, но они добровольно уступили ее русским. На этом основании Кусков отклонил столь необоснованное требование и предупре-

дил, что на насилие ответ насилием. Испанцы поняли, что не смогут справиться с русскими, а потому отказались от своих смехотворных притязаний и вновь завязали с поселенцами дружеские отношения. В настоящее время эти две нации живут здесь в полнейшем согласии.

Между прочим, селение Росс приносит испанцам большую пользу. Во всей Калифорнии не сыщется ни одного слесаря и ни одного кузнеца. Поэтому все железные орудия испанцев изготовляются или чинятся за хорошую плату в русской колонии. Сопровождавшие нас драгуны тоже привезли с собой для починки множество испорченных ружейных замков...

Обитатели селения Росс живут в мире и согласии с местным населением. Многие индейцы приходят в крепость и работают там за поденную оплату. Ночи они обычно проводят вне крепости. Индейцы охотно выдают своих дочерей замуж за русских и алеутов. В результате возникают многочисленные родственные связи, которые способствуют дальнейшему укреплению уз дружбы и взаимопонимания. Обитатели Росса, в одиночку охотясь на оленей и другую дичь, удаляются от крепости на большие расстояния. Они часто проводят ночи среди индейцев различных племен, причем с ними никогда еще не случалось ничего плохого. Испанцы никогда бы на это не решились. Чем разительнее контраст между угнетением индейцев в миссиях и обращением с ними в нашем селении, тем больше должен радоваться всякий гуманный человек, вступая на русскую территорию. Православная церковь не распространяет свое учение силой. Она свободна от фанатизма и проповедует любовь и терпимость. Эта церковь не стремится во что бы то ни стало привлечь людей иной веры, а позволяет им принимать православие лишь по искреннему внутреннему убеждению...

Местность, где расположено селение Росс, отличается мягким климатом. Лишь изредка ртуть в термометре опускается здесь ниже нуля. К сожалению, частые туманы препятствуют развитию на этом побережье садоводства и огородничества. Однако на расстоянии нескольких верст от берега, в тех местах, куда не проникают туманы, очень хорошо произрастают почти все южные растения. Овощи достигают здесь необычайных размеров. Встречаются редьки весом до 50 фунтов (20,5 кг), тыквы весом 65 фунтов (26,6 кг); соответственно велики и другие овощи. Картофель приносит здесь урожай сам-сто или сам-двести, причем его собирают два раза в год. Поэтому голод в селении Росс едва ли возможен. Крепость окружена полями пшеницы и ячменя, принадлежащими отдельным жителям селения. Из-за туманов злаки произрастают здесь не так хорошо, как в миссии Санта-Клара, но все же колонисты имеют возможность ежедневно есть белый хлеб и кашу. Алеуты обычно очень неохотно покидают родину, но этот край им так понравился, что они с удовольствием здесь остаются и не скучают по своим островам»[223].

Судьбу Форта Росс, равно как и всей Русской Америки, решили два фактора: непонимание правительством экономического и военно-стратегического значения этих земель и наличие крепостного права в России.

Крепостное право уже в XIX в. стало тормозом и экономическому развитию Европейской России. Но еще раньше оно стало препятствием в колонизационной политике империи. В огромной стране не было людей для заселения новых земель. И тут речь идет не только о Россе или Аляске, но даже о Сибири.

В конце XVIII в. князю Потемкину не хватало людей для заселения Дикого поля, Причерноморья и Крыма. Тут Екатерина II даже согласилась смотреть сквозь пальцы на прием светлейшим беглых крестьян, но и этого было мало.

В Сибирь же в основном направлялись ссыльные. Так, например, в 1729 г. было велено ссылать в Сибирь разных беглых и бродяг, которых помещики не желают принять обратно, «дабы через то шатающихся и праздных без дел и платежа подушных денег никогда не было», в 1730 г. — пойманных беглых, пытавшихся уйти за границу, в 1733 г. — всех виновных «в делании золотых и серебряных вещей ниже пробы, в подделке их и торговле ими», в 1737 г. —негодных к военной службе лиц, виновных продаже, покупке или отдаче в рекруты чужих людей и крестьян, в 1739 г. — заводских мастеровых и рабочих людей за пьянство и игру в кости и карты. Все эти указы подразумевали административную ссылку. А наряду с ними действовали и старые московские законы, изданные во второй половине XVII в., о ссылке за некоторые уголовные преступления по суду, как-то: за повторную кражу, за разбой и наезд, за укрывательство воров и разбойников, за корчемство, за непредумышленное убийство и т.д. В 1753 и 1754 гг. императрица Елизавета Петровна добавила к этим законам указы о замене смертной казни за общегражданские преступления политической смертью и ссылкой в Сибирь навсегда. Она же положила начало ссылке крестьян в Сибирь их владельцами.

В 1760 г. был издан указ, предоставлявший право всем лицам и учреждениям удалять в Сибирь своих крестьян, почему-либо для них неудобных, с зачетом их за рекрут и с получением платы из казны за их жен и детей. Этот вид поселенцев получил особое название сосланных «за продерзости».

То же самое продолжалось и в XIX в. С 1800 по 1860 г. на долю ссыльных пришлось почти 67% мигрантов в Сибирь — 349,6 тысячи человек из 516,8 тысячи[224].

Очевидно, что ссыльных не хватало для заселения Сибири, да и значительная часть этого «контингента» не желала заниматься сельским хозяйством, охотничьим промыслом, торговлей и т.д., предпочитая воровать, попрошайничать и пьянствовать. Собственно, то же происходило и в других осваиваемых частях империи, включая ту же Карскую область с ее православными переселенцами.

Много раз правление Российско-Американской компании обращалось в правительство и лично к царю с просьбой дать разрешение компании на покупку крепостных или на переселение на Аляску и Курильские острова «свободных хлебопашцев». И во всех случаях следовал категорический отказ.

В принципе, и при наличии крепостного права Александр I и Николай I могли переселить несколько миллионов человек в Сибирь и на Дальний Восток, а из них 100 тысяч «хлебопашцев» — в Калифорнию. И вот тогда анекдот 80-х гг. XX в., пародирующий телепрограмму « Время» — «На полях Калифорнщины в закрома Родины колхозники собрали богатый урожай зерновых», — стал бы былью.

Но для этого на престоле должна была быть сильная личность типа Ивана III, Ивана IV или Петра I. Царский указ боярам — выделить столько-то крестьян и столько-то денег — и баста! А ослушники первыми отправились бы на Камчатку. Беда русских царей от Александра I до Николая II в том, что они пытались сочетать деспотические законы с либеральными.

В 30-х гг. XIX в. Росс постепенно стал угасать. Бобры были выбиты, а землепашцы для развития сельского хозяйства из России так и не прибыли. Мексиканцы (1818 г. они отделились от Испании) и янки начали все ближе и ближе к Россу основывать свои фактории.

Спору нет, население Росса продолжало трудиться, на его верфи было построено шесть крупных судов (четыре для Российско-Американской компании и два для Испании), а также десятки малых судов. Росс посылал в Аляску кирпичи, деготь, солонину, масло и прочее. Несмотря на это, Российско-Американская компания имела ежегодного убытка от содержания этого поселения до 44 тысяч рублей.

В конце концов петербургские сановники подсунули царю указ о продаже Форта Росс. 15 апреля 1839 г. Николай I начертал на нем: «Быть по сему».

Теперь возник вопрос: а кому можно продать Росс?

Последний комендант Форта Росс Александр Ротчев и комиссионер Российско-Американской компании Кост¬ромитинов начали переговоры о продаже с мексиканским правительством за 30 тысяч долларов, с Гудзонской компанией и с частными лицами. Мексиканское правительство отказалось покупать Форт Росс на том основании, что земля его принадлежит Мексике.

13 декабря 1841 г. Форт Росс со всем свои инвентарем был продан Костромитиновым в Сан-Франциско швейцарцу Джону Суттеру из Нью-Гельвеции за 42 857 рублей и 14 копеек. Эти деньги выплачивались в четыре срока: первые две выплаты хлебом, а последние две — деньгами. Из этих денег 15 тысяч рублей были уплачены по требованию русского посла в Соединенных Штатах Бодиско, через русского консула в Сан-Франциско, американца Стюарта, не умевшего говорить по-русски. Всего же Российско-Американская компания получила только 37 484 рублей 45 копеек. После этого Ротчев с частью русских колонистов в

январе 1842 г. отплыл в Ново-Архангельск на бриге «Константин».

Передачу Росса Суттеру совершил А. Николач. Вместе с Фортом Росс были проданы и окружавшие его поселения: Костромитиново, Васильево, Хлебниково, Юрьево и Черник. Остались в Калифорнии крещеные индейцы, перешедшие в русское подданство, и русские поселенцы, не пожелавшие вернуться в Россию.

Американцы переименовали Росс в форт Суттер. В 1848 г. свершились два важных события в истории Калифорнии — вхождение в состав США и открытие больших месторождений золота. Началась знаменитая калифорнийская золотая лихорадка.

31 марта 1897 г. развалины Форта Росс посетил епископ Алеутский и Сан-Францисский Николай. Он писал: «...посетил сие священное для всякого русского место. С грустью взирал на мерзость запустения на месте святе. Господь да упокоит души почивших рабов Божьих и да простит согрешение тем, кто дерзнул отдать сие место, купленное ценою русской крови...»

После окончания Второй мировой войны американцы восстановили часть построек Форта Росс и устроили там музей. Археологи из Университета Калифорнии и Института приморской археологии западных штатов ведут сейчас раскопки первой калифорнийской судоверфи.

В завершение рассказа о Форте Росс стоит упомянуть и о романтической истории, связанной с пребыванием русских в Калифорнии. 24 марта (6 апреля) 1806 г.[225] в испанское поселение Сан-Франциско пришел русский фрегат «Юнона», на борту которого находился камергер Николай Петрович Резанов. Целью визита являлась закупка зерна для русских поселений на Аляске. Комендант крепости Аргуэлло категорически отказал, ссылаясь на запрет испанского правительства продавать продовольствие русским.

Резанов, зная слабость испанцев, уже подумывал пустить в дело пушки «Юноны», которые, как мы уже знаем, позже навели страху на самураев на Южном Сахалине и Курилах. Но в последний момент Резанов заметил прекрасные черные глаза, неотступно следящие за ним. Это была дочь коменданта пятнадцатилетняя Консепсьон, а для домашних просто Кончита.

Стоит заметить, что Резанов был из хорошей дворянской семьи и с 14 лет служил в Петербурге в лейб-гвардии Измайловском полку. Надо ли говорить, что он сумел произвести впечатление на девочку, выросшую в Богом забытом селении и притом обладавшую бешеным честолюбием. Не последнюю роль сыграло и то, что у Кончиты было еще четырнадцать сестер и братьев. Что ей светило в Сан-Франциско? Выйти замуж за испанского сержанта или в лучшем случае за лейтенанта и всю оставшуюся жизнь влачить жалкое существование. А тут перед ней был 42-летний красивый мужчина, полунезависимый правитель Аляски.

Не мудрствуя лукаво, Николай Петрович сделал Кончите предложение, которое было принято с восторгом. Сейчас историки спорят, состоялась ли в Сан-Франциско только помолвка или свер-

шилось обручение влюбленной пары. С юридической точки зрения Резанов мог вступить в брак — в 1802 г. умерла после родов его жена Анна Григорьевна, дочь основателя компании Шелихова[226]. Но наш камергер был православным, а невеста — католичкой. Тогда Резанов заявил, что он уедет в Россию и будет просить царя ходатайствовать перед папой римским, дабы тот разрешил им вступить в брак. Но к тому времени русские правители, начиная с Ивана III и до Павла I, выдали за католиков и протестантов десятка два своих дочерей, знатные русские вельможи женились на неправославных девицах, например, тот же Ибрагим Ганнибал — Арап Петра Великого. Так что вполне можно было и обвенчаться в Сан-Франциско.

Пока Кончита строила дерзновенные планы, Резанов заявился в порт и приказал грузить на «Юнону» продовольствие. Тесть-комендант заперся дома и в порту не показывался. Всего было погружено 2156 пудов (35,3 т) пшеницы, 351 пуд (5,7 т)ячменя, 560 пудов(9,2 т) бобовых.

11 июля 1806 г. «Юнона» подняла якоря, а на берегу стояла Кончита. Больше она никогда не увидит Резанова. Он простудится на Сибирском тракте и умрет 1 марта 1807 г. по дороге в Красноярск.

В 1808 г. новый правитель Аляски Баранов прислал письмо Кончите с сообщением о смерти Резанова, но она не поверила и продолжала ждать жениха. В смерти Николая Петровича ее сумели убедить лишь в 1842 г. А в 1851 г. Кончита постриглась в монахини под именем Доменики и основала первый женский монастырь в Калифорнии. Позже католическая церковь канонизировала ее.

Эта драматическая история вдохновила в 1972 г. Андрея Вознесенского на создание поэмы «Авось». Позже в театре Ленком был поставлен и спектакль «"Юнона" и "Авось"», где Резанова отлично играл Николай Караченцов.

На самом деле тендер «Авось» не был с Резановым в Сан-Франциско. Ну а «Юнона» благополучно доставила продовольствие в Ново-Архангельск. Фрегат несколько лет плавал в Тихом океане под флагом Российско-Американской компании, но 31 октября 1812 г. в шторм разбился на скалах у берегов Камчатки близ Петропавловской бухты.

Глава 4

Продажа Аляски

К 1 января 1819 г. население Русской Америки насчитывало: русских мужчин — 318, русских женщин — 13, креолов— 133, креолок— 111, или всего 451 мужчину и 124 женщины. Местное население на ту же дату состояло из

4062 мужчину и 4322 женщину, или всего 8384 человек. Итого в Русской Америке проживало 8977 человек[227].

Наиболее заселенными были остров Кадьяк, остров Уналашка, Ново-Архангельск и Форт Росс. В Россе в 1836 г. проживало 260 человек, в Ново-Архангельске в 1826 г. — 813, из которых 309 человек были русские, а остальные креолы. В селении Уналашка в 1834 г. жило русских и креолов 275 человек, в остальных десяти селениях — 470 человек[228]. К 1858 г. в колонии проживало 10 075 человек.

Отношения русских с местным населением были сложными. С одной стороны, ряд племен охотно сотрудничали с русскими, но, например, с воинственным и кровожадным племенем колошей неоднократно имели место вооруженные столкновения.

Хорошо описал колошей Отто Коцебу: «Чем богаче колош, тем он могущественнее. Он имеет множество жен, что способствует увеличению численности его семьи, а также покупает рабов и рабынь. .. Эти рабы состоят из военнопленных и их потомства. Хозяин обладает неограниченной властью над ними и даже имеет право убить, чем нередко пользуется. Когда же хозяин умирает, на его могиле умерщвляют двух рабов, чтобы у него были слуги и на том свете...

У одной девушки из племени колошей, расположившегося лагерем вблизи крепости, было четверо возлюбленных. Соперники вступили в борьбу, долго избивали друг друга, но ни один из них не хотел уступить. Наконец они решили убить свою возлюбленную и пронзили ее копьями. Несчастная тотчас же истекла кровью. Вокруг костра, на котором был сожжен труп, собралось все племя. Наши соотечественники, местные старожилы, перевели нам слова песни, сопровождавшей эту церемонию. Песня имела следующее содержание: "Ты была слишком прекрасна. То должна была умереть. Достаточно было взглянуть на тебя, чтобы обезуметь от любви"»[229].

А вот любопытное донесение И.А. Куприянова в Главное управление Российско-Американской компании от 1 мая 1838 г. Он просит наградить тоена (вождя колошей) Куатхе за доброе дело — он отказался убить на жертвеннике четырехлетнего мальчика в день поминания умерших. Этот мальчик был доставлен на шхуне «Акция» в Ново-Архангельск, окрещен в церкви, получил имя Михаил и определен в школу для мальчиков-туземцев. Куприянов просил разрешения наградить тоена.

Замечу, что в Ново-Архангельске была школа и для местных девочек. Поскольку русских женщин в колонии почти не было, многие русские промышленники и даже офицеры женились на туземках. Дети, рожденные в таком браке, назывались креолами. Обычно креол получал довольно приличное, даже по меркам Центральной России, образование. Вот, к примеру, Александр Филиппович Кашеваров. Родился он 28 декабря 1809 г. в Павловской гавани на острове Кадьяк. Отец его был русским учителем, а мать — алеутка. В 12 лет мальчика отдали в частный пан-

сион в Петербурге, а по окончании его он поступил в штурманское училище. В 1828 г. Кашеваров на судне «Елена», принадлежавшем Компании, ушел в свое первое кругосветное плавание из Кронштадта в Русскую Америку — на родину. Позже Александр Филиппович стал начальником гидрографической экспедиции по исследованию берегов Северо-Западной Америки, в 1850— 1856 гг. он был начальником Аянского порта в Охотском море. В 1860 г. Кашеваров был произведен в капитаны 1 ранга, в 1865 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. Умер он 25 сентября 1870 г.

Креол Андрей Ильич Климовский был отправлен Барановым на шхуне «Нева» в Петербург, где окончил штурманское училище. Вернулся на Аляску, участвовал во многих экспедициях, командовал шхуной «Акция».

Много сделали для исследования Аляски креолы Андрей Кондратьевич Глазунов, Петр Васильевич Малахов, Петр Федорович Колмаков, Андрей Устюгов, Иван Семенович Лукин.

Да и сам правитель Баранов женился на дочери вождя эскимосов и имел от нее дочь Ирину, вышедшую замуж за капитан-лейтенанта С.И. Яновского, а также сына Антипатра.

В отличие от англичан и янки, у русских никогда не было расовых и национальных предрассудков. Любой человек — турок, эскимос или колош, крестившийся по православному обряду, становился равноправным членом общества.

До 1831 г. Русской Америкой управлял клан Шелиховых, промышленников, обычно не отделявших интересы империи от своих собственных интересов. Они были склонны к экспансии и старались присоединить к владениям Компании всё новые территории. Но с уходом в 1830 г. с поста главного директора М.М. Булдакова (зятя Шелихова) ситуация резко изменилась. Царское правительство стало направлять на Аляску сроком на 5 лет управлять колонией морских офицеров. Первым из них стал Ф.П. Врангель. Офицеры эти более-менее разбирались в военно-морской науке, но были слабы в коммерции, мало знали жизнь колонии. Главное же, они чувствовали себя временщиками, отбывавшими положенный срок. Они боялись принять решительные меры против зарвавшихся янки и вообще вели себя по принципу «как бы чего не вышло», постоянно озираясь на Петербург. Естественно, что такие правители вели Российско-Американскую компанию к краху.

Любопытен список акционеров Компании к июню 1825 г.:

Его величество государь император — 60 акций;

Ее величество государыня императрица Елисавета Алексеевна — 4 акции;

Ее величество государыня императрица Мария Федоровна — 4 акции;

Его высочество государь цесаревич и великий князь Константин Павлович — 3 акции.

Итого 71 акция Компании у членов императорской фамилии.

Кроме того, было 180 держателей акций с правом голоса и 466 — без права голоса.

К 1 февраля 1812 г. Компания располагала судами, находящимися в удовлетворительном состоянии: «Ситха», «Ек¬липс», «Юнона»,«Петр и Павел», «Финляндия», «Ростислав» и «Мария».

К 1 апреля 1831 г. флотилия Российско-Американской компании располагала годными к плаванию судами «Сивуч», «Уруп», «Байкал», «Охотск», «Чичагов», «Бобр», «Уналашка» и «Рюрик». Нуждались в капительном ремонте ветхие суда «Булдаков», «Кяхта» и «Головнин».

В 1849 г. в Русской Америке была создана китобойная компания (с участием финских купцов). В 1860 г. Российско-Американская компания владела тринадцатью мореходными судами, из которых два были паровыми.

Любопытно, что первый пароход правление Компании решило завести еще в 1837 г., когда пароходы были редкостью в Балтийском и Черноморском флотах. 29 апреля 1838 г. в Ново-Архан¬гельск из Бостона прибыл американский шлюп «Суффолк», доставивший паровую машину мощностью в 60 номинальных лошадиных сил[230]. Вместе с машиной прибыл и инженер Э. Мур, заключивший с Компанией контракт на 2,5 года.

5 июня 1838 г. на верфи в Ново-Ар¬хангельске был заложен первый пароход Компании «Николай I». Длина его корпуса по палубе составляла 40,2 м; ширина с колесами 12,2 м, без колес 6,1 м; осадка 9 футов (2,74 м). Пароход строился в крытом эллинге, а машину, доставленную «Суффолком», собирали на шлюпе «Уруп».

1 апреля 1839 г. «Николай I» был спущен на воду. Через неделю к нему подогнали «Уруп» и с помощью специального устройства переставили машину. Первым командиром парохода стал уже известный нам креол подпоручик А.Ф. Кашеваров.

Таким же способом в Ново-Архан¬гельске был построен пароход «Баранов», причем главным строителем его был креол Осип Егорович Несветов.

В годы Крымской войны Российско-Американская компания и английская компания Гудзонова пролива по согласованию с правительствами России и Британии объявили себя нейтральными. Это показывает, что силы англичан в Северной Америке были малы и они сами боялись русских. Тем не менее, на всякий случай гарнизон Ново-Архангельска был усилен сотней солдат Сибирского линейного батальона. Единственной потерей Компании стал шлюп «Ситха», захваченный в океане близ берегов Камчатки англо-французской эскадрой.

После окончания Крымской войны к власти в России приходят новые люди, и начинается эпоха реформ. Новый император Александр II отдает Морское ведомство своему брату Константину, а Министерство иностранных дел — князю А.М. Горчакову.

В 1861 г. царь-освободитель отменил крепостное право, но большая часть зе-

мель осталась в руках помещиков. Тут можно было бы сказать, «нет худа без добра» — безземельные, но уже лично свободные крестьяне теперь устремятся осваивать окраины империи в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию. Массовая миграция русского населения в эти области в 1861 — 1904 гг. не только предотвратила бы продажу Аляски, но и позволила бы избежать русско-японской войны. Да и вообще к 1917 г. в составе России были бы Аляска и Маньчжурия, в которых преобладало русское (православное) население.

Но, увы, стратегические интересы империи были диаметрально противоположны интересам нашего правящего класса — помещиков. Начнись массовая миграция — резко упадут цены на земли в Центральной России, а стоимость труда батраков возрастет в несколько раз. Поэтому царское правительство издало ряд законов и положений, которые препятствовали миграции населения из центра империи на ее окраины.

Новый глава Морского ведомства генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич энергично начал строительство нового парусно-парового флота. Впервые в русской истории наряду со строительством судов для прибрежных морей (Балтийского и Черного) серийно строятся суда для дальних походов.

Русские фрегаты, корветы и клипера сочетали паровые машины с отличным парусным вооружением. Любопытно, что максимальная скорость этих судов под паром была в среднем ниже, чем под парусами. Так, фрегат «Илья Муромец» давал под паром до 8 узлов, а при полном ветре под парусами — 12 узлов. А скорость хода корвета «Богатырь» под парусами достигала 14 узлов.

Фрегаты, корветы и клипера предназначались для действий в океане и должны были большую часть времени проводить под парусами. Машины вводились в действие л ишь в штиль, в узкостях прибрежных вод и, разумеется, в бою. Чтобы не мешать действиям с парусами, на многих судах паровые трубы делались телескопическими, то есть убирающимися. Поэтому часто на фотографиях и рисунках парусно-паровые суда выглядят как чисто парусные. Чтобы гребной винт не создавал дополнительного сопротивления при ходе под парусами, его разъединяли с валом и поднимали внутрь корпуса через специальный колодец.

Парусно-паровые суда обладали огромной автономностью и могли по много месяцев не заходить в порты. И это в мирное время, а ведь в случае войны они могли пополнять запасы воды, продовольствия и угля с захваченных торговых судов.

8 июля 1857 г. из Кронштадта на Тихий океан ушел фрегат «Аскольд» под командованием флигель-адъютанта Унковского.

19 сентября 1857 г. из Кронштадта на Тихий океан впервые в истории российского флота пошла целая эскадра под командованием капитана 1 ранга Д.Н. Кузнецова. Она получила название первого Амурского отряда, в составе которого были корветы «Воевода», «Новик»,

«Боярин» и клипера «Джигит», «Пластун» и «Стрелок». Российско-Американская компания предоставила для них судно снабжения —транспорт «Николай I».

В июле 1858 г. из Кронштадта на Тихий океан отправился второй Амурский отряд под командованием капитана 1 ранга А.А. Попова. В его составе были корветы «Рында», «Гридень» и клипер «Опричник».

Почти через год, в конце августа 1859 г., на Тихий океан отправится из Кронштадта новый отряд: корвет «Посадник» и клипера «Наездник» и «Разбойник».

В январе 1863 г. польские паны в очередной раз подняли восстание, целью которого было воссоздание Речи Посполитой «от можа до можа». Англия и Франция осуществляли дипломатическую поддержку мятежников, дело дошло до угрозы вооруженного вмешательства. Причем одновременно Англия и Франция пытались вмешаться и в Гражданскую войну в США.

23 июня 1863 г. управляющий Морским министерством Н.К. Краббе[231] подал Александру II всеподданнейшую записку. Там говорилось: «Примеры истории морских войн прежнего времени и нынешние подвиги наскоро снаряженных каперов Южных Штатов служат ручательством в том, что вред, который подобные крейсеры в состоянии нанести неприятельской торговле, может быть весьма значителен. Не подлежит сомнению, что в числе причин, заставляющих Англию столь постоянно уклоняться от войны с Американскими Штатами, — опасения, возбуждаемые воспоминаниями об убытках, понесенных английской морской торговлей в прошедшие войны с Америкой. Они занимают одно из первых, если не первое место, и потому я позволяю себе думать, что появление нашей эскадры в Атлантическом океане в настоящее время может иметь на мирное окончание происходящих ныне переговоров более влияния, нежели сухопутные вооружения, имеющие в особенности в отношении к Англии чисто оборонительный характер, который не угрожает жизненным интересам этой морской и коммерческой страны».

Царь согласился, и русские корабли скрытно прибыли в Америку. 24 сентября 1863 г. эскадра контр-адмирала С.С. Лесовского прибыла в Нью-Йорк, а в октябре эскадра контр-адмирала А.А. Попова оказалась на рейде Сан-Франциско.

Прибытие русских эскадр в Америку произвело в Лондоне и Париже эффект разорвавшейся бомбы. Все разговоры о вмешательстве в Гражданскую войну в США и во внутренние дела Российской империи как-то сами собой стихли.

С начала 80-х гг. XIX в. в Тихом океане уже постоянно находится мощная эскадра русских паровых кораблей. Русские адмиралы лихорадочно ищут базы в Тихом океане[232]. И тут следует... продажа Аляски.

Более абсурдного решения представить себе невозможно. Что же произошло?

К несчастью для России тут сошлись интересы двух ключевых фигур импе-

рии — великого князя Константина Николаевича и князя Горчакова.

Культ Горчакова начал складываться в 60-х гг. XIX в. В 1871 г. ему посвящал стихи Тютчев, в 70-х гг. XX в. Пикуль написал «Битву великих канцлеров». И вот в постсоветское время мы наблюдаем новый всплеск популяризации Горчакова.

На самом же деле Горчаков был весьма талантливым дипломатом, но, увы, суровнем мышления конца XVIII в. Он наивно полагал, что ходом истории можно управлять с помощью дипломатических нот, депеш или циркуляров. В чем-то он похож на русского дипломата Билибина, с блеском описанного Толстым в романе «Война и мир». Кроме того, в 1856 г. Горчаков, как и многие другие наши дипломаты и военные, заболел «синдромом Крымской войны», то есть боязнью европейских коалиций, направленных против России.

Секрет же успеха князя Горчакова в том, что статью Парижского мира об ограничении морских сил на Черном море он сумел раздуть до размеров национальной катастрофы, а затем через четырнадцать лет совершил чудо — одним росчерком пера избавил Русь от столь страшной угрозы.

Немаловажным фактором для популярности Горчакова была его дружба с А.С. Пушкиным.

Горчаков до самой смерти панически боялся Англии. Он так и не понял, что наступил век железной брони, нарезных пушек и крейсеров, а главное, сильных правителей, которых меньше всего интересовали какие-то договора.

Горчаков был против любых акций России — посылки эскадр к берегам Америки в 1863 г., продвижения в Средней Азии и т.д. Русская Америка мешала престарелому канцлеру в его химерах дипломатических игр.

Великому князю Константину Николаевичу крайне нужны были огромные средства на внутренние преобразования в империи и на строительство флота, а Российско-Американская компания в 50—60-х гг. XIX в. приносила лишь убыток. Пусть убыток этот был невелик, но он покрывался за счет Морского ведомства. Кроме того, властный Константин считал, что все военные суда должны быть в его подчинении. В свое время Герман Геринг заявил: «Все, что летает, — мое». Не знаю, говорил ли Константин: «Все, что плавает, — мое», но, во всяком случае, он так думал. Его просто раздражали вооруженные пушками пароходы компании.

Тут следует заметить, что и в целом освоение Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. было для империи убыточным делом. Те же суда Добровольного флота, курсировавшие с Балтийского и Черного морей на Дальний Восток, а также Транссибирская магистраль были убыточны и требовали дотации государства. Так что же, России надо было уйти за Уральский хребет?

В итоге великий князь Константин весной 1857 г., отдыхая в Ницце, написал Горчакову письмо с предложение продать Русскую Америку: «Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть,

что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы будет не в состоянии воротить их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы, и потеря их не была бы слишком чувствительна и потребовала только вознаграждения нашей Российско-Американской компании»[233].

Горчаков поддержал план генерал-адмирала. К 29 апреля (11 мая) 1857 г. он подготовил для высочайшего доклада записку «Об уступке Соединенным Штатам наших владений в Северной Америке» с грифом «Весьма секретно». Записка начиналась так: «Министерство иностранных дел вполне разделяет мысль его императорского высочества великого князя Константина Николаевича относительно уступки наших владений...»

Механизм продажи был запущен. Однако бюрократическая машина работала медленно, и лишь в конце 1866 г. было принято окончательное решение. «16 декабря 1866 г. с участием царя состоялось совещание, на котором присутствовали великий князь Константин Николаевич, А.М. Горчаков, М.Х. Рейтерн, морской министр Н.К. Крабе, прибывший из Вашингтона посол России Э.А. Стекль. Все они безоговорочно высказались за продажу российских владений США. В пользу такого шага были выдвинуты следующие доводы:

1. Убыточность компании (РАК) и невозможность правительственной поддержки ввиду тяжелого финансового положения страны.

2. Невозможность обеспечения защиты колоний в случае войны от неприятельского флота, а в мирное время — от мародеров и иностранных судов, ведущих хищнический рыбный промысел.

3. Ослабление значения колоний в Америке в связи с утверждением России в Приамурье и Приморье.

4. Стремление избежать столкновений с США из-за колоний и продажей их укрепить дружественные отношения между Россией и США»[234].

Тут Горчаков вновь перемудрил: «Ввиду протяженности и очертаний своих границ Россия нигде не смогла бы располагать достаточными силами, когда стремилась бы их иметь повсюду, но сама указала бы уязвимые для неприятеля участки, попытавшись сосредоточить их в одном месте».

А сейчас те же перлы повторяют наши политики и академики. Академик А.Л. Нарочницкий писал, что русское правительство «понимало, что ему не удержать Аляску и Алеутские острова, которые при первом же вооруженном столкновении были бы отняты Соединенными Штатами»[235].

Неужели наши политики и военные не могут видеть на примере Англии в XIX в. и в первой половине XX в., а позже на примере Америки, что не обязательно быть сильнее соперников в каждой точке земного шара, а достаточно иметь возможность быстро перебросить в нужный район большие силы и, кроме того, нано-

сить и асимметричные удары по противнику.

Предположим, английский флот напал на Русскую Америку. В ответ русский флот мог начать беспощадную крейсерскую войну в Мировом океане, а русская армия двинулась бы в Индию.

До США наша армия дойти не могла, но зато в 1867 г. русский флот мог устроить экономическую катастрофу Америке. Да и в русско-американскую войну неизбежно вмешались бы обиженные янки Испания и Мексика.

Наконец, после разгрома Франции Пруссией в 1870 г. любая европейская коалиция против России была бы исключена, по крайней мере, на 30 лет.

Тем не менее русское правительство заключило 30 марта 1867 г. договор с США о продаже Русской Америки за 7 млн 200 тыс. долларов. Причем сделано это было в секретном порядке втайне от народа.

В числе уступленных по договору Россией Соединенным Штатам территорий на Североамериканском континенте и в Тихом океане были: весь полуостров Аляска (по линии, проходящей по меридиану 141° з. д.), береговая полоса шириной в 10 миль южнее Аляски вдоль западного берега Британской Колумбии; Александра архипелаг; Алеутские острова с островом Атту; острова Ближние, Крысьи, Лисьи, Андреяновские, Шумагина, Тринити, Умнак, Унимак, Кадьяк, Чирикова, Афогнак и другие более мелкие острова; острова в Беринговом море: Св. Лаврентия, Св. Матвея, Нунивак и острова Прибылова — Сен-Пол и Сен-Джордж. Общий размер уступаемой Россией сухопутной территории составлял 1 млн 519 тысяч кв. км. Вместе с территорией Соединенным Штатам передавалось все недвижимое имущество, все колониальные архивы, официальные и исторические документы, относящиеся к передаваемым территориям.

При ликвидации дел Российско-Американской компании в 1868 г. часть русских была вывезена с Аляски на родину. Другая же часть — около 200 человек — оставлена была в Ново-Архангельске из-за нехватки судов.

Позднее оставшиеся на Аляске русские подданные неоднократно обращались с прошениями к представителям русского правительства в Америке с просьбой помочь им в переселении на азиатский берег России, но безрезультатно. Последнее из известных прошений было послано в 1874 г. за подписями 123 человек «русских и креолов, оставшихся в Ситхе, по неимению случая выехать в Россию». К сожалению, обнаружить документы, проясняющие дальнейшую судьбу этих людей, не удалось. Скорее всего, они так и не добрались до родных берегов.

Говорить о тех барышах, которые получили янки на Аляске от добычи пушного зверя, разработки месторождений золота, а в XX в. и от огромных нефтяных залежей, видимо, не стоит. Это общеизвестно.

Менее известно то, что после продажи Аляски отношения России и США су-

щественно ухудшились. Американцы получили все, что хотели, а затем начали третировать нашу страну по различным поводам. Так, например, конгресс США потребовал, чтобы Россия отменила «черту оседлости» для евреев. Спору нет, «черта» не украшала империю, но она не помешала еврейскому капиталу занять непропорционально большое место в экономике России, равно как и еврейские студенты занимали первое место в пропорциональном отношении в вузах империи. Так что лучше бы конгресс вспомнил о сегрегации негров в южных штатах.

В 1904 г. США заняли явно прояпонскую позицию в ходе русско-японской войны. Из Америки в Японию непрерывным потоком шли стратегические материалы, оружие и огромные займы на льготных условиях.

А в 1945 г. правительство США превратило Аляску в плацдарм для нападения на СССР. Там базировались стратегические бомбардировщики и корабли — носители ядерного оружия.

В 1991 г. распался Советский Союз, в России установилась рыночная экономика, то есть «угроза коммунистической агрессии», о которой столько твердили на Капитолии, полностью исчезла, а вот базы с ядерным оружием на Аляске остались и продолжают совершенствоваться.

Список использованной литературы

Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005.

Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982.

Арутюнян А. О. Кавказский фронт (1914-1917 гг.). Ереван, 1971.

Басилая Ш.И. Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968.

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914— 1917 гг.). М.:РОССПЭН,2004.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002.

Берг Л. С. История русских географических открытий. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

Берг И. В. Записки о польских заговорах и восстаниях. М., 1873.

Берг И. В. Первые два года последнего польского движения. СПб.: Библиотека для чтения. № 1 —2/1864.

Бовыкин В. И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. — 1917 год. М.: Учпедгиз, 1960.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994.

Вандаль Альберт. Наполеон и Александр I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840.

Веселого Ф. Ф. Краткая история русского флота (с начала развития морепла¬вания до 1825 г.), М. —Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф.Новицкого,А.В. Фон-Шварца и др.: в 18 т. Петербург, 1911—1915.

Волков СВ. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.

Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003.

Голицын В. Очерк участия Охранной стражи КВЖД в событиях 1900 г. в Маньчжурии. Харбин, 1910.

Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999.

Грабеньский В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия/ Под ред. С.С. Хромова. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т 2/ Под ред. И. Егорова, Е. Шведе. Часть 1. Балтийский флот 1918—1919 гг. Л.: Редакционно-издательский отдел Морских Сил РККФ, 1926.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). М., 1927.

Дацышен В. Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. //Альманах «Цитадель». СПб., 1996.

Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин//Альманах «Цитадель». СПб., 1999.

Дивин В.А. Повесть о славном мореплавателе. М.: Мысль, 1976.

Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 г.— 31 декабря 1918 г.). М.: Политиздат, 1957.

Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота, М. — СПб: ОЛМА-ПРЕСС— Издательский дом «Нева», 2000.

Древнерусские княжества X—XIII вв./Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1975.

Древняя Русь в свете зарубежных источников/Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Екатерина II и Потемкин. Личная переписка 1769-1791 /Под ред. В.С.Лопатина. М.: Наука, 1997.

Ермолаев С.В. Город Карс. Карс, 1902.

Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994.

Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918. М.: Воениздат, 1931.

Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Записки императрицы Екатерины Второй. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907.

Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М.: Наука, 1986.

История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997.

История железнодорожного транспорта в России/ Под ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. Т. I (1836-1917 гг.). СПб. — М.: АО «Иван Федоров», 1994.

История отечественной артиллерии / Под ред. С.С. Варенцова. М.: Управление командующего ракетными войсками и артиллерией, 1962.

История Польши/Сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. М.: Монолит-Евролинц-Традиция,2002.

Казачьи войска / Сост. В. Казин. Справочная книжка императорской Главной квартиры, 1912.

Какурин И.Е., Меликов В.А. Гражданская война в России: война с белопо¬ляками. М.: АСТ, 2002.

Карл Густав Маннергейм. Мемуары. М.:Вагриус, 1999.

Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1993.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005.

Клинге М. На чужбине и дома. СПб.: Коло, 2005.

Коковцев М. Г. Описание Архипелага. СПб, 1786.

Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб, 1815.

Корсун И.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: АСТ, 2004.

Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

Кремлев С. Русская Америка: Открыть и продать! М.: Яуза, 2005.

Кроткое А.С. Военные действия русского флота в Архипелаге. Кронштадт, 1889.

Кроткое А. С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II. СПб, 1889.

Лайдинен Э.П. Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.). Петрозаводск: Компания РИФ, 2004.

Лопатникое В.А. Пьедестал: время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2004.

Любаеский М.К Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М.: Издательство Московского университета, 1996.

Маковский А.А., Радченко Б.М. Каспийская Краснознаменная. М.: Воениздат, 1982.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт, М.: Мысль, 1973.

Материалы для истории Русского флота, СПб. Ч. XII. 1888.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)/ Под ред. Е.М.Жукова. М.: Господитиздат, 1951.

Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003.

Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Главная редакция восточной литературы РАН, 1994.

Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х гг. М., 1997.

Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М.: Политиздат, 1990.

Никульченков К. И. Адмирал Лазарев. М.: Воениздат, 1956.

Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. М.: Индрик, 2004.

Отчет по строительству железной дороги Карс — Сарыкамыш. Тифлис, 1915.

Павленко Я.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994; Вече, 2006.

Под Андреевским флагом: Век XVШ/ Сост. В.В. Шигин. М.: Патриот, 1994.

Полушкин Л.П. Братья Орловы. Легенда и быль. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10т М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Раздел Азиатской Турции. М., 1924.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815—1841 гг. Сборник документов/Составители Т.С. Федорова, Л.И. Спиридонова. М.: Наука, 2005.

Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия)/Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Амбризо, 1994.

Россия. История XIX в. М.: Новь, 1998.

Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В.Н Алексеева, М.: Воениздат, 1976.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А.И. Андреева. М.:ОГИЗ, 1948.

Сборник документов, относящихся к Китайско-Восточной железной дороге. Харбин, 1922.

Сокол К. Г. Русская Варшава. М.: Синергия, 2002.

Соловьев С.М. Император Александр I. М.: Мысль, 1995.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1993.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002.

Стегний П. В. Хроника времен Екатерины II. М.: Олма-Пресс, 2001.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М.—Л.:Изд-воАНСССР, 1945.

Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб. ,1861.

Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004.

Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб. - М.: Полигон -АСТ, 1998.

Уткин Н.И. Россия — Финляндия: «карельский вопрос». М.: Международные отношения, 2003.

Хелмицкий П. Карская область. Военно-статистическое обозрение. Тифлис. 1893.

Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник: в 2т.. Т. 2. М.: Воениздат, 2002.

Чичагов П.В. Записки. М.: Российский фонд культуры, студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 2002.

ШарымовА.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб.: Ж. «Нева», 2004.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.: Наука, 1987.

ШирокорадА.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. М.: Вече, 2006.

ШирокорадА.Б. Дипломатия и войны русских князей от Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

ШирокорадА.Б. Падение Порт-Артура. М.: АСТ, Ермак, 2003.

Широкорад А.Б. Россия выходит в Мировой океан. М.: Вече, 2005.

Широкорад А.Б. Россия и Китай: конфликты и сотрудничество. М: Вече, 2004.

Широкорад А.Б. Русско-турецкие войны 1676-1918 гг. М.: ООО «Издательство АСТ»; Минск: Харвест, 2000.

Широкорад А.Б. Русско-японские войны 1904—1945. Минск: Харвест, 2003.

Широкорад А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004.

Широкорад А.Б. Северные войны России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

ШишовА.В. Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паске¬вич-Эриванский. М.: Центрполиграф, 2001.

Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1998.

Примечания

[1] Говоря о Древнерусском государстве, я с некоторых пор стал избегать антиисторического термина «Киевская Русь» или «Киевское государство», дабы не подыгрывать «самостийникам» — мошенникам от истории. В IX—XVIII вв. ни у нас, ни за границей не был известен термин «Киевская Русь». Его ввели русские историки в XIX в. как удобную метку.

[2] Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 188.

[3] ГиппингА.И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003. С. 62.

[4] Речка, впадающая в Ладожское озеро между Пашею и Сясью, современное название реки — Вороновка или Воронега.

[5] Хорош католический архиепископ, он не только 9 лет воевал, да еще и жену имел.

[6] Например, исследование «Хроники Эрика» в книге: Е.А. Рыдзевская «Древняя Русь и Скандинавия, IX—XIV вв.» М.: Наука, 1978.

[7] Подробности Невской битвы я опускаю, а интересующихся отсылаю к моей книге «Дипломатия и войны русских князей от Рюрика до Ивана Грозного».

[8] Хроника Эрика.

[9] Там же.

[10] Drake K. «Die Burg Hameenlinna im Mittelalter», 1968, s. 11; «Mika oli Vanain Iinna?» — In: Arx Tavastica. Hameenlinna, 1967,s. 24—38; Juva E., Juva M. «Suomen kansan historia», Helsingissa, 1964, s. 151.

[11] Новгородская летопись говорит о «детинце»:«... бяше бо место велми силно, твердо, на камени высоце, не имея приступу ниоткуду же»

[12] Лойва — легкое речное гребное судно; шнек — морское судно, обычно использовалось как грузовое.

[13] Marscalcus regni — высшее воинское звание в Швеции в XIII—XV вв.

[14] Ладулос — амбарный замок (швед.).

[15] Некоторые историки, в т.ч. И.П. Шаскольский, утверждают, что Кнутс¬сон лично не участвовал в походе.

[16] Время его основания неизвестно, по разным источникам его датируют от XI до начала XIV в.

[17] На Руси этот поход называли Дю¬деневой ратью по имени предводителя татар Дюденя. Ущерб от Дюденевой рати был не меньше, чем от Батыевой рати.

[18] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда». М.: Вече, 2004.

[19] Роман Глебович — удельный брянский князь, сын смоленского князя Глеба Ростиславича.

[20] Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб.: Ж. «Нева», 2004. С. 90.

[21] В это число не включены матросы, оруженосцы и т. д.

[22] Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIVв., Л.: Наука, 1987. С. 53.

[23] Кирпичников А. Историко-археологические исследования древней Корелы: Корельский город XIVв.Л., 1979. С. 55—60; Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 123-126.

[24] Точно ее идентифицировать историки не могут. Одни предполагают, что это река Кюмийоки, другие — Купитаниоки (Kuppittaanjoki), называют и другие реки.

[25-26] Гельсингфорс — шведское название города, финское название — Хельсинки. Однако на картах Российской империи город по-прежнему назывался Гельсингфорс.

[27] Конные галеры — это гребные суда, предназначенные для перевозки лошадей.

[28] Островные лодки — фактически малые галеры, название получили за успешные действия в шхерах.

[29] Он вступит в 1761 г. на русский престол под именем Петра III, но через несколько месяцев умрет от «геморроидальных колик».

[30] Денисов Федор Петрович, родился в Пятиизбенной станице на Дону в 1738 г. В 1756 г. поступил простым казаком в полк. В 1799 г. первым из казаков получил графский титул.

[31] Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. С. 53-55,60.

[32] Там же. С.65—67.

[33] Там же. С. 67.

[34] Там же. С.94,101.

[35] Там же. С. 192.

[36] Там же. С. 195-196.

[37] Там же. С. 196-197.

[38] 68-фунтовые (203-мм) пушки — самые мощные русские пушки на 1853 г.

[39] Клинге М. Имперская Финляндия. С. 199.

[40] Клинге М. На чужбине и дома. СПб.: Коло, 2005. С. 245.

[41] Там же. С. 49,74.

[42] Клинге М. Имперская Финляндия. С. 285-286.

[43] Калибр орудия /длина ствола в калибрах, то есть длина ствола этого 305-мм орудия 305 х 52 мм.

[44] Конструкции известного русского артиллериста Роберта Августовича Дурляхера, родом из прибалтийских немцев. В 1915 г. в связи с войной он изменил свою фамилию на Дурляхов.

[45] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия выходит в Мировой океан».

[46] Клинге М. Имперская Финляндия. С. 553.

[47] Там же.

[48] Начиная с 1 января 1918 г. все даты приводятся только по новому стилю.

[49] При этом никого не смутило, что столь горячий патриот Финляндии не знал финского языка.

[50] Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 54.

[51] До этого Маннергейм пользовался исключительно шведским и русским языками.

[52] Цит. по: Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 114.

[53] Там же. С. 115.

[54] В декабре 1918 г. финны передали ледокол Эстонии, и лишь 6 августа 1940 г. «Волынец» был возвращен законному владельцу — государству Российскому, которое в то время именовалось СССР

[55] Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т 2 / Под ред. И. Егорова, Е. Шведе. Часть 1. Балтийский флот 1918—1919 гг. Л.: Ред.-Изд. отдел морских сил РККФ, 1926. С. 48-49.

[56] Курт Мартти Валлениус (1893—1968) — политик и военный, в 1918—1921 гг. начальник пограничной службы в Лапландии, с 1930 г. генерал-майор, профессор географии Северных стран в университете Хельсинки (1952—1956).

[57] Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 117.

[58] С обеих сторон сражались и русские, и эстонцы, поэтому я условно называю их красными и белыми.

[59] Во-первых, британские корабли строились с учетом опыта Первой мировой войны, это были уже корабли другого класса. Во-вторых, ни один из русских кораблей не мог дать проектного хода, орудия были расстреляны и т. д.

[60] Полк был преобразован из отряда красных финнов под командованием Э.А. Рахья в Петрограде в марте 1919 г.

[61] 1 кабельтов = 185,2 м.

[62] Автор не склонен доверять Эгару, но документов, подтверждающих или опровергающих его заявление, нет.

[63] Широкорад А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004. С. 346.

[64] Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1. М.: Худож.лит.,1958.С307.

[65] Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973. С. 512.

[66] Михаил-Гедеон Радзивилл (1778—1850).

[67] Цит. по: Россия. История XIX в. М.: Новь, 1998. С. 85.

[68] Мальта имеет несколько островов, но в обиходе ее принято называть островом.

[69] Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. С. 222, 223,224.

[70] Иван Иванович Дибич родился в 1785 г., учился в Берлинском кадетском корпусе, после окончания которого в 1801 г. зачислен прапорщиком в лейб-гвардейский Семеновский полк. Сын генерал-майора русской службы Ивана Ивановича (Ганса Эренфрида) Дибича, поступившего на русскую службу в 1799 г.

[71] Дебуширование — от франц. debouche (выход из теснины). Выход

войск из теснины (ущелья, горного прохода, моста, плотины и т. п.) или какой-либо закрытой местности (леса, деревни) на более широкое место, где можно развернуться. Дебуширование в виду неприятеля сопряжено с большими затруднениями: приходится двигаться узким фронтом, сильно поражаемым огнем в глубину, вследствие чего даже большое превосходство в силах не имеет значения.

[72] Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб. - М.: Полигон -АСТ, 1998. С. 358.

[73] Иван Федорович Паскевич родился в 1782 г. в Полтаве, в 1872 г сменил Ермолова на Кавказе. За взятие крепости Эривань и другие успехи в войне с Персией был возведен в графское достоинство и получил прибавку к фамилии — Эриванский.

[74] 18 марта 1831 г. польские войска Скржинецкого нанесли поражение корпусу русского генерала Розена. Однако поляки не преследовали отступающих, благодаря чему русские сумели в порядке отойти к Калушину.

[75] Так наши мудрые генералы пытались воевать и в Крымскую войну, в результате чего артиллерия несла огромные потери от огня нарезных ружей пехоты противника.

[76] Не путать с крепостью Иван город, расположенной напротив Нарвы.

[77] Александр Николаевич Лидере родился в 1790 г. Его отец был сподвижником Суворова. В кавалергардах он не бывал, зато в 15 лет поступил в Брянский пехотный полк и через несколько недель участвовал в Аустерлицком сражении. В 1808— 1812 гг. участвовал в штурмах Силистрии и Рущука, за что получил золотую шпагу. В войну 1812 г. командовал лейб-гвардейским Егерским полком. В 1813 г. был ранен под Кульмом. В 1828 г. осаждал Браилов и Шумлу. В 1829 г. одним из первых вошел в Адрианополь. В 1831 г. Лидере дрался с поляками под Остроленкой, входе штурма Варшавы первым ворвался в редут «Воля». С 1843 г. по 1847 г. воевал на Кавказе. В 1849 г. командовал V корпусом при подавлении венгерского восстания.

[78] Варшавский военный округ был образован в 1862 г.

[79] В Льеже (Бельгия) было заказано 76 тысяч штуцеров (типа винтовки). Однако при доставке их повстанцам более половины захватили австрийские и русские пограничники.

[80] Людовик Мирославский (по другим документам Мерославский) родился в 1814 г. Участник восстания 1830— 1831 гг., эмигрировал во Францию. В 1845 г. он пытался пробраться в Варшаву, но был арестован прусскими властями и приговорен к смертной казни, замененной позже на пожизненное заключение, освобожден в 1848 г. В 1859 г. Мирославский воевал на стороне Гарибальди в Сицилии, в 1850-х гг. сблизился во Франции с бонапартистами.

[81] Лангевич (Лянгевич) родился в 1827 г. Несколько лет служил в гвардейской артиллерии прусского короля. В 1859

г. Лангевич воевал вместе с Гарибальди в Сицилии.

[82] Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1993. Т. 2. С. 196.

[83] МИД Великобритании.

[84] По данным: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 275.

[85] Дело в том, что после ликвидации униатской церкви в пределах империи часть бывших униатов (этнических русских) перешла в католицизм.

[86] Каюсь, мне самому не по душе термин «буржуазные националисты», но выдумывать новый термин в данной монографии вряд ли целесообразно, поэтому я по возможности пользуюсь сложившейся в нашей стране политической терминологией.

[87] СДПГиС — Социал-демократическая партия Галиции и Силезии.

[88] Имели в виду пленных, захваченных входе Первой мировой войны.

[89] Основатель Социал-демократической партии Королевства Польского (СДКП) в 1893 г., в 1918 г. - заведующий иногородним отделом ВЦИК.

[90] С панами Антону Ивановичу Деникину пришлось познакомиться еще в детстве. Его отец, выходец из крестьян, служил унтер-офицером в Польше и женился на польке. Местный ксендз потребовал от нее воспитать сына русофобом и грозил отлучить от церкви. В конце концов Иван Деникин сходил к ксендзу и сильно побил его.

[91] Ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

[92] Правда, часть денег ушла на замятие вопросов по Польше.

[93] Рейс-эфенди — министр иностранных дел в Османской империи.

[94] Фрегат — трехмачтовое парусное военное судно с полным парусным вооружением. Нес от 30 до 60 пушек на нижнем деке и верхней палубе. Принципиальной разницы между большими фрегатами и малыми кораблями не было. В ряде флотов мира, включая русский, встречались и гребные фрегаты. Основным движителем их был парус, но при необходимости использовались и весла. Огневая мощь и мореходность гребных фрегатов были заметно хуже, чем у обычных фрегатов. Гребные фрегаты предназначались в основном для огневой поддержки гребных судов в прибрежных водах.

[95] Торговый флаг — это современный Государственный флаг Российской Федерации. В царствование Александра III его сделали государственным флагом России.

[96] Коковцев М.Г. Описание Архипелага, СПб., 1786.

[97] Это ранг числа, фактически на нем могло стоять несколько меньше или несколько больше пушек.

[98] Пинк — торговое судно, которое в Средиземном море часто называли барк. Пинк нес обычно 3 мачты с косыми, реже прямыми парусами. Характерное отличие — наклон крайних мачт в сто-

рону носа (фок-мачта) и кормы (бизань-мачта).

[99] Пакетбот — от английского «почтовое судно». Предназначено для посыльной службы, перевозки почты и пассажиров. Для самообороны пакетботы имели до 16 пушек малого калибра.

[100] Корабль — парусное военное судно, несло 3 мачты с прямыми парусами. Корабли с XVII до середины XIX в. являлись основной силой военно-морских флотов. Они имели от 50 до 100, а в XIX в. до 130 орудий крупного и среднего калибра, которые располагались на одной-трех закрытых палубах (деках) и на открытой палубе. В русском флоте к началу царствования Екатерины II максимальный калибр был 36 фунтов (172 мм) для пушек и 1 пуд (196 мм) для единорогов. Минимальным калибром были 8- или 6-фунтовые пушки. Пушки меньших калибров и Кугорновы мортиры в счет не шли, их устанавливали в различных местах корабля по мере необходимости или переставляли шлюпки и барказы корабля. С середины XIX в. повелось кораблем называть любое крупное судно. А в начале XX в., после появления «Дредноута» броненосцы дредноутного типа и старые броненосцы были переклассифицированы в линейные корабли. К сожалению, с середины XX в. стали применять термин «линейный корабль» к кораблям XVIII—XIX вв. Иногда не видят разницы между карронадой, пушкой и мортирой, и вместо того чтобы применить к их совокупности общее понятие «орудие» или «артиллерийское орудие», они всех их записывают в пушки. Точно так же шебеки, бриги и галеры в XVIII в. — это не корабли, а их совокупность в русском языке обозначается четко и ясно — суда.

[101] Он же в разных документах - Витало или Витула.

[102] Галера — одно из древнейших гребных судов Средиземного моря. Главное назначение галеры — ведение боевых действий. Кроме того, галеры использовались в качестве посыльных судов и для перевозки начальства — венецианских дожей, Екатерины Великой и т. п. Длина средиземноморских галер в конце XVIII в. составляла от 50 до 60 м. Они несли 28—30 пар весел и 2 мачты с «латинскими» парусами. От 1 до 3 тяжелых пушек находилось на носу галеры. Кроме того, до двадцати одно- трехфунтовых пушек и фальконетов могло размещаться в вертлюжных установках на носу, корме и по бортам. Полугалера — галера меньшего размера (менее 15 банок).

[103] Полакра (полака) — особый средиземноморский тип трехмачтовых судов, использовались в основном как торговые суда, но при необходимости переоборудовались в боевые. Парусное вооружение их варьировалось довольно широко, встречались и «латинские», и прямые паруса.

[104] С.К. Грейг родился в 1736 г. в Шотландии. С разрешения британского правительства в 1764 г. лейтенант Грейг поступил на русскую службу и сразу получил чин капитана 1-го ранга, но с

условием проплавать год на русских кораблях стажером.

[105] Ганнибал Иван Абрамович, сын знаменитого «арапа Петра Великого», приходился двоюродным дедом А.С. Пушкину. В 1772 г. он был произведен в генерал-майоры. В 1778 г. послан на Днепр для строительства Херсона. Умер в 1801 г. в звании генерал-аншефа.

[106] Шебека — парусно-гребное судно, обычно трехмачтовое, причем основным движителем был парус. Число пар весел колебалось от 8 до 12. Использовалось какторговое и военное судно. Особо любили шебеки алжирские и египетские пираты. Причем пираты, если ветер был легкий и дул с кормовых направлений, то на фок- и грот-мачтах ставили реи со сравнительно широкими прямыми парусами. Если ветер начинал дуть сбоку и прямые паруса не были достаточно эффективны, то пираты быстро снимали прямые паруса и их реи, а вместо них поднимали косые «латинские» паруса. В отличие от галер шебеки несли артиллерию среднего калибра по бортам: 12—30 орудий. Орудийные порты располагались на одном уровне с отверстиями для весел. При стрельбе гребля была невозможна.

[107] Полушкин Л.П. Братья Орловы. Легенда и быль. М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. С. 207.

[108] Ныне турецкий город Измир.

[109] Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В.Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др.: в 18 т. Петербург, 1911 — 1915.

[110] Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота, М. — СПб: ОЛМА-ПРЕСС - Изд. дом «Нева», 2000.

[111] Современный греческий остров Наксос.

[112] Варварийские пираты — пираты, суда которых базировались в Марокко, Алжире, Тунисе и Триполитании.

[113] Бриг —небольшое судно с двумя мачтами: грот- и фок-мачтами, на котором на грота-рее не было грота, а нижняя часть грот-мачты вооружена как бизань-мачта. Бриги использовались как торговые и военные суда. На военных бригах имелись весла, которые придавали бригу очень малый ход, но давали возможность уйти в штиль от неприятеля, как это сделал знаменитый бриг «Меркурий».

[114] Военная энциклопедия. Т. XVIII. С. 141.

[115] Чернышев А. А. Российский парусный флот. Справочник: в 2 т. М.: Воениз¬дат, 1997. Т. 1.С. 274.

[116] В различных источниках Алекси¬ано называют по-разному: Панакотти, Понеотти, Папооти.

[117] Фелюка (фелюга) — небольшое парусно-гребное судно. Обычно торговое, но встречались и вооруженные фелюки. Нос и корма фелюки были заострены, она не несла пушек и не имела характерного штевня галеры. На фелюке было 2 мачты: грот-мачта, стоящая вертикально посередине судна, и фок-мачта, смещенная очень близко к носу и наклоненная вперед. Бушприт короткий.

[118] Под таким именем проходил он в официальных документах, подлинное имя его самого и его отца неизвестны.

[119] В некоторых документах Мадзини.

[120] Обычно императрица выражалась ясно и четко.

[121] Юнга Е.С. Адмирал Спиридов. М.: Воениздат, 1957.

[122] Румелийские берега — европейские берега Проливов.

[123] Современное название Тассос.

[124] Всего под Андреевским флагом на май 1772 г. плавало 22 фрегата, включая корсарские: «Надежда Благополучия», «Надежда», «Африка», «Миневра», «Св. Николай», «Наксия», «Помощный», «Слава», «Парос», «Григорий», «Тино», «Архипелаг», «Делос», «Св. Павел», «Победа», «Констанция», «Запасный», «Андро», «Мило», «Микого», «Зея» и «Витория».

[123] Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). М. —Л.: Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1939. С. 101.

[126] Чичагов П.В. Записки. М.: Российский фонд культуры, студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 2002. С. 140.

[127] Там же. С. 146-147.

[128] Там же. С. 147.

[129] Название эскадры происходит от названия черногорского порта Дульциньо (современное название Улцинь).

[130] Иван Войнович сменил 5 октября 1771 г. грека Поникути, бывшего первым капитаном «Св. Николая».

[131] Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В. Н Алексеева. М.: Воениздат, 1976. С. 45.

[132] Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М.-Л. Изд-во АН. СССР, 1945. С. 87.

[133] ЦГАВМФ,ф. Шканечные журналы, корабль «Граф Орлов», № 114, 1772.

[134] Современное название Думьят, 45 км северо-западнее современного Порт-Саида.

[135] Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 129-130.

[136] Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. С. 93.

[137] Вообще-то «Соломбал» — 22-пушечный пинк (длина 36,6 м, ширина 9,5 м, осадка 3,8 м), пришедший вместе с эскадрой Спиридова. Но в отчете о сражении, данном 15 августа 1773 г. Елманову Спиридову, он числился фрегатом.

[138] Андрей Васильевич Елманов на службе с 1738 г. В ходе Семилетней войны последовательно командовал кораблями «Шлиссельбург», «Полтава», «Рафаил». В 1764—1768 гг. был главным командиром Казанского Адмиралтейства. В 1769 г. произведен в контр-адмиралы. Шел вместе с эскадрой Спиридова, имея флаг на корабле «Северный Орел», но по случаю повреждения корабля вернулся в Портсмут. В феврале 1770 г. на корабле «Европа» вышел из Портсмута в Архипелаг. В Чесменском сражении не участвовал, т. к. находился в это время на фрегате «Надежда Благополучия» на о. Менор-

ка, откуда вернулся только в январе 1771 г. В 1773 г. произведен в вице-адмиралы и вступил в командование всем архипелагским флотом вместо уволенного по болезни Спиридова. По возвращении в Россию награжден орденом Александра Невского и назначен командиром Ревельского порта. Умер в 1778 г.

[139] Русские называли греков албанцами, поэтому в так называемых «албанских» войсках греков было куда больше, чем настоящих албанцев.

[140] В настоящее время турецкий город Бодрум.

[141] Брадекугели, карказы — зажигательные снаряды. Разница в том, что карказ состоял из холщового мешка, наполовину заполненного порохом, а наполовину — зажигательным веществом. Мешок вкладывался в железную чашку (поддон) и скреплялся крестообразными железными полосами. Брандскугель — сферическая чугунная бомба, снаряженная зажигательным составом.

[142] Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

[143] Многие авторы полагали, что на батареях под Карсом стояли батарейные орудия. На самом деле там были 12-фунтовые пушки «средней пропорции» образца 1805 г., а «батарейные» пушки появились лишь в системе артиллерийского вооружения 1838 г., то есть через Шлет после описываемых событий.

[144] Орудия для батареи № 8 были сняты с батареи № 4, выполнившей свою задачу.

[145] А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. VI. С. 672-674.

[146] Там же. С. 674.

[147] Там же. С. 675, 676.

[148] Делибаш — турецкий кавалерист.

[149] А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VI. С. 677.

[150] Там же. С. 689-690.

[151] За этот подвиг А.Ф. Багговут был произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Св. Георгия III степени.

[152] Мюшира — высший воинский чин в Османской империи, маршал.

[153] Ферик — звание, соответствующее русскому генерал-лейтенанту.

[154] Вилайет — единица административно-территориального деления Турции.

[155] Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIXв. -1917г.М.:Учпедгиз,1960.С. 183.

[156] РГВИЯ.Ф. 2005. Оп. 1.Д. 17.

'"Армянский вестник. 1916 г., №45. С. 10.

[158] Арутюнян А.О. Кавказский фронт (1914-1917 гг.). Ереван, 1971. С. 341.

[159] Раздел Азиатской Турции. М., 1924. С. 209.

[160] Тамже. С. 212.

[161] Басилая Ш.И. Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968. С. 110-114.

[162] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 54.

[163] Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999. С. 81.

[164] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 223.

[165] А.С. Пушкин. История Петра / Полное собрание сочинений:в10т. Т. IX. С.413.

[166] Область в Грузии.

[167] Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 364-365.

[168] Пушкин А.С. История Петра / Полное собрание сочинений. Т. IX. С. 424-425.

[169] Ластовые суда — грузовые суда средних размеров.

[170] То есть встали твердою ногою.

[171] Гекбот — трехмачтовое парусное судно длиной 30,5 м и шириной 8,2 м. Обычно гекботы использовались как транспорты, но в этой экспедиции они действовали в качестве бомбардирских кораблей.

[172] Соловьев С М. Сочинения. Кн. IX. С 374-375.

[173] Там же. Кн. X. С. 387.

[174] Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 334-335.

[175] Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Главная редакция восточной литературы РАН, 1994. С. 67.

[176] Тамже.С.52.

[177] Политехник. 1970. № 10. С. 75-76.

[178] Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. С 79—80.

[179] Гернгросс Александр Алексеевич. Родился в 1851 г. Участник Русско-турецкой войны. С 1893 г. служил в Средней Азии. В 1897 г. полковник Гернгросс назначен главным начальником охранной стражи КВЖД.

[180] Тем более что у клана великих князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича, управлявших нашей артиллерией, имелись свои личные интересы в перевооружении армии 3-дюймовыми скорострельными пушками обр. 1900 г., которые они отдали на откуп Путиловскому заводу.

[181] Хунгузами (хунхузами) называли шайки профессиональных грабителей. Единого руководства у этих шаек не было, но они зачастую находились под покровительством местных китайских властей, с которыми делились частью добычи.

[182] Сановник, выполнявший обязанности премьер-министра.

[183] Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В.А.Золотарева. М.: Амбризо, 1994. С. 78.

[184] Тамже.С.81.

[185] Д.Д. Покотилов — представитель русского министерства финансов в Пекине и директор Пекинского отделения Русско-китайского банка.

[186] Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин. Альманах «Цитадель», СПб., 1999. С 26.

[187] Он тогда служил вахтенным начальником на броненосном крейсере «Россия».

[188] Ин — батальон: 500 человек пехоты или 250 кавалерии.

[189] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия и Китай: конфликты и сотрудничество». М.: Вече, 2004.

[190] Мищенко Павел Иванович. Родился в 1853 г. в Дагестане. В 1873 г. участвовал в Хивинском походе, в 1877—1878 гг. — в Ахал-Текинской экспедиции. В 1899 г. Мищенко перешел на службу в министерство финансов и был назначен помощником начальника Охранной стражи КВЖД.

[191] Голицын В. Очерк участия Охранной стражи КВЖД в событиях 1900 г. в Маньчжурии. Харбин, 1910. С. 54.

[192] Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Альманах «Цитадель». СПб., 1996. С. 67-70.

[193] Там же. С. 71.

[194] Там же. С. 110.

[195] Там же. С. 112.

[196] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Падение Порт-Артура». М.: АСТ; Ермак, 2003.

[197] Говоря о «вынужденных уступках», я имею в виду сотрудников Азиатского департамента МИДа, а не его главу — англомана и германофоба А.П. Извольского, который буквально понуждал всех, от царя до рядовых дипломатов, к уступкам японцам. Кстати, ведение дипломатических дел с Японией было возвращено МИДу в июне 1905 г., после упразднения Особого комитета Дальнего Востока, который ранее ведал сношениями с Китаем и Японией.

[198] Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927. С. 169-170.

[199] Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 г. - 31 декабря 1918 г.). М.: Политиздат, 1957. С. 46.

[200] Там же. С. 229.

[201] Дальневосточная республика (ДВР) — буферное государство, созданное большевиками на Дальнем Востоке.

[202] Первая была построена в 1906 г. в Японии для Китая, остальные две — бывшие германские канонерки «Фатерланд» и «Оттер», захваченные китайцами в 1917 г. на реке Янцзы.

[203] Термин «белогвардейские банды», по мнению автора, совершенно не приемлем к войскам Деникина, Юденича, Врангеля и др. Но здесь идет речь о группах людей, русских по национальности, не поддерживаемых ни военными, ни политическими эмигрантскими организациями, а состоявших на службе у туземных китайских властей. Члены этих банд не имели собственной формы, а действовали в форме красноармейцев, солдат китайской армии или в гражданской одежде. Уже это одно делало их по всем тогдашним законам войны бандитами, подлежащими военно-полевому суду.

[204] Шитик — небольшое палубное парусно-гребное судно с одной или двумя мачтами.

[205] Галиот — небольшое двухмачтовое (реже трехмачтовое) парусное торговое судно.

[206] Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред.

А.И.Андреева. М.: ОГИЗ, 1948. С. 231 — 232.

[207] Там же. С. 235-236.

[208] Там же. С272.

[209] Там же. С. 274.

[210] Там же. С.282,282.

[211] «Святой Петр» — длина по килю 17,07 м; ширина 5,79 м; осадка 2,74 м. Заложен в Охотске, спущен в 1768 г.

[212] АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 123.

[213] Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. С. 190-191.

[214] Там же. С. 191-192.

[215] Имеется в виду большое купеческое судно с парусным фрегатским вооружением, а не военный фрегат. В ряде источников «Юнона» именовалась бригом.

[216] Вообще-то полное название брига «Александр Суворов», но в документах Российско-Американской компании его обычно называли просто «Суворов».

[217] Тут речь идет о морских животных лахтаках, иначе именуемых «морскими зайцами».

[218] Шлюп «Предприятие» вышел из Кронштадта 28 июля 1823 г., 9 июня 1824 г. прибыл в Петропавловск, а затем перешел в Ново-Архангельск.

[219] Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815—1841. Сборник документов/Составители Т.С. Федорова, Л.И. Спиридонова. М.: Наука, 2005. С. 183.

[220] Шканцы — часть верхней палубы от грот-мачты до бизань-мачты, там обычно происходили встречи командования и почетных гостей.

[221] Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815-1841.С. 68.

[222] Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. С. 205—206.

[223] Там же. С. 227-229.

[224] Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982. С. 133.

[225] По другим данным, это случилось 30 марта 1806 г. (по ст. стилю).

[226] По другим источникам, она была падчерицей Шелихова.

[227] Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб., 1861. Ч. I. С. 252-253.

[228] Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. 4.1. С. 110.

[229] Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. С. 198, 199.

[230] Одна номинальная лошадиная сила— это расчетная единица. Она больше, чем фактическая (индикаторная) лошадиная сила. Во сколько раз больше — зависит от типа машины.

[231] Краббе Николай Карлович, полный адмирал. Родился 20 августа 1814 г.

С 1860 по 1876 г. управлял Морским министерством.

[232] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия выходит в Мировой океан». М.: Вече, 2005.

[233] Цит. по: Кремлев С. Русская Америка: Открыть и продать! М.: Яуза, 2005. С. 419-420.

[234] История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997. С. 152.

[235] Цит. по: Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. С. 130.

Содержание

Раздел I

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ **3**

Глава 1
Вотчина Господина Великого Новгорода 3

Глава 2
Как шведы захватили Неву и как их потом гнали до Стокгольма 18

Глава 3
Войны милых дам 29

Глава 4
Окончательное присоединение Финляндии 38

Глава 5
Становление Великого княжества 54

Глава 6
Финляндия в конце XIX — начале XX века 67

Глава 7
Отделение Финляндии 76

Глава 8
Как шведский барон создавал Великую Финляндию 92

Раздел II

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ **105**

Глава 1
Как гонористое панство допекло соседей и что из этого вышло 105

Глава 2
Наполеон, Александр и Герцогство Варшавское 109

Глава 3
Восстание 1831 г. и упразднение Царства Польского **121**

Глава 4
1863 г. — паны опять начинают и опять проигрывают 139

Глава 5
На пороге XX века 153

Глава 6
Детище мировой войны.....155

Раздел III

ПИРАТСКАЯ ГУБЕРНИЯ.....166

Глава 1
Как турки русского кота разбудили.....166

Глава 2
Пламя Чесмы.....177

Глава 3
Как граф Орлов основал Островную губернию.....201

Глава 4
В флибустьерском дальнем Белом море.....207

Глава 5
Будни корсаров.....218

Глава 6
Упразднение губернии.....230

Раздел IV

КАРСКАЯ ОБЛАСТЬ.....239

Глава 1
Три раза русские приходят и... уходят.....239

Глава 2
Присоединение Карской области.....259

Глава 3
Карская область Российской империи.....266

Глава 4
Первая мировая война и потеря Карса.....273

Раздел V

ЮЖНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАСПИЯ (Как Каспийское море двадцать лет было русским озером).....295

Раздел VI

ЖЕЛТОРОССИЯ.....304

Глава 1
Как Япония втянула Россию в маньчжурские дела.....304

Глава 2
Постройка КВЖД.....307

Глава 3
Основание Харбина.....315

Глава 4
Андреевский флаг над Порт-Артуром.....326

Глава 5
Война с «боксерами».....338

Глава 6
Накануне и после войны с Японией 354

Глава 7
Агония Желтороссии 371

Раздел VII

РУССКАЯ АМЕРИКА 386

Глава 1
«Колумбы русские» 386

Глава 2
Создание Российско-Американской компании 396

Глава 3
Гавайи и Форт Росс **415**

Глава 4
Продажа Аляски 427

Список использованной литературы 436

Примечания 441

Научно-популярное издание

ШИРОКОРАД Александр Борисович

УТЕРЯННЫЕ ЗЕМЛИ РОССИИ
От Петра I до Гражданской войны

Генеральный директор *Л.Л.Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н.Дмитриев*
Художник *А.В. Акимов*
Корректор *С.И. Смирнова*
Верстка *М. В. Субботина*
Подготовка к печати
художественного оформления —*Д.В. Грушин*

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05. от 08.12.2005 г.
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский Дом «Вече»
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 18.07.2006. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура NewtonC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 29. Тираж 5 000 экз. Заказ № 3982.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.